

ГОРОД И ВОЙНА

ХАРЬКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Российский государственный гуманитарный университет
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

ГОРОД И ВОЙНА

ХАРЬКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Безбородов А.Б., доктор исторических наук, профессор,
директор Историко-архивного института РГГУ

Гущин А.В., кандидат исторических наук, доцент Российского
государственного гуманитарного университета (Москва)

Куделко С.М., кандидат исторических наук, профессор
Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

Левченков А.С., кандидат исторических наук, доцент Российского
государственного гуманитарного университета (Москва)

Пивовар Е.И., член-корреспондент РАН, ректор Российского
государственного гуманитарного университета (Москва)

Посохов С.И., доктор исторических наук, профессор, декан
исторического факультета Харьковского национального
университета им. В.Н. Каразина

УДК 94(477.54).084.8

ББК 63.3(4Укр-2Харьков)622

Г 701

ФОНД РУССКИЙ МИР

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «Русский мир»*

Ответственный редактор:

член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор *Е. И. Пивовар*

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор *С. И. Посохов*

Составители:

С. М. Куделко, С. И. Посохов, Е. В. Дьякова

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор Харьковского гуманитарного
университета «Народная Украинская Академия» *В. И. Астахова*

Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной
Г 701 войны. — СПб.: Алетейя, 2012. — 568 с.

ISBN 978-5-91419-717-6

Сборник включает документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма, стенограммы и др.), в которых отражена история г. Харькова периода Великой Отечественной войны. Эти документы были созданы в различное время, начиная с 1941 года и вплоть до недавнего времени. Большая часть документов публикуется впервые.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94(477.54).084.8

ББК 63.3(4Укр-2Харьков)622

ISBN 978-5-91419-717-6

9

7 8 5 9 1 4 1 9 7 1 7 6

- © Российский государственный гуманитарный университет, 2012
- © Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2012
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	9
Предисловие	12
Раздел I. 1941–1945 гг.	
№ 1. Письмо И. И. Бакулина к брату Леониду	19
№ 2. Письмо И. И. Бакулина к жене Клавдии	19
№ 3. Из записных книжек харьковчанки Анны Даниловны Воликовой	21
№ 4. Из дневника М. А. Усыка. «День за днем. Харьков: 20.11.41–23.02.43 гг.»	23
№ 5. Стихотворение Б. Полушина (Чичибабина), написанное после разгрома немцев под Москвой	96
№ 6. Из донесения парторга ЦК КПУ А. П. Коротуна о работе подполья	99
№ 7. Из дневника А. Н. Истомина	111
№ 8. Из стенограммы беседы, проведенной с директором по учебной части Механико-машиностроительного института Иваном Федоровичем Богдановым	112
№ 9. Из стенограммы беседы, проведенной с доцентом кафедры неорганической и аналитической химии Химико-технологического института Екатериной Алексеевной Соколовой	126
№ 10. Из стенограммы беседы, проведенной с профессором Михаилом Ивановичем Сахаровым	132
№ 11. Из стенограммы беседы, проведенной в галерее им. Т. Г. Шевченко	155
№ 12. Из стенограммы беседы с Владимиром Петровичем Гуцевичем	159
№ 13. Из стенограммы беседы, проведенной с сотрудником Химико- технологического института Ниной Андреевной Веретенченко	162
№ 14. Из стенограммы беседы, проведенной с Анной Иосифовной Черненко	177
№ 15. Из стенограммы беседы, проведенной с Ниной Ивановой Пукаловой	189
№ 16. Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском университете с Д. А. Корниенко	196
№ 17. Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском сельскохозяйственном институте с проф. Мигулиным А. А., Телетовым И. С., Супруненко А. И., Смирновым В. Г. и Писчимуккой П. С.	210

№ 18. Из стенограммы беседы, проведенной с заведующим кабинетом начальной школы Книжной палаты Николаем Павловичем Арндтом	225
№ 19. Из стенограммы беседы, проведенной с директором библиотеки им. В. Г. Короленко Марией Ивановной Румницкой	226
№ 20. Из стенограммы беседы с Михаилом Николаевичем Марчевским ...	234
№ 21. Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском университете с Е. О. Шаталовой-Залесской, В. П. Бесединой-Невзоровой и И. Н. Нагибиным	242
№ 22. Из стенограммы беседы, проведенной с помощником директора Харьковского сельскохозяйственного института по административно-хозяйственной части Федором Александровичем Андреевым	263
№ 23. Из стенограммы беседы, проведенной с профессором Дмитрием Николаевичем Соболевым	265
№ 24. Из стенограммы беседы с Мартой Ансовной Ильинской-Центелович	269
№ 25. Из стенограммы беседы, проведенной с первым секретарем Кагановичского райкома ВКП(б) Александром Ивановичем Евсеевым	279
№ 26. Из стенограммы беседы с Ниной Кузьминичной Белоусовой	281
№ 27. Из стенограммы беседы, проведенной с заведующим кафедрой сельскохозяйственного машиностроения Сафроном Иульяновичем Лисовенко	289
№ 28. Из стенограммы беседы, проведенной с митрополитом Феофилом ..	300
№ 29. Из стенограммы беседы, проведенной с директором Харьковского инженерно-экономического института Николаем Николаевичем Дубинским	310
№ 30. Из стенограммы беседы, проведенной с профессором кафедры химической технологии харьковского инженерно-экономического института Павлом Ивановичем Введенским	317
№ 31. Из стенограммы беседы, проведенной в Украинском физико-техническом институте с И. П. Королевым и Г. А. Милютинным	321
№ 32. Из стенограммы беседы с заведующим плановым сектором Горторготдела Георгием Петровичем Захариным	337
№ 33. Из стенограммы беседы с профессором Евгенией Григорьевной Щербиной	341
№ 34. Из сочинения ученицы 6 класса школы № 126 г. Харькова И. Качкалды на тему: «Что я пережила во время немецкой оккупации»	349
№ 35. Сочинение ученицы 6 класса школы № 126 г. Харькова Людмилы Водотыки на тему: «Что я пережила во время немецкой оккупации»	350

№ 36. Сочинение ученицы 6 класса школы № 78 г. Харькова И. Буяльской на тему: «Что я пережила во время немецкой оккупации»	352
№ 37. Стихотворение В. Н. Татарина. «Возвращение в Харьков»	354
№ 38. Отчет И. Г. Синицына о подпольной работе в г. Харькове	354
№ 39. Из беседы с Владимиром Владимировичем Тищенко	359
№ 40. Из дневника заслуженной артистки Украины Л. И. Дерягиной.....	360

Раздел II. 1946–1991 гг.

№ 41. Из воспоминаний П. П. Коноваленко о подготовке к обороне г. Харькова и области в 1941 г.	361
№ 42. Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У А. И. Смирнова. «Патриоты».....	365
№ 43. Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У А. И. Смирнова о создании подпольной сети в городе	370
№ 44. Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У В. А. Рыбалова. «Иван Иванович Бакулин»	376
№ 45. Письмо вдовы подпольщика И. А. Попроскуна Н. Е. Григорьевой о деятельности и аресте мужа	378
№ 46. Из воспоминаний ректора Харьковского института инженеров коммунального строительства И. А. Игнаткина о начале войны.....	390
№ 47. Из воспоминаний В. И. Орябинского об освобождении Харькова от немецко-фашистских захватчиков в августе 1943 г.....	4019
№ 48. Из письма бывшего секретаря Харьковского обкома Компартии Украины Г. Г. Петрова о деятельности партийной организации в годы войны	407
№ 49. Очерк А. Ю. Лейбфрейда об истории архитектурного факультета Харьковской технической академии строительства и архитектуры в годы Великой Отечественной войны	413
№ 50. Из воспоминаний А. Ю. Лейбфрейда о судьбе личной библиотеки в годы оккупации	416
№ 51. Из рукописи военного историка полковника Н. Н. Гладкова «На харьковском направлении»	419

Раздел III. 1991–2011 гг.

№ 52. Из воспоминаний Ю. Н. Прокудина и А. М. Матвиенко	427
№ 53. Отрывок из мемуаров И. Д. Шамрай, «Непридуманное»	441
№ 54. Отрывок из воспоминаний Б. А. Гундера.....	452
№ 55. Отрывок из дневника народного артиста Б. М. Табаровского	460

№ 56. Из воспоминаний архитектора С. М. Петрова	460
№ 57. Из воспоминаний сотрудника Харьковской государственной академии городского хозяйства П. С. Каличенко. «Воспоминания солдата»	462
№ 58. Из воспоминаний харьковчанки Л. Р. Алкснис «Моя война»	464
№ 59. Воспоминания М. В. Вярвильского о жизни харьковчан в годы войны	487
№ 60. Из воспоминаний Л. Л. Овсянниковой «Харьков. Оккупация 1941–1943 гг.»	489
№ 61. Из воспоминаний харьковчанки Е. С. Гринченко о военном детстве	498
№ 62. Из воспоминаний сотрудницы политехнического университета И. М. Шептун	510
№ 63. Из воспоминаний В. Н. Понировского о гибели советских летчиков в августе 1943 г.	512
Комментарии	513

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сборник документов «Город и война: Харьков в 1941–1945 гг.» включает документы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма и др.). Они возникли в различные периоды (с начала Великой Отечественной войны и вплоть до недавнего времени). Особенностью этих документов является то, что они не публиковались (или же тиражировались ограниченным числом экземпляров) и не известны широкому кругу читателей. Собранные материалы хранятся в различных архивах, музеях, рукописных собраниях, а также в семейных коллекциях. Всего в сборнике помещено 63 документа. Эти документы подаются как полностью, так и фрагментарно, в сокращенном виде. Как правило, изымалась нетематическая часть документа. Отдельные воспоминания, несмотря на их очевидную научную ценность, сокращены из-за значительного объема.

Документы публикуются на языке оригинала. В них, с одной стороны, соблюдаются правила современной орфографии, а, с другой — сохраняются стилистические особенности эпохи. Различные изменения почерка, вставки, правки (зачеркивания и т. п.), изменения способа воспроизведения при передаче текста, как правило, не отмечались. Очевидные орфографические, синтаксические ошибки (опечатки и др.) исправлены без специальных оговорок. Необходимые уточнения даны в квадратных скобках или вынесены в примечания. Заголовки документов даны как их создателями, так и составителями. Научно-справочный аппарат издания включает в себя развернутые комментарии.

Составители выражают благодарность Фонду «Русский мир» за поддержку данного проекта, научным сотрудникам Российского государственного гуманитарного университета и особенно А. В. Гушину и А. С. Левченкову за консультации и содействие при подготовке данного издания, сотрудникам Государственного архива Харьковской области (директор Л. М. Момот), Центрального государственного архива научно-технической документации (директор Е. В. Семенов), отделу «Украиника» Харьковской государственной научной библиотеки имени В. Г. Короленко (заведующая Н. И. Полянская), Музея истории Харьковского национального технического университета «ХПИ» (директор А. В. Быстриченко), Музейного комплекса Харьковской национальной академии городского хозяйства (директор Т. П. Елисеева), Музея истории Харьковского национального университета строительства и архитектуры (директор Н. А. Белостоцкий), сотрудникам Центра краеведения им. П. Т. Тронько Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (директор С. М. Куделко), зав. сектором библиотеки Харьковской национальной академии городского хозяйства Н. П. Трипутиной, библиографу Харьковской музыкально-театральной библиотеки имени К. С. Станиславского Т. Б. Бахмет, харьковчанам, предоставившим свои свидетельства и воспоминания своих близких.

Выражаем также свою признательность сотрудникам издательства «Алетейя» (директор И. А. Савкин) и особенно редактору книги Н. Р. Андриановой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Харьков в годы Великой Отечественной войны — это особая страница в истории кровопролитного столкновения, за которым в народной памяти и в историографии закрепился эпитет «священная война». Сражения на Харьковщине, и непосредственно за Харьков, носили необычайно ожесточенный характер. Достаточно сказать, что город дважды переходил из рук в руки (а некоторые населенные пункты области — четыре раза).

«Первая столица Украины»*, как иногда величают Харьков, был одним из самых значительных городов Европы, захваченных Германией и ее союзниками в годы Второй мировой войны. Его население к маю 1941 года превысило 930 тысяч человек, а промышленный потенциал оценивался как третий в СССР. Такое же место занимал в стране Харьков и как железнодорожный узел.

Выступая на совещании высшего военного командования 4 августа 1941 года, А. Гитлер сказал: «Для принятия решений о продолжении операции определяющей является задача лишения противника жизненно важных районов. Первая достижимая цель — Ленинград и русское побережье Балтийского моря... На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности, Донецкий бассейн, начиная от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских»**.

Опуская рассказ о подготовке к войне (а сделано в этом направлении было немало), отметим необычайно быстрый переход предприятий города на выпуск военной продукции с началом войны: завод им. Коминтерна*** увеличил выпуск танков Т-34, а авиационный завод — самолетов-разведчиков Су-2, ХТЗ освоил производство легкого танка Т-60, минометы стали выпускать турбогенераторный и завод «Серп и Молот», другие предприятия также стремительно перешли на выпуск снарядов, бомб, гранат и другой военной продукции. Одновременно была создана маскировка железнодорожного узла и других стратегических объектов.

В первые дни и месяцы войны более 100 тысяч харьковчан принимали участие в создании оборонительных укреплений вокруг города. Миллионы рублей собрали харьковчане в Фонд обороны. Тысячи и тысячи добровольцев призывных возрастов подали заявление с просьбой направить их

---

* В 1919-1934 гг. Харьков был столицей УССР.

** Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941–1945 гг. — М.: Наука, 1973. — С. 225, 226.

*** В настоящее время завод им. В. А. Малышева.

в действующую армию. Среди них было и 3 200 бойцов студенческих батальонов. Харьков стал центром формирования 18-й армии, которая была направлена на запад и вела бои в районе реки Прут.

Жизнь в городе в предоккупационный период становилась все более суровой в связи с неудачными боями на западе и быстрым продвижением вражеских войск на восток. С июля месяца все большее число товаров распределялось по карточкам.

27 июля немецкая авиация впервые бомбила главный город самого восточного региона Украины. С августа бомбардировки города происходили ежедневно, а 14-го числа первый немецкий самолет был сбит над Харьковом. Город чем дальше, тем больше наполнялся эвакуированными из Киевской, Черниговской и других областей, а также ранеными красноармейцами. Было развернуто большое число эвакуационных пунктов и госпиталей. Население города превысило 1 миллион человек.

В августе началась эвакуация предприятий и жителей Харькова. До 20 сентября только железнодорожным транспортом было вывезено 320 эшелонов оборудования, 275 эшелонов с работниками предприятий, учреждений и членов их семей, а также 56 санитарных поездов.

Планы советского командования подготовить под Харьковом крупное сражение не удалось осуществить из-за быстрой смены оперативной обстановки в пользу противника. Начался спешный демонтаж и уничтожение невывезенного оборудования. Накануне оставления города были выведены из строя системы отопления, канализации и водоснабжения, были приведены в негодность инженерные коммуникации. 19 октября остановился городской транспорт, а 22-го — из города ушел последний локомотив.

Сражение за Харьков 1941 года носило кровопролитный характер не только на подступах к городу, но и на его улицах велись бои. Во избежание окружения части 38-й армии, оборонявшие город, получили приказ Главнокомандования покинуть его. Преодолев сопротивление, немецко-фашистские войска 24 октября ворвались в город, хотя в отдельных районах города бои продолжались еще сутки.

С первых дней оккупации был введен комендантский час с 16.00 до 6.00 утра, а для устрашения и деморализации населения на балконах домов центральных улиц было повешено 116 человек. Это были случайно схваченные люди, их тела под страхом казни было запрещено снимать в течение нескольких дней.

Была организована Городская управа из числа местных коллаборационистов, главным «достижением» которой была организация принудительной отправки трудоспособных горожан на работу в Германию и депортация еврейского населения в гетто. Попытки Управы проводить самостоятельную политику, прежде всего, в области украинизации, особого успеха не имели.

Оккупанты установили в городе жестокий режим, целью которого было массовое уничтожение местного населения. В городе были созданы концентрационные лагеря. В декабре 1941 года в Дробицкий яр* на восточной окраине города были согнаны, а до середины января расстреляны более 15 тысяч лиц еврейской национальности. Оккупанты умертвили почти тысячу пациентов психоневрологических больниц. Тотальному уничтожению подверглись цыгане. За малейшее нарушение многочисленных немецких предписаний следовала суровая расправа вплоть до смертной казни. Из «новаций», которые гитлеровцы применили в городе, были «душгубки» («газвагены»), опыты над детьми по забору крови для раненых летчиков люфтваффе. В результате террора, голода, болезней, насильственного угона в Германию, а также вынужденной эвакуации из почти миллионного населения ко времени освобождения города оставалось менее 200 тысяч жителей.

Об этом времени известная актриса Л.М. Гурченко** в своей книге «Мое взрослое детство» вспоминала так: «Выпал снег. Начались холода. Постепенно все, что составляет человеческий организм, перестроилось на волну: «хочу есть», «как и где достать поесть», «не умереть с голоду». В городе самым «романтическим» стало слово «грабировка». Что это такое? Если бомба попадала в склад с продуктами, люди, вооружившись мешками и ведрами, толпой, толкая и обгоняя друг друга, бежали «грабить». Многие не возвращались. Немцы расстреливали тех, кто замешкался и не успел скрыться. Люди хватали все подряд, что близко лежало, не нюхая, не читая надписи на ящиках. Лишь бы вырвать добычу и поскорее унести ноги [...]. Процветали грубые и крепкие. Они приняли железную логику — или ты, или тебя... Эти люди будто вынырнули из-под земли. Одни работали у немцев. Другие — открывали лавочки, кафе. А самые страшные стали полициями. Их боялись больше, чем немцев. Если полицейский кого-то невзлюбит... Все! Полицию достаточно намекнуть немцу, что ты связан с партизанами... И тогда — конец! Люди боялись друг друга. Разговаривали шепотом, с оглядкой»***.

Выдающийся антрополог и анатом, доктор медицинских наук, профессор Л. П. Николаев**** 12 января 1943 года записал в своем дневнике:

* Одно из мест массового уничтожения мирного населения гитлеровцами в г. Харьков.

** Гурченко Людмила Марковна (1935–2011) — киноактриса, народная артистка СССР (1983). Родилась в Харькове.

*** Гурченко Л. Мое взрослое детство. — М., 1982. — С. 29, 42.

**** Николаев Лев Петрович (1898 – 1954) — антрополог и анатом, доктор медицинских наук (1935), профессор (1935). Окончил естественное отделение Парижского университета (1916) и Харьковский медицинский институт (1920). В 1924–1936 гг. — заведующий кафедрой анатомии Харьковского университета, с 1929 заведующий отделом биомеханики Украинского НИИ ортопедии и травматологии в Харькове. Специа-

«Вчерашний день останется памятным для моей семьи. Мне, по-видимому, удалось спасти семью от голодной смерти, по крайней мере, до лета. Я познакомился с двумя мелкими немецкими чиновниками, работающими в учреждении по снабжению продовольствием немецкой армии. Они выписывают ордера на продовольствие и, в частности, на муку. Как и многие другие немцы, оба чиновника — воры и взяточники. Я принес им имеющиеся у меня золотые вещи — кольца и брошки жены. У них глаза разгорелись. За три золотые вещицы они мне выписали 150 кг муки, т. е. почти десять пудов. Сегодня я ходил получать эту муку на мельнице. Выдали. Эта мука оказалась дважды краденной: сперва немцы украли ее у украинских крестьян, а затем эти чиновники украли ее у собственного продовольственного учреждения. В мирное время я, конечно, не купил бы краденного. Но теперь, когда мы погибаем от голода, какая может быть мораль! Кроме того ведь эти кражи ослабляют мощь немецкой армии! А главное — это спасет мою семью от голода! В будущем возможны еще подобные же приобретения. Чиновники обещают поменять золотые вещи на сало или на масло. Да! Мы спасены»*.

Несмотря на жестокий террор, тысячи харьковчан включились в борьбу с оккупантами. Они вступали в схватку с врагом поодиночке и группами. В городе было оставлено партийное и комсомольское подполье под руководством соответственно И. И. Бакулина** и А. Г. Зубарева***. Но в начале 1942 года подпольные обкомы партии и комсомола были разгромлены,

---

лист области биомеханики и протезирования. Разрабатывал научную стандартизацию одежды и обуви. Изобрёл несколько антропометрических приборов.

* Николаев Л. Под немецким сапогом: Выписки из дневника: октябрь 1941 г. — август 1943 г. (часть первая) // <http://marie-olshansky.ru/ct/lev-nikolajev1.shtml> — Название с экрана. — 18.02.2012 г.

** Бакулин Иван Иванович (1900–1942) — секретарь Харьковского подпольного обкома партии в годы Великой Отечественной войны. Родился в с. Хотунок (сегодня в составе г. Новочеркасск Ростовской обл.) в крестьянской семье. В мае 1942 г. Бакулин был арестован, а в сентябре того же года умер от побоев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. И. И. Бакулина присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Награжден орденом Ленина.

*** Зубарев Александр Гордеевич (1916–1942) — секретарь Харьковского подпольного обкома комсомола (первого состава). Родился в семье рабочего в с. Дружковка (сегодня — город в Донецкой обл.). В начале 1942 г. гитлеровцам с помощью предателя удалось напасть на след подпольщиков. 23.01.1942 г. Зубарев вместе с Никитиной и ее матерью был арестован. По словам очевидцев, гестаповцы жестоко пытали Зубарева, но он держался стойко. В ночь на 15.02.1942 г. Зубарев вместе с Никитиной был казнен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Александру Гордеевичу Зубареву присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Награжден орденом Ленина.

а их руководители и ближайшие соратники погибли в фашистских застенках. Невероятную смелость проявили харьковские врачи, оставшиеся в оккупации. Они спасали военнопленных, раненных, окруженцев от смерти и неволи, а молодежь от насильственного вывоза в Германию. До сегодняшнего дня с чувством безграничной благодарности многие люди бывшего Советского Союза вспоминают медперсонал 9-й больницы во главе с профессором А. И. Мещаниновым*, медработников 1-й больницы во главе с В. Ф. Никитинской (Труфановой)**, врача-фтизиатра 2-го туберкулезного диспансера К. А. Илиади***. Сострадание и участие в судьбе оказавшихся в оккупированном Харькове красноармейцев принимали многие обычные люди, пряча их у себя дома, делясь с ними последним куском хлеба.

Впрочем, были и такие, кто приветствовал приход нацистов уже исходя из своих антисоветских настроений. Так, один из местных писателей, А. Любченко****, в своем дневнике отметил: «... партизаны и разные другие

* Мещанинов Александр Иванович (1879–1965) — руководитель патриотической подпольной медицинской организации во время немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны, хирург, профессор (1935), доктор медицинских наук (1936), член Харьковского научно-медицинского и Областного хирургического обществ, почетный член общества хирургов УССР. Родился в г. Путивль Курской губ. В начале Великой Отечественной войны руководил госпиталем, который развернулся на базе 9-й больницы. Когда в октябре 1941 г. на Холодной горе шли оборонные бои, приказал медперсоналу идти на улицы подбирать раненых красноармейцев и переносить их в помещение поликлиники. Во время немецкой оккупации предоставлял советским раненым и военнопленным не только медицинскую, но и материальную помощь, находил убежище, обеспечивал продуктами, одеждой, документами, спасая от плена и смерти. Харьковские медики под его руководством спасли около 3 тысяч советских солдат и офицеров. После войны продолжал руководить 9-й больницей, читал лекции в Институте усовершенствования врачей. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

** Никитинская (Труфанова) Валентина Федоровна (1909–1990) — врач, кандидат медицинских наук. До войны работала в больнице № 9, которой руководил А. И. Мещанинов. В первую оккупацию помогала ему в спасении советских военнопленных, во вторую оккупацию была переведена в 1-ю городскую больницу, где возглавила собственную подпольную организацию, помогла бежать советским военнопленным, находившимся в концлагере, расположенном в 13-й школе.

*** Илиади Ксения Александровна (1895–1970-е гг.) — врач-фтизиатр тубдиспансера № 1. Родилась в с. Бардары Кишиневского уезда Бессарбской губ. (ныне — Молдова). Находясь в оккупации, помогала молодым людям избежать принудительной отправки на работу в Германию: делала молодым людям несложные операции, выдавала фиктивные справки. После войны до пенсии продолжала работать во 2-м тубдиспансере.

**** Любченко Аркадий Афанасьевич (1899–1945) — писатель. Приветствовал приход немцев в 1941 г., сотрудничал в харьковской газете «Нова Україна».

большевистские агенты работы не прекращают. Население не выдает их, боится, ждет. Раз так — пусть само население гибнет с голода, холода, черт с ним! Таких граждан и «компатриотов» нам, естественно, не надо. Сбереечь бы только украинцев, сознательных и полезных, быстрее б их объединить, вытянуть на свой ясный, хотя и опасный свет. А вся та сволочь — пусть пропадает...!»*.

Конечно, для подавляющего большинства харьковчан период оккупации стал временем неисчислимых бедствий. Впрочем, следует отметить, что кое-кто сумел неплохо устроиться и при оккупантах. Приехавший в феврале 1943 г. в Харьков известный английский журналист А.Верт в своей книге «Россия в войне 1941–1945» запечатлел рассказ одной харьковчанки, которая ему призналась, «что при оккупации ей жилось лучше, чем большинству людей. Она работала в парикмахерской у главного вокзала и 50% своей выручки отдавала хозяину-украинцу. Парикмахерская была маленькая, но работы было очень много»**.

История немецко-фашистской оккупации и борьбы с ней достаточно ярко описана очевидцами тех событий (и с той, и с другой стороны). Эта тема стала сюжетом ряда монографических исследований и диссертационных работ***.

16 февраля 1943 года советские войска первый раз освободили Харьков в ходе военной операции «Звезда». Но только месяц сумели его удержать и 15 марта были вынуждены вновь оставить.

Вторая, менее продолжительная оккупация города (чуть больше пяти месяцев) по воспоминания переживших ее харьковчан, была более мучительной, чем первая. В апреле 1943 года в Харьков приезжал рейхсминистр внутренних дел Германии Г. Гиммлер. Выступая перед офицерами танкового корпуса СС, он заявил: «Здесь, на Востоке, решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены как люди и как военная сила и захлебнуться в своей собственной крови»****.

Всего оккупация длилась 641 день, и за это время по разным причинам погибло более 300 тысяч мирных жителей, т. е. ежедневно умирало примерно 470 человек. В оккупированном городе погибли от голода и болезней

В 1943 г. эмигрировал на Запад. В 1941–1945 гг. вел дневник, в котором запечатлено его видение происходивших в Харькове событий.

* Щоденник Любченка Аркадія (2/XI-41 р.-21/II-45 р.). — Львів, Нью-Йорк: вид-во М.П. Коць, 1999. — С. 19–20.

** Верт А. Россия в войне 1941–1945 / Пер. с англ. — Смоленск: Русич, 2003. — С. 384.

*** Скоробогатов А. В. Харків у часи німецької окупації (1941–1943) / А. В. Скоробогатов. — Х. : Прапор, 2004. — 368 с. и др.

**** Цит. по: Пономаренко Р. 1943. Дивизия СС «Рейх» на Восточном фронте / Р. Пономаренко. — М.: Яуза -Пресс, 2010. — С. 283.

знаменитый зоолог академик А. М. Никольский*, академик архитектуры А. Н. Бекетов** («харьковский Росси» как его иногда называли), знаменитый украинский живописец и бывший президент Академии искусств Украины, заслуженный деятель искусств Н. Г. Бурачек*** и многие другие.

Окончательное освобождение Харькова свершилось 23 августа 1943 года войсками Степного фронта (при поддержке Воронежского и Юго-Западного фронтов) в ходе операции «Полководец Румянцев». Оно было отмечено 20 артиллерийскими залпами в Москве. Это был второй случай в истории Великой Отечественной войны, когда Москва салютовала освободителям. Освобождение Харькова явилось заключительным этапом Орловско-Курской битвы, которая знаменовала собой завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Об этом историческом событии сегодня свидетельствует Национальный мемориал «Высота маршала И. С. Конева» под Харьковом.

30 августа у лучшего в мире памятника гениальному украинскому поэту Т. Г. Шевченко**** на главной улице города — Сумской — состоялся общегородской митинг. На нем присутствовало более 25 тысяч человек. На трибуне находились первый секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев, выдающиеся полководцы Г. К. Жуков, И. С. Конев, знаменитые украинские писатели Максим Рыльский, Павло Тычина и другие.

Начался третий период в военной истории Харькова — период восстановления и эвакуации. Вопрос о положении города стал предметом специального рассмотрения на Совнаркоме СССР «О неотложной помощи г. Харькову». И такая помощь вскоре стала поступать из восточных, не опаленных войной районов страны.

---

* Никольский Александр Михайлович (1858–1942) — биолог, путешественник, педагог, популяризатор науки, профессор Харьковского университета (1903), академик Академии наук Украины (1919). В России создано Герпетологическое общество имени А. М. Никольского.

** Бекетов Алексей Николаевич (1862–1941) — архитектор, академик архитектуры (1894), доктор архитектуры (1939), заслуженный деятель искусств Украинской ССР (1941). Работал в Харькове преимущественно в архитектурных традициях русского классицизма. Построил несколько зданий, которые являются «визитной карточкой» города.

*** Бурачек Николай Григорьевич (1871–1942) — живописец, сценограф, актёр, педагог, писатель, историк искусства, заслуженный художник УССР (1936), заслуженный деятель искусств УССР (1941). С 1925 г. жил и работал в Харькове. Автор многих публикаций по искусствоведению.

**** Монумент расположен в городском саду им. Т. Г. Шевченко со стороны ул. Сумской. Создан в 1935 г. по проекту скульптора М. Манизера и архитектора И. Лангбарда в стиле соцреализма. Общая высота монумента — около 16 м, высота статуи Тараса Шевченко — 4,5 м. Памятник является одним из символов Харькова.

Удивительно, но прямо на глазах, день за днем оживал, казалось бы, умерший город. Уже в первые дни после освобождения начали работать райсоветы, городское бюро продовольственных и промышленных карточек. 29 августа, например, открыл свои двери Харьковский зоопарк и возобновило деятельность Управление главного архитектора города. С 5 сентября на учебу пошли ученики начальных классов, а с 1 октября — 5–10 классов. В октябре начались занятия во многих вузах, в т. ч. и в Харьковском университете. Для восстановления города был создан специальный институт «Горпроект». В ноябре город получил электричество из восстановленной электростанции и в связи с этим пришел в движение трамвай. До конца 1943 года в Харькове открыли двери театр музыкальной комедии, библиотеки, больницы и поликлиники, аптеки, бани, парикмахерские и кинотеатры.

13–15 декабря 1943 года в зале академического театра оперы и балеты проходил первый в истории публичный судебный процесс над немецко-фашистскими захватчиками*. Его широко освещали советские и зарубежные журналисты. На процессе присутствовали известные писатели, поэты, деятели культуры: Алексей Толстой, Илья Эренбург, Константин Симонов, Леонид Леонов, Максим Рыльский. Этот суд стал своеобразной прелюдией к Нюрнбергскому процессу.

1944 год ознаменовался пуском многих заводов и фабрик. В июле была отменена светомаскировка и возобновилось освещение улиц. Вскоре появились троллейбусы, а 23 августа, в честь первой годовщины освобождения, на главной площади города — им. Дзержинского** состоялась грандиозная выставка «Освобожденная Харьковщина».

На начало 1945 года население города выросло до 460 тысяч человек (50% довоенной численности). С ликованием харьковчане узнали о завершении войны в Европе, а в начале сентября было объявлено о победе над милитаристской Японией.

В необычайно сложных условиях город залечивал раны войны, которые даже сегодня еще дают о себе знать, в т. ч. страшными находками боеприпасов, неразорвавшихся снарядов и бомб.

---

* Для проведения суда в октябре 1943 г. в Харькове работала Чрезвычайная Государственная комиссия. Были вскрыты захоронения в Дробицком яру, Лесопарке, Сокольниках, в районных центрах области, допрошены свидетели и потерпевшие. 5–18 декабря 1943 г. в помещении оперного театра (по ул. Рымарской, 21) состоялся трибунал 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции А. Мясникова. Обвиняемыми были капитан военной контрразведки В. Лангхельд, зам. командира роты СС Г. Риц, сотрудник харьковского гестапо Р. Рецлав, коллаборант, шофер душегубки М. П. Буланов. Суд приговорил обвиняемых к казни через повешение. 19.12.1943 г. на площади возле Благовещенского базара они были казнены. Этот суд считается предтечей Нюрнбергского процесса.

** В настоящее время — пл. Свободы.

Харьковчане внесли свой вклад в победу над фашизмом, как на фронте, так и в тылу. В послевоенное время в Харькове проживало 120 Героев Советского Союза и 9 полных кавалеров ордена Славы.-

Наш рассказ будет неполным, если мы не отдадим должное харьковчанам-создателям чудо-танка Т-34 — лучшего среднего танка Второй мировой войны, в «Обращении к солдатам» накануне операции «Цитадель»* А. Гитлер писал: «Русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков**»). Или если мы не вспомним о первом в истории использовании радиоуправляемых мин, когда по сигналу, посланному из Воронежа, взлетело в воздух здание по ул. Дзержинского***, 17, в котором размещался немецкий штаб во главе с генералом Г. фон Брауном.

Даже беглый анализ документов, представленных в данном сборнике, дает возможность сделать вывод о том, что в самом главном и существенном, оценки событий, полученные в ходе войны и сразу же после её завершения, с небольшими модификациями сохранились до нашего времени. Уточняются лишь детали, смещаются акценты, уходит однозначность в характеристиках, появляются новые источники, становятся известными иные мнения****. Война для многих людей стала событием, изменившим их жизнь. Героическое и трагическое переплелось, но исторический масштаб этого события и сегодня не вызывает сомнения.

---

* Курская битва.

** Цит. по: Пономаренко Р. 1943. Дивизия СС “Рейх” на Восточном фронте / Р. Пономаренко — М.: Яуза-Пресс, 2010. — С. 317.

*** Современное название — ул. Мироносицкая.

**** Семененко О. Харків, Харків... / Олександр Семененко. — Мюнхен : Су-часність, 1976 и др.

Раздел I

1941–1945 гг.

№ 1

Письмо И. И. Бакулина к брату Леониду

Харьков, 16-VIII-1941 года

Дорогой брат!

Давно не получаю от тебя никаких вестей. Предполагалось, что в летние каникулы я с Клавдией Ивановной¹ приеду к Вам; но более серьезные обстоятельства заставили забыть об отпуске и более, чем когда-либо, заняться работою.

Я — все там же и на прежней работе. Просился добровольцем на фронт, но пока не пускают. Назначен комиссаром батальона народного ополчения, готовился достойным образом набить морду зарвавшейся фашистской сволочи.

Племянники — Александр и Николай, наверное, на фронте. Напиши, как их дела.

Привет всем родным

Твой брат [И. И. Бакулин]

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-11278, оп. 1, д. 4, л. 6. Оригинал, автограф, машинопись)

№ 2

Письмо И. И. Бакулина к жене Клавдии

13 октября 1941 года Харьков.

Милая, дорогая моя Клава!

10 сего октября впервые получил от тебя весточку в виде коллективной телеграммы из Карпакчи кажется, так называется эта станция в Казахстане: телеграммы твоей нет сейчас под рукою. В тот же день дали вам по телеграфу коллективный ответ на Алма-Ату до востребования, а

на другой день по тому же адресу я послал тебе телеграмму-молнию. В телеграммах я сообщал, что институт² будет переводиться не в Омск, а в Ташкент. Люди наши преподаватели, студенты в основном выехали; но вывозка имущества пока задерживается из-за отсутствия вагонов. Мы поэтому предупреждали вас, чтобы вы от конечного пункта движения эшелона никуда не двигались, а ожидали нашего вызова. Вчера Дмитренко получил новую телеграмму из Чили³, из которой мы сделали заключение, что эшелон в Алма-Ату не пошел и что вас высадили в Чили. Сегодня посылаю тебе телеграмму по новому адресу, а также перевожу телеграммой 1000 рублей денег. Такую же сумму направляю, на всякий случай через моего заместителя по партбюро тов. Дубровного Ивана Павловича, который должен сегодня выехать из Харькова в Ташкент с эшелоном транспортного института. Я договорился с Дубровным, чтобы он с промежуточной станции например, с Уральска дал тебе телеграмму на Чили до востребования с тем, чтобы ты встретила этот эшелон. Кроме денег он передаст тебе одно место вещей. В этом месте я уложил наиболее ценные свои книги, ковер, патефон и твои галоши. Думаю, тебе это пригодится, хотя бы для продажи, а здесь в Харькове может пропасть.

Дорогая моя, после твоего отъезда 22 сентября со всей остротой почувствовал одиночество. Не было никакой физической возможности оставаться в пустой, холодной квартире. Прожил я в ней пару дней и сбежал на квартиру к Дубровному, который также остался одиноким после отъезда семьи. Голодать мне, однако, не приходилось, так как Иван Павлович оказался великолепным мастером по приготовлению пищи. Раздобыли кое-каких продуктов и прекрасно питались. В квартире Дубровного, как и у нас, нет плиты, а паровое отопление бездействует; поэтому мы перекочевали в квартиру тов. Дмитренко. Здесь нам и не голодно и тепло. Но сегодня тов. Дубровский уезжает и мы остаемся вдвоем с Дмитренко.

С отъездом института я совсем окажусь одиноким, так как важные обстоятельства задерживают меня в Харькове. Безумно скучаю по тебе, но дело защиты родины столь серьезно, что у коммуниста не должно быть на сей счет никаких колебаний. Крепко надеюсь, что после разгрома лютого врага мы снова увидимся и заживем на славу.

Крепко-крепко прошу тебя беречь свое здоровье. Немедленно поставь меня в известность о своем постоянном адресе, без чего мне просто трудно высылать тебе деньги. С посылкою, писем или телеграммы не медли, так как военная обстановка может изменить и мой адрес. Данное письмо пишу тебе в 2-х экземплярах: один посылаю почтой, а другой вручаю тов. Дубровному.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-11278, оп. 1, д. 5, л. 1. Копия, машинопись).

№ 3*

Из записных книжек харьковчанки Анны Даниловны
Воликовой⁴[...] 1941 сентябрь⁵

1) [сентября]

Яблоки 2 кило[грамма]	6 р.
Баклажаны 6 ½ к[илограммов]	8 р.
Иголки и капуста 1 кг	80 [копеек]
Лук 2 ½ к[илограмма] и морква ½ к[илограмма]	3 р. 35 [коп.]
Цыпленок резан[ый] 1 шт.	10 р.

6) [сентября]

Мясо 500 гр.	5 р.
Картофель 1 к[илограмм]	2 р.
Творог 2 бл[юдца].	4.50
Яйца 2 шт. и пшеничка 1[килограмм]	2.30
Булка 800 гр.	3.28
Керосин 2 л.	1.30
Сметана 400 гр.	3.80
Молоко ½ литра	1.50
Колбаса варен[ая] гад[???] 400 гр.	6.25
Водка 1 литр	24 р.
Огурцы 1 дес[яток]	2 р.

9) [сентября]

Баранина ½ к[илограмма]	7 р.
Картофель 2 к[илограмма]	3 р.
Яйца 15 шт.	14 р.
Хлеб черн[ый] 2 к[илограмма] и белый	5 р.
Перец слад[кий] 10 шт. и коренья	1.80
Жито и пшеничка кур[???] 10 ст[аканов]	3.50
Яблоки 4 шт.	1.20
Помидоры ½ к[илограмма] и сливы 200 гр.	1.60
Керосин 2 литра	1.30
Потрох цыпл[енка]	3 р.
Макароны ½ к[илограмма]	1.65
Лекарство Гали	2.13

12) [сентября]

Хлеб серый 2600 гр.	2.40
Баранина 800 гр.	10.40

Творог 600 гр.	4.65
Булка 4 шт.	5 р. 56
Сметана 400 гр.	4.40
Молоко 1 литр	2 р.
Картофель 10 к[илограммов] и 2 кучки	15 р.
Сливы разн[???] 2700 гр.	8.75
Яблоки ½ к[илограмма]	1.50
Баклажаны 1 к[илограмм] и 3 ш[туки]	1.80

15) [сентября]

Хлеб серый 1к[илограмм] коммерч[еский]	3.40
Ячмень 12 ст[акан] и пшеницы	8 р.
Кукуруза 5 колоск[ов]	1.75
Караси 5 шт.	4 р.

16) [сентября]

Сметана 500 гр.	5.50
Капуста 2 голов[ки]	— 50
Творожное тесто ½ к[илограмма]	2.65
Творог ½ блюда	1.50
Хлеб 600 гр.	— 60

[...] Май 1943 г.**20) [мая]**

Бурак кисл. 1 шт.	3 р.
Яйца 1 десяток	200 р.
Мясо и печенка 400 гр.	320
Масло слив. 100 гр.	120
Фасоль 4 стак.	60 р.
Молоко 2 литра	120 р.
За прием у полик.	20 р.
Редиска 1 пучок	10 р.
Мука хорош. 4 к[илограмма].	1370 р.
За форсунку упл	20 р.
Картошка 3 к[илограмма]	60 р.
Молоко 1 л.	50
Сало свин. 200 гр	220 р.
Чулки прост. 2 п. ч.	475 р.
Сахарн. песок 2 к[илограмм]. 100 [грамм]	600 р.
Хлеб н. 3 к[илограмма]. 300 гр.	300 р.
Масло сливоч. 300 гр.	360

27) [мая]

Керосин 1 литр	70 р.
----------------	-------

Уголь плам. 1 в[едро]. и др.	75 р.
Молоко 1 литр	60 р.
За прием к врачу	20 р.
Хлеб 2 200 гр. н.	200 р.
Мясо 500 гр.	150
Яйца 1 дес[яток].	200
Творог 1 бл[юдце].	50 р.
Сметана 1 стак[ан].	30 р.
Крахмал 4 стак[ана].	130

[...] 1945 сентябрь

2) [сентября]

Баклажаны 7 десят.	75 р.
Булочка 1 шт.	11 р.
Сметана робл. 2 ст.	15 р.
Яйца 2 десятка	80 р.
Мясо 600 гр.	54 р.
Слива 14 кружек	47
Перец горьк. и душ.	20 р.
Молоко 1 ½ л.	26 р.
Творог 2 блюда	30 р.

7) [сентября]

Баклажаны 60 шт.	60 р.
Молоко 1 литр	17 р.
Крупа сечка 2 ст.	22
Картошка 12½ к[илограмма]	80 р.
Свеча 1 шт. железнодор	20 р.

[...]

(Центр краеведения им. П. Т. Тронько Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, оригинал, автограф, записная книжка № 10, рукопись)

№ 4

Из дневника М. А. Усыка⁶.

«День за днем. Харьков: 20.11.41–23.02.43 гг.»

20.X.41 Эвакуация подходит к концу. На улицах машин становится меньше. Двигутся войсковые части — по [улице] Сумской вверх, по проспекту Сталина⁷ вниз. Выходит — отступаем. Немцы где-то близко. Говорят, в Залютино⁸. Слышно глухое уханье артиллерии.

У магазинов бесконечные очереди. Распродают запасы. Неужели это нельзя было сделать раньше? Борьба за печеный хлеб. Последний — завтра, говорят, уже хлеба не будет.

Ездил с Б. на Леваду⁹. Думали, есть рабочие поезда. Нет, рабочих поездов уже нет. Последний эшелон готовится к отъезду.

В городе начало грабежей. Идем по Нетеченской. Огромные толпы — группами и в одиночку — валят нам навстречу. На спинах, под мышками — тюки с табачным листом, папиросами, какими-то ящиками, папиросной бумагой, картоном. Отвратительные — жадные, потные лица. Откуда взялся этот элемент? То-то спекуляция расцветет.

Пришел усталый. Настроение отвратительное.

Во второй половине дня исчез свет, за ним вода. Радио замолчало. Говорят, взорвали электростанцию, водопровод.

Ночью взрывы, взрывы... Взрывают наши.

21.X.1941 В городе начались пожары. Он объят пламенем. Горит восточная сторона — очевидно, заводы. Горит центр — магазины, склады. Дом НКВД¹⁰ тоже, дом Проектов¹¹ тоже. С балкона пятого этажа видно море огня. В воздухе носятся тучи копоти и толстым слоем покрывают лицо, одежду, землю.

Я с другими дежурю во дворе — стережем, чтобы не подожгли. Говорят, хулиганье из озорства на это способно. Ходим и беседуем. Где-то слышны пулеметная и ружейная стрельба...

22.X. 1941 Пожары в городе не прекращаются. Сегодня огонь еще больше чем вчера. Совсем близко, на Театральной [площади], горит жилой дом. Никто не тушит. Мудрено — воды все равно нет. Я опять на дежурстве — троим: Бочаров, Воскресенский.

23.X. 1941 Пулеметная дробь сильнее раздается в центре и в стороне вокзала. Но все же она не так сильна, как предполагалось. Значит, город, видимо, будет сдан без особой борьбы.

Пожары продолжают.

24.X.1941 Часов в 12 дня из окна угловой комнаты увидел впервые неясно движущихся немцев, — по [улице] Ветеринарной¹², через [улицу] Пушкинскую на [улицу] Технологическую¹³. Народ высыпал на улицу. Встречать? Нет, глазеть. Настроение препаршивое. Что они, зазнавшиеся завоеватели, нам несут? Зачем они здесь? Кто их просил в нашу страну?

Немецкий самолет, низко-низко. Сбрасывает листовки. Они падают где-то далеко. Но вот одна, кружась, упала в соседний двор. Сын Санина хватает, приносит. «... Преступная политика Сталина... немецкие войска несут вам освобождение»... мелькает в глазах.

Ложь, ложь — думаю. Не освобождение несут они, а закабаление, закрепощение, истребление нашего народа. Поживем — увидим.

25.X.41 Посетили «гости»: два немецких солдата. Просят чаю, сахару, хлеба. В голосе слышится скорее требование, чем просьба. Говорю, хле-

ба нет — есть сухари. Жена ставит на стол по стакану чаю и несколько сухарей.

Расспрашиваю. Один из Вены. Женат. Показывает фотокарточку семейную. Другой из Германии.

Кто я? Доцент института. Следует осмотр глазами комнаты. Бедно живу? Ничего, однако, не голодаю и судьбой доволен.

Каковы их планы? Nach Wolga — будут двигаться к Волге — следует ответ. «Большевикам конец, Москва окружена (umkreist), Ленинград тоже».

Врут насчет Москвы определенно.

Как будут двигаться, ведь у нас снега? — на ломанном немецком языке спрашиваю. На лыжах, — отвечают.

Посмотришь, простые люди. Но не они делают политику. Они — оружие в чужих руках. Выпили и ушли. Держали себя вежливо.

Иду с Нелечкой [*моя сестра* — А. У.¹⁴] смотреть на центр города. Двигаюсь через пл. Дзержинского к Госпрому¹⁵. Дом Проектов сгорел. Из многих окон клубами еще валит дым. Стоит скелет дома, страшный своей опустошенностью. Все деревянное выгорело. Железные балки, видно, в некоторых местах изогнуты. Запустение.

Госпром цел, хотя, говорят, несколько раз пытались его поджечь — мальчишки будто. Но население тушило всякий раз.

Двигаюсь через городской сад [Шевченко]. Поломанные каштаны. Широкая колея от танка.

Сумская [улица] в грязи.

На углу [улиц] Рымарской и Сумской стоят изрешеченные пулями два троллейбуса. Один сгорел. Другой еще цел. Они преграждают путь наступающим вверх по Сумской немцам. Убитых не видно. Двигаюсь далее. Побитые стекла, грязь. Около театра Шевченко путь преграждает немецкая воинская колонна, которая обходным путем движется из-за речки, пересекая Сумскую, по Театральной площади на Пушкинскую и дальше.

На стенах зданий мелом написанные немецкие указательные знаки.

Площадь Тевелева¹⁶. Обгоревший остов здания — вот остатки гостиницы «Красная». Жаль — это красивое здание. Каким-то чудом уцелело скульптурное украшение на карнизе здания.

Поворачиваю к [улице] Университетской. Глазам предстал весь обгоревший дотла квартал с левой стороны Университетской. Местами дымится. Сгорела библиотека финансово-экономического института. Как жаль! С правой стороны улицы, начиная от здания музея революции — старый пассаж и все прочие здания, примыкающие к нему вплоть до [улицы] Клочковской, — все сгорело.

Прохожие останавливаются, укоризненно качают головами.

Дом Красной Армии цел¹⁷.

Иду вниз по Купеческому спуску¹⁸. Камни, какая-то мебель, внизу спуска — убитый. В штатском — темно-синий костюм, под черными брюками виднеются белые летние. На ногах белые чистые носки. Обувь снята. Голова прикрыта фуражкой и лежит в луже крови. Очевидно, разрывная пуля снесла верх черепной коробки.

Люди останавливаются, смотрят. Кто он? Случайный прохожий, партизан? Никто не знает.

Мост через [реку] Лопань разрушен.

Пройти к [Благовещенскому] базару нельзя. Но видны сгоревшие здания Суздальских рядов.

Московские ряды¹⁹ тоже сгорели.

Меж сквером и сгоревшим зданием Московских рядов стоят на линии трамвайные вагоны.

Сергиевская площадь²⁰. Грязь. Гостиница «Спартак» пока цела.

Площадь Р. Люксембург. Здесь, видимо, шла некоторая борьба. От здания [Центрального] универмага остался остов. Близко к тротуару пробитый снарядом наш танк и в нем наших три героя-танкиста. Из задней двери свисает сгоревшая с остатками сапога нога. Герои! Видно шли в наступление, двигаясь в направлении Сергиевской и Свердловского моста²¹, но сгорели, сраженные немецким снарядом.

Площадь завалена побитой мебелью, стеклом, кроватями. Баррикады? Или растащено все из магазинов и брошено?

От Университетской [улицы] к центру не пускает немецкий патруль. Здания магазинов около Дворца труда²² и гостиницы «Астория»²³ сгорели.

Поворачиваю на Университетскую.

На душе — камень.

Много сгоревших зданий: 1) гостиница «Красная»²⁴; 2) новый Пассаж²⁵; 3) здание старого Пассажа целиком²⁶; 4) все торговые здания по левой стороне Университетской, если идти вниз; 5) часть гостиницы «Астория»; 6) [Центральный] Универмаг; 7) все торговые здания по обеим сторонам Павловской площади²⁷; 8) кинотеатр на Московской²⁸; 9) здание почты; 10) дом на Пушкинской около... [неразбор. — А.У.] пл.²⁹; 11) Дом Проектов; 12) дом НКВД (говорят, в нем сгорело 1200 чел. заключенных³⁰ — болтают или верно?); 13) вокзал; 14) торговые мелкие строения у Екатеринославского моста³¹ и еще и еще.

Таков итог. Много бессмысленности.

27.X.1941 Ввалился пьяный немецкий унтер-офицер. Поляк по происхождению. Хотел наклеить на окно моей угловой комнаты воззвание немцев к населению. Посмотрел — высоко: с улицы не прочтут.

Кто живет внизу, в подвале?

Жилец, но дома нет.

Приходится подыскивать ключ и отпирать комнату Колинко.

Заплетающимся языком немец уверяет: «все, все будет через 8 дней — хлеб, булки, магазины откроют. Вот только починим железную дорогу до Харькова». Врет, скотина.

Размахивает на лестнице выхваченным наганом в виде «доказательства», что если «цивилист»³² сорвет воззвание, будет застрелен.

Входим в квартиру Колинко. Повесить — вернее наклеить (для чего пришлось искать муку и делать замазку-клей).

Снимает с руки у соседа часы, сует двадцать марок.

На нем награбленные вещи — говорят, все с русских офицеров снимал.

29.X.1941 г. Обыск у меня в квартире. Искали немцы оружие. Ничего, конечно, не нашли — его у меня не было и нет.

В соседнем дворе немцы расстреляли мужчину. И тут же бросили. Пришлось закопать во дворе. За что расстреляли — неизвестно. Говорят, какой-то военный и оружие нашли при нем.

На площади Дзержинского перед зданием обкома [партии]³³ радиопередача. Пошел. Толпа народа. Сумрачные лица. Голодных пока не видно.

Противный голос диктора. Передает радиосводку с фронта, в частности, о том, что советское информбюро, будто бы, сообщило о том, что при сдаче Харькова немцы потеряли около 400 танков, что на улицах валяются трупы убитых немецких солдат и т. п. Вранье. «Вы, свидетели взятия Харькова, можете судить, насколько лжет советское информбюро», — заключает диктор под редкие и слабые улыбки присутствующих.

30.X.1941 г. Я опять пошел на пл. Дзержинского послушать радио. Дождь. Народ стоит кучками, некоторые попрятались под подъезды и на лестницы домов от надоедливой осенней дождя. Ждут. Встретился со студентом... [неразбор. — А. У.]. Зашевелилась масса, пододвинулась ближе к балкону здания.

И вдруг... моим глазам предстала картина: два здоровенных немца в касках, с полицейскими бляхами во всю грудь накидывают на шею веревку какому-то человеку.

Я стою в 70–75 метрах. Мне не видно всего человека. Он скрыт перилами балкона. Я вижу только его черную, смолистую голову. Да... вешать собираются, несомненно... Мороз по коже. Вербка на шее. Немцы поднимают человека и, держа руками за накиннутую на шею веревку, опускают человека вниз, — веревка привязана к перекладине балкона...

В толпе ропот... Истерические крики женщин. Человек раз, два вздрогнул и повис мертвый. На груди у него на русском и немецком языках надпись: «Партизан».

Какая-то женщина говорит молитву истерическим голосом и выходит из толпы.

Герой... До самого вечера болталось, колеблемое ветром и омываемое дождем, тело повешенного...

Шел домой с огромной тяжестью на груди.

31.X.1941 г. Почти всю улицу мобилизовали забрасывать выкопанный нашими саперами противотанковый ров. Работает человек 20–25 мужчин и женщин. Народ пока еще не голоден. Слышны шутки — все на тему о молоке, яичнице и т. д. Огромная яма забрасывается землей. Под землей хороним убитую накануне немцами лошадь. Сейчас никто не думает о лошадином мясе, но, видимо, придется его отведать.

Во время работы подходит немец. Вызывает двух человек таскать в соседний дом (где находится немецкая кухня) воду. Вода только на Журавлевке³⁴. Далеко и тяжело. «Пронесет мимо меня», — думаю. Но, на мое несчастье, я оказался ближе всех к подошедшему немцу. Берет меня и еще одного. Вот оно рабство — мелькает в голове — начинается. Пришлось идти. Принесли один раз по два ведра. Требуется немец еще. Я решительно отказываюсь. Знаками и запасом немецких выражений стараюсь это объяснить немцу. Угрожает. В конце концов, отпустил с условием замены нас другими из партии работающих по засыпке рва... Да, мы — рабы...

... На улице останавливают меня какие-то два немца. Мобилизуют на работу. Вспомнив слова Боч-ова, что работающих в Управе³⁵ не трогают, вру, что работаю в Stadtverwaltung³⁶. Не верят, но, к счастью, документов не требуют. Отбояриваюсь...

На обратном пути та же история. Опять отбояриваюсь.

Да, мы — рабы отныне...

3.XI.41 г. Думаю о пище. Как пропитать, где достать хлеба? Спас бы картофель. Надо достать картофеля. Но где и как? Думая над этим, встречаю Роменского. Он советует завтра ехать копать картофель с немцами. Они, будто бы, дают машину. Собирается человек 8, в том числе его сын. Условия: 2/3 немцам, 1/3 нам. Ничего не поделаешь, они господа положения, они диктуют. Соглашаюсь.

4.XI.41. Ездил в Русскую Лозовую³⁷ за картофелем. Видел разоренный колхоз, в котором работал. Вдалеке виднеются копны необмолоченного хлеба. Это — рожь и пшеница. Знакомый мне участок.

По дороге валяются разбитые машины. Могилы, трупы лошадей.

Тянутся вереницы людей в поисках картофеля и овощей.

Лебединский со мной.

Грязь непролазная. Картофель выкопан, что и следовало ожидать. Осталась дрянь. Копаем под наблюдением немецкого офицера, хорошо говорящего по-русски. Кто он? Говорит — бухгалтер. Врет, вероятно. Наши перед ним подличают, ругают советскую власть, унижаются. Противно, до чего противно, когда видишь лица, на которых не написано ничегошеньки национальной гордости...

8.XI.41 г. Я опять ездил за картошкой.

12.XI.41 В пустые квартиры нашего дома въезжают жильцы с Пушкинского въезда.

Приходил «украинский» полицейский и все допытывался, сколько в нашем доме квартир. Конечно, с целью его забрать. Галичанин. Видимо, сынок кулака. Держит себя вызывающе. Говорит исковерканным украинским языком.

Евреев ненавидит. Фашист.

20.XI.41 Голод. Продукты на исходе. Есть немного сухарей, немного крупы. Едим в обрез. Жалко девочку. Холод.

Работы нет. Институт растаскивают немцы. Сегодня застал немца в физическом кабинете в поисках каких-то приборов.

Выбрав ценные приборы, собирается уходить.

В дверях швейцар Гр. Ив. Спрашиваю разрешение. Говорит — нет. Описи похищенного составить не хочет. Вор, как есть вор. А в газетах и речах крики: «немецкая армия не грабит».

22.XI.41 Я в отчаянии от ощущения голода. Уславливаюсь с женой, что работать будет она. Я перейду на ее иждивение, чтобы не служить немцам.

Но нет, работы для нее не предвидится.

Что делать?

Денег нет. Базаров тоже нет.

25.XI.41 Записка от Лебединского. Просил зайти завтра в Управу. Зачем?

Если предложат работу, придется соглашаться. Нет выхода. Работать буду для своего народа.

26.XI.41 Так и есть. Лебединский работает уже в Управе, заведует статистической группой Горуправы и одновременно ему предложили место научного руководителя в организуемом планово-экономическом бюро.

[Далее в тетради дневника — пропуск, девять незаполненных листов, затем несколько вырванных листов — А. У.].

19.XI.41 Два факта запечатлело сегодня сознание.

1) О нормах выдачи продуктов населению г. Харькова (приказ немецкого хозяйственного штаба № 44). Об этих нормах стоит сказать.

Несколько дней тому «Нова Україна»³⁸ сообщила такие нормы на день хлеба:

400 грамм для работающего;

200 — || — неработающего;

300 — || — для детей до 16 лет.

Нормы эти разработала городская Управа, как сочла необходимым сообщить читателям газеты.

Ну, а немцы делают иначе. Вот их нормы (в граммах на неделю):

	мясо или мясн. прод.	жиры	хлеб	картофель
а) для неработающих	ничего	70	1500	2000
б) для работающих	100	100	2000	2500
<i>Примечание:</i> хлеб и картофель для северных и средних округов: хлеб — 1500 грамм; картофель — 4000 грамм. Куда отнесут Харьков?				
в) дополнительно к пайку для выполн. тяжелые физич. работы	100		50	500
	1000			

[Опять в тетради пропущено пять незаполненных листа — А. У.]

5. III. 42 Вниз по Пушкинской движется партия арестованных, два конвойных; партия в штатском — значит не пленные. Всех человек десять. Сзади двое на руках поддерживают падающего, обессиленного, который обхватил шеи тех двоих. Ноги у бедняги, видимо, опухшие. Избит или обессилен от голода? Немецкий солдат (или полицейский) бьет носком сапога беднягу в задницу — систематически и упорно. При каждом ударе тот вздрагивает. Прохожие вздохами провожают картину. На углу [улицы] Совнаркомовской пинки учащаются. Партия скрывается за поворотом.

Вот она немецкая «культура».

13. III. 42. Впервые немцы изволили дать паек: мукой вместо хлеба по норме — 200 грамм на меня и по 100 грамм на иждивенца, на десять дней вперед; итого — 5 кг. На пятом месяце их пребывания в Харькове! И то не всему населению! Это, видимо, первый и последний паек.

В два часа разнесся по Управе слух: Ветухов [так я прочел это слово — А. У.] и вся земельная Управа выехали. Wirtschaftskommando — тоже. Gebietslandwirtschaft — тоже. В Управе тревога. Где-то, значит, близко наши³⁹. Помогите им судьба! «Ответственные» хватают деньги вперед. Говорят, завтра всем выдадут зарплату за март вперед. Я, не ожидая, взял аванс.

Но где прорыв? Как глубокий? В каком направлении? Стрельбы не слышно. Но по движению в городе заметно — немцы, видимо, эвакуируются...

...Картины. На Сумской падает обессиленный интеллигентного вида мужчина. Его подхватывают прохожие. «Я есть хочу», — говорит еле он. Его подводят к ближайшему подъезду дома и оставляют. Никто ничем ему помочь не может. Конеч...

...Против меня навстречу движутся двое. Сзади санки. На санках что-то длинное, завернутое в мешки и несколько раз перевязанное веревками. Что это? Человек? Да, человек. Везут на кладбище, без гроба.

... Из нашего дома выгнали несколько женщин копать могилы и расчищать снег. Хоронят вповалку...

14.III.42 Паника чуть-чуть утихла. Мой chef уверяет, что положение улучшилось. На мой вопрос, что же случилось, — последовал ответ: «где-то... [неразбор. — А. У.] глубокий обход Харькова».

— И что же, так быстро ликвидирован? — спрашиваю.

?! Молчок.

Конечно, это успокоительные фразы. Войска наши где-то движутся и Харьков обходят.

Это тем более вероятно, что в конце дня стали составлять списки лиц, желающих выехать с немцами.

Подшли и ко мне. Я ответил уклончиво, что надо посоветоваться с женой, а сам думаю: ждите, чтоб я с вами уехал!

Зарплату выплачивают за весь март, хотя сегодня только 14.III. Это тоже симптоматично.

15.III.42 Был в театре на «Назаре Стодоле». До конца не досидел — холодно. Смотрел «Вечорниці» Ніщинського. Хорошо пели. А на душе — дрянь. На фронте льется кровь, а тут играют. В удачных местах игры артистов слышен смех. Но чей он? В антракте рассматриваю присутствующих — мальчишки, дети. Взрослых мало. И вообще странно — голод и смех...

В Донбассе борьба идет жестокая. Чувствуется по немецкой сводке.

Но что делается там, за фронтовой чертой? Так хотелось бы газету прочитывать свою!.. «Нова Україна» ни слова не сообщает о жизни в Советском Союзе...

Холод адский. Опять начались холода. В квартире не топится. Когда все это кончится?

Это — результат колоссальной массы ошибок руководства. Теперь это ясно.

Мысль была загнана, Критики недостатков — живой, действенной, а не казенной — никакой. В газетах барабанный бой. Все по заказу, все на заказ... по всему и всякому поводу жди директив сверху. Инициатива [прибита. — так прочел. — А. У.].

А страна прекрасная. Бюрократизация плана, т. е. то, от чего предостерегал Ленин — этот великан, гибкий, умный, чуткий, умеющий идти отступать, идти на уступки и наступать...

Мысли о сыне. За что он погиб? Дорогой мой, единственный...

16.III.42 И еще цепь все тех же мыслей...

Против нас борются: немцы, мадьяры, румыны, словаки, итальянцы и др. Среди них есть рабочие. Пожалуй, большинство. Было время, когда рабочие Запада оказывали нам активную поддержку, а теперь они борются против нас. Что же произошло? Они стали не те, или мы изменились? Верно последнее. Это бесспорно. Не удалось бы их мобилизовать, если бы они считали СССР своим отечеством.

Ленин говорил: на международную революцию мы воздействуем успехами своей хозяйственной политики.

Это значит, наряду с успехами индустриализации, успехами в области роста высокого материального уровня трудящихся, чтобы рабочие Запада видели наглядно, что им может принести социализм.

Это значит: 1) хорошее жилище; 2) хорошее питание, добываемое без бесконечных очередей; 3) хорошая одежда, — одним словом, достаток материальный.

Ни того, ни другого, ни третьего у нас нет.

Отсюда такое странное явление: Коминтерн⁴⁰ ни разу не обратился к призывом к международному рабочему классу. Он не нашел бы отклика.

Это результат глупостей, ошибок...

Морозы продолжают... В городе стало немного спокойнее.

19.III.42 Морозы не прекращаются. Март месяц и 20°–25°. Морозы. Черт знает что такое! В комнатах у меня вода замерзает. Наполеоновская зима⁴¹, говорят.

Работы у меня все увеличивается. Видимо, не справляюсь с двумя службами.

Опять мысли о сыне.

...

Мой chef... Счастлив, вертляв, тщеславен.

Любит порисоваться своими связями с немцами, выдавая эти связи как свое желание отстаивать интересы города.

«На мое несчастье, мне и *этим* приходится заниматься», — говорит он обычно, делая ударение на слове *этим*. При этом тоном голоса дает понять собеседнику, что никто другой с такой миссией не справится.

Кто он такой? Честен? Кажется, да. Дороги ему интересы Украины, подобно многим другим, которые работают в Управе? Сомневаюсь. Он даже украинского языка не знает. «Самостійники» смотрят на него, как на «кацапа», кацапы — как на «щирого українця».

Гитлер в очередном послании опять пообещал покончить с СССР этим летом.

... В Ленинграде, сообщает «Нова Україна» из какого-то немецкого источника, ужасный голод: умирает ежедневно более 2000 человек. Трупы складывают штабелями, ибо смерзшуюся землю нельзя копать. Вероятно, правда, если учесть сколько уже месяцев подряд Ленинград окружен.

Какой красивый город!

Все меня уверяют, что большевизму конец, что СССР конец. Не верится, что СССР наступает конец. А может быть? Вот уже много зимних месяцев подряд сообщают немцы об... [*неразбор.* — А.У.], а толку не видно. Может быть, может быть...

20.III.42. В районных Управах Харькова произвол и беззаконие творятся: аресты, допросы с пристрастием, взятки, незаконные поборы... Н. рассказывал мне такой случай, свидетелем которого он был как контролер Горуправы. Кабинет руководителя особого отдела (они организованы

при всех управах недавно для целей шпионажа). Руководитель — типичный охранник. Перед ним — женщина. Он во что бы то ни стало хочет сделать из нее еврейку.

— Так вы русская?

— Русская.

— А...а... русская!! — говорит он, передразнивая.

— Знаем мы вас...

— Ведь у меня в паспорте написано.

— Вы — выхрест⁴²!

— Да какой же я выхрест. Вот у меня справка, что в первую мировую войну я сестрой милосердия служила... от Союза городов⁴³. Разве евреек в сестры милосердия принимали?

— Ну, хорошо! «Верую» знаете?

Женщина в растерянности. Она давно не молилась. Она забыла «верую»... Но напрягая силы и память, припоминает первые слова и говорит. Но «следователь» неумолим.

— А когда пели «Богородице»? — утром или вечером?

— Утром.

— Нет, врете — вечером.

Вводят другую, тетку — старую-престарую. Дрожит.

— Как вас зовут?

— Соня.

Э, э... Соня... Знаем. Еврейское, жидовское имя.

И допрос продолжается в том же издевательском духе.

Решение: посадить...

— Зачем же посадить? — вмешивается присутствующий при допросе

Н. — Не лучше ли расспросить соседей и т. д.

— Нет, посадят у меня три дня без пищи, признаются — жида или нет, — говорит следователь.

Нет оснований не верить Н. Он сам был сослан в 1937 году, и ему уже знакомы разные формы допроса, но, передавая этот факт с возмущением, он, очевидно, сам на себе не испытал подобных методов вытягивания «признаний».

... Вчера передавали мне: 14 марта советские войска были в Мохначе⁴⁴. Это за ст. Лосьево⁴⁵ (? — А.У.), совсем близко от Харькова. Рассказывавший об этом кому-то немецкий офицер говорил, что исход борьбы и прорыва решили 10–15 минут. Немцы не выдерживали и вот-вот должны были откатиться совсем к Харькову. Но русские тоже не выдержали, ибо у них не было никаких резервов на прорывном участке и... не дожидаясь, начали сами отступать. Этим немцы и воспользовались... Тот выигрывает, у кого крепче нервы...

Вот так у нас и воюют...

Морозы не уменьшаются: вчера было 25°.

«Новая Україна» в заметке «Советский тыл» сообщает о голоде в СССР. Это вполне вероятно.

Говорят, угроза голода в Харькове миновала. Да, как будто с продуктами легче стало. На базаре цены упали втрое. Пшеница — 11–12 руб. стакан, было — 30–40 — руб., рожь — 8–9–10 руб., а была — 25; яйца — 70–80 руб. десяток, а были 300 руб.; курица продавалась за 700 руб., а теперь за 200 р.

Хлеба много печеного продают торговки. На каждой улице по несколько частных кафе: кафе-закусочных, кафе-столовых. Цены тоже стали ниже, купить можно. Лишь бы деньги. Теперь деньги решают все. Вещи ценятся нипочем.

21.III.42 Морозы не прекращаются. Холод и голод. Голод как будто меньше. Холод увеличивается. Как будто в природе произошла катастрофа — север «придвинулся» к югу, что ли. Мой «управский» день прошел, как обычно: ждем 12 часов — времени открытия столовой, чтобы немного подкрепиться.

Сегодня обсуждали вопросы социального законодательства: о соцстрахе, отпусках, уплате по временной нетрудоспособности. Прекрасное советское законодательство — оригинальное, достойное изучения. У немцев будто бы оно тоже таково. Если да (отпуска даются двухнедельные за счет предприятия — это доподлинно известно), то немцы ничего нового не выдумали. Все от нас переняли, все позаимствовали...

Вообще, в голову приходят параллели, сравнения относительно фашизма и социализма.

Фашизм именует себя национал-социализмом. Немцы говорят: у нас социализм. Мы — тоже.

Что же такое тогда социализм? Строй, система хозяйства, при которой собственность на средства производства общественная. У немцев — частная собственность, но все находится под контролем.

«Два» социализма и два непримиримых врага.

Исторический парадокс...

22.III.42. Активность нашей авиации. Налеты в ночь на 22-е, днем 22-го, утром, но не массовые... Артиллерия ухает совсем близко на севере — востоке. Целый день писал. Мороз чуть-чуть стал меньше.

23.III.42. Опять налет советской авиации — непродолжительный и, видимо, не массовый. Оттепель.

24–25.III.42. В ночь с 24 на 25-е опять налет, более продолжительный... Немецкая противотанковая оборона действовала во всю: зенитки, пулеметы, автоматы. Но не сравнить налеты нашей авиации с авиацией немецкой: последняя действовала массивно, организованнее, системнее.

Пять месяцев 24-го исполнилось, как немцы заняли Харьков.

ИТОГ:

1) работая, я получил за это время 5 кгр. муки на семью; 280 граммов маргарина; 140 граммов смальца; 1,8 кгр. крупы; 200 грамм сахара; 200 грамм кофе. И это все. Не работающие получили шиш.

2) Воды нет.

3) Свет в ограниченном количестве и только для промышленных нужд и для освещения зданий, в которых немецкие учреждения размещены или живут немец... *[оборванная на полуслове фраза, далее — вырванные страницы — А.У.]*

...нако, проходящих не останавливали.

Работы у меня увеличилось. Огромное желание засесть за классиков политической экономии, а некогда. Пропадает время. Идут годы...

Нелечка выздоровела — слава Богу.

[...]

4.IV.42 Опять снег! Валит крупными хлопьями.

Пасха. Трезвонят колокола. Страстная суббота. Вспоминаются годы далекого детства. Тогда этот праздник был желанный. Вся семья готовилась к нему долго: сэкономила, пекла, колола... Тогда я веровал безотчетно, не сознательно, по-детски. Было легко и приятно. Теперь веры нет. Теперь я вспоминаю об этом празднике, как о дне, когда можно было всего вдоволь покушать, — на обильном столе все было: яйца, пасха, колбаса, ветчина и т. д. И у всех так — у каждого бедняка. Теперь я голоден. Ничего нет, и я не знаю, как провести эти два-три дня. Уж лучше бы работа! Не помню, чтобы в последние 10–12 лет было такое обилие яств и в достаточном количестве, как тогда. Куда все делось? Почему перестала земля русская давать столько, как тогда? Кто в этом виноват? Такие мысли лезут назойливо...

И хоть Пасха, но немцы хлеба не выдали...

5.IV.42 г. Пасхальный «подарок»: 4 котлеты и 4 пирога с горохом. Вот и все. На два дня.

...

6.IV.1942 г. Второй день Пасхи. Ярко светит апрельское солнце, шумит талая вода. Все же утром 5° мороза.

Был на базаре. Продукты подорожали — 10 яиц 160 руб.; молоко 60–70 руб. литр; 10 картофелин (маленьких) 25 рублей.

...На мосту два немецких унтера. Оба веселые. Один, смеясь, показывает ряд золотых зубов. Другой навел фотоаппарат. Смотрю в сторону. У моста сидит еще молодая, но уже тронутая горем женщина с ребенком на руках. Изможденное, голодное лицо. Равнодушие и отчаяние. Лохмотья. Унтеры избрали ее объектом фотографирования. Собираются, видимо, послать в Германию и, конечно, соврут, что вот до чего большевики довели народ — грязен, в лохмотьях, скрыв, что женщина голодная.

... Профессор, директор института судебной медицины — веселый, молодой еще, здоровый человек, — смеясь рассказывает о взрывных работах на кладбищах. На кладбищах?!

Да, на кладбищах динамитом взрывают землю, засыпая не погребенные (засунули в свое время в снег) трупы умерших от голода. Так

быстрее... К тому же, тела... взлетают на воздух и... не надо их закапывать, часть засыпается землей...

... На спусковой лестнице (с территории Технологического⁴⁶ на Журавлевку) стоит человек. Голова опущена, пальто сидит на нем мешковато. Худой, как скелет, желтый. В обоих ведрах воды до половины. Больше он нести не в состоянии. Жертва голода. Какая-то женщина помогает ему взять еще один подъем... Сколько еще таких в Харькове!

[...]

7.IV.42 г. Дине снился Кадя⁴⁷ — красивый, здоровый. Милый мой сын! Дина плачет, рассказывая...

[Диной отец называл мою маму — Евдокию Семеновну Денисенко. Бабушка и все остальные родственники называли маму Дуся. — А. У.].

8.IV.42 1,8 кгр хлеба, 150 грамм крупы, 50 грамм повидла, 50 грамм маргарина, 100 грамм сахара, 100 грамм кофе, а 7.IV.42—3 кгр. муки — вот и все! Питайся и живи!..

...

9.IV.42 Опять встреча с веселым профессором, директором института судебной медицины⁴⁸.

— Вы единственный человек, которого я вижу всегда веселым и жизнерадостным, и в такое время!

— Это потому, что я имею дело с немymi мертвецами.

— Ну, как — взрывы на кладбищах продолжаются? — Продолжаем. У меня целые партии рабочих.

— На каких кладбищах?

— На всех. Но главным образом на Кудинском⁴⁹ и в конце Пушкинской.

— Мне кажется, что в том районе меньше народ мрет: ближе к окрестным селам, где можно кое-что достать, больше обеспечен, нежели интеллигенция Нагорной части⁵⁰.

— Это, конечно, верно. Но имеем дело главным образом с военнопленными.

— С военнопленными? Понимаю, мрут они от голода, от жестокого обращения. Ну, и много таких погибших?

— Целые братские могилы — по несколько десятков человек в каждой. Тысячи три уже похоронили.

— Ну, а на Нагорном?

— На Нагорном приводим в порядок плохо спрятанное. Засыпаем, присыпаем, чтоб не было видно. Рыть братские здесь запретили. Разрешаем только «индивидуальщиков». Хороним также расстрелянных.

— Расстрелянных?

— Да. Почти каждый день. Расстреляют и бросят. Вот мы и подбираем... — Веселый профессор прощается. Спешит. Мне грустно.

Исчез украинский герб на «Новій Україні», с 1-го апреля.

Это многозначительный факт. Появилась сверху немецкая надпись: «Neue Ukraine», рядом с украинской. Это удар по самостійникам⁵¹. Но они, кажется, не способны понять истории.

С фронта вести не хорошие. Немецкая сводка сообщает о разгроме остатков Балтийского флота⁵².

10.IV.42. Русский язык изгоняется из употребления. Названия улиц даны на немецком языке.

Даже украинские надписи сняты. В Управе два языка: украинский и немецкий. На них пишутся приказы — обязательно на двух языках. Обычные распоряжения — на украинском языке.

Но русский язык живуч. Большинство служащих Управы украинского языка не знает. Говорит на русском языке. Русский язык на улицах, в общественных местах — господствующий язык.

Об экономической политике немцев на Украине думаю:

1) органы: «Wirtschaftskommando»; Landwirtschaftsführer — это центры руководства промышленностью и сельским хозяйством. Им подчинены непосредственно: а) управління директивних маєтків, організоване на базі радгоспів⁵³; б) обласна земельна Управа, що відає громадськими господарствами (кол. колгоспами)⁵⁴; в) підприємства міста безпосередньо⁵⁵ (Wikado — сокращенное название) і посередньо (через Управу);

2) эмиссионный банк в Ровно;

3) организация кустарей;

4) политика цен: а) твердые — в кафе, столовых, закусочных немцы пытаются установить; в) в пошивочных артелях и для частников, также парикмахерских.

Вчера пустили слух о предположении немцев сократить ставки зарплаты служащих Управы: мол, высоки слишком... Чтобы доказать обратное, собираю материалы...

Весна в разгаре. Грязь неимоверная. Снег на улицах и тротуарах ждет своей естественной участи. Во дворах вонь...

Немцы опять объявили об обязательной регистрации на бирже труда, от 14 лет. Под страхом наказания.

Квалифицированную силу — мужчин и женщин — вывозят на работу в Германию.

11.IV.42 ... На Благовещенском базаре повесили человека, торговавшего человеческим мясом.

Прочитал прекрасную статью о Холмщине — моей родине. Много думал и вспоминал («Нова Україна» от 11.IV.42 г.).

Слухи об уходе и повышении на должности Крамаренко⁵⁶ (назначают немцы будто бы в Ровно) и назначении на его место Семененко⁵⁷. Это умнее и способнее, хотя и не имеет звания профессора.

12.IV.42 г. ... Решил пойти на прогулку с Нелечкой. Но только расстроился.

Пасмурная погода, ветрено. Иду Ветеринарной. Грязь. По обочинам тротуаров почерневшие сугробы нетронутого таянием снега. Вонь, особенно несется она со дворов, которых, также как и улиц, никто не убирает.

На Сумской тоже: на левой стороне (вниз, к центру) сугробы снега, грязно. Около памятника Шевченко (под знаменитым каштаном и около) кучи мусора: какие-то кирпичи, банки, бутылки, навоз... Аллея к Госпрому захламлена. А сад! Что немцы сделали с садом?! Вырубили сосну и елки. Из березок — красивых, стройных — поделали изгороди вокруг могил — какие-то лейтенанты, генералы⁵⁸ и др. ...

Не узнаю города, в котором живу вот уже скоро 20 лет.

Вниз, к центру идут вереницами немецкие солдаты в мундирах, только некоторые в шинелях. Много их, гражданских на улицах мало. Видимо, в Харькове сосредоточены сейчас большие силы. Готовится наступление.

Вернулся усталый, разбитый. В ногах слабость.

Вспомнил:

«Кто живет без печали и гнева,

Тот не любит отчизны своей»⁵⁹...

13.IV.42 г. Немцы против свободной частной торговли. Невероятно, но факт! Председатель горпотребсоюза Ф-ко рассказывал мне вчера, что в Константинограде⁶⁰ (он на днях там был) базара нет, денежный оборот почти отсутствует. Господствует натуральный обмен... из-под полы. Кафе и т. п. не существуют. Население получает скудный паек.

В Полтаве базар есть. Но ни одного кафе, столовой и т. д.

То же хотят осуществить немцы в Харькове. С этой целью приехал из Полтавы какой-то важный инспектор.

Базар в Харькове — полноправен, все есть, хотя и дорого. В городе на 10.IV.42 насчитывается 147 кафе, кафе-закусочных, столовых и т. п., из которых не менее 98% принадлежат частникам. Некоторые улицы усеяны ними, как грибами, — по три-четыре подряд. В них дорого, но голодному населению они кое-что дают.

Что же, немцы принципиально против частной торговли? Нет. Их позиция объясняется просто:

Базар — это в нынешних условиях и спекуляция и самоснабжение населения. Других источников, откуда можно было бы черпать продовольствие, Харьков не имеет. Продукты плывут из села. До сих пор город ходил на село за продуктами; теперь село медленно, но везет продукты в город. Ясно, резервы в селе будут уменьшаться; в городе увеличиваться. Свободный обмен обеспечит известной части городского населения больший рацион, паек. Немцам это не выгодно: а) разбазариваются запасы на селе, на которые они рассчитывают и которые можно у крестьянства взять через облспоживспілку⁶¹ (это их организация), через «заготзерно»; б) над потреблением населения в городе они теряют контроль:

последнее может потребить больше при системе свободной торговли, чем при системе немецкого пайка. Это — тоже не выгодно. Отсюда — их позиция.

Но как практически мыслится осуществление этой задачи?

Через установление твердых цен в кафе, столовых и т. п. на таком уровне, что частнику станет невыгодным заниматься своим делом. Проект приказа по этому вопросу Управы уже готов и составлен по требованию немцев (письмо Stadtortkomandantur от 13.III.42).

Через установление твердых цен во всяких починочных мастерских, парикмахерских и т. п. (письмо той же комендатуры от 7.IV.42 г.).

Наконец, через установление на уровне довоенных (вопреки закону спроса и предложения!) цен на продукты на базаре.

С экономикой, в частности, с высокими ценами административными мерами бороться нельзя.

Спекуляция — результат: а) недостатка продуктов; б) громадной безработицы; в) обнищания.

Случайно прочел издающуюся в Германии уже как будто 10-й год каким-то греком Деспотули русскую антибольшевистскую газетку «Новое слово». Злобы в ней много; ума — мало. Антисемитизма — хоть отбавляй.

В статье «Христолюбивые кагановичи» газетка обрушивается против московского митрополита Сергия⁶², который в воззвании к православным Украины вполне правильно призывает не признавать автокефальной украинской православной церкви «...ввиду ее подчинения германским властям». Сергей против иноземных завоевателей. Он — искренно или нет — показал себя патриотом, а белогвардейцы, наоборот, помогают иноземным завоевателям.

Интересна статья «Русское горе». Мать — русская, сын — поэт, 25-летний, не знает по-русски. Пишет стихи на французском языке. Мать скорбит, что для родины он потерян. И в этом роде написаны ее душевные переживания. Трогательно!

14.IV.42 Видел инспекторов-немцев, приехавших из Полтавы по вопросам цен, калькуляции продукции, базара и т. п. Молодые офицеры. В каком чине — черт их знает. Видимо, экономику (особенно один) знают неплохо. Интересуются калькуляцией...

... Говорят, большевики наводняют оккупированные районы, в частности, Харьков советскими деньгами и тем дают повышательно на цены. Это вполне возможно. Пока не заработает эмиссионный немецкий банк (как об этом сообщалось), немцам бороться с этим будет трудно...

... Миссия Криппса, по сообщению печати, потерпела в Индии неудачу⁶³. Еще один удар для Англии. Беда никогда не приходит одна.

... Литвинов⁶⁴ (посол СССР в США) на банкете в Нью-Йорке требовал создания второго фронта. Да, видимо, другого выхода для России нет. Англичане мудрят — то ли не уверены в успехе, то ли питают заднюю

мысль — и нас и Германию истощить и слопать. Или же заключить мир с Германией за наш счет.

... Зерно у меня вышло. Денег нет. Хлеба не дают. Черт знает, как жить! Ох, уехать бы из Харькова! Но как?!

На дворе пасмурно и на душе тоже [...]

[...]

15.IV/42. ... Погода пасмурная и дождливая.

Странно, появившиеся было вокруг своих гнезд грачи, исчезли. Не видно их. И не через погоду, ибо в прошлые годы, даже при снегопаде, они не переставали гнездиться. Война, стрельба, что ли, тому причиной?

... По Сумской навстречу мне медленно, еле передвигая ноги, движется человек... нет, не человек — скелет: кожа и кости, ноги опухшие, опирается на палку. Ему лет за 50. Это — голодный. Смерть смотрит ему в глаза. Люди проходят мимо, равнодушные и безразличные. Дойдет ли он до своего дома?..

... Приходил Ив. Ив., все спрашивает, что слышно. Нет ли у него каких-либо тайных мыслей?...

16.IV.42. Голодаю. Запасов никаких. Денег нет. Пакет задерживают. Ели гнилую конскую колбасу, которую в обычное время вышвырнули бы собакам. Настроение отвратительное. Хоть кончай с собой...

... Голод и смерть...

С-ов рассказывает... «Иду по [улице] Артема. Впереди меня медленно движется мужчина. Интеллигент. Поравнявшись с подъездом дома, застегивает пальто и садится на ступеньки... Пока я подошел, он доживал последние секунды»...

Это все видимые и наблюдаемые факты, а сколько таких, которые невидимы мне, другому, третьему.

Наряду с этим спекулянты, воров живут хорошо.

...Количество немецких войск в городе все увеличивается. Дворы, иногда тротуары заняты машинами. Дома — солдатами. По Сумской вверх шла пехота — большие соединения. Готовятся к решающей для них кампании.

...Слухи о приезде в Харьков представителей фирмы Сименс-Шукерт⁶⁵, Гельферих⁶⁶ [? — А. У.] и др. Говорят, будут восстанавливать предприятия.

У немцев твердое намерение — свести город на второстепенное положение. Довести число жителей до 200,0 тыс. человек. Это им удастся: часть уйдет и уходит; часть вымрет; часть вывезут.

Категорически предложено всем зарегистрироваться на бирже. Виновных будут наказывать. От регистрации свободны только больные. Молодых и постарше, неквалифицированных, массами отправляют в Германию. Добровольно-принудительно...

17.IV.42. «Умственная история общества состоит в постоянной смене трех расположений: умеренно-либерального, радикального и реакци-

онного» (Чернышевский, избр. Соч., том 2, ч. 1, стр. 317, Мальтусов... [неразбор. — А. У.].

Мне кажется, среди нашей интеллигенции и народа настроение радикальное сменяется реакционным. Процесс этот начался не сегодня, не в дни национального унижения и военного поражения (вернее, неуспехов), которые переживает страна, а раньше: в конце первой пятилетки.

Люди среднего возраста все чаще вспоминают царские времена. Все, говорят, было: порядок, обилие продовольствия и т. д. А гнет? Он был больше в воображении горячих, вечно и всем недовольных голов, чем на самом деле. В тюрьмах даже было легче. С интеллигенцией жандармерия обращалась значительно вежливее, — говорят они, — чем при большевиках. А уж сосланных, изгнанных было и подавно меньше! В печати можно было критиковать общественные язвы, не рискуя немедленно быть схваченным и т. д. и т. п.

Народ — крестьяне те прямо говорят, что при царе жилось легче. И в слово «легче» они вкладывают содержание достатка, материального достатка. Было все. Пусть даже деньги не у всех были, но...

Далее — пропуск (вырванные листы).

[Я попытаюсь объяснить — предположить, чем вызваны пропуски и вырванные листы. Совершенно очевидно, что, затрагивая темы, на которые при советской власти было наложено табу и обсуждение которых квалифицировалось как вражеские действия со всеми вытекающими из этого последствиями, отец мучился и переживал. Обойти их он не мог. Отец был выдающимся экономистом, это было родное дело его жизни. Он все видел и все понимал и не мог, поэтому, молчать. И, в то же время, как сказать, как подать, как изложить и, самое главное, кто будет потом это читать и как трактовать, — что до его записок доберутся те, кому нужно отец, я думаю, не сомневался. Причем, корректировать проблемные места отец принимался, видимо, неоднократно: работая сейчас с дневником, а я его до этого читал сразу после нашей послевоенной встречи, не нахожу некоторые факты и события, имевшие место и отраженные в его записках, и о которых я хорошо помню. Иногда он не сдерживался, его прорывало. Он писал то, что чувствовал, что видел, о чем думал и с чем не мог мириться. Но трезвый рассудок останавливал его, заставлял успокоиться и задуматься о возможных последствиях... Так и появлялись и пропуски, и вырванные листы. — А. У.]

...корыстьем... А на самом деле? А на самом деле за ним скрываются захватнические планы, прикрытием которых оно только и служит. Вильгельм — тот прямо и без прикрытий шел на Украину. Гитлер — должен чем-то перед своим и нашим народами оправдать свой поход.

Освободитель... Никак не забыть слов русского проф. Гриневецкого [?-А. У.], патриота и умницы, который писал в 1918 году, что в войне

1914–1918 [гг.]⁶⁷ столкнулись не мнимый русский империализм с Германией, а настоящий германский империализм в его известном стремлении на Восток.

Да, немцам нужна земля. Им мало места у себя: их 134 чел. на 1 кв. км. Об этом почти в каждой своей речи говорит Гитлер. Поэтому вот, они уже второй раз в этом столетии ввергают Европу в войну...

Освободитель... Громадное большинство русского и украинского народов не просили Гитлера их освобождать... Не все было плохо. Кто честно работал, тот ел и пил.

... Вот факт. Село *Отевка*⁶⁸ [? — А. У.], около Сахновщины. Построено при большевиках. Колхоз. Сады. Пруды. Хорошо распланированные улицы. Колхозникам жилось неплохо. И рассказывающий мне об этом селе говорит, что крестьяне села определенно враждебно настроены против немцев. Таких фактов много...

19.IV.42. Зерна нет, хлеб на исходе.

[Пусть не удивляет читателя упоминание о зерне. Я хорошо помню, что когда мы с Тоней после армии в 1945 году приехали к моим родителям, мама показывала мне примитивные каменные жернова, на которых она молола зерно и из получаемой таким образом муки выпекала дома хлеб. — А. У.]

За прошедшую неделю немцы выдали шиш — 1 кг. муки на 4-х человек. Сегодня воскресенье, и я поэтому решаю идти в парк собирать желуды⁶⁹. Идем с Нелечкой.

Все больше просящих милостыню появляется в Харькове: просят оборванные голодные дети, просят женщины, просят мужчины — молодые, средних лет и постарше. Вот и сегодня на [улице] Бассейной⁷⁰ подошел ко мне молодой мужчина, просит рубль. У меня нет рубля, и я отказываю. Он голоден. Я ему сочувствую. Но не говорю, что, чтобы утолить голод, я иду собирать желуды.

Нищета и безработица. Об уровне нашего материального благополучия немцы судят именно по теперешнему нашему виду, когда мы нищенствуем и распродаем последнее.

На Сумском базаре оживленно. Масса домашних вещей, посуды, мебели, одежды. Покупателей нет, предложение богатое, спроса нет. Продается все за бесценок.

Нет, никогда наш народ не переживал ничего подобного. На него история взвалила (нет, он сам взял на себя) великую историческую задачу. Он отказывал себе во многом. Он самоотверженно ее выполнял. Он терпел лишения, голод, холод. Он не грабил чужие страны, подобно капитализму, чтобы строить фабрики, заводы. Он сам изыскивал средства. Этой героической борьбы не удастся замолчать всяким прохвостам. Историей нашему народу будет воздано должное, даже... даже если страна будет расчленена хищниками с Запада...

... Парк закрыт. «Zutrift verboten»⁷¹ — читаю надпись. Через забор лезть опасно. Где-то в парке или за парком идет учебная стрельба. В парке запустение. Не узнаю моего любимого парка. Когда-то у входа росли красивые ели, сосна с мягкими иглами... Теперь их нет — все вырубил немцы на елки, на украшение могил, большое количество которых виднеется недалеко от входа.

С грустью, болью и досадой возвращаюсь домой...

... Газетка полна хвалебных статей Гитлеру. Завтра день его рождения. Пока звезда этого маньяка поднимается. Надолго ли?..

[...]

24.IV.42. Ночной налет нашей авиации после длительного перерыва и полгода пребывания немцев в Харькове — таковы два факта.

Налет, как всегда, слабый, оборона немецкая, как всегда, сдержанная, не суетливая, экономная (незачем зря тратить снаряды!). Неужели у нас нет авиации?

Шесть месяцев голода, страданий физических и нравственных. Перспектив никаких — одна мрачнее другой. Больше мыслей о том, как выжить. Дают огород, но не в силах обработать.

Жена — щепка, девочка — тоже.

За прошлую неделю дали 1300 грамм печенного хлеба только на меня и то раздатчики обокрали (полагалось 1600 грамм). Воруют, контроля никакого. Раньше хоть профсоюзная организация вмешивалась. Кроме хлеба дали: 300 грамм крупы, 50 (пятьдесят!) грамм подсолнечного масла, 100 грамм повидла, 100 грамм сахару и 100 грамм кофе.

Вчера выдали 2 кг хлеба.

Таков результат в области питания.

Сельское хозяйство в развале: сеять нечем — инвентаря нет, тягловой силы тоже. Следовательно, осенью следует ожидать ухудшения дела с продовольствием. Не поэтому ли Геббельс, выступая где-то, требовал сокращения пайка.

Население резко сократилось. Официальные данные таковы:

по переписи 1939 г. — 833 тыс. чел.; — по регистрации на 15.12. 41 г. — 456 тыс. чел. (місто Харків, короткий стат.-економ. довідник⁷²); по фактическим подсчетам статотдела на апрель 42 г. — 372 тыс. чел. (щомісячний огляд горууправи⁷³).

Погибло от голода и других болезней по официальным данным:

2-я половина декабря — 500 чел.

январь — 1603

февраль — 2133

март — 2699, в том числе от истощения, паралича сердца (тоже, очевидно, истощение) и неизвестных причин 2582 чел. или 92%. На самом деле, погибало вдвое больше ежемесячно и не оформлено регистрацией.

В апреле продолжался уход населения. Сейчас его, видимо, осталось не более 330–350 тыс. чел.

Вот что осталось от крупнейшего советского города! Благо, инфекционных болезней почти нет — 11 случаев брюшного тифа за эти месяцы.

Промышленность не работает. Трамвая нет, воды тоже. Электричеством снабжают только немцев. Канализация стоит.

Огромная безработица. Распродажа на базарах, через комиссионные магазины за бесценок вещей. Обнищание. Грабеж немцев — «культурный», незаметный — все вывозят. Даже весы из «Гастронома» на Пушкинской вчера куда-то грузили.

— Имею достоверные сведения о настроениях крестьянства — начал Сер-кий.

— От кого?

— От одного священника. Культурный человек, окончил два высших учебных заведения. Сын епископа. Наблюдательный.

— Ну и что же? — спрашиваю.

— Он мне рассказал следующее. На Пасху, говорит, я начал церковную службу на украинском языке. Народу было порядочно. Но вот, когда кончилась служба, подходят ко мне крестьяне и говорят: «У нас така, батюшка, просьба. Коли ми з вами вдома або на вулиці побачились, то давайте балакати по-нашому, а службу Богу ви вже правте по-божому»⁷⁴.

«Тобто, як саме?» — питає той⁷⁵.

«А так, по слов'янському, як колись було»⁷⁶...

— Вот вам первый факт, — продолжает Сер-кий. — А вот второй — отношение крестьян к колхозам. Одна часть крестьянства, по наблюдениям этого священника, в прошлом менее зажиточная, решительно за колхозы. «Тепер треба думати про насіння, інвентар, худобу — хай йому грець. То кол-госп думав, а то ти думай. Та й чи твоє ще буде, що збереш...Тоді, що заробив, те й получай... І хоч трудненько було, так не так вже й погано. Хліб їли»⁷⁷...

Другая часть крестьянства за собственность, но против немцев. — Сидят на завалинке на Пасху, рассказывает священник, и думают о цареватюшке.

О цареватюшке? — переспрашиваю.

Да, да, о цареватюшке, — говорит Серов-кий. «Тоді все було. Ні в чому не нуждалися. Що хотів, то й купив. Ніхто тебе не займав»⁷⁸...

— Наконец еще один факт. «Я, говорит священник, решил по школам преподавать закон божий. Думал, дело это...

[Далее — вырванный лист — А. У.]

лоссальную ошибку...

Как насчет автокефальной⁷⁹?

Это немецкая организация. И разве можем мы, русские и украинцы, идти с ней, будучи связаны узами культуры, национальными и др. с братским русским народом.

Я внутренне удивляюсь его перемене.

— Победит Гитлер?

— Нет, теперь он побежден, — заканчивает он, и мы расстались. Процесс прозрения происходит в народе быстрый, думаю я, шагая по улице.

28.IV.42. Внутреннее положение Германии ухудшилось. Больше того, — оно тяжелое. Эта истина глаголет устами Гитлера, который созвал военное совещание рейхстага и на котором он потребовал себе полномочий. Обычные и уже надоевшие угрозы о виновниках войны, об «обиженной» Германии, об евреях-поджигателях (кто этому поверит?), о Черчилле и Рузвельте были только вступлением к требованию и обоснованию себе полномочий. Каких полномочий? «Фюрер просил рейхстаг, — сообщает «Н. Україна», — ствердити, що він має законне право кожен раз, коли йдеться про батьківщину, коли це потрібно, не зважаючи на особу (ого!), ранг (ого!) та посаду, приймати рішення, яке він вважає за правильне в інтересах народу. Зокрема, торкнувся фюрер юстиції, яка не повинна більше дотримуватись лише букви закону (долой закон!), а мусить карати так, як того вимагає час. Той, хто на батьківщині настоюватиме на законних правах, вимагатиме відпустки тощо, то він не розуміє часу»⁸⁰.

И дальше: «Рейхстаг однодушно дал фюрерові право робити все, що треба, щоб карати всяке порушення громадських обов'язків на його розсуді в дусі цілого народу»⁸¹.

Значит, недовольство народа растет затеянной Германией и ее вождем-честолюбцем войной.

Паек в Германии уменьшили, этого требовал Геббельс. Английские налеты на Германию становятся все массовее и эффективнее. Впервые, например, читаем в сводке немецкого командования от 26.04.42 (см. тот же номер «Н. Укр.» от 28.04.42): «Тривожні нальоти британських літаків були спрямовані проти південної Німеччини та протекторату»⁸².

Значит, и в Чехию залетели англичане, и в южную Германию, т. е. туда, куда до сих пор не залетали.

Вот почему было созвано 26.04.42 военное совещание рейхстага (который до сих пор собирался лишь в торжественных случаях) и вот почему Гитлер потребовал полномочий.

Немцы изучают организацию нашего хозяйства. Потребовали [от Кутякова (?) — А. У.] записку о правовом положении промышленности г. Харькова.

1.V.1942. Первое мая. Работаю. Праздник перенесли на 2-е и 3-е. На дворе дождь, слякоть, холодно. Настроение созвучно природе. Помню, в прошлом году массы людей маршировали в этот день по улицам Харькова. Накануне — торжественные собрания. Болтовни, как всегда, много, неумных речей и выступлений, но все же настроение праздничное. На улицах не было голодных. А теперь...

Вот бегу на работу. На Театральной площади около трансформаторного киоска женщина... Что с ней? Отчего она качается, как пьяная перебирает ногами... хватает рукой воздух? И прежде, чем успеваю что-либо сообразить, она грузно падает на мостовую, боком, в грязь. Люди проходят мимо — равнодушные и злые. Прележала минуты три. Медленно поднялась, надела шляпу и ушла вверх по Пушкинской. Обморок... От недоедания. Таких много...

А в прошлом году в этот день все были сыты, веселы...

Ах, эта ужасная и несчастная война...

Уверенность. Уверенность и спокойствие — вот что поражает в немцах. Почти кругом фронт. Харьков в полукольце. Линия фронта отстоит на 40–50 км, а среди немцев никакой суеты и паники. Не в пример нашим: еще враг был в Полтаве, а в городе царствовала паника, суетливость, нервозность...

Немцы — спокойны. Располагаются в домах. Вот в дом НКВД притакивают мебель, устраивают какие-то навесы, чинят машины, приезжают какие-то новые учреждения. Заняли помещение общежития коммунального института, ходят по улицам как ни в чем не бывало.

Эта уверенность передается некоторым (пожалуй, многим) нашим интеллигентам и... вывод у них таков: немцы победят, большевики будут разбиты.

Да, нам не достает такой уверенности. Но выводы делаются поспешные. Положение немцев неважное, предстоит, видимо, еще одна холодная зима... Посмотрим, надолго ли хватит у них этой уверенности.

2.V.42. «Праздник». Тоска. Она погнала меня в городской сад. Немцы и немцы — всюду немцы. В саду полно машин.

Пережил момент унижения. Прохожу по боковой дорожке главной аллеи. На скамейке сидят два немецких солдата — 20-летних мальчишек. На противоположной стороне аллеи, как раз напротив них, могилы погибших немецких офицеров...

Я прошел мимо. Вдруг слышу оклик: «Гражданин, гражданин!» Иду дальше, не оглядываясь. На последний настойчивый окрик оглядываюсь. Оказывается, он относится ко мне.

— Это у вас так принято плевать, — раздается на чистейшем русском языке голос одного из солдат в немецкой форме.

Это ко мне? — мелькает в голове. Оказывается, проходя как раз против них и могил, я плюнул. Сознание не запечатлело этого акта. Плюнул произвольно. Солдату показалось, что плюнул нарочно с целью оскорбить.

— Я не заметил даже, — отвечаю.

— Не замети...ли, — передразнивает меня этот мальчишка. Проглатываю оскорбление. Иду дальше. Никак, белогвардеец — мелькает в голове. Какая-то продавшаяся скотина. Настоящий немец тот чуть-чуть вежливее.

...Был у Бельенкого. Поговорили и вспомнили многое. Жалели, что тогда не уехали. «По шпалам надо было ползти» — делаем общий вывод. Я воспользовался случаем и опроверг все его прогнозы, которые он тогда делал... Он живет на иждивении жены, которая работает в госпитале. Вид у него неплохой.

[...]

Снился Кадя. Милый мой мальчик!..

[...]

4.V.42 Слухи ходят: 1) что советское правительство предъявило Англии и Америке ультиматум, что если не будет создан второй фронт на западе, оно заключит мир с Германией на любых условиях; 2) что на первомайской демонстрации в Москве было оглашено подписанное Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом соглашение о ведении войны до победного конца.

Одно противоречит другому. Видимо, и тот и другой...

[Далее — вырванный лист — А. У.]

...разложение и крадет. Вот два красноречивых факта из «Ost-Front»⁸⁴ от 2.05.42 г.: Директор крупного военного завода приговорен к расстрелу. За что? За кражу продуктов. Вот заметка:

[Продолжаю после слова — «Чому?» — А. У.]

— Розкажу йому про факти хабарництва в Управі.

— Хіба такі факти є? — питаю.

— Еге ж, голубчику, очевидно тільки ти та Семененко про це не знаєте.

— Можливо. Тільки, як не я, то Семененко в усякому разі має знати...

— Всі беруть. Про це все місто гомонить. Мені самому пропонували 5000 крб. тільки за те, щоб написав, що отаке-то приміщення для МСС не потрібне. Братченко, кажуть, заробив не менше півмільйона. Тим-ко бере. Брав хабарі Крамаренко — через те він і не боровся з цим. Навіть твій патрон бере...

— ?!

— Еге ж, еге, чутки уперті ходять...⁸³

Мы расстались.

Иду и думаю — каковы причины этого?

Или это своеобразная форма вредительства — показать в глазах населения гнилость, продажность созданных немцами органов?

Но нет, для этого надо быть высокоидейным человеком.

Голод? Возможно. Но это не объяснение — названные люди обеспечены немцами неплохо. То что эти люди — гниль, карьеристы, мелкие беспринципные людишки? Верно последнее.

Налеты нашей авиации продолжают. Но слабее. Больше патрулирующих немецких самолетов над городом...

Орудийная стрельба на востоке становится все слышнее. «Ost-Front» сообщила вчера о наступлении немцев на Керченском полуострове⁸⁵.

15.V.42 г. Утром интенсивная и отчетливая артиллерийская канонада на восток от Харькова. Говорят, в 30 км от Харькова советские войска⁸⁶. Приблизились. Может быть, тут будет успех, который возместит потери на Керченском полуострове. По сообщению немецкой главной квартиры от 13 мая, немцы на полуострове прорвали линию фронта и окружили советские войска, взяв 40000 пленных, 598 пушек, 197 танков, 260 самолетов уничтожено. Это — результат или нежелания народа воевать, или бездарности нашего командования. Верно, видимо, второе. Все лучшее ведь уничтожено — сослано, расстреляно.

До чего не гибка политика советского правительства в теперешней войне, до чего недальновидна, до чего самоубийственна!

На Украине было бы другое. Украинский народ и интеллигенция воевали бы, будь политика другой.

Даже «Нова Україна» пишет об этом с сожалением в номере от 14 мая 42 г. в статье «Москва 1812 і 1941 рр.»⁸⁷. Какой-то Яр делает историческую параллель между этими двумя датами. Он пишет, что Александр I с целью задобрить украинцев в борьбе с Наполеоном, организовал специальные казачьи полки⁸⁸. И кончает так:

Это несомненная истина. Никаких уступок. Наоборот, систематическое уничтожение. Даже композитора Верховинца⁸⁹ загнали черт знает за что. Теперь — плоды.

Голод и смерть. Динамика ее нарастает. По данным статистического бюллетеня Управы за апрель увеличение смертности таково (и естественный прирост):

1942 год

	январь	февраль	март	апрель
родилось	113	181	230	369
умерло	1603	2133	2699	2953
в т. ч. от истощения	552	1259	1758	2061
прирост или убыль	-1490	-1952	-2469	-2584

Вывезено немцами в Германию специалистов за 4 месяца 1942 года (на 1.05.42) — 16 399 чел.

17.V.42 г. В ночь с 15 на 16-е интенсивный налет нашей авиации, продолжавшийся с перерывами более 5-ти часов. Много разрушений. Бомбы попали в корпус электротехнического института, в жилой дом научных работников рядом же, причем, одна не разорвалась, одна в... [неразбор. — А. У.] на Каплуновской; несколько бомб на Плехановской [улице]. Жертв много. Эффект чепуховский. Надо полагать, что это не русские летчики, а английские, не знающие города⁹⁰. Канонада утихла. Говорят, немцы перешли на этом участке в контрнаступление и отогнали советские войска.

Взята Керчь немцами.

Несчастливая для нас война!..

19.V.42 г. Факты и факты...

1) Смертность нарастает. За первую половину апреля умерло 1462 чел.; за первую половину мая 1711 чел., в том числе от голода 1202. На 1000 человек смертность составляет 119 — таковы данные официальной (не подлежащей оглашению!) сводки, подписанной Сосновым⁹¹.

2) Возвращаясь с огорода по Артемовской⁹², останавливаюсь против [улицы] Костомаровской какой-то женщиной, навстречу идущей.

— Смотрите, повешенный!

— Где?

— А вон на балконе.

Делаю два шага вперед и в перспективе тротуара действительно вижу — висит на балконе человек. На нем надпись. Не различаю на расстоянии. Около несколько детей и женщин.

Шлю проклятия и ухожу.

Вечером узнаю, что на этой улице было повешено двое.

3) На Клочковской улице расклеено объявление о том, что гражданка такая-то за враждебное отношение к немецкой армии заслуживает смертной казни через повешение, но от такого наказания освобождена ввиду того, что ее муж оказал ценные услуги немецкому командованию.

4) На Холодной горе⁹³ гнали арестованных, у которых проволока была взята в рот.

С 6 часов утра был на огороде. Слышна артиллерийская канонада на востоке от Харькова, но слабее, чем прежде. Налеты одинокие и слабые. Тоска неимоверная...

Мама ходит в Гигант⁹⁴ к немцам и выпрашивает пропитание. Вот до чего дожили!...

[Мама — Пелагея Фоминична Денисенко — моя бабушка, мамина мама, которую мама забрала — спасла от раскулачивания и голодомора к нам в Харьков в тридцатые годы. Бабушка бросила в Полтавской области, где она жила вместе с сыном — дядей Гришей, все: хутор (на котором и я рос) — землю, хату, удобу, реманент, все нажитое майно⁹⁵. Бросили хутора и подались «у світ»⁹⁶ и другие «куркули»⁹⁷ — мамыны братья и сестры: дядько Илько⁹⁸ (в 1937 году его арестовали и расстреляли, потом реабилитировали), тетя Мотя с дядей Гришей Городецким (оказались аж в Тбилиси), дядя Гриша с тетей Марусей (в Краснодаре). Прихватили дядю Петра с тетей Тиной и их семерых детей, вывезли в Казахстан, откуда они уже не все вернулись. Рассеялись, пропали — погибли и остальные Денисенки — потомки казацкого рода. Так перестала существовать одна из сотен украинских хуторских семей — генофонд нации, кормилица России и Европы и, как сказал граф Петр Аркадьевич Столыпин, — опора и будущее Российского Государства. Моя же бабушка — мать двенадцати детей, никогда не говорившая по-русски. Украинская

селянка Палажка⁹⁹, так и умершая неграмотной в 1950 году, успела, однако, понянчить свою правнучку — мою старшую дочку Илочку (называвшую ее «палядя»). Похоронена в Харькове на Нагорном кладбище (в конце Пушкинской).

Кстати, и мама, и отец обращались к моей бабушке только на «Вы». Отец, притом, тоже называл ее «мамой». — А. У.].

21.V.42. «Переможний фінал битви біля Керчі»¹⁰⁰ — под таким заголовком выпущено экстренное сообщение германского командования от 19 мая. Если верить сообщению, уничтожено 3 советских армии, 17 стрелецких¹⁰¹ дивизий, 3 стрелецких бригады, 2 конные дивизии, 4 танковых бригады.

Потери: 149 256 чел. пленными; 1133 пушки; 258 танков; 3814 автомобиля; 323 самолета, 372 гранатомета.

С чувством глубокой печали встретили это сообщение истинные патриоты. А может быть, немцы приврали, чтобы поднять «дух»?

А дух немецкого солдата все падает. Конца войны не видно. Борьба на востоке, несмотря на хвастливые заверения Гитлера и Риббентропа, в этом году не окончится.

В связи с этим, настроение немецкого солдата понижается. Он: 1) стал пить — все чаще видишь пьяных на улице; 2) уезжая на фронт, он плачет (сообщает одна женщина о танкисте); 3) прячет портрет Сталина, вырезанный из газеты; 4) сдается все чаще в плен, о чем сообщают сами немцы женщинам, с которыми живут.

Наоборот, дух нашей армии растет. В плен сдаются не легко, его не ищут, ибо хорошее питание, которое обещают немцы, вранье. Пленные гибнут в Харькове массами от голода, расстрелов, изнурительной работы. Ранней весной какой-то пленный, опухший, попрошайничал на Пушкинской. Каждый раз, проходя мимо, я слышал неизменное: «Помогите пленному»... Я не дал ни копейки легковой скотине.

Туго немцам. Всю Европу обобрали. Голод вызвали. Обирают нас. От городской Управы потребовали в течение суток дать сведения о запасах и производстве таких предметов: мыла, соли, чулок, носок, белья, одежды, обуви, галош.

Ясно — для чего. Не для того, чтобы снабдить, а чтобы еще и еще раз обобрать население. Сосновый собирал по этому вопросу совещание. Я не пошел.

Был полдня на огороде. Артиллерийская канонада под Харьковом на востоке явственно слышна. Когда придут наши, когда!

В первые дни своего прихода немцы говорили, что в Харькове 90% населения — большевики. Теперь — все 100%, так изменилось настроение. Все чаще слышишь: «Они нам чужие, они нас обирают... Не мы им нужны, а наша земля, богатства»...

23.V.42 г. Грабеж «культурный» нашего населения — измученно-го и голодного — расширяется... На улице Ольминского в жилом доме

НКВД¹⁰² осели гестаповцы — упитанные ослы и бездельники. Выходя из двора нашего дома, я каждый день вижу толпу женщин и детей у парадного входа. Думалось — очевидно, родственники арестованных приходят просить о чем-либо. Ничего подобного! Воскресенская (несчастливая, застал ее за перебиранием костей, выброшенных немцами) рассказала мне сегодня, что это — меняльщики, приходят к гестаповцам менять вещи — за хлеб, деньги, продукты. За бесценок сбывают ковры дорогие, серебряную посуду, золотые вещи, бархат, шелка и др. Например, одна женщина набор серебряной посуды вынуждена была продать за 900 рублей, а цена ему 2500–3000 рублей. Гестаповцы все это грузят и отправляют в Германию... И так во всей Европе...

Нет, мы с этих культурных мародеров шкуру сдерем, мы наложим на них такие платежи, по сравнению с которыми платежи плана [Дауэса (?) — А. У.] — ничто.

В первые дни прихода только и слышно было «geben Sie Brot und Zucker!»¹⁰³. Теперь мы у них просим. Чье? Наше. Хлеб едят наш, сахар наш, повидло наше, масло наше, крупу нашу — все наше, но выдается за свое. Мы протягиваем руку за своим. Свое просим. Получаем голодные пайки из наших продуктов. Все? Нет! Из 330 тысяч населения, оставшегося в городе, пайки голодные получают, будто бы, 100 тыс. человек.

24.V. 1942. Семь месяцев под игом немцев, одиннадцать месяцев нашей борьбы с Германией.

Германия пока побеждает в военном отношении. Но силы ее иссякают. ... Думалось, к этому дню наши будут в Харькове — уж слишком близко они подошли к городу. Уж слишком явственно исстрадавшееся население, ждущее большевиков, слышало канонаду. Но нет, опять утихла стрельба...

Оттеснили немцы?.. Да, по-видимому. Германская сводка сообщила вчера: «После того, как в районе Харькова враг понес исключительные потери, инициатива перешла в наши руки»... Досада и боль. Трудно нам победить немцев в открытом бою. Техники нет? Нет, слухи ходят, что техники в харьковском направлении много — тяжелые английские танки, самолеты... Но человек, видимо, не тот, организованности, как всегда, нет.

Был на огороде. Дождь не дает закончить работы.

[...]

25.V.42. Троица. Дождь. Планы пойти на огород развеялись.

Посетил проф. Чер-ко. Умён, но противоречив и непоследователен старик. Против колхозов, против социализма, но ждет красных, против немцев, считает их виновниками всех наших несчастий, — все, что делалось в последние годы на Украине (репрессии и т. д.), по его мнению, дело рук немцев. Не принимает в этом плане двух вещей: 1) что социализму, т. е. плановому хозяйству, принадлежит будущее, но хозяйству без тех бюрократических извращений, опеки, указаний как и что делать, которые

у нас были допущены; 2) что большевики, активная партия строительства этого хозяйства, в настоящих условиях является единственной силой, способной отстоять национальную самостоятельность нашу, она — носительница национальной русской идеи.

Другой силы в СССР нет...

Но отраднo было слышать, как переменился старик. Опыт, все опыт... Опыт все дальше убеждает наш народ, где правда, где вранье. Голод и смерть, принесенные немцами, говорят лучше всяких речей, брошюр, где правда. Порка крестьян (а факты порки привел Чер-ко на основании рассказов колхозницы из-под Липец¹⁰⁴), их ограбление учат...

Народ против немцев. И он не может простить нашему руководству, что именно оно политической последних лет подготовило почву к быстрому продвижению немцев...

«Та як би такого не нарobili, хiба нiмцям воювати з нами!»¹⁰⁵ — такие фразы слышны всюду...

...Чер-ко рассказал мне о разброде среди церковников Харькова. Его семья раньше ходила в церковь, сейчас не ходит: не хотят слушать предателей в рясах, которые молятся о даровании победы воинству Гитлера.

Крестьяне против автокефалистов¹⁰⁶. Из Валок¹⁰⁷ приезжала в Харьков делегация, требуя убрать попа-автокефалиста...

26.V.42 Немецкое радио возвестило городу, что три русские армии под Харьковом окружены. Призывают командиров, политруков и красноармейцев сдаваться в плен. Пленным, мол, у нас живется хорошо... Вранье и ложь!

Доктор *Panc* [? — А. У.], руководитель биржи труда, не жалеет красок. Он рисует райскую жизнь уезжающим в Германию. Он прямо живописует. Заработок хороший, питание тоже. Переписываться можно и т. д. В двух номерах подряд местной газетки доктор *Panc* изощряется. Туго, видимо, ему приходится. Не верит ему наш народ. Не верит, потому что за неявку для отметки на бирже труда арестовывают наших людей. Уже два списка опубликовала газета. Издеваются. Превращают в рабов...

[*Выврано несколько листов — А. У.*]

...мейцев бодрое. Об ужасах плена им известно. Сдаются все меньше. Но нет порядка в армии — организованности, маневренности и т. д.

Бюджет города трещит. 4,3 млн. дефицита за 2 квартал. Бюджет — потребительский: на 6,2 млн. руб. налоговых поступлений 18 млн. расходов на управление и социально-культурную сферу, значит, город живет за счет проедания основных (амортизация, прибыль) и оборотных капиталов промышленности. Хозяйство дефицитно — входит в бюджет с отрицательным сальдо, получая больше, чем отдавая. Спасти положение может торговля, которую надо всемерно обложить, но в Управе есть защитники частника.

9.VI.42. Полдня работал на огороде. Закончил. В лесу слышна канонада. Значит, фронт близко. Возвратившийся из-под Салтова¹⁰⁸ муж соседки подтверждает, что советские войска в Салтове. Если они хотя бы на час прорвутся и займут Харьков, ухажу вместе с ними — до того убийственная тоска, до того противны немцы, их грабеж, обращение, их подлинные намерения...

Опять повесили... На Журавлевке висит пять человек: двое партизан, три еврейки. На Конном базаре — троих, будто бы за грабеж.

Думал и размышлял... Если объективно рассудить, Советский Союз показал громадную силу сопротивления. В самом деле, Германия бросила почти все свои силы на одного противника (согласно плану Шлиффена¹⁰⁹), плюс румыны, финны, итальянцы, венгры, словаки и еще тысячи других так называемых добровольцев. И все же мы сумели этот натиск задержать... Слава нашей Красной Армии. Идти дальше немцы, видимо, не смогут. Их желание — закрепиться на занятой территории и восстанавить «приобретения» Брестского мира¹¹⁰.

Очевидно, в природе этого народа лежит война, в его зоологическом шовинизме, национализме. «Наци» ничего нового, никаких предлогов не придумали, оправдывая перед своим народом затеянную ими войну...

Те же мечты о Великой Германии, о господстве в Европе, что и в 1914 году, те же планы о превращении России в рынок сырья и сбыта, что и в 1914 году. Но разница та, что сейчас «наци» прикрывают все это демагогическими лозунгами освобождения — от кого? — большевиков.

Тарле правильно пишет («История Европы в эпоху 1870–1918 годов»): «Больше всего из плана Шлиффена было известно и запомнилось одно: в несколько недель война будет окончена. Несколько недель потрудиться и — победа одержана, громадные колонии отходят к Германии, обширные пахотные и богатые рудой земли переходят в самой Европе в ее обладание... Россия становится обеспеченным прочно за Германией рынком сырья и сбыта... весь континент объединяется вокруг Германии, германский рабочий класс занимает место английского и, в свою очередь, целиком почти превращается в рабочую аристократию»... Такие планы носились перед немцами. Даже Бебель¹¹¹, увлеченный, заявил, что возьмет ружье и пойдет воевать с русским деспотизмом.

Все так же и теперь. «Наци» — только орудие империалистических завоевательных планов германской буржуазии.

Если надеялись дурачки из украинских сепаратистов и германофилов о каком-то для себя месте под солнцем в завоеванной Германии своей земле, то прочитав в «Н. У.» статью «Будування нового правового ладу»¹¹² (от 7.06.42), должны будут разочароваться. Доктор Фольмер¹¹³ в интервью с корреспондентом «Deutsche Україна — Цайтунг», сославшись на якобы существование на Украине когда-то Магдебургского права¹¹⁴, заявил, что «більшовицька правова система втратила свою силу»¹¹⁵.

Что же предлагает доктор Фольмер:

1) «власність ворожої держави з майном комуністичних організацій і громадських об'єднань передавати в розпорядження німецького керівництва»... «Що належало осілому лояльному (sic!) населенню, розглядається принципово як приватна власність»¹¹⁶.

Более чем ясно: 1) государственные и колхозные земли переходят в руки немецких помещиков;

2) вводится на территории Украины немецкое право и юрисдикция — «національ-соціалістичне право»¹¹⁷;

3) созданы суды, но «посади в цих судах цивільного управління замішуються тільки випробуваними німецькими суддями»¹¹⁸;

4) на вопрос: «чи українці в майбутньому будуть брати участь у юрисдикції?»¹¹⁹, последовал ответ:

а) сперва украинский народ должен успокоиться¹²⁰ и помочь «виграти накинута нам війну»¹²¹;

в) украинцы возможно будут привлечены для работы в нотариальных конторах, но в будущем, во-первых, и только «найпорядніші й найкращі»¹²² (на немецкий взгляд!), во-вторых.

Значит, уже началось вытеснение украинской интеллигенции, пока с одного участка общественной жизни.

Неужели тупоголовым самостійникам не ясно, куда дела пойдут?...

11.VI.42 г. Под Севастополем, судя по немецкой сводке, немцы начали наступление. Под Харьковом опять оживились боевые действия.

13.VI.42 Настроение населения Харькова и, в частности, интеллигенции круто меняется. Все уверены, что немцы дальше наступать не могут и боятся, ибо это грозит растяжением фронта.

Предстоит борьба еще одну зиму, а эта затяжка для Германии губительна. С другой стороны, рухнули надежды всяких самостійників на «самостійну Україну». Право немцы вводят немецкое. В гражданских управлениях руководящий персонал — немцы. Государственные и колхозные земли — объявлены собственностью немецкого государства. Грабеж населения. Грабеж крестьянства. Все вывозится, даже мебель.

Но 90% населения Харькова ждет большевиков. Об этом из боязни быть повешенным открыто не говорят, но многозначительное молчание. Отдельные фразы говорят о настроениях больше, чем красивые речи. С возвратом большевиков связываются: ликвидация голода, безработицы, уничтожение гнетущего чужеземного ига.

Среди интеллигенции разные группировки.

Украинская интеллигенция состоит из двух групп: часть — за полную поддержку Германии и за соединение с нею узами политическими. Это — обиженные, репрессированные в свое время большевиками. Меньше всего мыслят обидами народа, чем собственными. Мелкие, ничтожные люди. Другая группа — самостійники. Германия для них — средство, цель —

самостійна Україна. Эта группа все больше начинает понимать, что в составе СССР Украина имела и будет иметь обеспеченными культуру, образование, приложение труда и что с русским народом у украинцев — связи кровные, с немцами — никаких.

Есть группа трусливых. Она за возвращение большевиков, но боится репрессий за то, что не уехали, что работают и т. д.

Есть группа, враждебно настроенная против большевиков и считающая советскую систему — организацией террора, началом всех бед и несчастий. Она за частную инициативу, как единственный рычаг экономического прогресса. Эта группа — тоже труслива, беспринципна. При советской власти двурушничала, заявляя одно, думая другое. Кобалевский¹²³, например, на днях заявил мне, что ему не по дороге с большевиками, а писал статьи о марксизме-ленинизме, клялся именем Сталина!...

Хочется, кстати, написать — отсутствием ли частной инициативы объясняются наши экономические трудности или тем особым исключительным положением, в котором очутилось первое в мире советское государство, будучи окруженным врагами и вынужденное за счет народа строить индустрию.

Нет, ничего не понимают верящие в силу частной собственности в действительности...

По сообщению германской сводки на востоке от Харькова наступательные операции немцев приобрели... [*неразбор.* — А. У.] характер. Будет или не будет взят Харьков?...

14.VI.42 Был на базаре. Нищета и голод. На мосту длинным рядом сидят исхудалые, на скелет похожие, маленькие дети 3–6 лет. Протягивают руки. Тяжело смотреть. На базаре продуктов много. Но дорого. Есть специальный крытый рынок, где торгуют только печеным хлебом — 120 рублей кгр.

Встретил студента (фамилию никак не вспомню), работает в Дергачах. Был в последние дни младшим лейтенантом-зенитчиком. Остался в Харькове. Ясно — дезертир.

— Ну как живете?

— Плохо, — отвечаю уклончиво.

— Я — хорошо, в продуктах не нуждаюсь. Как с продуктами у вас?

Отвечаю. Обещал достать ячмень за подбор литературы по калькуляции.

Очевидно, врет, что население в Дергачах воспрянуло, что с рвением обрабатывает землю и т. д. Знал его, как малоспособного и недалекого студента.

16.VI 42. Немцы на востоке от Харькова пошли в наступление. Наши топтались, топтались, пока немцы не взяли инициативу в свои руки. И так — всегда! А ведь месяц тому назад взять Харьков было куда легче.

Немцы на этом участке в то время не имели достаточно ни живой силы, ни вооружения.

В юридическом отделе Управы находится дело о воровстве бургомистра 3-го района. Замешаны, как соучастники, ответственные работники (и даже заместитель обербургомистра Кожух-Кублицкий) — Мигулин, Федосеев (нач. жилуправления). Присваивали себе вещи бежавшего от немцев населения... А взяточничество... цветет розовым цветом!..

17.VI.42 Пущен трамвай на участке [Южный] Вокзал — Тракторный [завод]. Билет от вокзала до центра — 1,50 р., до Конного базара — то же, до тракторного — то же. Ходит 10 вагонов, полупустые. Первый (моторный) вагон отведен исключительно для немцев. Надписи на вагонах — немецкие.

19.VI.42. Налет нашей авиации в ночь с 18 на 19 июня после длительного перерыва. Трудно в городе бить немцев. Живая сила расселена по домам попеременно с гражданским населением (редко — в общественных зданиях), машины, пушки расставлены по дворам, на тротуарах под деревьями. Во-первых, заметить сверху даже при освещении ракетами (как сегодня) очень трудно; во-вторых, бить, не рискуя вызвать большие разрушения жилых домов и жертвы среди гражданского населения, тоже мудрено. Но все же радостно было на душе. Значит, фронт на восток от Харькова не отодвинулся, немцы не могут наступать (не не хотят, а не могут!) — вот факт большой значимости и крупных последствий...

Газета сообщает, что Молотов ездил в Лондон¹²⁴.

20.VI.42 Два факта радостно взволновали. В «Ost-Front» напечатано заявление (конечно, с ироническим комментарием немцев) о том, что инициатива выскользнула из рук держав Оси¹²⁵ и что союзники сами определяют место и время, когда можно будет нанести удар противнику...

... Сер-кий под секретом сообщил (информация радиозайца!), что в Москве состоялась сессия Верховного Совета. Выступал Молотов и заявил, что: 1) Америка предоставила СССР 20 млрд-ный заем на 20 лет (согласен платить, работать, как вол — лишь бы не быть в рабстве); 2) в Лондоне сейчас во время его поездки подписано соглашение о создании второго фронта уже в этом году; 3) угроза Москве миновала.

... Гитлеровцы чуют перелом не в свою пользу, чуют начало конца и выпускают все чаще воззвания. В очередном хвастливом воззвании, прикидываясь «освободителями», подводят итоги году войны, просят верить только германским данным о потерях СССР, не верить Сталину и т. д. 4,5 млн. пленных будто бы они взяли за год?! Врут.

От хорошего положения воззваний писать не будут...

Сегодня пошел трамвай по Пушкинской.

21.VI.42. Воскресенье. Канун годовщины войны. Был на огороде. Дожди уже мешают росту. Проходя мимо [стадиона] «Динамо», слышал, как

немцы забавляются футболом. Кроме женщин, гуляющих с немцами, не видно, чтобы наш народ смотрел это зрелище.

22.VI.42. годовщина войны... Такой же пасмурный день. Тогда было воскресенье, сегодня понедельник. Год ужасных страданий, сотни тысяч жертв. Год трагедии Советского государства.

Когда прогремели первые выстрелы, никто не ожидал, что Германии удастся захватить такую огромную территорию, — от Ленинграда через Волхов, Ржев, Вязьму, Орел, Курск, Чугуев¹²⁶ до Таганрога... Но это факт. Никто не ожидал, что война разгорится на нашей территории. Но это факт. Никто не ожидал, что Харьков будет превращен в развалины, что в нем не станет воды, света, средств сообщения, хлеба, более 2/3 жителей, что смерть от голода будет уносить ежедневно по 100–120 человек только попадающих в регистрацию. Но это тоже факты.

Война требует жертв. Я не ожидал, что **она потребует жертвы моим сыном... Если эта жертва на алтарь родной страны принесет миллионную хотя бы часть успеха в общей борьбе за ее освобождение — тогда она нужна и оправдана...**

Итоги... Нет, об итогах стоит написать, когда швабы¹²⁷ будут изгнаны...

Главнейший итог состоит в ослаблении ударной силы немецкой армии, в остановке ее движения.

Главнейший итог состоит в прозрении народа оккупированных областей, в том, что он понял, какие планы скрыты гитлеровцами под громкими лозунгами об «освобождении» нас от большевизма.

Главнейший итог состоит в том переломе, который, судя по отрывочным данным, произошел в Красной Армии, в ее настроении, в настроении народа. О, если бы можно было передать советским людям чувства и страдания (нравственные и физические) людей, волею судеб очутившихся под немецким сапогом!..

Пусть Гитлер берет Керчь, пусть падет Севастополь¹²⁸ (в эти дни, видимо, будет решена их судьба), но это — последние его успехи.

Сейчас уже ясно, что ему не победить и не осуществить мечты о Великой Германии, о ее руководящей роли в Европе, о «новом», но по существу еще Вильгельмом и его кликой выпестованном, порядке, о захвате русских земель и т. д.

Сейчас уже также ясно, что даже при лучшей организации и порядках в нашей армии, ей трудно было бы устоять против немецких полчищ, усиленных румынами, венграми, итальянцами, финнами, словаками, русскими белогвардейцами и другими.

Сейчас достойна удивления сила сопротивления, показанная Красной Армией. Мы показали свою силу перед лицом стольких врагов.

Управа перебирается сегодня в здание городского Совета.

23.VI.42 Был в здании городского Совета. Первое башенное крыло представляет грустную картину. Мебель исчезла. Остатки ее валяются

разбитыми. Окна побиты, надписи на дверях тоже, но не все: осталась, например, надпись «финансовый отдел». Мешочки с песком валяются...

Когда-то здесь кипела жизнь свободного города...

Ночью наш самолет над ближайшим кварталом пустил ракету. Отчетливо видел и парашют. Но бомбежки не было, кажется.

... Нет, брошено несколько бомб: одна в дом, соприкасающийся с двором типографии «Коммунист»; еще одна упала, вырыв в тротуаре глубокую воронку, на правой стороне улицы Пушкинской; две упали на тротуаре против 4-й поликлиники¹²⁹, в которой выбиты все окна, то же — в редакции газеты «Нова Україна»¹³⁰. Есть жертвы. Видел, идя на работу, толпы немцев с грустными лицами, выглядывавшими из здания и двора поликлиники.

С военной точки зрения урона никакого. Виноват летчик. Но можно его оправдать? Да, безусловно. И это написано на лицах наших людей.

Замечательные строки: «Германцы явились в Европу, *как завоеватели*. Они предоставили обработку земли *порабощенным народам*, сами же из себя образовали *военное правящее и эксплуатирующее сословие помещиков* [курсив мой — М. У]. (Миклашевский А. Н. «История политической экономии», стр. 86, Юрьев, 1909 год).

Звучит по современному...

26.VI.42. Восемь месяцев Харьков в руках немцев. Неоднократные попытки наших взять город кончались неудачей. Нет, еще и еще раз убеждаюсь, что дело не в народе, а в командном составе, в полководцах, в неразберихе и, как следствие, неудачи. Разговоры с беженцами из Донбасса (много их проходит через Харьков, таща повозочки) и слухи, проникающие с той стороны фронта, убеждают, что неразбериха в тылу и на фронте продолжает царствовать. Неужели ничему не научились? Неужели не прекратили болтовни — несносной и глупой?

Ту же глупость проявляют к населению, оставшемуся здесь. Сер-кий рассказывал опять, что расстреливают всех, кто работал в каких-либо учреждениях при немцах... Какая глупость, какое невежество, незнание подлинных мыслей народа!..

... Самолет сбрасывал листовки... Содержание их (мелкие факты, незначительные события, от ознакомления с которыми становится грустно) тоже говорит о неумении привлечь на свою сторону симпатии.

Немцы развесили по улицам отвратительные плакаты. Все о «душегубе» Сталине, все об евреях... Идет человек, остановится, глянет и, не читая, следует дальше... Этим не возьмешь...

... Коб-кий — трус. Сегодня я заявил ему в разговоре, что считаю большевиков единственной силой, способной пока еще освободить СССР и объединить для этого народ. Не согласен он...

Ночные налеты наших продолжаются, но я сплю.

27.VI.42 Через 8 месяцев и 3 дня (27 июня) впервые у меня в квартире появилась вода. Надолго ли?

— После продолжительных боев на харьковском направлении наши войска оставили город Купянск...¹³¹ Слышите? — язвительно продолжает голос... «После продолжительных боев на харьковском направлении»... Пойми где...

Язвительный голос не унимается, комментирует — у меня падает что-то, обрывается. Неужели, правда, неужели Купянск в руках немцев?

Я оглядываюсь. Голос — Обченко, начальника канцелярии Управы, который сидит за соседним столом и рассказывает это сообщение советского радио сидящим с ним.

До каких пор нас будут преследовать неудачи? Налет нашей авиации... Слабее предыдущего.

28.VI.42 Воскресенье. Работал на огороде. Не радуется ничто. Какая тоска, какая тяжесть на душе! Как вырваться из этой обстановки, куда и как уйти от этого ненавистного немецкого окружения?

Возвращаясь с огорода, встретил наших русских женщин, прогуливающихся с простыми немецкими солдатами на опушке парка. Холодным ненавидящим взглядом обдал я их, проституток, потерявших все, а, главное, забывших свою славянскую честь, свое достоинство.

Местная газетка сегодня «порадовала» читателя двумя заметками: в первой под заголовком «Ревізія дарвінізму»¹³² речь идет о том, что немецкие ученые (все немцы) «перевернули» Дарвина: «не людина повстала від мавпи, а мавпа від людини»¹³³. Доказательства? Никаких! Во второй описана поездка каких-то крестьян Украины, Белоруссии, Смоленской области и других в Германию. Что же немцы показали делегации? Разумеется, хозяйства крестьян-немцев. Каких? «Йогана Маєра, який має 75 га землі, Вольфа, що має 131 га землі, Германа — 35 га землі». Нічого собі, «селяни»¹³⁴...

В ночь с 27 на 28 июня налет нашей авиации. Немецких машин всюду стало меньше, особенно, в парке. Видимо, немцы боятся.

29.VI.42... И сейчас она перед моими глазами: широко открытый беззубый рот, сложенные крестом руки, одета в рвань... Это — мертвая старуха, жертва голода, лежит на подмоете (*так в оригинале — А. У.*) ограды рядом с домом, где помещался на Пушкинской когда-то 3 район милиции¹³⁵ (теперь там так называемая украинская полиция). Мимо проходят равнодушные люди — наши, немцы...

Немцы взяли Волчанск¹³⁶ и Купянск¹³⁷. Это подтверждает Лембирко (*соседка — А. У.*) возвратившаяся вчера из Салтова¹³⁸. Салтов разрушен. Наши войска стояли там 3 месяца. Ушли 12 июня¹³⁹, будучи охвачены кольцом. Население радостно встречало Красную Армию, со слезами провожало. Ненависть к немцам растет...

Понять и оправдать...

Величайший переворот у нас в сельском хозяйстве... Он потребовал много жертв, но историей он будет оправдан.

...
30.VI.42. Вниз по [улице] Чернышевского мчится немецкая машина. Впереди по тротуару в том же направлении идет гражданин. Вдруг машина останавливается, выскакивает немец и бьет с обеих сторон гражданина... «Я испугался, — говорит рассказывавший мне это Вишневский, — думаю, с чего бы это он.

— Подбегает немец ко мне и зло спрашивает, где Сердюковский переулок...

Я указываю и тогда только догадываюсь, что, очевидно, немец на ходу спрашивал об этом гражданина, но тот не расслышал»... Да, мы рабы...

Плановый отдел составил сводку имеющихся запасов промтоваров, полуфабрикатов и т. д. Немцы (по их требованию это и было сделано) сразу схватили ведомости и сейчас же начали совещаться... Не иначе, как начнут грабить и вывозить...

Тоска невыносимая. Как вырваться из этой проклятой действительности?..

Если возвратятся большевики, — я вступаю в коммунистическую партию...

1.VII.1942. Факты: 1) Гайдашев, бывший студент коммунального института, которого встретил, рассказал мне о пребывании его приятеля в Германии, завербованного и возвратившегося:

а) Живут во французских лагерях за проволокой; б) питались подачками немецких рабочих; в) хлеба дают 300 грамм в день и один раз в день супу; г) все держится в Германии на военной дисциплине; д) наши там на положении военнопленных...

2) На углу Пушкинской и Технологической стоит женщина с маленьким ребенком и просит милостыню. Я прохожу мимо, но не выдерживаю, — уж слишком необычна просительница. Возвращаюсь, даю рубль. «Что — безработная?» — спрашиваю. «Да, муж в армии, а нас трое, еще мать».

— Это хорошо, что в Красной Армии, — говорю. — А в прежние времена вы бы просили?

— Нет, — отвечает, плача.

— Вот это они виноваты, — говорю я, показывая на немцев.

— Да, да... — лепечет женщина.

Я — агитирую. Надо подкапываться под этих грабителей и будить чувства ненависти в народе к ним...

3) Немцев и машин в городе стало значительно меньше — или уехали, боясь налетов, или фронт отодвинулся на северо-восток дальше от Харькова. Машины с пушками и другим раньше двигались вверх по Сумской по направлению к Белгороду, теперь — обратно и поворачивают на Московскую. Очевидно, это связано с операциями за Купянском¹⁴⁰.

2.VII.42. С 1 июля уволился в Міськспоживспілці. Не мог совмещать: и здесь и там были недовольны...

Курилка жив! Лукьянович рассказывал мне, что в Харькове официально существует дворянская группа¹⁴¹. Дворяне подали заявление в Берлин, и оттуда последовало разрешение самоорганизовываться. В президиуме тупица Бекарюков¹⁴², ведающий сейчас контрольной инспекцией Управы, отец которого был когда-то в Харькове предводителем дворянства. Активную роль играет и Герценвиц¹⁴³, совершенная бездарность, уволенный из планово-экономического бюро Управы. С землей, которой домогается группа, у нее ничего не выходит. Пока она рассовывает и растыкивает своих людей — бездарных дворянских отпрысков. Брызжат ненавистью к большевикам... Вот оно, классовое лицо!.. Все правда, что говорили и писали большевики.

3.VII.42 Севастополь пал... Теперь весь берег Черного моря в руках немцев. Еще один удар. Не повлияет ли это на поведение Турции¹⁴⁴?..

Сегодня годовщина выступления Сталина по радио. Оно было предостерегающее и обнадеживающее. Теперь надежды рухнули... Народ считает его виновником всех наших несчастий...

На южном и среднем участках фронта, как сообщает немецкое командование, немцы перешли в наступление... 1 июля. Запомним эту дату. По всей вероятности, успех им обеспечен.

Возвращенный после цензурного просмотра немцами «Місячний огляд за травень»¹⁴⁵ оказался без 10 таблиц. Немцы запретили печатать: 1) данные о смертности; 2) о числе получающих пайки; 3) о бюджете (таблица составлена мною) и другое. Оставили эти таблицы только в 5 экземплярах «огляда» для руководства...

Комментарии излишни...

7.VII.42. Немцы наступают. Достигли Дона передовые части. Курс на Воронеж. Может быть, он уже взят? План их ясен: разорвать фронт на две части — южную и северную, отрезать южную армию от северной и окружить ее. Надо ожидать, что на таганрогском участке тоже пойдут немцы в наступление и где-то сомкнутся.

8.VII.42. Экстренное сообщение немецкого командования о взятии Воронежа. Это — крупнейший удар для нас. Во-первых, Воронеж крупный индустриальный центр (самолетостроение, синтетический каучук); во-вторых, центр хлебоборобского края; в-третьих, узел железнодорожный, связывающий Донбасс с Москвой. Падение Воронежа означает перерыв этой связи, последствия которой трудно недооценить.

Советское командование ударом во фланг в районе Орла старается ликвидировать прорыв и, тем самым, также облегчить положение нашей армии, действующей на север от Харькова. Но все зависит от умения маневрировать, от способностей командиров. Немцы это доказали, и командиры у них есть. Война нынешняя — маневренная. Решает здесь подвижность и командный состав...

Сегодня около 12 часов дня пустили слухи о падении Ленинграда. Кто — немцы? Или их доброжелатели? Селезень не выдержала и, подбегав ко мне, с сияющим лицом, сообщила эту печальную вест, прибавив: «...Скорее бы взяли Каир», (там у нее родственники со времен гражданской войны).

К вечеру «утка» таки оказалась уткой. Это тем более было очевидно, что наступление в том секторе немцы не предпринимали...

... Последние кровопролитные бои за Севастополь, по сообщению из Берлина, происходили в ночь с 4 на 5 июля. Корреспонденция не может скрыть того волнующего, говорящего о патриотизме русского народа, факта, что сражались женщины («багато жінок»¹⁴⁶)... Нет, русский народ не будет побежден!..

Борьба не окончена. И, несмотря на поражения последних дней, настроение в Харькове самых прогерманских элементов отнюдь не в пользу немцев.

Не видно, чтобы и немцы были полны энтузиазма от своих успехов. Простые солдаты читают сводки своего командования, вывешиваемые около редакции «Ost-Front» с сумрачными безразличными лицами...

Две ночи налетов нашей авиации нет. Самые сильные последние налеты были в ночь с 5 на 6 и с 6 на 7 июля.

10.VII.42. Сосновый передавал свой разговор со Слипченко¹⁴⁷, который сказал, что настроение населения к немцам в городе за последнее время резко изменилось...

— В какую сторону? — спрашиваю.

— В бік погіршення¹⁴⁸, — ответил Слипченко.

Очень хорошо, что Слипченко, в своем националистическом ослеплении, способен наблюдать и правильно оценивать факты.

Тот же Сосновый рассказал, что в город приезжал корреспондент орловской газеты «Рать», издаваемой на немецкие деньги (я его видел — глупая личность), который передавал такие настроения орловчан: «На Украине Гитлер оперирует пусть лживыми, но лозунгами национального освобождения, а в Россию зачем он пришел?».

12.VII.42. Сегодня воскресенье. Встал в 4 часа. Тоска и злоба, злоба и тоска чередуются внутри. Не подозревал, что ненависть к нашим поработителям может набрать такой глубины. Идешь по улице и еле сдерживаешь себя, чтоб не ударить вот этого самодовольного, тупого немецкого офицера, вон ту толстозадую неуклюжую немку — сестру милосердия... Бить и бить их, сволочей! Это они, одурманенные кликушей Гитлером, разорили Европу, нашу страну, объели — голодные — все и всех, едят наш хлеб, наше масло, наш сахар, выдавая за свое; разоряют дома, грабят. Это они, националисты, навязывают нам штыками свою волю, нам, защищающим свою национальность и свободу. Ирония! Последователи национал-социалистической доктрины, оружием

осуществляющие ее в жизни, отказывают нам в праве защищать свою национальную доктрину.

Германцы всегда были варварами — эти тупицы, не стоящие и подошвы нашего талантливому, но со слабыми национальными чувствами, народа.

Борьба идет не с большевизмом, не с большевистскими войсками (как лживо говорят гитлеровцы), а с русским народом. В эту сторону повернуть агитацию.

Да, не большевистские, а русские войска борются, русский народ. Этого не понимают только трусливые, бесхребетные глупцы вроде Кобалевского, ранее писавшего марксистские статьи в духе марксизма-ленинизма, кричавшего «Слава Сталину!», а теперь заявляющего, что большевики проиграли, что ему с ними не по пути...

Эти глупцы, хамелеоны, никогда ничем не пожертвовавшие во славу своей страны, не умеют и не хотят оценить таких фактов, которых даже немцы не могут скрыть, как: 1) участие тысяч женщин в обороне Севастополя; 2) жестокие уличные бои в Воронеже, «коли доводилось, — пишет в корреспонденции из Берлина (см. «Н. У.» от 12 июля 1942 года), — очищати кожен будинок»¹⁴⁹.

Нет. В России население встретит по-иному «освободителей»... Там — не Украина, с ее безмозглой, никогда ничему не учившейся интеллигенцией, которая для «освобождения» Украины всегда прибегала к силе чужих штыков — от Мазепы до Грушевского...

Как перебраться к нашим... Голова трещит от дум и планов... Работа моя в Управе все более становится невыносимой...

Сидел в городском саду и думал: нет, не слабость, а силу показал в этой борьбе Советский Союз. Гордость, гордость должна звучать в нашей душе за наш героический русский народ, с таким мужеством отстаивающий каждую пядь родной земли от навалы с запада.

Подумать только! Финны, румыны, венгерцы, словаки, итальянцы и так называемые «добровольцы» с одной стороны, вместе образующие армию не менее 1–1,2 млн. человек; немцы — с другой, с армией в 5 млн. человек, всего 6–6,5 млн., плюс промышленность почти всей Западной Европы, плюс мощная германская промышленность, — таковы силы, противостоящие одному, только одному Советскому Союзу, который потерял 2/3 своей промышленности. И все же он, Союз, сопротивляется, наносит удары, отражает атаки, изматывает врага, не отдает без боя ни пяди земли.

Нет, это достойно удивления! Это — результат политики индустриализации, политики коммунистической партии.

Вот эту мысль, мысль о силе, а не слабости нашей родной страны, нужно ширить среди... (*неразбор.* — А. У.) здесь нам, немецким пленникам, и, тем самым, выбивать из рук немецкой пропаганды оружие о нашей

якобы слабости, гнилости большевизма и тому подобное, о том, что нам не за что воевать, что мы нищие и т. д.

Да, мы лично не богаты, но мы жертвовали настоящим во имя будущего нашей страны.

Духовные отцы нынешних «наци» — Ф. Лист¹⁵⁰, Книс¹⁵¹, Рошер¹⁵², Л. Брентано¹⁵³, Шмоллер¹⁵⁴ — теоретики национал-социализма в экономической политике, знали, что построить промышленность без жертв нельзя. Вот что писал Ф. Лист: «Нация должна жертвовать и мириться с недостатком в материальном богатстве, чтобы приобрести интеллектуальные и социальные силы для его развития: она должна пожертвовать настоящими выгодами, чтобы обеспечить себе будущее».

Мы — жертвовали и делали правильно.

14.VI 1.42. Некоторые из форм грабежа...

Плата за пользование трамваем установлена в 1 р. 50 коп. (участок); из конца в конец выходит несколько рублей (5–6). Немцам — льгота или, иногда, и даром. Весь передний вагон в их распоряжении.

На днях за подписью главного инженера водопровода Гарева и начальника планового отдела Скитикова представлены, согласованные с немецким уполномоченным на водопроводе, тарифы на воду. На 3 квартал расходов по воде водопровод будет иметь 5550 тыс. рублей. Установка — ни прибыли, ни убытка. Ежемесячные расходы в среднем 1850 тыс. руб. Как их покрыть? В тресте решили просто: 1480 тыс. руб. брать на покрытие указанной суммы ежемесячно с населения. Водомеров нет. Потери воды — громадные, около 50%. Выход — подушная раскладка, причем, независимо от того, есть в доме вода или нет, — плати.

5 рублей с души в месяц за воду плюс 3 р. канализация, итого — 8 рублей. Мне платить ежемесячно только за воду 32 рубля, а за квартиру с налогом плачу 58 рублей. Соотношение небывалое.

В чем загвоздка?

Требую калькуляцию. Главный расход — электроэнергия, она занимает 80% в эксплуатационных расходах водопровода.

Значит, дело в стоимости электроэнергии.

Вызываю электросеть и ДЭС № 1.

Электросеть получает в среднем электроэнергию по 1,15 р. за кВт, плюс 9 коп. потери — 1,24. плюс транспортирование 10,7 коп. — 1,347, плюс налог с оборота 7 коп. — 1,417.

Почем продавать электроэнергию?

Немцы предложили такие тарифы: трамвай — 2 руб. за кВт, все прочие коммунальные предприятия — 1,5 руб. за кВт.

Значит, электроэнергия дорога не благодаря сбытовой организации, а производителю.

Смотрю калькуляцию ДЭС № 1. Себестоимость — 1,21 руб. (ХПЗ¹⁵⁵ — 1,00 условно, немцы не показывают, ХТИ¹⁵⁶ — 71 коп.).

Оказывается, только одно топливо занимает в себестоимости электроэнергии 79,8% против 30–45% до войны.

— Откуда берете топливо? — спрашиваю.

— С Домбровского района, говорят.

— Как говорят? Разве точно вы не знаете?

— Нет.

— Почему считают топку?

— Немцы сказали, по 500 рублей.

— По 500 рублей?

— Да.

— А счета у вас есть

— Никаких.

— Значит, вы калькулируете, не имея счетов и не зная твердо, откуда уголь?

— Совершенно правильно.

Дело ясное. Стоимость электроэнергии дутая. Топливо, по-видимому, наше, а не с Домбровского района. За пользование электроэнергией сами немцы не платят по пятсот. С кого содрать? С населения. Вот происхождение дороговизны воды и трамвая...

Из всех налогов (подходного, налога с оборота, налога на зарплату, кроме жилищного) немцы берут 20%. Во 2 квартале они взяли 1407 тыс. рублей.

Грабеж!

— Сенсация! Кобалевский вчера говорил мне, что, будто бы, в Управе целая большевистская организация и что перелом ноги Семененка, происшедший во время выхода его из автомобиля, — акт политический, и исполнитель — шофер¹⁵⁷.

Надо разузнать подробно.

18.VII.42. Подготовка к выдаче хлебных карточек. Кому? Только работающим. Норма? Самая нищенская: 8 кг. муки в месяц на одного и 4 кг. на иждивенца (по прямой линии, мать жены в толковании немцев — не иждивенка). Не знаю, выдадут ли на жену муку, она — работоспособная.

Ну, допустим, выдадут. Итого — 16 кг. в месяц, плюс припеку не более 10%, всего 17,6 кг. хлеба, что выходит в день на душу по 195 граммов, и больше — ничего, ни крупы, ни жиров...

В предстоящую зиму придет, видимо, конец. Менять нечего, да и негде. Крестьяне, ввиду недосева и изъятия хлеба немцами, отказываются менять.

Да, кроме того, немцы заявили, что, выдав карточки, они немедленно прекращают связи с селом, закрывают базары и всякие обменные операции запретят.

Голод, нищета, смерть...

Три огненных слова. Они кричат на улицах Харькова. Голод светится в глазах. Нищета знает: все распродается, все плывет в руки немцев за бесценок, в руки спекулянтов — одежда, мебель, драгоценные вещи, обувь. Правда, мебель не в ходу. Мебель немцы забирают — вывозят.

Нельзя без боли смотреть на протянутые руки и молящие глаза. Много их на улицах...

— Ради Бога, дайте что-нибудь поесть, — молила меня женщина на Пушкинской. Еще три дома — другая, еще четыре — третья. А вот эта — не просит, она лежит с протянутой рукой. А вот ребенок — мальчик 4–5 лет — с кружкой для милостыни заснул, бедняга, на скамеечке против клуба НКВД на Совнаркомовской...

И... безработица...

«Ваша потребность определяется тем, сколько вам дадут», — ответил Ромпель, особоуполномоченный в Управе, Куликову на ходатайство дать 1200 тонн соли. Ясно и коротко.

А дураки из лагеря самостійников пишут об «экономической политике» Управы (так начинается докладная записка председателя кооперативной рады Фесенка о торговле). О какой экономической политике? Неясно ли, что не он, а немцы творят и будут творить экономическую политику — грабежа и насилия...

На всем южном фронте немцы продвигаются. Вчера прошел слух о взятии Ворошиловграда. Еще чаша не испита. Еще предстоят разочарования. Но почему-то крепнет уверенность в нашей победе.

20.VII.42. Факты...

Иду по Каплуновской в поисках 2-й районной Управы¹⁵⁸.

— Не знаете, где помещается 2-я Управа? — спрашиваю идущую мне навстречу гражданку с портфелем.

— А вот, пройдете несколько дальше и направо увидите фашистский флаг, — отвечает гражданка, делая ударение на слове «фашистский».

Этого слова избегают в Харькове — боятся... Я радуюсь крепнущему сознанию народа. Хочу улыбкой поблагодарить гражданку, но она уже далеко.

Из городского сада спускаюсь вниз к Клочковской. Налево у дорожки молча лежит старик на боку, вытянув руку, прося... 15 шагов дальше тоже старик, но тот сидит. Ноги опухшие, одна обвязана тряпьем. Этот громко просит... 10 шагов дальше, в канавке, размытой сточными водами, лежит пожилой мужчина. Жив? Нет, мертв: ноги вытянуты, рука одна на груди застыла в оцепенении, другая — сбоку. Лицо прикрыто платком — чья-то заботливая рука сделала. Около него — гитара. Мимо проходят прохожие... Жертвы голода...

Уже третий раз приходили немцы в поисках, как они говорят, еврейской мебели... Забирают, вывозят...

21.VII.42. В вагон трамвая входит контролер — немец, военный. У одной гражданки не оказывается билета. Немец останавливает вагон, выво-

дит гражданку из вагона и бьет по лицу. Плач и крики... Гул возмущения в вагоне... Это немецкий «культурный» прием...

Сращивание руководящего персонала Управы с частным спекулятивным капиталом — факт несомненный.

Галицкий разбазаривает предприятия, передавая их в руки частных обществ. Оттого Управа в руках спекулятивного темного элемента. Взятки и взятки... Мысль одна — хоть день, да мой. В случае чего — запасусь капиталом. Ни грани идейности, никакой заботы о народе у этой купленной немцами банды, которая так кричала и продолжает кричать против большевиков, действительных защитников народа.

Немцы продолжают двигаться на восток. Судя по вчерашней сводке, они северо-восточнее Ростова¹⁵⁹.

24.VII.42. Дети, дети — их жалко. Много их ходит (и сидит) по улицам с грустным, голодным взглядом...

У противоположной скамейки подбирает тщательно и ест лузгу от семечек и еще что-то голодный мальчик. Ему лет — 7–8. Ноги опухшие... Ах, эти ноги!.. Я не видел еще таких опухших ног именно у детей. В руках у него — маленькое детское ведро. Оно чем-то набито. Мальчик не смотрит вверх, по сторонам. Нет, взор его опущен долу. Он упорно ищет на земле... чего-нибудь поесть. Но ничего не находит. Потом садится на скамейку, на которой сижу я и еще две гражданки. Я тоже голоден. Я не могу сосредоточить своих мыслей на раскрытой передо мной книге. Я мечтаю о кушаниях «довоенных», «донемецких». Но, по сравнению с этим мальчиком, я сыт — сегодня я ел.

Он что-то говорит... Мне слышен его голос, но разобрать не могу, — он сидит на другом конце скамейки. Наконец, понял:

— Чи не можна у вас переночувати?

— А ти звідкіль?

— З Дементіївки¹⁶⁰ (или что-то в этом роде).

Я собираюсь его расспросить подробнее, почему он, крестьянский хлопец из неголодающих сейчас сёл, очутился в городе. Но тут его зовут в расположенное рядом кафе. Накормить? Возможно. Я все же сомневаюсь в добрых чувствах владельца кафе. У меня все вертится мысль, уж не собирается ли владелец позвать мальчика к себе, предварительно накормить, а потом... потом убить и частями продавать... Это возможно, это так возможно сейчас... Но оснований нет. И я ухожу.

... Немцы окружили Ростов-на-Дону и перешли, будто бы, нижнее течение Дона.

... Я решил ехать на село. Теперь начинается страдная пора. Может быть, подработаю хлеба. С этой мыслью зашли я и К-о к заведующему сельхозотделом Управы, надеясь у него получить помощь и совет, куда и как податься с этой целью. Он — руководитель «державних маєтків»¹⁶¹, принадлежащих Управе. Их 16 и, казалось бы, продукция хозяйств должна

была бы целиком поступать Управе. Но — нет. Немцы, якобы, уже запретили продавать. Овощи берут по запискам, нарядам — 50% идет в их руки. В наш кооператив — ничего. Хлеб? Хлеб, уверяет руководитель, тоже будет взят немцами. Об этом они уже заговаривают... (*неразбор.* — А. У.).

— От бачите, — кончает беседу заведующий, — пошлю я вас в маесток, а хліб німці заберуть.

— Але платитимуть? — спрашиваю.

— Платить платитимуть, але грішми и 800 грам зерна на день, яке там же проїсте. Дело ясное, и мы уходим.¹⁶²

Девять месяцев со дня оккупации Харькова... Ужасные девять месяцев...

28.VII.42. Впервые получил 25.VII.42 хлебные карточки на ребенка и жену. Матери не дали. Матерей кормить не надо!..

Какой-то Герберт Виртген в статье «Два світи»¹⁶³ («Н. Україна» за 26 и 28 июля) выболтал подлинное лицо нацизма. Ее цель доказать, что фашистской идеологии могут сподобиться только немцы, другим народам уготовится другая идеология.

Во первых, Виртген утверждает, что «Ад. Гітлер ніколи не нав'язував іншому народові своїх націонал-соціалістичних ідей».¹⁶⁴

Мы, конечно, и так знали, что Гитлеру наплевать на світогляд¹⁶⁵, ему земля нужна.

Во-вторых, «що йдеться зовсім не про те, що будь-який народ прийшов до Німеччини та просто так перебрав собі націонал-соціалістичний світогляд»¹⁶⁶.

Но, почему бы не сделать этого, если он такой хороший?!

В-третьих, «націонал-соціалістичні ідеї А. Гітлера властиві німецькому народові і для нього створені. Націонал-соціалістичні ідеї не є дешевим товаром і не будуть ним»¹⁶⁷.

Все ясно: нацизм — идеология господ, немецких господ; нам, завоеванным (пока!), готовится другая идеология — идеология рабов. Ибо таково назначение всем, кроме немцев, по учению нацизма.

Я сижу на скамейке. Рядом со мной гражданин, больной, с палочкой, грызет косточки. Оказалось — бывший продавец.

Злоба дня — сегодняшнее объявление в газете: «від сьогодні Штандорт-комендатура не видаватиме перепустки для перевозу харчових продуктів ні окремим особам, а ні кооперативним організаціям»¹⁶⁸.

Хождением за продуктами народ кормился. Теперь прямая смерть, ибо 200 и 100 грамм хлеба (для иждивенцев) такой конец вполне обеспечивают.

Базар реагировал немедленным поднятием цен — стакан ржи в понедельник стоил 13 рублей, сегодня утром — 18–20 рублей.

Гражданин не выдерживает:

— Что же это в самом деле будет?

— Вы о чем?

— Да об сегодняшнем объявлении.

— То будет, что должно быть, — отвечаю я уклончиво. Не знаю, кто он.

— И когда война кончится. Наверно, есть такие люди, что знают это. Говорят, во время боев на Марне¹⁶⁹ в ту войну какой-то генерал сказал, что Германия проиграла войну. Теперь тоже будет. Ведь английская армия не тронута, а на нашем фронте немцы несут огромные потери. Один немецкий офицер рассказывал, что он нигде не видел столько трупов, как в Ростове.

Мне ясно, что собеседник не опасный человек.

— А вы думали, что Германия выиграет войну?

— Вот мне тоже так кажется. Население против немцев.

— Как против? А перед оккупацией многие из наших болтали, что немцы белые булки дадут и прочее. Разве теперь изменишь настроение? — вызываю на откровенность.

— Между нами говоря, 99% населения ждет большевиков.

Окончательно убеждаюсь в его умонастроении и начинаю агитацию. Я говорю, что расклеенные плакаты об «освобождении», о борьбе с большевизмом — брехня, что немцам нужна земля, рынки сбыта, что хотя нам и было трудно, но посмотрите, что мы за 10 лет построили...

— Да, да, — прерывает он меня, — взять хотя бы Харьков.

— Вот видите, — говорю. — Победа будет за нами. Большевики — единственная сила, которая спасает сейчас национальную и экономическую независимость страны.

Он слушает с большим вниманием.

— Вот, идите и рассказывайте другим, — говорю.

И мы расстались, ибо подошли другие и сели.

30.VII.42. Слухи о создании Гитлером миллионной армии из русских военнопленных для борьбы с Советским Союзом. Очевидно, это правда. Сегодня по Сумской промаршировали 200–300 человек из этой армии. Красноармейские шинели, пилотки... Готовится белогвардейская армия...¹⁷⁰

Трамвайное движение с 29-го немцы прекратили.

В городе тиф — сыпняк и брюшняка. В январе было 4 случая заболевания сыпняком, в феврале — 12, марте — 9, апреле — 33, мае — 67, июне — 108, за три недели июля — 99.

Приспособленец Коб-кий все каркает о безнадежном положении большевиков.

— Не пророчьте, — говорю я. — Взятие Ростова и других городов еще не решает исход борьбы. Нет лучшей формы власти, как советская.

— Что вы, что вы, а сталинский террор!.. И начал.

— А писали вы что?

— Терроризировали, вот и писал.

— Ничего не заставляли писать. Уж вы-то ничем не пострадали...

Он сердится, и мы расходимся. Двурешник и приспособленец...

31.VII.42. 8 утра. Иду на работу. В начале Пушкинской гонят партию в 40–50 человек пленных. Видимо, на работу. Конвой из украинской полиции. Немцы такие функции передоверили сейчас изменникам из наших.

Жутко смотреть на этих несчастных. Босые (их раздели), оборванные, голодные. Еле двигаются. Один отстал, его поддерживают товарищи. Останавливаюсь, смотрю.

— «Вызволители»¹⁷¹, смотрите, что делают! — саркастически говорит подошедшая ко мне женщина.

12 часов дня. По Николаевской [площади] вверх идет партия арестованных — около 100 человек, — мужчины, женщины, старики и дети. Опять конвой из «наших». Один старик отстал, его поддерживают двое. Но он падает. Полицейский шомполом сверлит в его спину. Не помогает. Сильно бьет. На перекрестке Николаевской площади и улицы 1 Мая (Московской)¹⁷² старик совсем упал. Движение приостанавливается. Его бьют. Возмущение стоящих на тротуаре и наблюдающих картину.

Немцы ввели продразверстку.

Был у Черноморченко¹⁷³. Он мне все больше нравится. В нем живет чувство родины.

[Профессор архитектуры Черноморченко читал у нас лекции — билинная борода и свободная манера ведения разговора. Помню его слова: «Если вы не побываете в Греции и Италии — архитекторов из вас не получится». Мы недоумевали — как можно там побывать, если выезд за границу запрещен, да и на какие шиши? Говорили, что его сын был полковником НКВД. — А. У.]

7.VIII.42. Август. Год тому назад в этот день уезжал на работу в колхоз вместе со студентами. Было хорошо и прочно верилось, что не быть в Харькове немцам.

Сейчас немцы на Северном Кавказе, недалеко от Майкопа¹⁷⁴.

Не весьма широкой полосой льется фашистская лавина на Кавказ. Если бы ударить сильными соединениями от Орла и Воронежа на юг, наперерез коммуникационных линий — в мешок, в настоящий мешок попали бы «вызволители». Слухи, что что-то подобное делается. Уже несколько дней немцы молчат о положении на среднем участке фронта.

— Вы не граф Капнист¹⁷⁵ будете?

— А вы откуда меня знаете?

— А вот знаю. Хотите, напому вам один случай из вашей и моей жизни, и тогда, как хотите, признавайте или не признавайте, что знаю.

Разговор происходит в Берлине, в скверике, между русским инженером, мобилизованным в Германию, и 77-летним стариком Капнистом-эмигрантом.

— Пожалуйста, — отвечает граф.

— Вы ухаживали когда-то за моей матерью. Дело было в Петербурге, в Летнем саду. Здесь состоялось свидание матери с вами. Я был маленьким мальчуганом 7–8 лет. У матери чего-то упало, и вы галантно кинулись поднимать. Этот случай и вы запомнились мне на всю жизнь. Сами знаете, впечатления детства очень яркие и никогда не забываются.

— Было это? — закончил инженер.

— Да, было.

— Вот видите.

Капнист приглашает инженера к Скоропадскому¹⁷⁶, который живет, якобы, в Берлине. Инженер отказывается.

— Тогда заходите ко мне.

Инженер зашел. Разговор шел на злободневную тему — о перспективах войны, о возможных победителях и побежденных...

— Движению немцев к Волге, — начал Капнист, — в Англии и Америке только радуются. Это растягивает их коммуникации и делает более уязвимыми. Союзники помогают большевикам, но постольку поскольку. Их цель — обессилить и уничтожить обе стороны.

— Неужели?

— Можете не сомневаться. — Америка, уже это известно, возьмет Украину на 20 лет под протекторат. В России установят политический строй.

— Ну, это если немцы сдадут Украину, — говорит инженер.

— Поверьте, что немцы уже перестали верить в свою победу. Настроение здесь таково...

Этот разговор передал мне на днях Фаворов со слов той самой дамы, за которой ухаживал Капнист.

В последние дни у немцев угнетенное состояние. Подоплека? Неизвестно. Но что-то есть.

Толпа на Сумской и Технологической человек 20–30. Я иду вниз по Сумской. Останавливаюсь... Немец бьет мальчишку, с силой отшвыривая... В чем дело? Возмущенные зрители рассказывают. Мальчишка показал немцу серебряную монету... Ясно, хотел обменять на хлеб. Немец выхватил и хода. Мальчик уцепился. И вот, завязалась борьба.

— Изверги, вандалы, — слышатся голоса.

Немец уходит по Театральной площади мимо здания банка¹⁷⁷, к Пушкинской. Мальчишка, плача, бежит за ним.

В домоуправлении список на отправку женщин от 15 до 50 лет в Германию. Двадцать тысяч немцы мобилизуют «охотников»¹⁷⁸.

Заседание бюджетной комиссии Управы.

9.VIII.42. Воскресенье. Был на огороде. Растет все прекрасно. Мало картофеля. Фасоль плоха.

Читал и думал. На Кубани немцы продолжают двигаться. 30 км от Краснодара. Адлер, куда уехал институт, таким образом заперт, если не успели уехать. Но их положение — ничто по сравнению с моим здесь, в этой удушливой, грабительской немецкой атмосфере.

В районе Ржева наши, видимо, предприняли широкое наступление, ибо немецкая сводка сообщает о «важных оборонных боях на широком фронте»¹⁷⁹.

Читаю «Историю германского народа» Карла Лампрехта¹⁸⁰. Известная борьба немцев и славян. Первые стремятся на восток, вторые отражают удары.

Истари, земли между Эльбой и Вислой принадлежали, по Лампрехту, будто бы германцам. В начале нашего летоисчисления «наводнивши страну славянские народные массы истребляли немецкий элемент до самой Эльбы, и только немецкий крестьянин средних веков, поддерживаемый сильной рукой землевладельца и рыцаря, снова мирным путем завладел оторванными от Германии областями» (т. 1, стр. 62).

«Восточная Германия сделалась окончательно их (немцев) уделом только во времена Фридриха Барбароссы»¹⁸¹, т. е. в средние века (около половины XII века).

Больше тысячи лет шла борьба!

Зачем двигались немцы?

«Земля — вот слово, которое постоянно и всегда слышится в бесконечном ряде немецких переселений» (т. 1, стр. 54).

«В средние века немец двигался на восток как крестьянин, для индивидуального приобретения» (т. 1, стр. 62).

На востоке «с древних веков свирепствовали опустошительные хищнические войны между славянами и немцами» (т. 1, стр. 399).

Грабеж такой же, как и сейчас, в 1942 году, — т. е. через 1000 лет!

В первой четверти IX века борьба приняла особо острые формы. «Каждое поражение славян, завоевание каждого их бурга»¹⁸² доставляли немцам при разделе военной добычи людей, земли» (т. 1, стр. 400).

А что делали со славянским народом?

Немцы захватывали:

А) земли славянских предводителей, которые не обрабатывались родом. «Земля эта была конфискована, захвачена немецким королем; на доходы с нее совершались управление и военная блокада страны, а часто она переходила участками во владение немецких поселенцев, дворян и крестьян (т. 1, стр. 409).

Теперь тоже — на наши доходы содержится военное управление!

Б) Но немцы скоро завладели и славянскими родовыми селениями. «Если славянина забирали в плен на поле сражения, его или убивали,

или, как колониста, переселяли в саксонскую землю по ту сторону Эльбы, и почти никогда уже ему не удавалось увидеть родину его предков. Вместо него, на освободившееся место водворялся саксонец, и немцы эти завели скоро и дома, и на пашне свои порядки» (т. 1, стр. 409–410).

Нет, эти слова в наши дни жестокой борьбы с германскими полчищами следовало бы миллионными тиражами распространять среди нашего народа!

Немецкие историки любят писать о якобы неспособности славян к государственному строительству. А. Лампрехт пишет: «вне пределов империи славянские народы после смерти Карла Великого¹⁸³ в середине 9 века создали Великое Моравское государство¹⁸⁴. Это было первое богатое на чисто славянских основах созданное государство. Но и тут немец Лампрехт не может удержаться, чтобы не соврать: «но при этом предполагать (*надо предполагать!! Факты есть?*), что создание такого государства было возможно только под влиянием германского мирового государства» (т. 2, стр. 238).

Без немца ничего не обходится!

Надо отдать справедливость немецким историкам — они умеют воспитывать свой народ на подобного рода фактах.

«Мечты о немецком мировом государстве над восточными славянами, с которыми носился еще Оттон III¹⁸⁵» (т. 1, стр. 505).

Эти мечты берут свое начало с IX — X веков.

10.VIII.42. Немцы взяли Краснодар, Майкоп, Пятигорск.

11.VIII.42. Серовский рассказывает:

— На днях встретил одного знакомого старика. Поверите ли, не узнал. До того внутренне изменился человек. Перед войной он говорил: скорей бы она грянула. Может быть, очистила бы воздух от этой скверны. А теперь? А теперь со слезами на глазах (слезы — искренние, я им верю) говорит: «Вас. Вас.¹⁸⁶ еще зимой я готовил чемодан. Думал, придется уходить на старости лет вместе с немцами. А сейчас жду большевиков как настоящих избавителей. Первого красноармейца, которого увижу вооруженным занявшим город, подойду и расцелую.

— А вот вам другой факт, — продолжает Серкий. — Сын архиепископа...

— Старой формации, — прерываю его.

— Как старой? — не понимает он.

— Ну, дореволюционной!

— Да, да, конечно. Так вот, встретил меня и говорит: «Если придут наши, заявляю, — я телом и душой ваш. Остался — как враг, остаюсь теперь — как друг. Хотите — расстреливайте, хотите — используйте».

Я слушаю с внутренним волнением и думаю: а если бы там, за фронтом, теперь далеким, знали о настроении народа, о его муках, о том

перевороте в его душе, о том повороте в сторону советской — родной, своей — власти!

Как донести эти настроения туда?!

Многие говорят: не умела наша агитация рассказать правду о немцах.

Видел беженцев, вернее, насильно выселенных немцами из Воронежа. Говорят, города не существует — разрушен. Немцы всех выселили. Куда их гонят (сопровождают офицеры), они не знают.

Упорно говорят о мобилизации мужчин до 50 лет.

13.VIII.42. — Ну, як моє замовлення?¹⁸⁷ — зустрічаю вопросом бібліотекаршу Управы Хоткевич, жону Гната Хоткевича.

— На превеликий жаль, воно не може бути виконане.

— Чому?

— Вийшла заборона від німців видавати без дозволу книжки.

— Он як! Заборона читати книжки?! — тяну я удивленно. — Як же тепер бути? Мені потрібні книжки для наукової і практичної роботи...

— Треба клопотати перед Штандорткомендатурою через відділ освіти.

— Ще краще!..

— Це, бачте, робиться тому, — произносит она тоном, оправдывающим это «культурное» мероприятие, — що зараз вилучається багато літератури з Короленківської книгозбірні та інших, і, очевидно, задля контролю.

— Хто що читає? Так?

— Ну, напевно.

— А що вилучатимуть?

— Політичну літературу...

— Маркса, Леніна?

— Ну, безумовно. Потім, очевидно, деяких письменників — Горького, Маяковського...

— Горького?! Та це ж великий письменник, його вся Європа, весь світ поважають...¹⁸⁸

Хоткевич мнется, ей нечего возразить.

В тот же день пишу соответствующее заявление Дрыге, зав. отделом освіти¹⁸⁹, с просьбой ходатайствовать перед комендатурой о разрешении мне... читать.

Продолжаю читать Лампрехта. Умели писать немецкие историки. Умели воспитывать народ в провиденциальной великой его миссии.

Читаешь и удивляешься: чего здесь больше — мюнхаузеновского бахвальства или чисто немецкой тупости?

[...]

15.VIII.42. ... Наши наступают на участке Ржев, Вязьма. Это явству-ет из скупых сводок немцев, все пишущих о «важных оборонных боях».

Случайно встретил бывшего студента Герасименко. Работает землеустроителем. Был в армии, ранили. Попал в плен (сдался?), отпусти-

ли, теперь работает. Никаких коллизий он, бывший советский студент, от перемены своего положения не переживает. О родине, долге ни разу не вспомнил. По-видимому, считает свое поведение не предосудительным.

Господи, кого мы воспитали?

18.VIII.42.

Черчилль в Москве в сопровождении военных и американского посла в Анкаре. Сообщает об этом «Ost-Front» в «Новій Україні» — ни слова. Находится там с 13 августа. Прилетел самолетом из Каира через Тегеран.

Тенденциозное сообщение шведского радио, разбавленного, очевидно, еще водой лжи Берлина, говорит, что целью поездки является — установить, насколько сильна воля к победе у русского народа и как крепок режим.

А на самом деле, очевидно, договариваются о деталях общего военного похода против Германии.

Немцы забрали почти все предприятия у индустриального отдела Управы — осталось только три.

Селезень сообщила мне следующее положение в Германии со слов очевидца — женщины, сопровождавшей транспорт рабочих в Германию и поездившей по Германии — две недели:

Паек: 1. 280 грамм хлеба на душу в сутки; можно заменить 100 граммами белого или пирожным. Никаких базаров, ничего нигде без карточек купить нельзя.

2. 170 грамм жиров на неделю;

3. 150 грамм сахара, но не часто;

4. овощей 2 кгр. в неделю.

Обувь: все ходят в обуви на деревянной или соломенной подошве. Много соломенной подошвы.

Настроение: внешне все как будто хорошо. В одной интеллигентной семье в Берлине выражали явное недовольство политикой Гитлера. Характерно: ее, как гостью, решили угостить чаем с сахаром. Так мальчик хозяина стал требовать сахара, а потом запустил в сахарницу руку.

С этой недели начиная, немцы, вместо муки, стали выдавать паек печеным хлебом — 2 кгр. в неделю на основного и 1 кгр. на иждивенца (маманя, бабушкам и др. — ничего). Припек, таким образом, весь им. Хлеб стандартный, не взвешивают. Поди проверь, каков его вес!

О приближающейся зиме думаю с ужасом.

19.VIII.42. Обучение наших из военнопленных и всякого сброда на площади Дзержинского. Немец обучает. Команда немецкая. На этом языке никто ни гу-гу. Один из обучающихся не понимает, стоит бараном в то время, как немец зовет выйти из ряда. Немец орет, повторяет требование. Напрасно! Вдруг быстрым шагом подходит он к непонимающему

и с размаху бьет по лицу — раз, другой... У рядом стоящего старика на глазах слезы.

— Подойти и ударить немчуру, а потом пусть вешают! — тихо говорит старик.

Партия пленных человек полтора. Свежих? Возможно. Все — разутые. Сняли немцы. Одеты — кто во что горазд. Мне видно из окна, как десяток из них бросились к продавщице овощей с протянутыми руками. Продавщица не в состоянии всех одарить. Она бросает несколько яблок и помидор... Конвойный — немец, бьет прикладом и водворяет порядок.

Жутко...

Попалась киевская газета «Нове українське слово»¹⁹⁰ от 19.V.42 г. В статье «Ціна і винагорода»¹⁹¹ читаю: «Кожна розумна людина знає, що війна потребує грошей, дуже багато грошей. Отже, визволення України з-під ярма більшовизму коштувало Німеччині дуже великих сум. Тому це не право переможця або загарбника, але право визволителя примусити Україну саму нести військові витрати за своє визволення. Це так логічно!»¹⁹² — довольный своим открытием кончает автор, спрятавшийся по псевдонимом «І».

Мы его знаем... Но так цинично и... в газете! Во всеобщее сведение!..

Кто должен платить?..

Народный доход, — повествует автор, — состоит из рабочей силы и доходов, даваемых землей (какая безграмотность). Но все разрушено...

«Крім прибутків з сільського господарства, Україна зараз не має нічого, чим би вона змогла сплатити за своє визволення»¹⁹³.

Вывод ясен: за «визволення» должен платить крестьянин.

20.VIII.42. Немцы уничтожили десант англичан, американцев и канадцев, сделавших попытку силой одной дивизии высадиться на северном берегу Франции. Но это начало, закладка второго фронта.

Рассорился с Кобалевским. Он — инициатор организации юридического факультета. Он (на чью пользу?) силится начать занятия на юридическом факультете. Сосновый — бездарность и невежа — добивается кафедры политической экономии. Кобалевский на заседание факультета, созванное им 18 августа, прислал повестку и мне. Я не пошел. Мне не по дороге с этими приспособленцами.

На восток! Как в дни далекого детства мой пастушеский взор всегда устремлялся на восток, в сторону Холма, так и сейчас он тянется туда. Когда выйдешь в технологический сад и окинешь оком город, его не дымящиеся трубы и развалины — тоска и грусть охватывают тебя!

С востока придет спасение... Мы победим!..

23.VIII.42. Пережил неприятных несколько минут...

Медленным шагом иду Павловым полем¹⁹⁴, с огорода. Теплый августовский день не радует. Голод и немцы — таков центр моих мыслей. Навстречу мне походкой разгуливающего движется немецкий летчик.

Вот он уже близко. Я зло смотрю и опускаю глаза. Не могу смотреть на представителя подлой расы.

— Здравствуйте, — вдруг слышу, произносит немец ломанным языком, поравнявшись со мной. Я ни звука. Даже головы не поднимаю. Слышу (уже за спиной), немец делает два шага и останавливается. У него револьвер. Может не стерпеть такой дерзости. Я продолжаю идти, не ускоряя шага. Немец тоже двинулся.

Не выдерживаю, оглядываюсь. Немец стоит, зло перебрасывая папиросу в зубы. Удивлен, видимо. Я продолжаю свой путь.

Ненавистью, ненавистью окружить их, мерзавцев, надо.

28.VIII.42 Арестованы гестапо: Крамаренко (бывший бургомистр), Мигулин (бывший начальник административного отдела Управы), Светличный, Федосеев (начальник жилищного отдела). Говорят, сегодня, будто бы, арестован Бекарюков (руководитель контрольной инспекции и «лидер» дворянской партии).

Жестокие бои за Сталинград¹⁹⁵.

Жгучая тоска. Уйти? Почему я не ушел, когда фронт был ближе?

Жаль жены и Нелли. Как они проживут?

Картина. Немец в городском саду на лавочке тискает девочку 17–18 лет. Мимо проходит древняя старушка, останавливается, охает, качает головой:

— Охо-хо! Такие-то сто лет тому назад с вилами на француза-врага шли!..

И, действительно, нельзя без омерзения смотреть на поведение харьковских женщин в эти тяжелые для родины дни.

31.VIII.42

— Наступит ли время, когда я, инженер, найду работу по специальности? — с таким вопросом обратился я к Слипченко (зам. обер-бургомистра), — говорит мне инженер Волошин, мужчина 40–42 лет, в свое время репрессированный.

— Ну и что он ответил? — спрашиваю.

— Ничего не ответил.

— А вы как думаете?

— Думаю, не скоро это будет.

— Даже по окончании войны?

— Даже. Если, конечно, войну выиграет Германия и останется господином Украины.

Я радуюсь эволюции сознания этого человека, еще недавно брызгавшего слюной на большевиков.

— Да, для нас, для интеллигенции, — конкретизирую я его мысль, — вопрос ясен: победит Германия, мы никогда не найдем работы по специальности да и, вообще-то, будем ли работать. Немцы своей интеллигенции имеют в избытке.

— Правильно, — подтверждает Волошин. — Промышленности не бьют ведь они развивать, немцам нужно сырье...

Все чаще слышишь подобные разговоры. Они становятся все откровеннее, прямее, конкретнее.

Маевский А. П., экономист планово-экономического отдела, просидевший год в тюрьме, в разговоре сегодня сформулировал так четко свою мысль, что поразил меня — эта мысль давно стала для меня непререкаемой:

— Иногда думаешь, — говорит Маевский, — что большевики — единственная сила, которая может спасти Россию.

— Правильно! — кричу я возбужденно. — Правильно, Алексей Павлович!

1.IX.42. День начала занятий в институте. Такая тоска! Полная прострация. Бросил чтение. Не могу. Как добраться до фронта и перейти на ту сторону?

От Сталинграда немцы в 25 км.

2.IX.42. Был на базаре. Все есть: хлеб печеный (черный, чуть белый), много сливочного масла, уйма молока, фрукты. Но покупателей мало. В крытом рынке, в хлебном ряду, их почти совсем не видно. Покупатель не в состоянии изо дня в день платить 85 (черный) — 190 (белый) за килограмм хлеба; 600–700 руб. за кгр. масла; 30–35 руб. за литр молока.

На улицах Харькова торгуют яблоками (которых год тому назад не видно было). Торгуют женщины, старики, дети. Попросят купить. По всей Пушкинской таких торговцев много и на других улицах тоже.

И — странно, покупателей нет.

Низкая покупательная способность населения. Оно обнищало, оно живет, голодая. Торговец уличный, продающий два — три десятка фруктов, — тоже голодающий. Продают, спасаясь от голода. Не покупают, ибо не за что. Все есть, но не за что купить.

Вот факт! И именно этот факт убеждает тебя в тысячу раз больше в том, насколько велика была покупательная способность нашего советского населения в том же городе Харькове и по всему [Советскому] Союзу. За всем стояли очереди. Яблоки, груши, помидоры мелкий производитель ел сам, не нуждаясь в их продаже. Всеобщее довольство — вот что такое советская система. Капитализм никогда этого не обеспечивал. Там всего много, но покупателей мало.

Упорно говорят о закрытии немцами базаров. Из сел идут недобрые вести — немцы подчищают все.

4.IX.42. Возросло автомобильное движение. Немецкие машины движутся по направлению к Белгороду. Значит, наши где-то жмут.

Сегодня бегал за хлебной карточкой маме. Пока не получил. Получу ли? Немцы объявили, что будут давать хлеб старикам старше 60 лет и то

родителям по прямой линии. Дина не может записать ее, как иждивенца, на свое имя — она безработная. Для меня она не родная мать. Значит, помирай с голоду — таков закон немецких варваров.

Когда пишу эти строки, в ночь с 4 на 5 сентября, умерла старушка Тютюнник — не дождалась, бедная, немецкого пайка. Старикам почет только у нас.

5.IX.42. Я опять в «Бюро харчування»¹⁹⁶. Запись в очередь со двора. Но мне удалось проникнуть через парадную дверь. Зал бывшего планового института. В 8.30 пускают. Занимаю очередь одним из первых. Но, нет, подходит какой-то из «начальства» и ставит очередь по списку, составленному во дворе. Меня оттесняют. Приходится просить пропустить вне очереди, как служащего Управы. Он делает одолжение. Я у стола.

— А это, скажите, не теща? — спрашивает меня регистратор.

— Нет, помилуйте, родная мать, — вру я, — вот справка из домоуправления.

В справке написано: «мати, спільно з ним живе і перебуває на його утриманні»¹⁹⁷.

— А почему другая фамилия?

Вопрос не застает меня врасплох. Я к нему готов. Я, доцент института, вру. Я должен врать, ибо по фашистской теории нашим хлебом кормят стариков в Германии, а у нас им в хлебе отказывают: не родная мать подышать с голоду должна.

— Она, видите ли, вышла во второй раз замуж, отсюда другая фамилия.

Регистраторша — злющая особа — еще раз прочитывает справку, подчеркивая красным карандашом слова «мати» и «на утриманні».

— А Денисенко Е. — это ваша жена? Почему одинаковая фамилия с матерью?

— Да, это жена. Но тут простое совпадение фамилий.

В толпе, слышу, на мой счет разговоры. Видно она, толпа, подметила шаткость моей аргументации.

Еще раз проверяется справка. И, наконец, рука регистратора протягивается к бланкам хлебной карточки.

Я — в волнении.

— Я вам даю карточку. Но, имейте в виду, если при проверке окажется все это ложью, отберем карточки у всей вашей семьи.

Я не сомневаюсь в реальности этой угрозы. Я удивляюсь ее мягкости. Немцы за это вешают. Но я, голодный, вынужден идти на риск. Не могу не кормить старушку, пусть не родную, мать...

Немцы предложили закрыть харьковское «Наукове товариство»¹⁹⁸, куда меня тянули. Но туда идти я отказался. «Самостійникам» это наука. Эти романтики от политики думали, что фашисты своим оружием для них самостійну Україну создадут.

Переводчица-немка Засядько О. А. сообщила мне, что немцы собираются переселить весь Нагорный район. Дома займут жандармерия и войска. Мы, русские и украинцы, будем загнаны в гетто!

10.IX.42. Пятый день в постели. Может оказаться катастрофой. Надоело жить. Опротивело все. Все же со своими, среди своих, сражающихся так упорно за родную землю, было бы мне и радостнее умирать.

За некоторыми исключениями, господствует мнение, распространяемое немцами, что наш красноармеец не стоек, не мужественен. Но эту ложь не могут скрыть даже наши враги. В «Краківських вістях»¹⁹⁹ напечатана (перепечатка в местной газете) статья: «Європа починає познавати Московщину»²⁰⁰. В ней автор дает обзор высказываний итальянских и немецких журналистов о красноармейце. Всех их поражает мужество и стойкость нашего солдата. И чем это объяснить, — спрашивают они себя, — если, кроме нищеты, страна им больше ничего не дает?

Ошибаетесь, господа, страна дала нам все, и за это проливает кровь наш красноармеец!

18.IX.42. Немного окреп. Все та же безысходная тоска.

Порадовали три старые газеты — «Комсомольская правда» и «Правда» от 7 и 19 мая 1942 года. С каким волнением читал эти газеты более чем четырехмесячной давности! Родина все так же живет напряженной жизнью. Сводки, изложение первомайского приказа т. Сталина и разгром врага. Будни трудовой жизни. Почему я не там?..

Еще радость.

Воскресенская встретила на Бассейном пленного красноармейца, знакомого. Он сообщил, что в ноябре прошлого года видел Кадю. Жив? Жив, дорогой!

20.IX.42. Опушка леса. Отдыхаю. Из лесу выходят человек 6–7 в немецкой форме. Русские. Военнопленные.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю

— Да, вот по лесу ходим, груш ищем.

— Разве вас не кормят?

— Кормят.

— Я думаю. Раз немецкую форму надели, значит, хлеб дают. Что, воевать против своих собираетесь?

— Не знаем.

— Как не знаете? Немцы народ практичный, даром кормить и одевать не будут. Ведь пленных наших не кормят, они массами гибнут.

— Да, вот... — молчание.

Отребе. Изменники. Для них не существует родины, любви к ней. Почему в плен сдались? Потому мол, объясняют, что командиров нет, что сами командиры сдаются.

Возможно.

Вот где трагедия нашей армии, нашего народа, одетого в красноармейские шинели. Действительно, командного состава у нас нет.

23.IX.42. Немцы через Управу «регулируют» экономику.

Во-первых, издали постановление о максимальных ценах на предметы продовольствия на базаре (по 44 наименованиях). Результат: продукты исчезли. Можно купить из-под полы, например, молоко за 40 руб. литр при регулируемой цене в 20–25 рублей и т. д. Цель ясна: не дать продуктам просочиться к голодающему городскому населению, а изъять их в максимальном количестве в Германию и на нужды армии.

Во-вторых, организовано «Оценочное бюро», которое отныне будет предварительно оценивать вещи, распродаваемые населением. После оценки в бюро, вещь сдается в комиссионный магазин. Цель — тоже ясна: вещи за бесценок попадают в руки немцев.

В-третьих, запретили продавать хлебные и прочие продукты объемом и поштучно, а только весом, распространив запрещение и на базары.

В-четвертых, запретили на базарах торговать с рук золотыми и серебряными вещами.

Сталинград героически обороняется больше месяца. Только тут, на русских равнинах, немцы стали испытывать силу оружия тех, на кого напали.

28.IX.1942. Опубликован список вещей, которые должно оценить «Оценочное бюро» прежде, чем продавец понесет их в магазин. Все тут есть. Вещи оцениваются в 3–4 раза дешевле, чем до введения такого порядка. А цены на жизненные продукты растут. Значит, теперь заставляют тебя продавать вещь в 3–4 раза дешевле, а купить жизненные продукты в 3–4 раза дороже.

Грабеж, настоящий грабеж, совершаемый «культурно» среди бела дня.

Немецкая корреспонденция о боях в Сталинграде прямо утешительна: боевая мощь немцев уменьшилась — полки уменьшились до батальонов. Бьют, выходит, немчуру наши здорово. Это признание устами немец же.

15.X.42. Уже более месяца идут бои за Сталинград.

Нелечку отдал в репетиторскую группу «Просвіти». Не хотели принимать, ибо я не член «Просвіти». Но сегодня узнал, что русского языка не изучают. Придется взять девочку. Куда отдать? Школ семилетних нет. Уже второй год не учится. Все дети растут неучами.

24.X.42. Позорная годовщина. Десятки умерших от голода. Голод и сейчас. Подчинение всей жалкой промышленности Харькова немцам. Индустриальный отдел в Управе ликвидировали — ему делать нечего: все предприятия забрало *ВИКАДО*²⁰¹. Разгон частной торговли. Рожь и пшеницу на селах всю забрали немцы. Оставили крестьянам по 10 кгр. ячменя. В довершение уменьшение хлебного пайка:

Если до 1.XI.42 давали хлеба работающему в неделю — 2300 грамм, иждивенцам — 2000 грамм, то с 1.XI.42 дают работающим — 2100 + 300 грамм пшеничной муки, иждивенцам — 1500 + 300 гр. пшеничной муки.

7.XI.42. День Октябрьской революции. Ее 25-летие. Можно ли было предположить более трагическое двадцатипятилетие?

Она дала народу много. Нет, она дала очень много. Но ее несчастье в том, что она произошла в стране отсталой, и что она осталась единственным революционным взрывом на земном шаре и не имела успешного повторения.

«Мы не умели ценить советской власти» — такую оценку дали Октябрьской революции две женщины, разговор которых на улице я случайно подслушал.

Но революция не умерла. Ее судьба решается битвой за Сталинград, героический Сталинград, обороняющийся уже более двух месяцев.

Да здравствует Октябрьская революция!

10.XI.42. Морозы. Начались седьмого с 9° в день Октября. Сейчас — 15°. Без снега.

Сегодня сгорело здание Горсовета. Три верхних этажа. Подожгли немцы печкой, установленной на пятом этаже без всяких правил. Если бы кто-либо из наших — уже висел бы на фонарном столбе. Им — ничего. Управе теперь негде разместиться.

Мерзну. Был в Алексеевке²⁰². Выбил немного масла.

14.XI.42. День рождения. Стукнуло 44 года.

Гитлер произнес, вернее, разразился очередной речью в Мюнхене. Нельзя без омерзения ее читать. Честолюбец и бахвал!

Сталин в день 25-летия Октября тоже произнес речь, содержание которой известно только понаслышке. Сталин на две головы выше немецкого горохового шута.

Морозы не утихают. Снега нет.

15.XI 42. Благое дело сделала «Нова Україна», поместив некоторые выдержки из итальянского журнала «Иль Темпо» (статья «Мрія Хмельницького і кістак в лахміттях»²⁰³).

«На востоке Европы, т. е. в Польше и СССР, на территории, занятой ныне немцами, — никаких новых наций, никаких новых государств, никаких границ», — так пишет автор статьи упомянутого журнала.

Все меньше становится дураков, которые верили бы в некую иную программу фашизма, чем предложенная автором статьи.

Полное закабаление — национальное, экономическое, политическое, духовное.

В Днепропетровске заводы уже переходят в руки немецкого капитала.

В Харькове — только вчера стало известно — электростанция переходит в руки немецкого консорциума, Вскоре, надо считать, перейдет в те же руки и остальное городское хозяйство.

Управа — без хозяйства. Управа — на побегушках, вот — судьба. Нет! Жестокую борьбу объявить надо этим попыткам германского фашизма!

19.XI.42. Первый снег. И, вместе с ним, надежды на разгром оккупантов. Неужели и эта зима не принесет победы?

25.XI 42 Факты. Немец — *Unterarzt* — убил выстрелом из пистолета в своем кабинете русского главврача Александровской больницы Рахманинова²⁰⁴. Две версии причин. Одна — будто бы Рахманинов назначил врача, русского военнопленного, наблюдать за инфекционным отделением, отведенным для русских военнопленных. Немец запротестовал... выстрелом. Другая — будто Рахманинов освободил (!) двух русских пленных и... погиб.

Подробностей никто точно не знает. Семененко — обер-бургомистр — будто ездил к какому-то генералу и просил расследования. Вчера будто нарочный от этого генерала лично сообщил Семененко, что врач немец-убийца арестован. По всей вероятности, последнее — вранье. Сделано для отвода глаз. А немец-убийца продолжает гулять.

Ужасно. Все возбуждены.

Наши перешли в наступление на Смоленском направлении. На Дону — тоже наступают.

Во Франции дела немцев плохи. Восстали флот и сухопутная армия. Восстание немцы подавили. Часть флота (в Тунисе) французы потопили.

Открыто желают возврата наших сотрудничающие с немцами и ни боятся ответственности — так резюмировал в разговоре со мной свои наблюдения Сер-кий.

Молодежь от 17 до 23 лет получила повестки явиться в обязательном порядке для записи в украинский батальон.

Плохо с резервами у немцев.

12.XII.42. Слухи. Ползут слухи со всех сторон. Народ страшно устал, ненависть к немцам выросла колоссально. Открыто говорят, выражая недовольство. Жадно ловят слухи об успехах наших. Но из немецких сводок успехов не видно. Наоборот, сводки так и пестрят: «заснази невдачі атаки ворога»; «криваві втрати більшовиків»; «власні наступальні операції мали успіх»; «оточено й знищено ворожу групу»²⁰⁵ и т. д., и т. п.

А по слухам, наши движутся, отрезая немцев на Кавказе.

Село полно растерянности, смятения. «Будуть давити, як цуциків»²⁰⁶, — так резюмировал свое настроение один крестьянин.

Факты, уйма фактов.

1. Рабы. По Пушкинской медленно движутся большие сани. В них впряжены трое наших в штатском. Один, тоже наш, подпихивает. Сани нагружены доверху, сопровождает вооруженный немец.

2. Разложение среди немцев. Из будки выходит немецкий солдат в форме летчика. Пьян, пьян вдрызг. Покачивается и так плетется по тротуару...

3. Зондерфюрер из одного совхоза рассказывал Дьячине, что из немецких центров приходят строгие директивы, но «мы их не выполняем». Последняя директива — забирать у рабочих совхозов весь их собственный картофель на семена, коров — на мясо. Зондерфюрер положил директиву под сукно... Слухи о раскрытии в Харькове, среди немцев-военных, крупной социал-демократической организации.

4. Подлинное лицо фашизма. Руководящий орган СС. В нем заметка о том, как одна немецкая семья, справляя именины, подарила нашей девушке-украинке, служащей домашней работницей, стоптанную обувь²⁰⁷. Автор заметки обрушился на эту семью. Во-первых, заявляет он, украинцы и русские должны быть нам благодарны, что мы их освободили. Во-вторых, мы — немцы — высшая раса. И поэтому нужно украинцев держать на известном расстоянии. Дарить им — значит приблизить, считать равными. Об этом сообщил мне Дьячина.

1.1.43. Новый год. Четырнадцать месяцев немецкого ига отошли в историю. О нем, иге, будут написаны тома — о десятках тысяч смертей в одном только Харькове, об ограбленных, расстрелянных, о мученических страданиях и гибели наших военнопленных в Александровской больнице²⁰⁸, о пшенинном хлебе, — словом, о трагедии нашего города, нашего народа. Будет упомянуто также о предательстве отбросов украинской интеллигенции, всех этих Царанниках, Вараввах²⁰⁹, Шевелевых²¹⁰, митрополите Теофиле, молящихся за здоровье Гитлера и его войска.

... Немцы встречали Новый год выстрелами по примеру прошлого года. Но какая разница в пальбе! Встречая 1942 год, немцы палили сосредоточенно и непрерывно часа два после 12 часов ночи. 1943 год встретили несколькими выстрелами. Подъема нет! Червь сомнения гложет их сердца. Неудачи на фронтах тому причина. Русские наступают. Великие Луки окружены. Совсем реальной становится возможность изолирования немецких армий, действующих на Кавказе. Сталинград не взят. Какой удар по престижу немецкой армии.

Погода сегодня славная. Мороза почти нет.

2.1.1943. Дождь. Слышны потоки воды по улицам.

7.1.43. Рождество православное. Приходил Ив. Ив. Белянин.

— Чем удостоился высокого посещения? — говорю шутя, здороваясь.

— Да, понимаете ли. Т. Ник. (это — Сосновый) поднял вчера суматоху, все искал вас.

— Зачем я ему так срочно понадобился?

— Да нужно какую-то записку писать немцам о снижении процента отчислений им от налогов. По заданию Куликова.

— Приятно. Но к чему такая спешка? Кто будет участвовать в составлении записки?

— Вы, Серовский, Труш. Нужно быть завтра к 7 утра в «Табачнике»²¹¹.

Утром 8 января я в «Табачнике».

... И вот, когда население Харькова ежедневно десятками и сотнями умирает от голода, в это время...

— А вы ковры учли? — спрашивает Серовский, обращаясь к Трушу.

— Какие ковры? — спрашиваю удивленно.

— Для немецких офицеров.

— А причем тут Управа?

— Младенец вы, — покровительственно улыбаясь, говорит Серовский... — Заходит немецкий офицер в комиссионный магазин. Много ковров, награбленных владельцем или за бесценок купленных у голодающего населения. Понравился, к примеру, этот ковер. «Сколько?» — спрашивает немец. «50 тысяч», — отвечает продавец. «Заверните, уплатит Управа»...

— Позвольте, — перебиваю я. — Как он дошел до мысли, что Управа может платить.

— Да уж, Куликов постарался. Раз, другой это была любезность с его стороны. А потом вошло в систему. Ведь, прецедент налицо... Ну, вот... Владелец, конечно, предъявляет счет Управе. И мы платим...

— Ведь он соврать может и скрыть истинную сумму, за которую сбыл ковер, поставит в счете больше?

— Может, конечно. Но мы ничего сделать не можем. Один раз, когда владелец потребовал от немецкого офицера какой-либо бумажки, что Управа уплатит, получил, батенька, по обеим ланитам. Вот как!..

— Ну, и во сколько Управе влезет «любовь» немцев к нашим коврам?

— Да за 1942 год в 589 тыс. рублей.

— 589 тысяч?! — повторяю я, удивленный.

— Да, да... Так учли? — обращается Серовский к Трушу.

В результате, за 1942 год бюджет имел 12 млн. рублей дефицита. Немцам отчислено от налогов с апреля по 1-е мая 1943 года 18825 тыс. рублей.

Вот грабеж!

Заплатят. Взыщем. Заставим вернуть. Такие мысли носятся в голове.

И я говорю:

— Ведь эти документы сохранить нужно. Пригодятся при предъявлении счета.

«... И кто его знает,

На что намекает...», — певуче декламирует Серовский, многозначительно поглядывая на меня.

Записка окончена.

9.1.43. Картины и факты.

Толпа человек 10 у карты, вывешенной на витрине здания института физической культуры. Громкие комментарии. На карте черная фашистская линия фронта. Она проведена еще в прошлом году и... не изменялась. Подхожу. Слушаю. Разговор о Великих Луках²¹², окруженных в эти дни нашими войсками.

— Ну вот где они, Великие Луки, — ищет рукой какой-то. Но фашисты так карту заштриховали, что найти Великие Луки трудно.

— Они в Латвии, — говорит другой.

— Не в Латвии, а недалеко от Латвии, — не выдерживаю, поправляю.

— Вот, вот они, — находит кто-то. — Ишь, как далеко наши врезались.

— А на карте все благополучно, — смеюсь, говорит высокий мужчина рабочего вида. Толпа возбужденно присоединяется к нему. Я подмигиваю мужчине: мол, врут немцы. Немцев не видно вблизи. наших полицейских тоже. Настроение кучки резко советское.

Ждут...

13.1.43. Шел по Костюринскому переулку. Поворачивал уже на Николаевскую площадь. Вдруг — окрик немца. Оглядываюсь. Меня?.. Да, меня зовет. Зачем? Подтолкнуть стоящую в Армянском переулке машину, возле которой унтер-офицер и эсэсовец. Звавший — тоже унтер. Отказываюсь, говорю, что спешу на работу. Немец ничего не хочет знать. Грубо толкает меня в плечо по направлению к машине. На мгновение мелькнула мысль о сопротивлении, но, вспомнив судьбу врача Рахманинова, убитого немцем, ... подчиняюсь. Пришлось подпихивать машину по всему Костюринскому переулку.

Возмущение мое не знало пределов. Но, мы — рабы...

Мобилизация родившихся в 1920–1925 годах. Вот объявление.

14.1.43. Местная газетка бесится. В статье «... [неразбор. — А. У.] большевизму» обрушивается на распространителей слухов «о победах красных», о том, что красные взяли Валуйки²¹³ и прочее. Автор Ю. Савченко, наемник немецкий, грозитя расправой. А слухи ползут. Успехи, видимо, есть, но не решающие.

Ох! Какая трудная борьба!

15.1.43. Ровно в 4 часа вечера раздались четыре сильных взрыва. Налет? Может быть. Но, странно, — противоздушная оборона Харькова молчит. Нет, это артиллерийская стрельба. Взрывы и гул продолжались с перерывами всю ночь.

Когда пишу эти строки, слышен отдаленный гул на юго-востоке.

Наши, определенно наши.

16.1.43. Предположение оказалось ложным. Рвались снаряды на складе в Безлюдовке²¹⁴. Но от какой причины, точно неизвестно. Предполагают, что все же брошены бомбы нашим самолетом.

Сегодняшняя ночь была спокойной.

Мороз не уменьшается: уже несколько дней -25°C .

21 января 24-я годовщина смерти Ленина — величайшего человека нашей эпохи. Гитлер против этого гиганта — жалкий пигмей. И она, эта годовщина, совпала с началом, по-видимому, полным разгромом оккупантов.

В городе творится нечто необычное. Много машин, маскированных белым. Немецкие, итальянские, мадьярские, румынские части. По виду, прямо с фронта: немцы в своей зимней одежде, о которой кричала фашистская пресса, как о чуде немецкой выдумки; итальянцы в своих шинелях-мешках.

Вот толпа (именно толпа, а не солдаты) итальянцев, человек 150, идет по Сумской. Мелкие люди, вид разбитой части. Многие хромают, некоторые разулись, и башмак привязали веревкой к ноге, одетой в чулок, — по-видимому, натерты ноги. Вот итальянские машины полны тоже солдатами. Вот сани, запряженные мулами. Все имеет вид разбитой, деморализованной армии.

Где-то близко фронт. В городе говорят об этом оживленно, с улыбкой, с надеждой. Город немцы, кажется, начали эвакуировать. Мчатся машины, груженные всяким хламом. На них сверху солдаты. Никакого боевого духа. Сегодня бесконечная лента конного обоза тянулась по Московской и, выехав на Николаевскую площадь, поворачивала на Екатеринославскую.

А по немецким сводкам все хорошо: «атаки відбиті з кривавими втратами для ворога»²¹⁵. О Великих Луках не написали, что оставили, а что гарнизон, согласно распоряжению командования, пробился к своим частям.

Сбили спесь немцам! И сбили мы, русские! Поделом! Чтобы больше неповадно было!

22.1 43. Паника нарастает. Население кинулось за вещами в ломбарды, в комиссионные магазины. Есть беженцы из Купянска. Прорыв, видимо, широкий.

Слухи и слухи:

1. что будто бы введены в Красной Армии полковые священники;
2. что в Ленинграде, в Исаакиевском соборе, митрополит служил молебен о даровании победы и, при этом, подарил в фонд обороны золотой крест;
3. что введены два знамени — одно русское, дореволюционное, а другое красное, партийное.

Семененко подписал меморандум на имя немцев, что городская электростанция истари принадлежит городу и что не надо ее передавать немецкому частному обществу. И он, и другие вершители судеб города — младенцы. Неужели они думают, что немцы пришли завоевывать материальные блага для них, а не для себя.

25.1.43. Кобалевский. в связи с последними благоприятными для русских событиями на фронте, из кожи лезет, чтобы люди предали забвению его заявление, что ему не по дороге с большевиками, что существовала система политического террора, и что он с неохотой взялся строить юридическую науку по указке немцев, — подошел вчера ко мне.

— На последнем заседании совета университета решено, вместо мертвых душ по юридическому факультету, запросить новых. Я решил предложить вашу кандидатуру и внести вас в список, если желаете... Паек будет.

— Я подумаю, — отвечаю, не желая говорить об этом в присутствии людей, сидевших в комнате финансового отдела Управы («Табачник»²¹⁶), а сам думаю: никогда ты, предатель, не затанешь меня туда. Я не желаю работать научно на немцев.

— Отвечу завтра, — прибавляю.

— Как хотите. Подумайте!

Сегодня послал ему записку: «Вл. Лукич! На Ваше вчерашнее предложение даю отрицательный ответ».

25.1.43. Немцы на Кавказе отступают. Но этот факт, после триумфального шествия по Европе в течение 3,5 лет, нельзя признать перед всем миром. Поэтому, они термин «отступление» заменили менее прикормным «відривання від ворога»²¹⁷. «Плянoмiрно вiдривались вiд ворога»²¹⁸ — это высказывание встречается впервые за все русско-германские войны в двух следующих друг за другом сводках. Сохраним эти сводки.

Слухи о замене названия «Красная Армия» на «Русская армия» и слова «командиры» словом «офицеры» подтверждаются сообщением из Хельсинки.

Правильно сделано. Надо выбить из рук врага и белогвардейцев оружие, что будто бы:

1. эта война не русско-германская, а германо-советская;
2. что борется не русский народ за свободу, землю, права, а советы, т. е. большевики;
3. что на территории СССР живет не русский народ и другие национальности, а подсоветский народ — новое словечко;
4. что родина и Советы — понятия несовместимые и т. п.

В городе наступили некоторое успокоение. Слухи о том, что Валуики немцы опять взяли. Но базар настроен нервозно. Хлеб исчез. Цены растут. Хлеб доходит уже до 200 рублей за килограмм вместо 100–110 р. Немецких марок и украинских рублей принимать не хотят.

26.1.43. Все ждут своих. Но боятся говорить. Лютует гестапо. Раньше, подавая агитации местной газеты, поносили все русское. Теперь расхваливают: мы — талантливый народ, культурный, у нас мирового значения литература и т. д. А В. Вас., человек, отсидевший при советской власти в тюрьме, но честный, удивил меня сегодня:

— А вы знаете, между нами говоря, Сталину история памятник соорудит.

— Не сомневаюсь уже давно в этом.

— И знаете, почему? Не растерялся человек. Действительно, много делал, хотя кое-кто его не любит...

— «Кого все любят, тот не делает ничего доброго», — отвечаю фразой Чернышевского.

Чего бояться? Не только гестапо. Боятся расправы своих — за службу у немцев.

Две вырезки: 1) «Спілка для... [неразбор. — А. У.] господарства»²¹⁹ и 2) «Млинарський промисел на Волині та Поділлі»²²⁰ сохранию. Захват нашей экономики немецким капиталом — вот что в них характерно.

27.1.43. Первый после многомесячного перерыва налет нашей авиации. Мороз 25 января держится на уровне 25°.

Серовский — священник. Это — факт. Вчера о нем мне сообщили, хотя его я еще не видел. Как-то раз, беседуя с ним на эту тему, я спросил его:

— В какую же церковь собираетесь? В православную русскую или в автокефальную?

— Только не в автокефальную, которая молится за Гитлера.

— Тогда благословляю на подвиг ратный, — ответил я. — Надо использовать даже церковную трибуну для разгрома фашистов.

Выяснились подробности ночного налета. Одна бомба упала в начале... [неразбор. — А. У.] Куликовской²²¹, против Дома врача (теперь там «Просвіта»). На большое расстояние от места падения — ни одного стекла в окнах. На дворе мороз и ветер. Какие страдания испытывает население, очутившееся в квартирах с разбитыми окнами!

Упали бомбы на Сумской около Штандкомендатуры (школа слепых)²²². На Москалевке и Шатиловке²²³ тоже брошены бомбы. Кузинский мост разбит. Что нас, харьковчан, ждет, что нас ждет!

В третьем номере застрелился немецкий офицер.

28.1.43. Второй ночной налет нашей авиации. С военной точки зрения он — бессмыслен. Продолжался всю ночь. Есть жертвы. В Нагорной части бомб сброшено не было. Только и говорят, что о налетах. Страдает население, но не немцы.

29.1.43. Всю ночь, говорят, рвались снаряды на аэродроме — результат сброшенной бомбы.

30.1.43. Видел Серовского. Рассказывает: читал подпольную газету «За радянську Україну»²²⁴. Статьи дышат, будто бы, злобой и жадой места по отношению к оставшимся и работающим.

— Семененко мне рассказывал, — добавил Серовский, — что уничтожают даже стиравших немцам белье.

— Вранье, — говорю, — этого не может быть!

В ночь с 30 на 31 января — жуткая бомбежка. Никуда не выходил. Будь что будет.

30–31.1.43. С 31 на 1 февраля бомбили меньше.

Гитлер в десятилетие прихода фашистов к власти обратился с воззванием к немецкому народу и народам Европы о мобилизации всех сил

для полной победы. Говорят, встревоженный событиями на восточном фронте, Гитлер был на днях в Харькове²²⁵ и в «Гиганте», где помещается управление воздушными силами (“Luftkommando”), выступил перед генералами и летчиками.

— Если бы сразила бомба этого прохвоста, — прибавляют при этом. — Это он вверх во имя честолюбивых замыслов все народы Европы в нищету, голод и разорение. Это он насильственно навязывает нам свои «идейки».

Морозы держатся на уровне 15°-16°.

1-го февраля 1943 г. Февраль уже. День сегодня чудесный — теплый, солнечный, тихий. Настоящий кисловодский день, какой я наблюдал там в январе — феврале десять лет тому назад.

Эвакуация идет. Вывозят понтонные части, имущество, лазареты. Постепенно.

С первого на второе налетов нашей авиации не было, хотя погода благоприятствовала.

2, 3, 4 февраля 43 г. Два немецких наемника, никому неведомые генералы — Власов²²⁶ и Малышкин²²⁷, образовали «Русский комитет» в Смоленске и от его имени выпустили к русскому народу и его армии воззвание, датированное 27.12.42 г. В Управе его сочли необходимым перепечатать на машинке.

Его цели:

«свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма;

заклучение почетного мира с Германией;

создание в сотрудничестве с Германией и другими народами Европы Новой России, без большевиков и коммунистов».

Прийти и сказать народу, что будет капитализм, нельзя — не поверят. Народ не хочет капитализма. А так, как массы не хотят, пускаются господа-капиталисты на обман и хитрость. Призывают генералы Власов и Малышкин записываться в русскую «освободительную» армию.

Какая ложь! Пока у немцев дела были хороши, они не думали о комитетах. Они просто думали захватить русскую землю. Теперь дела плохи, и они хотят опереться на предателей и обмануть русский народ.

В городе настроение тревожное. Вниз по Сумской движется непрерывная цепь машин, пушек. Из города увозят имущество. Эвакуация полная.

Слухи о прорыве в верхнем течении [реки Северского] Донца. Взята будто бы нашими Готня²²⁸.

Слухи о том, что Харьков немцы хотят объявить крепостью²²⁹.

Спрашивали о планах уезжать.

Под страхом расстрела мобилизуют на окопы.

Жене прислали извещение явиться 5 февраля в 4 утра во второй рай-бухгалтерат.

5.II.1943. годовщина моего второго похода на обмен. Тогда была сильная метель, мороз. Чуть-чуть не погиб! Сегодня тоже ветер, но сол-

нце. Мороз, но метели нет. Тогда немцы в Харькове чувствовали себя свободными, крепко. Сегодня — паника. Всеобщая эвакуация. Управа на колесах. Сосновый нервничает, курить стал. Население сегодня выгоняли массами рыть окопы. До 5 февраля освобождали служащих. С сегодняшнего дня не освобождаются и они. Упорно говорят о том, что судьба Харькова будет решена в несколько дней.

Приходил З., плакал. Бойтся. Художественный институт связан с пропаганда [*Штафель (?)* — А. У.], получал от него поддержку. К тому же, он — член «Просвиты»²³⁰. Его собираются увозить. Его иллюзии развеялись (оказался он со слабыми мозгами). Что делать? Я... [*неразбор.* — А. У.] навестил его, заблудившегося, посоветовал ему скрыться и ни в коем случае не связывать своей судьбы с фашистами, которым он не нужен.

6.II.43. Памятный день. Управа разбежалась. Руководители укатили. Все бросили на произвол. Приказали жечь бумаги. Полная растерянность. Из города бегут. Бегут, конечно, у кого рыльце в пушку. Зарплату уплатили за первую половину февраля, аванс — все немецкими марками, которых никто не хочет брать.

В электротехническом [институте], в подвале, население грабит картошку. «Гигант» разграбили.

Вечером, в 5 часов, налет нашей авиации. Сильная противовоздушная оборона, которой в последние дни не слышно было.

— Вы уезжаете? — меня спрашивают.

— С чего вы взяли? И не думаю. От своих не бегут. От врага бегут.

Уехало ничтожное количество — все «ответственные».

7.II.43. Воскресенье. День грабежа. Население кинулось расхватывать брошенное немцами. Нечто похожее уже было. Но есть, однако, разница: тогда грабили, чтобы не досталось врагу, теперь грабят награбленное немцами. Воспользовавшись тем, что в комнате (в Управе) никого не было, я порвал и бросил портрет Гитлера — «визволителя». Этот честолюбивый унтер всю Европу ограбил и залил кровью. Суд придет. Судить будет немецкий народ.

Пьяные солдаты на улице. На Пушкинской мальчишка везет с немецким солдатом бутылки с портвейном. На улице стоит легковая машина с двумя рядовыми и унтером. Пьяные вдрызг. Заметив портвейн, обступили и присвоили несколько бутылок. Унтер обхватывает шею мальчишки и голубит. Разложение.

Полтава, говорят, занята. Путь на Киев через Полтаву отрезан. Остается — на Ворожбу. Немецкая армия расколота на юге на три части.

8.II.43. От надежды к отчаянию. Эвакуация подходит к концу.

Все, что бросили немцы, растащено. Но в 12 часов дня бывшая студентка нашего института, работающая в организации ТОД, сообщила мне, что полчаса тому назад ее начальник-немец приказал ей явиться на работу, ибо с вокзала возвращаются груженные машины на том основании,

что положение резко улучшилось и что «красные» отогнаны на 200 км. Ей можно верить. Но заслуживает ли доверия сообщение немца? Неужели, верно?

Гибель нас ждет, гибель! Если возвратятся немцы, они хлеба не дадут: кормитесь, скажут, разграбленным.

Какая тоска, какая тяжесть!

Ходил по воду. На территории электротехнического института лежит убитая сегодня немцем женщина. Около нее — стулья, доски. Говорят, за грабеж. Жутко!

9.11.43.231 По Сумской (с Московской) утром двигались войска. Куда? На фронт, на Белгород? Неизвестно. И откуда? С фронта, из-под Чугуева? Тоже, неизвестно. Или, может быть, выгрузились на Балашовском вокзале и движутся на фронт? Но измученные крестьянские лошадки, не менее уставшие солдаты характеризуют их, как части отступающие. Но почему на Белгород? Некоторые резонно замечали, что за Русской Лозовой²³² они делают поворот на Деркачи²³³, а оттуда — на Золочев²³⁴. Значит, отступают. Машин стало меньше. Но погрузка идет полным ходом. Например, из здания училища связи на улице Красина из открытых окон летят сапоги, шинели, свитера. Все это грузится и вывозится.

Видимо, для успокоения Штандкомендатура вывесила объявление, что:

1. грабители будут расстреливаться;
2. населению разрешается ходить с 5 часов утра до 5 часов вечера;
3. снабжение продовольствием будет продолжаться на прежних основаниях, и гражданский паек будет увеличен (ого!).

В общем, впечатление такое, что восстанавливается нормальная жизнь и что фронт отодвинут.

Вечером опять встретил Скворцову. Ее сообщение, обратное вчерашнему, подбодрило меня сильно. Скворцова сказала, что ее начальство получило распоряжение немедленно уезжать каким угодно путем и что с 8 на 9 февраля, ночью, наши взяли Белгород.

Долго ли будут продолжаться эти агонии города?

Ночью был небольшой налет, работали зенитки.

10.11.43. Город на военном положении. По улицам валяются трупы расстрелянных. Утром был на Сумском базаре — лежат двое, мужчины. Положение трупа такое, какое может быть при расстреле. В 11.30 дня на Совнаркомовской, против клуба НКВД, офицер застрелил четверых — двух женщин, тащивших санками уголь со двора клуба, одного мальчишку лет 12 и немца (последнего — случайно). Трупы лежат неубранные. Застреленную на территории ХЭТИ²³⁵ несколько дней тому назад женщину растаскивают собаки. В различных частях города, рассказывают, тоже валяются трупы. Приказано не пользоваться санками. Тащишь что-нибудь на санках — заплатишься головой. Террор!

Объявили, дадут хлеб (мукой) по 1,5 кг. на душу. Видимо, последняя мука и последняя выдача.

Я шел и думал. Население Харькова да и других городов, столько переживавшее, по достоинству оценило советскую власть. Это будет самое преданное, самое послушное население, самое лучшее на работе. Оно глядело в глаза голодной смерти, оно несло жертвы близкими, оно несло физический и огромный моральный гнет, оно знает, что такое рабство, оно терпело холод, оно сидело без воды и света. Да, эти страдания ужасны, они во много раз больше страданий уехавших, эвакуированных...

На руках 1200 рублей марками, хочу поменять, никто не берет. И здесь немцы ограбили, выдав зарплату в марках.

11. II. 43. Последние дни, а, может быть, часы правления фашистов в городе. Машин значительно меньше. На некоторых улицах — Бассейной, Ветеринарной, площади Дзержинского — стоят машины СС-овцев. Что-то чинят, что-то ладят. Исключительно молодежь. На площади Дзержинского около химинститута торгуют ваксой, джемперами, зубной пастой, папиросами. Пьют. Около машин женщины, дети. Каждый старается сбыть свои марки...

Со стороны Белгородского шоссе по улице Сумской движутся нагруженные доверху сани, запряженные крестьянскими клячками. Их сопровождают пожилые солдаты. Понурые, усталые. На улице — месиво из снега. Ходить тяжело. Они сворачивают и идут толпой по тротуару. Я — вслед за ними. Против здания горсовета выскакивает на тротуар офицер. Беспорядок! Нарушение дисциплины! И криком сгоняет солдат на улицу. Виноват унтер. И он подсказывает к унтеру со словами «Черт!», размахивает кулаком перед его носом. Унтер — струнка. Идущие впереди солдаты, оглядываясь, ухмыляются. Признаки разложения, неповиновения...

В 12 часов дня ухала артиллерия и строчили пулеметы за Холодной горой.

12. II. 43. Улицы сегодня почти безлюдны. Редкие пешеходы — женщины. Утром вышел, направляясь к площади Дзержинского с марками в кармане. Навстречу женщина со спутником мужчиной. Слышу разговор: «хватают мужчин». Настораживаюсь и спрашиваю:

— Верно?

— Да, да, вон там в переулке взяли двоих.

Идти опасно, хотя только 8 часов утра. Поворачиваю назад. Сажу дома. В 10 утра приходит Ив. Иванович.

— Забирают мужчин. Спрячемся?

— Куда?

— В квартиру Тютюнника.

Спускаемся в подвал. Сидим полтора часа. Нам видно в окно, как прохаживается полицейский по улице Ольминского до Пушкинской и дому НКВД. Стережет. Гестаповцы из дома НКВД еще не уехали.

Ухает артиллерия на востоке, слышна пулеметная дробь.

На улице тихо. Изредка промчатся одна — две немецкие машины.

Последние часы доживают фашисты.

На душе радостно и тревожно.

Свои близко. Мы ждем с нетерпением их, освободителей. Но как они оценят нашу вынужденную (многих) службу у немцев? Провокаторы из немцев распространяют басни о терроре «красных», о поголовном расстреле всех, работавших у немцев.

Брехня! Ложь!

13.II.43. Суббота. Семь дней никаких известий о положении на фронте. Последняя газета вышла 6 февраля. Положение с Харьковом неясное: то ли фашисты заперты (говорят, с трех сторон), то ли наши осторожно двигаются²³⁶. Ночью немного работала артиллерия, вражеская или наша — неизвестно. Днем — одинокие и редкие выстрелы, иногда пулеметная дробь. Но где фронт — никто не знает. Население ждет, оно ждет, как освободителей, своих, ждет хлеба. Еще неделя такого положения, и начнется голод. Запасов почти никаких.

В городе, главным образом, эсэсовцы. Их машины редко, редко пробегают улицами.

Сегодня решил навестить Белянина. Сошло благополучно. Вчера, между тем, хватали мужчин. Часовой у дома НКВД исчез. На дверях по-немецки и по-русски надпись «минировано». Видимо, более для острости, для предупреждения грабежа.

Мороз. Погода устойчивая с конца января.

14.II.43. Утро. Когда я пишу эти строки, воздух и окна сотрясают почти непрерывные взрывы. Фашисты уничтожают, видимо, все общественные здания — со злости, чуя свою гибель. Взрывы продолжаются с 3 часов ночи, а сейчас без четверти шесть утра.

Шесть часов утра. Кругом пожары. Горят: «Гигант», здание ИНХОЗа²³⁷, здание автодорожного института. Артиллерийская канонада — не известно чья...

6.30 утра. Канонада продолжается, но реже. Немецкие машины под окном. Кажется, подрывники. Двор полон саж. С возмущением говорят о поджогах.

... Сильный выстрел. Стекла задрожали...

С 7 до 9 утра сильная минометная и орудийная стрельба. Сплошной гул. Говорят, на Холодной горе, а во дворе кажется, что на Журавлевке. Артиллерийская стрельба ослабла. Но не прекратилась.

Здание Инхоза горит ярким пламенем.

Облаками дыма окутан город. От дыма темно. Снег перестал падать.

В 12 часов дня — утихло. Немецкие машины еще курсируют.

Приходил пьяный Свинарев. Болтал о каком-то подпольном комитете. Подозрительный тип.

Фашисты ходят по улицам и выстрелами разгоняют население.

В ночь с 14 на 15 февраля редкие взрывы. Пожары продолжаются.

15.II.1943. 5.30 утра. Тихо. Предвещает ясную погоду. Но дым еще стелется. Снег стал черным от копоти.

Немцы есть или нет?

Нет, есть. Вот проехало два мотоцикла. Свернули на Пушкинский въезд.

16.II.43. Ура! Освобождение! Наши войска заняли город. 16 месяцев плена фашистского окончились. Народ приветствует своих освободителей криками «Ура!». На улицах огромные толпы народа... На редкость теплый день.

17.II.43. Немцы сожгли или взорвали: 1) «Гигант»; 2) здание ИНХОЗа; 3) 36 школу²³⁸; 4) гостиницу «Интернационал»²³⁹; 5) здание обкома партии; 6) корпус мединститута, стоящий на Сумской; 7) здание госстраха на Сумской²⁴⁰; 8) здание педагогического института (бывшее здание института благородных девиц)²⁴¹; 9) прекрасное здание Дворца пионеров, в котором до 1934 года помещался ВУЦВК²⁴²; 10) здание военно-хозяйственной академии на площади Тевелева; 11) рядом стоящее с ним здание; 12) левый корпус Дома кооперации; 13) здание химического института на площади Дзержинского, рядом с гостиницей «Интернационал»²⁴³; 14) частично 6 подъезд Госпрома; 15) здание АТС²⁴⁴, уже один раз взорванное; 16) несколько корпусов технологического института.

Это — в центре.

Город в развалинах.

В 12 часов сильнейший налет немецких [*«Штукасов»*²⁴⁵ (?) — А. У.], какого Харьков еще не видал.

В квартирах у многих выбиты почти все стекла — результат действия взрывной волны от попавшей в Дом коммунальника бомбы. На углу Басейной и Пушкинской несколько разрушенных домов. В разных частях города — то же, особенно на Михайловской²⁴⁶, Театральной площади и др.

Много жертв среди гражданского населения.

18.II.1943. В очереди за водой у колодца на Журавлевке.

Женщина комментирует объявление хозяина колодца, требующего от берущих воду по 15 рублей на ремонт колодца.

— Ишь, ты! Это при Управе брали! За все брали! Все мало было, извергам.

— Да, попанувалы²⁴⁷. Не все, правда. Кое-кто в золотых кольцах и сейчас жалеет за немцами, — раздается голос.

— Вам попаде, підлабузникам. Червоноармієць казав, що всіх прости-туток візьмуть на учот.

— Заставимо терор робити. Одна манікюрша жалілась мені: то, каже, я ногті стригла, а то тепер камні заставлять таскати.

— Так їй і треба. Та ще 200 грам хліба дати, як нам німці. А ми по 600 грам получимо.

— А то ж! — раздаются голоса.²⁴⁸

Огромный переворот в отношении к советской власти. Об обидах, которые вспоминались в таких же очередях в дни прихода немцев, — ни слова.

Пришел в городской Совет и предложил свои услуги. Назначен временно исполняющим обязанности заведующего финансовым отделом. Говорил с т. Селивановым.

Теперь я отдам все свои силы на восстановление города.

23.II.43. День 25-летия Красной Армии. Мог ли я думать, что придется свободно, с волнением слушать доклад капитана Соловьева о славной годовщине. Его каждое слово теперь, когда я пробыл 16 месяцев в рабстве у немцев, приобретало для меня какой-то особенный смысл. Полет мухи был слышен — так слушали докладчика.

Волновался и радовался.

Призыв по мобилизации. Мне явиться 1-го марта.

Твердо решил вступить в партию.

(На этом записи в дневнике заканчиваются — А. У.).

(Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленка. Отдел «Украиника». Копия, компьютерный набор).

№ 5

Стихотворение Б. Полушина (Чичибабина)²⁴⁹, написанное после разгрома немцев под Москвой

[декабрь 1941 г.]

Бывает так, что ты живешь на свете
Читаешь книги, бодрствуешь ночами.
Мечтаешь о грядущем, дразнишь глупых,
Или грустишь о девушке любимой,
Высокой и насмешливой. И вдруг
Нагрянет жизнетворным ураганом
Огромнейшая радость и коснется
Не твоего обиженного сердца.
Но всех сердец — веселых, звонких, жадных,
Пылающих в открытую сердец.
И все твои сомненья, все тревоги,
Все личные обиды и утехи
Сейчас смешны. Они всеобщим счастьем
Овеяны, как низкий дым.

Слыхали?
Мы их таки поперли от Москвы!
Мы не пустили на асфальт столицы
Вонючих, отощавших кабанов.
Об этом просто говорить словами.
На деле это был великий труд,
Кромешный ад. Все ближе, ближе, ближе
Ползли враги, все яростней смыкались
Кольцом удава. Ладно? Их солдаты
С чужим, голодным, боязливым взглядом
Давили вшей на порванных рубахах,
Да крыли генералов по-немецки
И грели волосатые ладони
В золе испепеленных городов.
Их увели от самок и семей,
Их привели за тридевять земель,
Сказали им: «Стреляйте, грабьте, мучьте»
И в мерзлой почве вырыли могилу
Одну для сотен тел, и в той могиле
Они погребены. Сейчас кресты
Топырят пальцы над солдатской долей
И инеем, покрытые деревья
Их караулят. Кровь за кровь! Так надо.
Но мы встаем и мы идем в атаку.
Вперед! За Родину! Мы разорвали
Еще не сомкнутое до конца кольцо
И отшвырнули прочь, свои ладони
Гадливо отирая о штаны.
Живите, села! Радуйтесь столицы!
Одесса, слышишь? Киев, слышишь? Минск,
Ты слышишь нас? И Харьков мой, ты слышишь?
Москва жива! Мы наступаем, и —
Мы скоро будем вместе, дорогие!
Держись, мой Харьков: Видишь: наши части
Идут вперед, а немцы отступают
Бросая танки, пушки и снаряды
И мы идем вперед, и наше знамя
Горит и согревает наши души
Неслыханной доселе теплотой.
[...]
Так что же нам? Торжествовать? О нет!
Какой нелепый и опасный бред!
Еще тесней и яростней сплотиться

На подступах к прославленной столице,
И тверже стать ногами на холодной,
Мороженной, родной своей земле.
Сегодня в мире солнечно и ясно.
Я радуюсь, но я не легкомыслен
И знаю: много новых испытаний,
Еще трудней, еще пограндиозней.
Сулит нам новый, долгожданный год.
Но я уверен: никогда на свете
Не быть болезненным и низколобым
Хозяевами родины моей!
Пускай кричат от холода и злобы
И мускулы, изъеденные вшами,
Бессмысленно стараются согреть, —
Им умирать, а нам любить и жить
Не может плесень солнца потушить.
Живите села. Радуйтесь, столицы!
Как здорово быть русским и дышать
Тяжелым ветром сказочной эпохи.
Безжалостной поры. И если ты
Спокойно равнодушен в этот миг.
И не разгладила морщин твоих
Победы первой радость, и сидится
Тебе спокойно дома, — то ручаюсь —
Не человек ты, и ничто на свете
Тебя не сможет тронуть, и товарищ
Руки тебе не даст и отвернется,
И девушка на перекрестке улиц
С презрением тебе посмотрит вслед.
Сегодня в мире солнечно и ясно,
Тепло на улице, прозрачен воздух,
Синеет небо. Разве можно дома
Сидеть? И я хожу, хожу, — да что там
Почти лечу. Мне хочется, мне нужно
Остановить прохожих, засмеяться, —
И с каждым поздороваться за руку
Как со знакомым каждого спросить
«Ну что слыхали?», и осведомиться
Как спалось нынче, что жена и дети
Сегодня нету у меня врагов.
Все люди правы, каждый — понемножку.

(Из личного фонда Л. С. Карась-Чичибабиной. Оригинал, автограф).

№ 6

**Из донесения парторга ЦК КПУ А. П. Коротуна²⁵⁰
о работе подполья****[6 января 1942 г.]**

Я вышел из Воронежа 5 ноября 1941 года. 1 декабря 1941 года я приехал в Герасимовку²⁵¹. В Герасимовке в политотделе 38-й армии тов. Тимофеев меня задержал два дня, в Герасимовке мне дали человека — тов. Потапова, который мне должен был помочь добраться до места. В Купянск²⁵² мы приехали на машине. В Купянске я пробыл два дня, после чего на машине доехал до Староверовки²⁵³. В Староверовке, где я был 8 декабря 1941 года, тов. Шварцман дал мне следующий маршрут: Булацеловка²⁵⁴, Шевченковского района, Харьковской области, затем Богодаровка²⁵⁵ того же района и Моспаново²⁵⁶, Балаклейского района. Я пошел на Булацеловку. Там начальник райотделения НКВД тов. Середенко изменил маршрут и предложил идти на Малую Криньку и Василенково²⁵⁷, Печенежского района. Когда я пришел в Василенково, мне сказали, что пройти через линию фронта очень трудно, и я должен идти между Печенегами²⁵⁸ и Старым Салтовом²⁵⁹. Тут же один лейтенант посоветовал мне идти на Николаевку. Я сам решил, что мне идти прямо нет никакого смысла, я должен идти окольным путем, Я вошел в Худояровку²⁶⁰. Только дошел до Худояровки, как от меня в 100 метрах разорвался один снаряд, а через некоторое время — другой. Я бросился к домику, стоявшему недалеко от меня. Там оказалась наша застава и на этой заставе мне сказали, что я тут никак не пройду, я снова через яр пошел на Богодаровку. В Богодаровке начальник штаба 854 полка тов. Сердюк мне сказал, что я тут не пройду, а должен идти на Бригадировку²⁶¹, по направлению к Балаклеевке²⁶². Он мне посоветовал идти в Бригадировку с севера, Я так и сделал. Там мне удалось остановиться в одной хате на ночлег. Правда, меня не хотели пускать, но все же пустили, а потом пошли к нашим и заявили, что какой-то человек ночует в хате. Пришел командир разведки, я ему показал свой документ, он все же, несмотря ни на что, взял меня с собой, и мне пришлось с ним отойти назад на 14 километров. В Бригадировке находился уполномоченный особого отдела Гончаров, и я предлагал командиру разведки повести меня к этому Гончарову, но он и слушать не хотел. После того, как я прошел 14 километров, я снова направился в Богодаровку, и в Богодаровке перешел линию фронта, вернее, линию фронта я перешел в Грузиновке, Шевченковского района.

В Грузиновке я переночевал и на следующий день в 12 часов вышел по направлению на Волохов Яр²⁶³. В хуторе Голубовка²⁶⁴ меня сразу задер-

жали немцы. Сейчас же обыскали меня, но ничего не нашли и забрали перчатки и шарф. Кроме меня немцы задержали еще 3-х человек и всех нас повели в немецкий штаб, который находился в Болдуновке²⁶⁵. Постояли мы там час, а потом пришел переводчик в комендант. Нам задавали такие вопросы: откуда идем, куда идете, где вы видели красных, сколько их, что вам говорили красные. Я на все эти вопросы отвечал таким образом: я ехал с эшелонам, в котором эвакуировался театр, на одной станции, за Алексеевкой²⁶⁶, я сошел с поезда, пошел назад и иду уже больше месяца. Все время стараюсь ходить так, чтобы меня красные не задерживали. У меня семья в Харькове, и я хочу пройти к своей семье. Больше ни о чем меня не спрашивали. Правда, посмотрели мой паспорт, а в паспорте у меня Харьковская прописка. Во всяком случае, я тогда не вызвал никакого подозрения.

Зашел я в Волохов Яр. Там было очень много немцев, В этом селе я переночевал, а когда пошел в совхоз, то там меня забрали на работу. В совхозе я проработал возле кухни три дня. Оттуда я прямо пошел на Харьков. Маршрут у меня был такой: с Волохов Яра в Скрипай²⁶⁷, из Скрипаев на Мохначи²⁶⁸, потом в Лизогубовку²⁶⁹ в по Змиевской дороге²⁷⁰ в Харьков. К Харькову я подходил как человек, который ходил за продуктами. При мне была сумка, и я напоминал людей, которые ходят по селам, чтобы приобрести какие-нибудь продукты.

Пришел я в Харьков 20 декабря 1941 года, в 2 часа дня. Зашел на Плехановскую улицу № 36. Хотел там остановиться, но знакомые, к которым я пришел, боялись, хотели, чтобы я ушел. Пришлось уйти. Пошел я на Холодную гору, и Рудаковский переулок № 3 к своим дальним родственникам — Овсяникову Павлу Гавриловичу.

На второй день после прихода в Харьков 21 декабря — я пошел к Данишевой²⁷¹. Зайдя в дом, я спросил у женщины, которая мне открыла дверь: Вы хозяйка. — Я. В квартире никого не было. Я к ней обратился с такими словами: знаете, я везде был, зашел к вам, вы меня извините, но я ищу прачку, чтобы постирать белье. Она мне ответила: я бы постирала, но сейчас топлива нет, а сама смеется. Тут же я сразу задал такой вопрос: А Нагорный²⁷² есть? — Есть. Она мне предложила зайти в комнату, сесть. Данишева — замечательный человек и, главное, что она совсем не трусит. Я у нее просидел часа два. Данишева мне сказала, где живет Нагорный. Адрес Нагорного: Холодная гора, Залютинская улица, 28. Я пошел туда, но Нагорного не застал, хозяйка квартиры мне сказала, вы в это время его не застанете дома, потому что он утром уходит на работу и приходит с работы к концу дня.

/ВОПРОС: где он работает?/.

Он нигде не работает, но хозяйке сказал, что ходит на работу. Я пришел вторично уже в начале 4-го я застал Нагорного. Зашел я в квартиру

с таким вопросом: завтра пойдем за хлебом? Он мне ответил: да, пойдем. В квартире было темно, я вышел из квартиры, Нагорный вышел за мной. Выйдя из квартиры, я у него спросил: вы Нагорный Иван Иванович? — Да, я. Я ему сказал пароль, он ответил мне. Мы договорились встретиться на следующее утро. Он пошел назад, а я пошел к себе на квартиру. На следующее утро я снова пришел к Нагорному. В его квартире говорить нельзя было, и поэтому я предложил ему пойти ко мне на квартиру. Мы пошли и у меня на квартире провели 4–5 часов. На следующий день мы снова собрались и вместе пошли на Конный базар. На Конном базаре 22 декабря, часов в 12 дня, мы с ним расстались.

Что я узнал от тов. Нагорного? В Харькове 5 райкомов²⁷³, из которых есть только 2 и то один из них работает — Основянский, а другой — Железнодорожный состоит только из одного секретаря. Секретарь Основянского²⁷⁴ райкома партии работает дворовым рабочим. В этом райкоме есть и члены райкома. В остальных трех райкомах людей нет.

Никаких листовок в Харькове не выпускают. Не на чем и нечем. Нагорный с райкомами держит только живую связь. О том, что происходит здесь, не знают. Известно, что на торжественном заседании был доклад товарища Сталина²⁷⁵, но о содержании этого доклада не знают. О докладе товарища Сталина Нагорный узнал через немецкого офицера, у которого есть радио. Тов. Нагорный жаловался, что условия для работы очень трудные. Получилось совсем не то, что предполагалось, когда его оставляли в Харькове.

Тов. Нагорный рассказал мне о таком факте, который имел место в Харькове. Там повесили на балконах 116 человек, и когда трупы замерзали, а люди проходили внизу по тротуарам, то эти трупы сбрасывали вниз на людей. Были случаи, когда люди при виде этого падали в обморок.

В гостинице «Интернационал»²⁷⁶ находится около 1200 человек заложников. Заложники были взяты за взрыв моста на Холодной горе и убийстве одного генерала на улице Иванова. Власти предупредили, что если подобные случаи будут еще иметь место, то эти 1200 человек заложников будут расстреляны и будут взяты еще новые заложники.

Сейчас в Харькове проводится регистрация коммунистов и комсомольцев, причем дан срок окончания регистрации 1 января 1942 года. На регистрацию является очень мало людей, но все же случаи явки имеются. Я сам наблюдал явку на регистрацию в двух районных управлениях. Я был в районных управлениях на Холодной горе, на улице Залютина²⁷⁷ и на улице Артема № 2, где помещался научно-исследовательский институт лесного хозяйства. Я в одном из этих управлений посидел примерно полчаса и сам видел, как вышел один человек очень взволнованный, видно было, что его буквально обливает потом. Очевидно, человек решил

сознаться, что он коммунист и зарегистрироваться. Что требуют во время регистрации? Сдать партийный или комсомольский билет. Власти предупредили, что в случае, если будут обнаружены незарегистрированные коммунисты или комсомольцы, их причислят к жидам, и они будут отвечать за то, что не зарегистрировались.

Надо сказать, что в Харькове население буквально голодает, власти ничего не делают, чтобы обеспечить население. Кроме того, имеется приказ, по которому все поселившиеся в Харькове, откуда бы они не прибыли, в 1936, 1937, 1938, 1939, 1940 и 1941 гг., до 20 декабря 1941 года²⁷⁸, в обязательном порядке, должны освободить город Харьков. Все остальные, желающие выехать из города, должны подать заявления бургомистру города Харькова и могут выехать по направлению Суджа²⁷⁹, Полтава, Лозовая²⁸⁰.

Вывешен приказ бургомистра такого содержания: в связи с зимним периодом и в связи с тем, что немецкие солдаты расположены в городе на зимовку, требуется обеспечение их квартирными условиями, а также и одеждой, а поэтому, кто имеет ковры, теплые одеяла, простыни, часы, зеркала, художественные картины, валенки предлагается сдать бургомистру, а по желанию немецких солдат эти вещи могут быть возвращены. Такой же приказ распространен и на население Харьковской области. По всей Харьковской области сейчас ходят немецкие солдаты и собирают валенки, одеяла. Как правило, в валенках ходить нельзя. Если дома находят валенки, то сейчас же их забирают.

О гестапо. По данным, которые мне сообщил тов. Нагорный, на 10 декабря в гестапо поступило больше 600 заявлений. Содержание этих заявлений таково: этот коммунист, этот комсомолец, этот был активным, этот опасный элемент, этот скрывается и т.д. Данные эти взяты Нагорным со слов офицера-жандарма, который ведал этими заявлениями. Этот офицер жил на квартире у профессора Михайловского, который оказался большой сволочью. Между прочим, Нагорный мне сказал, что он чувствует, что на него есть заявление. Дело в том, что в сельхозинституте, где работал Нагорный, собралась группа людей: профессор Михайловский, бухгалтер Соловьяненко, профессор Пищемуха, профессор Коралов, которые, безусловно, могли написать заявление на Нагорного. Разговор об этом уже имел место; Соловьяненко как-то заявил — «а вы знаете, что Иван Иванович живет в городе, у нас может быть неприятность, что мы об этом не заявляем?». И вот, каждый не хочет брать на себя, чтобы заявить об этом, но все-таки все такого мнения, чтобы заявление подать. В этом сельхозинституте был такой случай: там были бюсты Ленина и Сталина, пришел немецкий солдат и сказал убрать, тогда завхоз института взял кузнечный молот и побил эти бюсты на куски. Словом, в сельхозинституте сволочей оказалось немало, и среди них профессора Михайловский, Коралов, Пищемуха. Коралов обвиняет

большевиков в том, что над ним много лет издевались, и рассказывает, что Иван Иванович принес ему литер и хотел, чтобы он из Харькова выехал. Между прочим, Коралов орденносец. Сейчас директор сельхозинститута профессор Михайловский.

Нужно сказать, что в Харькове полиция, которая состоит из местного населения, и всякие желтоблаkitники²⁸¹ проявляют большую активность в части разных донесений в гестапо. Сейчас проходит набор в полицию в возрасте от 18 до 25 лет. Нужно подать заявление и принимают на работу. В полиции есть часть бывших милицeйских работников. Было объявление коменданта города Харькова о том, чтобы милицeйские работники явились зарегистрироваться и им сейчас же будет предоставлена работа. Полицeйские ходят в красноармeйских шинелях с немецкими винтовками и с нашими наганами, а на рукавах нашивки.

Сейчас имеется приказ немецкого командования о том, что из Харькова без пропуска выход запрещен. Пропуска к Салтову, Балаклее, Чугуеву, Волчанску, Белгороду не дают. Дают пропуска в направлении Змиева, Мерефы, Валок, Богодухова²⁸².

Имеется приказ немецкого командования о том, что до 16 декабря в течение 2-х дней все евреи должны быть выселены на Станкострой²⁸³ без предоставления для этого какого бы то ни было транспорта. В Харькове имел место настоящий погром, 16-го декабря за ХТЗ²⁸⁴ было много расстрелов. За ХТЗ имеется небольшой яр²⁸⁵, туда направили много хулиганов, которые должны были перебрасывать ехавшие санки, задерживать их, а при сопротивлении убивать людей. Тут же находились автоматчики. Стреляли прямо в евреев, которые двигались по направлению к Станкострою. Тут же на машины забирали все их вещи и увозили. На станкострое бараки²⁸⁶, которые должны были быть отведены для евреев, были без окон, без дверей, без отопления. В город евреи ходить не могут, а могут находиться только на той территории, где они живут. Выселили 25 тысяч человек, расстреляли около 14 тыс. человек. Расстрелянных закапывали наши военнопленные. Кстати, нужно сказать, что по дорогам немало убитых, расстрелянных и замученных военнопленных.

На Станкострое люди оставлены на то, чтобы умереть голодной смертью. Уже сейчас есть много случаев, когда люди умирают от голода. Доступа мужчин туда нет, некоторые женщины носят туда еду, но это грозит им большой опасностью. Трудно передать, что делается в этих бараках.

Сейчас раздевания на улицах города Харькова нет. Немцы несколько изменили свои методы, они вещи забирают в квартирах.

По благоустройству города Харькова абсолютно ничего не делается. Света и воды нет. Сейчас ремонтируют баню, к новому году ее должны были пустить. Воду берут в речке и в ямах, но сейчас есть приказ в ямах воду не брать, так как это грозит эпидемиями.

В городе проводится регистрация инженеров для получения ими работы на заводах. Судя по разговорам, немцы хотят привести в порядок все трактора с тем, чтобы они были пригодны к весеннему севу. Никакого ремонта в городе нет, единственное, что ремонтируют — это мост на Холодной Горе, но ремонт его затянется. Закончили ремонт железнодорожного моста возле Эсхара²⁸⁷. Остальные мосты не ремонтируют. Поезда ходят на Киев, затем до Белгорода и по направлению к Змиеву от Основы²⁸⁸. По железной дороге перевозят военное снаряжение.

Город выглядит ужасно. Люди унылые, измученные, похудевшие из-за отсутствия питания. По городу ездят немецкие машины, больше всего грузовые.

Расположены немецкие части на таких улицах: Кооперативной, Кузнецкой, Плехановской и Змиевской²⁸⁹. Там даже выселили часть жителей. Кроме того, расположены они и на Холодной Горе. В самом центре — на Сумской улице никто не живет. На Пушкинской улице, по улицам Дарвина, Красина, Фрунзе живут военные, но больше всего офицеры. Некоторые большие дома совсем освобождены от жильцов.

/ВОПРОС — Какие дома в Харькове были взорваны? /

Там дома не взрывали, единственный дом, который был взорван, это около Дмитриевского моста²⁹⁰, где помещался научно-исследовательский институт. От Дома проектов²⁹¹ остался только один хребет, в Госпроме никто не помещается, там крыши тоже нет. Поврежден дом, где находился штаб Харьковского военного округа, но дом не весь взорван.

По Харькову был еще один приказ о продовольствии. Немецкие власти потребовали сдать продовольствие, у кого оно имеется, и в случае обнаружения его, виновные будут подвергнуты наказанию. Сейчас ходят по квартирам и ищут продовольствие. Если продуктов не находят, то забирают носильные вещи и все, что попадает под руку. Как правило, в Харькове немцы питаются за счет населения.

На немецких солдатах вы можете увидеть женскую одежду, и особенно они пользуются платками, которыми обвязываются. Это почти массовое явление.

Есть приказ Гитлера о назначении министра земледелия Украины. Это некто Розенберг²⁹², который раньше, как говорят, занимался у Гитлера украинскими вопросами. Есть, также приказ о назначении государственным министром Коха. Латвия, Литва, Эстония, Белоруссия объединены, и там также имеется два министра.

Везде уже имеются земельные управления. По всем районам произведена перепись посевного материала колхозов — яровых и озимых культур. На вопрос: для чего переписывают озимые культуры? — был дан ответ: чтобы заменить яровыми. Конечно, все это сделано для того, чтобы выявить, сколько у каждого хлеба, сколько скирд осталось необмолоченных. Немцы дают горючее, ставят трактора и требуют: весь хлеб

обмолотить. Одна четвертая часть или одна третья часть хлеба засыпается в амбар для посевного материала, а остальное идет в распоряжение немецкого командования, и в результате колхозник ничего не получает. Колхозник работает на немца и еще доволен, что его не трогают.

С лошадьми поступают так: там, где лошади обеспечены фуражом, там их забирают вместе с фуражом, а там, где фуража нет, их оставляют.

На селах все продовольствие поступает в немецкую армию. В Тернах²⁹³ дали наряд на 28 коров, из них отобрали 8 дойных и отправили в Чугуев. То же самое было сделано в селах Задорожном²⁹⁴, Шелуте²⁹⁵, Скрипаевке²⁹⁶. Колхозники за коров деньги не получают. Каждые 6 дней (четыре раза в месяц) нужно сдавать продовольствие — картофель, зерно, лук, капусту, свеклу, а также свиней и коров. На убой скота население разрешения не получает. В Старом Салтове был такой случай мальчик 15 лет попросил своего дядю, чтобы он ему зарезал поросенка, так как отец мальчика мобилизован в Красную Армию. Дядя зарезал и в результате этого дядю, по фамилии Зозуля, немецкое командование повесило в центре района, и труп висел три дня. Это было в декабре месяце.

Немало случаев, когда к одному и тому же колхознику в течение дня приходят немецкие солдаты по 3–4 раза и требуют продовольствия. Забирают муку, забирают соль, керосин, берут все, что находят в хате. Селяне ходят с жалобами к коменданту, заявляя, что солдаты берут по наряду, а потом приходят снова. Обычно следует один и тот же ответ: на то война.

Зверства, чинимые немцами, неописуемы. Немцы выселили всех из таких сел: Болдуновка²⁹⁷, Грузиновка²⁹⁸, Дьяковка, Голубовка²⁹⁹, Волохов Яр³⁰⁰, Борщевка³⁰¹, Николаевка³⁰², Гавриловка³⁰³, Лебяжье³⁰⁴, Хотомля³⁰⁵. Обычно это делается таким образом: в 10 часов утра дается распоряжение до 12 часов дня выселить из села всех до одного человека. Народ уходит, не имея возможности ничего взять с собой. Поднимается плач, крики, идут с жалобами к коменданту, но ничего не помогает. То, что можно взять на плечи, то и берут. Не выселяют только полицейских и старост, причем местными властями дано распоряжение, чтобы у них ничего не забирать. В таких селах, как Новый Лиман³⁰⁶, где было 96 домов, Худояровка³⁰⁷, Писаревка³⁰⁸, Чернецкая³⁰⁹ уцелело только по 3 дома. Был такой случай: одна женщина вышла из терпения и плюнула, и вот ее то, что она выразила свое возмущение, ее бросили в пламя и ждали, пока она не сгорит. В Писаревке³¹⁰ из 200 домов уцелели только 4 дома. По Писаревке был такой приказ: к 1 часу дня освободить село. Ровно в 4 дня выстроили команду в 50 человек, разошлись по улицам и начали со всех сторон палить. Когда народ увидел, что село горит, то стали убегать. Во многих домах остались дети, в сараях стояли коровы, везде был крик, плач. Через час немцы начали стрельбу. Когда немножко затихло, они пошли по погребам и, что кому нравилось, то и брали. Это было 2 января 1942 года. Я сам помогал людям вывозить продукты и вещи. У одного селянина, по

фамилии Нагорный, которому 76 лет, три сына в Красной Армии, у одной невестки четверо детей, из них один ребенок грудной, у другой — трое детей. И вот у этого старика сгорела хата. Пришел немецкий солдат и потребовал, чтобы вся эта семья ушла из села. Одна из невесток начала просить, но ничего не помогло. Ей сказали — если через час не выберетесь, расстреляют тебя и всех остальных. Солдат ногой ударил ее в грудь. В Писаревке еще имел место и такой случай, когда из хаты выходила женщина, а немецкий солдат бросил в нее гранату, и она погибла.

В Хотомле в 10 часов вызвали к коменданту старосту и заявили, чтобы к 12 часам дня ни одной души в селе не осталось. Люди думали, что начнут жечь хаты и поэтому выносили вещи на улицу, часть вещей в погребах оставили. Не прошло и часа, как немцы предложили всем оставить село, а вещи начали сами забирать. Народ из села ушел.

В Новом Лимане из 96 хат — 93 хаты сгорели, остались только три хаты. На немецкой машине приехало человек 20 солдат, и было заявлено: дается час на то, чтобы освободить квартиры, а через час начнем хаты жечь. Народ начал выносить все вещи на улицу. Через час все хаты были подпалены. Приехали подводы, еще одна машина, и немцы начали забирать все вещи, а после этого стрелять по народу.

То же самое было и в Волоховом Яре. Большинство населения не успело взять ни питания, ни одежды.

В Новом Лимане сделали хуже, чем в Писаревке. Двух женщин там расстреляли, а 28 женщин, которые решили пойти в совхоз за продуктами, забрали и посадили в холодный сарай. Их продержали 5 часов в сарае и после этого начали каждую из них избивать, из этого совхоза под конвоем женщин направили в Чугуев, там их посадили в холодное помещение, они просидели ночь, а утром их выпустили. Это рассказывала одна из этих пострадавших женщин, причем она говорила, что когда ее били, она не чувствовала боли, а после этого 6 дней лежала.

В Волоховом Яре двое пришли за хлебом. Это некто Шамрай и Сидоренко. Патруль забрал их и привел в штаб. Командование дало распоряжение расстрелять. И вот этих людей привели на их же квартиры и при женах у них во дворе их расстреляли, причем приказали чтобы трупы лежали три дня и их не смели хоронить. Это было 29 декабря. В том же Волоховом Яре был такой случай: там живет Махонько Ольга — колхозница, 26 лет, имеет 2-х детей, муж ее в Красной Армии. В хату к ней, когда она лежала на печи, пришел немецкий солдат. Он начал взбираться на печь, пытался ее изнасиловать. Она в испуге потеряла сознание. Сейчас эта женщина сошла с ума. Женщины колхозницы собрались и пошли к коменданту, рассказали ему об этом случае. Комендант им ответил на то война, на то воюем. Он приказал через переводчика, чтобы они моментально ушли. В том же Волоховом Яре 15-летнего мальчишки одной колхозницы я 17-летнюю девочку расстреляли и подпалили их хату. Хозяйки не

было дома. Когда она на другой день пришла к офицеру с вопросом: что вы сделали, за что расстреляли детей, то тут же на месте и она была расстреляна. Этот 15-летний мальчик был заподозрен в связи с партизанами.

В Моспаново, Балаклеянского района, расстреляли 9 учеников только за то, что эти ученики все время бывали там, где стоял наш штаб. Кто-то донес, что эти ученики были разведчиками, и их расстреляли. Это было в первой половине декабря месяца.

Харьковская тюрьма³¹¹ переполнена военнопленными. 19 декабря, примерно 120–140 пленных вели по Григоровскому шоссе³¹², 11 пленных, которые отставали из-за своего бессилия от недоедания, расстреляли. Этих убитых людей отбросили в сторону с дороги. Так они лежали дня четыре. Над всеми пленными страшно издеваются. Пленных, которые отстают в дороге, избивают прикладами. Один немецкий офицер, который работает в тюрьме говорил следующее: я был в Голландии, был в Бельгии и, наконец, попал сюда, но то, что я вижу здесь, я не видел нигде. Я сам себя застрелю или сойду с ума. Такого зверского, нечеловеческого отношения я еще в жизни не видел. Он просил, чтобы его освободили от работы в тюрьме. Этот же офицер рассказывал, что пленных не кормят, помещения, в которых они находятся, не отапливают, людям не дают возможности уснуть, их избивают, над ними издеваются. Ежедневно умирает десятки пленных. Вот все это рассказывал немецкий офицер.

В Гракове³¹³ шел немецкий обоз из 30 подвод. В обозе работали наши военнопленные. Одна подвода отстала, и немецкий солдат избил до полусмерти военнопленного. Ночью он умер.

В Харькове сволочей, которые подают заявления на наших людей, очень много. На селах таких людей значительно меньше.

Несколько слов по земельному вопросу. Немцы объявили, что усадьбы, которыми пользовались раньше колхозники, рабочие, остаются у этих колхозников и рабочих, и они могут ими пользоваться. Есть отдельные случаи, что когда обращаются к немецкому коменданту и заявляют: в моей хате живут, а я сам живу у соседей, то комендант приказывает выселить и возратить хату хозяину. Что касается распределения земель, то до окончания войны на этот счет никаких разъяснений, по словам коменданта, не может быть, а после окончания войны будет видно.

О настроениях населения. Среди населения была такая прослойка, которая ждала прихода немцев. Многие рассуждали так: придут немцы, колхозов не будет, получим землю и будем жить, как хотим. На опыте трехмесячного существования немецких властей на временно оккупированной ими территории все эти люди убедились, что ничего подобного немцы не собираются делать и что их надежды не оправдались. Сейчас все ждут одного — скорее бы пришла Красная Армия, и есть даже такие заявления: если придут наши войска и в случае, если придется им отступать, то мы тоже будем отступать и не останемся на территории немцев.

Нужно сказать, что в Харькове есть и другие настроения, главным образом у поездников³¹⁴. Можно услышать такие разговоры: почему допустили сюда немцев, можно было этого не делать. Это, безусловно, антисоветские настроения. Такие разговоры можно слышать со стороны людей, которые сидят дома. Это — дезертиры, но даже и эти люди, антисоветски настроенные, недовольны, что немцы здесь.

Много есть всяких провокационных слухов. Вот, например, задают такой вопрос: что, уже Москва и Ленинград затоплены? Оказывается, распускают провокационные слухи, что немцы пустили воду на Москву с Волги, а вокруг Ленинграда вообще воды много, вот и затопили Москву и Ленинград. Даже сам тов. Нагорный был в недоумии и спрашивал меня о положении дел. Он говорил так: я вижу по сводкам немецкого командования, что где-то нажимает Красная Армия, но ничего определенного не знаю. Надо сказать, что если судить по тем четырем районам Харьковской области, которые я прошел, то все догадываются, все знают, что где-то на немцев нажимают. Немцы собираются отступать. Сами солдаты заявляют: рус туда, рус туда, а мы вот — ... и они показывают кольцо. Плачут немецкие солдаты, что долго воюют. В одном из сел был такой случай, когда немецкий солдат получил письмо от жены, что она вместе с детьми эвакуировалась из Берлина. Этот солдат плакал. На вопрос: чего плачешь? — он ответил: — жена и трое детей эвакуировались. Там рус и Англия бомбят. Должен сказать, что немецкие солдаты упали духом, они чувствуют, что положение германской армий неважное.

Очень плохо то, что население на оккупированной территории не имеет информации о военных действиях, оно только догадывается, что немцам придется сматывать удочки. Люди делают выводы по сводкам немецкого командования, которые все одного мотива — советские войска атаковали, потом были отброшены. О Ростове³¹⁵ в Харькове знают, что Ростов взят советскими войсками. Часть немецких офицеров, живших на квартирах в Харькове, выехали в направлении Ростова. Кое о чем знают благодаря радио. На квартирах у офицеров есть радио, а хозяйки могут подслушать, но даже если они и слышала что-нибудь, то боятся говорить, потому что в Харькове был один случай, когда женщина сказала, что немцы отступают, и ее за это расстреляли; вторая сказала, что возле Москвы немцев набили, ее также расстреляли. Шпионы у немцев работают неплохо. В Хотомле 5 января немцы исправили все свои повозки и приготовились уходить, а население выслали, причем мужчин отправили в тыл. И вот по таким фактам население делает выводы, что немцы собираются отступать.

О листовках. В Харькове листовок нет. За декабрь месяц ни одной листовки в Харькове не видели. Вот это плохо. Тов. Нагорный также жаловался на то, что листовок нет.

/ВОПРОС: Профессора в сельхозинституте знают, что Нагорный в Харькове?/

Знали, вот сейчас Михайловский знает, что он уехал. Данишева никак не может получить у Михайловского вещи Нагорного, которые бы его могли выручить. Михайловский знает, что Нагорного в Харькове нет, и поэтому вещи не отдает.

Вообще надо сказать, что Нагорного не обеспечили, он сейчас буквально голодает. Сам он рассказывал, что написали ему всяких записок, но с этими записками он ходил и ничего не добился. Продовольствия он не получает, единственно что он имеет — это немножко денег, и вынужден ходить по селам и менять на продукты, но менять нечего. Данишева сама не обеспечена и денег не имеет. Я дал ей 200 рублей, так как к ней приходил управдом и требовал квартплату. Она пока нигде не работает, хочет поступить на работу.

У Нагорного было настроение идти сюда. После того, как там побывал, поговорил с ним, он мне заявил: у меня такое настроение, будто бы я побывал на советской территории. Он очень просил передать, в каком он находится положении. Работать там очень трудно. Вот его слова: я нахожусь в ожидании, что не сегодня-завтра меня вывядят. Он просил, чтобы с ним наладить связь, чтобы доставляли советскую литературу и т. д. Когда я по дороге в Харьков был у тов. Профатилова³¹⁶, то он мне сказал, что там есть газеты, есть речь товарища Сталина, что там были две женщины. Оказывается, что Нагорный ни одного человека от Профатилова не видел. Только одна женщина заходила к Данишевой и больше ее никто не видел. Нагорный совершенно не информирован о том, что здесь происходит. С Нагорным я пробыл два дня.

/ВОПРОС: Где Нагорный раньше работал?/

Он был секретарем парторганизации сельхозинститута.

/ВОПРОС: Как его настоящая фамилия?/

Бакулин Иван Иванович. Жаловался Иван Иванович на то, что ему не оставили паспортов. Вот там, в Харькове, жена одного члена бюро райкома, еврейка, у нее двое детей, ее сейчас ищут, если бы был паспорт, она бы переехала на другую улицу и могла бы жить в городе. Надо сказать, что много недоделали. Когда Нагорного оставляли, ему наговорили много, а в результате ничего не сделали. У Нагорного есть только одна связная. Ее выселили из квартиры, дали ей подвал, в котором она и живет. Это единственный человек, через которую Нагорный связывается с людьми.

/ВОПРОС: Что он предполагает сейчас делать?/

Он говорил, что сейчас ничего не может начать делать. Я уже говорил, что там только два райкома — Основянский и Железнодорожный, причем в Железнодорожном³¹⁷ только один секретарь. Конечно, работы там можно было бы начать, но нужна поддержка со стороны обкома и ЦК КП(б)У. Я лично убедился, что в Харьков нужно доставить

материалы о последних событиях. Им нужно было бы иметь если не типографию, то хотя бы стеклогрaф, а там даже пишущей машинки нет. Я говорил Ивану Ивановичу, что если он будет жить все время под таким испугом, в каком он находится сейчас, то ничего он сделать не сможет. Он мне объяснил так: я пойду доставать бумагу, меня заметят и могут быть неприятности. Очень плохо никаких листовок, обращений, воззваний в народе нет.

/ВОПРОС: Вам нужно было подсказать, чтобы они население подготовили к вступлению Красной Армии? /

Я об этом говорил Ивану Ивановичу и обрисовал положение, какое мы имеем на сегодняшний день, я ему сказал, что когда я был с партизанами, то у меня было неудовлетворение тем, что мы делаем, а вот сейчас положение совсем иное. После речи тов. Сталина наши партизаны действуют так, что душа радуется.

/ВОПРОС: В Харькове много войск? /

Концентрация немецких войск в Чугуеве. В Чугуеве войска больше, чем в Харькове. В Харькове есть тысячи две с лишним, а в Чугуеве до 5 тысяч. Из Чугуева движение войск на Балаклею и на Старый Салтов. В Старом Салтове тысячи две, в Хотомле человек 500, в совхозах — Ивановке³¹⁸ человек 200, в Строительном³¹⁹ человек 500, а также много всякого орудия. В Гракове войск мало. Из Ахтырки³²⁰ выступили все, осталось человек 100 для охраны. Все они прибыли в Харьков. Кроме людей прибыли и лошади, примерно 600, машины — от 160 до 200. Все войско, которое из Ахтырки прибыло, движется на Балаклею — к Изюму³²¹, Донбассу.

В гестапо в Харькове работает кое-кто из местного населения. По данным Ивана Ивановича оказался диверсантом и сейчас работает в гестапо работник местной противовоздушной обороны гор. Харькова. Голова управы Харькова — Крамаренко, он был назначен Киевом. Когда немцы вступали в Харьков, у них эта кандидатура уже была. Говорят, будто бы Крамаренко был выдвинут из того состава бюро ИТР³²², которое осталось в Харькове.

Тов. Нагорный мне говорил, что хотели от нас послать в редакцию³²³ своего человека, но его не взяли, потому что не было подготовлено соответствующей характеристики.

/ВОПРОС: Кто такой Петро Сагайдачный³²⁴? /

Это человек, присланный Киевом.

Редакция находится на Сердюковском переулке № 7³²⁵, а типография — на Сумской № 13.

В Управлении Южной ж. д. есть пять человек коммунистов.

Все они получают задания и неплохо работают.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 117, л. 1–14. Оригинал, машинопись).

№ 7

Из дневника А. Н. Истомина³²⁶**март 1943 г.***

[...] В 1943 году 9 марта. Немцы прорвали линию обороны красных и близко подошли к Харькову. 9 марта я встал утром 8 час[ов] в городе было тихо я умылся, позавтракал и пошел в школу. Школы в Харькове были украинские. Школа была от нашего дома недалеко, минут через пять я уже был в школе. Занятия в школе начались с 9 час[ов] утра. Но весь этот урок к учительнице приходили какие-то люди. На втором уроке нас распустили, когда я вышел из школы, на улице была суматоха. Я пришел домой. Дома никого не было. Через полчаса пришел папа, но у него не было ключей, он сказал мне чтоб я его подождал около дверей. А он пошел опять на работу. Скоро он пришел, но мама еще не пришла. Тогда папа взломал дверь и мы вошли в комнату. Папа сказал мне, что мы будем эвакуироваться из Харькова. В это время началась сильная бомбежка. Рано утром 9 марта моя мама взяла мою сестру Люсю и пошла на работу. По дороге мама отвела Люсю в детский сад, а сама пошла на работу. Папа сказал мне, чтобы я пошел за Люсей в детский сад. Детский сад был не очень далеко от нас. Через 10 минут я пришел в детский сад, взял мою сестру и мы с нею пошли домой. Мы скоро дошли домой. Когда я привел свою сестру домой, мамы еще не было, бомбежка усилилась, немецкие самолеты делали залет за залетом. Папа начал беспокоиться о маме. Он послал меня к его сослуживцу. Но я его не застал дома и вернулся домой. К папе пришел преподаватель Харьковского университета Ключерев, он тоже собирался эвакуироваться и он сказал папе что они собираются в 5 часов уходить. Он еще немножко посидел и ушел. У Ключерева была жена и ребенок 7 лет, звали его Вова, и бабушка к нам он часто приходил играть с моей сестрой.

Папа куда-то пошел, было уже полпятого. Без четверти 5 пришла мама. Когда папа уходил, то сказал мне, чтобы я одел теплый костюм и шубу.

Мы как можно быстрее, чтобы догнать нашу партию, с которой сперва мы шли. Дорога была тяжелая. Наши маленькие саночки ежеминутно перевортывались. Наконец саночки перевернулись и наши мешки развязались, мы остановились и папа стал завязывать мешки. Вдруг мы увидали, что позади нас шла наша партия. Папа быстро завязал мешки и мы пошли за партией. До Цыркунов³²⁷ мы шли партией. По дороге в Тиш-

---

* Дневник велся в школьной тетради Александра Истомина, ученика третьего класса. Упражнения по русскому языку, предшествующие дневниковым записям, не публикуются.

ки³²⁸ наша партия почти вся разошлась, только осталась семья Ключеревых мы и один преподаватель университета. Когда мы дошли до Тишков уже начало светать. От Тишков км 2 было две дороги прямо дорога была на Липки³²⁹ вправо дорога была на поселок Веселая. На этих двух дорогах мы и остановились отдохнуть и подумать куда идти на Липки, или на Веселаю³³⁰.

Папа сказал, что лучше идти к Веселаю, все с ним согласились, и мы пошли на Веселаю. Дошли мы до Веселой в 7 часов утра. В Веселой мы остановились в крайней хате. Пришли мы в Веселаю троим. Я, папа и один преподаватель Харьковского университета, дядя Володя, остался в хате и я тоже остался в хате, а папа пошел помочь Ключеревым. Скоро приехали Ключеревы. Их мальчик Вова сразу разделся и полез на кровать. Я тоже лег с ним на кровать. На кровати я с ним поели и сейчас же заснули. Проснулись мы вечером. Горела печь. Вовина мама вместе с хозяйкой готовили ужин. В хате, где мы ночевали, было три человека. Хозяин его жена и мальчик лет 14 Леня. Часов в 12 был готов ужин, когда поужинали, немножко посидели, и легли спать. Рано утром мы встали, позавтракали, собрали вещи и хотели уезжать. в это время прибежал Леня и сказал нам, что немецкие танки едут по шоссе. Мы вышли во двор, слышна была пулеметная стрельба. Все вошли в комнату. Вова плакал. Часов 12 стрельба окончилась. И мы думали, что немцы заняли село. Выходить на улицу все боялись. Настал вечер, все покушали и легли спать. 12 рано утром мы встали, оделись и приготовились идти в Старицу³³¹. Часов в 7 мы вышли из Веселого и пошли через Среду на Старицу. День был холодный и пасмурный.

(Центральный государственный научно-технический архив Украины, личный фонд А. Н. Истомина. Оригинал, рукопись).

№ 8

Из стенограммы беседы³³², проведенной с директором по учебной части Механико-машиностроительного института³³³ Иваном Федоровичем Богдановым

Уроженец Харькова. Родился в 1894 году, так что сейчас мне идет пятидесятый год. Здесь вся моя семья. В стенах Механико-машиностроительного института я и вырос. Семья моя все уроженцы Харькова. Брат сейчас находится в армии. К сожалению, два года ничего о нем неизвестно. Последнее время под Чугуевом был. Муж сестры объявился на днях, уже заслуженный. Семья моя небольшая, жена и ребенок. В институте работал директором по учебной части.

К сожалению, наш институт эвакуирован не был. Директор дал распоряжение об эвакуации. Я получил его тогда, когда он сам был в Красноуфимске³³⁴. Брат был в танковом отряде, прислал мне машину, но меня из машины высадили. У меня был сердечный припадок и меня отправили в Александровскую больницу. Там я пробыл до прихода немцев, когда из-за отсутствия воды предложили нам разойтись по домам. Врач был настолько любезен, что сам под руку привел на квартиру.

Первое знакомство с немцами, когда четыре человека входят в квартиру, спрашивают оружие. Оружия у меня не было. Второй вопрос:

— Юде?³³⁵

— Нет.

Жена предусмотрительно достала у соседей образ, на буфете его поставила. Все искали крестики для детей, потому что единственно это спасало.

Эта компания ушла. Сейчас же обнаружили пропажу серебряных часов над кроватью, а это дорогая память была дядьки с надписью: «Лучшему красногвардейцу. Петроград». Пропало два куса туалетного мыла, маникюрные ножницы. Это было первое знакомство с немцами.

Примерно через каждый час такая тройка появлялась. К несчастью, я жил на втором этаже, и вход через мое парадное был. В первом этаже квартира пустая. Каждый час до поздней ночи являлись такие субъекты. Но мы уже умные были, постарались ценности убрать.

Стащили последние полбаночки меда, который был предназначен ребенку, сахар. Потом начались вопросы после оружия — мармелад, шоколад, конфеты. Вначале происходило мелкое ограбление квартиры. Дальше начинают устраиваться. Он подходит к буфету, забирает две тарелки, как у себя дома, снимает коврик со стены. Когда хозяева протестуют, заявляет: «Мы честные немцы, отдадим».

Через несколько дней собрались мы в институте. Причем, собрались все институты и машиностроительный, и химико-технологический, и электротехнический, и строительный³³⁶, оставшиеся из авиационного института³³⁷, словом, вся интеллигенция харьковских технических учреждений. Что делать? Давайте как-то нашу физиономию представлять. Решили объединиться в политехнический институт. Выбрали директора сами, профессора Терещенко³³⁸. Конечно, наша забота сводится к тому, чтобы сохранить то, что можно было. Почувствовалось к тому времени, что ждать нам нечего. Стоял вопрос о питании.

Пока мы оформили себя, никто нас не оформлял, никто нас не признавал. В это время много людей умерло с голода. Профессор Бекетов, первый академик архитектуры, которому принадлежат лучшие здания Харькова. Был расстрелян доцент Пономарев. Умер целый ряд других лиц. Масса людей замерзла по дороге. Каждый день делали гробы. Когда были уже особенно сильные морозы, жену профессора Радкевича нам

пришлось хоронить, несмотря на то, что все люди обессилели. Жители закапывали гробы в снег. Нам четыре или пять дней пришлось долбить землю посменно по полчаса каждому, все-таки вырыли могилу, ее похоронили.

Первое время питались очистками от картофеля, доставали конский бурак. Был праздник, когда мы смогли на машине привезти по килограмму конского бурака. Люди были опухшие, еле волочили ноги. Надежды на какое-нибудь снабжение со стороны немцев не было никакой. Абсолютно ничего не давали, даже карточек не выдавали. Через некоторое время получаем торжественно 30 обедов на 300 человек в столовой управы. Этот обед состоял из какой-то ботвы и был для научных работников. 30 обедов могли попасть только лишь квалифицированным профессорам. И вот представьте холодный зал, — я один раз был там, — нам подают тарелку этой жидкости. Пока ее доносят, она остыла. Без ложек, а просто, как свиное пойло, ставилось. Конечно, без хлеба.

Начали организовываться, делали спички, мыло. Основанием мыловаренного производства послужило то, что немцы у нас занимали корпус, и была часть наиболее приличная. Там был один был артист, один режиссер, из богемы. Приходят с банкой какого-то жиру и говорят: что это такое? Где-то стащили они 11 бочек. Это оказался прекрасный кокосовый жир, который идет на мыловарение. Мы им сварили мыло, остальные бочки дали нам и это послужило началом нашего благосостояния. Часть этого жира мы раздали сотрудникам. Теперь, вспомню этот жир, тошнит от него, а раньше это был какой-то жир.

Начали делать спички. Потом пустили типографию в ход. Кое-как люди перебивались. У немцев продавалось все. Можно было лютого немца купить независимо ни от чего. Немцу дали несколько кусков мыла. За это предоставлялась машина. Наши сотрудники забирали спички, мыло, барахло всякое, ехали на менку, а все остальные с нетерпением их ожидали. Так протекало все время это прозябание. Конечно, разговаривать о какой бы то ни было учебе не приходилось. Максимум на что могла рассчитывать украинская молодежь — это на пятиклассное образование. Это видно было из высказываний, тогда ставился вопрос, будут ли работать институты. Думали устроить средние учебные заведения некоторые преподаватели. Родители были в отчаянии, что время идет, и дети даже разучатся читать. Но было довольно ясно сказано, что о школе типа десятилетки говорить не стоит. Все, на что могут здесь рассчитывать — это пять классов. Естественно, что было открыто — это сельскохозяйственное высшее учебное заведение, и то, только потому, что Украина рисовалась немцам, как сельскохозяйственная страна.

Их денег, которые мы выручали, платили зарплату. Продавали мыло, спички. Коробка спичек стоила 7 рублей. В день мы продавали до 7 тыс.

коробок³³⁹. Мыло стоило 80 рублей кусок, а мы делали в день полтораста кусков туалетного мыла. Простое мыло стоило 100–120 рублей, а мы делали его 160 кусков. Так что мы могли по спекулятивным ценам покупать жир и были счастливы, что никто не принимает в нас участие. Штат был 360 человек, из них 200 человек, по крайней мере, были семьи мобилизованных ушедших в Красную Армию, семьи эвакуированных, которые сидели дома, клеили коробочки для спичек. Допустим, жена инженер, а муж доцент. Она сидит с ребенком. Она получала паек, зарплату и делала немного спичечных коробок. Все квартиры на территории института этим занимались.

Для того, чтобы сохранить корпуса, — их нельзя было оставлять пустыми, поэтому в каждый корпус втыкали мыловарку, — делали парфюмерное производство. В третьем корпусе была типография, в четвертом делали бертолетку для спичек. Бертолетки в Харькове не было, а у нас — химики, свою бертолетку мы сами делали. Цена фосфора доходила до 40 тыс. за килограмм, так что мы, имея свое производство бертолетки и продавая спички по рыночным ценам, имели возможность содержать сторожей и т. д.

Попутно мы занимались спасением имущества. Если мы знали, что выбрасывают строительный институт³⁴⁰, то, несмотря на холод, голод, собиралось человек 20, доставали бумажку немецкую, что мы перевозим библиотеку и тачками из-под Шатиловки и других мест вывозили эти книги. У нас сейчас свыше полумиллиона томов книг вместе с нашей библиотекой. К сожалению, мы не все могли спасти, т. к. в некоторых институтах выбрасывали все прямо в грязь. Например, на Шатиловке не позволили все вывезти. В электротехническом — половина пошла в грязь или жители растаскивали. Но самое ценное удалось вывезти. Тоже оборудование ценное, подчас тяжелое. Люди подрывались, но тащили для того, чтобы запрятать. И сейчас мы извлекаем из-под угля, из-под дров кое-какие инструменты, которые идут сейчас у нас в дело.

Так обошелся первый приход немцев. Когда нашими войсками был занят Харьков, то отступление произошло совершенно неожиданно. В городе даже были вывешены объявления, запрещающие жителям уходить. А директор Токорий остался верен себе: веером вывесил объявление о собрании, а утром уехал. Директором остался Дышкевич. Я получаю бумажку от Дышкевича, что «нашел возможность уехать, а управление института передаю вам».

Сказать, какое впечатление произвел второй приход немцев, вы не поймете. Один из наших доцентов Скромс, старик, он просто повесился. В Харькове были эсесовцы при отступлении и занятии города. В этом отношении Гоголь оказался неправ, говоря, что русский язык самый богатый. Для определения эсесовцев слов вы не найдете. Все, что

есть гадкого, сосредоточено у этих негодяев. Это убийцы, насильники и просто воры.

Бомбежка Харькова была жуткая. В продолжение целого дня непрерывно аэропланы летали низко. Обстрелов по аэропланам не было. Дома бомбили на выбор. Люди сидели в подвалах. Когда они выходили из подвалов, их останавливали, убивали. Возле 32-й школы можно и сейчас видеть, там похоронено 6 мужчин и 1 женщина. Наш прораб Янкер в числе 15 мужчин погиб на Петинской улице³⁴¹. Было массовое организованное убийство мирного населения. На нашей территории было открыто окошко в доме на третьем этаже, вывешена веревочка для просушки белья, которое представляло хорошую мишень. Немцы хотели попасть в нее, выстрелили и убили человека. Так что начались с этого омерзительнейшие зверства.

Через несколько дней опять все собрались сюда. Опять начали подсчитывать, что у нас есть. Второй раз успели уйти, увез директор с собой четырех профессоров, из которых один по дороге, профессор Кузнецов³⁴², вернулся. Там были Фарафонов, Гречко и кто-то еще четвертый. Затем пешком ушло человек 10 или 15. У них были и годы такие. После этой жуткой бомбежки те, кто мог идти и семья небольшая, думали — только бежать, куда бы ни бежать, и ушли. Семейств, конечно, осталось без мужей еще больше.

Здесь продолжалась та же самая история, но, к сожалению, нам второй раз приставили в виде надзирателя ефрейтора. Институт подчинился вирджаскоманде — хозяйственной команде. Был там специальный отдел, во главе которого стоял доктор Мюллер.

Институт никогда не открывался и студентов не было. Мюллер и Нунес первым делом начали интересоваться мылом. Это было наше спасение. Когда является какой-нибудь субъект, то первым делом ему нужно было дать два куска мыла и тогда можно сказать, что у вас установились твердые взаимоотношения. Характерно, что Нунес страшно беспокоился о том, чтобы немного тут кормили, и говорил, чтобы мы за это мыло получали иногда кое-что. Лошадь убьют, конину можно достать. Даже иногда удавалось по полкилограмма мяса настоящего достать. Тогда кричали, что «вы хотите есть лучше, чем немцы едят!».

Ходили по институту и высматривали, что можно взять. Причем, приходили сюда люди и такие, как человек с мерзким именем профессор Эйхель, немец. Приехал из Германии специально с целью посмотреть, что можно пограбить, их очень интересовала силикатная лаборатория Кудникова в Химическом институте. Они оттуда вывезли несколько ящиков аппаратуры. Мы после всю аппаратуру спрятали, но были такие вещи, которые не положишь в ящик стола. Они взяли даже диваны, мягкие кресла, шкафы. Если вы учтете, что этим занимался профессор Эйхель и доктор Кноль, то вы составите достаточное представление об этих лицах.

Весь этот период шел под знаком постоянной угрозы угона людей. Являлся Нунес, начинался разговор:

— Почему вы не едете в Германию?

— Тут у меня семья, вырос...

— Вы можете забрать семью с собой. Мы даем вам вагон. Вас большевики бросили. Мы вам предлагаем лучшие условия.

— Нет, то, что я нажил за все годы, я человек в годах, и всего этого лишиться.

— Вы заберете все, вплоть до питания.

— Но у меня семья, братья, сестры...

Дело доходило до ударов кулаком по столу. Причем, разговор фиксировался. Сидел секретарь, записывал, почему не едете.

Уехал только профессор Кузнецов, под большим давлением. Его просто приперли к стенке и отправили во Львов.

В то же время здесь же в Харькове немцы для себя открыли институты специально, немецкая буржуазия, не желая идти на фронт, делала вид, что занимается научно-исследовательской работой. В ХЭТИ (Харьковский электротехнический институт³⁴³), УФТИ (Украинский физико-технический институт³⁴⁴), там такая компания этих субъектов была. Здесь они все разрушили в первый раз. Потом приехали, посмотрели на дело своих рук. Селиться с таким комфортом нельзя было, дело пахло порохом, каждый день были налеты тогда. Они решили перекочевать дальше. Таким пунктом был Днепропетровск, куда и переехал профессор Кым. Туда же переехал Кузнецов, а потом во Львов с Кузнецовым переехало человека два всего.

Потом начались усиленные требования паковать институты, сначала под видом охраны ценных приборов и книг от бомбежки. Нужно сказать, что немцы чувствовали, что им тут долго не сидеть, так что разговор об упаковке начался очень быстро. Уже в апреле начались разговоры. Как первый раз, так и второй никакой даже элементарной заботы о народе, о профессорско-преподавательском составе не было. Это нас не тяготило, а, наоборот, мы это с известным удовлетворением констатировали. Сначала мы дело с упаковкой просто саботировали целый месяц. Приехали — пакуйте. Потом приезжают через месяц:

— Как дела с упаковкой?

— Да, помилуйте, ни досок, ни гвоздей, ни ящиков...

Через месяц нам прислали ящики. Пользуясь тем, что народ у них менялся, одни книги клали в пакеты, журналы — в ящики. Паковали сознательно ерунду всякую. Целый ряд книг у нас был спрятан. Одного уговорили запаковать книги в ящик. Согласился. Приезжает другой, мы ему говорим обратное. Приезжает Мюллер. Он понял, что это саботаж, заявил, что, если в течение двух часов не будет все запаковано, он всех

перестреляет. Мы тогда перетрусили сильно. Прошло два часа, половина третьего, четыре. Мы начинаем дышать легче, и в пять часов их совсем не было в Харькове, так что все эти ящики лежат и сейчас, а книги расставлены по полкам.

В библиотеку, например, мы их не водили. Здание разрушено. Мы показывали им фасад. Там все завалено кирпичом, и незнакомый человек не скажет, что есть другой вход. Если в библиотеку идет наш работник, немец видел, что дверь открывалась, нырнул за ним, а если официально приходили, мы их водили по фасаду.

Вот коротенько история нашего института за это время.

Что немцам удалось вывезти из институтов? Из ХЭТИ увезут раз, сожгут. Приезжают на другой день. Еще есть время. Еще что-нибудь натаскивают, опять поджигают. ХЭТИ поджигали три раза. Из УФТИ вывезли все, вплоть до раковин и кранов в рукомойниках. С нашего завода увезли станков 20, даже такие станки, которые были подорваны, подбиты при отступлении. Из Химического института было вывезено ящиков пять с аппаратурой. Это сравнительно немного, потому что, например, закладочная печь, очень тяжелая, много места занимает и сама по себе мало ценная. Из иностранной библиотеки вывезено было пять первых букв. Отбора не производилось. Должна быть вывезена библиотека полностью, но, в первую очередь, с иностранными журналами.

Удивительная страсть была к русским научным книгам и к иностранным журналам. Можно было думать, что английских и французских журналов немцы не получали.

Слияние институтов было искусственным и дутым делом. Если в одном институте осталось сто человек, а в другом двадцать, то эти двадцать сотрудников существовать не могли. Сейчас институты каждый сам по себе восстанавливаются.

Наилучшим образом сохранился наш механико-машиностроительный институт. Мы имеем сейчас и помещения, достаточно для начала занятий, и аудитории, мебель имеем. У нас в разбомбленном здании стащили всю мебель, в некоторых местах сделали глухие стенки. У нас сейчас даже есть достаточное количество мебели.

Немцы, когда еще не думали отступать, аудиторной мебелью топили печи, паркетом, рубили дрова [*деревья — сост.*] в парке и этими дровами топили.

ХЭТИ сожжен. У него остался двухаудиторный корпус. Лабораторной базы у него сейчас нет совершенно. Химический институт пострадал процентов на 45 в целом, но все-таки в нем удалось сохранить склад с химикатами, большое количество стекла. Его начинают восстанавливать. Наш институт мог бы начать работать даже сейчас.

Настоящий предатель здесь был только один — это профессор Казакевич³⁴⁵. Правда, он здесь был человеком случайным. Он был преподавате-

лем Института водного транспорта, у нас работал по совместительству. Так как здесь была хорошая квартира профессора Будникова, он при немцах в нее влез. Он, по-моему, играл роль просто шпиона. У него был очень хороший альбом снимков Кавказа. Сам он был турист, фотографировал, и люди говорили, что этот альбом фигурировал на многих немецких совещаниях при наступлении на Кавказ.

Первый раз он уехал с немцами. Второй раз он приехал обер-бургомистром Харькова и получил медаль даже. Так что такой предатель, ярко выраженный, к счастью, оказался только один.

Нужно сказать, что у многих старых профессоров произошло очень большое перевоспитание за это время, радикальное. Как это ни странно, но история партии изучалась тщательнее в немецкое время, чем раньше. С профессором Терещенко был такой разговор: «Все-таки попомните мое слово, хотя немцы наступают, но война ими проиграна». Такой разговор велся дважды в присутствии Казакевича, когда его еще не знали, и после этого Терещенко получил отставку. Думали, в чем дело? Потом узнали, что это дело рук Казакевича и его убрали.

Был здесь другой профессор Дружинин. Он помогал жене профессора Казакевича варить мыло. У Казакевича было радио, и мы каждый день имели все сведения через Дружинина, были в курсе дел. Немцы распространяли массу слухов, например, о смерти Калинина³⁴⁶, о тяжелой болезни Сталина. Все немецкие сообщения сейчас же корректировались советским радио.

Газеты были, немецкая «Ост-фронт» на немецком языке, затем была гнусная газетка «Харьківьянин», нельзя даже сказать — бульварного типа, а это просто была сплошная пошлятина.

Вы могли слышать такие разговоры: «Что же делать без колхозов? Как это недооценивали советскую власть, сыты были». Сейчас нет колхозов, мы находимся во власти любого кулака. Я последние часы продал за 50 тысяч, мне хватило на месяц. Разговоры о том, что, скажем, возвращается советская власть, снова будет поголовная чистка, поголовные аресты. Сейчас говорят, кого не нужно, не арестуют. Все-таки до таких, как Казакевич они не добрались, значит, мало арестовали. Психология была перевернута совершенно у большинства людей, и было много таких, которые решили с наукой порвать и ринуться в область спекуляции.

Поездка на машине была за один рейс тысяч 70. Этот субъект, входя в стачку с немцами, делал такой рейс из Харькова, скажем. Немец еще помогал стащить что-нибудь. Доходы они делили или получали вознаграждение. Таких субъектов в Харькове почти нет. Они нажили приличную сумму денег. Некоторые отсюда уехали с парой миллионов в кармане. Таких можно насчитать два-три человека. Несколько есть таких, которые для видимости связь с наукой поддерживали, а жены их имели лавочки. Эти люди за все время сохранили хороший вид, и в их психологии особого перелома

не наблюдалось. Обыкновенные люди, которые не были способны к этому, которые не спасали свою шкуру и все-таки были привязаны к институту, у многих с институтом связана вся жизнь, есть некоторые профессора, которые по 35 лет работали, у этих людей совершился глубокий переворот.

Был расстрелян профессор Федоров с женой, из нашего института, с кафедры химии. Он делал спички и на коробках наклеивал советские этикетки: «Все на борьбу с фашистскими варварами». Это пожилой человек, беспартийный. Я не могу сказать, произошло ли это потому, что советские спички на рынке дорожке котиrowались. Думаю, что первый момент был такого порядка. Но, когда ему запретили это делать, он продолжал это делать. У него на базаре отобрали кольцо, скандал ему сделали. Он продолжал делать, поэтому, думаю, что дальше тут был момент сознательный. Жена его, говорят, вела себя довольно вызывающе по отношению к немцам, уже в тюрьме.

Почему мы знаем, что это так было? Здесь Депарма была заведующей библиотекой, у которой муж был евреем. Его забрали и расстреляли, а она сидела в тюрьме. То, что она прекрасно владеет всеми европейскими языками, это ей несколько помогло. Ее только помучили, но выпустили.

Жена Бекетова³⁴⁷ расстреляна, говорят, за связь с партизанами. Сам Бекетов умер от голода, через месяц после прихода немцев³⁴⁸. Это исключительный человек. Бывает человек науки, бывает человек искусства, а это человек и науки, и искусства вместе. Самые лучшие дома в Харькове его постройки. Жена его была беспартийной, чрезвычайно культурный человек. Это семья знаменитых Бекетовых химиков³⁴⁹, Бекетов — крымские вина.

У профессора Сахарова немец поинтересовался, который час. Он вынул часы, а немец их забрал. Часы были золотые. Теперь он злится, когда у него спрашивают который час.

Нет ни одного человека, у которого дома что-нибудь не забрали, не взяли кого-либо из семьи. У меня есть целый список умерших от голода. Умер от голода профессор Рашкевич, потом его жена умерла тоже от голода. Пономарев³⁵⁰ расстрелян, был в числе заложников.

Ряд профессоров во время голодовки воспользовался предложением переехать в Полтаву — это профессор Троицкий и целый ряд других. Они, по-моему, и сейчас в Полтаве находятся. Квартиры эвакуированных все разграблены. Единственное, что мы могли спасти — это библиотеки. Библиотеки профессорские сейчас стоят, список сделан. За ними наблюдали мы, сами зная, что квартиры разнесут. Немцев книги не интересовали, поэтому мы библиотеку на тачки, сложим в шкаф, список сделаем, как полагается.

Благодаря тому обстоятельству, что здесь в институте было мыло, многим удалось откупиться от отправки в Германию. Доцент Соколов может целую историю рассказать о своей дочери. В том транспорте, ко-

торый немцы не могли вывезти, они перебивали всех. Целые транспорты людей перебивали. Мне рассказывал товарищ в райкоме, что они где-то на Холодной горе закапывали. Там были почти одни женщины и дети.

Тут живет жена одного уважаемого профессора, дочь старого харьковского профессора с дочерью. Был момент, когда на одной кровати насиловали мать, на другой — дочь, когда эсесовцы заняли Харьков.

Второй раз, когда мне Дышкевич передал управление институтом, приехал немецкий директор Кривецкий. Он меня оставил в качестве своего помощника. Первый раз я был здесь на положении заведующего лабораторией, фактически приводил в порядок архив. Тут были брошены все документы студенческие. Все это валялось на дворе в ящиках. Все документы сохранил. По некоторым институтам нам пришлось сжигать некоторые секретные бумаги, которые были брошены. Я был официально на положении заведующего лабораторией, фактически такой лаборатории не было. Когда профессор Дышкевич уезжал второй раз, он мне оставил бумажку, что «управление институтом поручаю вам». Когда приехал Кривецкий, он меня оставил помощником.

Кривецкого мы все очень жалеем. Он случайный человек и его запутал Казакевич. В чем выражалась его связь с немцами? Он был членом управы, помогая Казакевичу, как обер-бургомистру. Он человек очень недалекий, по существу, неплохой человек, но это его запутало. Когда он узнавал, что при отступлении эвакуировался кто-нибудь из наших коллег, то не только какого-нибудь прижима к семье не было, а, наоборот, он старался найти работу, накормить, не с точки зрения создания популярности немцам, а просто из товарищеской солидарности. В сохранении имущества эвакуированных он принимал участие. Что мы прятали вещи, Кривецкий знал, только говорил, что «я официально это знать не должен».

Первый раз он уехал, семью оставил здесь. Причем, плакал, когда уезжал. Профессора его уговаривали: «Зачем вы едете, вы ничем себя не проявили, как посредник немцев». Он был членом общества «Просвита» — украинское националистическое общество. «Просвита» его больше всего пугала. Второй же раз, когда он вернулся, он — секретарь «Просвиты», директор института, уехал с немцами первый раз, считал, что он погиб для советской власти окончательно. Когда он уехал второй раз, всем рекомендовал остаться. К нему приходили, спрашивали, потому что все думали, что в Харькове не останется камня на камне. Когда у него спрашивали:

— Может быть, действительно, нужно куда-нибудь уехать?

— Нет, — говорит, — сидите спокойно. Чего вам ехать?

Так что уже по этому можно судить, что человек просто запутался. У нас о Кривецком сохранилось очень хорошее впечатление и просто жалко, что он связался с Казакевичем. Тем более, что мать его осталась здесь.

Зимой сидели без электричества. Немцы были с электричеством. У них свои походные станции и они в тех домах, где жили, освещались. Если «фрау» их жили, тоже освещались. Мы единственное, на что могли рассчитывать, — за 40 рублей бутылка бензина, и здесь сконструировали из пузыречков коптилочки, которые могли гореть всю ночь. Воду носили с Журавлевки. Причем, несете воду, вас остановил какой-нибудь бугай немецкий свистком. Если вы не остановились, могли получить по шее. У вас забрали ведро, вылили воду в кувшин и вы должны были идти снова за водой. Было счастье, если вы после трех-четырех таких рейсов принесли домой воды. Или встречал на улице, заставлял нести ему картошку, чемодан и было хорошо, если этим отделялся.

У нас было впечатление, что городская управа — барахло. Конечно, без какого бы то ни было разрешения немецкого командования она ничего не могла сделать. Можно было судить по разговорам. Если директор бежал в управу, то ему говорили, что нужно согласовать. В управе самой сидел немецкий советник, — так он назывался, а фактически это был человек, который решал все дела.

Улицы с внешней стороны выглядели так. Скажем, когда люди выходили, сначала долго стояли возле ворот или входных дверей, оглядывались. Могли схватить — и на окопы, или носить воду, для чего угодно. Поэтому, если на улице никого нет, перебежки делались до угла. На углу опять оглядывались. Если кучка немцев, старались обходить. Рассказывали даже, как можно проходными дворами идти. Специально в целых кварталах были сделаны калитки, чтобы не идти улицами и целые кварталы соединялась внутренними ходами.

Город мертвым был. В первые дни, когда пришли немецкие войска, я поразился, что в Харькове столько жителей. Первое время можно было видеть замерзших людей, лежавших 3, 4, 5 дней, которых никто не убирал. Обыкновенно, с наступлением темноты запрещалось ходить. Но уже задолго до темноты, кроме немецких солдат, на улицах никого не было.

Перед первым отступлением немцам, они устраивали облавы на улицах, даже мальчишек. Потом отводили к себе во двор для погрузки и куда-то отвозили. Напротив меня стоял эсесовец. Я грузил ему мебель на машину, а потом должен был ожидать своей участи. В коридорчике стояло человек 20, часовой у дверей. Я одного спрашиваю:

— Вы не купите у меня кольцо золотое, тяжелое, обручальное, 96%?

— Покажите, — говорит тот.

Я отвечаю, что оно у меня дома, но могу сейчас принести.

— Где ты живешь?

— Тут, напротив.

А там был проходной двор, из второго номера можно было выйти в мой дом. Я перебрался во второй номер, оттуда к себе домой и в течение целой недели не высовывал носа на улицу.

Масса случаев было, когда немцы, обещая обменять вещи, этого не делали. У меня получилось так. Мне обещали за золотое кольцо в 11 граммов 2 пуда муки и 2 коробки сальца по кило. Он забрал у меня кольцо, отдал пуд муки и скрылся. Это был немецкий офицер. Первое время они сами ходили, предлагали обменять. Держателями муки, хлеба и жиров были только немцы. Было распространено ходить километров за 60–70 менять, но я не в состоянии был зимой идти, и сколько притащишь? Одна очень культурная и интеллигентная женщина пошла в деревню менять, взяла свое барахлишко, приезжает и рассказывает, что «хватило у нас на то, чтобы переночевать, заплатить за ночлег и еду». В деревне меняли сначала хорошо, а потом стали выбирать нового фасона, новые вещи и давали гроши. Она любила пасьянсы раскладывать. Раскладывает пасьянс. Пристала хозяйка:

— Вы гадать умеете, погадайте мне.

— Смотрю, — говорит, — десяток яиц кладет на стол.

Начала врать. Прожила неделю, поправилась и едва на себе дотащила домой то, за что она там валяла дурака. Говорит:

— Мне стыдно потом признаваться.

Эти гадалки и хироманты появились в первый месяц прихода немцев. Эти бабы сидели везде, буквально, на перекрестках, раскладывали карты, засовывали себе по 50 целковых за пазуху, быстро мололи всякую чепуху, и возле них стояла целая толпа.

Было одно очень интересное учреждение, так называемое, «Домус» — учреждение, которое должно было по своему названию заниматься реставрацией домов. Занималось оно тем, что, если стоит дом целый, но никто не живет, он вам продавался на снос деревянными частями и продавались дрова, но не как дрова, а говорили, что на такой-то улице, в таком-то доме вы можете выломать потолки, двери и прочее. Этим занималось общество «Домус» совершенно официально. Этим топились жители первую зиму. По Грековской все дома — руины, у которых вытащены все деревянные части.

У ефрейтора Нунеса была галантерейная фабрика. Он мог предложить вам: «Хотите ехать на мою фабрику?». Некоторые военные вербовали на свои предприятия, кто хотел ехать работать, и отправляли туда. У них военная группа агитации была. На плакатах вы могли видеть, что максимум, что ждет лиц, направлявшихся в Германию, это, в лучшем случае, быть прислугой в немецком доме, а все сводилось к тому, как хорошо работать в немецкой семье, на газовой плите готовить, пылесосом подметать пол и на этих плакатах видите, как украинская девушка этим пылесосом подметает пол, на электрической мясорубке рубит мясо.

Радиовещание по улицам было организовано.

Я два года не мог близко подойти к вокзалу. Когда мне сказали, что от него осталось только место, я просто туда не мог подойти близко.

Рассказывали, что немцы, чтобы наши не могли быстро перейти на широкую колею, везде обрезали шпалы.

По словам мешочников, ездить можно было довольно свободно. Приходил немец с чемоданом, и каждый платил за проезд клал ему в чемодан натурой — яйца, масло. Он собирал эту натурплату, и тогда ехали более или менее спокойно.

Нам точно было известно, какие места заняты, когда бои в Даниловке³⁵¹ — деревня возле города. Когда комиссар Нунес приходил, спрашивал:

— Скажите, что вам говорят? Вы больше знаете, чем я.

Продвижение наших частей, помимо того, что мы слушали радио, даже когда бои были возле Харькова, на Холодной горе, в Липовой роще³⁵², в районе пограншколы — это было тоже известно. Вблизи города бои были дней пять-шесть в районе Померок³⁵³, километров шесть по Сумскому шоссе³⁵⁴, а в общей сложности дней 10. В городе сил последнее время у немцев было немного. Счастье харьковчан, что не было эсесовцев последнее время. Месяца два назад их почти всех перегнали в Италию. Только после этого легче вздохнулось. Если бы были эсесовцы, то, конечно, Харьков бы не уцелел, т. е. столько бы жителей не уцелело. Первый раз эсесовцы отходили, они, проходя, подходили к дому и бросали в окно гранаты, или бросали вначале бутылки с бензином, а потом гранаты. Так они проделали на Плехановской улице, по Москалевке³⁵⁵ при первом отступлении.

Наибольшее количество разрушений было при первом приходе немцев. Причем, немцы потом распускали слухи, когда они вернулись, что за разрушение Харькова был расстрелян комендант. При занятии немцами Харькова здесь была бомбежка целый день. Были колоссальные разрушения. Большие дома на улице Карла Либкнехта³⁵⁶, в Нагорном районе³⁵⁷ были разрушены во время этой бомбежки. Затем, во время уличных боев первый и второй раз масса домов пострадала от снарядов. Уличные бои были и в августе, но первый раз их было больше, когда эсесовцы были в Харькове. Последние разрушения сравнительно небольшие от артиллерийского обстрела. Когда немцы оставили Харьков, они еще дня два обстреливали. На нашу территорию упало снарядов 20.

Если вы пойдете по улице Свободной Академии³⁵⁸, на Москалевку, там еще больше разрушений. В центре большие дома, и они впечатление производят большое. Возле речки, район Мещанской³⁵⁹, Николаевская улица³⁶⁰, сплошные разрушения. В центре еще дома возможно реставрировать, а там — безнадежно.

Тут была свободная торговля, вернее, бессовестная спекуляция. На каждом шагу торговали самогоном совершенно свободно. Каждый немец чем-нибудь торговал. Он имел возможность в определенное время на дома получать посылки. Получает посылку, скажем, 200 грамм одних камеш-

ков для зажигалок, один камешек стоил 5 рублей, или иголки, нитки. Эсесовцы неограниченное количество вина получали и спиртных напитков и продавали в эти лавочки. Лавочники занимались исключительно массовой спекуляцией, и, конечно, все эти торговцы жили основательно. Если вы увидите человека цветущего вида, то он обязательно имел лавочку или имел какое-нибудь отношение к спекуляции. Хлеб, скажем, стоил 130 рублей. Кто его мог купить? Тот хлеб, который последнее время выдавали немцы, был несъедобным. Это — просыная шелуха. Когда просо делают, получается мелкая пыль пополам с соломой. Это формировалось в кирпичи и продавалось как хлеб. Есть его так нельзя, нужно было с жидкостью глотать, потому что забивало горло и вызывало кашель.

Немцы создали эту торговлю. Обычно, немецкий солдат заходит с черного хода, выбирает, что ему захочется, продает консервы, — особенно интендантские чиновники, — папиросы, табак.

Сейчас было предложено тем, кто имел лавочки, чтобы их открыли на первое время, когда нельзя организовать доставку, снабжение для того, чтобы не делать резкого ухудшения. Этими лавочками почти никто не пользуется. Лавочник на углу улицы, где я живу, сегодня торгует картошкой, 10 рублей за килограмм.

Мы дизель пустили на другой же день после занятия нашими частями Харькова. Мы уже дали первое литье чугуна Харькову. Даже типография все первые части, которые заняли Харьков, обслуживала в первые же дни. Мы на другой же день начали работать. Все пошло: типография, столовая была открыта, а через неделю я всем выплатил зарплату. Спички мы и сейчас вырабатываем. Правда, профессоров и доцентов сейчас изъяли. Группа инженеров в 20 человек занялась восстановлением промышленности. Начал работать литейный завод, электростанция в полтора лошадиных сил, столовая.

В Харькове ходили советские, немецкие и украинские деньги, но украинские никто не брал. Больше всего в цене были советские деньги. Только те, которые ориентировку имели на Одессу и на правобережье, они собирали немецкие деньги. Нужно сказать, что немцы при отступлении довольно беспощадно марки меняли на советские деньги. Это зло такого не возбуждало, как первый раз. У них паника была, что они уходят навсегда и прощаются. Первый раз они заявили, что «вернемся скоро», а теперь говорили, что никогда не увидимся.

Налог платили 10% зарплаты. Эти деньги, очевидно, сдавали в банк.

Я сам люблю музыку, мой брат композитор, но я в течение этих двух лет не мог слышать звука музыки, не было желания идти в театр, кино.

Последнее время немцы, которые были под Сталинградом, начали петь «Стеньку Разина». Ребятишки пели:

Серенький в соплях платочек

Немец мне дал постирать,

Дал мне он хлеба кусочек

И котелок облизать.

Это, буквально, настоящая фотография отношения немцев.

У них было такое выражение, что «война прима, война гут, фрау дома, фрау тут», а последнее время пели «вшиска енц (все равно) всем капут».

Уборные для итальянцев и немцев были различные, а для начальствующего состава особые, для гражданского населения особые.

Профессор-химик Мюллер заходит в кабинет директора нашего института. Висит портрет Менделеева³⁶¹. Он спрашивает, кто такой. Говорят, что знаменитый химик Менделеев.

— Это директор института?

— Нет. Вы же знаете периодическую систему.

— А да-да, юде был, еврей.

Была устроена жуткая резня евреев³⁶². Было напечатано обращение «К жидам города Харькова». Слово еврей не фигурировало. Предложено было всем евреям выселиться в бараки за тракторным заводом. Нужно было видеть эту картину. Вся Московская³⁶³ была запружена детскими колясочками с малыми детьми и барахлом. Через несколько дней мы узнали, что детей перетравили, а остальных перебили. Говорят, что там 14 тысяч³⁶⁴ человек было и немногим удалось спастись оттуда.

5 сентября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 30–35об. Оригинал, машинопись).

№ 9

Из стенограммы беседы, проведенной с доцентом кафедры неорганической и аналитической химии

Химико-технологического института Екатериной Алексеевной Соколовой

Работаю я здесь 27 лет. Когда уходили наши, осталась я здесь по несчастному случаю. Мой муж, профессор Гундер³⁶⁵ умер от разрыва сердца при бомбежке. Он охранял свой корпус, осколок попал ему в ногу. Он всегда страдал сердцем, очень горячо переживал все события. Ему казалось, что страна погибает, забыл семью совершенно, взял на себя обязанность охранять институт по пожарному делу. Поэтому я осталась здесь. У меня двое детей, 15 и 19 лет. Живу в Химико-технологическом институте, 2-й корпус, квартира 11. Случилось все вместе и личное несчастье, и общее несчастье — приход нежелательных гостей, которых я теперь называю исключительными варварами. Раньше, до их прихода,

мне казалось, — я откровенно должна признаться, — что все наши разговоры и описания утрированы, хотя бы взять кино «Доктор Мамлок». И в газетах писали. А пробыв здесь почти два года, я с полной уверенностью могу сказать, что мы говорили до этого времени слишком мягко о фашизме и не доходило до нас, что значит фашизм.

Я лично осталась здесь по несчастному случаю. Но муж смотрел иначе, что может быть, лучше остаться с целью работы в нашу пользу. Он ненавидел, не любил немцев, а поэтому считал, что наш институт оставался нами, может быть, не совсем правильно. Когда же совсем близок был момент подхода немцев, муж в отчаянном состоянии старался все прятать. Он работал здесь 30 лет и любил лабораторные установки, обставлял студентов шикарными вещами. У него большие богатства были. Он сам любил строить приборы и решил кое-что спрятать в подвал, под коп некоторый делал. Но здесь была в то время иная установка, что все надо было уничтожать. Эта двойственность довела его до такого состояния. Ему жалко было, что все гибнет, и последняя фраза была такова:

— Неужели вся страна погибнет! Нет, этого быть не может. Года полтора-два это продлится, не больше.

Через десять минут пришли, сказали, что он ранен. Когда я пришла, он был мертв. Я считаю, что эта гибель, гибель отчаяния. Он бы мог не попасть в такую обстановку, а хотел от зажигательных бомб защитить лабораторию.

Я осталась в очень тяжелом положении с двумя детьми. Его первая жена, с которой я была в очень хороших отношениях, была тяжело больна. Мы даже ей не сказали, что он умер. На меня напало отчаяние. Я решила, что нам все равно гибель. Бомбежка постоянная. Была такая мысль, что цианистый калий был бы. Дочь у меня более стойкая, говорит:

— Зачем такие вещи делать, попробуем пожить и побороться с врагами, и будем действовать так, как говорил папа. Если остаться, так остаться только с целью сбережения некоторых вещей, в надежде, что это продлится год-полтора, не больше.

И, действительно, первый момент, когда у меня это отчаяние немножко улеглось, и когда пришел враг, мы как-то никуда не выходили, сидели дома около больной первой жены моего мужа и старались быть более замкнутыми. Я даже в институт первые два дня не ходила, а потом пошла. Нашла свою лабораторию в очень плохом состоянии и решила, что муж-покойник был прав. Все было раскрыто, разграблено. Правда, у меня ключ забрало наше начальство, директор Пасечник³⁶⁶ и завхоз Робинзон. Мне докладывали, что он там ходит и уничтожает молоточками, все бьет. Когда я пришла в лабораторию, у меня сердце екнуло, когда увидела одного рыжего немца уже там. Два дня уже у нас жили немцы. Он ходил с блокнотом по лабораториям и записывал наиболее ценное. Мне стало больно: зачем все раскрыли, лучше бы это все было заперто. Например,

он записал спектрограф, магнитометр, которые стоили в мирное время 15–20 тыс.

Он начинает меня спрашивать, кто я такая. Спрашивает, почему я не уехала. Рассказала почему.

— А то бы вы уехали?

— Конечно, — говорю, — скрывать не буду, так бы уехала, потому что больно видеть всю эту гибель и тяжело.

Почему-то вдруг заинтересовался социальным происхождением. Это мне было странно, говорю:

— Может быть, вы национальностью тоже интересуетесь?

— Да нет, — говорит, — как будто так известно.

Мы с ним изъяснялись, главным образом, письменно. Он мне задавал вопросы, я отвечала. Когда я сказала ему, что я дочь священника, он говорит:

— Быть не может.

— Почему?

— У большевиков все такие уничтожены.

— Совсем нет, — говорю, — это зависит от данного человека. При чем тут социальное положение, если работаешь честно.

— Ах, вы у большевиков работали честно!

— Конечно, — говорю.

Как он к этому отнесся? Даже, пожалуй, ему понравилось. Я спросила, что ему нужно, что он тут хочет.

— А видите, все открыто. Я интересуюсь, что у вас осталось.

Я прошу отрекомендоваться. Он говорит — Кюль. Спрашиваю:

— Вы химик?

— Да, я доцент, — называет какой-то университет.

— Очень приятно, — говорю, — что вы коллега. Что вас интересует?

— Интересует то, что у вас осталось. Пожалуйста, покажите, что где у вас есть.

Я ему показала. Подвал был закрыт, завален мусором и некоторые комнаты были закрыты. Я его провела туда, где было только открыто и разрушено. Медь снята, никель снят, остались остовы, ничего ценного нет.

— Да, я заметил два ценных прибора, которые целы.

Говорю, что случайно они остались целы, и обратила его внимание, что объектива нет. Объектив лежал в шкафу. Думаю: может быть, не обратит внимания.

— Да, — говорит, — я вижу. Это все для нас так оставили?

— Да, конечно, — что же я буду скрывать.

Это было первое знакомство с этим человеком. Потом началось хождение солдат немецких. Тоже все интересовались, все спрашивали. Думаю, что же делать? Решила ключ заказать и запереть все, что оста-

лось. Это мне удалось сделать с нашим теперешним завхозом, который остался — Тимохин, старик, пропитанный советским духом. У него все сыновья в Красной армии. Он помог мне собрать, например, весы, которые не особенно были разбиты — это главная часть нашей лаборатории. Некоторые были побиты, но некоторые можно было восстановить. Мы их убрали в разные места, чтобы показать, что их меньше, чем на самом деле, хотя в весовой перед этим Кюль был, но в других комнатах он не был. Потом я заметила в блокноте у него весов 25, значит, он посчитал. На самом деле у нас их было около 50. Забрали из лаборатории.

Тут начались собрания еще. На первом собрании я была. Возглавлял собрание Крамаренко, который вдруг по радио был провозглашен бургомистром. Я его давно знала, но никогда не думала, что он вдруг будет бургомистром. Я с интересом пошла на это собрание, но сидела на задних партах, слушала. Слезы навертывались на глаза, потому что произносились некоторые слова, сердце режущие: избавление от жидов, большевизма и т. д. Это все равно, что очнуться в другом мире, это сон какой-то. Настолько резко для меня изменилась обстановка, что я даже не верила.

Потом я на эти собрания вообще не ходила и старалась никуда не ходить, лаборатория и квартира, больше ничего. Здесь в нашем институте организовался политехнический институт. Вначале был избран профессор Терещенко директором этого института. Мне все время было непонятно, что должен делать этот институт. Появился главный директор — немец, по виду приятный человек. Через кого-то он узнал о смерти профессора Гундера, выразил какое-то сочувствие и просил меня зайти, но я, конечно, не пошла. У нас тут вдруг профессор Казакевич стал возглавлять институт с политической стороны. Он встретил меня и говорит: «Нужно пойти, он оказался недоволен».

Потом был устроен вечер в институте. Кто был на этом вечере, не знаю, потому что я не была, дети — тем более. В общем, я решила жить только интересами лаборатории исключительно. Предложили мне занять должность заведующей лабораториями всего химического корпуса. Я согласилась, т. к. это дало бы мне больше права хозяйничать в этом корпусе.

Открылось у нас производство. Сначала нам обещали учебу, набор националистов украинцев и т. д. Обещаний было много, чуть ли не с первой недели создать институт и т. д. Мы делали вид, что готовимся, приводили в порядок лаборатории. Открылось у нас производство мыловаренное, спичек, парфюмерии и т. д. То, что во главе был первое время Терещенко, это до некоторой степени спасло институт. Профессор Терещенко сумел подойти к психологии немцев. Они спекулянты, живодеры, жулики. Им нужно было что-нибудь сунуть — и все будет в порядке. Профессор Терещенко умел это делать. Правда, он себя не забывал, но это нельзя ставить ему в особую вину.

Я лично в это производство не вошла. Может быть, выгодно сохранить свой желудок, питаться, шахер-махер делать, но я решила, что я этого не сумею сделать, поэтому осталась в лаборатории, делала вид, что все привожу в порядок, делала вид, что мы работаем, и чтобы создать рабочую обстановку, я создала аналитическую лабораторию. К нам стали обращаться, не можем ли мы сделать анализ. Профессор Терещенко говорил, что это надо сделать. У нас был институт металлов и там остался материал. Им нужно было его расшифровать, очевидно, для того, чтобы увезти в Германию. Спрашивали, например, сколько процентов никеля. Я это делала.

В одно прекрасное время вдруг что-то без платины нельзя было сделать. Я заявляю, что без платины этого сделать нельзя. Через некоторое время на мою квартиру приходит какая-то переводчица и говорит:

— Я слышал от ученика вашего мужа...

Я попросила назвать фамилию.

— Он просил не говорить. Я слышала, что вы очень нуждаетесь, что у вас такое несчастье, ваш муж, профессор Гундер погиб. Этот ученик говорит, что у профессора Гундера была своя платина. Вы, пожалуйста, за большую цену эту платину дайте. Придет советская власть, она ничего не будет стоить.

Я говорю, что все это очень заманчиво, но, к сожалению, профессор Гундер не оставил для себя лично ни грамма платины. Она недоверчиво на меня смотрит. Мы потом несколько раз встречались, и она не кланялась. Выходит и говорит:

— Удивляюсь, как вы можете оплатить такую квартиру.

Говорю, как-нибудь проживем в одной комнате. Эта переводчица была довольно пожилой женщиной харьковчанкой.

Через некоторое время меня вызывают в Викадо. Я думала, что по делам анализа. Когда вхожу, в комнате сидит очень важный господин какой-то. Я не знаю предрассудков, но в эту ночь мне как раз снилась эта рожа, толстенный генерал, который за мною гнался. Я даже перепугалась. Он сидит, вдруг молча пальцем меня подзывает, вытаскивает из кармана платиновый тигель и спрашивает:

— А у вас это есть?

— Нет, — говорю, — все вывезено. Но вы знаете, где у нас?

— Да, да, в Технологическом институте. Ну, хорошо, больше мне вы не нужны.

А через неделю приходит комиссия, в том числе и он, и говорит:

— Хотим здесь все посмотреть.

— Пожалуйста, смотрите, — открываю дверь. Они смотрят везде, в шкафах, в столах, закладки.

— Покажите бывший кабинет профессора Гундера.

Он любил всегда хорошую обстановку. У него витринка была с показателями приборов, она уцелела.

— Где был у него письменный стол?

Показываю.

— А вот у него был сейф?

— Сейф, — говорю, — в другой лаборатории.

— Так вот, покажите нам его.

6 кг платины было профессором Гундером сдано и платина доведена благополучно. Подвожу к сейфу, показываю, раскрываю пустой совершенно сейф. Ничего нет. Потом заявляет:

— Здесь есть какой-то потайной шкафчик.

— Нет, — говорю, — смотрите.

Они ничего не нашли. Еще походили:

— Больше у вас, — говорит, — помещения нигде нет?

— Нет, — говорю.

Заперли, ушли. И вот я тогда пришла к заключению, что все-таки хорошо, что платина была увезена. А вдруг я соблазнилась бы? Нет, не соблазнилась бы. Дочка мне говорит:

— Мама, вот если бы у тебя был платиновый тигель, ты бы его отдала?

А сын Борис говорит:

— Нет, ты бы его не отдала, — и дальше говорит вроде того, что если бы я отдала, то была бы его врагом.

Интересно, что здесь некоторые занимались доносами. Правда, интеллигенция этим мало занималась, но все-таки Харитонов, машиностроитель, специально занимался тем, что доносил немцам о квартирах уезжающих и о некоторых лабораторных ценностях. Я считаю, что лаборатория профессора Терещенко была занята, профессора Гаратопова, профессора Геронимуса были заняты по его доносу. Этот же Харитонов явился ко мне в лабораторию. Я ничего не подозревала. Еще до прихода немцев он был, по моему, честный советский человек. Он приходит ко мне, говорит:

— Екатерина Алексеевна, тут были замечательные весы. Профессор где-то их прятал, но где, не знаю. Я найду человека, которому можно сбыть эти весы. Знаете, они сколько стоят?

— Сколько?

— Сто тысяч.

Я говорю:

— Этих весов, по моему, нет, они вывезены нашим директором Пасечником. Это был подарок профессором директору.

— Но, Екатерина Алексеевна, вы меня давно знаете...

— Конечно, — говорю, — я вас прекрасно знаю, вы человек очень приятный, но весов нет.

— У вас, ведь, много весов осталось. Сколько? Наверху у вас было 40 весов, внизу.

Я провожу его в ту же самую комнату, говорю:

— Вот что осталось. 20 весов.

Смотрю на него, думаю: что это значит? Задаю вопрос:

— Почему вы меня спрашиваете? Хотите купить эти весы и мне помочь в материальном отношении?

— Да.

— Не могу... — говорю.

— Знаете, Екатерина Алексеевна, вас считают все наивной институткой, даже дурочкой. Вы сейчас худеете... — (я потеряла полтора пуда³⁶⁷).

Я говорю:

— Знаете, Харитонов, не могу.

— Придут большевики, я скажу: берегла для немцев и немцам все отдала.

— Неужели вы мне не верите? — спрашиваю.

— Да, нет, если бы вы повели меня еще куда-нибудь...

— Водить я вас не буду, потому что некуда. А кому вы понесете их?

— Я это делаю для одного завода, — начинает мне какую-то глупость плести.

Кончился этот разговор тем, что он от меня пошел, убедившись, что ничего нет, кроме этих 20 весов. Немцы не предполагали, что кроме физической лаборатории есть еще химическая лаборатория, а я часть весов туда отправила. Настроение у меня и сотрудников было такого характера, как-то побольше все уберечь. До этого времени у меня было какое-то отчаяние. Думаю: неужели наши окончательно ушли, неужели это навсегда. Потом, когда начались повешенья, разговоры, их обман, я поняла, что это вопрос полутора-двух лет. Начинаю вспоминать историю. Татары так поступали с нашей страной. Русские вначале пустили их к себе, а потом, как соберется русский мужичок, и начинают их гнать. Логически пришла к заключению, что конец этому будет в нашу пользу.

Мы сидели около своей лаборатории, и я больше ничего не знала, никуда не ходила, правда, очень остро стоял вопрос с питанием. На базар все носили, но из лаборатории я ничего не могу взять. Даже профессор Терещенко сказал:

— Вам 25 лет, а не 50. У вас же бертолетова соль, ну, делайте дома спички.

Я дома стала делать спички, но только для того, чтобы поддержать свое существование. Многие, правда, это делали.

Я потом одну вещь спрятала. Был такой телефон полевой, коммутатор. Он был проведен профессором Гундером на свои деньги в 1918 году, когда в его лабораторию явился шикарно одетый лейтенант из Лейпцига. Он знал фамилию профессора, который еще в молодости выполнял работу у профессора Бюргера. Этот лейтенант знал эту работу, явился к профессору Гундеру, отрекомендовался, принес свою работу. Профессор Гундер

его принял, поговорил, передал привет. Когда они обратно возвращались, потрепанные уже, но с иголочки одетые, он пришел и говорит:

— Вот я сейчас в затруднительном положении. Я вам принес пода-рок, — и передает этот полевой аппарат.

Профессор спрашивает:

— Может быть, вам что-нибудь нужно в дорогу?

Он не отказался, профессор дал ему 500 марок.

Однажды приходит немец, говорит:

— У вас есть полевой коммутатор?

Говорю, что это личный прибор.

— Профессор — и личный, этого не может быть.

Говорю, что у него и калориметр личный, он на свои деньги делал.

— Этого не может быть, у нас нет такого.

Меня заела принципиальность, хотелось доказать, что это так. Тут профессор Терещенко документально доказал, что это так. Потом были товарищи, которые видели, как профессор платил 500 марок лейтенанту немцам. Я потребовала муки и масла. Аппарат они взяли, но не заплатили. Кто-то из сотрудников института получил потом килограмм муки за этот аппарат. Я пошла, объяснила этому офицеру, что я ничего не получила. Завхоз сказал, что он еще не всю муку отдал. Они отвернулись, начали говорить между собой и все время упоминали имя Казакевича. Я перестала ходить, а мой сынишка пошел спросить у переводчика. Этот офицер говорит:

— Меня удивляет, что профессора здесь имеют свои приборы. — Смотрит на моего сынишку, сжалился, может быть, и написал — 2 кг муки и 3 гр.³⁶⁸ постного масла.

Такая жизнь продолжалась у меня. Мы начали соду делать, бертолетову соль. Существование было бедным в смысле интеллекта. О научной работе и говорить не приходится. Мне одно время казалось, что я совершенно отвыкла соображать. Меня удивляли мои соседки. Все стали как волки, вырывают у тебя из рук все. Вот идет производство, как будто хорошо. Я бы коллектив организовала, можно было не все показывать немцам, а поддержать коллектив, но этого сделано не было. Каждый старался себе рвать отдельно. Созданный коллектив был слишком узким. Человека принимаем первый раз на производство неквалифицированного, а я сижу в лаборатории. Правда, я не знаю, для чего сижу. Сам Терещенко говорил: «От вас, собственно, пользы мало». Я ему не могла сказать, для чего я сижу, Богданову не могла сказать, своему соседу, который мне помогал. Мы много об этом не говорили. Нам говорили:

— Какую пользу вы приносите? Почему вы так медленно делаете инвентаризацию и т. д.

Я не все записывала. Терещенко и Богданов об этом не знали. Сейчас я им об этом сказала. Если бы сейчас были стены поштукатурены,

то можно было бы начать занятия. Те разновесы, которые мы спрятали с мужем, целы, а те, которые забрал Робинзон, пропали. Я могу начать занятия. Тогда я, конечно, мало пользы приносила, на производстве не работала. Я не развозила никуда ни мыла, ни спичек. Мне было и досадно, в то же время думала: ну, ладно, перетерпим как-нибудь.

Первое время спички стоили коробка 50 рублей, хлеба не было в продаже совсем. Потом спички подешевели до 25 рублей. Зерно появилось в продаже. Зерно стоило, приблизительно, 25 рублей стакан, значит, коробка спичек за стакан зерна. Приобрела дома мельницу, молола и оладьи пекла, а иногда просто зерно варишь, кашу. Между прочим, я думала, что дети будут болеть, но они не болели. Правда, я запаслась капустой, а там — витамин «Ц».

Большие переживания были при наборе в Германию. Во-первых, дети были такого возраста, что им нужно было ехать в Германию. Если бы это было более коллективно организовано, то, конечно, можно было бы прятать детей, но домком наш старался выявлять. Он боялся, вероятно, и всех старался показывать. Некоторые уехали исключительно из-за этого, потому что не сумели спрятаться. Я с дочкой пережила два таких момента в первый приход немцев. Здесь нашими силами открылся железнодорожный техникум, и когда я познакомилась с учительницей, удивилась, почему она здесь осталась. Молодежь хлынула в этот техникум, и одно время техникум давал броню. С большим энтузиазмом учились дети. Учеба была чисто узкого характера, чисто технические предметы были, и дочь поступила сразу на второй курс, училась с удовольствием. Им не нравился украинец, который проповедовал ужасные вещи, и почти никого не было в классе во время его уроков. За это грозили школу прикрыть. Там и Пушкина врагом считали и т. д. Остальные предметы проходились очень хорошо. Там преподавалась и электротехника, и физика, и математика.

Во второй приход этот техникум был ликвидирован, потому что 70% преподавателей ушло с красными. Но что всех поразило — это то, что ушел этот украинец. Этот техникум не стал давать брони. В газете была объявлена всеобщая мобилизация в Германию молодежи, особенно с 1921 по 1926 год рождения. Дочь 1924 года рождения. Я туда, сюда, к профессору Казакевичу. Он был политкомиссаром нашего института, по-моему, от гестапо. Пришла с ним посоветоваться.

— Ей, — спрашивает, — не хочется ехать?

— Конечно, — говорю, — не хочется и, главное, она нездорова.

— Знаете, — говорит, — лучше быть здоровой и поехать в Германию.

Там можно чему-нибудь поучиться.

— Чему же?

— Хотя бы культуре.

Я говорю, что у нее душа не лежит к этому.

— Тогда я советую поехать всем вам. Это же замечательная страна! Вот сейчас едет группа профессора Андрусова. Он и химиков забирает. Да, знаете, профессор Кузнецов собирается ехать со своей семьей.

— Да и муж тут погиб...

— Ну, это не причина. Муж погиб в одном месте...

— А вы что же, — говорю, — хотите, чтобы я погибла в другом месте?

— Но вы же туда не на гибель едете? Я бы просил вас написать биографию вашего мужа, потому что Борису нужна пенсия, ему нужно помочь.

— Хорошо, — говорю, — я напишу, но, очевидно, придется ехать в Германию.

Большую услугу мне оказал врач. наших врачей надо превознести, особенно Токарева такая, Киселева, потому что всю интеллигенцию они спасли. Причем, им кое-что платили за это дело. Лично с меня они ничего не взяли, написали болезнь одну, очень хитрую — изменение роговицы на почве туберкулеза желез. Заведующий немец говорит:

— Не можем мы здесь разбираться. Вероятно, все-таки вам придется ехать, хотя это очень серьезное дело.

Дочь владеет немецким языком, обращается к нему и рассказывает, что у нее такой диагноз, поэтому она обращается к нему, т.к. слышала, что он специалист в этой области. Он говорит:

— Да, да, я помогу, — и действительно вас нужно освободить.

Таким образом, ее удалось освободить, только благодаря врачам, и надо заметить, что они многих спасли.

Еще у нас переживания были. По улицам нельзя было ходить. Мы решили с дочкой идти на огород, километра полтора. Остановил нас кавказец, спрашивает у нее:

— Ты куда идешь?

— Домой.

— Домой? Так иди.

Мы не поняли, идем дальше и напоролись на заставу. Немецкий офицер, а кругом кавказцы стоят. Двое отделяются, ее окружают, говорят:

— Ты иди, а мамаша вещи принесет.

Подходит кавказец, которому поручили нас вести, и говорит:

— Зачем вы поперлись на этого офицера, я же показывал вам.

Ведут они нас двоих. Мы спрашиваем, что это значит. Этот кавказец отвечает:

— Сельскохозяйственная мобилизация.

Я говорю:

— Давайте устроим так, что мы сбежим.

— Я бы это сделал, но у нас за это вчера пять человек расстреляли.

Идет с нами мужчина и говорит, что если мы сейчас не освободимся, то там пропали. Мы идем, волнуемся. Дочка падает, мертвецом стала совершенно. Наконец, этот кавказец согласен нас выпустить, а мужчина убегает. Они начинают стрелять в него. Это было как раз напротив немецкого общежития. Оцепляют этот дом кругом. Обращаются к нам — это сообщники, всех расстрелять. У дочки хватило мужества подойти к тому, кто говорил «всех расстрелять» и сказать ему:

— Мы тут ни причем, это же мужчина был. — Показывает свои документы.

Он говорит, что сейчас никакие документы не признаются:

— Идите, — говорит, — на пункт.

Этот кавказец остается там, чтобы поймать мужчину, а другой кавказец ведет нас на пункт на улицу Дзержинского. Приводят туда. Меня не пускают за проволоку, но я все-таки иду с ней. Вдруг, отделяется командир, кавказец. Она обращается к нему по-немецки. Он говорит:

— Говорите со мной на моем родном языке.

— Как? — спрашивает она.

— Ну, на русском же.

Она начинает рассказывать. Он слушает, большие черные глаза, слезы кап-кап. Я никогда не забуду этой картины. Он хлопает меня по плечу, говорит:

— Это очень нехорошо.

Я спрашиваю:

— Это эвакуация?

— Нет, это очень нехорошо.

— Что же делать?

— Я бы вам помог, но вчера я принужден был сам расстрелять своего брата. Я, — говорит, — ребят своих сдерживаю. Если бы я их не сдерживал, половина Харькова разбежалась бы. Я партиец с 1925 года, обманут...

Его брат чуть не убил коменданта, и когда его вели расстреливать, чтобы заслужить доверие, он сам застрелил брата. Тот проходил мимо него, говорит: «Стреляй!»...

Я хожу вокруг этой проволоки, вижу дочь, кричу:

— Оля!

Вдруг меня останавливает патруль:

— Это кто?

— Моя дочь, — говорю.

— Эта, в голубом платице? Так мы сейчас, не волнуйтесь же...

Хожу. Вдруг через час у меня какая-то сердечная тревога. Я бегу и кричу:

— Оля!

Она в это время идет с каким-то патрулем. Она потом рассказывала:

— Патруль обращается, говорит, мамаша все дело испортила.

Но только он сказал: «мамаша все дело испортила», рядом появляется немецкий офицер, который должен был прийти через полчаса. Тогда он шепчет: «Мамаша спасла!». Она мне кричит:

— Мама, иди домой, я одна тут останусь.

Говорят, предчувствия нет. Очевидно, тревога была какая-то у меня. Я думаю: что же дальше делать? Еще сама не знаю, что я наделала. Хожу и думаю: вот сейчас с ума сойду, кругом хожу. Через полтора часа, — Оля потом рассказывает, — подходит к ней командир кавказский, треплет ее по плечу, слезы у него на глазах, говорит:

— Не волнуйся, спасем тебя.

Она успокоилась. Еще проходит полтора часа. Она видит, что он идет с командиром и с ним разговаривает, показывает на Олю пальцем и говорит:

— Но ей же 16 лет нет.

Тогда этот говорит ей:

— Это мамаша, что в институте работает, так она же малыш. — Говорит патрулю:

— Скажите в голубом платье, чтобы она уходила.

Оля проходит мимо него. Он улыбается ей, но отвернулся от немца. Патруль около меня говорит:

— Ваша дочка пошла, идите скорей.

У меня ноги подкосились. Там была масса женщин с детьми. Почему их забрали, не знаю. Кто-то мне недавно сказал, что будто бы найдена большая могила за Холодной горой и там было много женщин с детьми. Наши пришли 23 августа, а это случилось 14-го. Кавказцы, они же и владовцы, мне кажется, чувствуют себя обманутыми. Этот командир говорил, что попал в плен с большим своим отрядом и очень обманут.

— Конечно, — говорит, — вы думаете, что я долго буду жить, но я умру иначе. Я должен сделать так же, как мой брат.

Я говорю:

— Дайте, я запишу вашу фамилию.

— Не надо. Если я буду в Харькове когда-нибудь, я вас найду в Технологическом институте.

Я хотела заплатить, но он не взял.

И так жили все время под Дамокловым мечом. Последнее время мои двое детей никуда не ходили. Сыну 15 лет, но он довольно рослый. С моим сынишкой надоели мне. Учиться негде. Идти воду таскать немцам? Борис говорит:

— Мама, если ты меня любишь, ты этого не сделаешь, я не дойду до них.

У Бориса товарищ — Деркач. У него отец в Красной армии. Он сам по натуре боец, пытался несколько раз к красным переходить. Правда, он

немного хулиганистый парень. Мне любили замечания делать, что мой сын дружит с ним. Я наблюдала за ними. Однажды они сидели под трубой и тихо беседовали. Мальчишка этот заявляет:

— Если фронт близко, я уйду.

Борис говорит:

— Если бы был жив мой папа, я бы тоже пошел, но так как у меня осталась одна мама, то я боюсь, что она с горя умрет, и тогда что же мы будем делать? Мама говорит: спрашивают, почему я с тобой дружу.

Тот говорит:

— Я знаю, что твою маму вызывали несколько раз и спрашивали, почему мы дружим, но, надеюсь, твоя мама не сказала?

— Конечно, нет, разве она дура.

Потом начали говорить о книжках. Есть такая книга «Рыжик». Деркач мальчишка способный, но хулиганистый.

— Я, — говорит, — тебе дам эту книжку.

Я ушла, не показала виду, что их слышала. Их долго не было.

Мать Деркача просила сына пойти работать, но мальчишка не пошел, не мог на немцев работать. Одно время мать его пошла на деревню и застряла где-то месяца на полтора. Он с братишкой остался вдвоем. Мне все время ставили на вид, что Борис дружит с ним. Я просила оставить его в покое:

— Вы видите, в каком он положении.

— Он красноармеец.

Этот мальчишка вынужден был дрова таскать, потому что ему нечем было топить. Правда, у него была тетя, но как-то все люди для себя стараются. Потом его застали, что-то он украл и начали говорить, что он вор, мошенник. Я начала говорить Крылецкому, что нужно учитывать положение.

— У вас же, — говорю, — есть директорский фонд. Дайте ему мыла, он купит себе что-нибудь.

Этого не сделали. Пришли наши, он ушел. Первый раз он ушел, пришел со шрамом. Он был разведчиком и из 12 разведчиков он остался жив, спрятался в погребе у одной тетки. Как на мальчишку, на него не обратили внимания и он ушел. Вторично он приезжает. Оказывается, он с какой-то частью стоит на каком-то острове на Днепре. Машина пришла в Харьков, и он приехал навестить мать.

Когда была уже перестрелка перед вторым приходом немцев, у нас было вывешено объявление: «За ложные слухи о том, что прорвались немецкие части к Харькову, расстрел». Началась бомбежка, мы сидели в подвале. Машин уже не было, а пешком я не рискнула идти. Мои знакомые почти все ушли. Один знакомый заходил за нами. Он говорит: «Действительно, с детьми трудно идти. Может быть, ничего не будет». Ушел с котомочкой, дошел до Купянска, а сейчас пришел обратно.

Нунес меня уговаривал ехать в Германию. Он вошел в наш институт, как комиссар и распоряжался тут некоторыми делами, вызывал каждого из нас в отдельности, убеждал ехать в Германию. Я говорю, что дети, больна, у дочери туберкулез.

— Ничего, ничего, там можно вылечиться. Почему вы не хотите?

Я говорю:

— Для того, чтобы вылечиться, нужно ехать в Крым.

Наконец, он заявляет:

— Через неделю институт будет закрыт, вы будете направлены на биржу труда. Когда получите повестку с биржи труда, тогда будете говорить другим тоном.

— А если все-таки я не поеду? — спрашиваю.

— Если вы не захотите поехать, то в случае военных действий, здесь будет такая бомбежка, сильнее, чем в Сталинграде³⁶⁹. Тогда всех пешком будет выводить.

Я осмелилась сказать:

— Ну, хорошо, тогда я лягу вместе со своим мужем.

Спрашивает через переводчицу:

— Почему же вы хотите подвергаться опасности?

— Все-таки на своей земле.

Кюн был директором Углекимического института. Он сагитировал ехать профессора Кузнецова, академика Украинской академии наук и ассистента нашего Поляничко, который приходил ко мне накануне и убеждал ехать. Ему сказали, что будет хуже, чем в Сталинграде. Профессор Кузнецов М. И. был в высшей степени честный человек. Он никак не мог приспособиться, не мог спекуляцией заниматься и страшно нуждался. Он серьезный научный работник. Он ко мне приходит и говорит:

— Екатерина Алексеевна, здесь мы не сможем работать долго, несколько лет, поедете во Львов. Там нам все предоставляют. Можно взять пианино. Тем более, что детей все равно заберут в Германию, особенно перед приходом наших. У меня дочка, которую я хочу спасти. В Харькове камня на камне не останется.

Я все-таки сказала:

— Михаил Иванович, душа у меня не лежит.

— Почему?

— Я, — говорю, — настолько люблю свою родину.

— Да теперь какая родина. Ее сейчас не существует ни у кого, — что-то вроде этого. — Надоело, — говорит, — мне это голодное существование.

Ему дали какой-то паек замечательный, квартиру замечательную.

— Наконец на старости лет надо же мне посидеть, спокойно поработать.

Перед этим его какой-то генерал важный приглашал на чашку кофе и профессора Дедусенко. Дедусенко очень разбирался во всем, но он

тоже уехал, только когда эвакуация была, а когда соблазнял Нунес — он не хотел ехать. Нунес говорил:

— Те, которые здесь остаются, это враги.

Я тогда сказала, что все равно лучше уж я умру от НКВД.

Кюн забрал у меня пять весов, в библиотеке — книги. Между прочим, кто-то был, кто сказал, что в потайной комнате, — а такая, действительно, у нас была, есть кое-что, поэтому аудитория сгорела. Второй этаж остался. Аудиторию, которая была на третьем этаже, подожгли.

Кюн не мог вывезти весы и книги, так он их расстреливал из револьвера. У нас есть сейчас эти книги расстрелянные, с дырками.

6 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 59–64. Оригинал, машинопись).

№ 10

Из стенограммы беседы, проведенной с профессором Михаилом Ивановичем Сахаровым

Я профессор физики Машиностроительного и Электротехнического институтов. 1882 г. рождения. Семья у меня небольшая: жена и дочь 20 лет, которой все время нужно было выезжать в Германию. Живу я в доме специалистов³⁷⁰... В Харькове с 1909 года, с первого курса университета. Окончил Харьковский университет, математическое отделение физико-математического факультета. У меня специальности — математика, физика, механика, астрономия. Был я в Германии в 1908 году, был учеником Рентгена и представить себе не мог того, что видел в лице теперешних немцев.

Когда пришли немцы, было обещано открыть политехнический институт, приказали всем зарегистрироваться, явиться. Мало того, устроили совет, собрание для избрания кафедр, директора. Прежде всего, с директором получилась какая-то чепуха, помню, избрали двух директоров. Терещенко попал в число избранных и Крамаренко, бывший обер-бургомистром. На собрании было человек 35, один получил 19 голосов, другой — 18. Кажется, Крамаренко получил 19 голосов, Терещенко — 18. Произошли неприличные споры. Эти директора начинают спорить между собой. Крамаренко называет себя директором, ему хочется быть директором, и говорит, что Терещенко будет заместителем директора. В конце концов, спор кончился ничем между ними, просто немцы какими-то судьбами назначили Терещенко.

Затем получился курьез. Заведующих кафедрами капитан Полланд собирался взять вместе с собой на утверждение в Днепропетровск. По-

чему именно туда, не могу сказать. Утвержден, в конце концов, никто не был. Однако же, говорили, что институт должен начать работу, как политехнический институт. Так прошло недели две такого определения. Потом начали водить за нос, не то откроется, не то не откроется, а к 1 января стало известно, что ни в коем случае институт открыт не будет, а тот институт, который был, передать на консервацию. Казалось бы, раз передать на консервацию, лаборатории должны сохраниться, в них должен остаться заведующий, ассистенты, ухаживать за лабораториями, но на деле оказалось, для того, чтобы консервировать институт, для этого нужен очень ограниченный круг людей, никаких профессоров не нужно, все это можно разогнать, оставить очень ограниченное число таких исполнителей, которые бы там приглядывали.

Так дело протянулось до февраля. В феврале стало известно, что институт не будет функционировать, что преподавательско-профессорские силы распущены, но в то же время германское командование берет на себя заботу о сохранении жизней, о материальной поддержке всех профессоров, преподавателей, потому что, насколько помню, но точно не знаю, как будто, вроде того, что сам Гитлер заботится о благополучии и жизни профессорско-преподавательского состава. Начиная с января, было объявлено, что, так как германское командование заботится о сохранении жизней профессоров и преподавателей, то будут выдавать им паек. И, действительно, начали выдавать паек профессорам, доцентам, не помню еще кому. 7 января был выдан первый паек. Он представлял собой один килограмм рослой мокрой ржи и затем один, полтора-два соленых огурца — это паек на неделю. На следующей неделе опять паек, опять килограмм той же рослой ржи. Правда, соленых огурцов не было, но стали давать кормовой бурак, не помню какое количество, но только бураки промерзли так, что, как только их внесли в комнату, сейчас же из них потекла жижа, и они никуда не годились. Но наше положение было таково, что и этот паек представлял интерес, и за этим пайком стояла очередь. Обстановка была самая мрачная. Во дворе, в подвале Машиностроительного института с маленькой форточкой для света, в сырости и холоде простояли за этим пайком. Организация была отвратительная, взвешивание производилось медленно, но все-таки люди стояли, потому что уже прошло два месяца, ноябрь и декабрь, когда ничего не давалось, все поняли, что рассчитывать не на что и великое благо, когда дается этот паек.

Это — в январе. Так было до февраля. Мы в это время принимались, подыскивали какой-нибудь вид работы. Я, в частности, в это время как будто получил возможность делать коробочки для спичек. Я думал о других видах работы, но это было просто невозможно, не под силу. Единственно возможным оказалось изготовление этих спичечных коробочек. Я думал. Например, в это время в Электротехническом институте начали

изготавливать железные трубы, так называемые, дымогарные трубы. На этот вид работы я думал приспособить себя. Затем в Электротехническом институте собирались изготавливать зажигалки. Я думал себя на этот вид работы приспособить. Потом в Электротехническом институте стали говорить об изготовлении камушков. Но на все эти работы не хватало материалов. Для изготовления дымогарных труб были совершенно негодные условия. Ни инструмента нет, ни руководителей настоящих нет. Кроме того, слишком тяжелая работа с железом, на холоде гнуть его, молотком колотить. Это казалось совершенно невозможным. Единственной наиболее приемлемой работой оказалось изготовление спичек.

Начали изготавливать спички. Но и это изготовление спичек было сопряжено с большими неприятностями и с большими щелчками по самолюбию. Мы же шли на все, а вы приходите, сдаете бригадиру, хотите получить новый заказ, а этот заказ не дается. Это било по самолюбию здорово. Вам или дают, или не дают, обещают. Потом приходите получать новый заказ на 50–60 коробочек, говорят: приходите завтра. Приходишь завтра — то же. Очень неприятно, тяжело это было. Единственно, чем можно было заниматься, только этим.

Правда, в этот промежуток времени я, следуя примеру молодых людей, попытался один раз сходить в деревню. Но, прежде всего, в деревню нужно идти к хорошо знакомым людям, во-вторых, в район на расстоянии километров 20. Я попытался, было, сходить для обмена в деревню, но меня подбили по дороге какие-то розвальни. Устал я ужасно от этой ходьбы. Выменять я толком ничего не выменял. Ходил с женой, жена простудилась, и решил, что это не для меня. Поэтому я и остановился на спичках, ибо, повторяю, совершенно ясно обнаружилось за это время, что думать об открытии какого-то учебного заведения, о науке, об ученом деле не приходится, об этом нужно забыть.

Так это тянулось до февраля. В феврале было сказано, что германское командование не может заботиться о поддержании жизни ученых. Но в то же время, ввиду того, что Харьков является прифронтовым городом, и что вообще военные события могут развернуться между Доном и Днепром и Харьков может оказаться плацдармом военных действий, то по всем этим причинам германское командование предлагает научным работникам выехать в Полтаву. В Полтаве будет предоставлена служба, квартиры и там можно будет прокормиться. Даже говорили, что первый месяц вы можете там ничего не делать совершенно. За это время вы отдохнете от всего пережитого в Харькове, а затем через месяц вам подыщут работу по специальности.

Кое-кто согласился на это и поехал, но лично мне это казалось противным моей совести. Ехать в Полтаву на иждивение немцев мне казалось противным. Я с этой поездкой никак не мог согласиться, несмотря ни на какие обещания. Мне даже казалось, чем лучше обещания и чем точнее

они будут выполняться немцами, тем больше я буду закабален и связан. Мне даже приходило в голову, — может быть, это уже большое воображение, — что поездка в Полтаву — это в известном смысле переход на сторону немцев и измена. Я некоторым ближайшим товарищам говорил об этом, но только ближайшим, потому что это нужно было держать в страшной тайне.

В самом институте к директору института был прикомандирован уполномоченный от германского военного командования, в частности, был прикомандирован доцент Овощников. Он действовал не от имени директора, а от имени германского командования. Он говорил:

— Вы не думайте, что поездка в Полтаву — это просто приглашение. Это — ваша обязанность, это требование германского командования, — так он объяснял поездку на немецкие хлеба в Полтаву.

Тут же сыпались некоторые угрозы с его стороны:

— Если вы не поедете, то вы лишитесь пайка, на вас будут смотреть особым образом и вообще нельзя гарантировать вашей безопасности, — так говорилось по поводу отказа нашего от поездки в Полтаву.

Я лично тогда пошел домой, в горьких слезах поговорил с дочерью и женой, как быть. Не ехать — подвергнешься опасностям, каким — не известно. Домашний совет ночной привел к тому, чтобы не ехать в Полтаву ни под каким видом. Но это были очень тяжелые переживания.

Ответом германского командования на отказ было то, что они просто нас выбросили, в известном смысле слова, из своего поля зрения, т. е. прекратили в феврале выдавать тот жалкий паек, который давался в январе.

Это — отношение немцев, но нельзя умолчать об отношении управы. Если немцы не дают работы, то управа должна как будто дать какую-то работу, подумать, позаботиться. Для себя она позаботилась, о некотором круге людей, о 6–7 человеках, а остальных выбросила за борт. Что особенно возмутительно, это следующее. Я лично пошел к заведующему отделом народного образования. Здесь был такой Дрыга. Спросил его:

— В вашем ли ведении находится политехнический институт?

Он ответил:

— В моем.

— Вы, — говорю, считаете себя ответственным сколько-нибудь за имущество этого института?

— Да, разумеется.

— А известно ли вам, что это имущество не учтено, не заинвентаризовано, что за ним нет должного ухода, внимания, охраны?

— Да, — говорит, — это не принято во внимание.

— Вы поручите составление описи сделать компетентным лицам.

— Да, нужно будет об этом подумать.

В ответ на это была назначена какая-то охрана, назначен заведующий лабораторией. Но была это просто отписка одна, казенщина, не

связанная ни с какой ответственностью. Так, например, по лабораториям физической, химической, электротехнической, сопротивления материалов назначается один-единственный заведующий, который должен и охранять эти лаборатории и т. д. Конечно, ничего он не мог сделать. Уже в июне 1942 года мне пришлось вторично напоминать, но уже не в управе, а здесь, директору. В это время произошла смена, вместо Терещенко директором сделался Крылецкий. Я ему сказал:

— Вы — молодой человек, и вам придется отвечать. Вот имущество... — Я думал, что он может остаться здесь, не уехать и, в конце концов, ему придется отвечать перед историей.

Когда я говорил — отвечать, понимал по-своему, а как он понимал, пусть думает — перед бургомистром отвечать. Крылецкий испугался, может быть, ответственности перед управой, перед германским командованием и согласился со мной, что одного заведующего на целый ряд лабораторий мало, и начал производить работу. На мою долю в это время выпала довольно приятная работа по инвентаризации физической лаборатории политехнического института.

Февраль, март для меня были месяцами абсолютно бесперспективными. Делать нечего, даже спички несчастные, и те не дают, говорят, что производство чуть ли не на свертывание идет и т. д. В марте месяце я встречаю своего товарища по университету, заведующего метеорологической станцией С. М. Семилетова. Оказывается, что С. М. Семилетов существует гораздо более благополучно, чем я, и это потому, что он имеет работу, директор метеорологической станции. Работает он у немцев, от немцев получает паек, из управы получает зарплату. В то же время это работа такая, которую советская власть благословила даже при немцах, ибо при уходе советских войск из Харькова Семилетову было поручено, раз он остается в Харькове, продолжать метеорологические наблюдения при всяких условиях, чтобы не было никакого перерыва, привлекать на работу работников. Если не будет никакой платы, то находить таких людей преданных, которые бесплатно могли бы работу эту делать, лишь бы никакого перерыва в метеорологических наблюдениях не было, потому что, с научной точки зрения, считается большой бедой, когда в работе метеорологической станции, работавшей на протяжении многих лет, получается большой перерыв. Семилетов предложил мне организовать у них отдел атмосферного электричества, обещая, что мне он исхлопочет паек такой же, какой там получают наблюдатели и соответствующую зарплату. Это было числа 25 марта.

Я с большой радостью приступил к работе, потому что видел здесь не только некоторую обеспеченность, но, кроме того, и свойственные мне занятия по атмосферному электричеству. Недолго пришлось мне там поработать, потому что 20 апреля, когда мы с Семилетовым сидели и говорили по поводу этой работы. Вдруг приходит немецкий офицер,

спрашивает Семилетова и рекомендует, что он — доктор Медель, что он прислан из Берлина для того, чтобы организовать и следить за работой метеорологических станций в восточной части Украины. Он является шефом целой группы станций. Что касается работников, работающих в данное время, то он в короткий срок рассмотрит, кто чем занимается, кто чем должен заниматься и т. п.

Действительно, Медель очень быстро разобрался, кому что делать. Самого Семилетова он назначил директором метеорологической станции, кем он и был, но, кроме того, он сказал, что будет климатический научно-исследовательский институт. Затем сказал; «Что касается профессора Сахарова, то нужно сказать, что атмосферного электричества у вас не было». Действительно, не было, его нужно было организовать. «Ну, а сейчас война, организовать этот отдел во время войны — это недопустимая роскошь, поэтому, профессору Сахарову дела здесь нет. Но я подумаю, может быть, какую-нибудь работу ему можно найти». Спросил попутно:

— Чертить он умеет?

Мой ходатай Семилетов сказал:

— Чертить он умеет, но не лучше ли вам какую-нибудь другую работу дать?

Думал-думал и надумал дать мне работу библиотекаря. Я не отказался от этой работы, потому что все-таки это давало паек, жалованья 50 рублей. Все-таки лучше что-нибудь, чем ничего.

Положение нашей семьи в это время было до крайности бедственное, просто ограбили нас, обкрадывали, буквально, со всех сторон и воры, и не воры. Когда мы шли продавать свои вещи, то они шли за такой бесценнок, это все равно, что обкрадывание. Бриллиантовые серьги жены пошли за бесценнок в виде двух хлебов. Здесь были комиссионные магазины, были и не комиссионные, такие доброхотные женщины, которые как бы благоустраивали нас. Эти женщины очень ехидные, сами наживались, являясь посредниками между мною — продавцом и немцем-покупателем. Мы доверялись им, а они нас надували.

Трудно представить тот голод, который лично я переживал. Например, день нового 1942 года. У нас ничего нет. Жена пошла и заняла у соседей два или три стакана муки и это все, что можно было достать. Дальше продолжалось в подобном духе, хотя появились базары, начали продавать.

Был я библиотекарем. Отношение ко мне. Хотя Медель знал, что я сам профессор и ученик Рентгена, говорил со мною о Мюнхене и о Рентгене, о котором он имеет очень туманное представление, все-таки отношение было тяжелое для моего достоинства. К характеристике этих отношений. Я вспоминаю один случай. В Климатическом институте происходили как будто некоторые пропажи, а в сущности говоря, я не могу даже сказать, были ли они. Допустим, что это были пропажи. Один раз исчез тюбик с цинквейсом, другой раз исчезло несколько плиток столярного клея

и третий раз, на проходной солдат задерживает девушку, сотрудницу Климатического института с кошелкой, в которой были ее вещи, но они были прикрыты обрывком географической карты метеорологического характера. Солдат схватил эту девушку, взял эту карту, показал доктору Меделю. Медель сказал, что это не первый случай грабежа в институте и что он больше этого не допустит. Так он сказал этой девушке и солдату и распорядился сегодня же всех оставить, всех задержать, собрать в такой-то комнате, где он прочтет нравоучение.

Когда я собрался уходить из института по окончании дня, то у дверей стоял солдат, и меня вернули в комнату, где должно было происходить это собрание. Там собрались работники, девушки, служащие этого института. Поджидают доктора Меделя, который должен произнести что-то весьма важное. И вот, явился доктор Медель, молодой человек. Он сказал, что происходят кражи, перечисляет примеры: тюбик цинквейса, столярный клей, сегодняшний инцидент с картами. Он уверен, что сотрудники поймут всю тяжесть этого преступления и к понедельнику, — это в субботу было, — возвратят все пропавшее. Если эти вещи сотрудники сами не пожелают вернуть, то пусть знают, что у них это найдено и обнаружено все-таки будет и тот, у кого это будет обнаружено, будет так наказан, что он себе этого не представляет, т. е., очевидно, будет повешен, т. к. за такие вещи вешали. Это говорилось без всяких церемоний, не взирая на возраст, ни на что. Там были служители, истопники, уборщицы, молодые люди. После этого он обратился ко мне, не видел ли я, где клей столярный. Я испугался, думаю, не меня ли подозревают. Говорю, что не знаю. Между прочим, клей этот на другой день нашелся и явно его никто не подбрасывал, а он просто не пропадал. Эти плитки лежали, но в помещении было сорно, не прибрано. Плитки эти, по-видимому, попали в сор и вместе с сором валялись. Когда эти испуганные люди начали копаться, клей нашелся.

В скором времени я заболел. У меня было ущемление грыжи, и должна была быть операция. Доктор Медель узнал об этом, расчувствовался и передал мне, что он постарается позаботиться обо мне на время, пока я лежу в лечебницу. Он постарается дать мне усиленное питание и все такое. Но ничего этого он не выполнил. Я, правда, не напоминал, просто неудобно было.

Болея я три месяца, и что было в это время в самом Климатическом институте, я не знаю. Если говорить об отношении в Климатическом институте, то дальше интересен февраль 1943 г., когда сюда приблизилась Красная Армия, и когда доктор Медель стал приглашать эвакуироваться отсюда. Причем, предлагал он эвакуировать, прежде всего, заведующих отделами. Я не принадлежал к числу таких. Он говорил:

— Вам опасно оставаться, большевики вас не помилуют, придут, счет вам представят такой, какого вы себе и не представляете.

Но испугалось, однако, не очень много народу. Испугалась одна заведующая отделом синоптики — Наханицкая, и она удрала вместе с ними. Потом еще одна молодая особа, но та больше не из боязни, а скрутилась с одним немцем, а так желающих не нашлось особенно.

Отношение к научной работе. Я в Климатическом институте был библиотекарем и все-таки думал, что Климатический институт — это исследовательский институт, сотрудники института должны представлять собой действительно научных работников, а в действительности я посмотрел и удивился, что же это за такая немецкая организация, что же это за научно-исследовательский институт в немецком понимании. Здесь никакой науки не было, а так, какая-то счетно-бухгалтерская работа и все, кто сидел там, щелкали на счетах. Ни приборов никаких, ничего. Я задавался вопросом, зачем немцы этот институт создали. Должен сказать, что я как будто находил некоторые ответы, но не был уверен в правильности их. Поэтому я разговаривал с некоторыми из своих товарищей и задавал вопросы, зачем создавался такой институт, куда собрали как будто бы научных работников и говорили: Гитлер заботится, хочет дать научным работникам работу и прочее, а по существу научно-исследовательской работы не было. Я помню, у меня готов был ответ на вопрос, но я поинтересовался поговорить с профессором, доктором Шепчицким. Это один из видных метеорологов, работал в этом Климатическом институте, как будто по своей специальности, и мне интересно было его мнение. Я задал ему вопрос, кому и на что нужен этот Климатический институт, который, с одной стороны, является как бы исследовательским институтом, с другой стороны, никакой науки здесь не было. И, представьте себе, ответ Шепчицкого совпал полностью с тем, что у меня назревало. Мне казалось и Шепчицкому, что это тоже концентрационный лагерь, в который нужно собрать людей и держать там их большой промежуток времени, иметь в своих руках их паспорта и на случай какой-нибудь опасности все это организованным порядком двинуть. Это самое ясное, что мне представилось, потом представилось Шепчицкому и еще одному из моих сверстников — С. В. Борисоглебскому. Вот, наши мнения совпали. Это был концентрационный лагерь под флагом, как будто германское командование заботится о поддержке науки и проч.

Я спрашивал, как в других местах, допустим, в Палате мер и весов, бывшем крупном научно-исследовательском институте, где директором был А. Н. Гапон, мой бывший ученик. Это несчастный человек, его немцы вывезли. Я спрашивал его:

— Скажите, напоминает эта палата мер и весов, теперешняя, чем-нибудь, что было в 1940 или 1939 году? Напоминает ли это научно-исследовательский институт?

— Нет, не напоминает. Правда, у нас есть отдел, который делает живую работу — это проверка меры длинны и веса для базара, а все

остальное — никчемная, никому не нужная работа, которая по существу и не делается.

— Так зачем же она?

Гапон на это разводит руками, и сам не понимает, зачем это делается. Я думаю, что и в других научно-исследовательских институтах, где были более преданные немцам люди, было такое же положение дел.

Один из моих разговоров с Мефодием Ивановичем Кузнецовым. Он уехал добровольно со своей семьей, заблаговременно, с комфортом, с картинами своими, с пианино, с библиотекой из своей лаборатории. Приехал во Львов, видя перед собой какие-то перспективы, 65 лет от роду. Немцы говорили мне, например:

— У вас же здесь без перспектив, вы не можете здесь работать, вернуться. Поезжайте на запад.

Я им на это ответил, что в 65 лет думать о перспективах работы в совершенно новых условиях — это такое заблуждение, о котором и спорить совершенно не приходится. Вы знаете, что значит переселять старое дерево, как оно прививается? И от меня отстали. Я сказал: единственная перспектива — это могила и гроб, который ждет человека в 65-летнем возрасте.

В марте месяце Кузнецову было представлено такое благо, которого я не удостоился. Именно: я 9 марта пришел сюда, на эту территорию, и узнал, что часть профессоров вывезена отсюда, что приехал директор Кокорин и часть профессоров вывез. 9 марта я узнал о том, что для Красной Армии получается, в известном смысле, катастрофа, что она должна покинуть Харьков и часть профессоров должна быть вывезена. На меня напало отчаяние, почему меня не вывезли. А не вывезли меня только потому, что я далеко отсюда живу, и за мной было неудобно заехать. Мефодия Ивановича вывезли, но он доехал до Чугуева, а в Чугуеве, как теперь говорят, как говорит Пинчук, секретарь Кагановичского³⁷¹ райкома партии, «Кузнецов от нас сбежал». Сам же Мефодий Иванович говорил, что ему позволили в Чугуеве встать и не ехать на большевистскую сторону, что у него в Чугуеве есть именице. Будто Кокорин разрешил ему встать. Он встал, дождался появления немцев и потом перешел сюда. Я считаю это грубейшей его ошибкой. Но раз он сбежал, то, конечно, дальше нужно быть последовательным.

Перед этим у меня с ним был разговор.

— Мефодий Иванович, расскажите, как вы вернулись в Харьков?

Они с женой рассказали, что получили разрешение на то, чтобы в Чугуеве встать и укрыться к себе, в свой собственный домик, в свое собственное имение. Так он и сделал, а потом вернулся в Харьков, пройдя два фронта, красный и немецкий.

— А как же дальше будете? — я спрашиваю его.

— А дальше, — говорит, — конечно, оставаться здесь нечего.

— Почему?

— Потому что здесь полная бесперспективность. Есть смысл уходить в Германию, в Галицию. Там можно будет работать, — и тут же говорит мне:

— Вы подумайте на этот счет.

У меня была определенная позиция — сидеть в Харькове и я смолчал на это.

Потом еще другая встреча:

— Ну, как же вы, Мефодий Иванович?

— Да, вот, как будто бы организуется переезд нашего углехимического института, как целой единицы, во Львов и знаете, это будет превосходно.

Я ему говорю:

— Мефодий Иванович, а вы взвесили? Вот вы поедете во Львов, теперь война подходит к концу, в каком положении вы останетесь тогда?

Он, конечно, головы не потерял. Во-первых, в Германию он особенно не верил, но на мой вопрос ответил:

— Что же, там блага не будет, но и здесь блага не будет, только срок наказания там является более отдаленным, чем срок наказания здесь.

— Мефодий Иванович, какое наказание здесь?

— Разве вы не знаете, что все мы, кто в 1941 году не уехал из Харькова, расцениваемся, как изменники и предатели, что для всех нас готов приговор и проч.

— Да откуда же вы знаете, Мефодий Иванович? Этого не может быть.

— А я вас уверяю, что это так.

Я не знаю, может быть, для него это так, может быть, он сделал что-нибудь такое, что он является изменником и предателем, и ему нужно было ехать в Галицию.

Несколько раз мы с ним возвращались к этому разговору. Я уже в это время начал работать здесь, и он был моим начальником. Потом я с ним неоднократно встречался. Он, между прочим, чем дальше, тем все более и более обдуманно начал готовиться к этой поездке. Он собирался ехать не только с семьей, но и прихватить двух директоров заводских в качестве своих ассистентов. Словом, стал создавать себе такую обстановку, что семья его поедет, картины его поедут, кроме того, ассистенты с ним поедут, научная институтская обстановка тоже поедет. Сначала он решил эвакуировать аппаратуру углехимического института, а потом разошелся и решил прихватить еще и ту аппаратуру и приборы, с которыми он работал здесь в технологическом институте на кафедре угля и топлива. Было предоставлено несколько вагонов, куда были погружены приборы, и он уехал.

Таким уважением он со стороны немцев пользовался, что, помню, у него на дверях квартиры была какая-то немецкая броня написана по-немецки. У нас же ничего не было.

Александр Николаевич Гапон не хотел ехать в Германию ни за что и мало того, говорил мне все время о том, что ему больно, что немцы хотят приборы Палаты мер и весов вывозить, но что же он может сделать, он бессилен совершенно.

— Но, однако, — говорит, — я все-таки какой-то минимум им не дам вывезти. Вот имеются платиновые термомпары, еще некоторые приборы не громоздкие, но дорогие. Я их просто припрячу у себя на квартире, и когда они будут выгружать, то этих приборов не будет.

Представьте себе, он так и сделал. Некоторые приборы он взял к себе на квартиру и спрятал. Но доктор Мюллер, который ведал палатой мер и весов, ведал и этим институтом, дурак дураком, оказалось, запомнил платиновые термомпары. Это было дело 22 августа. В последние дни Мюллер стал нагружать в ящики приборы палаты мер и весов и спохватился, что нет термомпар. По шкафам — нет, к Гапону, он говорит — не знаю. Мюллер говорит:

— Вы обязаны мне их отдать.

— Да вот, не знаю, их нет.

Тогда Мюллер говорит:

— Ага, их здесь нет, так пойдем к тебе на квартиру и посмотрим.

Пошел к нему на квартиру и посмотрел. Под кроватью это все нашли. Он взял эти приборы, схватил за шиворот Гапона и прямо его на грузовик:

— Ты теперь поедешь с нами в Германию, а чтобы не скучно тебе было — забирай с собой семью.

Вот что мне рассказали совершенно достоверные люди. Так был увезен Гапон.

Лично я получил приказ: 22-го в 2 часа дня явиться в физический корпус для того, чтобы выдать физические приборы оттуда. Но я не имел представления, какие приборы, потому что перед этим за неделю у меня тот же самый доктор Мюллер был и спрашивал, что здесь есть ценного для эвакуации и я ему очень добросовестно отвечал, — буду говорить правду, как было. Я не хотел маскироваться, даже не имел в виду в это время спасти имущество, не буду кривить душой, не буду говорить неправду. Но, действительно, у меня требуют указать ценные вещи, а я считаю, что ценные вещи, вроде ультрамикрона и т. п. в 1941 году были вывезены и, между прочим, сохранены. В Красноуфимске это сейчас имеется. Я по чистой совести отвечал Миллеру: ценного здесь ничего нет. Здесь имеются школьные пособия и измерительные приборы, но разве это ценность, а ценного, вроде кварцевой аппаратуры, здесь нет. Он спрашивает — где? Говорю — большевики вывезли в 1941 году, т. е. нисколько не лгал ему. Он тогда несколько разочарованно начинает обходить там помещение. Смотрит, прежде всего, в шкафы с электротехническими приборами. Как он ни глуп, это не эвакуирует, не видит здесь подходящих вещей. Подходит к другим шкафам, там — стеклянные трубочки, которые паковать

тоже нельзя. Подходит к гидравлическому прессу, «это, — говорит, — запаковать». Я говорю — это школьный гидравлический пресс, на нем ничего делать нельзя. Он отошел, спрашивает:

— Ну, где же у вас оптика?

— Все вывезено, — говорю.

Подошел к стеклянным пластинкам, спрашивает:

— Это что?

Говорю: стеклянные пластинки, очень дорогие, но поцарапанные.

Так он и не нашел ничего. Возвращается к гидравлическому прессу и говорит опять:

— Это нужно запаковать.

— Зачем же? — говорю.

В конце концов, он решил взять инвентарную опись и выбрать, что нужно запаковать. 22-го он приказал мне явиться сюда, но к этому времени они перепились и уехали сами.

Харьков занимался и в 1918 году. Тогда хотя какие-то проблески науки были. Харьков тогда был второстепенным фронтом для немцев. Здесь в 1918 году в штатском костюме был профессор Лейпцигского университета доктор Вибер, знаменитый физик. Известны его трехцветные фотографии. Он тогда на фронте для солдат читал лекции. Он пришел к нам в университет, очень деликатно попросил проекционный фонарь для того, чтобы ему с этим фонарем для солдат прочитать на какую-то тему лекцию. Я видел тогда его и беседовал с ним, как с настоящим человеком. А теперь у этого Миллера совершенно потерян облик ученого. Никаких разговоров о науке от них ожидать не приходится. Все они ходили исключительно в военном.

Только с одним немцем в штатском одеянии мне пришлось говорить — это Кольвейстер. Он сам назвался физиком и явился для того, чтобы погромить просто физическую лабораторию, но он поздно спохватился. Это было 10–15 августа. Он хотел электромагнит Дюбуа забрать.

У меня на квартире был доктор химии в первые дни прихода немцев, когда они лазили по квартирам, выискивая подходящие вещи. Обычно так. Являются три человека. Один заводит беседу с хозяином или хозяйкой, а другие в это время ходят по комнатам, присматривают себе подходящие вещи. Вот, ко мне, например, зашли трое: полковник, лейтенант и унтер-офицер. Лейтенант отрекомендовался доктором химии и завел со мною «ученый» разговор, узнав, что я физик. А полковник с унтер-офицером в это время обходили комнаты, и я знаю, чем они интересовались — нет ли каких-нибудь ковров особенно ценных, нет ли драгоценной мебели. Я это знаю потому, что когда они осматривали, им нужно было уходить, а этот химик продолжал со мною говорить, то ему было сказано:

— Ну, уже довольно. Здесь кроме картин ничего интересного нет.

Этот самый доктор химии просил меня показать, какие у меня книжки и интересовался только немецкими. Я говорю, что у меня немного книг, есть такие-то, такие-то.

— Знаете, — говорит, — мне более элементарные нужны.

Говорю:

— Ну, вот, смотрите, что для вас будет более элементарно.

Посмотрел-посмотрел, нашел одну книжку по физике, взял, вынимает деньги, 23 марки она стоила.

— Разрешите, — говорит, — вам заплатить за нее.

Кроме того, что отказаться от этих денег, я ничего не нашелся ответить.

Сначала, до апреля 1943 года с дочкой моей было все благополучно в смысле мобилизации, потому что большая часть до апреля этого года ехала в Германию девушек добровольно. Некоторые ее подруги уехали добровольно в надежде пить пиво, очень хорошо одеваться, приобрести некоторые вещи, такие как патефон, в Германии всего очень много, словом, обогатиться уезжали некоторые люди и до апреля этого года принудительной мобилизации девушек не было. Но в апреле началась принудительная мобилизация. Был приказ, гласивший, что девушки рождения 1923–1925 гг. по закону о трудовой повинности подлежат мобилизации на сельскохозяйственные и другие виды работ в Германию. Тут пришлось обращаться к помощи своих докторов. Помогло в этом отношении то, что я старожил и старые врачи меня здесь знают. Я мог добиться от них известного рода отсрочек.

Первые раз, как только эта гроза нависла, 15 апреля я пришел к доктору Клабе, сказал ему в двух словах о цели моего прихода. Он сейчас же понял и сказал, что примет меры к тому, чтобы как-нибудь помочь. Конечно, это не окончательная помощь будет, потому что дочь должна через биржу проходить, там еще врачи, но все-таки предварительное мнение городской комиссии, — он был в городской комиссии, — имеет значение, с ним считаются. Однако же, он дал это на ограниченный срок, кажется, до 15 июня. Эта справка на руках у дочери имелась. Она тоже работала в Климатическом институте. Когда она показала эту справку доктору Меделю, он сказал, что, конечно, калек Германии не нужно, и он ее не поведет на биржу, но только до определенного срока. Доктор Медель сосчитал у себя всех девушек в таком-то возрасте и знает, что, может быть, кое-кого биржа освободит, что есть спорные, вроде моей дочери. Он решает таких не водить пока, — их в тот период было две, — а остальных берет с собой и ведет на биржу. Приходит в 8 часов утра и спрашивает у секретаря:

— Чернова и другие здесь или нет?

Секретарь отвечает — здесь. Зовет.

— С вами здесь какие-нибудь вещи есть?

— Да нет, у меня ничего нет.

— Ничего? Ну, хорошо, идемте на биржу.

Они идут с ним вместе на биржу. Он приводит их на биржу, без всякой очереди подводит к тому столу, где медосвидетельствование, представляет их и, будучи уверен, что никаких послаблений с точки зрения медосмотра не будет, раскланивается и уходит. Он их представил, сказал, что от Климатического института, привел таких-то и ушел.

Эти девушки в течение 3–5 минут проходят комиссию, а затем их направляют в отдельную комнату, где им объявляют, что отсюда они уходить не имеют права, камера охраняется солдатами, часа через 2–3, когда окончательно осмотрят других, они пойдут на Сортировку, откуда поедут в Германию, что родителям дано уже знать и они принесут вещи. В это время курьера посылают на квартиру к матерям, отцам. Те говорят, что вашу дочь отправляют в Германию, приготовьте минимум вещей. Родители собирали вещи, несли на Сортировку, через 2–3 часа встречались с дочерью, обливались слезами и она отправлялась.

Письма присылались оттуда. Переписка кое-какая разрешалась. Моя дочь получила письмо от своей бывшей подружки, которая добровольно поехала в Германию. Письмо было бессодержательное, из которого можно только заключить, что до сих пор жива, и просит написать ей. В этом письме, кроме весточки о себе, ничего другого не было. Дочь моя ответила, но, по-видимому, ее письмо или не выдержало цензуры и не дошло. После этого я получаю письмо, что «Михаил Иванович, я писала Леночке, Леночка молчит, хотя вы отзовитесь. Я жива, работала раньше там-то, теперь работаю здесь» и все. Перед этим было получено письмо, напечатанное типографским способом и подпись Часовникова. В этом письме она просила прислать вещей на зиму. По-видимому, все эти пленники рассылали такие письма, куда только возможно. Это письмо было агитационного сорта. Я его, к сожалению, не сохранил, порвал. Начинается с того, что «правительство Германии, командование заботятся о нас, о нашем благополучии. Нас снабжают и проч., но все-таки приближается зима. Как вы знаете, я ведь выехала весной и не захватила с собой зимнего. Если можно пришлите...». Но это все напечатано.

Вообще я знаю, что переписка была затруднена до крайности и, если можно было писать, то о самых поверхностных вещах.

Значительную группу интеллигенции немцам не удалось перетянуть на свою сторону, кое-кого удалось, но это наперечет. Это, прежде всего, Крамаренко Алексей Иванович, которого немцы сделали обер-бургомистром и который, возможно, был немецким шпионом еще до войны.

Как только немцы вошли сюда, вскорости началась регистрация. Я прихожу сюда и встречаю бывшего завхоза электротехнического института. Как-то у нас зашел с ним разговор, и он говорит, что у Леонида

Петровича Крамаренко за два-три дня до ухода Красной Армии отсюда был обыск со стороны НКВД. Я спрашиваю:

— У Леонида Петровича Крамаренко был обыск? А что же искали?

— А искали у него радиоустановку.

— Ну, что же, нашли?

— Не нашли. Если бы нашли, то он разве остался бы.

Это был просто однофамилец Алексея Ивановича.

Приходят немцы. Прошел один день. По улице идет германский офицер, направляется к квартире А. И. Крамаренко, встречается с ним на улице, но не знает его. Спрашивает:

— Не знаете ли вы, где живет А. И. Крамаренко?

Крамаренко говорит:

— Это я.

— Я к вам от командования. Вы назначаетесь бургомистром города Харькова. Где бы нам с вами поговорить?

Если сопоставить две таких вещи, с одной стороны, у Крамаренко ищут радиоустановку, с другой стороны, приходит немец, ищет Крамаренко. Очевидно, А. И. Крамаренко был шпионом, имел у себя радиоустановку. Очевидно, НКВД спутало. Тот и другой профессор, жили один — на Технологической улице, другой — в Электротехническом институте, расстояние 2–3 дома друг от друга. НКВД, по-видимому, получило информацию, что имеется шпион Крамаренко, у которого есть радиоустановка, а это были, между прочим, последние дни.

Здесь был такой Дедусенко. Он при немцах ничего не делал, да и делать особенно ничего не мог, 75 лет ему. Сын его был бургомистром. Крамаренко А. И. уехал в Киев для того, чтобы двигать науку. Среди молодежи, инженеров несколько человек нашлось, которые поддались, может быть, поверили в то, что там будет что-то особенное. Но большинство, даже невзирая на те терроризирующие слухи, которые здесь распространялись о том, что большевики расправляются, все-таки осталось здесь. Пусть покарает Советская власть, но это своя власть и если она покарает, то за то, за что следует покарать. Вот такие разговоры были у меня с одним из наших доцентов.

Распространялись слухи о тех, кто в марте месяце с котомочкой за плечами пошел за своей родной Красной армией. Я говорил: не верьте этим слухам. Молодые люди мне не верили, говорили:

— Ну, вам, старикам, может быть все равно, а вот нам.

Я говорил, что это ложь, агитация, сплетенная белой ниткой. Не верилось, но говорил: пусть нас здесь покарают, а в Германию не пойдем, и так, по-моему, большинство.

Унтер-офицер Нунес говорил:

— Подумайте о добровольном выезде в Германию сейчас. — Это было дело числа 15–20 июля этого года. — Если вы добровольно поедете, то

знайте, во-первых, вы поедете вместе со своей семьей, во-вторых, вам предоставлено будет много места, так что вы и багажа много заберете. В-третьих, вы инженер и поедете на должность инженера. Работать вы будете там, где хотите, потому что добровольно едете. Что касается жизни в Германии, то об этом распространяться не следует, потому что вам известно, как хорошо живут в Германии. Но, если вы добровольно не поедете, то имейте в виду, что, во-первых, война принимает все более и более жестокий характер. Не исключена возможность, что будут пущены газы. Мы вот от них спасемся, а вы что будете делать, если мы или большевики налетят на Харьков и начнут душить газами? Это положение первое. Теперь второе. Если мы будем уходить отсюда, то мы вас все равно заставим уйти, только уйдете с нами под конвоем, семья — в стороне пешим ходом, а дальше работа, на которую мы пошлем. — Говорил в таком духе.

Три молодых человека поддались на эти угрозы и были согласны ехать, но к их счастью срок поездки не такой близкий был. Срок их отъезда намечался или в конце августа, или в первых числах сентября. Остальное все понятно. Они тогда чувствовали это как неизбежный рок, что это страшное несчастье, которое совершилось с ними, а теперь они чувствуют себя избавленными от этого величайшего несчастья, празднуют, ликуют и т. д. Правда, я бы на их месте в армию пошел.

6 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17. л. 134–140. Оригинал, машинопись).

№ 11

Из стенограммы беседы, проведенной в галерее им. Т. Г. Шевченко

Профессор Симонов. Когда немцы отступали из Харькова, здесь битва происходила 12 дней. В начале августа начался грабеж. Во время третьего разграбления были вывезены почти все картины украинских художников, старых и советских. Количество их доходило до 700. Там была выставка украинских художников. Вся эта коллекция была вывезена.

Необходимо отметить, что немцы вывозили картины небольших размеров. Все большие холсты, около ста, погибли во время пожара. Погибло также около 300 предметов старинного фарфора. Сгорела картина Репина³⁷² «Отойди, сатана». Эта картина была подарена Репиным, в свое время я ее натягивал на холст. Она написана до 1917 года и висела в вестибюле. Во время переселения музея она попала в подвал и немного попортилась. У нас был один из вариантов «Запорожцы пишат турецкому султану». Я надеюсь, что он вывезен. Был портрет Драгомирова,

Дубицкой, все это вывезено. Около ста картин погибло. Погиб фарфор Гарднера, Мителашевского³⁷³ и др. Около 70 предметов бронзы погибло, а также ткани, вышивки и костюмы, около ста названий. Думаю, что эта цифра преуменьшена. Погибла вся скульптура, мрамор, гипсы. Был замечательный мраморный Вольтер, был чудный мрамор «Купающаяся Венера», «Спящий амурчик», «Смерть Сократа». В огне погибла искусствоведческая библиотека, около 20 тыс. названий. Очень богатый был отдел графики. Погибла дорогая мебель старинная, из красного дерева дворянского собрания, прекрасными шелками обитая, стоимостью много сот тысяч золотом. Вот что мне удалось приблизительно установить.

Вместе с пожаром соседи бросались грабить. Сколько им удалось забрать, не знаю. Потом было обращение к гражданам и сейчас кое-что возвращают.

Тов. Иванов. Перед эвакуацией немцы систематически упаковывали ящики, отправляли их на вокзал. А уже в последнюю минуту, когда красные нажимали сильно, то несколько ящиков они вернули в музей, спустили в подвал, облили горючим, ходили по всем комнатам. Запылало все здание сверху донизу. Не было ни какой возможности туда заскочить и спасти вещи. Спасли только из подвала.

Когда немцы первый раз приехали сюда, то из научных работников никто не приходил, остался только технический персонал. Один немецкий офицер, выдавая себя за племянника Айвазовского³⁷⁴, пришел с запиской. Айвазовский был в экспозиции. «Это, — говорит, — все мои картины», приказал их снять. Снял 7–8 вещей, упаковали их. Он выдал фиктивную расписку, раскланялся. Технический персонал не мог ничего ответить, да и что они могли бы ответить, если приходили с оружием в руках. Забирали они [немцы] ковры, вещи некоторые, а в вещах они понимали хорошо, об этом можно судить по комиссионным магазинам. Они имели определенные задания и средства для закупки этих вещей.

Профессор Симонов. Они понимали в вещах только после того, как им скажешь, что это старинная вещь. У них был знаменитый антикварный магазин «Салон».

Тов. Иванов. Крупные картины галереи были в историческом музее, который сгорел. Там все погибло. Этот музей назывался еще краеведческим, помещался в институте.

У меня есть хорошее собрание старого стекла, начиная с XVII, XVIII, XIX столетия. Мне больших трудов стоило ее сохранить. Я прятал их в ящиках, в подвалах и т. д. Они очень падки на эти вещи. Мне это пришлось и от бомбежки спасать, и от немцев. Сейчас эта коллекция у меня полностью находится. За два года даже увеличил ее на 50% коллекцией, собранной инженером Штенбером, который умер.

Профессор Симонов. Судьба института. Зима 1941 года была ужасной. После того, как пришли немцы, люди вышли на улицу холодные

и голодные. Среди них толкались и наши художники. Все стремились как-нибудь оформиться, найти дело. Представьте себе тяжелое положение людей, а запасов никаких ни у кого не было. Таким путем возник какой-то актив художников. Художественные организации были оформлены в виде авторского товарищества. В управе образовалась организация, ведающая искусством, и называлась она сначала УЗАПом (Украинская запись авторских прав). Это было нечто вроде союза или артели, которая добивалась гражданских прав. В эту организацию влились писатели, композиторы, художники, имели своего секретаря или бригадира. Я был таким при секции художников. Я не видел ни одного писателя, композиторов тоже не было, а художников свыше 70 зарегистрировалось и это оказалось благотворительное учреждение. Оно давало аусвейс³⁷⁵, т. е. на улице вас могли не хватать, вы могли отправляться в деревню, там менять свои пожитки с этим немецким удостоверением. Там немецкой печати не было.

Когда стали выдавать понемногу хлеба, то дали хлеба и нам. Таким образом, больше года существовало это авторское товарищество, не неся абсолютно никакой работы. Я, как секретарь, приходил раз или два в неделю, подписывал эти аусвейсы, и так мы существовали. Никакой творческой работы, конечно, не было. Люди спасали свою жизнь, а если рисовали что-нибудь, так маленькие рисунки для немцев. Они любили, чтобы рисовали их портреты. Кто умел это делать, немного подрабатывал.

Рядом с этим возник институт. Конечно, никакого института практически не существовало. Все попытки начать здесь занятия, не могли осуществиться. Несколько производств организовали здесь. Писали пейзажи, карты, на рынок этикетки и т. д. Этот институт имел свою выставку, на которую художники почти не принимались. Она была под покровительством немцев.

Художники, как организация, группировались возле свободного союза. Но немцы тоже не признавали союза. Бек был занят театрами, хотя он сам по профессии скульптор, к нам приходил редко, только для того, чтобы кулаками бить, кричать на нас.

У нас был один случай с художником Савиным известным, из молодых, пользующихся большой популярностью. Он жанрист выдающийся и плакатист. У него двое детей и жена. Он немного хромает. Когда он эвакуировался в 1941 году, добрался до Миллерова³⁷⁶. Там его выкинули на площадку возле вокзала с семьей и пожитками. Дальше двигаться он не мог. Пробыл он несколько дней в Миллерове, пришли немцы. Там он завоевал себе имя. С помощью владетельного заказчика решил перебраться в Харьков. Приехал сюда, но, правда, бедствовал очень сильно. Пришлось ему немножко помочь. И вот, подошел февраль и март, когда пришла Красная Армия. Все воспрянули духом, в том числе и Савин. Он нарисовал свой замечательный плакат «Наш Харьков». Но прошло три

недели, сюда вступили немцы, вступил зондефюрер. Плакат «Наш Харьков» был по всему Харькову развешен и вот Бек в этой комнате собрал всех нас, кулаком стучал, кричал, что мы должны искупить свою вину, в частности, Савину было сказано, чтобы он нарисовал плакат лучше этого. Плакат «Наш Харьков» был перечеркнут, а рядом Савин должен был рисовать другой. Вы представляете себе моральное состояние художника, которому пришлось отрицать то, что он сделал. Ему было приказано нарисовать этих же воинов разбитыми, бегущими. Он нарисовал его, но выхода не было. Когда он явился на работу ровно в восемь часов, Бек орал на меня как сумасшедший. Явился Савин и тут же сделал второй плакат. Дается ему вторая тема. Эту тему Савин не мог сделать. Создалось ужасное положение. Если он не будет делать, несомненно, погибнет. Делать — он чувствовал, что затягивает у себя петлю. И вот, вдруг утром меня вызывают, спрашивают, где Савин. Я понятия не имею. Его нет в Харькове. Я немецкого языка не знаю, через переводчика приходится говорить. Оказалось, что какой-то владетельный заказчик Савина явился сюда. Узнав его моральное состояние, — а были немцы, которые не разделяли гитлеровскую политику, — Он вывез Савина с семьей. Савин бежал от пропаганде-штафеля, которая занималась делами искусства, от немцев к немцам, с помощью немцев. Где он находится, мне лично не известно. Нельзя говорить, что он уехал с немцами. Он бежал от немцев.

Профессор Прохоров. Савин явился жертвой роковых обстоятельств, которых он не мог преодолеть. Он должен был умереть, но у него двое детей, жена, умирать страшно. Конечно, было бы очень красиво умереть за это, но он не умер, бежал. Обвинять его, конечно, нельзя. Ушел он задолго до прихода наших войск. Он поехал в Изюм к семье на родину, думал там пережить, — это верст 120 отсюда, — а потом, когда утихнет, перебраться опять в Харьков. Он оказался в черте, окруженной немцами. Когда Красная Армия взяла Изюм, конечно, его там знают, и когда Красная Армия стала отступать дальше, то его с собой взяли. Он был в Ворошиловграде, в Купянске, а когда стали отступать дальше, его посадили в поезд, в Миллерово и завезли. Поезд попал в тупик. Они вышли из поезда и очутились в поле. Тут стрельба, бомбежка. Там он и остался. Больше ехать некуда было, и он вынужден был идти в Харьков.

Н.Г. Бурачек — известный украинский художник, пейзажист, как и все, недоделал, страдал болезнью сердца. Эта болезнь требовала известного режима. Но какой же тут режим, когда в комнате холод, есть нечего. Со стороны немцев никакого участия в этом отношении, поддержки не было. Естественно, он постепенно угасал. Затем, оторванность от работы, наконец, бомбежки, все это ужасные вещи. Все это, наконец, и наши временные неудачи ложились настоящим гнетом на его душу. Впереди тьма, в настоящем ужас. Все это постепенно подорвало его силы. Я был у него за сутки до его смерти. Он сидел и писал маленький пейзаж,

а утром на следующий день меня супруга его встретила и сказала, что Николай Григорьевич умер. Так что совокупность этих обстоятельств, которая связана с оккупацией Харькова, ускорили смерть Николая Григорьевича.

На протяжении 11 месяцев не давали хлеба. Это значит, что установка была на то, чтобы, по крайней мере, половина населения, если не все, умрет. Проходя по улицам, мы видели и уже спокойно наблюдали, как валялись умершие и никто ничего не мог сделать, а немцы проходили спокойно и смотрели на это, как на неизбежное, необходимое.

Если мы остались живыми, то не знаю как. Может быть, потому, что мы жили звериной жизнью, ложились спать одетыми очень рано и благодаря этому чуть-чуть держались.

Тов. Иванов. Центелович, художник безрукий, подобрал несколько товарищей и делал налеты на квартиры, добывал себе средства таким образом. За это его и других повесили.

Мы жили, главным образом, тем, что меняли. Я приспособился последнее время продавать небольшие иконки, этиюдики небольшие писал. Когда начали хлеб выдавать, тогда немножко легче стало. Надо сказать откровенно, что в Харькове тогда погибали голодной смертью и к весне в каждом доме образовались горы трупов. Их закапывали в щелях. Гробов не делали, а вывозили в шифоньерах, в ящиках, прикрывали рогожей, клали в яму. Эти ямы по 3–4 дня не зарывались и были случаи, что человеческое мясо обрезали и носили на базар продавать. Были случаи, что даже вешали за это и на груди вешали плакат: «Я повешен за то, что продавал человеческое мясо».

Среди художников была одна Серебрякова, еврейка, но она сбежала и в течение двух лет скрывалась в Полтавском округе. Евреям не разрешали нанимать подводы и стариков, не могущих идти, везли в ваннах по улицам. Некоторые евреи отказывались идти на эту Голгофу и там умирали. Причем, это было в декабре, когда было жутко холодно.

Профессор Симонов. Управа дала нам печатать какой-то патент для торговцев, и сверху должен был быть украинский трезубец. Когда этот патент принесли немцам на цензуру, то они вычеркнули трезубец.

Главная база Бека была против нас, но его фактическое пребывание было в театре. Актеры получали офицерский паек. Немцы, в конце концов, после савинского инцидента не заказывали нам ничего. Мы делали этикетки на уксус, на спички. Однажды Бек меня вызвал, начал кричать на меня, почему мы печатаем огонь на спичечных этикетках красным цветом. Я стал объяснять ему, что художники огонь изображают красным цветом, и здесь нет никакой пропаганды.

Застать Бека было невозможно. Среди художников не было никого, кто бы знал немецкий язык. Однажды мы целую неделю его дожидались, потому что Бек не разрешал, а управа ничего не могла сделать.

Тов. Горелов. Воронцова-Тили³⁷⁷ — немка Ленинградской области. Она имела право на помощь, но не пошла к немцам, потому что чувствовала себя уже русской, и сын у нее был в Красной Армии, артиллерист. Она умерла демонстративно от голода, но не пошла за помощью к немцам, хотя могла бы получить, правда, небольшую, но все-таки регулярную помощь.

Профессор Симонов. Наш институт не существовал. Когда после мартовского прихода Красной Армии сотрудники института разъехались в разные стороны, кто — на запад, кто — на восток, институт стал беспризорным учреждением. Нужно было спасать имущество. О каких-нибудь занятиях не могло быть речи. Опять мы кое-какое производство затеяли, чтобы получить ресурсы для существования, опять спички, этикетки, вывески начали писать. То, что мы сделали на 30–40 тысяч, они замашенничали.

Тов. Супонин. Котляревская служила в пропаганде-штафель. У нее ребенок, которого она любит больше своей жизни. Муж ее эвакуировался с театром. У него в Днепропетровске отец, сестра и мать есть. Они кое-как питаются. Она давно мечтала уехать туда, потому что она здесь одинокий человек и вынуждена была поступить к немцам. Она писала там таблички и уехала в Днепропетровск к родным, потому что тут бомбежка, настрадалась. Она собиралась ехать на протяжении долгого времени, но не было разрешения от комендатуры и проч. Перед приходом Красной Армии ей дали это разрешение, но до всякой эвакуации, еще было совершенно тихо. Я учился вместе с ее мужем, мы приятели.

У Аташкина жена служила в управе и поддерживала его. У них тоже ребенок есть. Он театральный художник, но в театре не работал. Поскольку немцы семью вывозили, то ему расставаться с семьей было тяжело. Очевидно, он из-за этого уехал.

Гороховцев работал в пропаганде-штафель первый и второй приход. Он делал карикатуры.

Цибулько уехал просто по дури. Художник он посредственный. Деятельности при немцах он не вел никакой, иконы писал. Жена его при советской власти была педагогом. Что можно о нем сказать? По-моему, у него голова немного вкось пошла и все.

Профессор Симонов. Люди, которые имели мужество все это переносить, и те думали, как выбраться из этого ада, который не выдерживали, думали только о том, куда бы уйти, куда бы залезть. Это был не уход с немцами, а людям казалось — там лучше. Вот я уеду в другое место и там бомбы, вероятно, не падают. В этом большом городе беспрерывно бомбы падают. Было бы очень неправильно считать, что люди пошли с немцами. Я знаю людей, которые никак не солидаризировались с немцами, но говорили, что от Харькова ничего не останется. Гороховцева защищать трудно, но о других этого нельзя сказать.

Тов. Супонин. Цибулько — советский человек. Мы с ним учились вместе в художественном институте³⁷⁸. Я его видел за месяц в «Салоне», где мы продавали краски. Человек явно ненавидел немцев и вдруг уехал. Очевидно, побоялся бомбежки.

Профессор Симонов. Мы имели приказ выехать. Указан был час и день. Я сам имел такое предложение. Меня вызвали в управу, как директора и сообщили: объявлена эвакуация, и извольте представить список, кто будет сейчас уходить с институтом. Я спросил, что я должен сделать, объявление или на словах сообщить? «Можно на словах». Я пришел, сказал, что объявлена эвакуация. Мне задают вопрос:

— А вы едете?

— Я, — говорю, — никуда не поеду.

Единственное, что нас пугало — ужасы боя. Там стояли, говорят, вагоны и будто бы была свободная посадка, но добровольцев не было, кроме тех, кто ехал из страха, паники.

Тов. Иванов. Первые три-четыре дня жуткая посадка была, все было забито. Платили деньги, только бы сесть. Но это было среди торгового класса, спекулянтов.

Профессор Симонов. Была агитация и такая, что придут большевики, они вас за то, что вы тут остались, будут наказывать, на паспорте будет штамп, что враг народа. Это, как ни говорите, на людей действовало. Многие этому, правда, не верили, особенно после того, как в марте была Красная армия. В это время здесь было небольшое совещание. На этом совещании были Бажан, Корнейчук³⁷⁹. Потом приехал Хрущев Н. С. Выступали, говорили, что распространение этих слухов ложно, каждый человек работал потому, что спасал свою жизнь. Все-таки эта агитация была довольно сильной и немцы на этом играли. Прямо говорили: не уйдете, убьют вас. Это, конечно, тоже влияло.

7 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 66–68об. Оригинал, машинопись).

№ 12

Из стенограммы беседы с Владимиром Петровичем Гуцевичем

Доцент педагогики университета и пединститута иностранных языков. В период немецкой оккупации — директор Центральной сельскохозяйственной научной библиотеки. [...]

20 октября в Харькове была взорвана электростанция, основные объекты, и это уже определило то, что из Харькова наши части отступают.

23-го вечером вступили первые немецкие части в район Холодной Горы и вокзала, а 24 октября был занят весь Харьков. Бои были в районе Холодной Горы.

В конце октября, 27—28-го³⁸⁰ была организована первая городская управа. К немецкому командованию были приглашены отдельные лица, в том числе профессор Крамаренко, каким образом, не знаю, и ряд других лиц. Обер-бургомистром был назначен профессор Крамаренко А. И. Ему было поручено организовать управу с начала ноября. Была объявлена регистрация всех жителей по специальностям, и все шли в управу в соответствующий отдел, чтобы зарегистрироваться. Записали, где работал, специальность и о всей работе.

Отделом образования заведовал профессор Столяров³⁸¹. Он знал меня, предложил мне быть уполномоченным по охране имущества института иностранных языков. Я был им один или два месяца, пока институт не ликвидировали. При отделе образования был подотдел вузов, но месяца через два он был ликвидирован.

Во второй половине ноября между 16-м и 20-м последовало два больших взрыва в доме бывш. Косиора³⁸² по ул. Дзержинского³⁸³. При немцах здесь поместилась какая-то часть, как будто авиационная, генерала Томе или Беме³⁸⁴. Ночью произошел взрыв. Одновременно в этот же день произошел взрыв на Московской в штабе военного округа³⁸⁵ в момент немецкого заседания. Там была подорвана масса штабных видных офицеров. В доме Косиора был арестован и расстрелян дворник, якобы это он³⁸⁶.

После этого было арестовано 2 тыс. заложников и тысяча заложников была повешена. Весь город был обвешан трупами. Брали через дом по улицам планомерно, особенно на тех улицах, которые прилегают к штабу. На повешенных висели таблички «партизан» и т. д. Кто организовал эти взрывы, я точно не знаю. Я думаю, может быть, это следствие срочного минирования. В то же время, чтобы выбрать момент заседания, нужно было это проследить. Многие думали, что партизаны действуют, и особенно это убедило потому, что все повешенные были с табличкой «партизан».

При управе в декабре как будто бы была попытка организовать снабжение населения. Публиковалось — с 5 декабря будет, с 10-го, но сроки отодвигались и никакого снабжения не было. Тогда среди населения организовали массовое хождение на менку.

В декабре была попытка создать первую украинскую гимназию мужскую. Директором этой гимназии был назначен доцент Деревянко, специалист по географии, кандидат географических наук. Эта гимназия была националистической, исходила от «Просвиты», в частности от профессора Попова³⁸⁷. Потом он стал священником где-то в Киеве. Намечалась она как будто 8-классной, но открытие ее не состоялось. Было объявлено в газетах о приеме заявлений, было принято поряточно заявлений. В отделе

образования объясняли, что немецкое командование не может разрешить открытия средней школы, пока имеются только большевистские учебники и не было соответствующих методических установок преподавателям. Эти причины остались, документы, очевидно, забрали обратно, но так она и не открылась.

В декабре-январе снабжение населения не было организовано. Были случаи истощения, были случаи смерти от голода. Например, в Пединституте Елецкая-Медведева умерла от голода.

В январе для организации земельных вопросов была организована специальная земельная управа областная, во главе которой был профессор Ветухов³⁸⁸. В Харькове был известен его отец профессор Ветухов³⁸⁹, филолог, ученик Овсяннико-Куликовского³⁹⁰, а этот Ветухов агроном, работал в Москве где-то и приехал в Харьков чуть ли не в период оккупации, сразу вынырнул на поверхность. К руководящему слою принадлежал агроном Заболотный, который потом был выделен руководителем областной управы государственных имений и ведал всеми бывшими совхозами.

Было организовано областное управление МТС, руководителем которого был в последнее время агроном Кононенко³⁹¹. Он уехал в Германию.

При областной земельной управе³⁹² было организовано снабжение научных работников, не знаю, по чьей инициативе. Оттуда с февраля месяца начали выдавать скудные пайки. В вузе, например, по учету состоит процентов 80, дается пайков 20. Большей частью получали два института — это Политехнический³⁹³, куда свели все технические вузы, и университет, куда свели все гуманитарные. Эти получали больше. В связи с тем, что этого было недостаточно, было объявлено, что немецкое командование не может обеспечить регулярного существования, поэтому оно рекомендует научным работникам гор. Харькова выехать отсюда и был организован вывоз научных работников в Полтаву и Сумы. В феврале были отправлены маршрутные поезда туда.

Городская управа в течение первой половины ноября постепенно выкристаллизовала свои отдельные отделы и создала большой бюрократический аппарат. Управа имела отдел правовой, финансовый, бухгалтерию, отдел образования, промышленности, сельского хозяйства, отдел медицины, бюджетное бюро, бюро переводчиков, жилищный отдел и кооперативный совет. Каждый имел своего секретаря, канцелярию, референтов, имел подотделы и отделы. Жилищный отдел имел отдел эксплуатации домов, отдел ремонта.

Вначале управа не имела полной украинской физиономии, затем, когда организовалась «Просвита», она начала добиваться украинизации. Там появились украинцы в своих костюмах. Говорить можно было только по-украински. Появились желто-блакитные знамена. Ходили слухи, что в Киеве будет или Центральная рада, или гетман. Месяца через два-три

видно было, что всякий вопрос о какой-либо украинской автономии отпадает.

Через некоторое время это шовинистическое руководство начало сменяться. Резко шовинистическое руководство было в лице Попова, Дрыги³⁹⁴. При «Просвите» были какие-то курсы. Первый состав не был резко шовинистическим. Сразу через месяц он начал заменяться. Там был руководитель жилотдела инженер Федосеев, который потом начал выискивать себе украинское происхождение. Он жилищным отделом при горсовете ведал, так и перешел.

Потом сами украинцы вдруг начали говорить по-русски. У бургомистра Семененко был заместителем Слипченко. Потом вдруг заместителем стал Куликов, человек с немецкой ориентацией. Потом постепенно желто-блакитные флаги убрали и оставили только красный фашистский флаг со свастикой.

Население к управе относилось выжидательно и тут руководились в основном вопросом голода. В течение первого же месяца определилось, что управа не самостоятельный, а сугубо подчиненный орган немецким оккупантам. Украинцы все-таки продолжали группироваться. Считали, что для советского патриота позорно работать в управе. В частности, профессор Помазанов, физик, работал в научной управе, которая должна была ведать научно-исследовательскими институтами, говорил — это же не есть пресловутая политическая управа, которая состоит при командовании. Некоторые другие так говорили.

Через научную управу, так как я с первых дней никакой работы не имел, мне сказали, что в Сельскохозяйственном институте будут занятия, институт такой будет существовать. Я спрашивал, нельзя ли там взять работу вроде библиотечной. Через профессора Помазанова я попал на работу в сельскохозяйственную библиотеку. Через некоторое время сельскохозяйственный институт разработал целый ряд учебных планов по типу сельскохозяйственных институтов. Там был факультет и растениеводства, и лесной факультет, и земельный. Было объявлено в газетах, что будет функционировать сельскохозяйственный институт и т. д. Но затем из Киева приехал в качестве полномочного представителя граф Менгерзен. В его ведение перешло и сельскохозяйственное образование и научная работа, и моя библиотека. Мы узнали, что он является представителем Ландвиртшафтслихефоршундецентрале — это сельскохозяйственный научно-исследовательский центр. Во главе этого сельскохозяйственного научно-исследовательского центра в Киеве стоял профессор Зоммер, а его полномочным представителем по левобережью Украины был граф Менгерзен, которому подчинялись научно-исследовательские институты в Харькове и Полтаве. Научно-исследовательский центр был прикреплен автономно к сельскохозяйственной группе хозяйственной команды.

После приезда Менгерзена было объявлено, что будет не сельскохозяйственный институт, который уже имел и планы, и публикацию цели, а будет агрономическая школа. Начали печатать в газетах для престижа «Высшая агрономическая школа». На совещании задавали вопросы профессору Зоммеру, будет ли это высшей школой? Он отвечал: это будет сельскохозяйственная школа повышенного типа, которая будет выпускать вполне достойных агрономов-практиков, А дипломированных агрономов мы будем выпускать только по окончании этой школы, когда они проявят себя на творческой и практической работе и по окончании двух факультетов нашей немецкой школы. Ветухов написал статью о сельскохозяйственном образовании и указал, что открывается высшая сельскохозяйственная школа. Он был вызван и ему дано было разъяснение, что это не будет полностью высшая сельскохозяйственная школа. Он через некоторое время дал другую статью, где опровергал себя и давал уточнения. Немцы не намеревались создавать высшую школу совершенно, даже сельскохозяйственную, которую они считали крайне необходимой и единственно допустимой, потому что промышленности на Украине не могло быть.

Гражданское управление было введено в Полтаве и дальше на запад, а Харьков все время находился в ведении военного управления, поэтому в Харькове были Викадо и Штандорткомендатура³⁹⁵. Викадо — это хозяйственная команда по разным вопросам.

Граф Менгерзен вызвал всех руководителей, в том числе и меня в середине октября. Он приехал 25 или 20 октября. Со всеми руководителями познакомился, был в библиотеке, был в институте и т. д. Он сказал мне:

— У нас в Киеве организуется целый ряд научно-исследовательских институтов. Будут самостоятельные институты и филиалы, в частности в Харькове. У нас нет достаточно литературы. Имеется ли у нас литература по организации сельского хозяйства?

Я говорю:

— Имеется.

— Это очень важно будет. Вопрос по организации сельского хозяйства будет отдельным самостоятельным циклом.

Я сказал, что у нас совершенно не освещена постановка этого вопроса в Германии. Литературу мы не получаем с 1941 г.

Он говорит:

— Я вам об этом скажу после Киева.

— Желательно было бы возобновить получение германских журналов, — говорю.

— Переговорю, — говорит, в Киеве с Зоммером и, может быть, можно будет наладить получение литературы. Но имейте в виду, литература только узкой специальности, никакой политики.

В 20-х же числах октября были организованы установочные курсы для губернских и прочих агрономов в Харькове. Они были организованы при управлении графа Менгерзена, а проводились в сельскохозяйственной школе. Он сказал: на эти курсы придут достаточно опытные, компетентные специалисты. Я у него попросил разрешения посещать эти курсы. Он говорит:

— Это отношения к вам не имеет.

— Да, — говорю, — я сам филолог, но мне было бы интересно там присутствовать.

Он разрешил посещать эти курсы и сказал об этом секретарю. Эти курсы продолжались примерно с 20 или 18 октября до 28-го — 10–12 дней. Проводились они в форме отдельных установочных докладов, сначала по общим вопросам, а потом по разделам сельского хозяйства, например, животноводства, растениеводства. На этих курсах присутствовало человек до 100. Я интересовался, кто охвачен. Были тут представители и Курской области, Щигры, Рыльск. Причем, были вызваны и агрономы, и руководители районные сельскохозяйственные немецкие, и руководители Викадо курского, например, харьковского, сумского, в большинстве агрономы левобережья. Много было украинских, русских. Немцы торжественно сидели в президиуме. Там был профессор Зоммер, Менгерзен, заведующий этими курсами, один из германских руководителей, сейчас фамилии не помню, доктор Бокке — директор сельскохозяйственной школы в Германии. Он тоже ведал чем-то на курсах, как будто учебной частью.

Все лекции читались на немецком языке, потому что лекторами были немцы и тут же переводчики переводили. Переводчики были из Киева. Из лекторов русских, украинских был по пчеловодству профессор Потапов из Киева... [Часть текста утеряна. — Сост.] выступил Лисовенко в институте. Он был заместителем директора по учебно-научной части.

Я на одном заседании не был. Говорилось о задачах руководства. В основном была мысль, что до сих пор на Украине и в России существовала резко выраженная специализация в сельском хозяйстве. «У вас были пастухи, были доярки, но у вас не было специалистов по сельскому хозяйству. Поэтому у вас придется резко перестраивать. Доярка только умела доить, пастух умел только пасти скот, поэтому сельское хозяйство шло из рук вон плохо. Когда мы вошли сюда, то встретили здесь наиболее бедное население в Европе, какое мы встречали, пройдя от Норвегии до Греции. Поэтому сельское хозяйство должно быть перестроено, что вам и будет дано в цикле этих сельскохозяйственных лекций».

О научно-исследовательской работе сообщается по материалам доклада профессора, доктора Зоммера, руководителя сельскохозяйственного научно-исследовательского центра на Украине. Сельское хозяйство следует рассматривать как целый биологический организм. Нам

нужны не узко образованные специалисты, а мы готовим полноценных агрономов, ориентирующихся во всех областях сельского хозяйства. Если мы готовили специалистов по одной какой-нибудь области, то они должны развивать свои знания на широкой базе сельского хозяйства в целом.

В советской России исследовательские учреждения по сельскому хозяйству подчинялись не одному центру, а целому ряду инстанций. Это был организационный хаос, который вел к нечеткости и распылению в работе. С немецкой точки зрения, должна быть общность руководства с точным указанием, кому подчиняется и от кого зависит данный институт. Вашим руководящим центром является научно-исследовательский центр на Украине, который разделяется на восточный и южный.

По мысли Зоммера, был намечен к организации целый ряд научно-исследовательских институтов, на которых основным является институт ботаники, институт почвоведения, земледелия и питания растений, институт разведения и выращивания растений, институт животноводства и молочного хозяйства, и ряд специальных институтов по отдельным отраслям, более узким. Он говорил: в дальнейшем будет открыт институт по табаководству в Крыму, хлопководству. И Никитский сад³⁹⁶ также отойдет в наше ведение. Харьков является центральным управлением на левобережье Украины. При нем будет целый ряд исследовательских институтов, которые будут охватывать Харьков и Полтаву. Но все задания, наметки по отдельным специальностям будут даваться только из одного центра — Киева.

В советской России исследовательская работа часто по политическим соображениям отклонялась от биологической точки зрения. Он тут критикует Лысенко³⁹⁷ — «Я имею ввиду работы Лысенко. У него биологические законы поставлены так, что их можно отклонять. Он пытался основные проблемы обойти кругом, но это ему не удалось. Но он добился важных результатов в области законов о влиянии плазмы и других предпосылок на зародыш... Русской науке удалось достигнуть важных результатов в работах Вавилова, Гедройца и Мичурина.

Все вопросы научного исследования, кроме институтов, будут проводиться через селекционные станции и конторы на местах.

В ноябре определилась и была утверждена система сельскохозяйственного образования для Украины. Дисциплины начинаются, обычно, с 7 лет в общеобразовательной начальной школе и заканчиваются семилеткой к 14 годам. Семилетка имеет 4 класса общеобразовательных и три старших со специализированным уклоном. После семилетки поступают в сельскохозяйственную школу двухгодичную. По окончании этой двухгодичной сельскохозяйственной школы проходят один год практики на лучших сельскохозяйственных производствах и получают квалификацию сельскохозяйственного рабочего в какой-нибудь отрасли, который

знает сельское хозяйство и уже на практике специализируется. После прохождения года практики лучшие из этих учащихся могут поступить в специальную сельскохозяйственную школу с годичным сроком теоретического обучения и опять год практики. Эта школа уже выпускает техника по нашему положению. 25% из лучших учащихся специальной школы могут поступить в школу агрономов. Причем, в аттестатах должно быть написано: может быть рекомендован в агрономическую школу. Обучение в агрономической школе продолжается 3 года. Имеет она соответствующие факультеты. Имеет она соответствующие факультеты, в Харькове был агрономический и факультет механизации, — в порядке трехлетнего обучения. В промежутках они имеют производственную практику. В летние каникулярные периоды они проходят или в своем учхозе, лучшие на старшем курсе посылаются по государственным имениям.

Окончившие агрономическую школу и проявившие склонность к теоретической работе, зарекомендовавшие себя как хорошие агрономы по отзыву немецкого руководства могут быть посланы на два года для дальнейшего обучения при германских университетах.

Землеустройство. В феврале 1942 г. было объявлено новое землеустройство на Украине, которое уничтожает все последствия советского режима в сельском хозяйстве. Это сообщал эмигрант, хорошо говорящий по-русски. Он читал лекцию на русском языке. Немецкое управление отрицает колхозы и за исходный пункт принимает переход к индивидуальному землепользованию, но тут же оговаривается: но, так как у вас это было 20 лет, то сначала придется принять за основу колхозы. В новой форме работа будет пока вестись сообща и земля будет использоваться сообща, но небольшими коллективами. Эта земля будет защищена от мелких ограблений. Каждый имеет свой приусадебный участок. Причем, этот участок расширяется и вы можете иметь приусадебный участок от 0,75 до гектара. Кроме того, вы участвуете в товарищеской обработке земли, объединяясь в группы по 10 человек.

Приусадебный участок может быть увеличен за счет хозяйства партизан. Увеличение возможно для тех, кто боролся с партизанами и кто выделялся трудолюбием на своем участке и это увеличивало поставки для немецкой армии. Существовать могут только те хозяйства, которые полностью сдали нормы зерна немецкому государству. В основе лежит обработка земли в виде земледельческих товариществ по 10 человек. Он говорил, что передел для крестьянской земли будет производиться постепенно и у нас намечена цель перестроить 20% крестьянских хозяйств.

Кроме того, имеется в виду 10% оставить разорванной земли в окрестностях деревни, чтобы тот, кто хорошо работает, мог получить к своему приусадебному участку добавочно или взять землю на арендных началах. Эта же разорванная земля будет выдаваться для патриотов, возвращающихся из армии.

Каждый десяток получает землю, закрепленную за ним навсегда. Внутри десятка разрешается отдельным хозяйствам выделять участки для того, чтобы лучше удобрять для индивидуальной обработки. Мелкий инвентарь и скот — у отдельных хозяев. Весь крупный инвентарь остается в ведении МТС³⁹⁸, но МТС утрачивает свой политический характер и остается только как арендная контора, сдаются на арендных условиях трактора, плуги этих десятков, товариществам и т. д.

Все общество держит сообща племенных быков, хряков и баранов. Обществом используются луга и леса.

На вопрос о применении кооперативных товариществ по немецкому образу докладчик ответил, что в наших условиях они не запланированы.

Создать научно-исследовательский институт в Харькове Менгерзену не удалось. Этот институт был, там работы по селекции, генетике велись, но людей не хватало и наших, украинских, и немецких. Из Германии, кроме графа никого не было. Занимались только опытными посевами у себя в саду. У него не было достаточных кадров научных работников и украинских, и немецких. Его заместителем был просто хозяйственный человек, который вел бухгалтерию, умел хорошо приготовить стол из птицы. И время не позволяло, потому что Красная Армия дважды выгоняла их, один раз в феврале, им приходилось бежать, и теперь.

Характеристика графа Менгерзена. Являясь все-таки человеком с научной подготовкой, он умел прививку проводить, отдельные элементы сельскохозяйственной работы. Являясь очень состоятельным человеком, обладал крупным имением, он, пребывая на Украине, проявил себя крупным специалистом, который думал за этот оккупационный период в Харькове не только слоняться и кроме того заработать, нажить известный капитал. Это можно характеризовать такими данными. В период эвакуации из Харькова я был в Полтаве, но точно узнал — у него было несколько машин. Одну машину он продал за 40 млн. 60 тысяч, продал свой птичник.

Приехав в Полтаву, граф Менгерзен поместился в институте кормов, который был в его распоряжении. Так как там не было хозяйственного руководителя, который уехал в отпуск в Германию, то граф Менгерзен разыграл там из себя хозяина и провел полную ликвидацию этого института. Причем, все, что касается урожая зерна, скота и т. д., все это он и Зоммер, его лейтенант Влезер сдали соответствующим полтавским организациям. 100 тонн зерна, весь племенной скот в количестве 800 голов угнали под руководством Влезера, которого туда снарядили, а граф остался для ликвидации остатков и в порядке ликвидации остатков взял все лабораторное оборудование, а затем продавал тех же гусей, уток, но уже дешевле, чем в Харькове, по 300 рублей и зерно. Такая распродажа продолжалась до 18 сентября. 19 сентября он эвакуировался, а 23-го Полтава была освобождена. Уехал он, набив целый чемодан денег. Причем доходило до курьезов. Как-то спрашивал шофер, нет ли у кого-нибудь из

работников советских денег. Они уехали из Харькова, захватив зарплату сельскохозяйственного института. Во время отъезда оборудование лаборатории, часть библиотеки забрали.

Из работников с ним очень мало эвакуировалось, из преподавательского состава один, заведующий опытным полем Приходько, потому что с ним поехал его сын, которого он спасал от армии. Из Института кормов выехал профессор Михайловский³⁹⁹ и Литовченко. Литовченко не думал уезжать, но у него сын был в Лубнах, ему нужно было взять сына. Он поехал, жена погрузилась на подводу. Они на этой арбе поехали. Думаю, что он все-таки вынырнет когда-нибудь, если ему удастся.

Сельскохозяйственная библиотека центральная сохранена полностью. Удалось ее пополнить еще тысяч на 80 за счет 11 частных библиотек, которые оставались, и за счет брошенных институтов. Также полностью сохранена фундаментальная библиотека Сельскохозяйственного института, причем фундаментальной библиотеке удалось сохранить всю библиотеку университета Артема. Она была снесена мною в подвал, выход завален и все комиссии, которые были, до подвала не дошли. Во всех остальных библиотеках Харькова вывезен весь газетный фонд и периодика с 1917 по 1941 год. У меня ничего не вывезено, кроме той части, которую отдельные сотрудники брали, может быть, газеты на заворачивание пайков и т. д. Изъята военная литература специальной немецкой комиссией.

7 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 1–4 об. Оригинал, машинопись).

№ 13

Из стенограммы беседы, проведенной с сотрудником Химико-технологического института Ниней Андреевной Веретенченко

У меня мать и свекровь не могли выехать, поэтому мы остались. Мне казалось ужасным встретить первого немца. Когда они вошли в Харьков, мы со свекровью шли по Пушкинской улице, но они были заняты собой и не обращали на нас внимания. Нас они не касаются, значит, все в порядке. На другой день немцы пошли искать оружие. Думаю: боже мой, что будет! Мы знали, что они варенье любят, чай приготовили, чтобы не так трогали. Зашли немцы, посмотрели комнаты, неплохие немцы, рабочие. Стали показывать фотографии своих семей и ничего. Значит, все в порядке. Как раз грязь была, привоза продовольствия не было. Немцы начали свою инициативу проявлять, продукты брать. Первые немцы даже не смо-

трели ничего, вторые начали лазить по шкафам, шифоньерам, забирали яички. У нас они ничего не взяли, потому что мы попрытали, а понемногу всего было незаметно. Особого обыска у нас не делали, а у соседей забрали и картошку, и макароны. Потом стали вещи отбирать, скатерти забирали, простыни, но мы это считали чепухой, потому что у других гораздо больше забирали. Начинают рыться в шифоньере. Туда я повесила пальто плохое мужа, — он в Красной Армии, — они не взяли его.

Потом приехала к нам один раз компания (часть), две ночи ночевали. В нашей квартире было два унтер-офицера, один был баварец молодой, другой — австриец. Они сидели и рассуждали о войне. Немец говорил, что победят, будут так и так жить, восторжествует Германия. Австриец по-другому рассуждал, что война продлится долго.

Что на меня подействовало? Первое время пошли мы радио слушать на площадь и на глазах повесили партизана, прямо днем. Мы слушаем радио и вдруг, я никак не могу понять, барахтанье и крики семьи этого человека. Я смотрю, надпись: «партизан». Публика моментально разошлась.

Немцы перестали давать продукты, и люди стали пухнуть, здесь все дорого было. Потом стали ходить менять на село. Первое время очень многие умерли. У нас в институте очень многие уехали в Полтаву, Сумы, потому что здесь невозможно было жить. На второй, третий год люди приспособились, кое-кто открыл торговлю, а первый год вообще ужасно было. Когда приехала к нам первая компания, говорят: «Идите, берите суп у нас». Они, оказывается, видели, как по дороге в Харьков шли люди и терзали лошадей.

Я пошла на базар и, смотрю, повешен человек и надпись: «Продавал человеческое мясо». Очевидно, были случаи, что продавали человеческую печенку, сердце.

Не помню, какого числа я ходила к вокзалу к своим знакомым. Обратно возвращаясь, невозможно идти по Екатеринославской. Почти на каждом перекрестке висят по 2–3 повешенных. Какая-то старушка идет и падает, ей дурно. Я сама шла и чуть не падала. Какая-то девочка бежит, кричит: «Папочка, папочка!». У них заложники были и этих заложников вешали.

Вода у нас первое время очень далеко была. Через парк идешь. Там были столбы, где гамаки раньше вешали, и на каждом столбе, на уровне человеческого роста — кровь. Очевидно, они расстреливали.

Первые дни идешь по улице, видишь — инженер с какой-нибудь, мужчина какой-нибудь уважаемый везет воз с навозом. Человек десять их везет, а немец дубинкой колотит. Потом к этим картинкам даже и привыкли. Вода ужасно далеко, носишь за два километра. Внесешь на горочку, немец у тебя воду заберет. А что было с евреями, я никогда не забуду.

Потом началась регистрация на бирже и направляли в Германию. Написано «добровольно», а дальше «за неявку отвечает по законам военного времени». Первый эшелон, может быть, добровольно ехал, т. е.

ехали такие, которым дома нечего продавать — так поедем, хотя бы спасем жизнь. Когда поехала пара эшелонов первых, узнали, что там ужасно, обратно приезжают больные, опухли. Тогда немцы стали посылать насильно, ловили по городу. Была возможность откупиться. Я, например, откупилась. В один прекрасный день я получаю повестку. Нужно было иметь определенную болезнь. Не брали сердечников, с болезнью печени. Я пошла к врачу русскому. Он был у нас в управе главным, заведовал санитарным отделом. Он не принимает, «приходите, — говорит, — ко мне в управу». Я прихожу и говорю, такие и такие дела, помогите мне. Я ему заплатила 500 рублей всего. Перед этим у меня была справка от одной врачихи, и она написала мне столько болезней, что я просто инвалид. Кроме этой справки и он написал. Потом он говорит, что нужно еще комиссию пройти. Я думаю, что если пойду в поликлинику, там меня, конечно, не признают больной. Пошла прямо на биржу, а там врач, его подчиненный. Она посмотрела на подпись, послушала меня, улыбнулась и написала: «Для физической работы непригодна». Я пошла с этой справкой к бургомистру, он положил печать — освобождена по болезни.

Весной немцы открыли дом терпимости. Как-то я сижу у маникюрши и какая-то дама вульгарная, лет под 40, паек носит и соблазняет девушек. Подходят на улицах и говорят: «Хотите хорошую работу иметь и хорошо питаться? Будете гулять, одеваться...» и все такое. Если умные, они поймут, что такое. Разные люди есть, одни пойдут, другие — нет. Они предлагали 3 тыс. рублей в месяц. Я этих домов не видела. Говорят, что были они где-то в Лесопарке. Перед отходом у них был на Юмовской дом терпимости. Стоит солдат, часовой. На Сумской, 6 был. Все солдаты знали, что им на Сумскую, 6 вход воспрещен.

Там в основном женщины простые были, какие-то вульгарные девчонки, плохо одетые. Они работали на немцев. Но у них было невозможно работать, это какая-то банда. Когда поступишь к немцам — гарантия, что от них не посылают в Германию. Там невозможно работать. Во-первых, они претендуют на сожительство. Среди простых немцев есть приличные люди. Один офицер немецкий говорил: «Да, это такая публика. Они из себя воображают и позволяют все, что им вздумается». Я пошла к своей приятельнице, а у нее соседка живет, которая поступила в этот дом буфетчицей. Она не знала, что это за дом, говорит: «Там пьют, гуляют». В конце концов, она догадалась и ушла. Говорила, что там страшно вульгарные женщины.

Моя приятельница никак не могла уйти от немцев. Они угрожали ей отправкой в Германию. В один прекрасный день она ушла, так они ночью приехали. Стучат. Она открыла, а это из их компании. Как она вышла в халате, они ее схватили и увезли. Я не знаю, что там было, но она со второго этажа выпрыгнула и оттуда ушла. Другая тетка там работала,

не открыла, так они ей стекла побили. На работу к немцам можно было поступить только молодой и красивой. Если отказываешься от их ухаживаний, так выгоняют, потому что на их месте тысячи.

В один прекрасный день меня вызывает в институт какой-то военный немец. Я перепугалась. Прихожу. Директор наш сидит — прекрасный человек. Меня вызвали в гестапо, спрашивают о знакомых, с кем встречаюсь. Я думала, что спрашивают о знакомых немцах. Я говорю: «Может быть, вы думаете, что сожительствую с немцем, так таких у меня нет. Может быть, вы не поверите, но у меня условий нет, я со свекровью живу». Они начинают допытывать: «А еще кто был знакомый?».

Я как-то шла из института с одной профессоршей, разговариваем. Я ей говорю:

— Завтра вы обязательно приходите.

— Хорошо, — отвечает.

Вдруг два немца. Один из них говорит:

— Нет, завтра она не придет, — по-русски.

Это оказались грузины. Спрашивают, как выйти к Госпрому. Я им показала. Они начинают меня расспрашивать и выражать недовольство немцами. Я говорю:

— В конце концов, они чужие люди, чего же вы хотите?

Потом я прохожу свою улицу, даже дальше:

— Ах, — говорю, — товарищи, я заговорила с вами, — и пошла своей улицей.

Один из них говорит:

— Разрешите к вам прийти?

Я дала свой адрес. В общем, они не приходят, не приходят, а в один прекрасный день пришли и сразу начинают откровенничать. «Вот, — говорит, — никто не может понять, что нам пришлось этот маскарад одеть», рассказал, что они с голоду пропадали. Грузин — офицер. Рассказал, что когда их повели на экскурсию, стоит какая-то красивая радиоло. Немец обращается, спрашивает, что это такое. Они говорят — не знаем. Тогда он на пианино сыграл.

— А это что такое?

— Тоже, — говорят, — не знаем.

А потом этот грузин спрашивает:

— Мне можно сыграть? — и сразу сыграл седьмой вальс Шопена. Это страшно удивило немцев. Немцы учили их как кушать. Это их страшно возмущало.

Они стали спрашивать:

— Не знаете ли вы, где здесь семьи коммунистов? Наш батальон вооружен до зубов и может в любой момент повернуть свое оружие. Когда была эвакуация, — говорит, — наш батальон сразу эвакуировали, не доверяют.

Это знакомство было уже весной 1943 года. Они были войной недо-вольны. Говорят:

— За 25 лет Сталин не научил себя так любить, как Гитлер за полто-ра года научил любить Сталина.

Я уверена, что они искренне говорили. Говорили, что в Киеве у них есть организация, а здесь никого нет.

Я пошла на службу, рассказала, а свекровь еще кому-то. Меня допра-шивают:

— А еще кто был у вас в доме?

Говорю:

— Вот, грузины.

— О чем с ними говорили?

Говорю:

— Пришли, обижались, что от своих отказались, и немцы так к ним относятся, — в очень легкой форме говорила. Фамилии их не называла.

— Они говорили, что победит революция?

— Так они не говорили, а говорили, что могут не победить ни рус-ские, ни немцы, а победит Англия. Но, — говорю, — особенного ничего не говорили.

Меня выпустили сразу.

— Идите, скажите своему директору, что вы освобождены, но мы нас еще позовем.

Я прихожу, встретила профессора Дружинина, говорю, что я им не-правду сказала. Видно, они сейчас же за мною послали шпика. Мы сто-яли на площадке, рядом — густая акация. Человек, который от них шел, видно, эти слова услышал. На следующий день рано утром приходят с об-ыском. Меня приглашают в гестапо и сажают в клетку. Немец говорит:

— Ты брехала, поэтому у вас вынужден посадить.

Обувь у меня забрали, мыло, еще советское. Через некоторое время мою свекровь арестовали. Потом начинают спрашивать про этих грузин. Но, видно, их эти грузины не интересуют.

Первый год, как только пришли немцы, я была у портнихи. Вдруг, какой-то немец пришел, обращается ко мне по-русски.

Я говорю:

— Как вы хорошо по-русски говорите.

— Я у русских работал, — отвечает, — в НКВД. — Говорит, что он ненавидит советскую власть и работает в пользу иностранной раз-ведки.

Я пришла, своей свекрови рассказала, в институте. Он говорил, что было предательство на границе, и он был там, принимал участие. У меня спрашивают:

— А вы знаете Морозова Николая?

— Да, — говорю, — знаю. — Рассказала, как познакомилась с ним.

Они не верили, что можно говорит, что он работал шпионом, что теперь в разведке работает. Потом вызвали портного. Портной подтвердил.

Когда свекровь допрашивали, там сидел русский полицейский. Немец приказал ему выйти. Он не хотел, чтобы при полицейском шел разговор о грузинах.

Я просидела там целый месяц. Раз пять допрашивали. Все спрашивали о знакомых. Что мой муж в Красной Армии, знали, у меня и документы были. Профессора Дружинина вызвали и спрашивали, что я ему сказала. У меня тоже спросили, что я сказала профессору. Я говорю, что сейчас такое время, что лишнего нельзя говорить.

— И вы выдержите очную ставку с профессором Дружининым?

— Да, выдержу.

Его спрашивали, что я ему сказала, какого я поведения. Тот сказал, что Веретенченко — очень хороший товарищ, очень хороший работник.

— Она вам сказала, что ребята молодые, их жалко?

— Что вы? Она мне сказала, что время тяжелое.

Нас не били, но там из-за пустяка били. Какая-то женщина лежала, умирала. У нее мальчишка лет десяти наносил патронов и у нее радио поломанное нашли, так ей приписали, что она передала что-то советам. Ее, видно, несколько раз избивали и у нее заднее место гнило. Она сидела в одиночке, и я ей несколько раз суп передавала. Полицейские били нагайками резиновыми с железкой. Крики раздаются. Кормили ужасно. Пухли от голода. Ребятишек много.

— За что сидишь?

— Да, говорят, что партизан.

За неделю 200 грамм пшенного хлеба давали и баланда какая-то. Хлеб цвельный. Его бросают в суп — и он как лягушка плавает. Два раза, утром и вечером, давали горячую воду.

Свекровь тоже месяц сидела, но в другой камере, чтобы мы не сговаривались. Нам говорили:

— Имейте в виду, что вы будете долго сидеть. Дело ваше не закончено, и мы можем вас еще раз вызвать.

Допрашивали, приезжал ли мой муж. Там много девушек комсомолок сидело. У них нашли дневники. Они, глупые, даже не прятали.

Против дома моей мамы стоял штаб австрийский. Один офицер видит, что моя мама ходит с узелками, спрашивает, куда она ходит. Узнал, что я сижу, поехал в гестапо. Узнал, почему я сижу. Ему сказали. Говорят: «Да, пришли со службы, сказали». Кто-то у нас был на службе, кто доносил, но я голову ломаю, не могу узнать, кто это был.

Когда первый раз немцы пришли, хвалились, что до Орла дойдут. Они на людей не смотрели, особенно офицеры. Я и подруга ходили, интересно же, какие немцы. Такие — надменные, лощеные. Он не посмотрит, не плюнет. А потом привыкли, стали засматриваться. У меня свекровь

по-французски говорит. Когда они в дом заходили по-французски говорили. Когда они уходили, сказали, что через три недели вернутся, что им фронт открыли итальянцы. И, действительно, через три недели они вернулись, но другая армия. Мы видели 6-ю армию. Потом зашла армия совсем другая. Смотришь, немец это или нет? Там и румыны и итальянцы.

Этот австриец, который ходил в гестапо узнавать обо мне, Франц, симпатичный человек. Он обыкновенный служащий. Говорит:

— Я эту войну не понимаю. Конечно, мы войну проиграли. Наше правительство очень много ошибок сделало.

Они поняли, что русский народ любит ласку. Нельзя было победителям заходить сюда, как они пришли. Немцы не учли сил Англии и Америки и вообще, разве можно проводить такую политику с евреями. Это оскорбительно, что арийская раса господствует надо всем. «Ужасно много, — говорит, — было ошибок». Я спрашиваю:

— Франц, как вы смотрите на поведение итальянцев? Это неприятный сюрприз для вас, что Муссолини получил отставку?

— Это, — говорит, — не неожиданность для нас. Мы ожидали этого.

— Это пахнет сепаратным миром, — говорю.

Он подумал, подумал, говорит:

— Сейчас нет, а в будущем возможно. Мы не можем в этом году не закончить войны.

Потом он говорит:

— С Харьковом будет то же, что со Сталинградом, нужно уходить.

Я говорю, что у меня муж, куда же уезжать?

— Ну, ваш муж всегда вас найдет, а вы должны свою жизнь сохранить.

В один прекрасный день он приходит и говорит:

— Не волнуйтесь, Харьков будет сдан без боя, и вам лучше здесь остаться.

Когда заходили немцы второй раз, в доме, где живет мама, в доме металлистов, русские оказывали сопротивление. Получилось так, что нагорную часть Харькова заняли раньше. Подруга приходит и говорит:

— Нина, идем к родным, — а наши родные там жили.

Идем по нагорной части. Там много немцев, кашу варят, разговаривают. Мы дошли до горки, все спокойно. Дошли до Шатиловки, здесь пулемет. Мы спрашиваем немцев, можно ли пройти, говорят — можно. Идем, ни души нет. Идут какие-то солдаты, револьверы в руках, гранаты. Я говорю:

— Ира, посмотри, занимают улицу уже.

— Кому ты нужна, они даже пулю на тебя пожалеют потратить.

Доходим до угла. Там офицеры сидят, едят что-то такое. Заходим в переулок, смотрим, танк идет. Они посмотрели-посмотрели, но ничего. По закоулкам добегаем до дома. Видим, дом стоит, как стоял. Я подбегаю,

лежит красноармеец, возле дома люди как снопы лежат. Думаю, что такое? Красноармейцы все в ватниках. Какая-то женщина лезет из подвала. Спрашиваю:

— Что у вас такое?

— Да что же, всех мужчин нашего дома побили.

А тут мой папа и Иркин. Подбегаю, лежит старик с бородой, армянин. Я боюсь отца найти в этой куче. А их лежит много, кровь течет. Я и боюсь увидеть отца, с другой стороны, ищу. Забежала в шестое парадное и кричу, чуть со мною обморок не случился. Мне говорят:

— У вас все в порядке, ваш папа дома.

Немцы зашли в седьмой подвал и всех мужчин перестреляли. Все были с документами, у всех сыновья в Германии, они работали на немцев. Мама рассказывает, что когда немцы зашли, у них были такие огненные глаза и все хватали в доме, вплоть до носков. Этих убитых не хоронили несколько дней. Я зашла домой, папа колотится, синий, он случайно уцелел.

Когда наши отошли, в госпитале раненые остались. Мы пошли туда, чтобы им помочь. Там были наши врачи. Какая-то сестра говорит:

— Я пришла от немецкого командования, чтобы помочь вам.

Мы обратились к врачам, спросили, чем можем помочь. Они сказали, что нужна физическая помощь, нужно приготовить раненым пищу. Продукты есть, нужно только сварить. Мы вернулись домой, сварили в выварке еду, принесли раненым, накормили их, а вечером этот госпиталь какой-то хулиган сжег.

7 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 127–129 об. Оригинал, машинопись).

№ 14

Из стенограммы беседы, проведенной с Анной Иосифовной Черненко

1900 г. рождения, а по паспорту — 1894 г. До войны мы жили на Сумской... Я домохозяйка. До замужества работала на макаронной фабрике 15 лет, 5 лет — на табачной. Потом замуж вышла, заболела туберкулезом и работать не могла. Получала пенсию, пока муж был студентом, а потом отказалась от нее. Мой муж, И. И. Черненко был доцентом здесь, окончил Харьковский технологический институт и утвержден доцентом кафедры машиностроения.

Начало войны очень нас огорчило, конечно, волновались, врага боялись, неприятно было. Мой муж до войны болел целый год воспалением

мозга, он и сейчас болен, работать ему много нельзя. Он раньше читал очень много лекций, а потом врач запретил. Последнее время ему дали работу дома. Он проверял работы студентов, и раз в месяц читал лекции. Когда он нагибался, слеп. Война на нас очень отразилась. Правда, он все время говорил, то мы победим. Мы хлопотали об эвакуации. Нам было даже выдано право на выезд, а посадки не дали. Я на станции три дня ночевала. Меня затолкали, я чуть там не сдохла, а муж лежал больной. Его нужно было на носилках нести и погрузить в вагон, но у нас не было такой возможности.

До последнего дня думали, что выедем, но о нас забыли, и пришлось остаться. Муж мне говорит, чтобы яехала, но как я могла больного мужа бросить, говорю: лучше погибнем вместе. Откровенно скажу, что я не ожидала такого зверства. Думаю: буду дома сидеть. Чтобы меня убили, я этого не могла себе представить. Поскольку я была женой русского, думала, возможно, ко мне не будут применять репрессий. Я успокаивала мужа, а он еще больше нервничал.

Немцы пришли. На второй день я прочитала их объявление, что взят Харьков, жида да жида, комиссары. Пришла домой, ему ничего не сказала. Он спрашивает, что такое? Говорю:

— Ох, и написали! — и вся дрожала.

Ему нельзя было вставать. Все-таки он встал, пришел расстроенный, плачет, говорит:

— Нужно было хотя бы пешком идти.

Я говорю:

— Куда идти? Зачем искать смерти, она нас и тут достанет.

Кто ни придет, все — жида да жида. Начался арест евреев, видишь, убитых жидов. Жид не так сделал, не так сказал.

Муж читал газеты, говорил, что их дела неважные. Пусть они взяли Харьков, еще несколько городов возьмут, но это ничего не значит. Как-то была хорошая погода, мы пошли к обкому слушать радио. Они там что-то говорили, что, где немецкая нога ступит, красным уже не бывать. Мне муж говорит:

— Ты не обращай внимания.

Потом слышится голос, что жида, начиная от 14 лет, все должны носить белые повязки, а те, которые не будут подчиняться этому, будут или расстреляны, или повешены. Я просто не могла там стоять. Говорил-говорил, вдруг послышались крики со всех сторон. Мы увидели, что вывели трех мужчин в полумасках и начали их вешать на балконе. Все побежали, не знали, куда бежать. У меня ноги, как резиновые стали. Муж меня еле повел до дома. Дома плакали и жалели, что не ушли.

Немцы пришли 23 октября, а 14 декабря было вывешено объявление, что все жида, не взирая ни на их возраст, ни на положение, ни на брак, крещение, должны выехать на Тракторный. Кто не исполнит приказа,

будет расстрелян. Срока давали один день. Все жида должны были выбрать уполномоченного. Выбрали уполномоченным профессора медицины Гуревича⁴⁰⁰.

Я пошла по воду. Мы жили на Технологической, у мамыши. Немцы все время забирали воду. Я заберусь наверх, они отберут. Думаю: принесу я когда-нибудь воду себе или нет? Пошла окольным путем. Иду, смотрю, муж расстроенный ходит и плачет. Думаю: что случилось? Может быть, немцы его в заложники взяли за что-нибудь. Он идет с профессором Терещенко. Я спрашиваю:

— Что случилось?

— Ничего, ничего, иди домой, все уладится.

Потом я вижу объявление. Как прочитала его, в ужас пришла. Думаю: Ну, конец моей жизни пришел! Но мне как-то все было безразлично, надоел голод. На базар пойдешь, как будто у тебя на носу написано, что ты жидовка.

Приходит домой муж, говорит:

— У профессора Терещенко зять еврей. Мы будем совместно хлопотать, чтобы оставили, или чтобы мне разрешили быть с тобой.

Это было в субботу. У нас еще две соседки еврейки, одна — учительница, одна — жена красноармейца Берта Зеленецкая и Дора Марковна Майзенберг.

В воскресенье мы встали рано утром все и пошли к Гуревичу. Он жил на Пушкинской, 3. Около его дома народ. Там был профессор и доктор физических и математических наук Александр Эфрос. Он подошел к мужу и спрашивает:

— Ну, как? — Говорят, что нет транспорта, а там 20 верст.

Вышел профессор Гуревич, старичок, тихо говорит, стал на балкон. Я ничего не слышала. Муж пробрался ближе и услышал, что транспорт обещают, 60 машин, но в один день перевезти 16 или 13 тысяч не удастся, так что, кто имеет маленькую возможность, пусть сам устраивается. В первую очередь, говорят, конечно, будем обеспечивать детей и стариков. Мы это услышали, пошли домой собираться. Из вещей ничего не велели брать, только пищу на пять дней. Каждый, конечно, брал все, что мог, а были такие, что все брали и оставляли совершенно пустые квартиры. Я взяла только постель, немного белья, 2–3 платья, еду на неделю. Да у нас тогда ничего не было. Картошки еле достали за хороший платок. Бураков наварили мне, потом воды вскипятили.

Пустились в путь. Сбили саночки мы трое. Муж меня проводил. У одной женщины была девочка. Она оставила ее свекрови. Девочка говорит:

— Я с тобой буду.

— Ну, куда ты, Лизочка, пойдешь. Если хорошо будет, я скажу бабушке, чтобы она тебя привезла.

Мы еле добрались к вечеру. Я по дороге встречала повозки с лошадьми, ехали люди на таких же санях, как у нас, целый поток людей. Уже по дороге начался грабеж. Отбирали хорошие вещи у людей, кровати хорошие, ковры. На месте немцы останавливали и забирали. Когда мы уже в поле были, ближе к Тракторному подбирались, там срывали платки хорошие, кофточки теплые, белье. Начали погромничать. Забрали пищу у людей, сахар, муку.

Муж хотел проводить меня до места, я не хотела. Около больницы стояла скамейка. Мы сели. Я говорю:

— Ваня, иди домой.

Он в ноги мне упал, заплакал и говорит:

— Хочу узнать, как ты там будешь.

— Иди домой, мне не будет легче, если тебя застрелят. Приду на место, дам знать тебе. Чтобы ты не ходил.

Он дал мне слово, что не пойдет.

— Ты, — говорю, — мне там ничем не поможешь, а тут можешь помочь.

Мы расстались, очень рыдали.

К вечеру мы добрались. Приехали туда. Боже, что там такое! Летние деревянные бараки. Калу было полно, как будто нарочно набрали. Мы должны были убирать. Наехало полно детей, стариков. По дороге старые уже падали. Многие умирали там. Публика голодала. Там и бедных было очень много, даже нищие, видно. Многие старики падали и умирали. На них уже никто не обращал внимания, каждый думал, как бы добраться скорее, сесть и отдохнуть. А мороз был кошмарный.

Мы нашли уголок, убрали. Знакомые мои встретили там тоже одну знакомую. Она 25 лет крещена, Вера Ильинична Пейцец или Кейпиц. Муж ее тоже был крещен, но его раньше убили как заложника, инженер. Очень симпатичная женщина. Она нас приютила. Она приехала со всем имуществом своим туда, поставила свою тахту, и я на ней спала. У нее стол был, сундук.

Всю ночь ехали туда с детьми. Снег шел, холодно было, не топили, окна разбиты. Сами забивали, чем попало. Пришла одна машина, приехал Гуревич. Были еще машины, но частного порядка. Ехали туда люди зажиточные, врачи, инженеры, торговый мир, а так, чтобы средств, предоставленных германским командованием, мы не видели.

Я была в шестом бараке, зять Терещенко был в каменных бараках. Там хорошие бараки, маленькие, уютные. Может быть, туда привозили на машинах, я не видела.

Мне и сейчас ночью иногда становится страшно. Особенно вспоминается один. Его поставили головой вниз, и я до сих пор не могу забыть его открытых голубых глаз.

Мы приехали 15-го. Всю ночь ехали. На утро, смотрим, трех мужчин убили. Говорят, один русский. Я выбегаю. Мне показалось, что Иван пришел. Мне кричат:

— Куда вы идете, вас застрелят!

Один посмотрел в окно, немец выстрелил — и дырка осталась. Один русский принес продавать корзину, в ней вареная картошка, кусок хлеба, редька и морковь. Это заметил немец и выстрелил. Там был бугорок и он лежал. Пока я добежала, думала, что умру. Посмотрела, рыжая шапка и лысина. Вижу, что не Иван. Он упал ничком, стонет. Немец подошел, наступил на него. Кровь хлынула, и он сразу умер. Я больше не видела и ушла.

Все стали волноваться. Не выбраться нам уже отсюда. Вот и правда, что говорило Информбюро. Евреи стали молиться. Все думают, как же быть, что делать. Часа в 2 видим, идет человек 18 женщин и мужчин, лет по 20–18. Забежали они в бараки и начали бить, издеваться. Одна еврейка ни за что не хотела отдать кольцо. Чуть ли с пальцем у нее не вырвали. Она кричала, плакала, все-таки сорвали. У меня был хороший платок, сверху же я была закутана беленьким платочком и воротник подняла у пальто. Они меня не тронули. Я сидела на стуле и думаю: если они подойдут, буду чем попало бить, хотя одного убью, так не сдамся.

У одной был голодный ребенок, и она с собой взяла банку масла для ребенка. Забрали. Она просила, плакала, но ничего ей не помогло: «Молчи, жидовка!», всякую гадость говорили. Забрали, ушли.

На третий день нас пустили по воду. Каждый день — выкуп, а то не пустят выносить ведра, ночники. Там стоял такой запах, что можно было задохнуться — 60 человек в маленькой комнатухе.

Мы выбрали старосту. Он заходит и говорит:

— Ну, тринадцатый номер, галоши, во что бы то ни стало, и сколько бы это не стоило.

Начали искать по всему бараку галоши. Где-то нашли. Другой заявляет — хочу только то-то. По 5 рублей каждый обкладывался, и покупалась нужная вещь. Тогда разрешалось идти по воду 10 или 15 человекам из барака, разрешалось выносить покойников, потому что в бараке 5–6 человек умерло от голода.

Люди как-то ухитрялись, пойдут по воду и купят там картошки, а кто с собой привозил. И вот они на снегу, на кирпичах устраивали костры и варили картошку. Когда выносили утром кал, немцы заставляли евреев наливать в эту пищу мочу и кал и радовались этому. У них была какая-то определенная черта и по этой линии можно было ходить, а по этой — нельзя. Если наступишь, стреляли. По воду не всякий мог идти. Стариков и мужчин не пускали из барakov. Их заставляли только расчищать снег с утра и убирать покойников. По воду ходили только женщины. Посчитают вас штук 10 из барака и идут и часовые по бокам. Отсчитывали людей, выбирали старшего, и он отвечал в случае, если кто-нибудь убежит.

Потом пришел староста и говорит, что, кто пойдет на базар покупать продукты себе, тот будет расстрелян. «И я, — говорит, — за это не буду

отвечать». Одна женщина, у нее трое детей, очень интеллигентная, пошла по воду, забежала на базар и купила бураку, морковь и редьку, положила в ведро, засыпала снегом, а в другое ведро влила воду. Часовой заметил, что у нее в одном ведра снег, подошел:

— Ком, ком!

Она показывает, что этим снегом голову будет мыть. Он ее толкнул, высыпал из ведра снег, как собака зарычал: «Ага!», выстрелил, наступил ногой. Она захрипела.

Нас проводили, мы пришли с водой. Я не знаю, как мы тогда дошли. Она долго лежала, чтобы ее видели все, и ведро там стояло и бураки.

Потом стало невыносимо. 26-го зашел староста и говорит, что до 1-го, сказали, чтобы ни одного жида в Харькове не должно быть. Все должны выехать. Выбирайте: Лубны, Ромодан и Полтава, пишите. Я думаю: как же я буду писать, не договорилась с мужем, куда я поеду. Что же, тут умирать? Я говорю, что паспорт не взяла. Передам, чтобы муж мне прислал его и записываться еще не буду. Староста говорит:

— Ну, смотрите, вас тогда насильно...

— Пусть насильно, — говорю, — все равно здесь насильно. Нам не привыкать.

А там был инженер Гринштейн. Жена его, Эльза Августовна, латышка. Она как-то пробралась к нам. К ней пришел студент, муж просил его передать письмо мне. В него тоже стреляли, он еле меня нашел, передал письмо. Когда они увидел, как я там страдаю, дал мне сто рублей. Я говорю:

— Что же сто рублей, если на базар не пускают, — а еду нельзя было носить.

Я убедительно просила, чтобы муж ни ногой сюда. Студент говорит:

— Да, я знаю. В меня самого стреляли.

Я написала мужу, что, если можно будет, так я ему передам с кем-нибудь, чтобы он пришел куда-нибудь на свидание, поговорить. А муж мне писал, что он, Терещенко хлопочет. Им все обещают. Я только не хотела его огорчать, но видела, что все это бесполезно, надо просто бежать. Но нужно было уловить момент, т. к. за нами было строгое наблюдение.

Пришла Эльза Августовна Гринштейн, принесла мужу и зятю Терещенко передачу. Туда было очень рискованно проходить. Это было две версты от нашего барака. Я решила передать эту передачу. Гринштейн говорит:

— Хотя бы сплотились все и встали против них.

Если бы сюда высадился советский десант, мы бы с ним ушли.

Когда я несла передачу, так там были щели. Смотрю, эти щели полны мертвых и слышны стоны. Один мальчик лет 16 стоял на четвереньках, головой вниз. Худой, все, как на вешалке, висело, в синей лыжной блузе и брюках, смотрит, уже мертвый. Куда ни посмотрю, все на меня смотрит.

Захожу, зять Терещенко сидит. Комнатка у него маленькая была, чистая. Он говорит:

— Я прихожу, посмотрел в окно, часовой как выстрелит в меня и я, — говорит, — теперь уже сижу. Пришла, — говорит, — наша ласточка, — сел и заплакал. — Верите, — говорит, — Ася, я никогда не плакал, а сейчас плачу. Сидишь такой беспомощный и не знаешь, куда податься.

Он очень надеялся, что его спасут.

Я с ним поговорила. Я ему всегда воду приносила. Говорю:

— Знаете, я решила бежать. Что будет. Если меня в городе убьют, так это для меня счастье. — Там вши, кал, запах, покойники. Мне там было тесно умирать.

Я уже ничего не хотела. Расцеловалась с ним, говорю:

— Вы меня не увидите. Я, наверно, убегу и вам советую. Если туда попаду, скажу, чтобы вам прислали соответствующее платье, может быть, паспорт вам достанут куда-нибудь удрать.

Когда уходила, долго стояла в коридоре, потому что немец все время крутился, как коршун и я боялась выйти. Они не пускали, сейчас же спрашивают, почему сюда ходишь. Нельзя было из барака в барак выходить. Решила, что будет то и будет. Вышла и пошла. Полею надо идти. Еле пробралась. Стреляли, но не в меня, видно. Я пробралась и сказала Гринштейн, что больше не пойду, боюсь. Гринштейн тоже собрался бежать. Эльза Августовна обещала ему принести платье, чулки, платок, Он говорил:

— Ну, я буду похож на старую украинку.

Он меня успокаивал, говорил:

— Ничего, наши нас не оставят, знают, что мы в таком положении. Посмотрите, вот-вот высадится десант.

Мы ожидали, что помощь к нам придет.

Числа 25 часов в 6 вечера раздались душераздирающие крики. Мы стали прислушиваться. Только видишь тени, выходят и стреляют, стреляют. Настреляли кучу громадную. 25 мужчин вывели. Душераздирающие крики женщин и детей. Рано утром наш староста вышел и всех мужчин мобилизовал убирать трупы. Мы спросили, за что их расстреляли. Он такой был злой, он же сам погибал, говорит:

— Что вы спрашиваете, я знаю, за что?

Мужчины убирали трупы.

Уже стали записывать на отъезд. Что брать? Ничего не брать, только один рюкзак, на пять дней пищи, больше ничего. Тут уже все начали готовиться. У кого было, тот себе готовил, а у кого не было, не готовил. Спрашивали, можно ли пойти на базар, купить что-нибудь?

— Нет, на базар нельзя. Нет пищи, значит, нет.

Уже тогда поняли, что это не так, что никуда везти не будут, но все-таки еще питали кое-какие надежды.

26-го в 11 часов дня подъезжают три машины. Одна машина черная, вроде железной, и одно окошечко с решеткой, а две — серые, закрытые, как хлеб возят. У всех оторвалось внутри. Кто — собрался, пошел, а кто не записался — стал в стороне. Немец подошел к одному из записавшихся, вырвал рюкзак и в машину пихает, а потом начал толкать и не записавшихся. Набили полную машину и отправили. Тогда поняли, в чем дело. Из нашего барака девочка одна попала, мужчина средних лет, потому что внучка его туда нечаянно попала и он за ней.

Мы стояли. Ну, говорим, капут нам, девушки. Эльза Августовна как-то пробралась в барак и принесла мужу передачу. Договорились, как он должен бежать. Она говорит:

— Завтра я принесу тебе, — это тоже было в субботу, — юбку и Черненко тебя приоденет. Когда по воду будут пускать, пойдешь вместе с ними.

Я с ней передала, чтобы она сказала мужу, а я с ним не переписывалась, чтобы его не обвинили в связи со мною. Эльзу Августовну я знала, но тогда никому не доверяла, сказала ей:

— Скажите Ване, чтобы он подошел завтра к базарчику и я подойду сама к нему, чтобы он не подходил и вы будьте там. Я буду с вами говорить, вы будете слушать.

Она плохо говорит по-русски:

— Я все сделаю для вас, не беспокойтесь.

Она пошла. 28-го я виделась с мужем утром. Это было воскресенье. Нас долго не пускали, просили выкуп. Мы собрали по 15 рублей все бараки, разрешили пойти по воду и убрать покойников, вынести парашаи.

Когда мы встретились, муж увидел мой подлинный вид, говорит:

— Надо бежать. Где-нибудь на квартире будешь, а там, может быть, достанем паспорт, может быть, выедем на село.

Он все время говорил, что скоро красные будут наступать. Они слышали, что у немцев дела плохие, скоро красные придут, этим только и жили. Он хотел, чтобы я сейчас же бежала, но я паспорта не взяла и боялась, что мой паспорт найдут. Я боялась даже тех, кто был там, могли выдать. У всех была какая-то зависть, что она бежала, а я осталась.

28-го ночью зашли немцы, искали каких-то партизан, избили всех. Искали в пазухах, раздевали. Там стоял письменный стол. Я залезла под него. Часовой сунул ружье под стол и как ударит меня по переносице. Я упала без чувств. На утро у меня лицо опухло, стало как маска. Стали класть мне снег к лицу, опухоль немножко спала.

Потом опять приехала машина и стали уже насильно выводить. Детям маленьким подойдут, что-то понюхать дадут на ватке. Они как птенчики затрепещут, не плачут, ничего, и их в машину бросают. Целый день вывозили.

Муж обещал мне прийти во вторник на Тракторный. Я не знаю, как пережила понедельник, все эти страданий матерей, крики. Все это насильно вывозилось. Дора Марковна тоже хотела бежать, спрашивала:

— Что, ваш Иван Иванович устраивает побег?

Я не говорила, потому что все цеплялись за жизнь и хотели бежать. Говорю, что Иван Иванович не пришел за мной, потому что у него ноги опухли.

Мороз был ужасный. Как назло во вторник у дверей встали два часовых и никого не выпускают из барака. Думаю: что делать? Как зверь в клетке мечусь туда-сюда. Не пускают — и все. Мы начали просить старосту, чтобы он предложил выкуп для того, чтобы убрать покойников, вынести все эти мерзости. Вошь и черви уже ползали. Потом уже разрешили пойти по воду. Я как схватила ведро, побежала. Мне говорят: «Куда с таким лицом?». Я у меня лицо, как маска. Была зима, я завернулась платком так, что только нос торчал. Пошли по воду. Тогда был только один немец, один русский полицаи. Нас 16 человек по воду повели. Это было во вторник 30-го. Я встала вроде самой последней. Набрали воды. Немец сел прикурить. Я начала уходить. Он меня зовет. Я подошла и говорю, что мне нужно по естественным надобностям.

— Даже ведро, — говорю, — оставлю возле вас. Очень у меня живот болит.

Он закуривал. Я поставила ведро, он разрешил. Я прошла через двор и на базар. Не знаю, откуда эта сила, как будто я не иду, а лечу, как будто кто меня поднимает. Остановилась в назначенном месте на базаре. Уже 11 часов, 12, мужа нет. Я была так взволнована, что не знала, куда идти. Думаю, надо идти. Пошла. Куда народ, туда и я, сообразила, что в город. Пошла и пошла. За час прибежала в город, 20 км. Я не чувствовала ни усталости, ни боли.

Пришла я к Терещенко. Пошла через Белгородский спуск. Дороги не знала, и спросить боялась. Когда пришла сюда, уже был час времени, конечно, если бы я соображала, не пошла бы. Меня как встретили знакомые:

— Ах, Черненко убежала, — и сказали коменданту дома.

Уже был обыск у мужа. Муж говорит:

— Ищите, я же не могу ее в кармане спрятать.

Я знала, где Терещенко живет, но, наверно, была в невменяемом состоянии, говорят, что у меня были блуждающие глаза. Когда я пришла сюда, вообразила, что уже спасена, забыла, что есть такие люди, которые могут донести. Как раз попала к немцу в зубы. Вошла в институт, спрашиваю:

— Терещенко здесь живет?

Женщина мне указала, но подозрительно посмотрела на меня.

— А зачем вам?

— Мясо, — говорю, — принесла продать.

— А где ваше мясо?

— Там, — говорю, — еще одна женщина стоит с нашего села.

— Что это, — спрашивает, — у вас?

— Да, — говорю, — простудилась.

Она показала мне на жилой корпус. Я туда пошла. Потом вспомнила, где это, постучала. Открывает женщина, спрашивает:

— Кто там такой?

— Откройте, — говорю, — увидите кто.

Она открыла, испугалась. Я говорю:

— Если вы не пришлете зятю одежду, он будет убит.

— Вы не говорите, чтобы Олечка не слышала!

— А у него есть там, что кушать? — дочка спрашивает.

— Не знаю, — говорю.

Тогда она мне говорит:

— У нас опасно, к нам офицер ходит.

— Вы мне вызовите мужа, — прошу.

— А почему вы не пошли сразу туда?

— Сразу опасно, тут никто не знает.

— Это вы напрасно сделали. Сейчас Олечка пойдет, позовет, и меня она выведет.

Мой муж лежал больной. Когда он узнал, что я пришла, ему нельзя было одеть сапоги, ноги опухли. Прямо в чулках, гляжу, выбежал, говорит:

— Так рискованно, зачем же ты сюда пришла? Написала бы записочку, и я пришел бы. Ты же себя подвергаешь опасности. У нас обыск был. Пойдем куда-нибудь тебя отведу, а завтра начнем искать пристанище.

У нас был знакомый инженер, Василий Васильевич Зенченко. Он жил против кладбища. У него две девочки. Они сейчас в Германии, их забрали. Мы постучали. Когда они увидели меня, испугались. Муж расплакался:

— Мы, — говорит, — должны ее приютить.

— У нас в доме напротив из гестапо живут.

— Как-нибудь, только сегодняшнюю ночь, а завтра я ее заберу.

— Знаете что, — говорят, — у нас есть погреб.

Как зайдешь в коридор, там была плитка одна. Она поднималась и погреб потайной, а сверху коврик и незаметно.

— Мы, — говорят, — спрячем ее в погреб, а то к нам каждую минуту ходят.

Муж прямо чуть не в ноги им падал.

Я сразу вошла в этот погреб. Холодно там было, сыро. Я чуть не задохнулась. Там я пробыла четыре дня. Потом муж меня устроил по Сумской у дворника Пенкина. Он раньше работал в Промакадемии швейцаром, где мой муж работал. Муж привел меня, объяснил ему, расплакался, попросил меня приютить, пока он квартиру не найдет. Этот Пенкин согласился. Ваня с ним сторговался. У нас было только 500 рублей денег. Он их все отдал и сказал, что ничего не нужно, только чтобы я там побыла. Пришли

туда. Грязь там была ужасная. Жена его ходила менять в село, а он и старший сын, мальчишка и внучек были дома. Грязь была невероятная и вши даже по стенке ползали. Я взяла веник, подмела, убрала.

У него я пробыла шесть дней. Муж приходил через день, потому что за ним была установлена слежка. Когда узнали, что я бежала, с тех пор все время за нашим домом следили и куда он ни идет, за ним какой-то цивильный ходил. Где я нахожусь, они не знали.

На шестой день муж пришел. Пенкин говорит:

— Я очень рискую. Люди за это пять тысяч рублей берут.

Я помогала ему шить валенки, которые они возили на село менять. Говорит:

— Я рискую, хочу знать, за что.

Муж говорит:

— Я вам не только пять, но и десять тысяч дам, но их сейчас у меня нет. Если я смогу сейчас что-нибудь продать...

— А что у вас есть из вещей, я сам вам могу продать.

Муж говорит:

— У меня есть два хороших ковра, могу вам их принести.

Сговорились, что завтра муж принесет. На завтра муж не мог прийти. Подошел к воротам, чувствует, что за ним ходят, не рискнул зайти и пошел домой, думал, завтра принесет. Пенкин мне сказал, чтобы рано утром я ушла:

— Я не могу вас за эти деньги держать.

Я говорю:

— Подождите, он не мог, вероятно, прийти.

— Нет, завтра рано утром я вас провожу. За эти вещи могут меня расстрелять, я не желаю.

В 5 часов утра я пошла на Ветеринарную. Думаю: как же мне после этого вызвать его? Все лицо у меня опухло, болит. И мне бог послал одного знакомого парикмахера Бойко Васю. Это был уже седьмой час. Я все ждала, может быть, муж придет ко мне. А тут немецкий часовой. Думаю, скажу, что уборщица, если спросит. Взяла веник. Я — к Васе, сказала. Он:

— Боже мой! Зайдите. Я сейчас открою парикмахерскую, вы погреесть, а я пойду, позову Ивана Ивановича.

Он мне затопил печку. Я села за перегородку и сидела. Он пошел, позвал Ваню. Тут Ваня выдумал какой-то паспорт липовый, что я не еврейка, а караимка.

В этой парикмахерской я прожила 6 дней. Когда туда приходили бриться, я заходила в соседнюю квартиру, где никто не жил. Когда уходили, Вася открывал мне дверь и я заходила туда, потому что там топились.

Потом мы решили, что можно перебраться в нашу квартиру. Меня муж приведет рано на рассвете. А там два хода. С черного хода ходили

соседи, а наша квартира — с парадного. Муж зашел с черного хода, открыл мне парадное. Они не знали. Я зашла и была там полтора месяца закрытой в этой комнате, а муж и мамаша жили на Технологической. Через день они должны были приносить мне еду.

После этого я заболела брюшным⁴⁰¹ и воспалением легких. Муж говорит: «Ты только не кашляй», а я сильно кашляла. Соседи узнали. Ночью я бредила, просила пить, воды нет, страшно. Я кричу. Мы на четвертом этаже. Мне показалось, что два немца наперекрест сабли держат, по коридору кто-то ходит. Думаю, стерегут меня.

Соседи слышали. На следующий день муж пришел.

— Что это такое, вы хотите, чтобы нас повесили? Мы не хотим отвечать.

Это соседи, с которыми мы 6 лет жили. Я никогда от них этого не ожидала. Соседка заявила:

— Я не хочу висеть из-за нее.

Ваня согласился. В это время были страшные облавы. Он говорит:

— Хорошо, она уйдет, только рано утром.

Я говорю — пойду к Васе, потому что боюсь здесь оставаться ночевать. У нас стеклянные двери. Я выломала стекла и хотела открыть дверь, чтобы убежать. Я тогда под стол подлезла и веревочку держала. Я не помню такого состояния. Ваня спрашивает:

— Для чего ты это делаешь?

— Если придут немцы, — говорю, — я лучше сама удавлюсь.

Муж был знаком с одним подпольным товарищем и они дали нам квартиру на Сумской, 24. Там я скрывалась полтора года. Квартира была закрыта, никто не знал. Потом Юрий Иванович, какой-то подпольный товарищ, дал мне паспорт, но я его нигде не показывала. Только по условленному стуку я открывала. Муж, когда шел, стучал палкой, и только тогда я открывала. Если просто так стучат, я стою, вся дрожу и не открываю.

В нетопленной квартире, голодная, я жила полтора года. Муж мне говорил, что скоро-скоро должны прийти красные. Напротив нас было гестапо, 5 этажей занимало. Чтобы меня не видели в окна, я по-собачьи на четвереньках ходила. Я боялась людей и никого не видела, одичала. Когда прилетали красные, бомбили, я рада была. Все шли вниз, я же не могла, меня закрывали. Когда нет наших самолетов, я спрашиваю, почему не прилетают.

Когда пришли красные, кругом нас горело все, и должен был наш дом гореть, но его не подпалили. Когда пришли красные, у меня паралич. Я всех красноармейцев целовала. Когда я первый раз вышла на воздух, у меня началась рвота. Мы думали уйти с красными совсем, но дошли только до Качановки⁴⁰², дальше я не могла идти. Там мы остановились и жили до возвращения красных.

В районе Тракторного было тысяч 16–17 евреев. Все они были перестреляны, никто оттуда не мог выйти. Может быть, кто-нибудь случайно сбежал.

7 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 49–53. Оригинал, машинопись).

№ 15

Из стенограммы беседы, проведенной с Ниной Ивановной Пукаловой⁴⁰³

Во время оккупации была грузчиком и то временно, потому что муж был коммунистом, и я занимала ответственное положение при советской власти. Работала без пайка.

Немецкая армия приходила в Харьков два раза, один раз пришла 24 октября 1941 года, ушла — был февраль 1943 г., второй раз пришла 13 марта 1943 г. и ушла 20 августа. Во время первой и второй оккупации царили голод и насилие. Люди были морально угнетены и не имели абсолютно никаких человеческих прав. Наши женщины с высшим образованием были направлены в Германию насильно и там работали домашними работницами. Как пример я могу привести Лавинскую, студентку 4 курса Математического института⁴⁰⁴. Она живет между Дворянской⁴⁰⁵ улицей и Фейербаха⁴⁰⁶. Вторая — дочь заслуженного профессора, Коршикова Таня, живет по ул. Володарского № 6 — это Холодная гора. Она домашняя работница и настолько ей было плохо, так ее там избивали, что она, несмотря на весь страх, убежала от этой семьи. Она думала, что с ней что-нибудь сделают, но, оказывается, устроили на другое место. Девочка осталась без ничего, т. к. бывшая ее хозяйка вещи не вернула. Сам профессор Коршиков⁴⁰⁷ расстрелян в Миргороде. Его обвинили в укрытии партизан. Он ботаник, работник университета, уехал в Миргород, спасаясь от голода.

Баркова Елена Ивановна живет по проспекту Сталина, 81. Она была в Германии и вернулась. Здесь она была техником-конструктором. В Германии она была год, приехала сюда в отпуск по болезни, спряталась, потому что ей было предложено выехать и, таким образом, осталась в Харькове. Сейчас она работает деловодом в 125-й школе, ул. Куйбышева, 19. Она не может слышать слова «немец». За этого человека я ручаюсь, потому что знаю ее в течение 25 лет.

Немцы нам 11 месяцев совершенно не давали никакого пайка. После 11 месяцев они дали паек служащим по 300 грамм хлеба в день, причем, давали один раз в неделю. Пенсионерам, старикам давали полтора кило хлеба в неделю. Но так как они самым беззастенчивым образом говорили,

что им нужна территория, а не население, то они старались уменьшить это население, поэтому старикам совершенно перестали давать хлеб. Причем, давали хлеб, какой угодно, но не ржаной и не пшеничный. Давали хлеб пшеничный, а потом давали хлеб из магары — трава для корма животных. В то же самое время они вывозили исключительно белую муку, ржаную. Я это знаю потому, что я сама грузила. Какое количество они вывозили, я сама видела. Все отправляли в Германию. Запасы хлеба в Харькове были колоссальные. Когда уходила советская власть, все раздавала населению даром, люди таскали, и все-таки было колоссальное количество запасов и это все вывозилось.

Когда пришла немецкая армия, то на два-три дня город дали на разграбление. Наша семья пострадала. Я по Юрьевской, 7, кв. 3 жила. Они делали так. Входят. Они же славятся своей корректностью. Очень тихо стучат. Вы открываете. Входят, открывают все шкафы. У меня был микроскоп, взяли его, хотя я говорила, что не мой. Взяли патефон, золотую цепь, серебряный портсигар, все что попадалось, и еду. Это продолжалось дня два-три. Когда же у нас был болен ребенок, моя внучка, они приходили каждый день и уже потом решили взять у меня пианино. Я побежала к коменданту и начала просить, что я одинокая, пенсионерка. Удалось его уговорить. Он сказал офицеру, который хотел взять у меня пианино, что «у них нельзя брать». Этот офицер ударил меня по лицу за то, что я сказала коменданту, второй раз ударил в спину, сказал «гут» и пошел.

Относительно голода. Люди падали, буквально, на улице. Это стало нормой у нас. Вы идете по улице, видите, что человек упал, не обращаете внимания. Он мог лежать три-четыре дня. Так умерла Божикова, учительница, живет по Искринской улице, 10, Оскпер Владимир Иванович, жил по Юрьевской ул., 8, преподаватель географии 125-й школы. Уваров, художник и преподаватель рисования и черчения, Бухалов Ф. П., преподаватель 12-й школы и много других.

За каждую провинность можно было расстреливать, и за это никто не отвечал. Например, был расстрелян преподаватель Фесенко, директор 123-й школы, поселок Гроссета⁴⁰⁸. Расстрелян был он и его сын 23 лет, ранена жена.

Когда пришли второй раз немцы — это не армия, просто звери. Они открывали двери и стреляли, входили в квартиру и если видели мужчину, выводили и расстреливали. Они потом объясняли это тем, что «мы же не знали, военный он или нет. У вас и военные не были одеты в военную форму». На Искринском переулке 8 один сидел со своими тремя детьми, так тут же расстреляли. На ул. Ленина № 10 расстреляно 26 человек. Они прятались в подвале. Немец в подвал не войдет, бросит гранату, скажет — «выходи». Они вышли и их расстреляли. Расстреляли больных в психоневрологической больнице, раньше больница Платонова⁴⁰⁹. Она помещается против Михайловской церкви⁴¹⁰ в районе Змиевской. Там живет одна Об-

ирнебесова. Она могла бы более подробно рассказать, как выводили. Она музыкантша. Также они расстреляли в больнице Сабурова⁴¹¹ 60 человек.

Из преподавателей, я знаю, они расстреляли нашего преподавателя Стефанова П. И., который жил по Юрьевской 8. Он, спасаясь от голода, выехал в Богодухов⁴¹². Когда немцы отступали, сказали, чтобы и он отступал. Он не хотел этого делать и они его расстреляли. Жена его приехала сюда.

Положение евреев было ужасное. Было сделано таким образом. За смерть еврея, за арест его абсолютно никто не отвечал и ни с кого не спрашивали. Управление евреями было такое. Профессор Гуревич, который жил на Пушкинской 3, был председателем комиссии по всем еврейским вопросам. Если арестовывали евреев, то ему говорили: за выпуск этих арестованных необходимо вам дать столько-то ковров, столько-то мехов, столько-то золота, серебра и он собирал среди населения. Я к нему обращалась по поводу семьи одной, которая жила у нас в доме, два престарелых старика: В. Г. Резников по Юрьевской № 4, его жена Софья Моисеевна. Они не могли эвакуироваться, потому что были прикованы к постели, у старика как желудка, у нее эндокардит. Если немец заставлял русского у них, он мог его на месте застрелить, потому что это рассматривалось, как протест против их политики. Они же были прикованы к постели. В течение 20 лет я у них была каждый день. Я и Каминская с нашего двора смотрели за ними. Я решила обратиться к Гуревичу, чтобы устроить их, может быть, в больницу. Я видела, в каких ужасных условиях он работал. Он сказал, что ничего не может сделать, так как через два дня их выселят. Я думала, что он просто хочет отделаться от меня.

Нужно было их как-то доставить. 15 декабря, на мое счастье, Резников умер. Я насилу достала для нее санки и отправила туда, но мне сказали, что она умерла по дороге. Ее встретила знакомая, которая ехала на подводе, взяла к себе, но она просто не выдержала.

У этих Резниковых был племянник Броун, который жил на ул. Фейербаха 12. Броун был безногий, женат на русской и имел двух сыновей. Один сын был в Красной Армии, а другой, 13 лет, Ньюма, был учеником 30-й школы. Отец ушел в это гетто, а матери разрешили с ребенком остаться, поскольку она русская. Когда уже всех там расстреливали, ему удалось убежать домой и здесь скрываться. Но кто-то говорит, что родственники его жены выдали. Пришли, забрали его, ее и расстреляли. Остался один мальчик Ньюма, которого взял к себе сапожник, живший на углу ул. Фейербаха. Этот мальчик приходил ко мне каждый день и каждый раз я его обманывала, говорила, что маму вывезли в Полтаву. Я давала ему читать книжки. Потом вдруг он не приходит. Пошла узнать и оказалось, что его забрала полиция. Что с ним, не знаю.

Оставался здесь профессор Фришман⁴¹³, известный профессор по детским болезням по менингиту. Волович, профессор, был выброшен в первый же день из квартиры в чем был. Еще я знаю из преподавателей

университета Мирлеса Г. Д., который погиб, Гаусман⁴¹⁴, очень хорошая пианистка 1-й школы Ленина⁴¹⁵.

Немцы уничтожали не только евреев, но даже заподозренных. Я знаю виолончелиста Аренса. У него кто-то из предков был еврей. Его забрали, забрали виолончель и когда работница спросила: «Скажите, кто берет?», офицер посмотрел, засмеялся, говорит: «Он там будет играть».

За какое-либо сочувствие евреям вы несли ответственность, вплоть до потери жизни. Например, Хмельницкая, которая жила по Юрьевской 15, она была домашней хозяйкой, муж ее бухгалтер. У нее была дочь замужем за евреем. Только за то, что сказали, что она прятала своего зятя, она была взята и повешена. За то, что я посещала Резниковых, я нигде не могла получить работу, потому что была обвинена в юдофильстве⁴¹⁶. Если я была грузчиком, то без пайка и только временно.

Есть здесь известный профессор гинеколог женщина Щербина Е. Г. На нее было шесть доносов, что в ее жилах течет еврейская кровь. Из-за этого она нигде не работала.

Отношение к членам партии, к бывшим людям было совершенно неприемлемым. У нас был заслуженный учитель, некто Олешко Г. Г. И только лишь потому, что он заслуженный учитель и кандидат партии, он не получал ни работы, ни питания. Его жена нигде не могла получить работу. Требовали, чтобы он принес грамоту заслуженного учителя. Довели его до того, что он эту грамоту порвал, боясь насилия.

Сгорело очень много школ. У нас десятилетка была поставлена хорошо, Я принимала английскую делегацию в 1940 году, когда работала в 102-й школе и она была поражена постановкой дела в средней школе у нас в СССР. Они считали, что в Англии дело обстоит гораздо хуже. Она была поражена той заботой, какой была окружена школа, тем оборудованием, какое имела школа, той программой, общественной внешкольной работой, размахом работы. Они очень интересовались, глубоко обследовали, приезжали специалисты.

Как у нас работала школа в этой время? Прежде всего, вся интеллигенция поняла, что дальше четырехлетки наши дети и внуки не пойдут. Самостийники украинцы надеялись на что-то лучшее и писали в газетах о том, что наше место на Западе, наша культура должны быть ближе к западной, говорили о том, что Украина была колонией.

Мы были абсолютно бесправны, не могли позволить себе никаких лекций, театров. Если вы идете в театр, вам предлагают место на галерке. Вы не имеете права быть в том трамвае, где сидят немцы. Немцам были отведены первые вагоны, вторые — нам.

Идейная направленность школы. Конечно, говорить, что школа при немцах была аполитичной, могут те, кто не понимает. Давали установки, что школа должна восхвалять Гитлера. Портреты Гитлера были везде.

Картины о чудовой⁴¹⁷ Германии были в каждой школе, выставки о чудовой Германии входили в обязанность школы. День рождения Гитлера нужно было праздновать с большой помпой. Я хотя не работала в школе, но всем интересовалась. У нас в 18-й школе был Кузнецов, который проводил день рождения Гитлера и сейчас он является заведующим Краснозаводским Районом. Годовщина войны отмечалась, церковь молилась за дарование победы Гитлеру и т. п.

Я пошла в церковь на Михайловскую на первый день рождества. Мне просто хотелось посмотреть. Слышу эту проповедь. Я культурный человек, не могла этого слушать, но кто верует, слушал. Говорили о том, что «коварный Сталин не хочет мира, затеял войну», даже молились о даровании победы немецкому воинству. Правда, это сделал Константин, который уехал с немцами.

Программа в школе была четырехклассная, уменьшенная. Считалось, что школы украинские. Была уменьшена программа по математике. Хотя и говорят, что математика аполитична, но задачи все были переделаны. Слово «колхоз», «социалистическое строительство», все это у нас было заклеено и приводило это к тому, что учитель боялся задачи решать какие-нибудь. Они делали больше примеры с числами.

Инструкций немецких специальных не было. Они мало занимались школами, но был здесь доктор Вайс, который давал установки. Одна из установок была о том, что можно даже бить детей, что у них родители могут прийти к учителю и просить наказать его физически. Он не заставлял это делать у нас, но, говорит, делюсь с вами опытом.

Руководство школами у нас было такое. Был административный орган при городской управе — отдел народного образования. Там были люди, я бы не сказала, что неквалифицированные, но они были узкие националисты, все члены «Просвиты», немецкие прихвостни. Во главе «Просвиты» стоял П. П. Дрыга. Он заведовал методсектором⁴¹⁸ наркомпроса⁴¹⁹ в бытность столицы в Харькове. Он работал над просмотром всех учебников. В первые дни прихода немцев он оказался членом «Просвиты». После того, как Наркомпрос переехал в Киев, он был в Машиностроительном институте, ведал практическими работами по механике. Его помощником был И. Л. Холодняк⁴²⁰. Холодняк — учитель 49-й школы 29 лет и 20 лет был бессменным членом месткома, ведал производственным сектором. Оказывается, в то же время он был членом СБУ (Союза вызволения Украины⁴²¹). Дрыга уехал в Киев. Он и сейчас там. После него заведовал отделом Наросвиты⁴²² Мищенко⁴²³, профессор. Он сам невропатолог, читал биологию в Педагогическом институте.

Школьным отделом заведовал И. М. Крылов, работник университета. Жена Холодняка — галичанка. Она первый раз уехала и не вернулась. Методистом там являлся Назаренко⁴²⁴, наш работник, работал с нами

в течение четырех или пяти лет, имеет премию украинскую за коммунистическое воспитание. Он давал установки, как преподавать историю в духе гитлеризма, написал статью. Там еще работал Сващенко, инспектор, человек малокультурный. Он сейчас в Дергачах⁴²⁵.

Для того, чтобы получить работу, вы должны подать заявление. Если у вас есть репрессированные или вы член «Просвиты», это ускоряло дело.

Рябенко⁴²⁶ — химик. Она уехала в Винницу.

Сами немцы нас не замечали, не были заинтересованы, чтобы в школах были ученики. Мы замечали, если их положение ухудшается, они к нам внимательны, если улучшается, они просто нас презируют. Они вечно называли нас свиньями, еще хуже. Когда они видели, что им плохо, а дети в школу не ходят, тогда они привлекали детей тем, что давали паек через школу. Давали кило хлеба, 50 грамм подсолнечного масла в неделю.

Сгорела масса школ. У нас были необыкновенные школы, например, 14-я школа, площадь Фейербаха, 8⁴²⁷. Там были богатейшие кабинеты. 3-я авиашкола им. Леси Украинки сгорела, 36-я школа, ул. Иванова, 3, 23-я, 122-я по ул. Ворошилова⁴²⁸, лучшие наши школы имени Ленина по Садово-Куликовской⁴²⁹, 100-я школа. Эта школы все сгорели. Отступая, немцы поджигали их. 74-я школа на [ул.] Украинской, 4 — сожжена. Это школы, где были или госпитали, или управа была.

Немцы маскировали свое отступление. До 23-го мы ничего не знали. Мост чинят, в то же время вывозят все. Но когда уже начали гореть здания, мы знали, что они уходят. Разорена масса школ, библиотек. В Сталинском районе⁴³⁰ немцы пришли в 3-ю районную библиотеку и выбросили все книги на улицу. Им понравилась эта квартира, они выбросили и все. Удалось кое-что на улицу Металлистов, 10 перенести и там организовать библиотеку. Районный клуб Сталинского района они тоже уничтожили, хотя это не вызывалось никакой необходимостью. Это у них доходило до садизма.

Были цикловые комиссии. Я знаю комиссию цикловую математическую, председатель Белый М. А., член «Просвиты», — он остался здесь, и преподавательница Финкель и Иващенко. Эти комиссии работали при отделе образования.

Конец учебного года отметили большим праздником. На этом празднике должны были присутствовать все учителя и директора. Я не присутствовала, потому что не преподавала, но интересовалась этим. Один преподаватель пошел узнать, кто выступал и что говорили. Первым выступил профессор Дедусенко. Он, по-моему, здесь остался, жил на Каплуновской ул., 17. Оказывается, он старый член «Просвиты». Ему было дано первое слово. «Просвита» существовала еще и в 1919 году. Вторым выступила Мищенко. Она выступала, как старейший член «Просвиты». Третьим и четвертым выступили Магелат, директор 49-й школы и Бе-

лый как репрессированный. Потом выступил Горматенко, активный член «Просвиты», и Крылов. Все выступления были определенного характера, что место их только в союзе с Германией, что победа Германии — это наша победа, иначе нас ожидает самое жалкое существование, потому что тогда мы будем продолжать оставаться колонией Москвы.

Дети наши не учились. Чем они занимались? Они все возили повозочки или саночки, стояли толпой около тех мест, где жили немцы, и около вокзала. Причем, отношение к ним самое возмутительное. Говорят, что немцы хорошие семьянины. Я считаю, что они любят только своих детей. Вот маленький мальчишка тянет тележку, а за ним идут четыре или пять здоровых немцев. Это они все свои вещи положили одному. Наши ребята занимались этим и немцы их еще приучили торговать. Давали им папиросы, сигареты, сахар. Ребята это продавали и приносили деньги. Нам сейчас очень трудно в школах работать, потому что это оставило свой след.

Облавы. Например, на пасху они оцепили церковь и всех взяли на работу. Они оцепляли базар и оттуда всех брали на работу. Я три недели была управдомами, потом меня с этой работы сняли. Вот они нас вызывают и говорят, что завтра в пять часов утра они идут с нами по домам забирать на работу. Больны вы или нет, удар прикладом и заставляют идти. Я, обычно, обойду своих и говорю, чтобы на квартире был замок. Придешь, на квартире замок, а он в квартире. Я прохожу с эсесовцем, а он как тигр. Подходит, видим замок. Таким образом, удавалось спастись, а то они вас ловили на улице и никто уже не мог освободить. За 15–20 тыс. могли освободить от мобилизации. Это делали переводчики, которые работали с немцами. За деньги они могли вас освободить, причем, без стеснения говорили, что кольцо должно быть такое.

О покойниках говорят или хорошо, или ничего не говорят. «Просвиту» я считаю покойницей. Я украинка по происхождению, но владею только русским языком. Заслуг у меня нет никаких, поэтому мне дорога в «Просвиту» была закрыта. Всем руководила «Просвита»⁴³¹. В первые дни прихода немцев она сформировала управу⁴³². Первым бургомистром был профессор Крамаренко. Он был директором огнеупорного института⁴³³. «Просвиту» первый раз возглавлял Попов А. И.⁴³⁴ Сейчас он постригся в архиереи и живет в Киеве. Он работал в Наркомпросе, причем, участвовал в составлении учебника истории Украины. В газете писал, что он признает только единую линию партии. Он был из партии вычищен, а потом вступил в члены «Просвиты». Когда первый раз немцы уходили, он уехал и остался в Киеве. Второй раз здесь был Дедусенко, а его помощником Петренко П. Д., преподаватель украинского языка Пединститута или Университета. «Просвита» как бы нелегально от немцев управляла здесь. Это — самостийники, узко националистическая организация. Здесь еще был «Союз украинских женок». Этот

союз возглавляла некто Иванченко. В газетах писали против жидов, большевизма, вели усиленную агитацию.

8 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 55–57 об. Оригинал, машинопись).

№ 16

Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском университете с Д. А. Корниенко⁴³⁵

Тов. Корниенко Дмитрий Андреевич. 1903 г. рождения, сын рабочего, украинец, сам рабочий до поступления в университет, член партии с 1941 года. Депутат городского совета последнего выбора. В Харьковском университете работаю с 1929 года. Закончил физмат факультет в 1929 году. Таким образом, непрерывно с 1921 г. в университете. Доцент, кандидат химических наук. С 1930 года доцент кафедры органической химии, с 1937 г. проректор по учебной части. Женат. Жена еврейка, мать жены еврейка. [...]

Университет в целом из Харькова не был эвакуирован. Причина этому то, что Харьков был не полностью эвакуирован, чрезвычайно затруднены были возможности транспорта и т.д. Обещали университету предоставить для его эвакуации эшелон. Наиболее ценные вещи, аппаратуру импортную, нашу отечественную мы упаковывали недели за три до эвакуации Харькова. Когда никаких возможностей не было эвакуировать университет, уже за три дня до занятия Харькова эта аппаратура была отправлена с оборудованием завода № 138 даже без нашего человека.

Из людей эвакуировать плановым порядком удалось только академиков и членов-корреспондентов Академии наук. Остальные лица уезжали по удостоверениям, выдаваемым райсоветом и эвакупунктом в последние десять дней перед занятием гор. Харькова. Поэтому большая часть профессуры и преподавательского состава университета в первый период оккупации осталась в Харькове. Последняя группа — это секретарь партийной организации, ректор университета и с ним еще два преподавателя вышли буквально накануне занятия Харькова пешком.

У нас было около 400 человек профессорско-преподавательского состава, студентов 3 тысячи. В части студентов у нас благополучно, потому что студенты 3 и 4 курсов биофака, 3 и 4 курсов геофака были еще в июле месяце и в июне отправлены на практику, причем практика этих факультетов проходит в далеких краях от нас — Алтай, Сибирь — на востоке, поэтому, когда во время войны они дали телеграмму, выезжать

им в Харьков, я отвечал: «Оставайтесь на месте» — это в августе месяце. Эти студенты так и остались на востоке. Вывезти планово студентов не удалось, был уход самотеком.

Теперь я приступаю к описанию той картины, которую я непосредственно наблюдал и знаю в период оккупации. Когда немцы заняли Харьков, то в течение полугода, — они заняли Харьков 23 октября 1941 года и, примерно, до апреля город не снабжался абсолютно ничем, т. е. население города и только работавшие получали хлеб. Кроме хлеба обычные рядовые работники ничего не получали. Работники управы, очевидно, снабжались как-то, этого я не знаю. Немцы никакого внимания не уделяли высшим учебным заведениям в Харькове, кроме того, что уничтожали научные ценности, учебные. Университет при немцах пострадал в значительной мере. За период первой оккупации у нас вывезены такие ценности: почти полностью оборудование лаборатории электромагнитных колебаний, очень ценное оборудование, частично оборудование лаборатории физики твердого тела и электронных и ионных процессов. Немцами вывезена вся платина в изделиях, которую наши не вывезли. Если мне память не изменяет, то было изъято немцами 3½ кг платины в виде изделий, чашек, тиглей, электродов и около 5 кг серебра, тоже в виде лабораторных изделий. Полностью изъяты все геологические и географические карты и атласы, почти вся географическая и геологическая литература, особенно последних лет, которая могла характеризовать Украину в части богатств недр земли, источников воды, нефти и других полезных ископаемых.

В незначительной мере вывезено оборудование химических лабораторий. Это то, что изъято, а затем просто испорчено и приведено в негодность только благодаря варварскому отношению к университету. Первый в Союзе при вузах и, по-моему, наиболее крупный по масштабу музей дарвинизма. На него обращали большое внимание, отпускались большие средства. Музей был организован на базе нашего зоологического музея, который существовал около 120 лет. С этим музеем немцы так поступили. Были прекрасные витрины. Витрины побили, стекла взяли для своих целей, экспонаты уничтожали на месте. Затем было постепенное изъятие всех, с нашей точки зрения, не очень ценных вещей, но необходимых для работы, как то: измерительные приборы, аналитические весы, всякого рода термостаты, моторы, реостаты масляные, простые. Это изъятие происходило на протяжении всего периода оккупации по мере надобности для тех научно-исследовательских институтов, которые работали при немцах в Харькове, а их существовало только два, насколько мне известно, это УФТИ⁴³⁶, — как он именовался при немцах, я не знаю, — и затем химический был институт в здании Углекислотного института⁴³⁷. Просто по запискам приходили, брали. Если наши сотрудники пытались не давать, то просто ходили по всем комнатам, выбивали двери и производили изъятие тех вещей, которые им были нужны.

В значительной мере пострадала Центральная научная библиотека университета. Из этой библиотеки вывезена вся марксистско-ленинская литература и, очевидно, уничтожена, все комплекты газет советских и частично художественная литература советских писателей. Кроме названной литературы, вывезен ряд книг, которые были у нас, очень старинных, фолианты в единственных экземплярах. Все это немцами было изъято. Все наши университетские факультетские библиотеки, которые на сегодня насчитывают около 500–600 тыс. томов, были сохранены усилиями наших работников, даже вся марксистско-ленинская литература, пособия, таблицы кабинета марксизма-ленинизма сохранены. Десятки раз требовали дать списки. Списки составили. Подачу их затягивали и в результате эта вся литература факультетских библиотек сохранена.

Университет располагал следующими зданиями к периоду оккупации: центральный корпус и здесь же размещался во дворе корпус физико-математического факультета, корпус химического факультета и научно-исследовательский институт химии и геологии — ул. Свободной академии⁴³⁸, 16. Затем визави по ул. Свободной академии, 27. Там у нас помещался студенческий клуб, спортивный зал тоже университетский и одна самая крупная, ленинская, так называемая, аудитория. По Совнаркомовской, 3 был большой учебный корпус, в котором размещались филологический и геолого-географический факультеты. У нас трагедия та, что университет разбросан по городу. По Совнаркомовской, 15 размещался экономический факультет нашего университета, по ул. Тринклера, 5 размещался биологический факультет и Клочковская, 50 — ботанический корпус, биологические кабинеты и там же — ботанический сад харьковского университета. Мы имели один этаж в чужом здании по ул. Артема, 44 совместно с сельскохозяйственным харьковским институтом, где размещался исторический факультет нашего университета. Общежитие одно новое, построенное лет шесть тому назад, было по ул. Артема, 49, затем по проспекту Ленина, на Шатиловке и пять корпусов на Толкачевке⁴³⁹.

Что пострадало? Сгорел от бомб зажигательных корпус по ул. Свободной академии, 27. Здесь сгорел у нас клуб студенческий и часть помещения, где размещался архив университета. Разрушен новый химический корпус во дворе у нас от бомб, которые падали рядом, — в здание ни одной бомбы не попало, — и, главным образом, от взрыва моста через реку. По-моему, корпус приведен почти в полную негодность, негодны двери, окна, целый ряд потолочных перекрытий провалился. Разрушен бомбой корпус института геологии здесь же во дворе и две бомбы попало в корпус физического отделения физмат факультета, который мы сейчас приводим в порядок. Пострадал также от попадания бомбы корпус биологического факультета по ул. Тринклера, 3 и приведены в негодность, все корпуса общежития на Толкачевке. Там просто немцы занимали под

конюшни, под какие-то службы, все жгли и ломали и домики там приведены в полную негодность.

Как производилось изъятие ценностей из университета? Я спрашивал, иногда сам бывал во дворе, потому что появиться официально не имел возможности. Но так как я старый работник, меня все знали, то я мог там бывать и в случае необходимости спрятаться, если меня искали. Изъятие производилось, главным образом, неофициальным порядком, т. е. какой-то офицер прослышал, что есть университет, является туда, намечает то, что ему нужно, достает бумажку, проходит и забирает. Так, например, была изъята платина. Потом, когда начали искать кто же забрал платину, где официальный документ, нашли какую-то записку, оставленную профессору Желиховскому, уполномоченному университета. У меня такое мнение, что она просто попала в руки какому-нибудь из немецких офицеров.

Много оборудования попало в угольно-химический институт, который работал при немцах. Там был какой-то доктор химических наук, немец Кюн. Все это оборудование там уничтожено уже перед вторым выездом. В этот институт оборудование многих институтов было перевезено. Все оно там погибло. Не знаю, вывезли его немцы или просто взорвали.

Были случаи такого изъятия, что является просто офицер, просит открыть двери той или иной лаборатории. Если служащие убегали с тем, чтобы не открывать, то выбивали двери и потом уже, когда работники университета увидели, что прятанье ключей не помогает, то предпочитали лучше открывать. Они брали то, что им нужно. Например, из физического корпуса были взяты аналитические весы, разновесы аналитические, затем, кажется, миллиамперметр каким-то офицером без всякой расписки. Случайно уполномоченный университета этого офицера встретил в здании управы. Каким-то способом он его задержал и представил к обер-бургомистру. Этому офицеру было предложено вещи вернуть, и дня через три они были возвращены.

Для изъятия книг была специальная комиссия⁴⁴⁰. Очевидно, она существовала при отделе пропаганды, и специально были переименованы книги, которые подлежат изъятию. Книги вывозились просто подводами в плановом порядке.

Теперь перехожу к условиям жизни наших научных работников гор. Харькова, в частности университета. Примерно месяц, а может быть и раньше, спустя после занятия Харькова был назначен уполномоченный по университету. Это — декан физмат факультета, профессор Желиховский. Назначение производилось бургомистром управы. Бургомистром управы в то время был один из научных работников города профессор Крамаренко, который, по слухам, был немцами расстрелян.

Примерно с января месяца 1942 года был управой утвержден небольшой штат для охраны имущества университета под руководством этого

уполномоченного. Все остальные научные работники университета были зарегистрированы, как работники университета. Никакие материальные блага на них не распространялись. Я зарегистрировался. Наши технические работники сидели здесь и больше мы никуда не являлись. Списки руководителей факультетов утверждались управой, а весь профессорско-преподавательский состав, который не состоял юридически на службе, регистрировался здесь. Эта регистрация была одной из возможностей легального существования в Харькове наших работников, в противном случае они были подвержены изъятию на работу, угону в Германию и т. д., а этот документ до некоторой степени спасал. Давали специальное удостоверение в канцелярии университета.

О материальном положении вообще интеллигенции Харькова, в частности работников университета. До апреля, т. е. до весны население Харькова не получало хлеба и влачило буквально нищенское существование. То, что переживал Харьков, можно сравнить с тем, что переживал Ленинград в период полной блокады. Никаких продуктов питания не было у народа, и поэтому у нас была картина такова, что ты сегодня видишь одного из работников, а завтра — нет, т. е. он умер от голода. Я могу перечислить несколько имен наших работников, которые погибли от голода. Это доцент химического факультета тов. Шевцова, ассистент Епифанов, химик, профессор Попов, юрист, доцент физмат факультета Просчий и ряд других лиц. Я в феврале месяце, когда после возвращения Красной Армии в Харьков был назначен ректором университета, давал подробный список и он есть у меня. Человек 20 погибло у нас. Ряд работников университета был физически уничтожен, т. е. расстреляны и повешены, в частности, научный работник нашей биологической станции, которая размещалась в Змиеве, тов. Солодовников и сторож этой станции. Первый был повешен, второй — расстрелян за укрывательство партизан.

Пострадали из нашего профессорско-преподавательского состава все евреи. Из евреев преподавателей у нас уцелел один, благодаря своей ловкости и умению. Погиб профессор и доктор математических наук Эфрос⁴⁴¹, доцент Данилевский⁴⁴², доцент и декан биолого-географического факультета Мернес. Они были все расстреляны возле Тракторного завода, еще человека три, всего около десятка лиц погибло.

Примерно с февраля или в январе по университету были назначены официально ректор университета и проректор. Ректором был назначен профессор Ветухов, он же заведующий земельной управой харьковской. Он сам, кажется, работник сельскохозяйственного института. Я его видел один раз здесь в зале заседаний и затем слышал от лиц, которые слушали его доклад в университете. Он делал такой доклад: «Задачи университета при немцах». Что он говорил, я не знаю, во всяком случае, из его выступлений полуофициального характера перед научными работниками можно заключить, что это был махровый националист украинец.

Проректором по учебной и научной части был некто Рябоконт⁴⁴³. Это наш работник. Его я хорошо знаю. Он работал в университете около десяти лет. Тоже человек принадлежал к украинским кругам. Последние три или два года он был арестован за принадлежность к украинским кругам и выпущен после заключения, примерно, в январе 1941 года. Эти лица возглавляли университет. Что делали научные работники? Такие специалисты, как математики, филологи, географы, которые не имели в руках никакой прикладной специальности, они существовали за счет продажи собственных вещей. Никаких источников дохода у них не было. У химиков, в частности у меня, положение было лучше. Дома мы могли делать мазь, спички и это был единственный источник существования. В частности, Нагибин⁴⁴⁴, наш классик, почти весь период первой оккупации просил милостыню на площади, сидел в скамеечке с протянутой рукой.

В феврале 1942 года, когда уже примерно треть Харькова умерла с голода, не знаю по чьей инициативе, часть научных работников Харькова, в том числе часть наших научных работников была вывезена в Полтаву и Сумы с целью оказания им материальной помощи, т.е. дать возможность не умереть с голоду в Харькове. Поэтому часть наших работников, человек около 40 в тот период выехала из Харькова. Это было организовано очень плохо. Немцы показали, что никакой заботы о благосостоянии и благополучии научных работников тут нет. Очевидно, кто-нибудь из работников управы, который хотел показать заботу о научных работниках, настоял, а немецкое командование согласилось, но характеристика этого переселения такова: выехали потому, что здесь они тоже умерли бы. Старый профессор нашего химического факультета Дыбский⁴⁴⁵, старик, 72 года ему было, 50 лет он работал в нашем университете. Назначили явку на вокзал, — это мне дома его рассказывали сейчас, — к 5 часам вечера. Дело было зимой в феврале месяце. Старик тянул все, что у него было дома. Была слякоть. На вокзале он продрогший стоял с 5 до 10 часов вечера, поезда не было. Потом ему пешком предложили идти на Основу⁴⁴⁶ 7 км и погрузились они там в 11 часов ночи. Вагоны товарные, ни полка, ни скамеек, ни дверей, ничего и они сидели на собственных вещах промокшие, так что он, не доезжая до Полтавы, получил воспаление легких, а, прибыв в Полтаву, сошел с ума ото всех этих переживаний и в первый же день пребывания в Полтаве умер. По моему мнению, это была политика украинских кругов, что существует забота и безразличное отношение немцев.

Примерно с марта или, может быть, даже с февраля начинается мобилизация специалистов в Германию и, главным образом, химиков и физиков. От рядовой мобилизации трудовой спасала нас бумажка, в которой говорилось, что это профессор или доцент университета. Мобилизация эта происходила так уже в бытность ректора Ветухова. Являлся представитель управы и немецкого командования, в частности химиков.

Приезжал сюда трижды из Берлина некто профессор Андрусов. Я его не имел удовольствия видеть, хотя он трижды меня вызывал, как химика. По слухам это немец, кажется, рижский. Он и занимался мобилизацией химиков. Вызывали они всех. Причем, если ректор университета говорил, что этот работник находится на роли заведующего лабораторией для сохранения имущества, то его не трогали, на всех же остальных давали списки, адреса и к нам приходили домой с тем, чтобы пригласить или даже заманить силой. Несмотря на это, из химиков нашего университета в Германию выехало только два человека — это доцент Николаев, специалист по химии технологии и ассистент Казанская. У одного побуждений к выезду я не знаю, у второй — безвыходное материальное положение. Это жена нашего бывшего декана химического факультета. Она осталась с одной дочерью и буквально распродала все, что было, была накануне гибели, а второе, что ее заставило уехать — это то, что дочь ее подлежала мобилизации в Германию. Какова судьба ее там, не знаю. Доцент, инженер Николаев вернулся еще при немцах сюда по болезни. Выезжал он абсолютно здоровым человеком, прибыл — инвалидом. Детально я с ним не говорил, но слова его таковы.

— Откуда ты приехал?

— Оттуда, — сказал, — откуда никто живым не возвращается.

Очевидно, ему запрещено было говорить, где они работали и какие условия, но эта фраза достаточно характеризует условия работы наших научных работников в Германии. Причем, когда мобилизовали научных работников, в частности химиков, то тот же Андрусов говорил лицам, бывшим у него, что «вы едете не на условиях общей мобилизации, т. е. вы не будете заключены в концентрационный лагерь, будете иметь право свободного продвижения по улицам». Затем говорил, что «будете получать зарплату согласно занимаемой должности». Когда мы задавали вопрос: «А что же, эта зарплата обеспечит минимум, необходимый для существования?» он говорил: «Я затрудняюсь вам сказать, но, во всяком случае, три раза питание в день вы будете иметь» и предупреждал: «Если у вас есть костюмы, белье, обувь, то берите с собой. Там вы этого не получите».

Во весь период оккупации в университете абсолютно никакой работы не проводилось ни научной, ни, тем паче, учебной, потому что даже из школ работали только первые четыре класса, и то работало 25 школ в Харькове из ста с лишним, которые были. Почему я это знаю? Потому что я февраль-март, когда были наши, был заведующим Гороно. Как нам удалось выяснить, из этих 25 школ четырехклассных 4 школы специально были по подготовке шпионов из детей. Дети до 11–12 лет уже вербовались и подготавливались как будущие шпионы.

Так как работы не было никакой, то все имущество университета, кроме учебного, а такое, как мягкий инвентарь, подушки, одеяла, простыни,

портьеры с окон, с дверей и другой инвентарь постепенно куда-то исчезал. Найти виновника не представляется никакой возможности.

Я уже упоминал, что зарплата в университете получалась очень небольшая, примерно, человек 10 получали, не больше в то время, когда здесь было зарегистрировано около 200 человек.

Ветухов уезжал первый раз, потом вернулся и второй раз был ректором и проректор Рябоконь тоже уезжал и опять вернулся.

Кроме физиков, кажется, в Германию не выехал на постоянную работу никто, потому что мобилизовали только химиков. Есть один человек, который ездил добровольно в Германию из физиков. Об этом даже знает Хрущов. Он имел длительную беседу с ним. Это — доцент Ткач. Сейчас он у нас работает. Ткач у нас работал на кафедре технической химии до войны и воспитанник нашего университета, молодой человек 1910 или 1911 года рождения. Работал он на секретных работах, в частности, работал над передатчиком и приемником ультракоротких волн. Эта тема была начата в период объявления войны, были получены результаты, но результаты эти он не мог сдать. При немцах, не знаю по чьей инициативе, он ездил в Берлин и делал доклад на эту тему. По его словам, его доклад произвел ошеломляющее впечатление в Берлине, и они даже удивились, что у нас в Советском Союзе такого порядка работа проводится.

Он был там, может быть, около месяца, вернулся сюда и в порядке товарищеской беседы с работниками своего факультета излагал свои впечатления. Эти впечатления были самые восторженные. После этого он получил назначение в УФТИ, заведовал там лабораторией, и только вчера мы беседовали с одним членом партии, который имел с ним общение дружеское, говорил, что Ткач был допущен ко всем секретным аэродромам немцам.

Кто ушел с немцами? Ушли еще вы первый период два человека, запятнавшие себя со всех сторон — это профессор Парадизский, занимался историей украинской литературы. В свое время, примерно лет 10 тому назад он был замечен в причастности националистическим украинским кругам. Причем, это проявлялось в его научных работах. Затем он поклялся, как и многие клялись, и последние годы был настроен не только лояльно, но и в своих работах и на собраниях активно выступал. Перед войной был в научной командировке на Западную Украину, как специалист по истории украинской литературы, для сбора материалов по своей специальности. Приехал оттуда, когда там уже были первые бомбежки, тоже советски настроенный, и буквально через десять дней после оккупации Харькова начал выступать в прессе. Издавалась такая газетка небольшая в Харькове «Нова Украина». Буквально в каждой газете — его статьи, причем, статьи такие, что я не мог их читать. Они наводили ужас на меня. Все, что может у человека накопиться в течение десятка лет, вся эта грязь вылилась на партию, угрожал Сталину.

Он выехал после первого отступления немцев и во второй раз он не появлялся сюда.

Тогда же выехал молодой, талантливый кандидат филологических наук Шевелев. Это менее ярко выраженный националист, но работал в управе, заведовал отделом печати, кажется. От него зависело разрешение печатать объявления и т. д. Он выступал тоже на страницах этой «Новой Украины», но со статьями чисто научного порядка, хотя тоже направленных против советской власти.

Во второй период отступления ушел доцент филологического факультета Крылов И. М. Он работал в отделе народного образования методом в части украинского языка. Первый раз остался при наших в марте, регистрировался и даже работал. При второй оккупации остался здесь снова и сейчас ушел. Причины ухода мне не известны.

Затем остался в Киеве в Академии наук уже немецкий профессор Клеонов. Он оставался в период первой оккупации здесь, но очень быстро, примерно декабрь, январь, может быть, февраль 1942 года он уже устроился в Академии наук и там возглавлял сектор ботаники. После этого он в Харьков не возвращался.

Затем ушел с немцами старший преподаватель, историк и классик Державин. Он у нас работал в университете по совместительству на полставки. Личность неприятная, но большей характеристики я дать не могу, потому что он не наш основной работник. Других работников университета, в какой-либо мере запятнанных или ушедших в Германию, я не знаю.

Как я остался как член партии? У меня, прежде всего, были чрезвычайно трудные семейные обстоятельства. У меня семья, кроме меня, состоит из 10 человек, причем, одни нетрудоспособные. Отец 65 лет, мать 62 года, жена трудоспособная, но стала нетрудоспособной, потому что у нее 3-месячный ребенок был, сын, теперь ему уже 2 года и он без меня здесь вырос. Дочь 15 лет, мать жены. Причем, жена — еврейка и мать ее еврейка. Жена — полурусская. Затем, семья мужа сестры была подброшена. Он сам член партии, погиб при эвакуации Одессы, старый партийный работник. Он еще до начала эвакуации Одессы прислал свою жену, сынишку 3-летнего и дочь. Все они приехали из Одессы в июле, кажется, в чем были и все это на мое обеспечение. Я их пытался вывезти в порядке уже эвакуации. Начальником эвакуопункта был наш же студент. Достал удостоверение, вывозил трижды на вокзал, но никакой возможности сестры не было, и мы возвращались трижды с вокзала. Это меня и оставило в Харькове, причем, последний раз, — это было 18 числа, за пять дней до взятия Харькова, — мою жену, дочь, маленьких ребят и сестру жены мне разрешили отправить с госпиталем. Но 24 часа просидели на Основе и были выброшены из этих вагонов, уехать им не удалось.

Когда я уже увидел, что мы выехать не можем, я мог бы пешком сам идти, но оставить всех их здесь беспомощными было невозможно. Так как

все знали, что я член партии, я сам скрывался у родных, в подвальной комнате под домом построил ложную стенку и за этой стенкой первые две недели при немцах сидел и не выходил на улицу. Потом ко мне пришел уполномоченный университета профессор Желиховский и говорит:

— Дмитрий Андреевич, сидеть долго нельзя, все равно ты должен появиться. Приходи в университет, я тебя зарегистрирую и, таким образом, ты сможешь свободно продвигаться по городу.

Я зарегистрировался в университете и с этой бумажкой пошел на биржу труда. Пошел я после того, как все наши ходили и там никаких проверок не было. На моем документе поставили штамп и больше меня не трогали, потому что я числился при университете. Биржа труда помещалась на Сумской улице, рядом с бывшей ордкомендатурой немецкой. Профессор Желиховский очень мне помог материально, пытался сделать меня заведующим хозяйством университета, но когда мое имя дошло до уст управы, то там категорически заявили, чтобы Корниенко в университете не был, поэтому даже на роль завхоза моя кандидатура не подошла.

В этот период, примерно до января, февраля я даже дома ничем не занимался, потому что было такое подавленное состояние. Мы жили исключительно продажей вещей. То, что я буду говорить о себе, это относится абсолютно ко всем. На протяжении трех или четырех месяцев мы в Харькове не видели ни одного грамма хлеба, потому что дороговизна была чрезвычайная. Единственно, что жена и мать могли покупать — картофельные очистки, которые собирались на помойных ямах. Они котировались очень дорого на базаре. Это уже нужно приписать к чести жены, она как-то мыла, перетирала на мясорубке. Это заменяло нам все. Я ровно 45 кг потерял за это время.

С февраля месяца все наши химики, не числившиеся работниками университета, занялись производством спичек. Эти спички потом уже дали возможность нам кое-как существовать. Это — единственный источник материальный для нашего существования.

С марта или даже с февраля, когда началось преследование евреев, для меня вопрос усложнился. Держать уже здесь мать жены я не мог. В управу я явиться не мог, была регистрация членов партии и комсомольцев. Я не являлся никуда и вот профессор Желиховский мне периодически доставал без моей явки в райуправе пропуск из Харькова. Это давало мне возможность куда-нибудь убраться на село. Воспользовавшись таким пропуском в Ахтырку, я в феврале или январе, когда началось поголовное изъятие всех евреев, мать моей жены отправил в Ахтырку. Жена с ребятами была направлена в Дергачи⁴⁴⁷ к родственникам, 18 км отсюда в направлении Белгорода. Я остался в Харькове, пользуясь подвалом у родных и наличием нескольких квартир своих и знакомых, и периодически выезжал то к жене на Дергачи, то навещал мать жены в Ахтырке.

Уже к концу оккупации, с декабря 1942 года мне удалось устроиться в одной местной организации, товариществе «Достаток» заведующим производственной частью, где я тоже организовал производство спичек. Три месяца я работал в этой организации. За месяц до ухода немцев в управу поступило заявление о том, что я член партии. До этой поры никто этого вопроса не поднимал. Я по городу не особенно появлялся, но все-таки ходил, приходил иногда в университет. Было подано заявление, что я член партии и остался в Харькове с целью диверсии. Об этом меня предупредил один старый мой преподаватель. С 1923 г. по 1937 я был заместителем директора по учебной части в одном из химических вузов. Преподаватель, который там работал у меня, некто Перепелченко, работал в районной управе, кажется, каким-то инспектором. Он меня предупредил, что есть такое заявление и нужно скрыться из Харькова. Последний месяц перед приходом Красной Армии я скрывался в Дергачах у своих родственников. Дергачи были заняты дня на три раньше Харькова, потом был занят Харьков. Вернулся я в Харьков на третий или четвертый день после его занятия. Спустя дней десять прибыла жена с ребятами из Дергачей. О матери жены мы не имели никаких известий до третьего дня. Мы считали ее погибшей. Когда Харьков и Ахтырка были освобождены, я не имел возможности туда поехать, потому что получил назначение в обкоме партии ректором университета и заведующим Гор-оно. В это время у меня было столько работы, что я выехать не мог.

Мы отступили из Харькова 10 марта, прибыли снова в Харьков сейчас, месяц ничего не имели от нее, считали, что она погибла. Третьего дня она приехала, живая.

Я не помню, кажется, в начале декабря было вывешено объявление по городу о том, что все евреи, даже крещеные, или кто имеет связь с евреями по крови, должны в течение пяти дней или трех выбраться за территорию города к Тракторному заводу. И вот, это переселение длилось, правда, больше назначенного срока. Погибло около 30 тыс. евреев. Это была ужасная картина. Гололедица, мороз, они тащат на себе вещи, везут саночки, падают. Все даже боялись подойти к ним. Это незабываемая картина.

И вот, был такой случай. Один мой коллега по выпуску и профессии, он профессор ветеринарного института, тов. Куценос, русский, как и я, а жена у него полуврейка. Жену его забрали и расстреляли. Ребенка он сумел оттуда вырвать.

Какова судьба всех евреев? После высылки туда, они существовали там, примерно около месяца, были размещены в холодных бараках. Зима, уже январь, февраль месяц, топки не было никакой. Площадь, где они помещались, — это я знаю со слов тех, кто носил им пищу, — была огорожена колючей проволокой, и за эту территорию евреи не имели возможности выйти. Потом, спустя полтора месяца их всех расстреляли, начиная

с маленьких грудных детей, кончая стариками. Были случаи отдельного ухода. Был выход такого порядка, что носили им пищу, проносили одежду. Они имели право выйти за водой. Вышли за водой, их переодевали и они исчезали. Некоторые туда ходили. Во рвах находили трупы детей, женщин, мужчин. Таким образом, все евреи, около 30 тыс. в Харькове погибли.

Вот слова профессора Эфроса. Мы с ним встретились в период выселения евреев. Он говорит:

— Дмитрий Андреевич, какие мы малодушные, что испугались под пулями уходить из Харькова. Но если бы сейчас сказали: в одних трусах, зимой беги в Верхоянск⁴⁴⁸, я бы, не задумываясь, бежал туда.

После этого события я еще месяц держал у себя мать жены, а потом кто-то донес с места ее старой работы, что она еврейка. Это уже угрожало всем нам. После этого я направил ее в одно место, жену — в другое и сам на одном месте не жил.

Все члены партии были взяты как заложники и все они погибли, официально зарегистрировавшись. Может быть, отдельным лицам удалось этого избежать. Они находились некоторый период в гостинице «Интернационал»⁴⁴⁹ на площади Дзержинского, затем были переведены в здание гестапо, а перед сдачей Харькова расстреляны в парке.

Какие картины мы наблюдали в Харькове в результате этого так называемого «нового порядка в Европе и освобождения», как они говорили, «от коммунистического гнета»? В Харькове в течение полутора месяцев мы могли видеть ежедневно такую картину. Во-первых, поджигают какие-нибудь учреждения немецкие или конюшни. Так было сделано на Журавлевке. Возле Журавлевского базара⁴⁵⁰ немецкие конюшни были подожжены, затем по Чернышевской улице, Дом Косиора был заминирован нашими перед отступлением и там взлетел на воздух один штаб германской армии, погибло несколько генералов, офицеров. И вот, в результате этих выступлений народ поголовно уничтожался, причем в назидание всем в течение месяца, примерно через каждый пять дней вешали новых людей, начиная от вокзала «Южный»⁴⁵¹ и до парка. На каждом балконе висело по 3–4 повешенных и все это не убиралось, надпись — «партизан», без всякой надписи. За пожар на Журавлевке было повешено около 30 человек, причем, из каждого дома по человеку. Не разбираются, кто вы. Стучат в вашу квартиру. Кто открывает, того и тянут для повешения.

В период всех этих непорядков, с их точки зрения, они брали заложников. В 9–10 часов вечера открывают дверь и первого попавшегося мужчину, женщину брали в качестве заложников. Искали коммунистов, комсомольцев по списку, составленному в управе. В течение месяца-полутора происходила такая вакханалия. Большинство из взятых в качестве заложников, погибло. Даже лица, явно физически непригодные ни к какой партизанской борьбе, брались. Я знаю члена партии карлика, тоже был расстрелян.

Здесь недалеко есть селение Жихарь⁴⁵². Там, якобы, были пороховые склады, снаряжение немецкое. За месяц до отступления немцев в один из вечеров, часов в 8–9 начались взрывы и продолжались они почти всю ночь. Впечатление такое было, что уличная стрельба, бой идет на улице. Я в то время был у одного товарища. Дня через два я попал к родным в район Журавлевки. Так они говорят, что немцы настолько были испуганы этими взрывами, что часть офицеров переделалась в женское платье, бежали из домов. Все солдаты, которые в том районе были, вышли на улицу, на площадь. Потом оказалось, что это горели и взрывались снаряды на складе. Некоторые, жившие там, говорили, что прилетели на самолете, и одна из бомб попала в этот склад. Другая же версия, что это подожгли партизаны⁴⁵³.

Партизаны действительно в городе были и работали. Например, лица, живущие на Холодной горе, говорили, что там был отравлен источник водоема, откуда немцы брали воду. Затем, поджег конюшни — это работа партизан. Мелкие акты партизанского характера, конечно, имели место в Харькове.

В момент вступления немцев я сидел в подвале. Были уличные бои. Немцы заняли первый раз город со стороны Холодной горы. Наши части последними выезжали на Холодную гору, чтобы оказать им сопротивление. Потом они оттуда отступили и были наши пушки установлены возле штаба УРО на площади Фейербаха. Затем немцы их оттеснили, и они установили пушки на Конном базаре. Когда наши части, постепенно отступая с Холодной горы, дотянули до Конного базара, уже немцы обошли город с южной стороны и ворвались на Конную площадь по Молочной улице. Таким образом, нашим последним частям, которые защищали Харьков, они зашли в тыл. Один из наших студентов последним защищал Харьков. Он потом был здесь при немцах, говорит, что «мы отступали» и в период, когда наши вошли в Харьков, он снова поступил в Красную Армию. Он говорит, что «все мы были взяты в кольцо. Часть нас погибла, а некоторая часть разбежалась по улицам». В числе сбежавших был и он. Фамилия его Телетов, племянник нашего профессора.

Из Харькова я уходил 10 марта 1943 г., 8 число, международный женский день. Провели мы собрание. Было у нас собрание в горсовете, в университете, затем общегородской митинг был в театре русской драмы⁴⁵⁴. Всюду я присутствовал по долгу службы, а кроме того, после полутора годового перерыва мне просто приятно было принимать в этом участие. 8-го вечером никто еще не знал об угрозе Харькову. У меня, в частности, в квартире жил старый работник НКВД. Когда я после этого митинга пришел часов в 10 домой, мы с ним посидели. Вдруг — стук в дверь, часов в 12. Ему предлагают сесть в машину и выехать. Он говорит:

— Скажите, что меня дома нет.

Мы через дверь сказали, что его нет. Поспали мы с ним. Часов в 7 утра прибегает кто-то из облисполкома и говорит:

— Михаил Наумович, отправляется последняя машина, скорей уезжайте.

Он быстро сложил все, что ему было нужно в чемодан, и побежал в облисполком. Когда я узнал, сейчас же прибежал в университет, потому что большая часть профессоров второй раз оставаться уже не имела желания. Я собрал здесь тех, кто пришел, и говорю, что «Товарищи, будьте здесь, я побегу, узнаю в облисполкоме и обкоме партии».

Начинается усиленная бомбежка с 12 часов дня, причем, примерно самолетов 50 налетает. 9 числа бомбили, главным образом, район Журавлевки, затем проспект Сталина, район Конного базара, заводов и нагорную часть⁴⁵⁵. Бомбежка была с часовым или двухчасовым перерывом с 12 до 3 часов, с 5–6 вечера до 9.

Я прибежал в облисполком. Там уже настроение тревожное. Больного председателя облисполкома, — он был в тифу, — увезли 8-го, 9-го я имел еще возможность беседовать с заместителем председателя облисполкома, секретарем облисполкома, секретарем по агитации и пропаганде обкома партии. Они говорили, что не знают, какое положение. Спрашиваю, что мне делать.

— Ну, что делать, возьми удостоверения, отправь в университет. Пусть каждый напишет себе удостоверение, что он уходит, и посылай к нам. Приди часа в четыре дня.

Перед этой бомбежкой я бегал все время в горсовет, университет, обком и облисполком. Части наших профессоров, кто захотел выйти пешком, такие удостоверения присылали сюда. Они были подписаны облисполкомом. Когда я спрашивал:

— Какие-нибудь средства передвижения будут?

— Нет, — отвечали.

— Куда идти?

— Куда хотите.

— Куда безопасней?

— Не знаем.

В 9 часов вечера, после окончания второй бомбежки, я, жена и старшая дочь 15 лет, — сынишку 1½ года я оставил родным, — вышли из города по направлению к Салтову и Валуйки⁴⁵⁶, потому что когда мы вышли из города, сказали, что в купянском направлении что-то было. Я знаю направление хорошо, пошел той дорогой, где меньше всего транспорта. Мы пошли проселочной дорогой. Шли всю ночь до утра. Собираться было некогда, с собой даже не взяли на троих одного одеяльца. Вокруг дома упало шесть бомб и когда мы вышли, в квартире не было ни одного стекла.

Всю ночь с 9-го на 10-е и следующую ночь дороги, по которым отступали жители и войска, бомбили немецкие самолеты. За ночь мы сделали 45 км по проселочной дороге.

Что творилось в Харькове в это время, со слов родных? 10-го была такая же бомбежка, как и 9-го. 11-го с утра уже нагорная часть Харькова, т. е. парк, Шатиловка была занята немцами — это со слов Сушкевича⁴⁵⁷, который живет в нагорной части. Занятие Харькова происходило с 11-го по 15-е. Наши Харьков сдавали улицу за улицей. На той территории, где живут родные, они немцев увидели первый раз 15 числа.

Харьков заняли эсесовские части. Все, кто остался в Харькове, говорят, что они переживали нечто невероятное. Жителей, которые прятались в подвале, немцы или расстреливали, или бросали гранаты. Там, где живет отец, был такой случай. 2 человека вылезли из подвала. Спросили, есть ли кто-нибудь еще.

— Есть.

— Пускай вылезают.

Не успели те сказать, как немцы бросили гранату и все погибли, а этих за воротами пристрелили. Так что расправа была жестокая со стороны эсесовских частей, которые заняли город. В частности, погиб наш один доцент, некто [М. С.] Саврон, астроном по специальности. Он жил в доме научных работников по Барачному переулку, 8. Когда немцы наступали, то кто-то из их дома смотрел в бинокль. Немцы пошли по квартирам, и кого попало стреляли. Так попал и Саврон.

В доме моего отца первые десять дней расположились эсесовцы. Бесчинства, пьянство. Стариков, двух женщин, маленького ребенка заперли в одной комнате, бесчинствовали в остальных комнатах, подожгли пианино, побили всю посуду и стреляли через стенку в ту комнату, где находились старики и дети. Потом, к счастью народа, они были куда-то отозваны.

Я вернулся 29 августа. Сначала вернулись дочь и я.

9 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 74–79об. Оригинал, машинопись).

№ 17

Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском сельскохозяйственном институте с проф. Мигулиным А. А., Телетовым И. С., Супруненко А. И., Смирновым В. Г. и Писчимуклой П. С.⁴⁵⁸

Присутствуют: 1. Профессор Мигулин Алексей Алексеевич, доктор биологических наук, беспартийный, 1893 г. рождения. Окончил Московский университет, естественное отделение физико-математического факультета. Украинец. Семейный.

2. Профессор Телетов Иван Сергеевич, доктор химических наук, 1878 г. рождения, беспартийный, армянин. Окончил Рижский политехнический институт, ученик Вальдена. На Украине живу с 1914 года.

3. Профессор Супруненко Александр Ильич, кандидат сельскохозяйственных наук, 1884 года рождения. Украинец. В Харькове с 1914 года. Беспартийный. Окончил Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт (Люблинская губерния).

4. Профессор Смирнов Владимир Георгиевич, доктор сельскохозяйственных наук. 1883 г. рождения. Русский. Беспартийный. Окончил Московский университет по специальности агронома. В Харькове с 1914 г.

5. Писчимука Петр Семенович, профессор, доктор химических наук, член-корреспондент Белорусской Академии наук, 1879 г. рождения, беспартийный. Окончил Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт.

Профессор Супруненко. Институт, в котором мы сейчас находимся — Харьковский сельскохозяйственный, является институтом, эвакуированным из царства Польского из посада Новая Александрия в 1914 году в связи с первой империалистической войной. Институт старинный, перед войной в 1941 году праздновал 125-летие. Приехали мы сюда, сначала устроились плохо, но в 1920 году советская власть поставила институт очень хорошо, дала здание бывших женских курсов, дала ферму, имение. Имелось больше десяти докторов, потом кандидаты, очень сильный состав. После Петровки — это второй институт. Он имел право присуждать степени доктора и кандидата сельскохозяйственных наук, очень обставлен.

В смысле материальной базы институт имел огромные возможности, колоссальные научные кадры большие, накапливавшиеся в течение 20 с лишним лет кабинеты и лаборатории, выпускал массу работников на выдающиеся посты. Кадры были самые сильные во всем Союзе после Петровки. Сначала у нас было четыре факультета: сельскохозяйственный, агрономический, мелиоративный и лесной. Мелиоративный был переведен в Одессу, лесной — в Киев и остался чисто сельскохозяйственный институт с разделением агрономических и сельскохозяйственных растений.

В таком виде нас застала война. Много профессоров уехало, самые ценные кабинеты эвакуированы и в Узбекистане, в Катакургане он начал работать, функционирует все время, сделал выпуск около ста агрономов. Таким образом, институт не прекращал своей деятельности. Огромные богатства института заставили группу преподавателей соединиться и поддерживать институт.

В конце октября собралась коллегия, выбрала временно директором профессора Воробьева⁴⁵⁹, доктора сельскохозяйственных наук,

преподавателя растениеводства. Выборы были произведены по личной инициативе.

Профессор Телетов. Кем были вдохновлены выборы, мы сами не знаем. Несколько человек нас при сельскохозяйственном институте были уполномочены сохранить имущество все. Мы пошли к бургомистру, профессору-химику Крамаренко, который расстрелян немцами. Мы его знали, скромный научный работник, толковый керамик. Мы все были поражены, по какому признаку, кем он был выделен. Потом он был обер-бургомистром. Он был выделен украинскими националистическими кругами⁴⁶⁰. Почему, я не смогу сказать.

Профессор Супруненко. Эта наша группа, которая образовалась, друг друга вызывала, узнавала, кто где и занималась только институтом, а бургомистр был назначен чуть ли не на второй день.

Профессор Телетов. В нашей группе были Андреев, Воробьев, Михайловский и я. Отправились к Крамаренко, чтобы узнать, как они смогут поддержать. Как только немцы вступили сюда, они набросились на это здание, сломали двери в кабинетах, все перевернули. Искали, главным образом, физические приборы, аккумуляторы и т.д. Тогда Крамаренко дал как бы защитную грамоту для нашего здания и назначил несколько человек уполномоченными. Потом такие же уполномоченные были по другим институтам. Мы все соединились, надо было какую-нибудь фигуру поставить. Как-то собрали всех, и было предложено выбрать директора. Выбрали Воробьева. Воробьев был очень недолго, потому что его арестовали. Кто и за что — мы до сих пор не знаем. Был вариант, что его вывезли наши партизаны, но это маловероятный вариант. О дальнейшей судьбе Воробьева и его семьи ничего не известно. Воробьев был арестован, на другой день была арестована вся семья его с домработницей. Вместе с этим было арестовано человек шесть, хирург Недохлебов, хирург Шевандин. Судьба их неизвестна. Когда наши вошли сюда, тогда начали получать письма. Мне говорили, что Недохлебов и Шевандин работают в госпиталях Союза.

Думали, что Воробьев где-нибудь существует. Наш директор, приехавший из Катакурмана, говорит, что видел Воробьева и его семью убитыми в поле.

Воробьев директором пробыл несколько дней, а после него был Михайловский, профессор математики. Он был как будто другим заместителем директора по научной части. Наша цель тогда была собрать все так, чтобы институт оставить, как был. Это нас спасло, потому что, когда немцы приходили спасать это здание, видя, что это кабинеты, уходили.

Мы до весны 1942 года были предоставлены сами себе и в 1942 году уже немцы заинтересовались нами. Появился сразу профессор Зоммер по линии Викадо. Они смотрели, ходили, и уже летом был назначен граф Мергензен. Они все похерили и образовали агрономическую школу⁴⁶¹.

Профессор Супруненко. Значит — инициативная группа, потом другие привлекались. Мы разработали программу и учебный план на пяти факультетах: сельскохозяйственном, зоотехническом, лесном, землеустройства и механизации сельского хозяйства. Причем, разработали учебный план и программу так, как мы их понимали по старой традиции Ново-Александровского института. В таком анабиотическом состоянии, т. е. перевариваясь в собственном соку, мы были до середины лета 1942 года. В середине лета был назначен граф Менгерзен. Он являлся комиссаром в полном смысле этого слова, так сказать, обер-директором.

В феврале, когда Михайловский уехал в Полтаву, тогда, чтобы устроить публику там на питание, назначен был доцент физики Витязь из университета, лицо совершенно постороннее институту, человек с украинской ориентацией. Это назначение было произведено отделом народного образования городской управы. Мы существовали так до октября месяца 1942 года, т. е. ровно год. В 1942 году в октябре нам устроили курсы.

Профессор Телетов. Витязь нам был рекомендован как доцент Харьковского университета и кандидат физических наук. Он себя величал профессором, но он даже трех курсов университета не кончил, преподавал в школах, потом был преподавателем в Промакадемии. Там, как академический работник, он был нуль, а назначила его управа. Мы все с немцами никакого соприкосновения не имели, и даже нам было прямо сказано со стороны нашей администрации, что всякое обращение к ним может быть только через директора, но не непосредственно.

С октября еще кое-как мы ели, потом начали голодать. Я могу про себя сказать, что мне целый день хотелось есть. Ночью я просыпаюсь, чувствую, что мне есть хочется. Все продавали. Целую группу мне удалось спасти от голода. Я здесь затеял спичечное производство, и пока немцев не было, мы эти спички прекрасно делали. Те, кто работал, не голодал. Я начал делать спички, и сам руководил этим делом. Человек 25 преподавателей, лаборантов, технический персонал кормились около этого дела. Кто соломку делал, кто — коробки, кто растирал массу. Конечно, делали мы спичек немного, но цены на спички стояли 30–40 рублей коробка. Научившись, многие начали на дому делать.

Так мы зиму 1941–1942 года жили. Но эти спички не могли полностью удовлетворить. Потом это дело распалось, потому что немцы посмотрели на это так: как это в сельскохозяйственном институте спички делают? Но тут уже огороды нас начали спасать.

Профессор Мигулин. Каждый по-своему приспособлялся. Я зиму 1941–1942 г. прожил, как биолог за счет того, что после прихода немцев взял две дохлых лошади, которые валялись на лугу. Я живу в 10 км отсюда, в поселке Липовая Роща⁴⁶². Немцы стреляли на помойке собак. Сначала мы брезговали, а потом съели больше двух десятков собак. Представьте себе, что это мясо оказалось более приятным, чем конина. Однажды

они, очевидно, убили свою собаку, потому что это была жирная, очень вкусная немецкая овчарка, которая доставила нам большое удовольствие. В течение недели мы ели замечательные котлеты.

Я имел небольшой огород. У меня была свекла. Приходилось ее очень экономно расходовать. В эту зиму я чуть не погиб. Периодически приходилось ходить в Харьков, и в один из переходов я много раз останавливался. У меня было гриппозное состояние, я даже думал, что домой не вернусь.

Там мы прожили зиму 1941–1942 г., а с весны взялись за усиленное копание огородов.

Я жил в небольшом домике, а немцы не особенно охотно посещали плохие домики. Одно время жил у меня ефрейтор немецкий, кузнец по профессии, из санитарного батальона. Он был не чистокровным немцем. Этот немец оказался довольно добродушным, уже был немолодым человеком, так что в отношении к нашей семье скверного он ничего не сделал. Прожил месяц, потом этот санитарный батальон двинулся дальше, и после этого у нас уже немцы не стояли.

Немцы не стеснялись, могли брать, что им понравится. Иногда они даже не брали, а покупали, причем, могли купить вещь, которая стоила 1000 рублей за марку.

Профессор Писчимука. Меня дважды ограбили немцы. Они заходили на квартиру раз шесть человек, раз — одиннадцать, с револьверами, ружьями, с фонариками, под вечер. Искали по темным углам, под кроватью, под диваном, брали, что нравилось. Брали дамские вещи, платье, туфли модельные у жены, часы взяли, портфель, кожаные вещи. Через 5–6 дней был более серьезный налет. 11 человек явились с подводами, выносили вещи и бросали на подводу, очень быстро уезжали, потому что можно было жаловаться. Чтобы избежать всяких недоразумений, они быстро скрывались.

Профессор Смирнов. Первые приходили под видом обыска, нет ли оружия.

Профессор Супруненко. Если у вас заперты двери, то двери выламывали, дома вы или нет. Сахар брали, шоколад и удивлялись, что мы бедные.

Профессор Телетов. С одним моим знакомым поступили так. Увидели у него на руках перчатки, начали снимать. Он возмущился:

— Вы можете попросить, может быть, я вам так дал бы.

— Мне некогда, — снял перчатки и пошел.

Часы у вас на руках. Ему понравились эти часы. Он предлагает купить у вас. Если не продадите, снимет бесцеремонно. Если продаете, дает марку-две. Если он входит в квартиру, то незаметно как будто походит, осмотрит квартиру. Если часы лежат, возьмет.

Профессор Супруненко. Шла одна дама. У нее была меховая шубка, тысяч на 15. Заходят в помещение и даме предлагают зайти. Дают ей 300

рублей, и когда она пыталась жаловаться, ей говорят: вам же заплатили. Очень любили портфели. Марку даст и уйдет.

Профессор Мигулин. Я могу такой случай рассказать. В зоопарке немец купил говорящего попугая за 10 марок.

Профессор Смирнов. Пришел офицер с крестом, потребовал, чтобы ему дали обезьяну. Взял ее. Зачем ему эта обезьяна — неизвестно.

Профессор Телетов. Так, в квартиры заходили, смотрели. У меня квартира небольшая. Нас было пять человек. Спрашивают, сколько человек живет. Пять. Уходили. А надо мною заняли квартиру. Я ждал, когда наши придут. Я был уверен, что все равно Харьков немецким не останется. Но когда это будет, никто из нас не мог сказать.

Если я иду по улице, вижу, что немец идет, перехожу на другую сторону. Вот я иду по одной стороне улицы, вдруг кто-то мне кричит. Я оборачиваюсь. Никого нет. Потом вижу, машут. Оказывается, с верхнего этажа, они должны что-то взять. Я говорю, что я профессор, तोплюсь.

— Пять минут только.

— У меня сил, — говорю, — нет.

— Ничего.

Были случаи, если кто артачится, прямо в зубы. Один воспитанник университета пришел ко мне на квартиру с рассеченной губой. Оказывается, его хотели взять на работу, а он показал удостоверение, что не подлежит привлечению ни на какую работу. Они видят, что не могут его взять, ударили в зубы.

Я с ними драться не мог, пошел наверх. Смотрю, квартира, из комнаты какой-то диван вытаскивают. Там был еще один немец. Они подняли подушки. Диван набит книгами. Начали выбрасывать. Я стою. Прошло минут 10–15. Я не знаю, что мне делать. Вдруг подходит этот немец и говорит мне:

— Идите домой.

Я поворачиваюсь, смотрю, в соседней комнате стоит доцент Петренко и показывает им какие-то документы. Потом я его встретил. Он говорит: «Мне пришлось нести». И так они часто забирали людей прямо на улице.

Профессор Смирнов. С профессором Сериковым был случай. Он совершенно расслабленный старик. К нему подходит немец, говорит:

— Иди во двор, будешь мести двор.

— Я же стар, — говорит тот.

— Нет, иди и мети. Ты будешь недолго мести.

Как он ни отказывался, показывал документы, все-таки он дал ему метлу и заставил мести, а потом говорит:

— Теперь убирайся вон.

И тот ушел. Это просто издевательства. Ему, видно, доставляло удовольствие, что он может заставить русского профессора мести двор.

Профессор Супруненко. Когда у них несколько дней ходили трамваи, то в первых вагонах ездили немцы, русские — во вторых, даже если первые вагоны были совершенно пустые.

Профессор Писчимука. Это все делалось, как частная инициатива, а не было общей инициативой. Домоуправления проводили сбор подарков для фронта. Коменданты ходили по домам и под угрозой получали подарки. Это было в 1941 году. Потом отнимали валенки, у кого есть, полушубки, все теплые вещи. Население осталось буквально разутым, раздетым.

Профессор Мигулин. Зимой 1941–42 г. раз в месяц выдавали 900 грамм или кило проросшей ржи.

Профессор Смирнов. Как мясом нас кормили. Говорят: у нас мясной суп. Это значит, в столовку дали кости. Из этих костей варится суп. Это называется мясным обедом. Но эта столовая была организована осенью 1942 года.

Профессор Телетов. Когда директором был Михайловский, он в Викадо хлопотал, чтобы нас поддержать. Он пришел сюда и говорит, что кто-то очень извинялся, что много дать не может, но десяти человекам по 50 марок он выдал. Это раз только было, а потом уже я не помню, когда назначили старым профессорам по 700 рублей в месяц, кажется, с апреля 1942 г., но и то давали не каждый месяц. Это платила городская управа. Потом тем, кто был академпенсионерами, городская управа начала выплачивать пенсию по 200 рублей в месяц. Нас четыре пенсионера получали пенсию в районной управе. Когда открылась агрошкола, начали платить профессорам по 1000 рублей, директору — полторы тысячи, доцентам 900–700 руб., рабочим платили 400–300 рублей.

Здесь была устроена конференция перед открытием агрошколы. Она продолжалась 10 дней. Масса всевозможных докладов было. Там и земельный вопрос, и рыболовство, и животноводство, овцеводство, растениеводство. Мы все были обязаны присутствовать. Курсы были устроены с целью научить, как нужно читать лекции. Говорили о том, как в Германии поставлено сельское хозяйство, о том, что нужно вставать, когда приходит преподаватель, а староста должен рапортовать. Если немец вошел, то рапортовать должен староста. Книги на столе не должны лежать. Один преподаватель положил на стол книгу, так он кричал на него истеричным голосом.

У них как будто сельскохозяйственное образование в Германии начинается с 6 лет. Он поступает в нормальную народную школу и там сельскохозяйственный уклон выражается в диктовке, арифметика на сельскохозяйственных объектах, так что у ребенка ухо привыкает к сельскохозяйственным наименованиям. Из этой нормальной школы он поступает в ... [слово неразборчиво. — Сост.], где знакомится с сельскохозяйственными дисциплинами. При этой школе имеется имение, и дети там работают. После этой школы он идет на практику, три года работает там.

После практики он возвращается в сельскохозяйственную специальную школу. Тут он слушает три года курс. После окончания общей школы они из всех учеников отбирают 25% лучших, остальные остаются работать, как работали. Эти 25% поступают в сельскохозяйственную специальную школу, где они работают три года. При этой школе уже имения нет, а есть только опытные поля, он уже учится опытам в полевом масштабе. По окончании этой специальной школы он опять идет на практику на один год и работает как бригадир. Из них опять отбирается 25% лучших и они поступают в агрономисшемул. При этой агрономической школе нет ни имения, ни полевых участков, а есть только опытный участок. Тут он знакомится с опытным делом. Здесь никаких уклонов нет, агроном должен быть знаком со всеми отраслями сельского хозяйства, но он может сам углубляться в том или ином направлении. Он обращается к профессору, говорит: меня интересует ваша дисциплина. Тогда вы даете ему определенное задание, специальную тему, над которой он работает. По окончании этой школы он уже идет в имение в качестве заведующего целым хозяйством.

Эту систему излагал доктор агрономии Геттингенского университета. Зоммер тоже профессор Геттингенского университета, зоотехник. Когда задавали вопрос:

- Что же, этим агрономическое высшее образование кончается?
- Да.
- А где же научные силы воспитываются?
- В университетах.

Задавали вопросы многие, что хорошо, что, поступая в агрономическую школу, он уже знаком с сельским хозяйством, с дисциплинами сельскохозяйственными и т. д., но у нас же нет такого контингента. Говорят — ничего, получается. У нас агрономические школы были не серьезные. Задавали вопросы, а как же из гимназии? Они говорят: могут прямо идти в университет.

Профессор Супруненко. После этих курсов, как читать лекции профессорам, как вставлять и как вести записи, тетрадки и проч., когда нас обучили этому, то с 1 ноября 1942 года открылась агрономическая школа. Прислали они программы, с нашей точки зрения, абсолютно несуразные. Например, идет физиология, а потом органическая химия, идет земледелие, а потом физиология растений. Прислали очень бестолковую даже не программу, а перечень глав, которые нужно читать. Преподавание велось на украинском языке, кроме Ивана Сергеевича.

Профессор Телетов. Меня предупредили, что «вам придется читать на украинском языке». Я говорю, что мне никогда не приходилось читать на украинском языке. Но все-таки заставили меня. Я начал, по-украински две-три фразы сказал, а потом перешел на русский язык. Все студенты так на меня вытарасили глаза и свободно вздохнули, когда я перешел на русский язык.

Профессор Супруненко, Читал персонал, который находился при школе. Профессора были только русские, ни одного немца не было. Слушателей набрали десятилетников⁴⁶³.

Профессор Телетов. Молодежь ехала, потому что им обещали хороший паек и освобождение от поездки в Германию.

Профессор Супруненко. Самое ужасное было то, что гнали народ в рабство в Германию. Этим объясняется приток. Действовало только одно учебное заведение наше.

Профессор Мигулин. Здесь были студенты третьего курса мединститута, с первого курса филологического тоже. Некуда было людям деваться. Это было единственное учебное заведение.

Профессор Супруненко. Было набрано 250 человек. Агрономическая школа открылась в составе двух факультетов — агрономический и механизации. Массе [абитуриентов] отказывали публике, был конкурс большой.

При школе был шеф, но он больше интересовался своими удобствами. Витязь тоже больше самоустройством занимался. Немец по-русски не понимал, мы — по-немецки. Говорили через переводчика. Когда он приходил на лекцию, то стоял и слушал, что переводчица ему скажет. Поэтому, профессора читали по-старому, по-советски. Учебники были рекомендованы советские.

Институт просуществовал до 9 февраля 1943 года. С февраля до марта он существовал при советской власти, сразу же превратился в институт. Потом пришли немцы, опять агрошкола, опять читались те же курсы, но осталось 153 студента. Часть ушла с красными, часть вывезли немцы. В таком составе мы просуществовали до 9 августа. Уже тогда граф сматался, и с 9-го мы бездействовали до прихода советской власти.

Должен сказать, что бытовая сторона студентов была неплохой. Первое время студенты получали паек даже лучше, чем профессора, потому что их приравнивали к рабочим тяжелой индустрии. Они сухой паек получали и брали домой. Почти все они были городскими жителями. С периферии было очень мало, не больше как на 25 км. Жили по местам у себя. Центрального отопления не было, а топили печи. Было довольно скверно, мерзли, в шубе и галошах.

Граф явился один раз в месяц, делами учебными не интересовался. У него был бухгалтер, заместитель Айхнер, который выдавал нам деньги.

Профессор Мигулин. Граф со своим помощником занимался в основном спекуляцией. Они, например, собрали зимой 1942 года машину, полторку, и эту машину давали спекулянтам на откуп. Допустим, в Артемовск⁴⁶⁴ за солью едут спекулянты на несколько дней, и за это получает граф и его помощник 30 тыс. Потом граф этот начал в бывшем институте соцземледелия на Чайковской, 4 оборудовать себе маленькое имение, завел там парники, опыты начал производить, завел большой штат об-

служивающего персонала, причем, он, в основном, состоял из молодых девиц. Там были разные лаборантки, и это была публика, которая обслуживала графа во всех отношениях. Наши пайки часто урезывались, и это шло на содержание тех животных, которых граф там начал разводить, — кроликов, кур. Граф, конечно, имел хорошее питание, часто бывал навеселе. Это был сравнительно молодой человек, лет 35, простой агроном, доктор. Один раз я был свидетелем такой картины. Граф устроил большой скандал, почему я не появляюсь на Чайковской, потребовал, чтобы я явился за 20 минут. Когда я явился на следующий день, пришел в сад, начал осматривать со своим лаборантом. В это время выкатили на середину сада 40-ведерную бочку, налили в нее воду. Минут через десять появился граф в трусах, появился его помощник в трусах. Потом появилась какая-то ассистентка, немолодая женщина в купальном костюме и тут началось такое опереточное представление. Граф купался в этой бочке, купалась ассистентка. Потом ко мне подошли: «Не желаете ли вы, профессор, искупаться?». Я сказал, что со мною трусов нет. Потом он набрал ведро воды. Около оранжереи сидели лаборантки, делали опыты, и он с этой водой гонялся за ними. Потом он схватил одну из этих лаборанток, хотел в бочку с водой бросить.

Еще характерное отношение к нашим людям. Когда открывали здесь институт, граф устроил нечто вроде торжественного обеда. Этот обед состоял в том, что каждому из нас дали по пирожку маленькому, грамм по 50 хлеба и какой-то винегрет. Кроме того, был поставлен стол, за которым сидели немцы. Там уже давали не по пирожку, а сколько съешь.

Передавали такой случай, что граф по субботам ездил купаться. Причем, на эти купанья приглашались желающие из исследовательского института. Когда граф ехал, ему готовили хороший завтрак. Там купались. Граф кушал бутерброды с маслом, с ветчиной, а присутствующие, как собаки, сидели и слюни глотали.

Профессор Писчимука. Граф постоянно кричал. Я занимаюсь на втором этаже и слышу, как он на кого-то кричит истерическим голосом.

Профессор Мигулин. Он мог здороваться, подавая руку в грязной перчатке. У нас это производило впечатление сугубого унижения.

Профессор Телетов. Жена моя как-то приходит с базара, и с удивлением рассказывает, что немец обошел, дал ей дорогу, а то, обычно, так, никакого внимания, идет прямо и не смотрит.

Профессор Супруненко. С немцами из старых профессоров института никто не ушел ни в феврале, ни сейчас. Ушли посторонние: Витязь — раз, Михайловский ушел в Полтаву, к стыду, бывший партиец, правда, исключенный.

Профессор Телетов. В феврале в середине лекции раздался звонок по институту — и все были собраны в кабинете директора. Там за столом сидел граф, который заявил:

— Как вам всем известно, сейчас положение на фронте напряженное и могут быть для Харькова опасности. Для того, чтобы вас не подвергать этим неприятностям, предлагаю вам выехать. Мне удалось получить сто мест. Собираться нужно на Панасовке⁴⁶⁵ к такому-то часу.

Сказал, что с собой брать.

— Еды никакой не берите, по дороге вас обеспечат едой.

Молчание. Встает Витязь и заявляет, что он, жена и сын едут. Я боком ушел. Меня спросили:

— Куда?

— Иду, — говорю, — с женой посоветоваться.

Витязь действительно уехал, а жена его и сын остались здесь. Теперь никому не предлагали уезжать, может быть, знали, что никто не поедет. На одного доцента ужасное впечатление производила бомбежка. Я его в этот день встретил. Это ненормальный человек был, бросил свою жену, мать и уехал от бомбежки. Все научные люди оставались в Харькове.

Вывоз работников в Германию начался, прежде всего, с химиков. У них огромная потребность в химиках в заводских лабораториях. Сюда приезжал Андрусов, химик. Я об этом узнал от Витязя. Он сказал, что мне необходимо пойти к нему, помочь ему. Призыв был такой, что химиков приглашают в Германию добровольно. Там будут обеспечены хорошо, независимо от того, доцент, ассистент, кандидат. Все они будут там как аналитики, а потом уже выявится, кто может занять лучшее положение. Если муж с женой едут, жена отдельно будет, муж — отдельно. В то время здесь очень нуждались и более слабые интересовались, ходили к Андрусову. Андрусов говорил прекрасно по-русски. Он, как видно, из обрусевших немцев, окончил рижский политехнический институт, был в Москве во время первой империалистической войны. Потом он эмигрировал, очевидно. Был он в военной форме.

Начали распространяться слухи такие, что молодежь лет 18–19 будет забираться в Германию. Многие боялись, что их дочь, скажем, возьмут. Например, доцент Казанская. Так как у нее единственная дочь, она говорит: «Что же я со своей дочерью должна разлучиться», согласилась ехать в Германию с тем, чтобы ее дочь была при ней и была принята в качестве лаборантки. Андрусов согласился. Потом от нее получили письмо и говорили, что она действительно работает вместе с дочерью. Будто бы их слова такие, что они не голодали, но они там были как в концентрационном лагере. Утром все встают вовремя, завтракают, потом идут в лабораторию, из лаборатории — домой. Дальше этой территории их не пускали. Если их вели в кино, ведут вместе. Тогда уехал целый ряд химиков.

Когда Андрусову сказали, «что вы набираете химиков», он сказал: «Я приехал не набирать, а выбирать». Потом уже начали принудительно набирать под видом вывоза институтов исследовательских, потому что здесь целый ряд исследовательских институтов был. Их объединили

в один институт химический. Они решили, что так как здесь обстановка не подходящая, вывезти все эти институты во Львов. Тут стоял во главе доктор Кюн. Он начал упаковывать институты. Они все увезли из этих химических институтов. Увезли даже разновески личные. Тогда было предложено выехать целому ряду людей, так что человек, может быть, считал это приказом, и так многие уехали. Из старых профессоров Харькова никто почти не уехал. Единственно поддался на эту удочку академик Кузнецов. Он уехал во Львов с женой и дочерью.

Профессор Супруненко. Бытовые условия были такие, что если бы в январе — в начале февраля 1942 года публика не выехала, если у нас теперь десятки смертей считаются, то тогда они были бы до сотни. Вывозили публику исключительно для того, чтобы питаться. Тогда из института многие выехали, человек 25, кажется, из одного института механизации сельского хозяйства. Поехали кормиться, жить. Не выехали бы, умерли с голоду.

Профессор Смирнов. Профессор Егоров⁴⁶⁶ умер от истощения.

Профессор Телетов. Лаборантка Келлер⁴⁶⁷ умерла голодной смертью, Чайковский умер. Профессор Жинкин уехал из Харькова в Полтаву. У него жена еврейка, которой удалось скрыть свое еврейство, но неровен час, и какая-нибудь девчонка могла выдать. Были случаи, когда евреи скрывались. Она идет, вдруг выскакивает какая-нибудь девчонка, кричит: «Жидовка, жидовка, я пойду и донесу на тебя!». Когда прошел слух, что университет начинает свою работу, профессор Жинкин спрашивал у меня, как быть. Я передал ему, чтобы он в Харьков пока не возвращался, опасно.

Я до сих пор без внутреннего содрогания не могу говорить о гонении на евреев. Их всех выселили за город. Молодой человек, 24 года, защитил докторскую диссертацию блестяще и должен быть чуть ли не на своих плечах тащить старуху-мать 10–12 км и там погиб. Вся дорога туда была усеяна трупами. Если отстанет, сейчас же пуля ему.

Одна сотоварка моей жены, муж русский, должна была отправиться туда, потому что опасность была от немцев, а, главное, от окружающей публики. В том доме и в том районе, где жили, нельзя было оставаться. Она пришла туда. К женщинам как-то относились не так бдительно. Ей удалось ночью уйти. Она вернулась к себе на квартиру и из квартиры не выходила, муж кормил. Но он заболел, умер. Она вынуждена была выйти. Какая-то девчонка донесла. Она пришла к нам. Она не похожа на еврейку, ходила на базар, меняла, что-то делала, существовала. Потом она нашла какого-то слепого, которому нужен был вожатый. С этим слепым она ушла из Харькова, потому что я ей говорил: пока окружающие не знают вас, вы можете жить, но, ведь, вы можете встретить кого-нибудь.

Профессор Супруненко: Была земельная управа областная, во главе стоял профессор Ветухов, зоотехник. Он появился из Москвы как-то

странно. Вообще он местный уроженец, окончил наш сельскохозяйственный институт, потом уехал в Москву.

В земельной управе было несколько отделов, в частности, агрономический был отдел, лесное дело было выделено, зоотехнический отдел был. Вначале, собственно говоря, немцы не вмешивались, управа всем распоряжалась. Потом выделили совхозы самостоятельно.

Профессор Телетов: Раньше земельный отдел был при городской управе. Ветухов был заведующим земельным отделом и входил в состав городской управы. Потом они были в земельной управе. Раньше городская управа как бы распространяла свои действия на все завоеванные немцами земли Харьковской области, а потом, когда Харьковская область была оккупирована, немцы земельную управу выделили, выделили лесную управу, управление государственными имениями. Там был отдел образования при городской же управе. Оттуда отделилась научная управа, где Крамаренко, бывший обер-бургомистр стал президентом.

Профессор Супруненко. Вместо колхозов были общинные дворы, где земля обрабатывалась совместно, где продукты поступали им с правом выделения и разрушения громадских⁴⁶⁸ домов. Поскольку первое время не было условий, они объявили это громадскими дворами. Это вводилось с весны 1942 года. Потом началось выделение единоличников из этих громадских дворов.

Чем управа занималась? Она занималась снабжением семенами, обеспечением живым и мертвым инвентарем, создавали съезд представителей, рай земной обещали, давали директивы в смысле посевов, разработали проект севооборотов. В середине лета развернули работу Викодоля⁴⁶⁹. Немцы приехали, и у них никакой управы нет, а есть конторы, и они начали мало-помалу обрезать управу, забрали у нее МТС, выделили лесную управу, выделили контору по химическим удобрениям. Была контора по рыболовству.

Основная земельная управа была на площади Революции, 12, где был институт коммунального хозяйства⁴⁷⁰, а МТС — дом архитектора. Когда ушли они, то, уже вернувшись, перекочевали в дом пропаганды на Пушкинской. Тут была центральная комендатура, которая управляла местными комендатурами. Здесь был свой агроном с высшим образованием, а на местах были местные агрономы со средним образованием и т. д. Там пайки были хорошие и оплачивали хорошо. Предположим, профессор получал 1100 рублей, а начальник комендатуры — 3 тыс. Там давали кушать, столовая была хорошая.

Профессор Телетов: У них была машина хорошая. Они все время посылали на периферию эту машину и привозили все для людей. Кроме немецкого пайка, хлеб там был замечательный. Тут говорили, что эта мука в Германию идет для кормления свиней, но последнее время свиньи избаловались, не едят, так ее послали сюда, чтобы хлеб печь для нас.

Профессор Супруненко: Среди здесь присутствующих ни одного работника земельной управы не было.

Профессор Писчимук: Туда шли только из-за пайка. Все они за пазухой камень держали, но пошли питаться.

Профессор Телетов: Можно ли сказать, что Ветухов, который стоял во главе, был противником советской власти? Он был большим карьеристом, умел обделывать свои дела.

В лесной управе был Дрюченко. Он исключительно из-за материальных благ пошел туда.

Профессор Супруненко: Ветухов, Заболотный, Михайловский были людьми определенно немецкой ориентации. Витязь просто подлизал немецкий.

«Просвита» насчитывала около полторы тысячи человек. Из присутствующих никто в «Просвите» не был. Витязь, Ветухов, Заболотный — все «просвитяне».

Профессор Телетов: «Просвита» большой роли не играла и не могла играть, но в самом начале она играла роль в смысле выдвижения. Мне говорили, что Крамаренко был кандидатом «Просвиты». Я знаю, директора, заведующие выдвигались «Просвитой».

Здесь было организовано «Науковое товарищество». Крамаренко там тоже участвовал. Целый ряд самостийников⁴⁷¹ группировался около «Просвиты» и «Наукового товарищества». Это товарищество было потом немцами закрыто. Там деятельное участие принимали Доленко⁴⁷², Попов Александр Иванович. Доленко был правозаступником⁴⁷³, был арестован при советской власти и не имел права выезда в Харьков на все время. Жил он в Ленинграде и там работал. До революции он был судебным приставом или частным поверенным. Как только немцы вступили сюда в октябре 1941 года, через некоторое время он появился здесь без семьи. Тут как-то раз была тревога, и многие уехали на несколько дней и потом вернулись. Наши как-то подошли близко. Первой уехала земельная управа. В феврале перед вступлением наших Доленко тоже первым уехал, последним приехал. В некоторых кругах называли его украинским патриархом, потому что к нему ходили на поклон и Крамаренко, и Ветухов, и Рябоконь. Ветухов был назначен к нам профессором, заведующим кафедрой зоотехники, также был назначен ректором университета, а проректором — Рябоконь. Они все уехали.

Профессор Супруненко: Созывалось совещание представителей райземуправ, и там Ветухов читал доклад о тех мероприятиях, которые они думают осуществить. Отдел экономики у них был. Он планировал севооборот, организацию дворов. Они колхозы все отменили и вместо колхозов были общественные дворы. Где нельзя было разделить, они сохранили видимость артельной земли. Насаждали они и крупные немецкие землевладения. Граф Менгерсен должен был уже получить имение, какой-то

генерал получил имение, и предлагал какую угодно цену за коров для того, чтобы вести свое хозяйство. Эсесовцы были намечены как люди, заменяющие украинское население, вроде осадников польских.

Когда население узнало, что земли даются немецким осадникам, оно не на стороне немцев было.

Профессор Мигулин: Впечатление такое было, что вначале немцы как будто собирались поделить землю и отдать ее крестьянам, а потом они фактически сохранили землепользование в виде колхозного, но уже, конечно, со своим немецким содержанием. Я не знаю случая, чтобы они дали какому-нибудь хозяину землю. Правда, в газетах писали, что получили землю.

На конференции читал лекции какой-то немец по землеустройству. Выходило, что земля всем дается в индивидуальное пользование, но это не столыпинские хутора⁴⁷⁴ получались. Они сохраняют как будто колхозный севооборот, но только эти поля они делят на мелкие полоски и эту полоску ты обрабатываешь и отвечаешь за нее. Вспашки чуть ли не общественным порядком производились, а уход падал на индивидуала. Уборка происходила опять общественным порядком. Харьковская область в этом отношении будет не показательной, потому что здесь гражданской власти не было, она была прифронтовой, а в Полтаве уже была гражданская власть, так что там поле деятельности было немецкое. Здесь, например, агрономическая школа была не только школой, а больше для рекламы они это делали. Приезжают оттуда гражданские люди, говорят: «У вас еще благодать, а у нас уже дело скверное». При немецкой гражданской власти видимость местного самоуправления уже исчезла, там уже немецкие начальники возглавляли гражданские учреждения, и только местные украинцы могли быть у них на роли служащих, помощников. Управы там уже не было, а просто бюро по сельскому хозяйству. Возглавлял его немец, а у них, как помощники, были специалисты. Это отражалось и на рынке. У нас существовала частная торговля, а там ее не было. Для немцев существовали свои склады по снабжению, а рынок только должен торговать вещами. Было распоряжение, что рожь, пшеницу и овес могут употреблять только немцы.

Как раз тогда появился украинский анекдот. Рисовался украинский крестьянин и комбинация из трех пальцев, и надпись была по-украински: «А що, Омелько,⁴⁷⁵ получил земельку?».

Профессор Смирнов: Скот забирали немцы. Были такие счастливые места, куда немцы не заходили.

Профессор Мигулин: У них последнее время проводилась такая политика, что вы выкармливаете четыре свиньи, три сдаете, а четвертая остается хозяевам.

Профессор Смирнов: Первое время они создавали видимость насаждения индивидуального хозяйства, но они имели в виду забрать все для

немецкого населения. Они уже привезли из Голландии специалистов по сельскому хозяйству, которые должны были руководить хозяйствами, которые создавались на месте колхозов.

9 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 109–115 об. Оригинал, машинопись).

№ 18

Из стенограммы беседы, проведенной с заведующим кабинетом начальной школы Книжной палаты⁴⁷⁶ Николаем Павловичем Арндтом

При первой оккупации был заведующим начальной школой, во время второй оккупации работал в кооперации. 1887 г. рождения, украинец, беспартийный.

Основное, что было в школьной политике, — это проведение национализма, граничащего с шовинизмом. Причем, старались поселить в своих распоряжениях ненависть к великому братскому русскому народу, к его литературе, к его ученым, писателям и т. д. В газетке, которая издавалась в Харькове под названием «Новая Украина»⁴⁷⁷, — потом она издавалась в Полтаве, — были статьи о Пушкине, что произведения его ничего не стоят, что они направлены против украинского народа и т. д. Русский язык в украинской школе, так называемой, народной начальной школе, совсем не вводился. Правда, говорили о том, что будут школы для русских, но таких школ не открывали. Русской школы ни одной не было.

Формальные знания украинского языка — синтаксис и морфология остались те же самые, потому что они ничего не могут там изменить. Там они изменили вот что. Правда, не было печатных распоряжений, а начали усиливать традиции через посредство этой же газеты, что надо, мол, придерживаться правописания украинского⁴⁷⁸, того, которое было введено еще при Скрыпнике⁴⁷⁹ и которое ориентируется, в основном, написание украинских слов, особенно иностранных, приравнивая к иностранному правописанию. Если по-немецки выговаривается лямба, то и по-украински выговаривается лямба, т. е. западная языковая ориентация. Это была политика буржуазных националистов украинской школы. Письменных распоряжений и циркуляров не давалось, а, вот, дескать, смотрите, как печатаются газеты. Точных указаний в этом отношении не было.

Вопрос с учебниками. Прежде всего, была поставлена цель — исправить учебники. Это значит, выкинуть оттуда все советское, начиная от отдельных слов, например, революция, колхоз, ударник, пионер и т. д.

и кончая фразами, целыми статьями, в которых говорилось о наших достижениях, о любви к нашей родине, о любви к нашим вождям, особенно к тов. Сталину, все это приказано было выкинуть. В отношении такого учебника, как букварь, так некоторые страницы в нем были типографским способом перепечатаны, вырезаны из букваря, вставлены новые и разосланы по школам. Но говорили, что этого недостаточно, вообще надо изъять эти учебники, потому что все они проникнуты советским духом. Стремилась к тому, чтобы поставить школу в такое положение, чтобы не было учебников, пока не будут выданы новые. Была инструкция напечатана в управе, что на такой-то странице надо то-то выбросить и т. д.

Управа сначала помещалась на Сумской улице в здании Промакадемии, потом переселилась в здание горсовета. Потом там пожар был, она переселилась в другое место и к концу оккупации была на углу Совнаркомовской и Сумской.

Говорили, что должна быть строгая дисциплина, чтобы был только авторитет учителя. О телесных наказаниях вопрос не ставился. Письменных инструкций из Берлина не присылали.

9 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, д. 26. Оригинал, машинистка).

№ 19

Из стенограммы беседы, проведенной с директором библиотеки им. В. Г. Короленко Марией Ивановной Румницкой⁴⁸⁰

До оккупации — заместитель директора. 1876 года рождения. Работаю в этой библиотеке 48 лет. Украинка. Беспартийная. В библиотеке работаю с 1895 года. Я поступила, когда библиотека была маленькой. Находилась она не в этом доме. Этот дом при мне строился. Я всю жизнь отдала на создание этой библиотеки и была свидетельницей ее падения.

До оккупации библиотека имела до 2 миллионов книг, имели читальный зал. Пропускемость была большая, больше тысячи человек в день. Конечно, последнее время меньше было посетителей. Вопрос о достройке библиотеки стоял остро и было спланировано строительство библиотеки, но, к сожалению, война осуществить этого не дала. Библиотека имела штат 201 человек. Нашей библиотеке было разрешено создать свой систематический каталог. Это была одна из научных библиотек.

Библиотека создана в 1886 году группой передовой интеллигенции и сразу же оказалась очень жизненным организмом, поставлена была хо-

рошо и имела большую популярность. В библиотеке был филиал детской библиотеки в другом месте⁴⁸¹, ее фонды входят в эти 2 миллиона. Она вела и методическую работу. При библиотеке был методический кабинет по обслуживанию районных библиотек и библиотек Харькова.

Накануне, 16 октября бомбой разбило нам 60% книгохранилища. Отвалились две стены. Книжки на полках остались, но часть попадала. Принялись переносить их в более защищенное помещение. Пришлось занять читальный зал, смежные комнаты, отдел обработки, вестибюль.

24 октября вошли в Харьков немцы и 25-го в 9 часов они уже опечатали библиотеку, и взял все ключи офицер Ренс, эсесовец из особого отдела при министерстве иностранных дел. Ключи у него находились. Каждый день он приезжал, открывал библиотеку, иногда, первое время приезжал закрывать ее, а потом поручил это солдату, которого он оставлял здесь и под наблюдением которого мы работали. Он хочет, закрывает в час, в два часа, в девять; открывает, когда хочет. Но сотрудники должны были приходиться во время. Были случаи, когда мы час-два мерзли.

Почти каждый день они приезжали на машинах сюда и хозяйничали по всей библиотеке. Служителю говорили, чтобы он уходил на квартиру, что они скажут, когда уезжают. Я раньше жила здесь, но квартира моя настолько испортилась после бомбежки, что я остаться здесь не могла. Я служителю поручила смотреть, много ли они вывезут или нет. Иногда мне говорили, что некоторые книги вывезли, потом говорили, что много. А мы приходили, тоже смотрели, какое положение в библиотеке. Приезжаем однажды, нет ни одной географической карты. Первое время они интересовались географией, геологией.

Так продолжалось несколько месяцев, с октября до половины января. Этот офицер брал немецкие книги для частей открыто, у него и абонемент есть. Из Берлина приезжали научные работники, библиотекари, которые изучали по нашим каталогам нашу библиотеку. Бывали случаи, когда из Берлина присылают выдать такую-то и такую-то книжку. Просто приезжает какой-нибудь офицер, или какое-нибудь важное по чину лицо и говорит: «Мне нужно получить такую-то книгу. Они говорили: «Мы вашу библиотеку знаем, как библиотеку чрезвычайно большую, имеющую хорошие фонды, хорошо обставленную в смысле обработки». Они забрали у нас почти все атласы, особенно «Атлас мира». У нас было два экземпляра, один взяли, другой остался. Присылают еще раз. Я говорю:

— Вы же взяли только что.

— Нам временно, — говорит, — мы ровно через месяц возвратим. Дал расписку, что он взял 10 июля, а 10 августа вернет. Можете себе представить, 10 августа прислал. Мы, конечно, были страшно поражены.

Они брали в основном книги по географии, геодезии, геологии. Потом сюда явился немец из штаба Розенберга — это гражданская организация.

Я немецким языком не владею и считаю, что это большое упущение, что наши сотрудники немецким языком не владели. Если бы я знала немецкий язык, мне удалось бы больше книг отстоять. Сотрудница, которая владела немецким языком, обслуживала немцев.

Были книги по прицелам стрельбы. Они забрали эти книги и карточки забрали, заявив, что «если ваши не сумели использовать эти книги. то мы сумеем это сделать».

Очень интересовали наши природные богатства, недра. Вот они приближаются к Кавказу, изучают Кавказ, начиная с нефти и со всех точек зрения его богатства. Когда они пошли на Сталинград, к бассейнам Волги, Урала и дальше, начали даже изучать Сибирь.

Когда явился в августе 1942 года немец из розенберговского общества⁴⁸², он набрал научных работников. В Харькове был штаб Розенберга, а он здесь. Как раз в этой комнате он сидел, набирал штат научных работников. Оплачивали они. Он лично по систематическому каталогу отбирал книги, ценную литературу, издания Союза. Они больше интересовались советской литературой по всем отраслям знаний. Брали систематический каталог, ставили ребром. Он прекрасный организатор, прекрасно знал библиотечное дело, удивительно четкий, точный. Нарисовал целую схему: «Вы делаете то-то и то-то», а затем договорился с научными работниками, которые подбирали ему литературу по каждой отрасли знаний. Выбиралась самая ценная литература в научном отношении. Отбирали специальную литературу, географию, соцэковскую⁴⁸³, даже партийную. Они интересовались и детским воспитанием, и стахановским движением, всем решительно. Они карточки за карточкой проверяли все, что имелось в библиотеке. Они отобрали до 30 тыс. книг. Когда разбирали книгохранилище, тут тесно нам было. Я заняла соседний дом № 16. Там 42 комнаты. Это здание сгорело. Там погибло много ценной литературы. Они там заняли две комнаты, поставили стеллажи. Конечно, по мере сил и возможностей старались тормозить их работу.

В феврале ключи были мне переданы, но потом опять зашел другой немец, опять забрал ключи и опять начали шарить. Однажды я прихожу и вижу такую картину. Стоит фургон немецкий, стоят конвейером, выносят книги и наш специальный фонд вывозят. Я спрашиваю работника, который обслуживает немцев, в чем дело. Он объясняет. Я бросилась к немцу, спрашиваю:

— Почему вы вывозите литературу? В конце концов, у нас два экземпляра, зачем вы оба берете? Ваши немцы постоянно пользуются библиотекой и в интересах Украины... У нас ничего не останется, вы все заберете. Пожалуйста, нам не нужно два экземпляра, организуйте, чтобы отобрали.

— Меня интересует литература только после 1918 года, дореволюционной мне не нужно, детских книг не нужно.

Я думала, что именно спецфондом они не будут интересоваться и туда мы напихали много дореволюционной литературы. Мы начали отбирать.

— Возможно, что здесь есть случайно попавшая литература, дореволюционная, так вы ее не откладывайте, а откладывайте только революционную, — дал понять сотрудникам, чтобы все ценное откладывали.

Немцы ходили и проверяли.

— Предупреждаю, если вы какую-нибудь ценную книгу скроете, вам попадет.

Они из-под рук хватали у нас и бросали туда. Проверить не так просто было. Поработал до часа, а потом сказал:

— Сегодня мы прекращаем работу, а завтра, если вы хотите, опять организуйте. Мы придем в 7–8 часов.

Я пришла на полчаса раньше. Стоит фургон там же и он сам с полок снимает и подает. Я подхожу, говорю:

— Мы же условились с вами вчера?

— Ну что же делать, нам некогда читать.

Это был период вывоза не систематический. Они взяли все, что им нужно было. Между прочим, сюда были вывезены из Киева перед взятием Харькова огромной ценности книги из исторической киевской библиотеки. Их было 3 тысячи, но это было отобрано самое лучшее. Франц их не взял. Мы их уже выложили из ящиков, разложили. Когда приехал Трай, он сказал: «Будьте любезны, верните их нам». Так как были большого формата книги, да еще в особых переплетах, они бросались в глаза. Одна сотрудница говорит:

— Мария Ивановна, я несколько книг отложила, уж очень жалко мне их отдавать.

Когда он прошел, увидел их:

— Это же из исторической библиотеки, зачем вы их взяли сюда?

Она говорит:

— Там не умещалось, я и положила на второй стеллаж.

Так что укрыть книги не так легко было. Правда, мы их под стеллаж подсовывали. Когда он выбрал, что нужно было, он опять передал мне ключ. Они нам поставили условие, что ни одной книги без разрешения штандордкомендатуры мы не можем выдавать. Если кто-нибудь из читателей наших, даже немец, хотел прочитать книгу, то они шли туда. Когда приезжали из Берлина, мы предлагали им идти в штандордкомендатуру. Они потрясали в воздухе бумажками, что это не штандордкомендатура, а гораздо выше, все же в большинстве случаев мы настаивали и заставляли их приносить разрешение. Это, конечно, ни к чему не приводило, только лишь проволочка и книги они забирали.

В августе 1942 года появился у нас Томсон, который был до января 1943 года. Очень аккуратный был, пронумеровал все книжки, а читательский каталог вносил в карточки и отдельно составил картотеку

13 ящиков, таким образом, испортил нам старый каталог. Томсон уехал в отпуск, а штаб Розенберга поднял запрос, когда им стала угрожать опасность, что заберут эти 30 тыс. книг и систематический каталог. Я в ужас пришла. Последний день они привезли веревки — упаковывайте. Я говорю, что у меня нет сил никаких. Он говорит:

— Тогда я пришлю своих 8 человек, но вы поставьте пачки там.

Я говорю, что там узкие проходы между стеллажами и пачки поставить нельзя.

— Надо принять меры. Ну, каталог упаковывайте.

Мы уже знали, что подходит Красная Армия, ни одного ящика мы не упаковали, а последний день я даже распустила своих работников и сама не пошла. Он так кричал:

— Верните хотя б веревки, — а я ушла и комнату закрыла.

Когда они приехали, быстро забрали каталог. Самый тяжелый для библиотеки — это второй приход. Когда они не успели вывезти, каталог остался на месте, и библиотека страдала только тем, что ее разбило бомбой. Потом бомба попала в читальный зал, а там было свыше 200 тыс. книг. Зал был с чудной лепкой, подвесной потолок. Все это рухнуло. А там книги лежали, главным образом, на столах, на креслах. Словом, мы загрузили читальный зал. Когда я пришла в библиотеку, был невообразимый кошмар. В каждой комнате ни одного стекла, везде штукатурка обвалилась, все смешалось, шкаф один сюда, другой туда, в зале столы были разбиты. Надо было приниматься за уборку. Надо сказать, я не хочу преувеличивать, но с такой энергией наши сотрудники работали. Прежде всего, они из книгохранилища при колоссальном морозе выносили книги. Холод, сквозняки, стекол нет. Они выносили книги из книгохранилища, разносили по различным комнатам. Мы вынесли детскую библиотеку в соседний дом.

Спасали книги из других библиотек, из библиотеки разбитой у КИЖа⁴⁸⁴, из Пединститута иностранных языков, библиотеку агитации и пропаганды, четыре детских библиотеки свезли. Главным образом, это делалось, за редким исключением, когда удавалось достать подводу, на саночках, вручную. Мы думали, как только установится советская власть, мы поможем библиотекам, как книгами, так и фондами. Крупные частные библиотеки свезли. Был такой Соколовский, у которого была колоссальная частная библиотека — свыше 40 тыс. книг, и что это за книги были. Он часть лично передал перед отъездом, а остальное я взяла.

Когда немцы вступили 14 марта в Харьков в 3 часа ночи, или они топили там соломой, много зданий в Харькове сгорело, только благодаря небрежному обращению. Вот они поселились в доме — и пожар, горит огромное здание. Горсовет они, таким образом, сожгли, потому что они поселились там на верхнем этаже и не слушали протестов городской управы. «Гигант»⁴⁸⁵, большое здание таким же образом сожгли. 18-го сгорело

соседнее здание. Так погибло 14 тыс. книг. Мы всю детскую литературу туда перенесли и из других библиотек, из областной детской библиотеки дворца пионеров совторгслужащих⁴⁸⁶. Мы сначала заняли там большое помещение. Во втором этаже думали устроить читальню и развернуть детскую библиотеку. Но явились итальянцы и выперли нас оттуда. Мы со второго этажа спустились вниз. 10 комнат были заложены книгами и две комнаты большие были с мебелью. Это все сгорело. Отобранные 30 тыс. книг там сгорели. Здесь осталось 7½ тыс., но они получили от нас 2½ тысячи, т. к. мы подмешали книги, они еще и командовали, что это смешиваете книги, т. к. Томсона не было. Говорю: «Когда все ушли, их смешали». В конце концов, с большим спором они получили 2½ тысячи и 5 тыс. мы сняли от них. Я посмотрела, там медицина, по электротехнике. Сначала я сама начала выдергивать, но вижу, что не справляюсь. Пригласила на помощь двух консультантов, и мы быстро отобрали

Начали вытаскивать из-под обломков книги с большим трудом, выковыривали. Все-таки мы перенесли в книгохранилище, наложили в первый ярус и там погибло, потому что в некоторых местах так много дерева было, что нам не под силу было все это отбрасывать. С биржи труда не хотели к нам идти. Пришел один немец из Викадо (хозяйственное управление гор. Харькова, но сюда входили и все научные учреждения). Крауз был руководителем научных институтов. Хотя и немец он, но это был очень культурный человек. Когда он увидел, что у нас творится, в ужас пришел. Когда он узнал, что библиотека разбита, ее растаскивают, говорит:

— Я пришел узнать, действительно ли это так.

Конечно, в их интересах сохранить библиотеку, потому что они навозили ее [так в тексте. — сост.], но все же он помог, дал за счет Викадо пайки, сам обратился на биржу труда за работниками, сам поехал за получением продуктов. С биржи нам дали 13 человек. Своими силами мы бы не справились, т. к. лежала гряда всякого материала. Недели через полторы, когда начали вытаскивать, пошел дождь и я вижу, что часть висевшего потолка рухнула. Вы не представляете моего ужаса. Если бы это случилось во время работы, не меньше 10–15 человек осталось бы там. Все-таки там испорчено 3 тыс. хороших книг, а тысяча была подпорчена.

Это эвакуировали. Все они грязные, пока сухо — в пыли. Нужно было вытирать их, освободить от грязи, в которой очутились эти книги. Я сейчас же обратилась в городскую управу с просьбой отремонтировать библиотеку. Там были все-таки люди, которые очень сочувственно отнеслись, но два негодяя тормозили в техническом отделе и 2½ месяца держали счета. Я — к одному члену управы. Он как будто бы всегда хорошо относился и всегда помогал, когда я к нему обращалась. Он говорит:

— Спасайте библиотеку.

Мало того, что разбило зал, там все окна выбиты, от сотрясения с двух сторон во всем здании ни одной двери, перегородки полетели и крыша

сехала. Я взяла частника, крышу покрыла и покрасила. Прихожу к члену управы, говорю, такое-то дело. Он говорит: «Ничего, спасайте, если у вас будет реальный ремонт идти, я денег дам».

18 марта 1943 г. сюда явился из фельджандармерии⁴⁸⁷, оторвал железо и влез в вестибюль. Он подошел к одной из полок, взял сочинения Ленина, Сталина на языке одной из восточных республик, но напечатанных латинским шрифтом. Ему было легко прочитать. Взял несколько книг, повез в фельдкомендатуру⁴⁸⁸, и нам приказали сжечь эти книги. Я была больна. 16-го пришли в библиотеку. Мы сидели в это время в подвалах, 17-го не вышли, а 18-го я собралась идти и столкнулась с сотрудницей у дверей. Она говорит:

— Что-то немцы там затевают. По разговорам, они хотят жечь. Когда я стала протестовать, ответили: не ваше дело, уходите домой.

Они прибежали ко мне на квартиру. Когда я с ними встретилась, у меня мелькнула мысль, взять мое удостоверение, которое я сохранила. Прибежала сюда, а другую сотрудницу послала в комендатуру. Пришла и прямо им это удостоверение, говорю:

— Я директор библиотеки, прошу прекратить это безобразие.

Он мне говорит:

— Это может сделать только комендант.

Говорю:

— В комендатуру уже пошли и, следовательно, вопрос нескольких минут, а сжечь вы еще успеете.

Народ подскочил к нему, спрашивают:

— Мы свободны?

Несколько лиц было, которые свободно владели немецким языком. Один научный работник предложил мне помочь. Я спрашиваю:

— На каком основании жжете?

— У нас здесь пропагандистская литература.

— Раз штаб Розенберга не разрешил уничтожать эту литературу, значит, вы идете против немецких распоряжений?

Они тут же прекратили, а до этого они набрали на улице народу, все это вышвыривалось оттуда. Мальчишки с энтузиазмом это делали. Наложили огромную кучу, облили бензином и зажгли. Потом мы остатки собрали. Тысяч 40–50 они сожгли.

Потом нам дали другого руководителя, Поркет. Они давали инструкции нам. Томсон уже осел в Киеве в городской библиотеке, там хозяйничал и оттуда они присылали нам списки для подбора. То же самое — начали отбирать литературу. Так как ее сожгли, то начали брать вторые экземпляры.

Население при немцах разрешалось допускать в библиотеку только с разрешения штаба Розенберга и штандордкомендатуры. Люди интересовались такими вопросами, как мыловарение, кролиководство и т. д.

Я их удовлетворяла. Инженеры приходили, очень много такого народа. Человеку нужна маленькая справочка. Я посылаю за разрешением, он отказывается, не хочет идти, потому что это целая волокита. Он говорит: «так лучше я не пойду». Даешь ему. Районные библиотеки отказывали.

В первую оккупацию, хотя хозяином была штандордкомендатура, но и пропагандштафель организовал комиссию, какие книжки можно допускать, какие нельзя. Комиссия эта очень много книг отстояла и прибавила. Во вторую оккупацию все это целиком перешло к штабу Розенберга. Они устроили у себя заседание и говорили: «Посмотрите, какие книги можно допустить...». Они дали анкету нам, в которой были вопросы, начиная от бабушки и дедушки автора, его мировоззрение, не имеет ли он какого-нибудь отношения к евреям. Если автор еврей, коммунист, тут уже ничего не могло спасти. Штаб Розенберга вначале занимался главным образом, только тем, чтобы выбирать книги из библиотеки. Открытие библиотек находилось в ведении пропагандштафель. Открывались районные библиотеки. К нашей библиотеке они относились особенно, считали, что ее нужно использовать как можно больше для себя.

Немцы взяли к себе в штаб часть мебели. Я выразила протест. Они говорили: «У нас все конфисковано». Все-таки они уехали, говорят: «Мы к Шмидту обратимся», который возглавлял здесь штаб Розенберга. Он приходит ко мне и спрашивает, как снабжаются сотрудники, ни звука не говорит о мебели. Я говорю:

— Вы присылали за мебелью?

— Я уже отобрал.

Оказывается, он зашел, отобрал все со своими солдатами, на машину нагрузил и увез, а я сижу и думаю, что все отстояла.

При последнем уходе взяли часть книг, устроили выставку у себя и в картинной галерее об истории Украины. Поркет пришел и сказал, что он дал распоряжение выдать книги, что помещение заняла военная часть и что мы договорились, чтобы они не брали мебель. Это был самый приличный немец. Он был обижен, почему я не даю ему опись газет. Я говорю:

— Вы видите, в каком положении библиотека.

О том, что у меня полон гараж газет, я ему не говорила. Он пошел, испугался, говорит, что тут могут опять стены придушить: «Дайте мне хотя бы в кубометрах». Так я ему не дала ни описи, ничего. В отчете отмечала, что столько-то выдано книг, а об остальных книгах, ввиду такого состояния библиотеки на вопрос ответить не могу.

Библиотека начала работать на второй же день после прихода Красной Армии.

9 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 45–47об. Оригинал, машинопись).

№ 20

Из стенограммы беседы с Михаилом Николаевичем Марчевским

Украинец. Беспартийный. Родился в 1884 году в Харькове, сын врача. Среднее образование получил в Харьковской 3-й гимназии⁴⁸⁹ с 1894 по 1902 год, затем поступил в Харьковский университет⁴⁹⁰, учился с 1902 по 1907 год на физико-математическом факультете и окончил с дипломом первой степени. С августа 1910 г. по март 1913 г. для повышения квалификации учился в Германии в Геттингенском университете⁴⁹¹ на математическом отделении философского факультета. В 1916–1917 г. сдал магистерский экзамен при Харьковском университете. С 1917 г. по настоящее время преподаю в Харьковском университете, сначала в качестве приват-доцента, потом профессора. Общий педагогический стаж с 1908 г., по высшей школе с 1914 г.

С 1934 г. и до октября 1941 г. был заведующим кафедрой математики в Институте инженеров транспорта ХИИТ⁴⁹². В Университете с 1931 г. заведую кафедрой математического анализа.

Я не уехал, потому что при первой отправке эшелонов была больна жена, а затем в 20-х числах сентября я сломал себе ногу и лежал с гипсовой повязкой. Второй раз отход наших войск был настолько неожиданным, никто ни о чем не предупредил. 10 числа у нас под стеной дома стояла военно-санитарная машина, и был медицинский персонал, а 11-го утром в 11 часов вошли эсесовцы в этот самый дом. Никто из нас даже не ожидал их.

23 октября 1941 года немецкие части вступили в Харьков. Очень скоро представители военных частей начали ходить по дворам, и одним из первых вопросов был, в каких именно квартирах жили евреи. Узнавая об этих квартирах, они принимались уничтожать их, забирали все. В доме частновладельческом, где живет моя теща, на Шатиловке, была комната, занимаемая врачом евреем. Они из этой комнаты вывезли почти все, за исключением двух вещей, не исключая мелочи, какую находили. Можно думать, по крайней мере, первое время, заняв Харьков, частям была дана известная свобода насильственного отбора имущества, попросту грабеж, потому что в тот же дом, где жила моя теща, нагрянули немцы большой компанией, и уже невзирая ни на какие еврейские квартиры, стали брать вещи, принадлежащие лично ей и ее дочери. Меня в этот момент не было дома, но я пришел скоро. Теща же, старая, 70-летняя, не знающая немецкого языка, растерялась, ничего не могла сделать и попросила меня, умеющего изъясняться по-немецки, вмешаться в это дело и попытаться что-нибудь отстоять. Мои попытки ни к чему не привели. Наоборот, солдат в грубой форме заявил следующее:

— Нам донесли, что вы у себя храните оружие.

Кроме вещей они взяли кое-что из съестных припасов, не исключая даже небольшого запаса суррогатного кофе. Взяты были предметы обстановки и ковер. Ковры их, между прочим, интересовали. Из лично мне принадлежащей квартиры на Барачном переулке они взяли сравнительно немного: фотографический аппарат «ФЭД»⁴⁹³ и шахтерский фонарь.

У меня в памяти случай с библиотекой Харьковского института математики и механики⁴⁹⁴. Он помещается на Чайковской улице отдельно, имел очень ценную библиотеку иностранных и русских журналов и авторов, находившихся в образцовом порядке до занятия этого здания немецкой частью. Потом я и директор института, профессор Сушкевич обнаружили, что обстановка института подвергается хищническому уничтожению, шкафы и столы ломаются и рубятся, книги выбрасываются в беспорядке, все большие карточки и инвентарные книги уничтожены, так что необходимо было принять самые экстренные меры к спасению уцелевшей части библиотеки.

Мы вместе отправились в городскую управу и имели беседу с обер-бургомистром. Он направил нас к капитану Кречмеру, которого обещал предупредить по телефону о том, что мы придем. Этот капитан, действительно, нас ожидал. Вместе с ним отправились в институт математики, переговорили с начальником части, оставшейся в этом здании, и добились того, что тот распорядился снести библиотеку в подвальный этаж и запереть. Таким образом, удалось спасти большую часть книг, которые в настоящее время перевезены в центральный корпус и приводятся в порядок. Установить, что пропало, очень трудно, потому что исчезла материальная книга. Если книги были расхищены, то чисто случайно, потому что очень много ценных журналов остались целыми, полное собрание сочинений классиков тоже осталось.

К концу первого оккупационного периода стали учащаться случаи расправы и террора. Например, я лично видел убитого, валявшегося несколько дней на Сумском базарчике, как говорили, слесаря того домоуправления, в котором мы живем. Как и за что он был убит, осталось для меня неясным. Затем, совсем накануне отступления были убиты муж и жена около дома, где я живу, за то, что они из брошенного немцами госпиталю тащили с собой, кажется, на санках, умывальник и бутыл в плетеной сетке. Их тела валялись несколько дней, бутыл и умывальник.

Еще более жуткое впечатление производят рассказы, а также и собственные воспоминания о второй оккупации немцев, начавшейся в марте 1943 г. Первоначально они вели себя, как звери. Когда части СС 11 марта вступили в Харьков, они начали на Шатиловке обходить дворы, спрашивая, не скрываются ли тут красноармейцы. Передавали, что во время этих посещений они застрелили немало мужчин. Увидят мужчину во дворе,

считают, что это, может быть, партизан — и стреляют. Между прочим, при невыясненных обстоятельствах погиб старший бухгалтер Университета П. П. Ефременко, убитый во дворе того дома, где он жил. Рассказы были такие, что к нему пришли на квартиру и потребовали выдать патефон. Он человек был вспыльчивый и горячий. Не знаю, что он сказал, патефон вынес, они взяли и в затылок убили его.

Доцент Университета, астроном [М. С.] Саврон. О его смерти передают следующее. Он из окна или с балкона верхнего этажа смотрел вниз. Немцам показалось, что он смотрел в бинокль, хотя он просто носил очки. Тогда один из них поднялся на верхний этаж, спросил, кто сейчас смотрел вниз. Он сам им открыл, и тут же у парадной двери выстрелом в лицо был убит.

В эти же дни начался обход квартир для отбирания обстановки и прочего для офицерских квартир СС. В частности, в доме тещи на Шатиловке эсесовцы отобрали много обстановки и отбравшие ее солдаты, размахивая гранатами, потребовали немедленно разыскать им три скатерти, добавив: «Ин фюнф минутен» (в пять минут), в противном случае он бросит гранату и разнесет квартиру. Сказал, что если женщины не найдут, так он сам начнет искать, но это было бы гораздо хуже. Получив эти скатерти, якобы, для офицеров, он их преспокойно отнес в собственную квартиру. Относительно вещей было сказано, что мы все же получим обратно, когда их части будут уходить из Харькова. Но это так и осталось словами, потому что еще до их отъезда вещи были перевезены в другое неизвестное нам место.

Отобрав обстановку те же эсесовцы мобилизовали часть населения Шатиловки, в том числе мою жену и сына, на уборку особняка, предназначенного для офицеров, и в сильном холоде им пришлось мыть полы холодной водой. Мне лично однажды пришлось встретиться с солдатами СС, когда я нес на плечах воду из дальнего колодца. Он меня задержал и потребовал нести воду ему на кухню в часть. Удостоверение о том, что я профессор, никакого впечатления не произвело, и вслед за этим я отнес еще воду два раза подряд.

В марте 1943 года мне пришлось услышать два следующих рассказа. На одном из заводов служащих мобилизовали на какую-то работу, и перед тем, как выйти на работу, стали мелом или краской делать какие-то пометки на одежде каждого. Когда один из таких мобилизованных попросил не пачкать ему хорошее пальто, немец усмотрел в этом протест и по чьему-то распоряжению он был тут же повешен.

Второй случай произошел с одним инженером, — он лично мне говорил, — которому тоже предложили направиться на какую-то работу. Когда же он предъявил удостоверение, в котором было сказано, что он от мобилизации на всякие работы освобожден, немец, прочитав это удостоверение, тут же избил его.

При взятии Харькова в октябре 1941 г. некоторая часть населения жила надеждой, что скоро жизнь наладится, и немецкие, и украинские власти начнут выдавать населению продовольствие по карточкам. Однако, этого не получилось. Население было в полном смысле слова предоставлено само себе, и когда у людей кончились имевшиеся в них скудные запасы, приходилось кое-как перебиваться, живя продажей вещей. Я лично на себе испытал зиму 1941–1942 гг., что значит опухнуть от голода. У меня опухло лицо и очень сильно ноги. Никакой зарплаты я не получал и кормился пока была возможность до конца мая 1942 г. В Университете зарплату и пайки получали только отдельные лица, как например, ректор получал. Никакие заведующие кафедрами ничего не получали.

В мае 1942 года я вынужден был взять первую попавшуюся службу, а именно: мне предложили работать в отделе распределения питания при городской управе. Он помещался не в городской управе, а имел самостоятельное помещение. Начальником этого отдела питания был некто Дейч, русский немец. Он великолепно говорил по-русски, жил здесь, был, кажется, преподавателем института иностранных языков. Немцев мы там первое время даже и не видели. Все это связывалось с так называемым Викадо. Я думаю, что это был отдел городской управы, потому что нужно было пройти утверждение городской управы. Я там ведал картотекой. Когда учреждение какое-нибудь получает определенное продовольствие, его выписывают, то нужно было разнести по карточкам, что именно это учреждение получает. Во второй период оккупации уехал тот, кто оформлял наряды предприятиям и учреждениям. Когда восстановилась власть немцев, была объявлена регистрация, и я тоже зарегистрировался, мне предложили это место.

Дейч уезжал, а потом приехал. Скажем, они начали пускать снабжение с 28 марта. Вызывает Дейч к себе в кабинет:

— Вот мы имеем такое-то продовольствие. Извольте отпустить на больницу то-то, на детей то-то, на доноров что-то отпускали.

Цифра обслуживаемого населения менялась. Было объявлено, что вначале будут удовлетворяться детские дома и больницы, скажем, завод, который начал функционировать. Выдача была по отделам, и каждый отдел менялся. Первый раз с 28 марта по 4 апреля, таким образом, выдачей там оказалось макуха, семечки. Муки, хлеба не было. Недели через две начали выдавать килограмм хлеба в неделю на больного, на ребенка, на служащего в детских учреждениях и больницах. Иногда менялось даже среди недели. Скажем, в середине недели вводится 300 грамм кровяной колбасы. Потом приходит Дейч или его заместитель и заявляет: сейчас колбаса кончилась, замените ее пшеном в том же количестве, так что чего-нибудь стандартного не было. У меня в памяти, что обслуживали 87–88 тыс. человек по городу — это только учреждений. Через некоторое

время, — это я уже говорю о второй оккупации, — немцы стали выдавать населению косточки. Выдавал их этот же отдел питания.

Более регулярное снабжение населения продуктами началось с августа 1942 года, когда население получило хлебные карточки. Я забыл, сколько именно тогда выдавалось хлеба по этим карточкам. При второй оккупации Харькова карточки были выданы тоже не сразу, а только в мае месяце. Был специальный зал выдачи карточек населению. Там я не был. Категории снабжаемых были такие: рабочие тяжелого труда, затем рабочие особо тяжелого труда, нормальные рабочие и иждивенцы. Особо тяжелого труда получали 4 ½ кг печеного хлеба в неделю, тяжелые рабочие 4 кг, нормальный рабочий 2 ½, иждивенцы 1 ½ кг. Кроме хлеба, было еще кое-что другое, но это кое-что другое менялось. Например, первое время и нормальные рабочие, и иждивенцы получали сахар и масло крохотными дозами — 100 грамм сахара и 50 грамм масла, а потом выдача сахара была совершенно прекращена и оставлена только для категории особо тяжелого труда — 150 грамм в неделю. Затем, еще входила мука и крупа, большей частью пшенная. Рабочие тяжелого и особо тяжелого труда получали 500 грамм муки, нормальные рабочие 300 грамм муки, иждивенцы совсем не получали муку. Пшеница рабочим особо тяжелого и тяжелого труда выдавалась 300 грамм, нормальным рабочим 200 грамм крупы и иждивенцам 100 грамм, причем, у тех, у кого была кухня, отбиралось на кухню. Нам заведующий отделом питания говорил, что выдавать на руки следует только хлеб, все остальное забирать на кухню. Считали, что надо стремиться к тому, чтобы каждое учреждение имело кухню, которая питала бы своих рабочих.

Когда немцы занимали Харьков второй раз, тогда они сидели в помещении, где мы работали. Обер-инспектор военного управления обыкновенно отправлялся в Викадо. Каждый понедельник никто не знает, что будут выписывать. Народ приходит, ждет. Этот инспектор ехал в Викадо, оттуда привозил сведения, что в данный момент имеется и какая будет норма. Нормы менялись, иногда увеличивались, но было так, что и уменьшались. Бывало так, что хлеба давали 4 кг, а потом стали давать 2 ½. Неделя была с понедельника по воскресенье. Причем, их интересовали отчеты, что за неделю выдано, на сколько предприятий, какой категории, сколько рабочих тяжелого труда, сколько самого тяжелого, идет ли рост или идет убыль. Тогда было 3 тыс. самых тяжелых рабочих — это только на железных дорогах было, примерно 22 тыс. тяжелых рабочих. Обер-инспектор очень грел за то, что он, мол, очень мягкий человек и относит рабочих к тяжелой категории труда без достаточных оснований. У них была какая-то норма. Тысяч 25 было нормальных рабочих, тысяч 40 иждивенцев. Пока не было возможности установить иждивенцев, так исходили из такого соотношения, что у каждого служащего один иждивенец. Мне не известно, чтобы научным работникам выдавали что-нибудь особенное.

Университет получал так же, как остальные. Они шли, как нормальные рабочие. По-моему, университет был отнесен к категории тяжелых рабочих, так же, как и политехнический институт. Работники отдела питания шли по категории тяжелых рабочих.

Мы в отделе получали 4 кг хлеба, 500 грамм муки, 300 грамм крупы, большей частью пшена. Некоторое время нам давали по 100 грамм сахара, 100 грамм соли, 100 грамм масла, 200 г колбасы. Зарплату все получали. Начальник учреждения Дейч получал 3 тыс. Я получал разное: 900 рублей, 1000, 1200 и 1500 руб. максимально. Главный бухгалтер, который сейчас у нас главным бухгалтером, получал 2400 руб. У нас было человек 120–160 — это до первого ухода немцев. Потом, после того, как уехали, работа разворачивалась очень слабо, было, примерно служащих 40–50, потом это количество увеличилось.

Из немецких служащих было три инспектора, один во время второй оккупации только ведал так называемым рундум — это окопной работой. У него была своя секретарша. Она выписывала наряды, он ставил печати.

Говорили, что в Харькове осталось 250 тыс. населения, другие говорили 100 тыс. Целый ряд лиц умерли от голода. Если в Харькове было 250 тыс. населения, снабжалось максимум 100 тыс. и то, только когда все было более или менее налажено, а с октября по август люди были предоставлены сами себе, поэтому я и вынужден был получать эту работу.

Вследствие невозможно ужасных условий и невероятных продовольственных трудностей немалая часть лиц, оставшихся в Харькове и не имевших возможности или самим совершить далекое путешествие, в особенности в зимнее время для обмена вещей на продукты, умерли голодной смертью, как, например, декан юридического факультета, профессор В. Ф. Попов. Это характерный тип, прекрасный русский интеллигент. Ему, вероятно, было лет под 70. Он ни на что не жаловался, ходил на все заседания, никому не говорил. Только потом узнали, что он с голоду умер. Если он, как декан, получал 1000 рублей, то по той цене, которая была — это 2–3 базара. Умер ученый секретарь института математики и механики И. И. Кунц, тоже деликатный человек, молчавший. Я видел, он приходил с распухшими пальцами и все ждали, что его куда-нибудь прикрепят, но он даже не получил талонов в захудалую столовку. Там кормили скверно, борщ на бураках, иногда кислая капуста. Талантливый математик, племянник академика Данилевского⁴⁹⁵, А. М. Данилевский.

Были такие, которые, видя безысходность положения здесь, бросили Харьков и уехали в Полтаву. Ассистент моей кафедры, доцент В. В. Лихин, мне говорили, тоже умер с голоду, переехав в Полтаву, и целый ряд других и врачей, и инженеров. Впечатление было такое, что немцам абсолютно безразлично, будет ли население, в частности, интеллигенция гор. Харькова сносно существовать или будет медленно вымирать. Немцы, конечно, первым делом вывозили все, что только было можно к себе

в Германию. Продажные украинские газеты «Новая Украина», «Харьквивьянин»⁴⁹⁶ писали, что Германия лучший друг украинского народа. Ясно было, что это, как говорят по-украински, запроданцы.

Лица, служившие в городской управе, говорили, что, если туда является кто-нибудь с просьбой устроить место, так ему заявляют:

— А что ты мне дашь?

Он говорит:

— Вагон соли.

— Только и всего? — ему этого мало уже было.

Словно притон какой-то отбросов общества там себе свил гнездо, как говорили, не исключая самого обер-бургомистра Семененко⁴⁹⁷, жена которого была пайщицей одного из богатейших комиссионных магазинов. У нас был знаменитый Михайлов, который миллионами ворочал, потом другой, которого немцы уже расстреляли. Говорили, что Кернер чуть ли не тысячами там ворочал. Один раз Дейч пришел рассвирепевший, кричал, что величайшие преступники засели у нас в городской управе именно в смысле ворочства.

Заместителем Дейча при первой оккупации был Модер, заместителем при второй оккупации был Поцелуйко, служащий нашей кооперации, специалист по торговым делам. Украинское влияние там [то] же чувствовалось. Кооперация была. Был кооператив самой городской управы, потом был одно время кооператив научных деятелей в университете, но он как-то захирел и прекратил свое существование. В газетах они утверждали, что будут поощряться всякие кооперации, объявили, что открывают кооператив такой-то, такой-то. Вносили мы членские взносы, я за себя и за тещу. Все это пропало, ничего мы не получили там.

При красных продовольственного отдела не существовало. Во время второй оккупации этот отдел был открыт, но плюс висела вывеска: «Отдел питания учреждений» и только спустя некоторое время стали выдавать карточки населению. Во время второй оккупации продовольствие выписывалось со Славянской⁴⁹⁸, возле вокзала, овощи выписывались с Сахарозаводской улицы или с Полевой. Молочных продуктов во второй период было мало, только, так называемая, скототина. Это было на Симферопольской улице. Адреса оставались те же, что и раньше. Хлебопеканя осталась в городе.

Отдел питания снабжал не только Харьков, а к нам присоединились прилегающие районы, пока там не открыли свои отделы.

Некоторая часть сотрудников отдела ушла с немцами. Например, ушел начальник учреждения, его помощник, завхоз, который в первый раз не уходил, инспектор, ведавший утверждением нарядов. Он уходил в первый раз и во второй раз, причем, ушел раньше, 6 августа. Основная масса сотрудников здесь. Ни по какой симпатии люди работали там, а только в силу горькой необходимости. Я говорю о большинстве. Это

была вынужденная служба. Какой мне был интерес заниматься писанием карточек, или расчетом, сколько килограмм кому придется. Мне не было противно работать в этом учреждении, поскольку я старался делать все, что лучше для населения. Допустим, говорят — вот прибыла капуста, я старался предупредить клиентов, как-то устроил получение мяса больницей, голов. В этом смысле я считал, что известную пользу приношу для улучшения питания.

Впечатление такое было, что в Харькове войск было много. У них все было свое, свои боины, существовал кюльгаух — холодильник и мясокомбинат.

В городской управе был отдел особый управления. Там был заместителем обер-бургомистра Сенник⁴⁹⁹.

Общее впечатление такое: сколько бы немцы здесь ни были, ничего население хорошего от них не ожидало.

Дней 14–12 до прихода красных работа этой конторы распалась. В первые августовские события еще работа шла нормально, но чувствовалась какая-то нервозность. Уже стало известно, что начальник учреждения Дейч оформляет какие-то документы для лиц, намеревающихся уехать. Я видел, как он за столом сидел и подписывал их. Нам было распоряжение в воскресенье работать, потому что нужно было экстренно выдать какое-то продовольствие, скопившееся на базах в колоссальном количестве: пшено, соль, кажется, гречневая крупа, на 4-й мельнице, где Балашовский вокзал⁵⁰⁰. Воскресенье мы работали, выписывали это все. В понедельник эта работа продолжалась, причем, уже была какая-то неразбериха... [Часть текста утеряна. — Сост.] ...правлялись на 4-ю мельницу. Там была поставлена масса СС, когда их выгоняли и говорили, что недостаточно этого наряда, а должна быть специальная круглая печать немецкого командования. Они прибегали к нам же, эта печать ставилась обер-инспектором и подписывалась. Они и этой круглой печатью не удовлетворялись, говорили, что нужно печать самого Викадо. Так продолжался понедельник. Затем стало известно, что уже собирают специально два или три грузовика, которые стояли во дворе отдела питания, и предложено было лицам, которые собираются уезжать, грузить свои вещи и быть наготове. Это было в понедельник, если не ошибаюсь, в августе.

Во вторник я прибыл — и заявляют — положение резко улучшилось, все должны разобрать свои вещи и идти по домам. Все разошлись. В среду 11 августа пришли мы на работу. Видно было, что дело совершенно разваливается, уже ни от кого никакого толку добиться было нельзя. Говорят, что базу народ начинает грабить, тащат пшено к себе домой целыми кулями, и 11-го я сам был свидетелем, как эти автомобили были нагружены опять, завхоз положил наверх свой велосипед. Для меня было ясно, что они уезжают. Я ушел домой и они, кажется, уехали в 5 часов

вечера. Один из немцев сказал группе людей, что «завтра, пожалуйста, приходите. Если все будет нормально и спокойно, будем работать и я буду». Ничего чрезвычайного не произошло, но я пошел, оказывается, двери закрыты. Пришла одна из клиенток, которая знала меня. Я говорю:

— Видите, все закрыто.

Потом встретил ее в середине дня.

— Я, говорит, — была, эти немцы были и сказали, что ничего нет, — и на этом дело кончилось.

На этом работа отдела снабжения прекратилась.

Что запасы растаскивались населением, я слышал от одного профессора, который жил в том районе. С 4-й мельницы было растасчено большое количество всякой крупы. В самом отделе питания не было такого, что было при первом отступлении немцев. Я ходил на работу довольно исправно и единственный день, когда я пропустил — это было 13 февраля, незадолго до первого вступления Красной армии. Я 13-го не был. Там были запасы масла в кухне и, как потом оказалось, была довольно значительная касса — 700 тыс. советских денег в кассе. Ввиду того, что народ вел себя довольно вызывающе, ясно, это могли моментально разграбить. Оставшийся представитель отправился в Викадо с сообщением, что имеется масло, деньги, дело может кончиться неприятностью. Было разрешено выдать каждому сотруднику по 6 кг масла и по 10 тыс. рублей советских денег. Этот день я пропустил и ничего не получил. Я скверно себя чувствовал и на работу не пришел. Меня жена убедительно просила не ходить, потому что тогда немцы ловили мужчин и убивали.

9 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 11–14. Оригинал, машинопись).

№ 21

Из стенограммы беседы, проведенной в Харьковском университете с Е. О. Шаталовой-Залесской,

В. П. Бесединой-Невзоровой и И. Н. Нагибиным

1. Шаталова-Залесская Елизавета Оскаровна. Доцент кафедры физиологии растений, кандидат биологических наук. Украинка, беспартийная, 1891 г. рождения, в университете с 1920 г.

2. Беседина-Невзорова Вера Павловна, доцент филологических наук, 1896 г. рождения, русская, беспартийная, в университете с 1920 г.

3. Нагибин Ипполит Николаевич, старший преподаватель кафедры классической филологии, 1883 г. рождения, беспартийный, в университете с 1936 г.

Тов. Шаталова-Залеская: Всем жилось тяжело. Жили при морозе, в квартире минус два было, минус четыре. Я жила в кухне. О питании нашем известно. Ели люцерну, ели вареную сою. Меня лично спасала дочь, потому что она ходила на село за 80 км пешком. На базаре до января продажи не было никакой. Трудно говорить об этом, потому что говорить можно бесконечно. В течение зимы дочка была 7 раз на мене. Температура была минус 35–40°. Я осталась здесь одна, волновалась за нее. Она однажды на такую картину наткнулась. Возле стога человек 10 замерзших было, возле них лежали мешки. Так их никто и не трогал. Возвращаться обратно было тоже очень тяжело, потому что отнимали выменянное. Когда она приходила, мы некоторое время жили, потом приходилось опять собирать что-нибудь и отправляться в путь.

Несмотря на тяжелую жизнь, мы все привязаны к университету. Имуущество раскрадывалось. Приходили отдельные солдаты, забирали микроскопы, причем, цену им знали. Один тип регулярно ходил. Сначала он забрал эмиляционные микроскопы, потом увидел, что эмиляционных объективов нет. Забрал 18 или 19 микроскопов. Я его направила в университет к ректору, считая, что тот может что-нибудь сказать. Немец обещал представить документы, но в результате просто распротился.

Так было довольно продолжительное время. 12 пар рогов оленьих забирали, якобы, для украшения лазарета. Брали все, что попадалось на глаза. Музей старались сохранить, но все разворовывалось безнаказанно. Кафедру свою я скрывала, и она осталась вся цела. Я старалась к себе так входить, чтобы не видно было. Обкраденной в основном оказалась кафедра генетики, потому что вход с улицы был и туда все шли.

Своя жизнь очень тяжело протекала. Достаточно на нас посмотреть. У меня было около пяти пудов веса, а сейчас — около трех пудов. Еще я немного поправилась.

Меня поразила смерть доцента органика Епифанова Ф. Ф.⁵⁰¹ Он мой учитель. Я встречалась с ним часто. Его положение все ухудшалось и ухудшалось. Видно было, как у него проваливались глаза, заострялись скулы. Помочь никто не мог. Однажды он попросил у меня бритву анатомическую, якобы, для бритья. Я пришла домой, говорю дочери, что нужно ему выбрать бритву. Она говорит, что, судя по разговорам, которые он вел, очевидно, он хочет покончить жизнь самоубийством, и, действительно, через несколько дней он умер.

Шеварова, доцент, тоже умерла с голоду. Епифанов человек уже пожилой, хотя он был энергичным и бодрым. Его смерть меня очень взволновала.

Тов. Беседина-Невзорова: Я живу в районе Госпрома. Каждый день раза по 2–3 приходилось проходить мимо него. Там стояли машины и все время нагружали их. В течение двух лет каждый день всегда выносили оттуда мебель и вывозили. Они пустые составы не отправляли обратно, а всегда нагружали их вещами и отправляли обратно. Если хотели ехать пассажиры, их с собаками выгоняли. Сейчас Госпром совершенно пустой. Когда немцы первый раз уходили, они пытались его зажечь. Там какой-то немецкий капитан имел склад бумаги. Когда они уходили, народ начал грабить. Сначала их часовой не пускал, а потом разрешил грабить и сказал, что бумагу унесли в другой подъезд. Тут явился какой-то распорядительный молодой человек и говорит:

— Грабьте, а то Госпром будет подожжен.

Народ бросился таскать бумагу, а немцы пытались поджечь здание.

Тов. Шаталова-Залесская: Картина на улице весной: дети, гложащие кости. Мы все сидели в своих комнатах и кухнях. Весна, как только солнце пригрело, все вышли на улицу. Только тут можно было наблюдать друг друга: впавшие глаза, серо-зеленые лица. В Монастырском переулке была столовая, где мы обедали. Рядом стояла немецкая часть и из кухни выбрасывали кости. Маленькие дети собирали эти кости и бродили во круг, напоминая собак. Там и глодать было нечего.

Тов. Беседина-Невзорова: В лучшем положении были преподаватели технологического института. Они наладили свое производство, и немцы им за это давали мясо, вернее, внутренности, кишки. Я на днях встретила свою ученицу. Она работала в детском доме. Немцы называли это учреждение домом ангелов. Дети там не выживали. Их ничем не кормили и они умирали с голоду. Одежды у них не было, топливо не отпускалось, дети сидели в холодном помещении.

Тов. Шаталова-Залесская: На Сумской улице сидел ребенок, череп которого был обтянут кожей.

Тов. Беседина-Невзорова: Одна женщина привела ребенка в детский сад. Ей говорят:

— Что вы делаете, здесь ваш ребенок погибнет.

Она говорит:

— Нет, нет, мне некогда, — оставила ребенка, через месяц он погиб.

Тов. Шаталова-Залесская: Я сидела, закрытая всегда на две двери и осталась не открывать. Первое время немцы часто посещали. Первоначально я им пригрозила и сказала, что по соседству живет бургомистр, но оказалось, что они бургомистра не боятся и захватывали все, что попадалось по пути. Стучали они ногами. Но это продолжалось первые два месяца. Мою родственницу раздели, сняли с нее шубу в 30⁰ мороз. Завели в подворотню и сняли шубу. Она в одном платье пришла домой. Она жаловалась, ей обещали вернуть, но потом сказали, что меховую шубу имеют право снимать в такой мороз.

Тов. Нагибин: Они с животными обращались гораздо лучше, чем с людьми.

Тов. Шаталова-Залесская: Вначале мы думали, что что-нибудь будет в университете. Говорили, что университет откроется 1 января, потом сказали, что будет позже, так ничего и не было, работали только школы. Университет не открывался совершенно. Мы сами ходили, берегли имущество. По ночам собирались в комнатухах, поговорим, какая у кого температура: у кого ниже, у кого выше, у кого какое питание, чего можно ожидать в будущем, кто ходил на меню. Нам давали удостоверения. Вначале даже была выдана какая-то зарплата, полставки по 450 рублей, а потом остался только ректор, проректор, декан. Мы получали только минимальный паек. В него входил просяной хлеб, соль, когда — пшено, когда — горох.

Тов. Нагибин: В день рождения Гитлера дали по 50 грамм вонючего мяса. Мне досталась какая-то ослиная челюсть с зубами.

Тов. Шаталова-Залесская: Один раз мы получили паек 1 января 1942 года. Затем был долгий промежуток, и затем начали снабжать более или менее регулярно с лета 1942 года. Летом 1942 года в июне-июле выдали немного кислого творогу и кости. Здесь была комиссия, там составлялись списки, вначале было только 52 лица, а потом 100. Выдавали вонючую кровяную колбасу по 200 грамм на душу в неделю. Пакет выдавался еженедельно. Хлеба получали в неделю 2 кг 300 грамм с осени 1942 г. Однажды мы получили какое-то машинное масло. Козеин⁵⁰² давали для производства пластмассы.

Желиховский был одно время секретарем нашего университета. Он был профессором физики.

Тов. Нагибин: У нас было два ректора, Желиховский и Ветухов. Это были два противоположных лица. Желиховский был выдвинут из числа советских профессоров. Он учебными делами почти не занимался и не мог заниматься, а больше занимался тем, что доставал талоны на обеды. Говорил, что «вот, я хочу достать четыре литра масла». Он просуществовал до февраля 1942 года и в дальнейшем, насколько я слышал, ему немцы предложили уехать в какой-то совхоз. Он приглашал меня. Я тогда не мог ехать и не согласился. Потом был назначен Ветухов. Это — типичный украинский националист, очень убежденный в своей идеологии человек, лицо, которому немцы, по-видимому, вполне доверяли с политической точки зрения. С точки зрения бытовой, он преподавателями не занимался и очень мало интересовался ими. Здесь он бывал редко, был председателем земельной управы, заболел неплохо, кажется, о своем собственном покое, жил очень неплохо. Относительно нашей бытовой стороны, не было такого, чтобы он когда-нибудь кого-нибудь позвал, поговорил, хотя обещал многое, но я не слышал, чтобы это реализовалось конкретно. Эта фигура совершенно ясна и политически вполне обрисована.

Тов. Шаталова-Залесская: Университет, по-моему, ему был совершенно не нужен. Когда я отправила к нему с объективами, он послал с разрешением ко мне, мой адрес дал, чего я больше всего боялась. Он работал, по-моему, в институте соцземледелия по зоотехнике. Он тут был очень долгое время.

Профессор Анисимов: Тот и другой были далеки от моей научной специальности. что касается Желиховского, то я должен сказать, что у немцев большой нюх по отношению к лицам, которые разлагаются в политическо-бытовом отношении. Желиховский живет в том же доме, где и я. Он очень занимался вопросами снабжения университета, но у него это все в большей и большей мере переходило на рельсы самоснабжения. У него несколько семей было, несколько жен, ему было о ком заботиться. Он по целым неделям не выезжал из совхозов, где орудовал, а к нему без конца приезжали подводы на его квартиру. Он все реже и реже появлялся в Харькове и, наконец, совсем исчез. Я считаю, что Желиховский проявил себя, как окончательно разложившийся в бытовом и политическом отношении человек. Говорили, что немцы его вывезли как ценного специалиста.

Ветухов еще более отвратительное впечатление производил. Он работал в земской управе, жил там же, где и я, там его семья живет и не было дня, когда бы ни приезжали подводы. Буквально, всяким добром была завалена его квартира. Это было тяжелое время, зима. Моя жена пошла, как к доброй соседке, к его мамаше попросить чем-нибудь поделиться с нами. Когда она вошла, увидела, что соседняя комната завалена мешками, на столе груды масла сливочного, окорока висят. Когда вошла моя жена, она закрыла эту дверь и предложила пойти купить ей французскую булочку на улице. Жена поблагодарила ее и сказала:

— Зачем же я буду вводить вас в расходы.

Видно, немцы расчухали, с каким типом они имеют дело, и увезли его в Киев накануне своего отступления. В том же направлении выехала из нашего дома и его семья.

Тов. Беседина-Невзорова: В феврале-марте месяце при занятии Харькова нашими войсками я была назначена деканом филологического факультета. До этого я входила в состав университета, как и остальные преподаватели. Когда немцы снова вступили и Ветухов приступил к исполнению своих обязанностей, он решительно потребовал, чтобы меня сняли с работы, как советского человека и я была снята.

Профессор Анисимов: Таких людей, которых Ветухов мог привлечь, вряд ли можно найти. Он просто учитывал настроения людей и соответствующим образом с ним относился, руководствовался личным выбором, может быть, с кем-нибудь делился и давал тому, кому более или менее лично доверялся. Но он не сумел окружить себя лицами определенной твердой политической ситуации [так в тексте. — Сост.]. Таких людей ему не удалось найти среди нашего коллектива. Он был до самого конца оккупации.

Тов. Беседина-Невзорова: Последнее время его гестапо арестовало. Его заменял Рябоконь, проректор.

Тов. Помазанов: В последние месяцы Ветухов вообще не числился ректором университета, потому что его не утвердили немцы, как занимавшего параллельную должность в земельной управе. Рябоконь доцент математики. Он был арестован до начала войны и года полтора отсутствовал в Харькове, а перед войной его освободили, и он находился в Харькове, выезжая на Полтавщину, где у него родственники находились. Потом он был назначен проректором, после того, как Желиховский ушел с этой должности. Рябоконь с немцами уехал. Параллельно он занимал должность заведующего социальным обеспечением. Вообще он, по-видимому, пользовался в украинских кругах доверием.

Кроме «Просвиты» в Харькове еще были украинские организации, но я очень плохо разбираюсь в них. Правление «Просвиты» помещалось там, где сейчас Кагановический райком находится. Потом немцы ее оттуда после февральско-мартовского ухода⁵⁰³ выставили и она помещалась в доме учителя на углу Сердюковского и Чернышевской. Что там в середине делалось — я не знаю.

Из всех организаций «Просвита» была единственной, признанной немцами организацией, которая имела некоторое влияние на жизнь и пользовалась некоторым авторитетом среди населения. Кроме того, что она имела свое правление, устраивала собрания, концерты, доклады различные по украинской культуре, она еще имела довольно много кооперативов, которые были достаточно популярны. Учителя там получали пайки, технологический институт получал пайки. Очень многие из технологического института состояли членами «Просвиты». В кооперативе была и вольная продажа для публики. Мне приходилось видеть людей, которые получали там, как члены кооператива. Так что «Просвита» была популярной и действующей организацией среди интеллигенции. Не знаю, как она в других районах города была популярна, но я слышал, что и в других районах города у нее были какие-то кооперативы. Знаю, что на Пушкинской у нее был магазин, и он действовал довольно успешно. Кроме того, был их клуб, или правление, где устраивались концерты. Потом она библиотеку имела какую-то. Так что это было культурно-просветительное общество, пользующееся популярностью. Она имела влияние на женщин, потому что немцы дали им возможность снабжать материальными вещами население, что тогда играло колоссальную роль. По-видимому, немцы придавали ей значение, иначе они не давали бы им пищевых возможностей.

Тов. Шаталова-Залесская: Я ее мало знаю, и мне кажется, что никакая украинская организация популярностью не пользовалась, потому что во главе стояли немцы, а они не были заинтересованы в популярности какой бы то ни было организации.

Профессор Николаев: «Просвита», насколько мне известно, оформилась в декабре 1941 года, во всяком случае, в январе там уже существовал этот кооператив и во главе этой организации стоял на первое время Дубровский В. В., профессор и Попов А. И. Дубровского я знал с 30-х годов. Сперва он служил в Наркомпросе, заведовал в институте материальной культуры. Он был репрессирован в 1934 году и 4–5 лет его здесь не было. Потом вернулся он, появился на какой-то маленькой должности. Жена его врач. Вернулся он в полном своем блеске уже при немцах. Дубровский очень неприятный украинский националист и он возглавлял эту «Просвиту». Я думаю, что у него есть какой-то определенный идейный момент в противоположность Попову, который просто жулик. Это личность, которая здесь в Харькове известна уже с 20-х годов. Он был на факультете Соцвоса ИНО директором, и мне ярко запомнились два факта, которые очень интересно сопоставить с дальнейшей его судьбой. В 1927–1928 гг. было заседание на факультете соцвоса, и тут же церковь рядом. Начался трезвон колоколов. Он говорит:

— Как прекратить, наконец, это безобразие!

Второй факт — это то, что как-то раз было заседание, и решали чрезвычайно курьезный вопрос. Он говорит:

— Ну, наконец, нам надо решить, есть душа или нет души. Я предлагаю создать комиссию из трех человек. Мы втроем должны будем решить, есть душа или нет ее и доложить факультету.

Но заседание так и не состоялось. Любопытно, что в период этого времени он отращивал себе бороду, усы. Я узнал, что он стремится поступить на какую-то духовную должность. Здесь его не утвердили, тогда в марте он поехал в Киев и там получил сан священника. Человек абсолютно беспринципный, по-видимому, и в политическом отношении, хотя он здесь играл роль ярого украинского националиста.

Что касается самой «Просвиты», там была группа украинских националистов. Я некоторых знаю, других вообще не знаю. Был здесь Соловей, кажется, доцент, Парадизский. Эта группа лиц совершенно определенную цель имели: втянуть как можно больше профессуры и преподавателей в круг этой «Просвиты». Очень характерно, у меня сохранился документ в виде повестки, — это было в октябре, — что «вы приглашаетесь на заседание комиссии такого-то числа в пропагандештафель для участия в выработке антибольшевистских и антисоветских брошюр». Я туда не явился. Через два дня мне присылают повестку: «Так как вы не явились тогда-то, то прошу лично ко мне зайти по поводу этого вопроса. Председатель «Просвиты», профессор Дубровский». Так что такое стремление втянуть профессоров в антисоветскую работу было.

Я не был ни на одном их вечере, но знаю, что они организовали очень много вечеров с украинскими песнями, хор и т. д. При очень близком участии «Просвиты» было тут создано «Научное товарищество». «Прос-

вита» имела большое влияние на него. «Просвита» существовала для меня, как общество, имевшее свои кооперативы. Я видел, что там раздают продукты и т. д., а в дальнейшем это определенно украинское националистическое общество, имеющее целью нелегально или полулегально по отношению к немцам оформлять идеи самостийной Украины. Когда немцами был проведен целый ряд арестов «Просвиты» во Львове, Киеве и т. д., здесь наши русские изменили свое направление, радужные надежды отошли на второй план. Тогда они уже перешли на то, чтобы возродить украинскую душу, поддержать украинский дух до того времени, когда осуществится какой-то идеал. Вначале у них тризуб был, а потом сняли.

Тов. Шаталова-Залесская: Этот тризуб и на городской управе висел, и в газетах был, а потом немцы заставили его снять. Членов «Просвиты» было около ста. Как-то раз мне пришлось увидеть список членов магазина. Там было около ста фамилий. Это, конечно, не характеризует количество членов.

Тов. Беседина-Невзорова: Когда меня изъяли из Университета, я поступила работать в университетскую библиотеку. Перед этим Розенбергом была произведена чистка библиотечных фондов, была изъята вся советская литература. Я была буквально потрясена, когда пришла в комнату. Там было все изъято. Посмотрела я инструкцию, что полагается изымать. Это было что-то потрясающее. Правда, были оговорки, что если книга представляет собой большую научную ценность, то ее можно и не изымать, хотя бы автор был евреем. Все работы профессора Бологовского были изъяты по истории русского языка. Лица, изымающие, настолько увлеклись, что, решили все, что вышло с 1920 года — это литература, подлежащая изъятию. Изымали библиотечные работники. Я пришла, когда все было изъято, и вопрос стоял о том, будут ли вывозить эту литературу или ее оставить на месте. В конце концов, администрация договорилась, что этой литературой необходимо пользоваться научным работникам и ее нужно поставить в отдельное помещение. Так и сделали, поставили в читальный зал, куда входа никто не будет иметь и там сосредоточилась вся изытая литература.

По библиотечной линии там был такой Берент, немец. Он имел постоянное место пребывания в Короленковской библиотеке⁵⁰⁴. Оттуда он приходил в университетскую библиотеку и проверял, что имеется. Там были заседания, вызывались библиотечные работники.

Ко мне обращался профессор Державин, который эвакуировался с немцами, и предложил лично принять участие в заседаниях Розенберговского общества. Но я отказалась от них. Не под руководством ли штаба Розенберга была устроена выставка к юбилею Квитки-Овсянникова⁵⁰⁵? Библиотека начала устраивать выставку. Причем, обнаружилось, что советские издания настолько превышали все остальные издания, что

это будет служить популяризацией советской науки и решили советские издания не выставлять.

Профессор Николаев: С весны 1942 года я заведовал музеем анатомии. Как-то раз ко мне пришли в ноябре 1942 года в музей четыре представителя штаба Розенберга, двое военных, одна женщина и один гражданин, наиболее активный, в кожаном пальто черном. Второй раз он явился в военном уже. Пришли они под предлогом проверить идеологию музея. В гражданском платье субъект сразу пронюхал, что музей построен по эволюционному типу, принципу Дарвина и т. д. Он заявил, что теория Дарвина не имеет сочувствия в Германии и к этому отнесся отрицательно. Особенно отрицательно он отнесся к одной таблице о происхождении человека по генетической схеме. На этой таблице нарисованы различные человеческие расы в одну линию. Он заявил, что это неправильно, это устанавливает равноправие рас, в то время, как вот, немецкая раса выше, японцы наши союзники — это высшая раса, негры — полуживотные и т. д. Словом, эта схема его совершенно не удовлетворила.

Вообще известно, что основная цель штаба Розенберга — изъятие из музея всего ценного. Он задавал мне вопросы, какие ценные препараты. С научной точки зрения — это одно, с материальной — другое. Но, поскольку эти препараты в банках имели ценность чисто научного характера, это его не интересовало, музей остался целым, несмотря на попытки немцев взять его.

Тов. Шаталова-Залесская: В биологическом музее, кроме 12 рогов и 2 пугаев, все осталось.

Профессор Николаев: Когда немцы вернулись второй раз, при биологическом факультете были учреждены дежурства и как раз на мое дежурство явился этот же субъект, который был у меня в мединституте несколько месяцев перед этим. На этот раз он заинтересовался зоологическим музеем. У нас замечательный зоологический музей в университете. Я его провел по этому музею. Единственный вопрос, который он задал: какие тут ценные препараты. Я сказал, что не специалист и ответить на этот вопрос не могу. Музей сохранился.

Профессор Анисимов: Был еще штаб Мюллера. Там была канцелярия, занимавшая несколько комнат. Там были военные, переводчицы, машинистки и т. д. Время от времени сотрудники этого штаба навещали наши вузы и т. д., смотрели, что делают наши сотрудники. Спросят и уйдут.

Тов. Помазанов: В газетах было объявлено от имени городской управы о регистрации всех научных работников, причем, был указан срок, приблизительно 10 дней. Регистрация производилась в отделе Освиты. Человек 20 зарегистрировалось перед этим и я зарегистрировался. Спросил, какая цель. Говорят, что цели определенной нет, «просто хотим узнать, кто остался». Потом я спрашивал еще кого-то, для чего это. Мне сказали,

что это для учета кадров для использования их в Германии. Сведения были очень маленькие: год рождения, образование и где служил, больше ничего. Регистрация была какая-то не серьезная. Сидела какая-то женщина, секретарша Освиты⁵⁰⁶. Причем, эта женщина была в высшей степени не ответственной и малоопытной. Никаких последствий эта регистрация не возымела. Кто не регистрировался, ничего не было.

Профессор Анисимов: Это имело свою цель, определенную и довольно жестокую политику — быть под надзором учреждения и ждать приказа, пока тебя вывезут. Отдельные командиры в беседах заявляли, что в сентябре 1943 года будем эвакуироваться.

Тов. Помазанов: Мне пришлось слышать от третьего лица, что очень нажимали на геолога-инженера Андриевского, чтобы он отправился в Германию. Насколько я знаю, он, кажется, не поехал. Он на меня произвел впечатление очень дельного человека.

Когда я работал в отделе Освиты управы референтом по вузам, то заведующего этим отделом Дриго вызывали специальными курьерами к Мюллеру. Это дело обставлялось вначале таинственно, ему лично сообщалось — и он туда отправлялся. По какому делу, что там говорили, он никогда не говорил.

Вопрос об открытии школ в Харькове год задерживался немцами. Когда первые четыре класса открылись, это было позволено этим Мюллером. В его ведении было всякое просвещение, но он не имел отношения к институтам. Там другие действовали. В Технологическом действовал Полланд и другие лица.

Профессор Николаев: Мне, как заведующему музеем анатомии, после вторичного прихода немцев пришлось быть раза три у Мищенко, заведующего отделом просвещения управы. Он оказывал на меня очень большое давление, чтобы я эвакуировался во Львов. Каждый раз он говорил: «Ваше материальное положение...» и т. д., очень настоятельно советовал ехать, говорил, что «там есть науковое товарищество, будет заботиться о вас». Это было за несколько дней до объявления регистрации. Я отказывался, но знаю, что как будто в связи с этим давлением некоторые согласились. Я думаю, что профессор Коцевалов, который здесь работал, человек политически отнюдь не немецкой ориентации, тем не менее, вместе со своей семьей уехал. Насколько мне известно, на него Мищенко имел такое давление.

Тов. Нагибин: Я присутствовал при разговоре его с Рябokonем. Он его вывез в Лубны. Они все здесь продали и у них началась, буквально, голодовка. Он уехал с эшелоном голодающих уже в 1943 году. Он ко мне заходил. Я на Николаевской площади торговал. Он принес мне рукопись, которую просматривал и просил позаботиться о библиотеке его. Это было, приблизительно, недели за две до эвакуации Харькова. Тогда как раз эшелон этот и отправлялся. Там было много людей, старушки,

старики, инвалиды всякие. Он тоже считается инвалидом, потому что у него падучая болезнь.

Профессор Николаев: Это имело отношение к действиям отдела Освиты. Когда я явился на регистрацию, там спрашивали еще звание, научную степень и еще незначительное количество сведений. Я спросил, для чего эта регистрация проводится. Об этом говорили не в газетах, а был вывешен бюллетень, где говорилось, что все научные работники должны явиться в отдел Освиты. Когда я спросил секретаршу, она сказала: для улучшения быта, а усиленные слухи, дошедшие до меня — это то, что должна быть насильственная эвакуация всех научных работников, начиная с августа-сентября месяца.

Тов. Помазанов: Относительно Лубнов было так. Когда немцы вернулись в марте, то в отделе Освиты, где мы получали пенсию, заведующая Кузьминская говорила, что ввиду того, что немцы не могут обеспечить Харьков на зиму ни топливом, ни продовольствием, то предлагается летом всем инвалидам из Харькова уехать в Полтавскую область. Первый эшелон поехал туда и устроился, говорят, очень хорошо. Вернувшиеся сопровождающие и письма показали, что приняли их очень хорошо и устроили. А так как в Харькове зверски голодали, то второй эшелон набрали очень быстро. Ушло два эшелона, было вывезено около тысячи человек. Причем, ехали очень хорошо, вещи разрешали брать, с семьями и домочадцами. Это производилось через отдел социального обеспечения.

Тов. Нагибин: В первый приход немцев тоже отправляли в Полтаву и Сумы и меня туда назначили.

Профессор Николаев: Немцы последнее время вели очень усиленную пропаганду, во-первых, запугивающую. Приводили целый ряд случаев, когда советские граждане, которые эвакуировались в феврале месяце, расстреливались. Например, доктор, который здесь работает в Харькове и здравствует, у нас были сведения совершенно официальные, распространяемые немецкими агентами, что он, якобы, эвакуировался в феврале, его арестовали в Москве, судили и посадили на 20 лет каторги. Повторяю, он сейчас находится в Харькове и здесь работает. Были сведения относительно актеров, которых расстреляли и т. д.

Немцы обещали разбомбить город. Моя жена служит врачом в одном госпитале. Там находился один врач, очень тесно связанный с немцами. Он, по-видимому, в связи с указаниями немцев делал собрание сотрудников незадолго перед эвакуацией и заявил:

— Имейте в виду, что я имею сведения такого характера, что здесь большое количество самолетов немецких и как только немцы уйдут, они разбомбят город.

А чтобы были некоторые основания верить в это, в феврале как раз это и получалось. Только что немцы ушли, 30 самолетов налетело на Харьков и бомбили его ужасно. Тут называли фантастическую цифру в 1200

самолетов. Это для обывателей имело необычное значение и благодаря этому многие эвакуировались. Кроме того, говорили, что советские войска взяли такое-то село и перерезали жителей до последнего. Для многих лиц, не связанных с немцами и политически безразличных обывателей, это послужило причиной эвакуации. На углу Лермонтовской улицы жила одна очень почетная старая учительница, В.Е. Тимофеева. Она никакого отношения к немцам не имела. Правда, ее дочка служила секретарем в управе. Человек сорвался не только со своей семьей, но еще потянул знакомую учительницу, все бросил и уехал. Насколько мы знаем, никаких оснований для эвакуации, кроме этих слухов, не было. Так что эта пропаганда, несомненно, имела большое значение, и надо было иметь достаточно крепкие нервы и верить в советскую власть, чтобы не поддаваться на это.

Профессор Нагибин: Что для меня осталось загадкой, это то, что я не знаю до сих пор, почему немцы во время первого ухода так панически бежали из города. Ведь это все потекло и на Сумской с утра до вечера пробивалось на моих глазах. Я видел, как они грузили полуодетых своих раненых на автомобиль и уезжали. Чем это объяснить? Они, очевидно, не думали возвращаться, потому что все здесь сожгли. В теперешнем отступлении такой паники не было, как тогда. Это очень характерно. Я своими глазами видел, как они этих несчастных раненых полуодетых бросали в машины и вывозили.

Тов. Шаталова-Залеская: Большинство населения не желало эвакуироваться и не думало, но пошли слухи о насильственной эвакуации и у нас в доме, буквально все приготовили тележки на случай эвакуации, в то же время не желая эвакуироваться. Сами прятались, а тележки стояли.

Тов. Помазанов: Наиболее сильной агитацией в смысле того, чтобы уехать из Харькова было то, что все время действовала авиация и бомбежка. В Харькове воздушные бомбежки были достаточно жестокими. Очень много людей погибло, очень много домов было разрушено и февральские события в этом отношении заставили всех опасаться, что теперь, в августе при оставлении Харькова будет что-то еще более худшее. Тогда немцы ходили и думали еще вернуться, а теперь они возвращаться не будут. У них было время, конечно, никакой катастрофы не случилось, просто их жали на фронте. Думали, что, уходя, они устроят разрушения и подвергнут нас большим опасностям, чем это было в феврале и марте.

Тов. Шаталова-Залеская: Сведения о положении на фронте приходили и довольно удачно. Вот оттуда, говорят, женщина пришла, стоят советские войска там-то. Осведомлены мы полностью были, куда продвигаются, куда отодвинулись.

Тов. Помазанов: Во-первых, советское радио слушали.

Тов. Нагибин: Ко мне пришел человек средних лет.

— Вот, — говорит, — я только вернулся из менки. Ну, что же, старик, жди своих в августе месяце. — Это за месяц до прихода красных. — Пойдем, — говорит, — я тебя угощу.

Пошли в кафе. Мой спутник был немного выпивши. Сидят немцы, выпивают, поют. Я его уговариваю:

— Ты лучше сиди тихо, может выйти какая-нибудь неприятность. Лучше я пойду, закажу.

Я подошел, спрашиваю содержателя кафе, можно ли что-нибудь поесть. Он говорит, что все кончилось, и я его оттуда извлек. Характерно то, что он за месяц почти точно сказал: «Ну, старик, жди своих через месяц».

Профессор Анисимов: Относительно Красной Армии. Меня, как и многих, удивило, с каким большим присутствием духа отступала она в марте. На улицах Харькова были бои, и удивительное хладнокровие было у наших красных воинов. Немцы стреляют, моментально командир дает приказание — и они перестраиваются, стреляют в разных направлениях.

Меня послали по линии домоуправления на окопные работы в марте, накануне отступления нашей Красной Армии. Попал под обвал, меня завалило, сломало 4 ребра, повредило позвоночник и разбило ступни ног. Что меня удивило? Тут красноармейцы отстреливаются, вот-вот враг подойдет. Видят, что обвал произошел. Я не потерял ориентации в окружающей обстановке. Командир говорит:

— Что же, товарищи, нужно помочь. Иди ты и иди ты.

Эти люди спасают свою жизнь, в то же время видят, что у них происходит в тылу. Два красноармейца отошли, взяли меня на носилки, отнесли в соседний дом, а потом вернулись обратно. Остальные продолжают отбиваться, и многие из них падают, обливаясь кровью. Кровь льется потоком. Несколько человек вырыли из-под обломков.

Тот дом, где я жил, ул. Дзержинского, 93, заселен исключительно научными работниками. Многие выехали в октябре 1941 г. Немцы обходили наш дом. Специально целая комиссия была с переводчиком и имуществом тех ученых, которые уехали, тут же во дворе беспощадно сжигалось. Там погибла библиотека профессора Корецкого, Гордона, академика Карпухина, профессора Хотинского. Тысяч 15 книг горело во дворе вместе с мягкой мебелью. Горели 2–3 дня эти книги.

В то время были созданы домовые тройки. Избрали меня в эту ройку. Вдруг ночью стучат. Является целая комиссия военных, трое-четверо, с переводчицей.

— Вы председатель домовой тройки?

— Я.

— Жиды у вас есть?

Я, конечно, знаю, что таковые есть, только показывает, что русский. Говорю — нет. Они пронюхали, что в одной из квартир живет вдова профессора Гольдина. Они ее задушили. На утро нашли ее мертвой.

Они очень широко практиковали разврат юношества. Маленьких девочек, оставшихся одинокими, они вербовали в качестве проституток. Облюбовали несколько квартир в отдельных домах и туда ходили.

Тов. Нагибин: Они врывались в отдельные квартиры и искали паненок.

Тов. Анисимов Владимир Петрович: Продуктов, чтобы вознаграждать этих женщин, было сколько угодно. При последнем отступлении из Харькова в нашем доме передавали потом соседки, обливаясь слезами:

— Уехал мой Карл, говорил: ну, теперь прощай! Приказал нам наш фюрер Харьков не сдавать, а придется сдать. Теперь мы в Харьков не вернемся, осталось одно — пуля в лоб.

Я 1891 г. рождения, мать украинка, отец русский, беспартийный, кандидат географических наук. В Университете с 1916 г. Женат.

Тов. Помазанов Николай Георгиевич: 1890 г. рождения, украинец, беспартийный, профессор кафедры физики. В университете с 1914 года. [...] Женат, имею дочку и внучку. Последние 10 лет был в штате авиационного института по кафедре физики.

Авиационный институт, в отличие от других институтов, эвакуировался в значительной степени. Он забрал почти всех своих студентов и преподавателей. Те, кто остался, остались по каким-нибудь особым причинам, или потому что они были не штатными, или, как я, не выехали по причинам семейным. Отец и мать у меня были очень старыми и умерли через несколько недель после оккупации немцами Харькова. Я с семьей, маленькой внучкой двинуться из Харькова не мог.

Авиаинститут уничтожен был постепенно полностью. Вначале авиаинститут пострадал от того, что жители базаров и соседних селений разграбили его. Грабили они, конечно, главным образом, легко выносимые вещи и хозяйственный инвентарь, постельное белье и т. д. Дальше немцы заняли это здание и произвели учет оставшегося имущества. Причем, они это имущество обратно собирали, переписывали и планомерно использовали. Использовали, таким образом, то, что им нужно было. Они по ордерам выдавали своим частям и учреждениям. Таким образом, наиболее ценное имущество авиаинститута было увезено. Это были станки, технические приспособления, которых там было много. Что касается оборудования специально учебного, то они им мало интересовались, помогали технологическому институту забирать. Из учебного имущества технологическому институту удалось перевезти только часть библиотеки. Авиационный институт считался при немцах ликвидированным, а технологический — работающим. Он охранялся и был живым организмом, а авиационный институт за городом был ликвидирован.

Дальше события развернулись таким образом, что до февральского отступления немцев в авиационном институте имущество вывозили, а здания стояли целыми и немцы там жили. Когда они начали отступать,

они спалили главный корпус и частично взорвали. Деревянные постройки тоже сгорели. Так что авиационный институт, главным образом, был уничтожен в феврале при отходе немцев, и это было сделано совершенно планомерно. Затем, добились его во время боев последних. Когда отступали русские, то 12 дней авиационный институт находился на линии фронта. Немцы сидели там, а русская армия подходила с севера и по нему била, причем, артиллерийским огнем были разбиты уцелевшие дома. Некоторые дома были сожжены немцами во время боя, бараки сожгли, пожарную каланчу. Один дом в бою от ручных гранат загорелся, так что сейчас там осталось процентов на 25 стен, больше ничего.

При немцах я работал в среднем учебном заведении с декабря 1942 г. Это была объединенная техническая школа Южной железной дороги. Но я там работал немного, до февральского наступления. Потом немцы этот техникум, который был в здании железнодорожного института на площади Фейербаха, перевели под вокзал. Это было так далеко, что я там перестал работать и начал работать в фельдшерско-акушерской школе, преподавал физику. В городе было четыре техникума — электро-технический, механический. Я не могу сказать, что там делалось. Был сельскохозяйственный техникум. На Сумской, где был раньше рабочий университет до его сожжения, который был сожжен в феврале, был и техникум, и этот техникум считался в числе действующих. Кажется, там занятия какие-то происходили, по крайней мере, в отдел Освиты приходили люди, вели разговор. Этот техникум находился в ведении отдела Освиты. В железнодорожном техникуме было два года обучения. Трехлетнее обучение считалось средним и двухлетнее, вроде подготовительного, типа первых классов. Я на низших не занимался, а здесь были три курса и на трех курсах уже выпускались инженеры узкой специальности и, как будто, даже собирались сделать выпуск. Там были такие студенты, которые раньше много занимались. Из учебных заведений студентов не трогали. Учились, главным образом, местные, харьковчане. На старших курсах было очень мало народу, на старших курсах была одна или две группы.

Условия работы там были отчаянные. Дом совершенно не отапливался, стекла были в значительной мере выбиты, фанерой были заложены окна, сильно дуло, топали ногами, атмосфера была не особенно деловой. Молодежь туда стремилась, главным образом, потому, что ее будут забирать на военную службу, на работу в Германию и проч. и проч. Вначале немцы их не трогали, а потом стали брать, особенно после февраля. По нашей медшколе никто не поехал, и то потому, что они были близко к докторам. Немцы как-то не особенно нажимали. Если удостоверение было, он формально мог отпустить человека, он отпускал. А если удостоверения не было, они по домам ходили, забирали, родителей арестовывали, укравшихся девушек.

У меня родители умерли с самого начала, благодаря тяжелым условиям, в которые мы попали — это холод и голод. Отец вообще был при смерти, и он умер от сердечной болезни, а мать, безусловно, умерла от плохого питания. Мы тогда все переболели желудком, но остальные выдержали. Кроме того, моя дочка заболела. Это дело было так. Моей дочери Людмиле было 22 года. Она имеет дочь, была замужем, с мужем развелась еще до войны. Муж ее был в театральной школе. Она работала сначала на метеорологической станции. Когда немцы ворвались в феврале, то заведующий этой станцией доктор Мендель говорит:

— Я вас сейчас очень мало могу обеспечить материально, — и не советовал ей поступать в этот институт. Она поступила на бойню, которая при технологическом институте находилась и в материальном отношении была устроена довольно хорошо, потому что она считалась помощником убойщика скота, фактически занималась изготовлением колбасы. Это было удачей. Потом она выехала под Белгород. Я не советовал ей ехать. Она говорит: «Что же, я тут буду голодать». Когда она выехала, приезжала несколько раз, и все было хорошо. Когда немцы начали отступать, то собирались ехать через Харьков, но поехали не через Харьков. Она из Новой Водолаги писала, что там находится, так и не вернулась. Дочку нам оставила. Вообще это получилось как-то странно. У меня есть сведения, что после того, как наступление немецкое началось, она была в части.

В управу я поступил в конце января 1942 года. Поступил я, главным образом, потому, что, не служа, жить в Харькове стало невыносимо. Умрешь с голоду, если не будешь получать что-то по службе. Поступил в отдел Освиты по высшим учебным заведениям. Заведовал тогда Дрыга. Это украинец типичный, происхождения крестьянского. Сам он был телеграфистом во время русско-японской войны, затем экстерном выдержал в 1909 г. при 3-й гимназии, в которой и я учился, на аттестат зрелости и поступил на математический факультет. Он был чрезвычайно способный человек, но большой лентяй и типичный хохол, медлительный чрезвычайно. Окончил университет он позже меня по математическому отделению и после этого работал в Киеве. Был директором гимназии вначале, потом школы, потом работал в наркомате, потом в Освите и в Харькове тоже самое. Перед войной был в Харькове доцентом машиностроительного института.

Вначале заведовал отделом Освиты профессор Столяров, потом, месяца два спустя, стал заведовать помощник его, Дрыга. Он был до февраля 1942 г., а в феврале эвакуировался в Киев и после этого уже не был в Харькове. После этого был врач Мищенко. Дрыга был «просвитель». По-видимому, до поступления в университет он был связан с украинскими кругами и украинским движением. Безусловно, он украинский националист. Пользовался, очевидно, доверием. Он был крайне трусливый и нерешительный человек, делал то, что ему прикажут, а приказывал ему

городской голова, немцы. Из «Просвиты», очевидно, указания давали соответствующие. Он был крайне мало инициативен и в высшей степени труслив. Так в управе и было известно, что Дрыга делает то, что ему скажут.

В отношении учебных заведений ничего не делалось, за исключением вопроса об утверждении смет и проведения их через управу и немецкое командование и принимались меры охранения. Немецкое командование никаких указаний не давало, просто говорило, что учебные заведения открыты не будут. Что касается сельскохозяйственных школ, они вышли совершенно из сферы нашего влияния. Утверждались штаты следующим образом. Если учебное заведение считалось живым и только консервированным, то был ректор, проректор, декан, помощник декана, который, главным образом, занимался лабораторией, затем был порядочный хозяйственный штат, как то: дворники, сторожа, уборщики. Профессорам никакого содержания не давали. Для того, чтобы получить какое-нибудь содержание, нужно было иметь административную должность. Например, старик Попов библиотекой заведовал, или заведующий обсерваторией получал содержание, заведующий зоотехническим садом. По учебной линии давали докторам наук содержание, паек давали. Ставку давали половину советскими, нашими деньгами, но давали марками. Советские деньги считались более устойчивыми, как это ни странно.

Сначала думали, что учебные заведения летом 1942 года могут быть открыты и при немцах. Действительно, сельскохозяйственный институт был и при немцах. Несколько раз говорили, что будет открыто что-то в технологическом институте, если не учебное заведение, то во всяком случае, научно-исследовательский институт. При университете работал географический научно-исследовательский институт и, по-моему, считалось, что работает биологическая станция, которая тоже при университете находилась возле гор. Змиева, село Гайдары. Там имелся штат и он получал содержание. Немцы научно-исследовательскими институтами сильно интересовались. Отдел просвещения не имел отношения к научно-исследовательским институтам, которыми занимался комитет научный, существовавший при Викадо и председателем в этом комитете с самого начала был Крамаренко Леонид Петрович. А затем, когда Крамаренко А.И. был с должности бургомистра снят, он был назначен председателем этой управы, а Крамаренко Л.П. был его заместителем. Обер-бургомистр был арестован в 1942 году. Было создано большое дело о сношении с советской властью и кончилось тем, что всех арестованных неизвестно куда дели. Второй Крамаренко уехал в Киев по приглашению на работу в другой институт. Управа расформировалась приблизительно в октябре 1942 года. Ее признали ненужной, а ее функции взял на себя сам Викадо.

Потом я перешел в научно-техническую управу, когда она была организована, ибо отдел вузов и научных библиотек был передан туда из городской управы. Вообще летом 1942 г. появилась тенденция разгрузить городскую управу от несвойственных ей функций. Одно время она была всем. Когда я хоронил своего отца, я шел в городскую управу по поводу гроба и всего прочего. Нужно вам было открыть какой-нибудь киоск, вы шли в городскую управу. Вы хотели завод реставрировать, шли в управу. Управа была чем-то вроде правительства. Потом появилась мысль, что управа — это городское учреждение. Думали, что научно-техническая управа будет областным учреждением, но этого не произошло, потому что этой управе были приписаны функции по восстановлению Донбасса. Насколько я знаю, почти ничего в этом отношении не было сделано. Специалистов там было довольно много. Причем, эти специалисты находились в научно-исследовательских институтах и институты объединялись научно-технической управой. Были отделы при научно-технической управе. Был такой отдел химический, где был академик Кузнецов. Был отдел технический, там был Столяров, сельскохозяйственный — Лисовенко. Был какой-то отдел индустриальный. Его, кажется, сам Крамаренко возглавлял.

Эта управа ничего не делала по существу, потому что не имела фактически никакой власти. Это было что-то такое, вроде совещательного органа или душа без тела. Она занималась организацией всяких институтов, научной работой, но денег она не давала и была каким-то совещательным органом при германском командовании. Викадо думал делать научные совещания. Была единственная попытка сделать конференцию, было назначено общее собрание всех учреждений совместно с научной управой. Оно должно было состояться в физико-техническом институте. Я должен был там быть, немного запоздал. Когда туда пришел, то оказалось, что нужно было взять у немецкого командования разрешение на это собрание, и оно его запретило, что нужно взять разрешение на следующее собрание. Но следующее собрание вообще не состоялось.

Руководящий состав этой управы, по-моему, был ориентации советской. Сам Крамаренко был ориентации немецкой. Что касается Леонида Петровича Крамаренко, его заместителя, то, по-моему, он был ориентации советской. Он поневоле действовал. Уехал он потому, что переехал в Киев на работу в связи с сельскохозяйственным машиностроением. В Киеве что-то такое было вроде научно-исследовательского института, где сельскохозяйственное машиностроение развивалось.

Когда ликвидировали управу — я не знаю, потому что меня ликвидировали 1 сентября 1942 г. по сокращению штата. После этого я не служил до декабря месяца, когда начали работать школы. Это было после лета, появилась некоторая возможность питаться, а у меня склонности работать при немцах в научно-исследовательском институте совершенно не

было. Я мог работать в УФТИ, но не работал там, потому что знал, что это кончится выездом в Германию.

Самое страшное из всего, что мы пережили — это авиабомбардировка. Из-за них очень многие Харьков покинули. Их боялись потому, что процент погибших очень значительный.

Профессор Анисимов: Немцами был создан научно-хозяйственный институт. Я лично получил категорическое предложение в письменной форме в конце апреля 1942 г. с 9 мая явиться на занятия в этот институт. Я пошел на эту работу. Меня зачислили там старшим научным работником с окладом 1200 рублей в месяц. Обстановка была такова в этом институте: 2 или 3 научных работника и огромный штат всяких технических работников — переводчиков, секретарей, библиотекарей и т. д. Это было совершенно нецелесообразно, была только излишняя растрата средств. Директором была некто К. И. Маврицкая-Чипега из числа лиц, которые сумели заслужить какое-то доверие у немцев. Прекрасно знала немецкий язык. Сама она питомица Ленинградского университета. Она зачислила своего мужа переводчиком, родственников кого секретарем, кого — курьером и т. д. По-моему, мы там были совершенно не нужны, но нас, очевидно, имели в виду использовать в дальнейшем в каких-то целях.

Тематика была такая: республики, края и области отдельных частей Советского Союза за пределами Украины в смежных частях Советского Союза — Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан, Тамбовская, Воронежская, Пензенская области и т. д. Давали характер размещения промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д. Эта тематика нас, в частности меня, занимала до февраля 1943 года. Там был профессор Эдельштейн-Будянский, как он сам себя называл, прибалтийский немец. По-моему, он был еврей. Он скрылся в первую же эвакуацию и от кого он убежал, не могу понять. Были некоторые второстепенные лица, но особых заслуг за ними не числится.

Этот институт был в составе единственного секретаря. Правда, при нем происходили довольно часто совещания, куда приглашались отдельные специалисты по пропускам. Приглашались геологи, географы, инженеры строительные, задавались вопросы размещения полезных ископаемых, строительных ресурсов и т. д. Тот же самый профессор Столяров приглашался на это совещание, профессор Дмитрев и т. д. Порядок работы был таков. Написал работу, сдаешь своему начальнику, и дальше ты уже ни во что не вмешиваешься. Моя работа беспощадно исправлялась, перечеркивалась, переделывалась. Никакой особой критики советской экономики и порядков советских не допускалось, требовались только факты. Вот, дай картину, где что есть, где что размещено. Хорошо ли это, плохо, правильно — этих вопросов нельзя касаться, т. е. максимальное приближение к картине.

Немецких командиров мы видели в качестве гостей, того же Мюллера. Дисциплина была самая железная. Рабочий день от 9 до 5, полчаса на обед. Столовка была тут же при институте, довольно скудная. В сроках работы особенно не прижимали. Я написал с мая 1942 года по январь 1943 года включительно примерно около 12 тем, каждая из них около печатного листа: Казанская, Тамбовская, Воронежская области, Орджоникидзевский край, Сталинградский край, о Казахстане. Потом эта тема поступала к переводчику. Мариновалась она без конца. Мне кажется, что немцы гораздо лучше знали все эти материалы, чем мы сами могли написать. Но они имели в виду впоследствии использовать живых людей. Они нам и сами говорили: «Будьте готовы, вас пошлют и на другую работу, может быть, преподавание, может быть, и на окопную работу».

В феврале было предложено эвакуироваться вместе с институтом. Все мы отказались, кроме нескольких переводчиков и секретарей. Причем, Маврицкая-Чипега была высокомерна, жестока. Отойдешь от стола:

— Где Анисимов? Позовите ко мне.

Потом возвращаешься:

— Вы меня спрашивали?

— Да. Где вы были?

— Вышел на улицу купить папирос.

— А почему вы не могли этого сделать сутра?

Мы отказались от эвакуации. Затем, когда немцы вернулись после марта, я был в это время уже тяжело болен, попал под бомбежку 10 марта, полмесяца пролежал, а в апреле опять был привлечен к работе в институте повесткой. Тематика моих последних работ была такова, опять-таки, она может удивить: основные объекты и методы советской хозяйственной статистики: промышленной, торговой, сельскохозяйственной статистики и т. д. Как организована статистика, какие есть формы, бланки, отчеты. Вторая тема: промышленность Казахстана и ее размещение. Третья тема: положение рабочих основных отраслей промышленности в Советском Союзе при советской власти. Я боялся, что я эти темы не смог бы, сидя в кабинете, выполнить. Об этих вопросах писал в обобщенном виде, особенно строгого, детального анализа не было.

Меня предупреждали, что, если я не поеду в июле, в августе, в сентябре, все равно вывезут. Приходило несколько офицеров, переводчицы говорили, что господа офицеры рекомендуют ехать. В это время была объявлена поголовная регистрация научных работников Харькова, на которую явилось очень мало людей.

Писали не спеша, передавали это дело секретарю, она передавала переводчику, и в дальнейшем мы не имели права вмешиваться. Просил: дайте мне хотя бы с переводом познакомиться, но мне это запрещалось. Они имели целью сопоставить разные мнения и получить дополнительные сведения о Советском Союзе.

Все эти институты, в частности научно-хозяйственный, размещались по Юмовской⁵⁰⁷, 18. Там было несколько различных институтов: силикатный⁵⁰⁸, палата мер и весов⁵⁰⁹, химический и наш. Они не эвакуировались. Из общего состава сотрудников, свыше ста человек, выехало человека 3–4. Книги немцы не вывозили, они особой ценности не представляли, но всякие приборы, всякие материалы, сырье для опытов забирали и вывозили. Географических карт не было. Я сам работал по своим картам, которые приносил из дома.

Платили около 1200 рублей, потом повысили до 1500 рублей. Была столовка, давали паек: хлеба 600 грамм в день, 50 грамм солонины, кто хотел, на руки, иногда несколько бураков давали, несколько картошек. Мы с женой жили тем, что распродавали вещи. Я продал свой костюм за 12 тыс. в комиссионном, она продала свои теплые вещи. Хлеб в то время стоил больше 200 рублей за кило.

Все эти институты кончили свое существование вместе с эвакуацией немцев. Они не вполне соответствовали существовавшим раньше институтам. На Юмовской, 12 есть группа институтов, которые зарегистрировались снова.

Мое впечатление, что научные работники не отказывались от работы в институте из-за куска хлеба. Доцент геолог Турнеев очень с большой охотой работал для немцев и уехал еще до начала немецкой эвакуации по командировке немецких властей. Кажется, профессор Столяров был на грани того, чтобы заслужить доверие немцев, но он очень хитрый, очевидно, чувствовал, что границ переходить нельзя. Он специалист по железобетонному и капитальному строительству и он консультировал их. Людей осталось 95–96%.

По всему городу был организован институт управдомов. Многие старые управдомы остались и они знали, кто чем живет, чем дышит в любой квартире. На учет было взято все население, и время от времени управдом ходил в соответствующую инстанцию и сообщал, скажем, кто занимается спекуляцией. Злостные спекулянты брались под особый надзор, обыски в связи с этим производились. Замечательно точно происходили систематические обыски по квартирам. Немцы интересовались в высшей степени проблемой продовольствия, ресурсами, товарами. Спрятаться от них было почти невозможно.

Все пригородники⁵¹⁰ Харькова жестоко страдали от внезапных реквизиций немцев. Вот только-только зреют плоды, их сейчас же забирают, может быть, десятую долю получали эти огородники.

Патруль был очень строгий в ночное время и днем патрули. Движение было сравнительно небольшое, только по главной магистрали — Сумская, улица Свердлова, Московская. Чрезвычайно развилась проституция. Не было дома, в котором из 10 квартир в двух-трех-четырех квартирах не процветала проституция. Причем, часто бывало так, что осталась

жена красноармейца или красного командира. Он уехал, а она почему-то пустилась по этой стежке. 10–15% женщин занималось проституцией. Уже так и знали во дворе, что в такую-то квартиру ходят офицеры. Дети занимались сводничеством и проституцией, маленькие девочки. Многие офицеры настолько тесно сходились с нашими женщинами, что потом увозили их в Германию.

Если считать население Харькова до войны в миллион с лишним человек, то сейчас, в момент возвращения Красной Армии осталось тысяч 170–180. Уменьшение населения Харькова произошло, главным образом, не за счет эвакуации, а за счет повышения смертности. Умирали от голода, болезни, лишений. Причем, смерть от голода странно происходила. Человек ходит по улицам, двигается, а завтра — послезавтра, смотришь, он уже умер. Больше половины населения Харькова вымерло в результате голода, недостатков.

10 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 117–125. Оригинал, машинопись).

№ 22

Из стенограммы беседы, проведенной с помощником директора Харьковского сельскохозяйственного института по административно-хозяйственной части Федором Александровичем Андреевым

1883 г. рождения, русский, беспартийный.

Граф Менгерзен работал в Викадо. Он приехал, забрал самое лучшее. Это изъятие происходило два раза. В самом начале, примерно в ноябре 1941 года они забрали, главным образом, оптику. Я помню, явился немец и забрал у нас все термометры почвенные метеорологической станции. А потом уже, начиная с августа 1942 года, он выбирал все самое лучшее. Я считаю, что большой вред он наделал. Проходящие части возьмут стол, забегут в библиотеку, захватят книгу — это мелочь, а в его обходы институт пострадал сильно. Самое ценное для нас — оптика, микроскопы. Для кафедры ботаники это было все, и мы остались сейчас безоружными. Директором был профессор Супруненко. Библиотека у нас сохранилась. Были выемки немецкой литературы.

Заместитель заведующего библиотекой. Немцы непосредственно у нас не взяли ничего. Они взяли военный отдел весь, но он не был вывезен, не успели, и он остался в коллекторе. Взяли весь военный отдел, включая до

истории гражданской войны. Затем один раз они взяли комплект Ленина, по-моему, это для редакции газеты. Потом они требовали от нас изъятия, но не забрали. Был составлен специальный список. Горького они сейчас же изъяли, но это осталось у нас, мы его только снесли в подвал. Из крупных писателей они Шолохова не брали, Алексея Толстого тоже не брали. Карты они не брали, а атласами интересовались очень, хорошими, шикарными изданиями. Был такой атлас СССР, шикарное издание, у нас был только один том...

Тов. Андреев. Мы с директором в последний момент спрятали его. Он находился в спецчасти.

Заместитель заведующего библиотекой. У нас весь соцэк⁵¹¹ цел. Мы его снесли в подвал и я его прятала и заваливала так, что мы и сейчас не разберемся. Вниз снесли, потому что бомбежка была. Здание старинное, подвал крепкий и даже на случай бомбежки все это могло бы сохраниться.

Тов. Андреев. 17 марта нас сильно пограбили. В это время наши войска шли и они ушли. Мы стояли со студентками в коридоре и смотрели только, как они книги носили.

Зам. зав. библиотекой. Общее количество потерь до 2 тыс. книг. У нас было полмиллиона книг всего.

Заведующая библиотекой. Военный отдел 5200 книг взяли целиком и 660 книг Ленина, но мы выдали только украинское издание с редакцией Скрыпника. Всю военную библиотеку передали на Короленко, 12. Когда немцы эвакуировались, они бросили ее, но не успели вывезти и коллектор обратно забрал ее. Когда они первый раз пришли, я решила прощупать почву и спросила:

— А с какой целью вы берете?

— Это вас очень интересует? — спросил он.

— Не очень интересует, — говорю я, — но я должна знать, нужны ли вам сорочки.

— Нет, — говорит, — сорочки мы вам все вернем.

Тогда я решила, что книги им нужны не для просмотра и дала самую толстую литературу.

Они страшно интересовались атласами. Мы им атласы не выдали, а выдали в нашей библиотеке на Чайковского. В этой библиотеке был только первый том. Это был атлас мира. Затем они интересовались атласом военного издания ко дню Красной Армии. В нашей библиотеке его не было.

Относительно хищения литературы. Надо сказать, что мы все время оттягивали с чисткой. Мы не производили ни вырезок, ни подчеркиваний. Библиотека находилась в хаотическом состоянии. Штат быстро сократился, и благодаря этому мы требовали продления сроков. Литературу, подлежащую изъятию, они требовали в штаб Розенберга. Туда мы ничего не дали.

Немцы очень интересовались климатологией, очень много требовали от Тайля, научно-хозяйственного института, принадлежавшего Викадо.

За студентами числится 1719 книг, за педагогами и сотрудниками — 700, всего — 2400 книг.

11 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 107–107об. Оригинал, машинопись).

№ 23

Из стенограммы беседы, проведенной с профессором Дмитрием Николаевичем Соболевым

Я заведовал кафедрой и был директором института геологии. Немцы очень были заинтересованы геологическим институтом. Я, к сожалению, сейчас не могу даже назвать эту организацию. Сначала одни приходили, потом другие, производили довольно серьезное разграбление, в первую очередь и главным образом, карт. Секретные карты я лично сжег все. Остались только карты для научных занятий и учебных целей небольшие, трехверстки, может быть. Они забрали трехверстки, десятиверстки, даже некоторые учебные карты. Являлись и на квартиру ко мне, и тут забирали. Но, к счастью, они довольно плохо работали и, по-видимому, не были заинтересованы особенно, т. к. человек, занимавшийся этим, был, кажется, поляк. Приходили люди образованные, понимавшие и в геологии, и все такое. Затем у меня были кое-какие карты припрятаны очень хорошо не в моей квартире, а в другом месте и они не могли их найти. Когда была эта организация, так это делалось в присутствии представителей от института. Там был один из научных сотрудников, которому удалось некоторые карты спасти. Например, он забрал карту Донбасса. Научный работник убедил его:

— Зачем вам геологические карты, берите топографические. Еще организация помещалась в нашем районе. Она поступила иначе, захватила здание, никого туда не пускала, отобрала, что ей нужно, забрала довольно большое количество книг. Главным образом, забрали нужную советскую геологическую литературу, журналы новые геологические и кое-что из старых. Затем карты еще геологические, даже интернациональные карты Европы и те забрали, правда, один экземпляр у нас остался. Кроме того, забрали из инструментов много, фотоаппараты, часть микроскопов.

Относительно микроскопов и некоторого другого инвентаря, я даже не могу сказать: они ли захватили или после них, потому что эти грабили более или менее организованно, а затем приходили немецкие офицеры и забирали, что им нравилось. Одному понравился микроскоп, нужно

захватить его. Служитель начинает объяснять, как же так. «А теперь война!» — и унес. Это уже чистые грабители из офицеров.

Таким образом, институт был сильно пограблен, но все-таки наша база научная и учебная сохранилась в такой мере, что мы и сейчас можем восстановить работу, правда, нужно будет некоторое восполнение. Нужны новые журналы, микроскопы и еще кое-что.

Это было вначале. Институт они тогда только грабили, но еще к своим работам не привлекали. Затем тут появилось так называемое Викадо. Тогда они меня отстранили от директорства, не сообщая об этом, а просто назначили заведующим институтом другое лицо из научных работников. Мне бы не очень хотелось называть фамилию, потому что, хотя эти люди вынуждены были работать, но по нужде. Это был научный работник Турлей. Он был у нас специалистом по полезным ископаемым — подходящая для них специальность.

Привлекали они и некоторых научных работников к работе в Викадо. Те тоже по нужде с большой неохотой должны были кое-что делать. Делали там очерки полезных ископаемых Воронежской области, Северного Кавказа и проч. Я даже очень хорошо не знаю. Делали они плохо, так что немцы были недовольны. Конечно, делали сознательно плохо и медленно. Больше всего приходилось самому директору работать. Он больше всех отдувался и больше для них делал.

Обращались они и ко мне, и заведующий хотел меня привлечь. Я отговаривался тем, что я старик и к практическим вопросам подхожу только с теоретической точки зрения, поэтому для их работы едва ли буду полезен, потому что их интересуют практические вопросы. Там ставился вопрос о том, куда зачислить, в штат Викадо или при университете. Я настаивал на том, чтобы меня при университете оставили. Таким образом, мне удалось более или менее отвертеться от них. Единственное, что я представил, чтобы не казалось, что я отказываюсь от всякого общения с ними, начало своей прежней работы теоретического характера о месторождениях нефти в европейской части СССР, о возрасте нефтеносных пород. Представил часть статьи, только начало. Она так и провалялась, ее забраковали. Она, конечно, не была им нужна.

Таким образом, я отвертелся от их работы и мог продолжать свою собственную работу. За это время я успел довольно многое сделать и по вопросам геологии, по вопросам нефтеносности дополнил свою работу, по вопросу общей закономерности истории и жизни земли. В связи с таким решающим историческим моментом меня даже заинтересовали вопросы исторические.

Еще за несколько дней до первого захвата немцами Харькова в октябре 1941 года, когда я должен был начать курс геологии СССР, я прочитал вступительную лекцию историческую, на которой были, кроме студентов, и многие из преподавателей, профессуры. Конечно, прочитал я ее

скверно, но потом на эту тему работал много и усердно. Вопрос был для меня новым и большие трудности представлял. Я несколько трудов начал, но не кончил. Наконец, я поставил себе тему: откуда пошла и как росла Русская земля. Хотел разработать всю историю нашей страны от начала геологических времен до современного момента. Сделал довольно много, но потом вижу, что на это потребуется еще несколько лет, а нужно это делать скорее.

Когда наша Красная Армия первый раз пришла в Харьков, я решил выделить из этой работы отдельный момент, касающийся, главным образом, Украины. Началась такая работа: «Украина и Русь на большой Средне-Евразийской дороге народов». Это — главным образом, степная полоса, по которой двигались народные массы с востока на запад и с запада на восток и здесь у нас на Украине сталкивались. Это движение и столкновение я и решил в этой работе описать, опять-таки начав все дело с геологии. Начало — самая трудная для меня часть — это историческая. Я ее почти закончил, так что к концу года, может быть, кончу. Первая часть, геологическая и географическая, для меня легче, я ее сделаю месяца в три. Так что я не совсем без дела сидел, кое-что успел сделать. Листажом вышло довольно много, но не все еще закончено для печати.

Когда немцы ушли, начали бомбить Харьков, разбомбили наш институт. Не совсем, правда, но средняя часть здания была разрушена. И вот, потом, когда немножко успокоилось, наши профессора и преподаватели геологии, географического факультета, под главенством декана профессора Л. И. Корякина начали производить раскопки. Почти все оказалось в целости, все выбрали и теперь перенесли на новое место. В новом помещении, когда кое-как мы устроились, неофициально геологический факультет начал там сейчас же работу, систематические собрания с научными докладами.

По линии университета никаких заданий не получали. Университет числился на консервации. Мы получали там кое-какое мизерное жалование и кое-какой паек, больше ничего там не делали.

Личные переживания. Довольно тяжело приходилось и в той плоскости, в которой все более или менее страдали и в области специально касающейся меня. В частности, по поводу моего отношения к институту и к немцам. Тут один доктор Воронин, который, бывав в Берлине, посмотрел, что там делается, приехал сюда и застрелился. До своей поездки он встречает меня на улице и сообщает по секрету:

— На вас и ваше семейство поступил донос. На вас — о том, что вы скрывали от немцев карты, а на жену — другой донос.

Я был ему очень благодарен, кое-какие меры принял, товарищи помогли. Когда управские обследователи сюда пришли и, кстати сказать, довольно глупые, неумелые, очевидно, потом они дали для нас заключение довольно благоприятное.

Общее наше несчастье. Жили мы, конечно, в холоде, голоде, пухли от голода, у всех ноги пухли. Помещался я при кухне, в закуточке для прислуги. Там стояла наша кровать с женою, у стенки, а рядом с кроватью — столик маленький. Там я как раз и делал свою работу. Холод был отчаянный. Я в шубе сидел. Питались отчаянно. Хлеба настоящего не ели, а если удавалось добыть муки, у немцев же, которые крали у себя и продавали. Мука по большей части какая-нибудь тухлая. Обменивали ее за вещи очень дорого. Мы из чистой муки хлеба не делали, а клали туда мерзлую картошку, гнилую, бурак. Иногда ели конину, если удавалось от дохлой лошади достать ногу. Многие ходили на село за продуктами, а я уже стар, мне трудно было. Ученики иногда приносили по несколько горстей фасоли, крупы, так что приходилось вроде как милостыню от них принимать. Но я им за это все-таки чрезвычайно благодарен.

Потом немножко с обменом вещей легче стало, потому что тут открылись комиссионные магазины, и вещи чуть-чуть повысились в цене. Тогда можно было кое-что на свои вещи приобретать. Жена начала меня подкармливать, а сама кормилась очень скверно. Я немножко подкормился, но до сих пор еще не могу окончательно в себя прийти.

Выбросили меня из квартиры. Я на 4 этаже лет 25 прожил, но немцы меня выбросили на Юмовскую. Там очень неудобно было. Теперь мы перебрались сюда.

Харьковские геологи и географы большей частью остались здесь, так что база у нас и научная, и учебная на геолого-географическом факультете сохранилась. Из них можно, может быть, упрекнуть в излишней услужливости и то, может быть, по нужде Турлея, который, в конце концов, перед уходом немцев уехал во Львов. Уговаривали немцы и других геологов уезжать, угрожая им судьбой воронежцев, которых из Воронежа выгнали. Они пришли сюда пешком. Наши геологи не согласились, заявили:

— Ну, что же, мы люди привычные, пойдем и пешком.

Из геологов погиб наш декан геолого-географического факультета, доцент Мерейнес⁵¹². Его как еврея захватили, отправили в бараки на окраину города. С тех пор мы о нем ничего не слышали. Из геофизиков погиб профессор Семилетов от взрыва бомбы. Его бросило, ударило головой о стенку, и он был убит на месте.

Здесь геологи и географы в пединституте работали. Но там только учебное заведение. Из геологических научно-исследовательских учреждений больше не было. Тут был Угольный институт, тоже с геологической окраской, институт цветных металлов и в некоторых других институтах геология была в ходу.

11 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 142–143об. Оригинал, машинопись).

№ 24

Из стенограммы беседы с Мартой Ансовной Ильинской-Центелович

Отец — обрусевший швед, мать русская. Я считаюсь русской. Беспартийная. 1897 г. рождения. Окончила Харьковский сельскохозяйственный институт. Доцент. Сейчас исполняю обязанности директора Украинского научно-исследовательского института соиземледелия. В Харькове с 1920 года. Муж эвакуировался в 1941 году. [...]

Первый период оккупации я не работала, просто дома сидела. У нас никаких запасов не было. Продавать ничего не продавала. Мы шкафы, столы рубили для топки. В конце концов, мы пришли в состояние сильной отечности, члены семьи не могли двигаться. Я двигалась, но потом заболела стрептококковой ангиной и двигаться уже не могла. Совершенно случайно одна из окончивших наш сельскохозяйственный институт встретила и говорит, что она работает на базаре на мясоконтрольной станции, проверяет молоко и за это имеет молоко. Показалось, как в сказке. Она сказала, что открывается второй рынок и там будет контрольная станция «и, если хотите, вы туда попадете». Я прошла элементарный анализ молока по определению удельного веса, кислотности и пошла к начальнику управления рынка Кабанкову. Он принял меня очень приветливо и сказал: «Через несколько дней приходите». Потом слышу, что он говорит: «Ей нужно помочь, муж ее у красных». Этот Кабанков погиб. Он уехал с нашими и погиб во время бомбежки.

Я стала работать на Конном рынке, заведовать молочно-контрольной лабораторией рынка и проработала там 13 месяцев. Вначале работа была большая, но я была одна. К весне молоко стало накапливаться, несмотря на то, что немцы большую норму поставки молока для себя определили, не то 620, не то 720 литров с коровы и молока было большое количество на рынке. Когда стало больше работы, я пригласила вторую работницу. Это был ассистент кафедры селекции, которая работала всегда вместе со мною и дошла до невероятного состояния. Мы с ней вдвоем организовали маленькую лабораторию и проверяли молоко. Каждая молочница должна была принести молоко на пробу. Мы его проверяли, и потом она получала этикетку. По всем базарам были очень квалифицированные лаборатории, лаборантки.

О базаре у меня осталось хорошее впечатление, потому что мы стали жить. Оплачивали 500 рублей зарплаты и молоко. Если честно говорить, то я не спрашивала сколько, брала столько, сколько мне нужно. Если у меня было в день 400 женщин, так по инструкции я должна взять 100–120 кубиков, из них 70 шло в больницу. К концу дня приходит санитар или санитарка, мы сдаем это молоко. У нас остается 50 кубиков

от анализа, которые идут на анализ и на потребности сотрудников лаборатории. Молоко пил весь базар, вплоть до уборщицы базара и это очень сказалось на здоровье. Были такие уборщицы, которые спрашивали:

— Скажите, когда будет ваш день ангела, чтобы мы могли вас поздравить?

Приходили простые женщины, которые очень нуждались. Потом в систему вошло, что она приходит с бутылочкой. В больницу сдавали в воскресные дни 15–12 литров. Потом меньше пошло. Сдавали в 5-ю детскую больницу, в ясли, где голодающие дети были. Приходила заведующая яслями, туда давали немножко молока. Когда пришли наши в феврале, то мы сдавали в лазарет. Мне хватало вполне два литра.

Лично мне даже нравилась работа там, потому что я общалась в основном с женщинами, которые приходили из разных сел и ты всегда в курсе живых разговоров.

Цены на молоко были чрезвычайно высокие, 150–140 руб. литр молока. Если почему-либо много молока, оно дешевеет. Было и по 70 и по 90 рублей. Причем, молоко было в большом количестве и все-таки оно было невероятно дорого. Немцы отнимали молоко. Женщины называли нас «докторки». Приходят, просят:

— Разрешите, я здесь постою, а то там отнимают.

У нас одна считала себя в безопасности. К нам редко немцы заходили. Отбирали молоко по дороге. Вот одна приходит взволнованная, измученная. К нам приходили восточные районы, Рогань⁵¹³, Чугуев. Там больше русские села. Вот они придут, совершенно измученные, потому что у нее отбирали. Как система, часть отбирали как выкуп за проход. А если она яйца еще несет, то уже обязательно отберут. Особенно любителями яиц были немцы.

Иногда просто не пропускали. Смотришь, из Тишков нет сегодня, нет завтра. Потом, вдруг как-то появляется. Спрашивали, почему не приходили. Говорят, не пропускают, захватывают на работу. Так что всегда было напряженно. Потом они узнали, что немцы появляются на базаре в определенные часы и бегут пораньше, чтобы продать это молоко. Поэтом говорят:

— Докторка, скорее, скорее, чтобы нам продать молоко.

Были облавы на базаре. Это была ужасная вещь. Я вспомнить не могу их. Вдруг, гортанные звуки, — они как-то громко кричат, — и вдруг из автомата стреляет. Я всегда выходила посмотреть. Лаборатория непосредственно примыкает к базару и, смотришь, они по углам расставляются и начинают стрелять из автомата, не в людей, конечно. Вначале он стреляет в воздух и кричит. Каждый стремится по улице в шеренгу всех людей, которые были на рынке. На базаре ни одного человека не остается. Причем, выстраивают по 6–8 человек в виде колонны, как для демонстрации. Потом, когда это все выстроено, они начинают пропускать. Вы

должны предъявить документы. Выпускают они тех, кто работает, кто больной, имеет какое-нибудь удостоверение, очень старых. А иногда вы можете иметь все эти, как я говорю, сертификаты и попасть в колонну для работ. В начале первой оккупации были облавы для работ по очистке взорванных мостов в районе завода «Серп и молот»⁵¹⁴. Туда отправляли на работу. Это было несколько раз на моих глазах. Базар был так натренирован, что чуть где-нибудь свист или выстрел внезапный, все разбегаются. Отчаянный народ стал, не бояться ничего. Те кричат, стреляют эти бегут во дворы, кто куда, лаборатория набита народом. Когда много народа, мы открывали еще двери во двор. Некоторые проходили туда, в особенности молочницы. Эти облавы были ужасными. После облав на следующий день базар опять собирался даже лучше. Если эта процедура начиналась в 8 часов, к 10 она заканчивалась, и в 12 часов базар работал.

Когда началось наше наступление, базар очень реагировал на это. Престали приходить. Все волновались, ждали своих. Когда немцы ушли первый раз, все-таки безобразия были в селах большие. Там есть села, которые очень пострадали. Возможно, там эсесовцы были. Факт тот, что мужское население сотнями было уничтожено, и женщины были уничтожены. У нас были красавицы молочницы, приходили постоянно из русского села, так у них мужья погибли, у других — дети.

С женщинами было легко, конечно, работать. Это было местное население, которое страшно пострадало. Было здесь село Непокрытое⁵¹⁵, которое совершенно выгорело. Там был район боев в 1942 году летом, когда наши были близко от Харькова. Их немцы оттуда выселили, но они туда ходили потому, что их имущество там было. Я их уже потом видела, когда они вернулись в Непокрытое и отстраивались.

Когда наши пришли в феврале, у меня в работе был перерыв несколько дней. За мною базар присылал. Был назначен новый директор, некто тов. Захаров. Я стала работать. Причем, у меня сразу пониженный тонус стал. Мне показалась работа не такой интересной. Я пробыла там три недели. Когда наступали немцы 9 марта 1943 г. и бомбили Конный рынок, я ушла на рынок рано и ничего не думала. Вдруг, слышу гул какой-то. Я вообще равнодушна к этим вещам, думаю, наши летят. В это время какой-то гражданин мне кричит:

— Гражданка, гражданка, что вы зеваете!

Я говорю:

— Это же наши летят.

В это время от самолета, который низко летел, отделяются какие-то палочки. Думаю: что это такое? Вдруг как грохнет где-то. Это было ужасно. Одна бомба попала в рынок и две — на Сомовской улице. Но у меня осталось впечатление, что я звука и удара не слышала.

Я пошла дальше, Подхожу к одной улице, женщина стоит. Я спрашиваю:

— Что вы здесь стоите?

Она меня спрашивает:

— В городе все благополучно?

— Все, — говорю.

Прихожу на базар. Мне служитель лаборатории, старый человек, говорит:

— Знаете что? Кажется беда, говорят, что немцы прорвались где-то на Холодной горе.

— Да бросьте вы, — говорю, — давайте работать.

Начинает работать. Приходят женщины:

— Скорей, скорей домой, тут так страшно!

Я-то не вижу ничего еще. Красноармейцы куда-то собираются. Вдруг, как налетели! Начали бомбить аэродром, вокзал⁵¹⁶ близко от Конного рынка. Мы закрыли лабораторию, базар разошелся совершенно без всяких понуканий. Все женщины — скорей домой. Я пошла под бомбежкой. По дороге уже увидела, что дело хуже обстоит. Пришла домой, собрала кое-кого своих, кому нужно было уехать немедленно и все ушли. У нас жили евреи при немцах. Мы их проводили, они ушли.

10-го уже была стрельба с утра до вечера. Я никуда не ходила. В 7 часов утра началась и в 7 часов вечера кончилась. Через каждые почти 20 минут налетали они. К вечеру будто бы прорвались на Сумскую [улицу] немецкие танки, а на следующий день начался бой. Через несколько дней вошли немцы. Я продолжала свою работу на базаре. Все было разбито.

За это время несколько раз немцы, зная, что я селекционер и не работаю, спрашивали, почему я не работаю. Я как-то отвечала, что у меня есть работа.

— Вы работаете не по специальности.

Почему? Проверка — это по специальности. Кроме того, она меня кормит.

Обращался ко мне шеф, который здесь работал, граф Менгерзен.

Я всегда в сельскохозяйственном институте работала по кафедре селекции. Я очень люблю это дело, оно мне нравилось, но при немцах преподавать скупа смертная. Как преподавать селекцию, когда наши установки по селекции совершенно иные, чем у немцев. Они мне все говорили, что «в конце концов, для вас кончится неприятностью». Я говорила, что работать негде.

— Пожалуйста, селекционная станция работает.

— Мне, — говорю, — далеко ходить.

— Можете переселиться.

Короче говоря, я не работала. Сюда я была приглашена как-то летом в период первой оккупации для переговоров и разговаривала в саду. Граф спрашивает:

— Так вы думаете работать?

— Не знаю, — говорю.

— У меня впечатление, что всякий научный работник должен любить свое дело.

Говорю, что я люблю свою работу, мне нравится научная работа.

— Но вы будете работать?

— Не знаю, — говорю. — Я не могу бросить эту работу.

— Тогда вы обдумайте и дадите мне ответ. Вы по каким культурам работаете?

— По бобовым, — говорю.

— Вам тогда нужно ехать в Полтаву.

Я говорю, что не собираюсь ехать. Мы расстались с тем, что я дам ответ. Прошло некоторое время, я встречаю на улице его переводчицу, которая говорит мне:

— Граф вас вспоминал и даже сам вашу тему разработал и дал ее на утверждение.

Я спрашиваю:

— А нельзя ли узнать, какая тема?

— Это, — говорит, — как будто по сое.

— По сое я никогда не работала, — говорю.

Но из этого я сделала вывод, что я не забыта, очевидно, какой-то разговор идет.

Прошло несколько месяцев. Ко мне пришла переводчица на Конный рынок с тем, что граф просит, чтобы я пришла. Я сказала, что сейчас никак не могу, потому что возвращаться поздно, и не пошла.

В период второй оккупации я думала, что все забыто. Ко мне прислали опять, что я должна явиться. Я почувствовала, что все может кончиться тяжело для меня. Я пришла и опять начался разговор, что я обязана приступить к работе по селекции, иначе меня отправят в другое место. Я сказала, что я могу работать только при одном условии — неполный день, причем, это будет вторая половина дня, с часу до четырех. Он сказал — хорошо и вот я начала ходить сюда от часа до четырех, до трех. Никаких планов, никаких программ, никакой схемы работы не было. Мне предложено составить и я их не составляла. Зачислили меня специалистом селекционером. Здесь был специалист в период первой оккупации, некто Свиначев. Работы никакой не было, помещения не было. Работники были, но работы не было, какое-то пустое место.

Граф в это время ездил в отпуск в Германию и все время потом получал посылки, получал семенной материал своих работ, по викам, по конским бобам и красноцвет. Это он высеял здесь. Я воспользовалась случаем. У меня дома был материал моей работы. Я тоже воткнула в землю тут же и мы посеяли. Причем, он интересовался, что это у меня за работа. Я говорю, что это у меня тоже потомство.

— Вы введите меня в курс.

Я даже была готова ему рассказать, но у меня не было особого желания, да и он не особенно интересовался, поэтому я ему за это время так и не рассказала.

Весной я посеяла большие работы по селекции льна и это все сохранилось. Это большая работа. Она была вывезена из Воронежа немцами вместе с работниками. Сюда попала работа селекционера Сафонова. Когда пришли наши весной, то Сафонов ушел с нашими, а его жена Сафонова В.В. с бабушкой, мальчиком и материалом осталась здесь. Когда она осталась, работу в том масштабе, какая велась в Воронеже, нельзя было развернуть, но делала. Этот участок — Павлово Поле⁵¹⁷, принадлежал сельскохозяйственному институту. Там она посеяла клочок, около гектара. Там же мы посеяли для восстановления материала яровую пшеницу. Это очень большая ценность, потому что сейчас на селекционной станции нет пшеницы. Немцы забрали свои семена все, и что меня особенно ущемило, это то, что мы проводили скрещивание люцерны. Провели больше тысячи скрещиваний. Семена были наши и частично привезенные немцами. Я считала, что это у нас ценный материал. При последнем отступлении немцев, когда они уже ушли, но наши еще не вошли, я приходила со своими девочками и мы поливали их. Немец приезжает в субботу 21-го августа, сразу — все изоляторы и взял с собой, причем, они были зеленые. Я особенно рассчитывала, что это останется. Он уже уехал. Прошло больше недели и вдруг он приехал в субботу, а в понедельник утром пришли наши. Ему кто-то из наших здешних служителей говорил:

— Они же зеленые еще.

— Ничего, — говорит, и срезал. Но коллекция осталась в сосудах, сосуды он не мог с собой взять. Если мы сохраним сосуды на зиму, то к весте они у нас зацветут, но годовичная работа по люцерне потеряна.

Граф Менгерзен — человек с высшим образованием и работал в институте императора Вильгельма в Минхенберге, 60 км от Берлина. Это какая-то географическая точка с 2 тыс. населения и там институт расположен. В этом институте он работал в отделе кормовых растений, поэтому у нас и были конские бобы в работе. Он говорил, что кончил 7 лет тому назад, 7 лет работает. Научная величина это ничтожная, может быть, средняя. Но он, конечно, разбирается в вопросах селекции. Я помню, как-то был разговор. Говорю:

— Вы сами покажите, как это нужно сделать — технику скрещивания.

Он делает. Конечно, техника слабая, но, видно, он знает, где пыльники и все такое, но не в совершенстве это все. Когда он здесь был, мое впечатление, что это все было только для того, чтобы ему не попасть на фронт. То ли у него связи были большие и это был состоя-

тельный человек, у которого было в переводе на наши единицы изменения чуть ли не 1200 га земли. Причем, он являлся приемным сыном графа Менгерзена, а сам — бельгиец. Он позволял себе повышать голос без всяких причин. Я ему говорила, что у нас не практикуется, чтобы так разговаривали, говорю, это немецкая манера всегда кричать. Он отвечал:

— Почему вы думаете, что я немец, я бельгиец.

— Почему вы бельгиец? — спрашиваю.

— Я могу доказать. — Вытаскивает бумажник, говорит:

— Смотрите.

Я нацепила очки и прочитала, что он урожденный граф Рубанс, родился в Антверпене и указано, что он приемный сын этого графа Менгерзена. Отец его умер, когда ему было 3 года, мать, очевидно, была не очень богатая графиня, потому что Мергерзен взял его. Он мне говорит:

— Вы разве не видите, что я не похож на немца. Я не такой злой, как они, и потом, я немножко легкомысленный.

— Что вы легкомысленны, я это вижу.

— Потом я не жадный. Все немцы посылают посылки, а я ничего не посылаю, хотя у меня брат очень нуждается. Он женат, у него двое детей.

Может быть, он не посылал посылок, но, по-моему, стяжатель он был довольно большой. Больше того, он хотел жить, мне кажется, весело.

Его в месяц раз проверяла комиссия. Это были все, как он мне говорил, командеры.

— Вы знаете, сегодня нас будет проверять командер, — и так тянул.

— Что же, — говорю, — они специалисты?

— Нет, они ничего не понимают, но очень важно, чтобы они нас проверили, — и он их принимал, конечно.

Он с ними ходит, рассказывает, шаркает и шелкает сапогами. Один раз были какие-то дряхлые «командеры» и помоложе. Он им что-то объясняет. Сотрудники — бессловесные существа в этот момент. Проводит по делянкам⁵¹⁸, потом ведет в свою квартиру и угощает роскошным завтраком, и они уезжают. Он немедленно переодевается, прибегает веселый:

— Прима, прима — все хорошо, бистренько-бистренько, я уезжаю, не могу, — больше его и не видели.

Потом вдруг пронесся слух, что граф награжден. Он был произведен в майоры, это — без меня. Я пришла, мне говорят, что он получил повышение в чине. Я говорю:

— Это все-таки неприлично, за что его могли произвести?

Потом опять пронесся слух и он был награжден каким-то орденом. Причем, я пришла к часу, мне лаборантка говорит:

— Вы знаете, граф-то награждение получил, орден.

Он выходит на делянки, как всегда. Я его спрашиваю:

— Говорят, вы награждены?

— Да, — отвечает он с самодовольством.

— А за что же вы награждены?

— Как за что? Потому что я лучше всех.

— Почему вы лучше всех? Чем же вас наградили, медалью или орденом?

Он говорит, что крестиком с мечом.

— А за что же меч? Ведь это же боевая награда.

— Потому что, — говорит, — я лучше всех.

Его помощник, маленький немчик тут же добавляет:

— За хорошую работу.

Я пожала плечами.

— Что вы пожимаете плечами?

Говорю, что удивляюсь. Он отвечает:

— Имейте в виду, что всегда хорошая работа вознаграждается.

— Неверно, — говорю.

Он обращается к своему помощнику:

— Все-таки и вы будете вознаграждены.

Я еще постояла и говорю:

— Я думаю, что у вас большие связи.

— Как вы можете так говорить?

— Ну, у графа Менгерзена чтобы не было связи, тогда у кого же она должна быть.

Он принимал все меры к тому, чтобы удержаться здесь на этом золотом для него месте. Вдруг он объявил нам, что приезжает ассистентка профессора того института, возглавляющий.

— Она прима работник, — говорит он мне.

— Это хорошо, — говорю, — раз она придет.

— Она 25 лет работает, все знает. Она лучше меня знает. Она альпинистка, кроме того, совершенная женщина, прекрасно кухню знает.

Я почему-то думала, что это его выдумка. Представьте себе, вдруг он мне сообщает, что пришла, кажется, телеграмма, что она едет, и он ее едет встречать в Киев на машине. Я говорю:

— Браки, никуда он не поедет.

Я узнала, что ассистентка моего возраста. Словом, он говорит, что уезжает в понедельник. Думаю: слава богу, приду в час дня, граф уже уехал. Прихожу, он здесь. Говорю:

— Вы не уехали?

— Нет, я не могу уехать, жду командера, а поедет помощник.

Помощник поехал, даже не в Киев, и бедная ассистентка прибыла поездом. Никто ее не встречал на вокзале, и она приплелась пешком. Встреча была радостной, но она с возмущением сказала:

— Ты понимаешь, носильщик взял с меня 200 рублей. Это же грабеж! Переводчица говорит:

— Да это же меньше, чем кило хлеба.

Она здесь была приблизительно три недели. Был ли это ее отпуск или командировка, я так и не могла понять. Она здесь писала за него работу по вике, по конским бобам. Но закончить она не могла. Она, конечно, специалист и с микроскопом обращаться умеет, и препараты приготовить умеет. Какие у них были взаимоотношения, трудно понять. Они были на ты, а мне казалось, что эта серая труженица за деньги делает все, чтобы господину графу легче жилось. Мы думали, что она будет вмешиваться в работу отдела. Нет, она целый день сидела где-то в графских покоях и какой-то его материал подбирала. Граф иногда говорил про меня: «Нет, она кое-что понимает», но чтобы я очень понимала, он этого не считал. В моем присутствии он мог сказать: «Ах, не говори, этого они совсем не понимают». А нам это было смешно, люди без образования всегда эту работу делали.

Она была здесь три недели и уехала, оставив мне напечатанное на машинке начало его работы. Он меня просил, чтобы я прочитала, тогда у меня будет ясное представление о его работе. Я с трудом просмотрела. Это был обыкновенный отчет о поведении селекционного посева. Ничего оригинального там не было. Результатов работы там не было.

Он мог среди рабочего дня прийти и сказать, что какая-нибудь лаборантка Шура или Нюра «вы сейчас поедете со мною купаться куда-нибудь на речку». Когда я ему сказала, что у нас это не принято:

— Ну, мы будем по очереди брать.

Я говорю:

— Вы можете вообще все, что хотите делать.

Лаборантка не поехала. Он был сердит. Я пришла, сказала:

— Вам предложение ехать купаться. Я удивляюсь, чего ради вам сейчас ехать с ним гулять.

Лаборантки были перепуганы, потому что ее могли выгнать отсюда и направить в Германию. Он написал им по 28 лет, чтобы не взяли в Германию. Я спрашиваю:

— Полина, сколько вам лет?

Она на меня смотрит:

— Двадцать восемь.

Думаю: как хорошо девушка выглядит в 28 лет и такая мордочка свеженькая. Так что они очень боялись. Это объясняется тем, что он действительно был не немец.

Из института я забрала оптику, выкрутила из микроскопов. Имущество не разграблено. Семенной фонд он забрал, все гибриды. Он понимал, то это большая ценность и оправдание для него, что он здесь

сидел. А гибриды это материал, который не требует большого места. Он забрал гибриды по люцерне, но их он погубил, ни себе, ни нам. Затем были гибриды по скрещиванию яровой пшеницы и по озимой пшенице. Кроме того, он забрал все свои гибриды. Книжки свои все забрал. Книжки были ценные, интересные. Из нашей библиотеки трудно сказать, взял ли он с собой, но кое-что отсутствует. Большого, организованного изъятия книг не было. Библиотека у нас была на консервации, все было задвинуто. В сельскохозяйственном институте тоже библиотека сохранилась.

То, что наш институт уцелел, объясняется, может быть, тем, что он находится в стороне и в него трудно попасть. Когда уже пришли наши, я с трудом попала сюда. Стучу-стучу, дед никак не открывает. Он как-то закрывается бревнами, досками.

Институт будет работать, но сейчас трудно начать работу, потому что нет света, нет воды.

По-моему, никто из института не уехал с немцами, кроме переводчиц. Граф мне предлагал, говорил, что «мы вам предоставим легковую машину» и все такое. Я говорю — не поеду.

— Почему?

— Как же я поеду, когда мой муж там.

— Ах, я забыл, что вы мужа ждете.

Последние дни, когда они здесь были, я не была. Когда они упаковывались, совершенно сознательно не пошла. Наконец, я решила, что он уехал и иду по Бассейной⁵¹⁹ сюда. Вижу, навстречу бежит лаборантка.

— Вы куда?

— В институт.

— Не ходите, я сейчас перепрыгнула через забор.

— Почему?

— Приехали эсесовцы и никого не выпускают, идемте обратно.

Я повернулась и ушла. Подождала еще день, а потом пошла и никого уже не было.

Паек научным работникам выдавали: пшенный хлеб, соли немного иногда, а иногда немного подсолнуха, политого бензином. Это недельная норма была. Иногда попадалась пшеничная мука, но количество мизерное. Это не паек, конечно, а издевательство. Селекционная станция была более обеспечена. Они получали что-то, но они были за городом. Одновременно я продолжала ходить на базар, но потом уже не могла, расстояние было большое.

Граф говорил, что только три человека таких, как он, есть в Германии и государство его ценит. Для него и открылся этот институт.

11 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 102–105об. Оригинал, машинопись).

№ 25

Из стенограммы беседы, проведенной с первым секретарем Кагановичского райкома ВКП(б) Александром Ивановичем Евсеевым

Здесь мы оставили подпольную организацию в Кагановичском районе, выделили коммунистов для горкома и обкома партии, которые были оставлены на подпольную работу в подпольных обкоме и горкоме⁵²⁰. Оставили мы человек 15 у себя в районе⁵²¹. Из этих 15 человек были организованы три первичных организации с секретарями. Секретарем первой партийной организации была Белоусова⁵²², второй Невский⁵²³ и третьей Селезнев⁵²⁴. Белоусова у нас сохранилась. Невского я разыскивал, впоследствии узнал, — жена его приходила, — что он был вскоре арестован немцами и как будто расстрелян. Селезнева я не видел, но прошлый раз, когда мы приходили сюда в феврале, он был жив и в марте, когда наши войска оставили город, он эвакуировался.

Вот система организаций района. Она должна была возглавляться подпольным обкомом. Секретарем подпольного обкома был И.И. Бакулин, бывший секретарь партийной организации Сельскохозяйственного института. Я подобрал его, он дал согласие, остался. Хороший товарищ был. Получилось так, что кто-то предал эту организацию, раскрыли ее, и И.И. Бакулин был пойман и посажен в гестапо. Вместе с ним был пойман его связной и целый ряд других людей, членов подпольной организации. Его там избивали, истязали, в результате чего он умер. Прошлый раз, когда мы сюда пришли в феврале, один из его связных Гаркуша⁵²⁵, который сохранился и сейчас есть, передал мне предсмертное письмо Бакулина⁵²⁶. Трудно было восстановить текст этого письма. Оно уже было подмочено, затерлось, но кое-что я восстановил. Я установил, во-первых, что с первых дней его пребывания в Харькове, он потерпел неудачу, которая заключалась в следующем. Он остался на квартире одного профессора, своего коллеги по фамилии Михайловский. Сам Бакулин был преподавателем математики, доцентом. Я ему завез очень много продуктов. Этот профессор на второй или третий день пребывания немцев выгнал Ивана Ивановича и лишил его всех продуктов, поэтому он сразу остался в чрезвычайно тяжелом материальном положении. Он не мог и не должен был работать, поэтому должен был пользоваться теми запасами, которые мы ему оставили. Михайловский оказался сволочью и ушел с немцами. Он в прошлом с багажом белогвардейца, из бывших людей.

Потом Бакулин ссылается еще на одного человека, который был прислан соответствующей организацией из нашего тыла сюда для установления связи с подпольной организацией и который, якобы, или по

неосторожности, или с целью провокации предал его и организацию. Это предательство заключалось в том, что на самолете было выброшено продовольствие. Он потребовал послать туда людей. Послали человека, этот человек был пойман. После этого поймали Ивана Ивановича, посадили в тюрьму. Он пишет: «Я, конечно, больше уже не жалец на белом свете. Имейте в виду таких-то людей» и т. д. Потом это письмо было восстановлено в значительной своей части соответствующей организацией и находится сейчас в ЦК.

Вот почему не была плановой, стройной работа, которая мыслилась. Связь была нарушена, поэтому они не могли получать заданий. Были разрозненные люди, не связанные между собою. Кое-что делали: лозунги разбрасывали, которые мы оставили, надписи делали на стенах, на тротуарах, устную агитацию проводили, но систематической работы, диверсионных актов не было. На ул. Дзержинского был организован взрыв, но это по другой линии специальных организаций.

Вторая эвакуация была такой неожиданной, что не удалось это дело восстановить.

В Харькове по нашему району оставалось человек 80 без всякого разрешения, из них значительная часть регистрировалась в гестапо, в управе. Что они остались, они объясняют таким образом. Ну, кто говорит, были такие объявления по домоуправлениям, что коммунисты должны зарегистрироваться. Некоторые не регистрировались, скрывали это дело. Кто говорит: мы меняли место жительства. А некоторые так объясняют: если я не зарегистрируюсь, то все равно меня узнают, повесят, поэтому я вынужден был пойти регистрироваться. Я пошел во второй отдел управы, и меня зарегистрировали. Потом говорят, что нужно через несколько дней прийти опять. Опять пришел, опять регистрировался, и так ходили все время, немцы не тронули.

Мы партизанских отрядов не комплектовали. Диверсионные группы шли помимо нас.

Иван Иванович — член партии, кажется, с 1924 года. Это работник сельскохозяйственного института, доцент кафедры математики, очень скромный человек, честный, преданный. Он долгое время был секретарем партийных организаций института, членом пленума райкома партии. Он отличался всегда скромностью и дисциплинированностью, точностью. Если ему поручишь какое задание, он обязательно его выполнит в срок и пунктуально. На заседание, совещание он обязательно придет в назначенное время. Ничего плохого нельзя о нем было сказать. В институте он пользовался громаднейшим авторитетом. К нему шли и преподаватели, и студенты, обслуживающий персонал, с ним делились. Мне рассказывали, что девушки все то, что не говорили мужчинам, могли ему говорить, как хорошему товарищу, с которым можно было поделиться. Женат был. Жена его эвакуирована была вместе с институтом, тоже Бакулина⁵²⁷.

Райком принимал участие в формировании народного ополчения. Формирование началось сразу же после выступления товарища Сталина в июле. Был у нас сформирован полк районный, были созданы подразделения по организациям, предприятия. Вначале была создана дивизия районная, потом произошел некоторый отсев и уже стал полк. Шла строевая подготовка, огневая, тактическая, без отрыва от производства. Потом, когда уже дело дошло до того, что враг подходил к Днепру, форсировал его, скоро должен был подойти к Харькову, нужно было вооружить отряды, а тут оружия нет. Они должны были все равно переходить в военное ведомство, а военный округ ничего не делал. В конце концов, уже в последние дни был полк создан во всем городе и этот полк занял оборону. Эти люди были без отрыва от производства и когда начали эвакуироваться, все это стало расплываться. Правда, костяк оставили. Стал полк народного ополчения. Этот полк держал оборону, даже прикрывал отход наших частей. Держал он оборону пару дней, дрался, как и все дрались за Харьков, и последним отошел. Это было 25 октября 1941 года. Участок обороны он занимал сначала на Холодной горе, потом в центре города, потом на окраине города, Сабурова дача, ХТЗ⁵²⁸. Уже вооружили его.

12 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 28–28об. Оригинал, машинопись).

№ 26

Из стенограммы беседы с Ниной Кузьминичной Белоусовой⁵²⁹

1889 г. рождения, член партии с 1918 г. Русская. Перед войной я временно работала на бегах зав. тотализатором и секретарем партийной организации. Учреждение рано эвакуировалось. Уже решено было, что я останусь. Я брала на дом шить в райкомбинате, в райдиспансере. Я была в Кагановическом районе. Тов. Евсеев решил, что я должна остаться, дал мне в помощь двух человек, Голобова и Баранника⁵³⁰. Один товарищ должен был приходить как представитель райкома и должен был давать мне задания. Но он пришел только один раз 23 октября вечером. Свою фамилию он так и не назвал. Он был еврей. Он мне сказал, чтобы я срочно сходила в райком, взяла листовки и принес мне трафареты на жести для того, чтобы лозунги потом можно было печатать. Мы их, правда, не применяли. Листовок штук 40 было разбросано мною, остальные пришлось сжечь, потому что 25-го пришли уже немцы. Однажды приходят немцы ко мне прикурить. Я в подвале жила, и у меня как раз сидела женщина со двора. Жила я на ул. Анри Барбюса дом № 6, [...] Пришли немцы, а

у меня на столе пирожки с картошкой были. Они говорят, что хотят есть, у них нет продовольствия и пирожки эти съели. Потом они увидели мануфактуру. Мне дал прокурор бумажку из строительного института взять мануфактуру, поскольку они оставили и я как портниха. Эту мануфактуру немцы забрали, стали еще искать и один из них ударил меня. Ничего больше они не нашли, потому что больше ничего не было. Один из них остался у меня в памяти, потому что он дольше всех был, молодой парень. Он по-русски говорил, говорил, что из Познани. С первых же дней он начал говорить: кому нужна война, как они там живут, что у него родители делают. Когда они устроились, увидели у меня килограмм 7 муки, картошки килограмм 10, они потребовали кормить их каждый вечер. Недели полторы они ходили ко мне, пока все не съели.

Я портниха вообще. Мы так и решили, что я буду шить. Тов. Евсеев мне патент написал.

Потом этого отправили, с фронта один вернулся, еще одного привел, и опять говорят, что есть хотят. Я говорю, что у меня нет ничего. Стояла меленькая чашечка с сухарями, так они и эти сухари забрали. После этого они не стали ходить, только один пришел, я ему сшила из одеяла пиджак. Пока эти немцы ходили, так у нас в квартире не было грабежа, а как они уехали, стали квартиры грабить. Мой подвал обходили, потому что он был незаметен.

До ноября я ничего не могла делать. Связи у меня ни с кем не было. Ходила я к Гололобову, меня не пустили, а потом открыла какая-то женщина ворота. Она заявила, что его нет больше, больше я и не пыталась ходить. В ноябре пешком пришли из Киева товарищи. Они были здесь в 10-м партизанском отряде, проходили учебу, а потом их направили в Киев. Они были там в отряде ЦК и остались там, пока половину города немцы заняли. Когда они увидели немцев, то быстро переоделись и решили, что они на другой день должны встретиться где-то в условленном месте. Командиром у них был некто Рудченко⁵³¹. Когда они на другой день подошли к комендатуре, то увидели, что этот Рудченко пошел регистрироваться и потом работал у немцев. Потом они пошли на железную дорогу работать, а затем сюда пришли. Это — Франков Н. С.⁵³², Щелкунов М. А.⁵³³, железнодорожник, коммунист, Клячко М. Н.⁵³⁴ Франков и Щелкунов сразу завязали со мною связь, а Клячко не приходил ни разу. Мы решили что-нибудь делать, поскольку нет у меня никаких указаний, никто ко мне не приходил и мне особых полномочий не дал. Франков сказал, что товарищи будут ходить, давать задания, а сама ты ничего не начинай. Щелкунов устранился на квартиру в Покотилровке⁵³⁵. Он переменил фамилию на Шутько. Один из железнодорожников сказал, что это его родственник. Франков часто у меня бывал. В нашей квартире есть кладовка. Правда, там ни лечь, ни сесть нельзя, но мы ее освободили, и как только кто идет ко мне, мы его в эту кладовку, а дверь заставляли столом. Если нужно

куда идти, он уходил рано утром и приходил поздно вечером. Они работу проводили среди железнодорожников. Ко мне они приходили, объясняли свою работу. Потом к весне ходили в Новую Водолагу⁵³⁶. Я не помню названия совхоза, где они так сагитировали председателя, что он спрятал хлеб и когда наши пришли в феврале, этот хлеб выдал.

Так у нас продолжалась работа. Когда расклеили немцы афиши «Почему мы сюда пришли», мы написали на этих афишах красным карандашом — грабить и следили, сколько еще времени они висели. На Ключковской висели три дня, на Сумской два дня, на Госпроме тоже висели.

Потом узнали через женщину, что где-то здесь есть шпион. Жил он у одной особы, звали его Генрих. Что нас заинтересовало? На кухнях работали женщины и рассказывали, что этот немец простой солдат, но он имеет вес, и говорил, что часто ездил в Самару. У меня явилось подозрение. По-русски он замечательно говорил. Работал он в гестапо, а жил то в Луче⁵³⁷, то в другом месте. Мы следили за ним. Ребята ходили, дежурили ночи три подряд и днем. После я спрашивала этих женщин, но они ничего не стали говорить. Потом мы услышали, что немцы как будто набирали народ исключительно почему-то в Куйбышев⁵³⁸. Это нас тоже заинтересовало. Спрашивали шоферов, которые готовят машины, но они там тоже ничего не могли узнать.

Больше мы особенно ничего не проводили, кроме агитмассовой работы среди железнодорожников, которую проводили эти ребята. Люди слушали у Щербака И. С.⁵³⁹ Николай Яковлевич Франков ходил. К ним я не пошла, потому что не знала, что эта за люди. Щербак — инженер на электростанции. Часто Франков там ночевал, Щелкунов. Если приходили в город, там ночевали. Они наших ребят принимали и помогали материально. Мне приходилось работать, потому что если они придут, тоже накормить нужно. Уже трудно стало. У нас был истопник. Он стал приходить и говорить:

— Кузьминична, к тебе какие-то мужчины ходят.

Я говорю:

— Я же шью, поэтому и хотят.

У меня наверху жила невестка. У нее был мальчишка и он рассказывал:

— К нам приехал из Киева дядя Коля.

У меня спрашивают, кто это. Я говорю — никакого дяди нет. Истопник говорит:

— Посмотрим, а то вы весь наш двор подведете.

В общем, Франков держался. Мы его все время скрывали.

Весной 1942 года пришел Зинченко к нам. Это младший лейтенант Он при отступлении был ранен, остался в Конторской⁵⁴⁰. Там его передела какая-то жинка. Сам он из Основы⁵⁴¹, туда ушел, болел долго. Когда он поправился, познакомился через кого-то с Франковым. Он стал приходить

ко мне. Ему мы поручили работу на Основе, на Холодной горе исключительно массового характера. Он приходил, говорил, что много есть ребят, которые хотят в группу вступить. Эти ребята комсомольцы, но их нужно проверить. Очень многие комсомольцы сразу пошли работать к немцам и мы на них очень мало имели надежды.

В Покотиловке рабочие, которые были на Южной Покотиловке, были сагитированы, помогали нашим ребятам в районе, а, самое главное, саботировали там. Они работали по прокладке рельс, шпалы портили, два поезда под откос там пошло.

Весной с апреля стали мы думать о том, как бы этим ребятам перейти оккупационную зону. Стали мы их собирать. Тут нам помогла одна женщина. Был торговец, некто Бузанов. Он бывший коммунист, с ними же пришел из Киева. Когда он пришел из Киева, то с ним еще пришли два брата Селезневых. Я о них не могу говорить, поскольку их не видела. Ребята говорили, что один Селезнев хороший парень, а другой не понравился вот чем. Когда пришел этот Бузанов, развернул торговлю, стал торговать. Пришел он ко мне и сказал, что «я буду торговать, и если ваша организация будет большой, я буду материально помогать». Один из Селезневых занялся шантажом, хотел у него сразу много взять денег, сам же работал в немецкой типографии.

После, когда наши товарищи ушли на ту сторону, с ними я послала Надю Яценко. Это была одна девушка, тоже жила на Конторской, с которой познакомился сначала Николай Семенович и ребята. Я ее раньше не знала. Мне ее привели, рассказали. Она беспартийная. Михаил Николаевич Щелкунов жил на квартире на Конторской у одной женщины. Квартиры были смежные, они ходили один к другому. Когда встал вопрос о том, что им перейти нужно, мне хотелось знать, как они перейдут, кто будет помогать, чтобы связь была. Нас интересовал вопрос, с кем-нибудь связаться и что-нибудь делать более серьезное. Они мне сказали, что есть такая-то девушка, которая их будет сопровождать. Привели они мне ее, познакомили. В это время уже мы имели печать немецкую, документы заготовили. Документы писал Н. С. Зинченко, а печать сделал какую-то мастер железнодорожник, где жил Щелкунов. Печать была немецкая круглая на линолеуме, замечательная, подпись коменданта была. Написано было, что разрешено немецким командованием таким-то гражданам разыскивать свои семьи. Их с этими документами нигде не забирали. Один раз забрали мешочников и их случайно забрали. Потом посмотрели документы и отпустили, потому что документы были очень хорошие.

Зинченко мы оставили. Когда ушли Клячко, Франков, Щелкунов и Надя, не было от них никакого известия недель пять, а потом Надя вернулась и сказала, что перейти нигде нельзя было. Они и в Россоши⁵⁴² были, в общем много обошли мест, но нигде не могли перейти. К ним еще присоединилась дорогой группа в 11 человек. Искали они партизанский

отряд, тоже не нашли. Сами они по селам вели агитацию о том, чтобы не ехали в Германию, не сдавали хлеб немцам. По их рассказам были там и результаты хорошие.

Когда пришли туда, Зинченко отправился. С ним ушла приемная дочка Щербака, она была еврейка, еще одна жена командира пошла. Они дошли до Острогорска⁵⁴³ и там остановились. В Острогорске приемная дочь Щербакова Оля и жена командира остались, Зинченко же вернулся, потому что таких лет забирали. После они дальше пошли и переправились на Кубань. Уже сейчас получили письмо Щербаки от Оли. Я. С. Зинченко сюда пришел, здесь немного побыл, но все-таки решил опять идти. У нас со двора ушла одна женщина, Валя. Она — бывшая комсомолка. Муж ее был в Германии, из Германии бежал. Он был шофером. Их трое бежало. Они были отправлены первым эшелонам и бежали через Брест-Литовск, заявили, что документы потеряны. Поскольку они еле живы были, немцы таких отпускали. Когда он пришел, слег, после этого стал у немцев работать шофером, но долго не мог работать, потому что был болен. Когда немцы освободили его от работы, то он попросил бумажку, чтобы для семьи привезти хлеба. Он попал случайно к Брянску в Дмитровский район. Там он остановился ночевать. Утром проснулся, видит, что ходят с красными звездами. Спрашивает хозяина, кто это такие.

— Це⁵⁴⁴ наши партизаны.

— Как партизаны!

Это было, примерно, в августе 1942 года. Хозяин говорит, что здесь безвластие, партизаны рядом, а немцы — по ту сторону на железной дороге стали и сюда боятся идти. Эти партизаны их взяли к себе. Они пришли туда. Там, говорят, все оборудовано у них. Их спросили, кто они, откуда. Они рассказывают. Им предложили остаться. Они говорят, что не могут остаться, потому что дома семьи остались. Партизаны поговорили с ними, отпустили их домой и сказали:

— Если будет вам плохо, пробирайтесь сюда.

Когда пришел этот человек, жена его прибежала ко мне, рассказала. Как раз пришел Зинченко. Я ему говорю:

— Отправился он туда же к осени, примерно, в ноябре. Я уже его видела недавно. Он мне рассказывал так. Когда он стал подходить туда, ему сказали, что этот партизанский отряд весь рассеян.

— Я, — говорит, — немного пожил кое-где в селах, а потом соединился тоже с партизанами и в феврале попал в воинскую часть.

Сейчас он работает в воинской части.

Недавно приехал один человек. Он как раз мне рассказывал об этом партизанском отряде. Этот партизанский отряд действовал в Брянских лесах недалеко от Белополья⁵⁴⁵. Их было 32 человека. Они раза два обирали Тёткинский сахарный завод⁵⁴⁶, на базар приезжали. Их ловили немцы. Они не знали, что немцы остались в этом селе и вернулись вечером туда

же, так что их всех рассеяли. Этот рассказ совпадает с рассказом Зинченко и этого человека.

Еще меня товарищи познакомили с Л. И. Клагиной. Это беспартийная женщина. Она тоже укрывала наших товарищей, помогала агитировать. Это честный, хороший человек. Она имеет сына 16 лет, и страшно боялась, чтобы его в Германию не отправили. Потом она пришла, говорит:

— Мы пойдем с ним работать на аэродром.

Работали там чернорабочими. Там несколько раз провода немецкие резал этот мальчишка, бочки поджигал с бензином. Потом она перешла на ХЭМЗ⁵⁴⁷ на погрузку вагонов железом. Там она проделала такую вещь, грузила вместо железа мусор, который отправляли в Германию. Грузили его недель пять, а потом немцы, по-видимому, догадались и всю их группу сняли с работы.

Связь с представителями райкома, горкома не удалось восстановить. Мне не было известно, были ли другие коммунисты в городе. У нас была машинистка. Она мне случайно говорит, что здесь видела Ивана Ивановича, фамилии его не знаю. Он был парторгом одного из институтов. Она его видела и случайно со мною встретилась, говорит об этом.

— Он говорит мне, — рассказывает Надя, — у нас есть организация, ты приходи к нам работать.

С тех пор она его не видела больше, и я ее не видела.

Пришли наши, я стала работать опять в райкоме партии. Когда пришел тов. Евсеев, то я осталась работать, заведовала дошкольным сектором, и он сказал, что больше я тебя не оставляю. Но мы не знали, какое положение. Он точно тоже не знал, но сказал:

— Ты держись около меня, в случае чего я тебя захвачу с собой.

Я как раз в этот день дежурной осталась в райкоме. Немцы бомбили. я говорю:

— Ну, ладно, домой сегодня не пойду, ночевать буду, дежурить здесь. — А они ночи по две не спали. — Вы, — говорю, — отдохните пойдите.

Это было 10 марта. Посидела, потом в 3 часа пошла к дворнику. Он говорит:

— Тут все уже ушли, никого нет.

А дежурную милицию сменили, чтобы мы не тревожились. В полчетвертого я пошла домой, а живу я за Госпромом. Когда шла мимо Госпрома, идет два красноармейца, спрашивают дорогу на Алексеевку⁵⁴⁸. Из Госпрома сильный огонь светит. Я говорю:

— Ребята, посмотрите, что за огонь.

— Нам, — говорят, — некогда, ты лучше проводи нас.

Я вошла в подъезд. Там было полно народа, а утром уже стоял пулемет немецкий. В цирке 200 человек было. Их тогда поймали, но после, оказывается, они там еще были. У нас в Доме специалистов их было полно и они, оказывается, спрятались. От Госпрома к дому специалистов прохо-

дит подземный ход, теплоцентраль. Оказывается, они там и были. Полно немцев осталось.

Когда я пришла домой, прилегла. Часов в 7 пришла ко мне некто Стрельбицкая и говорит:

— У нас во дворе уже ходят немцы.

— Откуда, — говорю, — немцы. Я пришла из райкома, там милиция и все.

Оказывается, в этом районе кишмя кишели немцы. Их прятали бабы наши, оказывается. Этот раз их немцы увезли. В этот раз, когда приехали эсесовцы, действительно, было жутко. Это такая сволочь приехала, не то, что первый раз. Это были бандиты какие-то. Они в квартирах что делали? Квартиры мы не могли запирать. Если квартиру запереть, то сейчас же двери срывают и пьяные ходят с пистолетами. Тут я уже наверху жила. Что я работала в райкоме, знали не только местные жители, а и повыше люди. У нас жил некто Лепчанский, он был заведующим жилуправой⁵⁴⁹. Сам он из Киева. Сотников тогда был у нас управдомом.

Когда я в этот день вижу, что немцы, решила уйти. Думаю, все-таки перестрелка, не может быть, чтобы наши далеко ушли из города. Думаю, как-нибудь обойду эту местность, дойду до Щербакова. Взяла сумочку. Они, оказывается, за мною следили. Только выйду, Лепчанский стоит и Сотников. Я говорю соседке:

— Ты, Дуся, иди как-нибудь одна.

Она раньше вышла и на другой стороне меня ждала. Соседки посмотрят:

— Иди, Кузьминична, никого нет.

Смотришь, опять они стоят. Остановили меня:

— Вы куда идете?

— К знакомым, — говорю, — мне же есть нечего, я там перебуду.

— Это, наверно, вы хотите уйти с красными.

— Ничего подобного, — говорю, — куда я теперь пойду с красными, раз меня не взяли.

Он говорит:

— Вы не ходите, вам нечего не будет. Вы думаете, мы не знали, что вы член партии? Знали. Но мы вам ничего не говорили, даже наоборот, квартиру лучшую дали. — Это Лепчанский говорит, а Сотников подтверждает.

Я говорю:

— Спасибо, что вы это сделали, но я все-таки хочу идти. Если вы знаете, что я член партии, то мне здесь не дело оставаться.

— Вы старый человек, куда вы пойдете, мы постараемся сделать так, что вам ничего не будет.

Он думал о том, что неизвестно, какая еще будет власть. Я, конечно, не пошла, а на другой день ушла. Только полчаса я не успела прийти к посту, наши за мост отошли. Щербаки говорят:

— Кузьминична, только что красные ушли, мы их еще кормили. Там все население кормило их.

Когда я шла по Московской⁵⁵⁰, там танки немецкие, один проход — по проспекту Сталина. Я промелькнула мимо них и пошла. Я вообще решительный человек, ничего не боюсь и если нужно мне, сделаю.

Пришла домой в тяжелом настроении. Бояться, что убьют, черт с ними, плакать некому, а вообще-то мне больно было настолько, что когда второй раз пришли, то мне все время казалось, что не надолго. У меня было такое настроение, что пошла на площадь и у каждого спрашивала:

— Вы надолго пришли?

Жила я в то время нелегально. Лепчанский и Сотников со мною были очень деликатны и любезны. Лепчанский сказал:

— Когда мы вас переселили в комнату, — там одна жинка была, — она говорит: вы коммунистам квартиры даете, а у меня отец был репрессирован, вы меня выкидываете из квартиры.

У нас штаб был. Всех выселили из квартир. Они хотели сначала артистов выселить, но мы их стали просить. Лепчанский когда-то женщину, Духовскую, выселил, сам въехал в ее квартиру и имел две квартиры. Рядом в квартире жил некто доцент Кобылянский, который с немцами уехал. У этого доцента была старая мать. Я иногда ходила к ним полы мыть. Я говорю ему:

— Если можно, вы меня пустите в одну комнату, и я буду ухаживать за вашей матерью.

Он им сказал, и меня пустили в их комнату.

Сам Лепчанский в этот раз уехал. Немцы его после марта на эту работу не взяли, потому что, кто не эвакуировался, того не брали на эту работу. Он открыл какую-то маленькую лавочку, там торговал. Два сына у него добровольно уехали в Германию, а третий был в опере музыкантом. Когда они собрались, прибежала его жинка, говорит:

— Мы уезжаем. Может быть, вам что-нибудь нужно из квартиры, возьмите. Все равно мы все бросаем. Может быть, вы в нашу квартиру переедете?

— Нет, — говорю, — в вашу квартиру не поеду я, спасибо за любезность. Сейчас мне некогда, я лучше вечером приду.

— Вечером мы уедем, но у сестры будет ключ.

Соседка слышала это и вечером все у них забрала.

За это время ничего не произошло такого. Ребята наши пришли в феврале: Франков, Щелкунов и Ключко. Они соединились уже с частями, им повезло. Сразу их управление Южных железных дорог забрало на работу, а как мне рассказывал Щелкунов, они случайно побывали у своих семей. Они сидят и рассуждают, куда их направят. Сидит какой-то старичок и говорит:

— Я направлю вас к вашим семьям.

Оказывается, это был нарком. Он сейчас же дал распоряжение, по прямому проводу дал поговорить. Они поговорили, узнали, где их семьи и пое-

хали к ним. Франков и Клочко сейчас в Ташкенте, а Щелкунов уже приехал и сейчас работает в отделе кадров управления Южных железных дорог.

Особенно значительного в это время ничего не было. Я осталась совершенно одна. Мне повезло. Я нигде не была, ни на бирже, нигде, а когда регистрировать стали паспорта, то без биржи труда не регистрировали. Я думаю — черт с ним, говорю коменданту: никуда не пойду. Случайно встречаю на базаре одну женщину, которая была у меня в Райторге бухгалтером, Зубенко.

— Я, — говорит, — работаю на бирже. Вы приходите, я вам сделаю.

Я пришла, она мне вынесла бумажку, что я освобождена по болезни. Я с этой бумажкой зарегистрировала паспорт. Я только в управе была раз один, потому что ребята паспорта уничтожили, один Сорокина. Нужно было вернуть паспорт, так я ходила как поручитель. Это меня и сохранило. Когда после я стала выходить, некоторые не узнавали меня, а некоторые узнавали. Я еще взяла девочку воспитывать, мать у нее убили.

Во время второй оккупации ничего не было. Тут уже никого не было. Ребята ушли уже. Только держала связь с Щербаками.

Первый раз немцы отступали планомерно. Всем было заметно, что отступают и всем говорили, что скоро придут красные. Они много оставили всего и много своих раненых сожгли и расстреляли. Последнее время, если без рук, без ног, они его травили. Полная тюрьма была немцев, состава и солдат.

Когда Севастополь брали в прошлом году, летом в июне или июле наших матросов проводили раза три. Как они пели песни наши! Люди ходили, смотрели. Я побежала, но уже в этот день не водили их. Человек около 40 было. Они пели. Некоторые немцы им ничего не говорили, а некоторые их прикладами били за это, но они все равно пели песни и выкрикивали, что все равно скоро придут наши.

12 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 6–9. Оригинал, машинопись).

№ 27

Из стенограммы беседы, проведенной с заведующим кафедрой сельскохозяйственного машиностроения Сафроном Иульяновичем Лисовенко

1898 г. рождения. Доцент. Заведующий кафедрой сельскохозяйственного машиностроения. Учился в Киевском политехническом институте на механическом факультете. Беспартийный. Украинец. [...]

Положение было таково, когда волею судеб нам пришлось остаться здесь. Сотрудников не эвакуировали. Разъехались лишь часть работников, кто куда мог. Элементарные условия нам не были обеспечены для эвакуации. Мы не могли достать даже посадочного талона. Я, будучи у директора последний раз 12 или 13 октября 1941 г., увидел, что результаты плачевные и с одним из сотрудников, Боровым, решил уехать поездом. Интересно то, что четкости не было еще и потому, что один раз нас эвакуируют в гор. Камышин⁵⁵¹ — ждите распоряжений. Ждем, ждем, а время уже не терпит. Наконец, получили распоряжение выезжать в гор. Ташкент. Опять нужен посадочный талон. Ждем опять. Уже скот гонят. Третье распоряжение получаем — в Ворошиловград⁵⁵². Я увидел, что дальше сидеть нельзя, и с Боровым направился на ворошиловградский рабочий поезд. Доехали до ст. Никитовки. Оттуда Боровой поехал куда-то к знакомым, а я направился на Ростов. Не доезжая ст. Штеровки⁵⁵³, разобмбило совершенно путь, и я направился обратно.

За Никитовкой на ст. Дебальцево⁵⁵⁴, в холодное время, на вокзале людей битком набито, в тамбуре разрезали мне мой мешок и вытащили все, что я имел основного — продукты питания, денег мы получили по 500 руб., из которых 300 руб. я оставил семье, остальные взял себе. Остался я без питания и железной дорогой отправился обратно. Доехал до ст. Шебелинка⁵⁵⁵. Путь был разобран, и мне до Жихаря⁵⁵⁶ пришлось идти пешком. Там шел паровоз. С ним я доехал до Харькова. Это было 22 октября, накануне вступления немцев в Харьков.

Каково было первое впечатление? Прежде всего, народ не выглядывал из квартир в течение недели. Через неделю я лично вышел на улицу. Направился в институт, посмотреть. Там собрались наши все, которых осталась значительная часть. Были члены партии и беспартийные. Поговорили и разошлись. Назначен был уполномоченный, профессор Крамаренко Леонид Петрович. Так как он был загружен в управе, по его рекомендации был назначен Буданов, который предложил нам явиться в институт и периодически проводить работу по налаживанию института.

Немцы сейчас же заняли все наши корпуса и предложили нам библиотеку оттуда убрать, иначе она будет выброшена через окно. Наша работа заключалась в том, что весь коллектив института переносил библиотеку из одного корпуса в другой. Когда эта работа была закончена, денег никаких, средств никаких, начали устраиваться кто где мог на службу.

Буданов — человек, безусловно, не советской ориентации. Это доцент нашего института, заведующий кафедрой эксплуатации. Прежде всего, он очень рьяно отнесся ко всем этим мероприятиям, охотно взялся за работу уполномоченного. Сын его определился в комендатуру переводчиком, так что была тесная связь с немцами. Он эвакуировался с немцами вглубь Украины и в настоящее время там находится.

Когда я пришел с приходом наших второй раз в институт, а я еле пришел сюда, то здесь были два товарища из НКВД. Я с ними побеседовал и мы направились осматривать один корпус и другой. У нас был еще корпус научно-исследовательский на Чайковского, 4. Выдвигая ящики у графа Менгерзена, — а граф был руководителем этого института, — мы увидели письмо Буданова. Он писал графу Менгерзену на немецком языке. Мы прочитали это письмо. Оно находится в НКВД. Из него можно было усмотреть, что Буданов очень благодарит графа за его горячую поддержку и за совместную с ним работу и что он находится сейчас в Виннице в управлении МТС.

Отношение немцев к нам в этот период. У меня лично после таких скитаний запасов не было никаких и, по сути, с первого дня я начал голодать. Никаких пайков. Работал в институте по переноске книг, один раз я узнал, что можно кое-что получить на немецкой кухне из остатков. Преодолевая всю эту боль, все унижения, мы вынуждены были стоять в очереди за небольшим количеством супа для того, чтобы можно было просуществовать. Причем, интересная очередь. Начиная от уборщицы, кончая профессором, убеленным сединами, а у нас такие были, как профессор Константинов, приходилось стоять, пока не выйдут и не кричат — «вэк!» — нет, значит.

Через месяц-полтора начали выдавать пайки. В паек входило 100 грамм конины, муки, кажется, 2 кг на 10 дней и все. На этот паек мы должны были существовать.

Встретил я профессора Крамаренко Л., который в то же время был в комитете научно-исследовательских институтов, организованном им же и превратившемся потом в Науковую управу. Он мне говорит: «Почему же вы не работаете? Есть возможность работать». В конце концов, он предложил мне место инженера в комитете научно-исследовательских институтов, помещавшегося на Технологической, 4, бывший энергетический институт⁵⁵⁷. Там была вся профессура, которая осталась здесь и организация эта имела целью сохранить имущество научно-исследовательских институтов. Пока такова цель его была.

Через некоторое время выяснилось, что такая должность не нужна, и я вынужден был оттуда уйти. Осталось там только лишь несколько профессоров, в том числе Крамаренко, человек пять или шесть, а все остальные были распушены. Прием, когда эти были распушены, то группа старых профессоров осталась там, и они представляли собой Науковую управу. Кстати сказать, Науковая управа была вымыслом Крамаренко Алексея, бургомистра, когда он был переведен туда. Его с бургомистра сняли, назначили в этот комитет руководителем. Ему, очевидно, было неприятно, что его с управы сняли, и он сделал этот комитет Науковой управой без ведома немцев, за что, говорят, он впоследствии поплатился.

Я перешел в Сельскохозяйственный институт. Работы здесь никакой не было, институт был законсервирован. Мне предложили выехать в Полтаву, как и большинству научных работников, оставшихся здесь. Это было примерно в мае или июне 1942 года. Я отказался поехать в Полтаву. Предлагал это директор института Витязь. Условия были таковы, что едем туда, там нас кормят чуть ли не бесплатно в течение нескольких недель, после этого предоставляют работу. Какую работу — не говорили. Я просил, что меня, как специалиста инженера они могут использовать, как захотят.

Я остался здесь на этом пайке, который выдавали, взял огород и работал до октября. В октябре приехал шеф Мергензен и решил организовать Харьковский сельскохозяйственный институт. Сначала размах был довольно большой с пятью факультетами, а в заключение была организована харьковская школа агрономов. Когда я спросил Мергензена, почему не может быть здесь института, ведь это институт с 120-летним именем, так он мне полуцинично ответил, что высшие школы будут в Берлине.

В этот момент разгорелась мобилизация молодежи в Германию, — это осень 1942 года, — особенно научных работников. Уже в июле они уезжали в Германию. Сотрудники стремились как можно скорее открыть эту школу, чтобы хотя бы ту часть молодежи, которая оставалась здесь, взять в школу и сберечь ее, потому что тех людей, которые учились, не посылали в Германию.

Была организована школа, в которой работало около 300 человек молодежи. Я лично был приглашен тогда же как заведующий учебной частью. У немцев они назывались директорами учебной части. Под моим руководством и налаживалась учебная жизнь школы. Общее руководство институтом было у Витязя. Работали в институте до ухода немцев.

Должен сказать, что за это время приходилось тоже слишком много терпеть унижений. Придет и раскричится Мергензен, без всякого основания. Там его не так провели, там не так открыли двери. А все это отзывалось на нас. Причем, ко мне лично он меньше придирался, а больше к хозяйственникам.

Был такой случай однажды. Это было в моем присутствии. Один из преподавателей вышел в то время, когда вошел Мергензен. Я стоял в это время в коридоре. Мергензен подходит ко мне и в это же время подходит преподаватель. Так он крикнул на него так, как хорошие хозяева на собак не кричат. Как он мог идти графу навстречу, почему в сторону не отошел.

Я бы не сказал, что преподаватели наши работали в школе с каким-нибудь энтузиазмом, хотя было общее настроение: молодежь соберем, учить их будем и т. д., чтобы сохранить институт. Немцы в тех институтах, которые были не работающими, забрали аппаратуру, все то, что им нужно было, в действующих же институтах они не так хозяйничали.

Для того чтобы привлечь нашу лектуру или показать свою мощь со стороны запада, которую они считали непревзойденной, они решили

организовать у нас курсы для профессорско-преподавательского состава, которые бы дали возможность ознакомиться с достижениями Германии в области сельского хозяйства. Сюда приезжали доктора немецкие, и каждый по своей специальности прочитал доклад. Были такие, как Зовер. Это был единственный доклад, более или менее подходящий. Все время посещал лекции профессор Телетов.

Вначале, на первой лекции было сравнительно много людей, т. е. почти весь коллектив. Когда прослушали первого лектора, то уже на второй и остальных лекциях было людей меньше и меньше. В конце концов, дело свелось к тому, что на одной из лекций Мергензен заявил, что те лица, которые не прослушают этого курса, не будут допущены к чтению лекций и лишь после этого количество слушателей увеличилось примерно до 50%.

По сравнению с достижениями нашей науки доклады их были настолько жалкими, устаревшими, что они не представляли абсолютно никакого интереса. Я бы сказал, что я лично не усматривал никакой политичности. Доклад был, скажем о сельскохозяйственных машинах, какие существуют сельскохозяйственные машины, как их нужно использовать. Всегда чувствовалась ориентация на индивидуальное хозяйство. Колхозная система, конечно, отвергалась. Никаких высказываний о наших ученых не было. Даже их имена не упоминались.

Я слышал, может быть, процентов 20 этих лекций, был несколько раз. Причем, меня интересовала, главным образом, моя специальность и то частично пропускал. Я был на докладе по сельскохозяйственным машинам и выступил даже, заявив, что все то, что он говорит, не соответствует действительности, т. к. я лично являюсь руководителем научно-исследовательского сектора Харьковского института сельскохозяйственного машиностроения в течение десяти лет и, проведя опыты с этими машинами, о которых он говорит, наблюдал совершенно другую картину. Их данные были примитивными и все, что они нам сообщали, было низкопробным.

Закончились эти курсы, они разъехались, учеба продолжалась. На этих курсах были присланные из районов агрономы. Преподавателей и обслуживающего персонала было около ста человек вместе с техническими. Студентов было 300 человек примерно. Было всего три курса. На старших курсах были студенты 4–5 курсов промышленных вузов всех: харьковского машиностроительного, химико-технологического, электротехнического⁵⁵⁸ и т. д., у которых цикл общетехнических дисциплин. На второй курс принимались лица соответственно средним курсам, на первый курс принимались закончившие 9–10-летку. По сути, это была высшая школа. Программа и объем знаний, которые давались этим студентам, соответствовал объему нашей высшей школы, причем по тем же самым учебникам и учились. Была установка директора, что нужно принимать молодежь, главным образом, с периферии, поэтому у нас получалось так,

что в сельскохозяйственную школу брали людей, которые не хотели только ехать в Германию, а те лица, которые хотели учиться, работники села оставались за бортом. Со стороны немцев никаких указаний не было. Что же касается профессоров, то они почти все были из сельскохозяйственного института, 2–3 человека было приглашено новых.

Так занятия шли до тех пор, пока не наступил первый уход немцев. При их уходе графом было предложено уехать нашим преподавателям. Причем, он приглашал к себе отдельных преподавателей и выписывал командировки. По этой командировке поехал только один человек — это некто Кузьменко, поехал Витязь и сотрудники, которые не были у нас основными, как, например, Ветухов⁵⁵⁹. Настроение у тех, которые ждали своих, было неплохое, но у тех, которые не хотели прихода наших, у них было, ясно, нехорошее настроение, в частности, у Витязя. Он ходил весь мокрый, что называется.

Я хотел бы рассказать о периоде до вступления наших в Харьков. Еще за месяц до их прихода ко мне лично пришли три человека из подпольного комитета и начали интересоваться рядом вопросов. Прибыли они под руководством тов. Жукова. Эти товарищи — студенты нашего института. Был Жуков, Дорошенко и третий, не известный мне. Жуков тоже студент, член партии. Затем у нас был Новиков, студент, тоже член партии. Беседовал со мною Жуков. Он интересовался, прежде всего, кто едет, кто собирается уезжать, каковы у нас возможности помочь оружием в случае надобности, потому что чувствовалась напряженная обстановка, каким образом у нас дело с транспортом обстоит и т. д. Я ему обещал все это дело выяснить. Была у нас вторая встреча и ряд таких встреч. Я им доложил. Второй раз было новое задание, скажем, если бы поступила радиоаппаратура. Последнее задание было недели за две до вступления наших. Приходят они ко мне и заявляют, что им необходимы взрывчатые вещества для того, чтобы подрывать мосты до ухода немцев, потому что они все равно взорвут. Я механик. К сожалению, в этом деле я мало понимал. Тогда я им говорю, что в нашем институте есть два доктора, профессора-химика, которые могут нам помочь. Подхожу к профессору Телетову и говорю:

— О том, что я буду вам сейчас говорить, должны знать только вы. Нужны взрывчатые вещества и нужно их готовить. Если вы хотите реактивы, я вас обеспечу.

Когда я работал некоторое время в комитете научно-исследовательских институтов, то я лично познакомился с институтом прикладной химии⁵⁶⁰ и другими институтами. Я знал, где что находится, так что можно было бы начать производство взрывчатых веществ, по моему мнению. Место я мог найти такое, что никто туда не доберется. В нашем институте есть такие комнаты, что можно ходить по коридору сколько угодно, а этих комнат не найти.

Профессор Телетов отказался. Причем, я беседовал вместе с этими товарищами, его в комнату пригласил. Он не органик сам, и ссылаясь на то, что не органик, заявил, что не может за это дело взяться. Тогда у нас есть второй товарищ, Пищемука, орденосеи. Я прибежал к нему на квартиру, но сколько я ни ходил, все это безрезультатно. Наконец, на третий день я с ним связался, но, к сожалению, получил тот же самый ответ. Так там ничего и не вышло у нас. Эти товарищи получили новое задание, и больше с ними я не был связан.

Больше того. В том доме, в котором я живу на Рымарской, 19 жила некто Ивченко. Она была связана с Викторовым-Курысько и тов. Кушнером. Виктор-Курысько — председатель революционного совета гор. Харькова, перед вступлением в город наших. С ним работал Кулебачный. С тов. Викторовым-Курысько я познакомился накануне вступления наших. Он дал мне задание подготовить радиоаппаратуру. Ивченко рассказала раньше обо мне. Эта радиоаппаратура была подготовлена и находилась в этом же институте. Это были радиоприемники. В первый день прихода наших в 5 часов утра я все это доставил в горисполком. Со мною был некто Богданов, наш сосед по Рымарской, 19. Он работал вместе с Ивченко в адресном столе, беспартийный. Вместе с Богдановым мы доставили радиоустановку в горисполком и сдали Викторову-Курысько. Когда пришли власти, Виктор-Курысько был назначен директором банка. После этого там же Викторовым-Курысько я был назначен заведующим отделом высших школ при горисполкоме и работал до тех пор, пока не приехал тов. Назаренко из обкома, руководитель отделом пропаганды. Я тов. Назаренко и сдал все дела. Я, главным образом, там успел провести перерегистрацию сотрудников, связаться с некоторыми сотрудниками, в общем, выполнял поручения Викторова-Курысько и Селиванова⁵⁶¹. Когда я сдал материал тов. Назарову, был назначен директором этого института, а в секретари я взял себе Ивченко. Это очень активный человек. Мы здесь организовали сейчас же помощь бойцам Красной Армии. Начали вносить все. Я об этом говорю, потому что даже это было известно немцам во второй приход.

Наступают тяжелые дни у нас. Нужно уходить из города. Я обращаюсь к Назаренко, спрашиваю, как же быть. Он говорит:

— Подождите, товарищи. Особенно вам и дирекции института спешить нечего. Я вам могу дать только одну командировку сейчас, для Богданова, который ко мне третий день ходит, я дам эту командировку на Купянск.

Богданов — доцент нашего института, старик. Он хотел уехать. Положение у нас не улучшается. Он говорит:

— Подождите, товарищи, идет подкрепление.

Я говорю:

- Нужно что-то предпринять.
- Приходите завтра, 9 числа, — говорит.
- Прихожу утром 9-го. Он говорит:
- Вам придется все-таки выдать удостоверение.

И получили мы эти удостоверения лишь часов в 6 вечера 9 марта. В институте 9-го никого нет. 10 числа пришел в институт, уже крепко напряженная обстановка, звуки канонады слышны. 10-го я роздал командировочные удостоверения. Но тут, к сожалению, следует отметить и такой факт, что, когда пришлось мне давать эти удостоверения, то только не весьма большая часть приняла их, так как они им не нужны были, некоторая часть приняла их ради приличия. Это чувствовалось в тот момент. Спрашивают:

- Когда же мы будем уходить отсюда?
- Я полагаю, сегодня.
- А как же, собраться надо, и потом на ночь идти куда, будет обстрел.
- Только ночью и можно идти, — говорю.

Решили идти утром 11-го. Но 11-го уже канонада, снаряды разываются над городом. Все-таки я прихожу в институт в полной готовности. Встречаю только Андреева, Сегодину, секретаршу, одного студента и бухгалтера. Ни одного научного работника нет.

Здесь я пробыл часов до 11. Вижу, что никого нет. Под этой бомбежкой возвращаюсь домой, собираюсь уходить сам. Но из города уже нельзя было выходить, наши не пускали по городу. Таким образом, мне пришлось остаться второй раз в Харькове.

Когда была вторая оккупация, я был дней десять в квартире, потому что обстановка в городе была очень напряженной. Расстреливали население, как птиц налету. Уйма погибла гражданского населения. Моя жена пострадала, Богданова в то время забрали на работу на аэродром. Наконец оправдوما начали регистрировать население, и нужно было все равно выходить. Граф наш уже приехал сюда и потребовал, чтобы явились сотрудники на службу. Приходит ко мне секретарша, некто Лебедева и приглашает на работу. Пришел я к графу. Граф мне первый вопрос задает:

- Для чего применяется эфир?

А эфир я давал в пользу красноармейцев, когда мы собирали пожертвования. Ему уже было это известно.

- Ну, что же, — говорит, — будем начинать учебный процесс.

Учебный процесс был назначен на понедельник утром и полдесятого в понедельник я был арестован гестапо и заключен в тюрьму. На допросе меня пытали. Допрашивали меня немецкие следователи Оствальд и Буш. Допрос был нечеловеческий. Меня пытали за то, чтоб я назвал собственную фамилию. Когда я сказал, что ношу фамилию Лисовенко с тех пор, как себя знаю, они говорили:

— Неправда, назовите вашу настоящую фамилию. Вы член партии? Тут начинаются избиения, пытки.

Ивченко тоже арестовали. Мне зачитывают все то, что, по сути, было. А ее еще на два дня раньше арестовали, но ее арестовали как работницу адресного стола. Я узнаю все подробности, как мы радиостановку собирали, как встречались с Викторовым-Курысько. Очевидно, она призналась. Я говорю, что с Викторовым-Курысько знаком, но познакомился с ним в момент прихода красных, что я работал в райисполкоме.

— Значит, вы налаживали советскую власть?

— Да, — говорю.

— Так у вас есть все основания для того, чтобы вас сейчас повесить, но вы нам ответите еще на вопрос.

Допрос производился по-русски и по-немецки. Я владею немецким языком, но не в совершенстве. Я отвечал и говорил на русском языке, а если переводчик им переводил неверно, тогда я изъяснялся на немецком языке. Я начал говорить, как все было. Он мне говорит:

— А вот скажите о партизанском отряде, который вы знали и в котором находятся такие-то товарищи, — причем, фамилии называет.

Я говорю, что знаю этих людей только как студентов моего института, ни звука не сказал, кто они были, где были. О том, что существовала какая-нибудь подпольная группа, ни слова не сказал. Мне было очень неприятно одно только, что там знали о том, что я собирался подготовить взрывчатые вещества, а об этом никто не знал, кроме Телетова и Пищемуки. У меня возникли подозрения, что кроме Телетова никто не мог сказать, или попался кто-нибудь из тех трех товарищей. Кроме этих пяти человек об этом никто не знал.

Я отрицал связь с подпольной группой, знаю их только как студентов нашего института, причем, фамилии их не помню, потому что я руководитель только старших курсов. Я был подвергнут пыткам за то, что работал по заданию, как он выразился, жида-комиссара, ночевавшего у меня на квартире в момент прихода большевиков. Это точно так, но никакого задания не было. Ночевал у меня ни больше, ни меньше как еврей, действительно, он был политруком раньше — жилец нашей квартиры. Он приехал просто случайно. Так как его комната была занята Ивченко, он пришел ко мне и ночевал эти несколько дней и это было уже известно там. Причем, больше того было известно. Тогда ко мне пришли управдом и бухгалтер и заявили о том, что я должен идти делать укрепления, так я ответил, что сейчас не могу, у меня есть более важное задание. А у меня было какое задание? Прежде всего, я шел от института со всем коллективом. Мне следовательно говорит:

— А скажите, какое у вас было более важное задание, когда вам предлагали идти укрепления делать?

Значит, управдом, некто Лотоцкий, сообщил об этом в гестапо, так что у них было много источников. Бухгалтер домоуправления Манько сейчас здесь, а Лотоцкого нет. Я интересовался, где он. Манько мне не отвечает:

— Где-то, — говорит, — в Харькове.

Почему я мог уйти оттуда? Когда я был вывезен в Коломак, там был шеф эсесовец, офицер, у которого была переводчицей некто Гарба Н. А. А эта переводчица знакома с заведующим институтом коммунальной гигиены, где работает моя жена. Она через этого переводчика передала в тюрьму белье. Познакомившись с этой переводчицей, я ее спрашиваю:

— Скажите, насколько я осужден?

Она обещала мне узнать, и сообщила на другой день, что я осужден до окончания войны. Гарба, по сути, являлась женой этого офицера. Я знал, что от нее зависело все. Я начал просить Гарбу, чтобы она походатайствовала перед офицером. Она говорит:

— Хорошо, я это сделаю.

Гарба сама харьковчанка, муж ее лейтенант. Она уехала с офицером. Однажды она говорит, что офицер обещал рассмотреть мое дело. Я считаю, что она приняла в этом деле участие. Богданов, который только нес со мною радиоприемник, расстрелян, Ивченко тоже расстрелян, а, может быть, их вывезли куда-нибудь вглубь.

Меня перевезли в тюрьму. Кинули нас 56 человек в маленькую комнату. Простояли мы там ночь. На другой день утром начинают вызывать по списку. Вызвали почти половину людей. Потом уже без списка открывается дверь, берут руками, как овец, и в другую комнату. Я попал в 30-ю комнату, часть же из наших попала в 31-ю. Я только слышал, что оттуда забирают. Из нашей комнаты тоже вышли строиться к автомобилю, и их вывозили на Куряж. Нас осталось человек 25. Часа через полтора вызывают меня, какого-то Алексеева и ряд других. Опять собралось в коридоре много людей. Стоит их автомобиль. Один офицер направил людей в автомобиль, а впереди Гарба меня рукой отстранила и я встал сбоку. Тот смотрит на этого офицера. Я стою около него. Наполнили автомобиль, опустили шторы. Остался я и человек пять. Тогда он крикнул: «Век!». Я оттуда прямо на улицу. Я ушел, ушел Алексеев и еще человека два. Когда я шел оттуда, то думал: уйду ли я на улицу, или будут стрелять там. Когда я прошел квартал и остановился, смотрю — прибегают женщины. Уже жены наши узнали, что нас сюда перевезли, и масса людей была. Жена спрашивает:

— Освободился?

— Да, — говорю, — только освободился, но почему так получилось, не ясно.

Она начинает говорить, что она просила об этом Гарбу.

Когда меня освободили, то я лично не решился идти домой и направился к профессору Соболеву в институт коммунальной гигиены. Он мне говорит:

— Вот вам комнатка, любой кабинет и здесь живите.

Я там прожил пять или шесть дней до вступления наших войск в Харьков. Когда вернулся из тюрьмы, был совершенно больной. Тов. Назаренко предложил мне выехать в Купянск недели на две, поправиться. Я не поехал и принялся за восстановление кафедры. Сейчас являюсь заведующим восстановленной кафедрой сельскохозяйственного машиностроения нашего института механизации.

Режим в тюрьме был таков. Утром черпак кофе без хлеба, без ничего, днем черпак баланды, этот цвельый немецкий хлеб, политый горячей водой и вечером опять черпак кофе. Последнее время давали хлеба примерно грамм по 150 в день пшеничного, но не регулярно, а первое время вообще хлеба не давали. Потом кофе было заменено водой. Раз два или три был суп овощной, но невероятно плохого качества. Когда работа была, опять же кофе, но хлеба давали грамм по 300 в день пшеничного. Давался он сразу на неделю, но так как лето жаркое, он за два дня портился и его нельзя было растянуть на неделю. Потому, съедали его сразу, а потом — на пище святого Антония⁵⁶². Собирали в лесу грибы. Утром и вечером кофе, а днем суп из пшена или из сушеных овощей. Обращение было невероятно грубое. Лагерь был в 56 человек.

У немцев было управление МТС, руководил им Позен, колонист. По сути, не было ни одного учреждения, где были бы русские. Трактора были. Причем, завозили на Украину много двухкорпусных плугов, сеялок, уборочных машин и т. д.

У меня на квартире был три раза обыск. Забрали всю мою библиотеку, даже носильные вещи, белые брюки, одеяла. Когда мне сообщили в тюрьме о том, что у меня забрали библиотеку. Я однажды спрашиваю, почему ее забрали. Мне говорят, что библиотека в порядке, ее взяли по указанию профессора Крамаренко, который пишет работу для немецкого командования. Профессор Крамаренко писал 3-й том курса сельскохозяйственных машин, а туда входили машины по техническим культурам, работа, над которой я работал почти всю свою жизнь. Крамаренко знал, что я написал полный курс механизации животноводческих хозяйств. Эта книга написана на 224 страницах со 123 иллюстрациями, была мною показана ему. Вторая работа была «Теория и исследование хлопкоуборочных рабочих органов». Эта работа была 65% использована. Весь этот материал попал в руки профессора Крамаренко в Киев. Первую тему он написал раньше. Вторая состояла из наших работ. Пропала моя десятилетняя работа. Весь материал вместе с черновиками чертежей забрали.

12 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2. оп. 31, д. 17, л. 20–24. Оригинал, машинопись).

№ 28

**Из стенограммы беседы, проведенной
с митрополитом Феофилом⁵⁶³**

При беседе присутствуют: Протоиерей Камыня Иван Яковлевич, старший священник Покровского монастырского храма, член епархиального управления и благочинный церквей гор. Харькова. Священник с 1905 г., украинец, духовное образование получил в Харьковской духовной семинарии.

Протоиерей Садовский Евгений Михайлович, исполняющий обязанности секретаря управления. Окончил Московскую духовную академию (учился в ней с 1911 по 1915 гг.), специализировался по философии. Священник с 1922 г.

Феофил. По национальности я украинец, уроженец Полтавской губернии, сын сельского священника. Отец Иван Моисеевич Булдовский, мать Клавдия Ивановна. Жили они возле реки Ворсклы на Старой Санджаре. Санджар по-татарски — брод. Отец говорил, что он происходил из татар. Рассказывал, что прапрадед был казацким полковым писарем.

Родился в 1865 г. В 1875 г. поступил в духовное училище в Лубны⁵⁶⁴, в 1880 г. — в Полтавскую духовную семинарию, а в 1886 г. окончил ее, год был сельским учителем и в 1887 г. рукоположен священником, настоятелем двухклирного причта в местечке Кобеляки Полтавской губ. Там прослужил 12 лет, устроил другой храм, открыл две церковно-приходские школы, построил большое школьное здание на 120 детей, с раздвижными стенами, что позволяло устраивать вечера с туманными картинами⁵⁶⁵. На это я имел разрешение от министра.

Возле моего села была сельскохозяйственная школа I разряда. Там были преподаватели из Петровской академии. Я пригласил их в качестве лекторов. Каждое воскресенье читались лекции с волшебным фонарем. Чтения были платные, по пятакку платили. Хорошо устроили. Завели чайную, читальню для народа, на средства министерства финансов.

Через 14 лет работы я был вызван епископом в Полтаву, в Кладбищенскую церковь. Там служил 21 год. Тут я имел всякие должности, начиная от законоучителя городской школы до инспектора епархиального женского училища. Был законоучителем в женской гимназии и в частных гимназиях. Когда закрылось епархиальное училище в 1918 г., то ученицы избрали меня учителем арифметики и украинского языка.

Тов. Сидоров: Была у Вас семья?

Феофил: Я был женат по окончании курса в семинарии. Думал учиться дальше, но тут любовь началась. Моя жена — гимназистка 8 класса. Батяка посылал дальше учиться, но я женился. Имел 4 детей, 3 сына и дочка. Младший сын убит в империалистическую войну. Старший сын

был профессором ИНО⁵⁶⁶ в Полтаве, по естественным наукам, биолог. Написал учебник медицинской зоологии и практической зоологии. Был сослан, потому что в Полтаве вращался в украинских кругах. Потом он уехал во Владивосток. Но и это его не спасло, несмотря на то, что там он открыл рассадник беспанцирных черепах и экспортировал их в Японию. Он был деканом факультета и устроил прекрасный живой уголок. Он ученый, далекий от всякой политики. Он украинец, не мог отказаться от своего народа и молился богу. Как-то он прочитал лекцию, и когда его спросили, откуда же взялись эти клеточки, он ответил, что неизвестно, никто еще не открыл, и это поставили ему в вину.

Каждое лето он ездил в Ленинград давать отчет о своих работах, исследовал фауну пресных вод Дальнего Востока.

Дети как-то выросли разом, всех нужно было учить. Это учел епископ Илларион. Он знал, что мне тяжело в деревне. Я не умел взять с народа и дошел до того, что мы, 4 человека, получали за похороны 20 коп. В этом местечке было 15 семейств евреев, и все они относились ко мне с большим вниманием. Когда приехал епископ, то они пришли к нему с хлебом, солью, благодарить за такого хорошего священника. Они учились у меня в церковной школе, потому что я не разрешал издеваться над детьми. Они помогали мне учить моих детей. Нужно везти сына учиться — беги до Борука, возьми взаймы. Старший сын учился в Харьковском университете, другой — в Варшавском, но был там замешан в какой-то демонстрации. Он пришел в университет за получением денег. В это время там была политическая обструкция, его записали и уволили из университета. Он полтора года был псаломщиком, потом ему разрешили вернуться в университет. Тут началась война. Он сказал, что пойдет воевать. Воевал два года, был два раза контужен, а потом убит наповал под Армавиrom в 1917 или 1918 г.

Второй сын окончил духовную семинарию, рано женился и был сразу посвящен священником. Вначале был священником в Полтавской губернии, потом перешел сюда, в Харьков. Моего помощника забрали и сослали. Тогда мне сказали: ищите священника. Я взял сына. Он не хотел, но приехал, два года послужил. В 1932 г. его ни за что забрали, отняли у меня храм, отдали обновленцам насильно. Протестовали наши и — процесс, посчитали за неподчинение власти. Общину закрыли, мне сказали: вам работать нечего. Сына сослали. Когда я пошел узнать, сказали, что сослали. За что? За провокацию. Теперь я о сыне не знаю ничего. Жена болела все время.

[...]

[Незадолго до войны — Сост.] жил на Основе, в маленьком домике, переплетал книжки, на этом зарабатывал по копейкам. Инструменты еще были у меня. До самого прихода немецких войск работал так, бедствовал. Некоторые старушки знали меня и не забывали, то принесут

яблочко, то хлеба, кормили меня. Попробовал пойти в храм раз помолиться, приобщиться нужно было. Одел мантию, приобщиться. Увидели, что я в храме, пропели: «Исполати деспота». В тот же день вызвали батюшку: «Что, у вас архиерей служил?». «Как? Это архиерей был у меня на службе?». Запретили. Но, вместе с тем предлагали церковь. Я на удочку не пошел, говорю — я стар, мои все разосланы священники, а чужих не хочу брать.

Так меня не трогали до прихода немецких оккупантов. Я зарегистрировался тогда, когда потребовала городская управа. Узнали, что я «клирик», а то по паспорту был иждивенцем служащего, был на иждивении племянницы-учительницы. Возле домика, где я жил, днем упала случайная бомба и повредила четыре домика, в том числе и домик, где я жил. Об этом разошлась молва, что пробило квартиру митрополита. Явились два представителя, которых я даже не знал. «Мы узнали, владыко, что у вас несчастье, позвольте вам помочь». Я плотник, а я — стекольщик». Исправили мне окно, починили потолок. Через семь дней на эту улицу явился немец. Его спрашивают, зачем он пришел. «Я пришел посмотреть свою работу». Это оказался летчик. «Зачем, — спрашивают, — вы бросали сюда бомбу?» «А, осталась одна, я и бросил». Это меня особенно возмутило, упал совсем духом.

Проходит еще месяц. В один прекрасный вечер приезжает ко мне машина легковая и выходит генерал высокий и другой господин в военной форме. Рекомендуются:

— Я генерал Блум.

Русский переводит. Другой говорит:

— Я Вагнер Посто. — Образованный человек, прекрасно говорит по-русски, знал историю украинской церкви.

— Чем могу служить?

— Мы приехали к вам поговорить. Нам нужно упорядочить церковные дела на Украине. Вы один из старейших представителей церкви. Не возьмете ли Вы на себя труд образовать епархию?

Говорю, что я подумаю, если это будет согласно с моими убеждениями — дам согласие. Он, оказывается, знает и 1921, и 1922 гг. Когда я рассказал о своем пути автокефалийца, он говорит:

— Нам как раз и нужна ваша аполитичность. Нам нужно только, чтобы был мир в вашей епархии, и чтобы вы не вмешивались в политику.

Я говорю, что я вообще считаю для церкви это большим грехом.

— Мы пригласим вас в городскую управу.

Через два дня прислали за мной машину. Я был в управе в присутствии бургомистра Крамаренко. Здесь же был культовый отдел и там сидел Потienко и Либединский. Я их не знал. Пригласили меня. Поговорили. Я говорю, что согласен образовать только каноническое управление, что церковь должна управлять духовная власть, а не миряне.

— Два мирянина примите, — говорит Крамаренко, — от «Просвиты». Я говорю, что могу принять, если разрешите ввести от себя двух протоиереев, тогда будет правильно — 3 духовных и 2 мирянина. Согласились.

Я поехал домой, начал принимать, открывать храм. Но наткнулся на такое явление, что туда-то назначен священник такой-то, без меня. Я этого не принял, сказал, что этого не может быть, отказал, а потом стал назначать сам своих.

Так прошло две недели. Наконец являются ко мне Потиеенко и Либединский, рекомендуются, что они такие-то и привели с собой профессора Попова А. И. из Университета, человека как будто толкового, и двух или трех мирян из их храма самосвятского, которые стали меня уговаривать, чтобы я согласился сформировать церковное управление из двух мирян и себя, и на этом остановиться. Привезли постановление из управы о том, что такой-то утверждается в таком-то соборе, митрополит — председатель, Либединский — заместитель.

Тов. Сидоров: У Вас есть этот документ?

Феофил: Есть. Я показывал кому нужно. Он утвержден немецким командованием. Я сказал, что не приму этого предложения, я должен отказаться от всех прав канонических. У них тенденция, чтобы взять в руки управление мирянами. Там церковными делами управлял мирянин Морозов. У нас священник председатель церковного совета, а у них — мирянин. На меня напали украинцы. Попов молчал все время, а те говорили:

— Как же вы любите Украину, не хотите для неньки⁵⁶⁷ Украины сделать?

Я говорю, что Украина — это одно, а это — другое. Мы почти враждебно расстались. Прошло 2–3 недели, пока не явились со стороны и предложили компромисс: вы принимаете этих двух и выбираете двух священников. Оба они из «Просвиты». Попов тоже из «Просвиты». Он в священники теперь посвящен в Киеве.

Я избрал Теунова, протоиерея, и Кривомазова. Он работал два или три года со мною, а потом ушел в отставку. Я потерял его из виду. Потом оказалось, что он работал в НКВД вместе с Катуниным. Они начали издавать книжки, какие-то дорогие брошюры, запутались там как-то. Катунин и Кривомазов попали под суд. Катунин попал в дом умалишенных, потом он выздоровел и пришел ко мне.

— Давайте, владыко, работать. Я, — говорит, — был болен, меня правильно осудили и т. д.

Я его принял. Стали мы работать с 14 числа 1942 г. (?) Сначала все шло ничего, а потом Либединский оказался вором и «Просвита» его сама отозвала, но вместо него прислала без моего ведома, другого просвитянина, но уже в священническом сане, отца Николая, тоже заядлого украинца, который говорил, что нужно только по-украински молиться. Начали

мы работать. Обращались к управлению. Печатать молитвенники нам не разрешили. Сношение с ними вел Кривомазов, как старший член. Меня спросили, кого можно сделать посредником между нами и гестапо. Я сказал, что такого-то и его назначили. Он имел переводчика. Немножко он тогда напутал, оказался человеком нехорошим, даже до того дошел, что хотел быть епископом на моем месте, собирал подписи, говорил: если владыко не хочет меня посвящать, то я заставлю немцев. Пришли русские войска и забрали Кривомазова, теперь его нет у меня.

Я продолжал управлять. В первую эвакуацию немцы меня не взяли. Я посылал узнать, возьмут ли меня. Мне предлагал один из почитателей взять. Я говорю: у меня шесть душ, как же я один поеду, мне совесть не позволяет. Если вместе все, я поеду. «У нас нет билетов». Посылаю Кривомазова в комендатуру. Мне сказали: накануне выезда пришем 7 билетов владыке. Мы остались тут. После этого приехал из Берлина высший чиновник и стал спрашивать, как это случилось, что я не поехал. Я рассказал. Он был очень обеспокоен таким положением.

— Может быть, вы не хотите работать с нами? Говорят, что вы к кра-
сным переходите.

Я сказал, что аполитичен. Посредником между мною и немецким командованием поставили профессора Ветухова, ректора университета. Я принял это, как контроль надо мною. Украинцы еще больше подняли голову, причинили мне много неприятностей, а потом, когда они уехали второй раз, меня никто не спрашивал, поеду я или не поеду. Второй раз я уже не собирался. Поттиенко утек⁵⁶⁸.

Тов. Сидоров: Какое количество приходов у вас было в городе во время немецкой оккупации?

Феофил: На первых порах было до 20 с лишним.

Тов. Сидоров: Сейчас они существуют или нет?

Феофил: Существуют, их 14, автономистов 8, кажется.

Камыня: Первое время все подчинялись владыке, потом некоторая часть начала отпадать, начался раскол.

Феофил: Меня упрекали в том, что я самосвят.

Тов. Сидоров: Не явилось ли причиной этого разделения следующее обстоятельство: не считали ли они в вас людей, которые в какой-то мере сотрудничают с немцами, а те хотят сохранить верность Москве, Сергию и в известной мере симпатизируют советским войскам?

Феофил: Я никаких поводов к этому не подавал.

Камыня: Они имели одинаковые сношения с немцами. Мы по личной инициативе к немцам никогда не обращались.

Тов. Сидоров: Я видел в «Новой Украине» не то интервью, не то статью какого-то корреспондента от вашего имени.

Феофил: Была наша статья. Это было заседание епархиального совета.

Камыня: Эта статья против патриарха Сергия.

Феофил: Это мой грех. Приехало немецкое командование, и тут было заседание церковного совета. Сказали, что Сергей, митрополит такие-то вещи пишет, что мы разрешаем храмы в России и указывают, что вышла книга «Правда о религии в России». Нужно написать. Так как я против Сергея ничего не писал ни разу, — виноват он, прав ли, но я ни разу не поднимал головы, — я прямо сказал, что не напишу, пусть кто-нибудь пишет, и написал Кривомаз, а я подписал — это мой грех. Подписал, конечно, боясь, что если я не подпишу, — вынудят.

Тов. Сидоров: Вы считаете этот шаг правильным?

Феофил: Я считаю его своим малодушием. Стар я, может быть, если бы я был здоров... Меня стоит только посадить на один день с моей астмой, я там и сяду, а у меня есть кого кормить. Меня телесные, житейские соображения заставили это сделать. Вообще я никогда не выступал.

Тов. Сидоров: Вам было известно отношение московской церкви, владыки Сергея, Николая к войне, к немцам?

Феофил: До первого прихода русских войск я ничего не знал. Это мне привез представитель НКВД эту книжку. Я ее прочитал первый раз и приказал спрятать так, чтобы немцы не нашли. Я ее спрятал. Так что о том, какие там дела, я не знал. Мы не имели сношений никаких. Боялись, потому что мог быть шпионаж.

Камыня: Кое-какие слухи были, что там изменилась жизнь. Мы не сомневались, что церковь там принимала участие в борьбе против немцев, потому что это ее историческая задача, исторически проверенная линия поведения. У нас тут была кружка в пользу сбора пленных. Скажем, в пользу Красного Креста вряд ли немцы бы разрешили. В наших условиях ничего другого больше этого мы не могли сделать.

Вот в части той линии поведения, того влияния, которое старались украинские шовинисты произвести. Глухое сопротивление постоянно было. Владыко пригласил меня. Ему неудобно было выступать, и часто я удерживал те крайние требования, выступал против них, но опять приходилось действовать с опаской, ибо не было гарантии, что твое слово не будет известно немцам.

Я приведу характерный факт. Незадолго перед их уходом владыко меня командировал для проведения собрания в Дергачах. Там одновременно и автомисты получили собрание. Когда я пришел к бургомистру просить разрешения, чтобы мне дали провести собрание, мне отказали, а автономистам разрешили. Это характеризует их отношение.

Феофил: У меня полтора месяца стоял офицер. Сначала он был начальником каких-то транспортных войск — Эрнест. Занял все мои комнаты. Сам он ничего себе. В то время, когда он у меня жил, у меня были спрятаны наверху два красноармейца раненых, и их лечила моя внучка. У меня есть их адрес. Они пришли сюда и все боялись их взять, а я

сказал — возьмите, потому что ко мне не явятся подозрения. Там они жили две недели.

Тов. Сидоров: По канонам церковным, кажется, молятся за христолубивое и православное воинство. Скажите, во время церковной службы, во время оккупационного режима как эта часть была изменена, или совсем была изъята?

Феофил: О воинстве молимся без слова «христолубивое». В молитве, которую составил после владыко Сергей, — «христолубивое».

Камыня: Так в екатинье: «О стране нашей, правительстве ее и о воинстве». Так и молились за воинство. Это, конечно несколько зашифрованная формула, но страна наша — Россия. Никаких изменений не вносили.

Феофил: На первых порах я поступил сюда уже на готовое, разослали по епархии распоряжение такого-то содержания и там написано: упоминать Сергия Лопатинского, и я первый раз упомянул. Но мне сказали, что его давно на свете нет. Потом упоминали вождя германского народа, там написано и разослано по епархии. Я не имел права отменять это, поскольку написано немцами. Это упоминалось до первой эвакуации.

Камыня: Нужно сказать вам, что это только лишь в Харькове происходило. В селах этого не было. Когда я в феврале прошлого года приехал в село, у меня друг священник был, старичок, и я прямо сказал: давайте мы по существу подойдем. Немцы, какие бы ни были, для нас они, по меньшей мере, чужие. Какие мы имеем канонические основания молиться за еретиков. Гитлер, с нашей точки зрения, еретик. Это не только наша практика. В селах его не упоминали, за редкими исключениями, кое-где. Молитву за Украину, которая аполитична и не везде читалась на украинском языке, кое-где совсем не читалась, у нас я ее перевел на славянский даже язык. Верующие не принимали украинского языка на богослужении, считали это грехом великим, а молитва по содержанию своему прекрасная. Эта молитва существовала и раньше на Украине.

Феофил: За этой молитвой следили заядлые украинцы, чтобы она читалась.

Тов. Сидоров: Когда я сообщил, что пойду для разговоров с владыкой, некоторые на меня косо посмотрели, говорят: да он не признает единой России, он автономист и националист, сепаратист, за здоровье Гитлера службы шли и проч.

Феофил: Никаких молебнов не справляли.

Тов. Сидоров: ...Что, якобы, происходили службы за победу германского воинства и что на этой основе внизу, среди народа значительное недовольство было, потому что у каждого свои родственники, близкие в Красной Армии.

Камыня: Ничего подобного не было.

Феофил: Когда меня спросили, я сказал, что у апостола Павла сказано: «Прошу вас, братия, творите прощения, моления за царя иже во

власти суть». Это было в то время, когда царем был Троян. Мы молимся не о том, чтобы господь дал врагу победу, а о том, чтобы господь вразумил наших врагов.

Камыня: Я считаю: за еретиков молиться не буду никогда.

Садовский: Я думал: что даст Гитлеру мое упоминание? Хотя это было вопреки церковной дисциплине и некоторый диссонанс вносило, т. к. второй священник упоминал. Я этого не делал. Но это до первой эвакуации, а после этого уже никогда не упоминали.

Камыня: Первое время это было распоряжение религиозного отдела, а потом, когда был владыко один, он отменил это и во время первой эвакуации это было изъято.

Тов. Сидоров: Владыко, вам известны имена священников, которые в той или иной мере пострадали от германской оккупации?

Камыня: Вообще они довольно бесцеремонно обращались.

Садовский: 17 февраля немецкая бомба разрушила мой дом. Я оказался под черепками, ранило мою жену, и она оказалась калекой.

Феофил: У нас во дворе был такой инцидент. Был священник. Он вышел молиться на воздух утром. Вообразили, что он шпион и хотели расстрелять. Население отстояло. Его поставили над обрывом и заставили четыре часа стоять недвижимым. Он заболел после этого.

С одного священника сняли часы с руки прямо на улице. Другой появился на улице и с него сняли сапоги, потому что они немецкого образца, купленные им на рынке. Одного расстреляли в селе. Последнее время было много жалоб на то, что слишком обижали народ немцы. Просто придут во двор: «Сколько у тебя птиц? Давай все», стреляет всех, берет себе. Словом, забирали все, что можно было забирать. Палили хлеб в копнах, в больших стогах, запрещали тушить. Кто бросался тушить, бросали живыми в огонь. В некоторых местах не осталось ни одного дома, а в двух местах стоит только два столба с надписью села. Забирали продовольствие. Вначале они ходили по домам. Ко мне в дом вошли, посмотрели окно, угольничек. Там книжки церковные лежат. Потом взяли на столе ножницы, положили в карман и пошли, хотя знали, что я священник, старик. Много забирали вещей, вплоть до патефонов, пока не было издано распоряжение, чтобы этого не производилось. Вначале очень издевались над евреями. Я писал много прошений, так они писали, что никаких прошений не принимают.

Тов. Сидоров: Какое количество приходов у вас имеется?

Феофил: По записям 252 считается зарегистрированных.

Камыня: Но это ориентировочно. В связи с переходом фронта уничтожены селения.

Тов. Сидоров: Это на какой территории?

Камыня: Харьковская, Сумская и часть Курской, уже освобожденные.

Феофил: После прихода Красной Армии мне так и объявили: просим вас управлять приходами, которые освобождены и которые будут освобождаться постепенно.

Тов. Сидоров: Были даны какие-нибудь указания священникам освобожденных районов с вашей стороны?

Садовский: Дали мы. Связь личная затруднена, конечно.

Камыня: Регулярной связи не было, а эпизодическая, придет, скажем, батюшка, староста.

Феофил: Когда получено было известие о соборе в Москве, духовенство поговаривало. Я получил некоторые указания, чтобы «без нашей резолюции ничего не писать в Москву». Мы собрались с духовенством и решили, что нам нужно искать единения обязательно с Москвой и послали телеграмму патриарху Сергию, поздравительную от духовенства, верующих епархий с избранием в патриаршестве и с просьбой нас принять в свое управление. Подписали все, в том числе и я. На эту телеграмму мы никакого ответа до сих пор не получили. Я немного знаю, почему. Потому, что мне было сказано, что не получите ответа, не нужно писать. Но вы знаете, кто распоряжается.

Тов. Сидоров: С Николаем у вас никакой связи нет?

Феофил: Он присылал двух делегатов от «чрезвычайной комиссии по зверствам» с просьбой принять участие в этой работе. Я наскоро кое-какие сведения собрал и передал через них. Письмо написал Николаю, что благодарю за привет и прошу иметь в виду вашим сотрудником.

Тов. Сидоров: По церковным делам вы с ним связаны?

Феофил: Нет бумаги такой, что он управляет Харьковской епархией.

Тов. Сидоров: Какие вы считаете отношения с Николаем?

Феофил: Когда уезжал НКВДист главный, спросил: вы не будете писать Сергию? Имейте в виду, два архиерея, на Украине Феофил, а в Москве — Сергий, то, что на западе — это не наше. В Лубнах был Сильвестр, в Киеве — Никанор и Пантелеймон. Там 14 или 15 архиереев. В Днепропетровске есть и в Николаеве. Они есть, но, говорит он, мы этих архиереев пока не проверим, не признаем.

Тов. Сидоров: Эти архиереи остались в городах или часть из них ушла?

Феофил: Известно, что полтавский ушел с немцами. Его фронт догнал, а потом он исчез. Это не наши люди.

Тов. Сидоров: Как вы отнеслись к восстановлению «патриарха всея Руси»?

Феофил: Я думаю, что автономия будет мешать единой церковной Руси, но она не есть отделяющая частица, так что признание «всея Руси» автономии не теряет. Останется патриарх всея Руси и автономная украинская церковь.

Тов. Сидоров: Вы сейчас считаете, что не автокефальная церковь должна быть, а автономная?

Феофил: Автономная.

Тов. Сидоров: Считаете ли вы важным моментом в жизни церкви образование патриаршества?

Феофил: Мне кажется, что это есть некоторый цемент, связывающий нас воедино.

Садовский: Мы рассматривали это как шаг к укреплению церковному. С точки зрения умиротворения церковного, мы это рассматриваем как положительную меру. Поскольку патриарх Сергей стал на лояльную платформу к советской власти, то и политический, конечно.

Камыня: Потом это и идеологическим принципам соответствует — единая церковь Христова, так что это является важнейшим моментом в жизни церкви.

Тов. Сидоров: Но шовинистам украинским это не понравится?

Камыня: Поскольку церковников желают использовать в политических целях, а верующие, которые хотят только молиться, приветствуют такое объединение.

Феофил: Передайте тем лицам, которые говорят, что я сепаратист, я всегда не пресвятой, выношу особую молитву и молюсь постоянно об объединении всех верующих и так мы молимся каждый день. Я только хочу, чтобы на Украине мне позволили быть украинцем, т. е., если я хочу одеть на себя украинскую одежду или украсить церковь по-украински, кто же мне запрещает это делать? Написана икона в украинском стиле, тут ничего нет греховного. Есть немецкий художник. Он писал Христа в будничной обстановке среди немецких семейств, среди детей в обыкновенном костюме немецком, но видно, что он Христос. Позвольте мне иметь Христа своим, ридным⁶⁶⁹. А они говорят, что это унижение для Христа.

Тов. Сидоров: Кажется, патриарх Сергей и церковь сказали свое слово по отношению к немцам, выявив резко отрицательное отношение к ним?

Камыня: Да, они осудили их.

Тов. Сидоров: Считаете ли вы правильным этот шаг с точки зрения канонической и идеологических принципов, как гражданин, или лучше было остаться в стороне от этого шага?

Садовский: Это факт такого рода, мимо которого нельзя пройти.

Камыня: Для нас фашизм был чем-то ужасным. Тяжелые картины приходилось наблюдать в тот день, когда этих бедных евреев выселяли за город. Я без слез не мог смотреть, как старики евреи на одной ноге скакали туда, а когда упали, как их расстреливали.

Тов. Сидоров: Количество церквей сейчас не увеличивается по Украине?

Феофил: С трудом, но многие восстанавливают. Почти каждый день такие заявления поступают. Священников нужно. Много пройдет времени, потому что разбомбило много зданий.

Тов. Сидоров: Еще один вопрос, владыко. После сообщения об образовании церковного совета при Совнаркоме с вашей стороны был принят какой-нибудь шаг к установлению каких-то взаимоотношений с правительством украинским, с Совнаркомом или с Президиумом Совета трудящихся Украинской республики?

Феофил: Мы считаемся законом епископатом, но распоряжений никаких не было.

Садовский: Пока связь ограничивается только с представителями горсовета и управлением культа.

Камыня: Мы считали, что это постановление касается Великокороссии и соответствующее учреждение будет здесь, а сейчас нельзя идти и спрашивать самим.

Феофил: Украина находится на положении войны.

12 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2. оп. 31, д. 17, л. 84–100. Оригинал, машинопись).

№ 29

Из стенограммы беседы, проведенной с директором Харьковского инженерно-экономического института Николаем Николаевичем Дубинским

Доцент, кандидат технических наук, представлен к профессорскому званию. Беспартийный. В Харькове 13 лет. В этом институте работаю девятый год. До этого был техническим директором различных всесоюзных трестов, в основном, по каменноугольной промышленности, заведовал горной кафедрой, декан горного факультета. Вел горное дело в этом институте и в машиностроительном институте по кафедре горнорудного машиностроения.

Наш институт не был эвакуирован. За месяц до прихода немцев он был поставлен на консервацию и поэтому профессорско-преподавательский состав очутился в крайне тяжелом положении. Те товарищи, которые были связаны как-нибудь с другими организациями, эвакуируемыми из Харькова, или были связаны через членов своих семей, через военных, главным образом, которые служили в медицинских организациях, в госпиталях, — они сумели выехать с госпиталями. Остальные же могли рассчитывать только на получение посадочного талона в последние дни. Причем, нашему институту дали четыре или пять талонов, остальные были предоставлены сами себе. Поэтому, группа работников нашего института, не имея возможности получить проездные талоны,

была предоставлена сама себе. В частности, горная кафедра осталась почти целиком здесь. Некоторые были мобилизованы. В самый последний момент выехали два доцента, у которых жены были врачами госпиталей и четыре человека осталось, которые предполагали выехать с какой-нибудь, даже не родственной организацией, имея в виду, с железнодорожной организацией выехать, с которыми профессор Ростовцев был более или менее тесно связан. Вышло таким образом, что эта железнодорожная организация, начальник станции Люботин⁵⁷⁰, выехал почти в последний момент, даже не остановившись в Харькове. Поэтому последняя надежда отпала у нас.

Мы остались здесь на съедение. Из горной кафедры остался профессор Ростовцев, доцент Дубинин и научные работники Широков, Михайличенко и лаборант Кольб, немец. Из других специальностей остался профессор Введенский, крупный специалист в области химии и единственный специалист-содовик на Украине. Кроме того, остался машиностроитель Комилесов, доцент машиностроительной кафедры, профессор Сушкевич, доктор наук, математик, профессор Сериков, руководитель учетных дисциплин, Акуленко, очень крупный специалист в области экономической географии, доцент.

Положение института во время оккупации было исключительно тяжелым, т. к. мы уже с первых дней поняли, что никакой научной работой немцы не интересуются и не собираются ею заниматься. К научному персоналу они относились, я бы сказал, так же, как ко всем поработанным людям, без различия званий, степеней и т. д. Большинство из нас, у кого еще остались какие-нибудь физические силы, сейчас же взялись за обмен того, что еще немцы не успели взять от нас на продовольственное питание, выходя в село. Я говорю — чего не успели взять, потому что уже через неделю началось хождение по квартирам. Через две недели я был выселен из своей квартиры, причем для того, чтобы культурно ограбить, мне было сказано, что квартира занимается на 12 дней, поэтому нам незачем с собой ничего брать. Мы взяли с собой все, что можно было взять. Кстати сказать, жена и дочь были на селе, сын старший лежал, он туберкулезный. Я один за три часа, что мог связать, вынес.

Через 12 дней, действительно, моя квартира была предоставлена, но не мне. Мебель, довольно дорогая, была вывезена, книги частью просто выброшены через окно, и я об этом узнал только через несколько дней, когда на толкучке увидел книгу с моим факсимиле.

То, что сохранилось, то было отнесено на село. Из нашего коллектива немного людей могли выходить, т. к. большинство в течение уже первого месяца настолько ослабли из-за плохого питания, что не в состоянии были выходить на село. Выход на село был основным средством существования научных работников в Харькове, т. к. никакой службы не было, никаких работ, тем более, научных не велось нигде.

Однажды при выходе на село, находясь уже в тяжелом физическом состоянии, я еле передвигался. В это время идет несколько машин. Нужно сказать, что немцы не брали русских граждан, несмотря на то, что машины часто шли порожняком, а если брали, то, останавливаясь, сразу договаривались, что это будет стоить. Все они прекрасно умели говорить, допустим, «пять человек», «две пачки махорки», «кусок мыла» — это была норма. Ни того, ни другого, ни третьего у меня не оказалось. Я поднял руку, остановил машину, попробовал козырнуть документами, что я декан горного факультета и т. д., я не в состоянии нести полтора пуда, которые у меня есть. Ехали какой-то фельдфебель и солдат. Когда узнали, что у меня нет ничего, они отказали мне. Я, пользуясь некоторым замешательством, все-таки мешок подбросил и сам влез. Километров через пять унтер-офицер, просматривая машину, обнаружил меня. Говорит: «А, профессор влез...», подходит, меня по уху. Я слез с машины. «Махорка нужна, а не документы». Это было мое первое крещение.

Выходили мы на село небольшими компаниями в два-три человека, потому что боялись. Одиночки могли просто подвергнуться грабежу. Машина может остановиться, могут выяснить, что у вас есть, могут даже помочь погрузить ваши вещи, а потом дают газ и вещи ваши уезжают.

Так я ходил месяцев девять десять раз, с каждым разом увеличивая расстояние. Причем, это хождение в основном пешком. Последний мой выход был за 175 км от Харькова. Последние выходы были уже такие, что тренировка показала, что Харьков — Золочев⁵⁷¹ — это один переход, 45 км и надо спешить, потому что, если медленно будешь идти, то семья, состоявшая у меня из четырех человек, не дотянет до вашего прихода.

Примерно через 7–8 месяцев в Харькове были восстановлены технические научные организации — это учебные и исследовательские институты. Меня, как горняка, направили в угольный исследовательский институт. Мне предложили быть директором объединенного угольного института и бывшего Юшахтпроекта. Я отказался. Пригласил меня в Викадо Талле. Это был референт по учебным заведениям и исследовательским институтам, германский офицер. Видимо, в семье у него кто-то русский есть, потому что мы поражались, что он говорит чисто по-русски, даже без акцента. Ему года 33.

Работа в исследовательских организациях проходила самотеком. Они даже не знали, с чего начать. Из угольного института в Харькове осталось очень небольшое количество специалистов, из крупных — Ячих, Даводянц и Андриевский. Последний стал директором. Поскольку сам Талле был экономистом, то тема была тоже экономического характера, и я лично был убежден, что Талле готовит какую-то диссертацию и для этой диссертации хочет иметь кое-какой материал, или материал для статей, во всяком случае, он хочет приобрести какой-то личный капитал на этом деле. Его интересовало описание различных бассейнов каменного

угля, руды и прочих полезных ископаемых. По другим институтам как было, я не знаю.

Этот институт как раз вошел в систему Викадо как экономический исследовательский институт. Я вышел из этого состава, потому что я не экономист. Это было, собственно говоря, бюро при Талле. Я беседовал с товарищами, выяснил, что там ставились примерно такие же вопросы, как и по горнометаллургической, т. е. описание металлургических заводов неоккупированной части.

Я работал всего два месяца в угольном институте, из них полтора месяца был на селе и из-за неаккуратного посещения был освобожден. Опять стал безработным, и продолжал ходить на село. Мы получили расчет в момент консервации и оставлены были средства только на содержание директора и обслуживающего персонала. Все преподаватели получили расчет. Немцы, когда организовали через полгода институт, зарплату уже платили. При угольном научные сотрудники получали от 900 до 1200 рублей. Паек выдавали, но мизерный. Ни зарплата, ни паек ни в какой степени не могли удовлетворять даже минимальную жизненную потребность, поэтому персонал стал заниматься частными делами, либо мелкой торговлей, либо производством спичек на дому.

Когда я стал опять безработным и нечего было выносить, то хождение на село приобрело несколько иной смысл и значение. Ходил я от села к селу и просил работу. Приходишь и говоришь: «Не нужно вам нарубить дров?». Час-полтора поработаешь, хозяйка даст пообедать. Идешь в другой дом, получишь ужин и так я, бывало, ухажу недели на две. За одно уже и обменяешь и две недели питаешься бесплатно. За первые десять месяцев я лично много вещей отдал за то, чтобы прокормиться. Я отнес пальто сына, находящегося в Красной Армии, получил за него два пуда пшеницы и полтора килограмма сала. Пальто хорошее, зимнее. Отнес коверкотовый пиджак из хорошего английского коверкота, в котором я защищал свою кандидатскую диссертацию. Собралось несколько парней, начали смотреть: «Да як би він такий...»⁵⁷². За этот отрез я заплатил в Москве 1600 рублей в 1935 или 1936 г., без брюк, так за него я получил 2 пуда 10 фунтов муки, причем все время он говорил: «То ж из одного выражъя».

Нужно сказать, что во время наших путешествий у многих являлась мысль искать каких-то других путей борьбы за существование. И вот, один мой приятель, очень крупный специалист в области теплотехники, Матюшенко решил, что единственное спасение в том только, что пойти священником и ушел. Теперь он в Борисовке⁵⁷³, уже настоятелем. Дело в том, что он семинаристом был. После харьковской семинарии⁵⁷⁴ он окончил киевский политехнический институт. Я видел, как у него просто менялись взгляды.

Как-то мы проходим по одному селу, сидим с ним на траве, голодные страшно. Идет в это время священник. Он говорит:

— Смотрите, человеку живется, наверно, не ходит... [так в тексте — сост.] Не пойти ли мне?

А я не знал даже, что он был семинаристом, не придавал его словам никакого значения. Когда мы входили в другое село, — он был несколько сильнее меня, поэтому всегда при походе впереди шел, — он идет впереди, я сзади, метрах в ста. Меня догоняет один крестьянин, говорит:

— Ну, что там у вас есть на менку?

Называю. Мы в этом отношении уже опытные. Надо всегда им сразу все называть. Правда, не всегда то, что он называет, он обязательно возьмет. Если вы имеете дело с женщиной, так обязательно покуришь, посидишь там час. Она посудачит. Не берет, вы связываете свой узел, и пошел дальше.

— Вот если бы вы нам попа привезли для обмена, — говорит этот крестьянин.

— Попа? А будут мне комиссионные?

— Як же, будут.

— Ну, вот и поп, — показываю на Матюшенко.

— Разве это поп? Как его зовут?

Я кричу:

— Отец Павел!

Он тоже кричит:

— Отец Павел!

Тот поворачивается.

В этот приезд состоялась сделка. Причем, нас кормили три дня. Прошло это дело. «Отец Павел» говорит:

— Знаешь что, Николай Николаевич, очень хорошо принимают, идемте в следующее село.

Пошли.

Между прочим, митрополит очень культурный, симпатичный человек и мог дать командировку по церковным делам, когда кое-кому грозило выехать в Германию, и это спасало.

Приходим в другое село. А нужно сказать, что у нас уже никаких средств не было. Когда вы приходите в село, вам нужно просуществовать и переночевать. Это через полгода после прихода немцев стало очень серьезным фактором, который, к великому сожалению, русскими людьми был как-то нехорошо использован. Вам не дадут поесть, если вы заранее с ними не договоритесь, что вы можете заплатить. Доходило до того, что приходишь в село:

— Можно у вас поесть?

— А шо у вас е?⁶⁸⁵

— У нас есть то, другое.

— А мыло е?

Мыло в Харькове стоит 100 рублей кусок.

— Дам поесть за мыло.

На ночевку один не пускает, другой не пускает:

— А шо у вас е?

Говоришь:

— Косынки, полотенца есть.

— Да на черта мне ваши косынки, полотенца. Махорка е?

Вы проедаетесь в пух и в прах. И вот, когда промелькнула такая мысль, отец Павел говорит:

— Идемте в следующее село. Уже сразу скажем, что мы священники.

И вот, мы приходим. Так как священников было очень мало, началась такая чехарда. Здесь очень важный фактор, что за церковные дела взялись всякие темные лица, которые на этом деле хотели лично нажиться. Это делается так. Создается небольшая группа, избирают церковный совет и председателя церковного совета. Он оказывается каким-нибудь мотом и начинает по селу собирать средства. Так как эти средства никем не контролируются, то они спускаются, распыляются по карманам. Для того, чтобы больше собрать, им нужен священник. Они рады кого угодно принять.

Приходим мы в село.

— Нужен вам священник?

— Нужен. А де вин?⁵⁷⁶

— Вот, отец Павел.

— А мы целый месяц шукаем-шукаем⁵⁷⁷... Так садитесь, пожалуйста. Гапка, ты нам зварила?⁵⁷⁸ Пойдемте, посмотрим церковь.

Там же он и поменяет. Пойдем в церковь, он несколько вопросов задаст, заодно скатерть сбудет для накрытия аналая. Причем, убеждает, что это церковная скатерть. Он после этого раза три ходил, потом здесь держал экзамен, оформился у митрополита, посвятился в священники. Говорит, у меня уже нечего. Взял семью и уехал на село.

Так в Харькове несколько человек из научных работников, один профессор геологии университета в Ахтырку ушел священником, несколько других научных работников. В одном селе мы встретили в качестве священника одно лицо, которое хорошо знали по оперному театру — это Васюта, хороший бас. Оказывается, он в прошлом был священником.

В одно село приходим, нам говорят:

— Ради бога, к нам, батюшка, а то у нас Васюта.

— А что же такое?

— Хиба же вы не знаете! Мы же не знали, что Васюта комедиянт, вин же в цирке выступал. Нам таких не нужно.⁵⁷⁹

Оказывается, Васюта имел неосторожность показать фото — оперный театр или цирк. Это сразу подорвало его авторитет. Причем, настолько подорвало, что в церковь никто не идет. Он понял, что дело скверное. Но как священник, с точки зрения службы, исключительный. У него красивый

голос, замечательная дикция, красивая внешность. Для них важно, чтобы священник поменьше разговаривал на всякие светские темы, иначе это не священник, а «што-то дуже умный человек»⁵⁸⁰. Для священника должен быть сугубо средний культурный уровень. Действительно ли преобладало чувство религиозности здесь? Я бы сказал, что это была больше мода.

Сохранение платины было заслугой и директора Раенко, и лаборанта Киселева. Они не были показаны в официальных материалах, которые представлялись немцам.

После второго прихода немцев экономический институт разбился и опять стал существовать инженерно-экономический институт, учебное заведение, но никакой учебы не было, а он просто был зарегистрирован. Никаких работ не поручалось институту, и только после двух месяцев уже предложено было являться как на службу и выдавали паек, зарплату. Последние два месяца предложено было несколько экономических тем, в основном, продолжение тех же тем, которые существовали когда-то. Руководства никакого не было, а если что-нибудь люди делали, спрашивали: а как там у вас было? Так-то. Ну, продолжайте.

Институтами в это время руководил молодой немецкий специалист по фамилии Мюллер. Он отрекомендовал себя горным инженером, не владел русским языком, страшный крикун, нахал и мало знающий человек.

Нужно сказать, что очень усиленно вербовались специалисты за границу, как этими референтами, так и специально приехавшим из Германии Андрусовым. Он химик, русский немец в чине подполковника. Так как он сам химик, то он, главным образом, и вербовал химиков в довольно большом количестве. Приезжал он сюда три или четыре раза. Главным образом, действовал путем уговора.

Из нашего института через Андрусова никто не уехал, а через биржу труда уехало несколько человек, лаборант Василец и по эвакуации уехало несколько человек, Широков экономист и Широков электротехник, немец Кольб.

Выехали сугубо добровольно очень немногие после занятия немцами, примерно, через 4–5 месяцев в первый приезд Андрусова и среди них группа горняков была, которая писала своим родственникам. Это были очень крупные специалисты — Шкуренко, Жуков, Горелышев и Михайлов с семьями. Так как они уехали сугубо добровольно, то для нас представляло большой интерес, как они там работали. Они присылали письма своим родственникам, причем, письма те получали только через руки, по почте ни одного письма не получали. Чаше всего их привозил Андрусов. Письма в некоторых случаях были довольно откровенные. Они оказались в гор. Галле и работали по специальности, разрабатывали проект обезвреживания бурогоугольного рудника. Это очень серьезный вопрос. Жить им разрешали на вольной квартире в городе и ходить пешком 5 км на место службы в сопровождении немцев. В тех письмах, которые они

писали даже через полгода, говорилось: «Вероятно, скоро мы увидим тот город, в котором живем». Очевидно, им обещали предоставить возможность походить по городу. О материальных условиях были целые вопли. Они жаловались, что приехали в то время, когда уже прошла огородная кампания, и им грозит ужасная зима. Это говорило о том, что питания было совершенно недостаточно. В частности, семья Шкуренко спасалась только тем, что жена и дочь поступили в столовую там.

Оборудование института, в основном, сохранялось в течение нескольких месяцев, пока о нем не узнал заместитель бургомистра, бывший профессор нашего института Казакевич, химик. Года за три до войны он перешел в другой институт. Благодаря ему часть лабораторий была изъята и передана в другие институты. Следы этого оборудования мы сейчас нашли. Сам он уехал с немцами. Библиотека, к сожалению, была вывезена в институт прикладной химии, здание которого было разрушено при бомбежке 9 марта 1942 года, и библиотека пропала.

13 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 70–72об. Оригинал, машинопись).

№ 30

Из стенограммы беседы, проведенной с профессором кафедры химической технологии харьковского инженерно-экономического института Павлом Ивановичем Введенским

Платина оставалась здесь, в институте, но о ней совершенно случайно проводили, и было сообщено о ней в так называемую научную управу завхозом. Чтобы сохранить ее от изъятия, мы вдвоем перепрыгали ее, Раенко и я, причем, прятали в самых различных местах, в подвале за шкафами. Часть этой платины сгорела во время разрушения нашего здания, а часть, основная, сохранилась. Она до сих пор находится у Раенко. Погибли, главным образом, мелкие тигли, а чашки в 45 грамм примерно, и еще четыре тигля уцелели. Здесь был лейтенант Кюн, который очень стремился проникнуть во все наши несгораемые шкафы и заставлял их открывать, затем возвращался ко мне в институт прикладной химии, заставлял там открывать все шкафы. Но, конечно, в шкафах мы уже не держали. Они требовали очень настойчиво, а мы говорили, что платина была вывезена.

Покушения, конечно, были и со стороны украинских властей. Они тоже знали об этой платине и требовали выдачи ее. Кюн был профессором Боннского университета.

От нас требовали работы, чтобы мы всеми силами и средствами обеспечивали проведение научно-исследовательской работы, а наша задача сводилась к тому, чтобы всеми силами и средствами ничего не сделать. Лично мне пришлось возглавлять объединенный институт химии — это институты прикладной химии и угольно-химический. Во главе был лейтенант Кюн, а я считался последнее время научным руководителем. Этот лейтенант Кюн предложил проработать план научно-исследовательских работ. Он сам работал, главным образом, в области малеиновой кислоты. Эту тематику он разработал нам для выполнения. Наша задача сводилась к тому, чтобы ничего по этой тематике не сделать. То у нас нет воды, то нет у нас топлива, нет энергии, нет света. Эту работу мы оттягивали.

Вторая наша задача сводилась к тому, чтобы основной костяк работников сохранить от вывода. И тут своих сотрудников, которые были связаны с Харьковом, нам удалось сберечь, никого из них не вывезли. Делалось это очень просто. Приходят ко мне:

— Как, Павел Иванович, вы уезжаете?

— Куда? — спрашиваю.

— Да вот, немцы заставляют ехать.

— Ну, так что же, — говорю, — мало ли нас к чему принуждают. Их дело принуждать, наше дело этого не делать.

Один говорит:

— Ну вот, сегодня ко мне придет машина.

— Пусть скажут, что вы ушли из дома, что вы уже направились на вокзал.

Я, например, имел квартиру, но никогда там не жил и меня никогда не заставляли. Предупреждали, что химики должны выехать во Львов, физики — в Краков, математики тоже в Краков и нажим в этом отношении был всегда очень большой. Прежде всего, просто предложение. Персонально вызывают каждого и говорят:

— Вы обязаны выехать в Германию, эшелон отправляется тогда-то.

К этому эшелону обыкновенно никто не успевал приготовиться. Тут вызовы другого порядка. Собрания устраивают:

— О вас германская армия очень заботится, так или иначе стремится сохранить вас для работы, уберечь от гибели, и поэтому предлагаем вам выезжать. В частности, институт химии. Его реактивы и оборудование вывезены во Львов. Так вот, такого-то числа вместе с этим эшелоном извольте выбираться.

Если они узнавали место жительства кого-нибудь, то туда приезжали и увозили и с семьей, и в одиночку. Особенно это практиковалось в последние дни перед отступлением. В частности, наш сотрудник Хропаль, химик-органик по институту химии, выехал. Несколько человек выехало из бывших работников Воронежского университета, которые были немцами эвакуированы сюда, профессор Лихошерстов уехал во Львов.

Со стороны Кюна особых грубостей не было. Покрикивать он изрядно покрикивал на сотрудников и кое-кому угрожал, вплоть до оружия, но вообще отношение было таково, что меня, например, два раза пытались подстрелить. Один раз это было во время второго наступления, когда горела моя квартира, и эсесовцы просто готовы были покончить со мною.

Из наших сотрудников многие были ограблены. Главным образом, часы забирали, какие-нибудь побрякушки, обувь и более или менее ценную одежду.

Моральное состояние. Конечно, чувство сплошного гнета. На тебя смотрят, как на скота какого-то, с тобой разговаривают не как с человеком. Это все было. Тот, кто понимал язык немецкий, иногда мог услышать и более крепкие фразы.

Мне пришлось выслушать капитана Полланда. Мы вздумали мечтать о том, что высшие школы свободны, когда немцы в первый день своего вступления объявили, что высшие школы должны начать занятия и организовать свое управление. Мы провели собрание, выбрали ректора и всю факультетскую администрацию. Конечно, из этого ничего не вышло. Полланд явился с профессором Казакевичем и нам была преподана порция. О чем вы думаете?

— Неужели вы могли подумать о том, что можно кого-то выбирать? Неужели вы могли допустить мысль, что ваши выборы кем-то будут признаны? Администрация назначена военным командованием, и она является ответственной за все перед немецким командованием.

Кончилось тем, что после этой нотации нас всех отстранили от высшей школы. Я, например, негласно получил предложение не посещать института, потому что мне делать нечего и другие — то же самое.

Затем, пользуясь голодовкой, немцы предложили устроить научных работников и профессорский персонал в более обеспеченных районах с вывозом в Полтаву, например. Что получали эти научные работники, как они там жили, я не знаю, потому что никто из них не возвратился. Тогда технологический институт страшно обезлюдел. Наиболее малодушные, кто не переносил голодовки и гнета, те соглашались выехать. Кто похрабрее, тот остался дожидаться здесь, что будет.

Каждый из нас вышел из этой оккупации с колоссальными потерями. У меня жена не вынесла, умерла, тем более, что у нас сын был в Красной Армии, никаких сведений о нем не было. Все это действовало очень угнетающе. Мы видели и слышали такие фразы, что интеллигенция — это самый страшный враг немцев и чувствовалось, что вывоз интеллигенции с Украины фактически равносителен уничтожению этой интеллигенции. Им нужна была скотина, но никак не люди.

Они не хотели выпускать из вида интеллигенцию, может быть, именно потому, что считали ее самым страшным врагом. Они с самого начала присылали сюда вербовщиков. Когда публика не выражала желания покинуть

свою родину, они стали организовывать эти институты, причем, им это дешево стоило. Кроме нескольких грамм хлеба и бесценных марок, они ничем не страдали, но зато все у них было на виду. В некоторых институтах они полным составом вывезли людей. По УФТИ сколько народу выехало. Мои сотрудники-харьковчане все остались, за исключением тех, кого они поймали.

У нас Кузнецов был консультантом. Я никак не могу понять, почему он уехал. С одной стороны, он говорил:

— Я хочу работать в спокойных условиях, во Львове работать будет спокойнее.

Я говорю:

— Но это не причина, чтобы уезжать.

Потом мне говорили, что он, главным образом, был озабочен судьбою дочери, которую обязательно должны были увезти в Германию, и из-за нее он поехал туда. Это украинский академик, специалист по пирогенетике. Я его старался отговорить:

— Куда нам ехать? Зачем? Что нас там может привлекать?

В Харькове я с 1926 года, а раньше работал на заводах. До профессуры был главным инженером Украинтреста и был последним руководителем этого треста в момент его ликвидации. Я еще до первой войны работал на производстве. Сначала работал на Урале и с 1915 года работал в Донбассе.

Потом из института прикладной химии немцы вывезли часть оборудования, часть оборудования просто расстреляли, так как не было средств для вывоза. Этот лейтенант Кюн и его помощник из своих револьверов расстреливали аппаратуру. Например, у нас было расстреляно 14 аналитических весов, 3 или 4 рефрактометра, пулериметры, микроскопы, гальванометры точные, а часть была побита просто палками. Рядовое оборудование они вывезли в период второй оккупации.

Главным образом, за чем они гнались? Главным образом — за приборами физических, химических измерений. Часть из них мы спрятали. Теперь они из-под спуда появляются. Часть оборудования погибла просто дико. В момент перехода население дурачки вело себя, не так, как нужно. Они лезли всюду, куда только можно было, били и грабили тоже все, что можно было. Такая публика в большинстве случаев смоталась из Харькова, особенно при второй эвакуации немцев, но они много вреда нанесли имуществу научных учреждений.

Часть оборудования погибла благодаря хозяйничанью немецких солдат. Они просто влезали в лаборатории, несмотря на то, что там сидишь, и — к шкафам сразу. Спрашиваешь:

— Что вам нужно?

Посмотрит, ни слова не говоря, — к первому шкафу. Если ему что-нибудь понравилось, сейчас же сметает стекла. Первое время все распоряжения Викадо выполнялись рядовыми солдатами, а после марта — нет. Никакие охранные грамоты не действовали. Он приходит, покажешь ему,

что институт в распоряжении Викадо, машет рукою, идет дальше. Например, библиотека. Очень ценные книги были у нас на английском, немецком, французском, итальянском языках и т. д. приходит солдат. Если ему нравится корешок кожаный книжки, вырывает корешок, берет с собою. Или просто у меня лично спросили:

- Есть у вас книги по фотографии?
- Только на русском языке.
- Нет, нам нужны на немецком.

Пошли, стали искать. Конечно, нашли. Технический словарь выбрали один. Поэтому, хотя часть библиотеки и часть оборудования немцы вывезли, но все это уже в разрозненном виде, сильно потрепанном и, конечно, уже не так скоро годится для использования. Главным образом, интересовала американская и английская литература, а на русском забирали только потому, что не хотели оставить ее здесь. По общественным наукам все было брошено, их не интересовало.

Конечно, прятали мы книжки. Библиотеку нашу особенно усиленно вывозили. У меня около 5 тыс. томов было, погибли во время пожара.

Уехала, так называемая квази-интеллигенция, т. е. те, которые при немцах занимались исключительно спекулятивными делами и наживали деньги. Спекуляция здесь невероятно процветала, только и жил тот, кто занимался ею. Из наших работников — Казакевич. Он был комиссионером по продаже наших вещей немцам на продукты питания. У него, конечно, накапливались ценности. Затем, представители всяких комиссионных магазинов. Были и управские магазины, и частные. По частным я знаю Бирюкова. За время немецкой оккупации он сделался буквально миллионером. Когда возвратились немцы, он меня приветствовал:

- Ну, что же, не удалось сделаться народным комиссаром?

Я говорю:

- А я и не собирался.

13 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 131–132об. Оригинал, машинопись).

№ 31

Из стенограммы беседы, проведенной в Украинском физико-техническом институте с И. П. Королевым и Г. А. Милютиным

Королев Иван Павлович. 1883 г. рождения, русский. Родился и вырос в Харькове. Образование низшее и самообразование. Беспартийный. Работал главным механиком и заведующим мастерскими криогенной лаборатории.

Эвакуацию возглавлял директор института Шпетный. Было его распоряжение изготовить ящики, паковать оборудование. Все ценное и основное вывезено. У нас был грамм радия. Он был вывезен за полмесяца до общей эвакуации. Наш институт выехал 20 октября. Готовились эвакуировать по возможности больше имущества. Предполагалось, что нам дадут 21 вагон. Приготовились к эвакуации и ждали. Потом вагонов совсем не дали, потом обещали дать 6 вагонов, в конце концов, 2 вагона дали. Поэтому провести эвакуацию полностью не удалось. В частности, я должен был вместе с семьей эвакуироваться в Алма-Ату.

Такие установки, как водорезная, компрессор и очистительная установка для получения жидкого гелия, взяли. У нас была еще вторая установка, та осталась. Из лаборатории по расщеплению атомного ядра взяли только мелкие установки. Ванграф⁵⁸¹ сохранился и сейчас живет. От него забрали только приводные ленты, широкие прорезиненные полосы, которые подносили заряд для заряжения шара. Эти ленты вывезли. Сам ванграф с трубкой, в которой должен проходить заряд, сохранился. Пульт управления тоже сохранился, только был попорчен нашими же сотрудниками, так что легко теперь восстановить.

В институте было 65 научных работников. Ректором был академик Лейпунский⁵⁸². Это человек солидный и знающий. Он фактически руководил научной работой и имел свою лабораторию. Радиоактивная лаборатория была в его ведении. С расщеплением ядра работали под руководством Синельникова⁵⁸³ и Вальтера⁵⁸⁴. Искусственной радиоактивностью занимался немец, профессор Ланге, который задолго до войны приехал к нам в Харьков и даже принял подданство. Он эвакуировался и, кажется, направлен в Свердловск⁵⁸⁵. Большинство уехало с нашими. Остались в Харькове Милютин, Ганенко, Лиляков, Браиловский, Вышинский.

Появились немцы у нас на территории. Конечно, мы все дрожали, ждали всяких эксцессов, ночевали перед этим в подвале главного корпуса в первую ночь, когда они вошли сюда. Все женщины и дети ночевали там. Только мужчины ночевали у себя в квартире. Немцы нашли этот подвал, выгнали народ по домам и ничего плохого не сделали.

В первых числах ноября появился у нас один бывший наш научный работник, когда-то приехавший из Германии, Хаутерманс⁵⁸⁶. Он работал у нас года два. У нас в то время был целый ряд научных работников немцев. Перед войной их стали убирать. Многие из них арестовали, в том числе и Хаутерманса. Мы с тех пор не знали, где он находится. В ноябре он появился на территории института. Оказывается, он прилетел из Берлина. Он коротенько рассказал свою историю, что его арестовали здесь, потом вывезли в Москву, в Москве освободили, разрешили выехать в Германию. Он работает в Германии в физико-техническом институте. Он заявил, что «времена тяжелые, науки у вас не будет никакой, вузы также работать не будут. Единственное учреждение, которое будет

работать — это УФТИ, которому в Германии уделяют большое внимание, поэтому есть, прежде всего будут те, кто будет здесь работать. Предложено собрать сотрудников и начать налаживать какую-нибудь работу. Мы собрались, кто был. Многие сами пришли, потому что жрать было нечего. После этого появился Полланд, гауптман его чин, из военно-воздушных сил. Он объявил себя хозяином всех учебных и научно-исследовательских институтов Харькова. Появился он у нас, посмотрел и поселился в технологическом институте, так что мы его мало и видели. Он нам не помогал, но и ничего не требовал.

Мы стали промышлять сами. Первая наша задача была достать автомашину. Ребята у нас были активные. Они достали части разбитой машины и собрали ее. Предложили Полланду оформить поездки. Он оформил машину как немецкую, выдал пропуск. Народ поехал на село, обменяли продукты. Тогда мы решили свою станцию электрическую какую-нибудь создать, для того, чтобы питать механические мастерские, которые частично остались, и электрический свет давать. Станцию нам удалось создать. Немцы за то, чтобы мы дали им свет, дали нам бензин. Мы пустили мастерскую. Немцы нам заказов не давали, посторонних заказов не было.

Так тянулось месяцев шесть. Зарплаты мы не получали, институт как таковой совершенно не работал. Мы числились, зарегистрировалось человек 60. Им даже были выданы пропуска, удостоверения о том, что они работают. Это давало право человеку свободно ходить по улицам.

В марте появился второй хозяин, обер-инженер Эверт, физико-химик по образованию. Прекрасно говорит по-русски, 27 лет. Его задача была организовать научную работу института. Он начал организовывать работу лаборатории. В первую очередь, он организовал лабораторию электромагнитных колебаний, в которой работал Лиляков. Немцев весьма интересовало это дело. Потом они организовали лабораторию Брайловского, по-моему, радиоактивности. Потом физико-химическую лабораторию и рентгеновскую во главе с профессором Культашевым, который был вывезен из Воронежа. Немцы оттуда к нам привезли профессора Культашева и Архангельского. Вторая лаборатория для анализа была организована во главе с харьковским химиком Петренко. Первая химическая лаборатория кое-что начала делать, причем, немцев очень интересовали решетки атомного порядка. Он получал эти решетки из латуни. Если эту латунь подогреть до температуры плавления цинка и откачивать насосом, то цинк испаряется, остается медь с частыми порами, получается тонкая решетка.

Попутно создавалась и рентгеновская лаборатория, она довольно долго создавалась и ничего не сделала. Аналитическая лаборатория не работала, только готовилась к работе и, наконец, была создана еще лаборатория для изучения вакуумных насосов системы нашего профессора Синельникова. Эта лаборатория была создана во главе с Милути-

ным и задача его была в первую очередь снять характеристику насосов. Он снимал характеристики месяцев 6, которые можно снять за шесть дней.

Затем была попытка создать производство конденсаторов, которые мы в довоенное время делали. Во главе были поставлены Иненко и Фурсов. Они сделали только один опытный образец, этим и ограничились.

Лаборатории восстанавливались за счет местного оборудования. Из Германии, конечно, ничего не привозили, но они наши лаборатории пополняли за счет других институтов, не харьковских и т. д. Ножницы для обрезки бумаги они взяли где-то в типографии. Нужно было создать рентгеновскую лабораторию. Часть аппаратуры они взяли из института прикладной химии, несколько станков привезли, много химикалий. Все это грабилось, конечно, в Харькове по другим институтам. Здесь было центральное место, где немцы и пытались сконцентрировать все наиболее ценные для научной работы вещи.

Из научных работников они привлекли Петренко, химика из университета, причем, принудительно, насколько я слышал. С ним велись переговоры, он не согласился, тогда его в порядке мобилизации привлекли. Был привлечен на работу какой-то рентгеник Дорогой Константин, тоже из университета. Была создана общематематическая группа, которая занималась какими-то вычислениями по заданиям Эберта во главе с профессором Сушкевичем. Там был Сардановский, Мирохьян, довольно сильная группа. Они сидели в специальной комнатке и занимались вычислениями по заданиям Эберта.

Параллельно существовали механические мастерские, задачей которых было обслуживать лаборатории и другие работы. Была небольшая стеклодувная мастерская, которую обслуживал Бородачев. Третья из подсобных мастерских — столярная, неплохая мастерская. Было подсобное хозяйство, возникшее уже по инициативе технических работников, появился автомобиль, своя станция, которая при Эберте прекратила существование. Он добился того, что наш институт постоянно снабжался электроэнергией. Была мельница для перемола зерна. Эта мельница перешла в ведение Эберта. Давали сотрудникам по 600 грамм муки. Он поступал на кухню и шел в кладовую [так в тексте — сост.].

В феврале 1943 года немцы начали упаковываться. Забрали инструменты наиболее ценные, которые, правда, при них были приобретены на их средства, часть библиотеки и забрали научных работников, Браиловского с женой, Шлякова, Вышинского, Дорогого, стеклодува Бородачева, кузнеца нашего и механика Карпенко. Лаборант Глоба сам попросился поехать. Это бывший военнопленный, был мобилизован, еще когда работал в УФТИ, в армии попал в плен, был немцами освобожден, пришел работать к нам, как лаборант и оставаться побоялся. Меня не приглашали. Сначала они относились ко мне, как к старожилу, неплохо. Я даже

был администратором одно время. Потом с этой должности сняли, и я заведовал мастерскими, работал механиком.

Перед отъездом они попытались уничтожить наше здание. Примерно за неделю или дней за десять до вступления советских войск был привезен снаряд килограмм 200, авиационный. Это было в воскресенье. Институт уже формально не работал. Там раздавались остатки муки и крупы, которая была в кладовой. Сам Эберт уже смылся. Были его помощники, три немца. В это время привезли этот снаряд, занесли в главный корпус, в подвал, и народ шарахнулся. Немцы сначала предложили всем удалиться. Народ кинулся. Мельницу пришлось остановить. Мы получили зерном, его размалывали. Мельница была небольшая, килограмм сто в час давала.

После того, как была заложена мина, мы все оттуда выбежали и ждали с минуты на минуту взрыва. Взрыва не последовало. Грабители уже ходили стаями, как волки. Забрались в учреждение, где стояли немцы, и начинался грабеж. Начался грабеж главного корпуса. Потом была попытка грабежа в высоковольтном корпусе. Здесь они немного пограбили. Взрыва не последовало первый, второй и третий день. Ждали, что вот-вот взлетит на воздух корпус. Рано утром через неделю, часов в пять утра послышался взрыв. Стены сохранились. Я выглянул в окно из жилого корпуса, казалось, что все в порядке. Но, когда подошел, увидел, что все окна, рамы вынесло, лестничную клетку

Когда нам раздавали паек, помощник Эберта предложил кому-нибудь из наших сотрудников бить окна. Народ отказался. Тогда он заявил, что ему поручено сжечь это здание, но он не хочет этого делать, нужно только выбить окна, чтобы военная часть не заняла его, и пошел сам бить окна. Затем эта бомба. Часов в шесть утра они снимались. Это было 6 февраля в воскресенье. Из института они ушли раньше, в городе еще немцы были. Когда грабило население институт, немцы были в Харькове и даже заходили на территорию института и не обращали на это внимания, считали, что так и нужно.

Что касается высоковольтного корпуса, Эберт перед тем, как уехать, заявил, чтобы все живущие отсюда выбрались. Ждали и не дождались взрыва. Когда пришли наши советские войска, были вызваны саперы, и мы увидели, что у подножья ванграфа лежит еще бомба. В ней не было взрывателя. Она взрывалась шнуром. Мы не видели, когда взрывали это здание, но кто-то говорил, что утром приехали немцы, зашли в главный корпус, потом вышли, уехали и после этого здание взорвалось, а сюда они не заходили.

Немцы вывезли часть оборудования, часть библиотеки, мелкие инструменты, более или менее ценные.

Нам повезло. Отношение немцев было неплохое. Во-первых, на нас не нажимали. Мы работали с прохладцей, т.е. почти не работали. Мы

объясняли это тем, что немцы окопались здесь, им надо было создать видимость работы института, они жили хорошо, ели и пили, видимость работы была. Полланд время от времени ездил в Германию с докладами о том, что делается здесь, даже получил повышение какое-то. Он был обер-лейтенант, а потом гауптман.

Тов. Милютин. Вот обедают люди. Кто-нибудь сказал: сегодня обед плохой. Эберт ничего никому не говорит, но на три дня лишал нас обеда. В бухгалтерии сидит он, в это время заходят два слесаря. Они спрашивают:

— Господин Эберт, из чего исходили в оплате зарплаты? Почему меня обидели?

Он встал со стула, сказал:

— П-ш-ш, вон! Кто вам разрешил разговаривать со мною?

Он по-русски прилично разговаривал.

Я получил нахлобучку за то, что пришел в кабинет и не снял фуражку. Когда брали на окопы, попал и я, несмотря на болезнь. Там бегают с палкой немец, рыжий, молодой. Я стоял четвертым. В этот момент становился пятый. Он меня по руке палкой. Тот стал, а меня ударил. Я вынужден брать своих людей и бежать куда-то метров за полтора. Когда повели ночевать, завели в разваленную землянку. Загнали туда до завязки, что называется, закрыли и часового поставили. Потом люди по своей инициативе пошли и как-то пожаловались офицеру:

— Вы же взяли с завода такого-то людей, из таких-то институтов, куда же вы их загнали?

— Как, что? — этих часовых снял, выгнал из землянки и погнали в полуку километров 28 от Харькова. Залезли в полуку и ночевали.

Тов. Королев. Зарплата от 10 рублей в день до 40 для технических работников. Научные работники получали месячный оклад, кажется, от тысячи до полутора тысяч. Технические работники получали только за фактическое время. Если он болеет, с него удерживается; если праздник какой-нибудь, с них тоже удерживается, а научные работники получали оклад.

Как только немцы смылись, наша задача была восстановить работу. Эту задачу поставили перед собой, прежде всего, технические работники, потому что научных работников осталось всего два человека, Ганенко и Милютин, и почти никакого лабораторного оборудования. Мы направили все свои старания в сторону мастерских, достали станки, кое-что подремонтировали. Пустили наше содовое производство и начали налаживать мельницу. Она была разорена грабителями. Это продолжалось всего три недели. Потом опять пришли немцы. Вначале мы ожидали больших эксцессов у нас на территории. Когда они ворвались под вечер, бросились по квартирам искать мужчин, красноармейцев. Жена рассказывает, что они полезли под кровати, в уборную, ванную, всюду. После того, как

я вернулся, этой первой волны не было. Зашел какой-то офицер, спросил, кто я, ему ответили, и он ушел. Так что у нас на территории института никакой беды не было больше.

Только на второй день утром я пошел в подвал, в котором мы ночевали кое-что забрать. В это время вошла группа немецких солдат, заметили меня, подозвали. Когда я стал подходить к ним, они держали ружья на взводе. Я спрашиваю, в чем дело. Они не отвечают, очевидно, не понимают. Указали на какой-то ящик железный, чтобы я взял его и шел с ними. Я взял ящик и пошел впереди, они сзади. Решил, что мое дело табак. Потом понял, что они взяли меня, как заложника. Подошли к парадному, заглянули туда, потом прошли по двору, заглянули в теплицу. И я с ними. Потом свернули к Журавлевке. Тут какой-то офицер что-то крикнул солдатам и они меня отпустили. Я бросил этот ящик и направился домой.

Когда немцы пришли, то появился и Эберт, но не надолго. Приехал, посмотрел результаты своей работы и уехал. Остался здесь обер-ефрейтор Янсен его наместником. Ему было дано задание разбирать установки и вывозить понемногу оборудование. Приступили к разбору маленького ванграфа, на котором работал Браиловский, вывезенный в Мюнхен. Эберт вывез людей в Мюнхен и открыл там институт, который тоже называл УФТИ.

Во второй приход они занимались исключительно тем, что тащили отсюда. Лаборатории никакой работы не вели. Разобрали и вывезли маленький ванграф, усиленно укладывали и вывозили библиотеку. В общей сложности 38 ящиков было вывезено как инструментов, так и научной литературы. Дошло до того, что стали снимать раковины водопроводные, краны, сифоны. Сняли в механической мастерской четыре станка, столярный станок сняли, вывезли все масло трансформаторное, даже выкачали его из трансформаторов. Людей в этот раз никого не вывезли. Выехала одна и то добровольно, некая Пузина. Она работала в первый приход немцев кассиршей и бухгалтером. Она, по-видимому, служила Эберту довольно верно.

Дело дошло, в конце концов, до того, что большой ванграф, который сохранялся до сих пор, также предполагали вывезти. Было предложено нашим научным работникам его демонтировать. Когда один из научных работников, Милютин, отказался это сделать, Эберт его уволил. После этого он позвал других сотрудников и заявил, что нужно демонтировать ванграф и если они не будут ему подчиняться, уволит и их. Сотрудники согласились демонтировать, но решили оттягивать по возможности и ... вошли советские войска.

Тов. Милютин: Соколов, каменщик, полез в ванграф и сидит там. Я говорю ему:

— Чего же ты сидишь, стучи молотком по гайкам.

Тов. Королев. Эберт смылся в Днепропетровск, Янсен, который руководил отправкой всего этого, уехал из Харькова последним на нашей машине с институтским шофером. Забрал он с собой одного нашего сотрудника радиста Бабулина. В первую эвакуацию тот отказался ехать и даже скрылся, чтобы не попасть на поезд, а второй раз уехал. Янсен перед отъездом довольно сильно пил. Спирта у него было много и во время пьянки выяснилось, что он собирается сжечь наш институт. Он сказал, что приготовил бензин. Там девушка была, которая помогала убирать. Она начала его уговаривать, чтобы он не делал этого. В этот вечер им удалось уговорить, он ничего не сделал, сел на машину и уехал.

На следующее утро Милютин, Ганенко и я довольно рано встали, чтобы предупредить грабеж. Как правило, только немцы выбирались, сейчас же появляется население. Мы полпятаго встали, подняли еще людей, пришли охранять корпус. Милютин позвал нас осмотреть кладовую, в которой было полбочки бензина. Там, действительно, был бензин и бочка с маслом. Мы этот бензин выкатили, масло тоже. В это время появляется машина и Янсен.

— Что вы тут делаете?

Говорим, что принимаем меры к тому, чтобы не было грабежа. Нужно учесть соду, раздать ее людям.

— Никому ничего не раздавать, все закрыть. В высоковольтном корпусе был кто-нибудь?

Милютин говорит:

— Да, были, убрали бензин.

— Поставить бензин на место.

Бензин вернули на место, ключ ему отдали. Он повертелся день, поехал в электротехнический институт. В тот вечер запылал электротехнический институт, а у нас благополучно обошлось. Как раз в это время подошла батарея немецкая, которая заняла пушками место за высоковольтным корпусом и в нем поселилась охрана человек 20, так что при них жечь просто нельзя было. Им пришлось уехать, ничего не сделав.

Появился он, правда, еще раз спустя день, кажется. Ему кто-то сказал, что красных отбили за 40 км. Мы ему сказали, что его плохо информировали, красные от нас в 4 км. Он сейчас же сел в машину и уехал. Эта охрана тоже довольно внезапно смылась, да и эти люди, по-видимому, были настроены иначе.

Вокруг института боев не было. С нашей, советской стороны, на территорию снаряды падали. Здесь стояла батарея и минометы где-то, и они все время строчили туда по направлению к лесопарку и оттуда время от времени прилетали снаряды. У нас во дворе несколько снарядов упало, но ничего, никаких ранений, повреждений они не причинили.

Я думаю, что научные работники, как Милюков, Браиловский уехали добровольно. Как уехал Вышинский, я не знаю, но такие люди как стекло-

дув уехали в принудительном порядке. Слесарей тоже забрали в принудительном порядке, а остальные более или менее добровольно. Милютин с самого начала заявил, что он не поедет — и не поехал. К нему особых мер нажима не принимали. С Ганенко та же история.

Жили, конечно, мы неважно, питались неважно. Но нужно отметить, что во второй приход немцы стали лучше относиться к нам. Отношение было не такое грубое, как раньше. У нас на территории были и эсесовцы, но даже и те по сравнению с тем, что по городу творилось, вели себя прилично. Они стреляли, пьянствовали, мебель выбрасывали из окон, развлекались, но население не пострадало.

Тов. Милютин Георгий Анатолиевич. 1914 г. рождения, русский. Окончил Харьковский механико-машиностроительный институт, физико-химический факультет в 1936 году. Все время работал здесь в УФТИ, являюсь воспитанником УФТИ. Последнее время был аспирантом, но диссертацию не защитил при лаборатории низких температур, руководитель Лазарев Б. Г. Последний год, 1940, я работал уже на ХЭМЗе. Там я должен был организовать так называемую физико-техническую лабораторию по примеру лабораторий крупнейших промышленных фирм других стран, потому что наша заводская лаборатория не была на высоте положения, а именно, не было физиков на заводах. Там я этим занимался, но не было физиков на заводах.

В военное время, когда завод получил заказ военный, мне поручили организовать поверхностную закалку деталей для танков. Но это трудно было сделать, потому что не было ничего. Мне удалось приспособить установку, и она заработала. Когда началась эвакуация завода, меня вызвала дирекция и заявила, что мы будем работать до последних дней на заводе, а семьи нужно вывезти. Старики, отец и мать уехали 30 сентября, а я остался работать.

Мой последний день был 20 числа. 20 числа я нагрузил пульмановский вагон в Сталинград и сам должен был ехать туда. 20-го я пришел в дирекцию и говорю, что я свободен, что мне делать. Мне говорят: поезда не будет, машин нет, лошадей тоже нет, придется ночью идти пешком. Нас собралось три человека таких, как я. Мы жили в разных концах города, и пока мы собирались, 23-го уже стреляли на Холодной горе. Мы не думали, что Харьков будет внезапно сдан. 24-го часов в 10 я вышел из своего дома, решил зайти к Ганенко, который был болен и должен был остаться, отдать ему ключ от квартиры и некоторые ценные вещи. Подхожу к его дому, бегут навстречу детишки и говорят, что идут немцы. Смотрю, вдоль тротуара под стенкой крадутся два автоматчика. Я юркнул в ворота и пошел к нему в дом. Таким образом, я остался здесь.

Здесь довольно быстро наше положение определилось. 3-го или 4-го прилетел этот физик и взял нас на работу. До весны 1943 года я ничем здесь не занимался, числился в штате. Сидел около печки и думал о том,

где что покушать. Люди были все злые, кушать было нечего. Рабочие работали, что-то получали и мы что-то получали. Но рабочие были недовольны, что мы ничего не делаем и все-таки что-то получаем. Начался раскол среди людей.

Потом я пошел на село менять. Ходил три раза. К последнему приходу приехал капитан Эберт⁵⁸⁷. Эберт заявляет, что нужно организовать исследовательскую работу. Довольно быстро организовалась лаборатория ядерная, электромагнитная, колебаний. Я пока болтался. Моему другу Хорохорину поручили заниматься высоковакуумными масляными насосами конструкции профессора Синельникова. Этот насос Германию интересовал потому, что у них таких работ не было, у них не было масел, на которых эти насосы работают. Эти насосы имеют и исследовательское значение, и промышленное применение. Обычно насосы высоковакуумные работают на ртути, следовательно, они вредны для здоровья — во-первых, во-вторых — производительность их недостаточно велика для того, чтобы удовлетворить промышленные требования. Эти же масляные насосы работают на масле, которое абсолютно не вредно для здоровья, обладают очень большой производительностью.

Мой приятель написал небольшой рефератик и сдал, потом начал проявлять некоторую деятельность, но медленно. Кончилась эта история тем, что его уволили. Приятель ушел в первый приход наших. Тогда они поручили эту задачу мне. Я стал заниматься этим делом, подобрал себе комнату, начал ставить там насос. В то время появился наш лаборант Глоба, который попал в плен. Я его взял к себе и мы начали заниматься этой темой. Это хороший работник. В конце концов, он уехал с немцами потому, что боялся здесь оставаться, как немецкий пленный, работавший у них.

Прежде всего, я Эберту сказал, что я с насосами никогда не работал, прежде всего, должен ознакомиться с элементами, во-вторых, с существующими образцами этой конструкции Синельникова, исследовать свойства и качества насоса, а в дальнейшем приступить к установлению их. Эберт этот план принял полностью. И собрал эту комнату, организовал ее, собрал насос и стал заниматься определением, параметром их. Эта работа происходила до отхода немцев, и ничего не было сделано, потому что Эберт ничего не понимал в этом деле, а я говорил, что трудно снять параметр. Эта работа, вообще говоря, могла быть проведена в течение двух-трех недель, если по-настоящему работать, а она затянулась до отхода немцев. Мне это было легко сделать, потому что я ездил на село менять продовольствие для столовых. Я уезжал, давал лаборанту задание. Он приемники делал на сторону, так что эта работа фактически не велась. Так от этой работы ничего не получилось. При отправке в Германию они забрали с собой этот насос. Кроме того, было взято два экспериментальных насоса в мастерских.

Когда Эберт убедился, что у меня ничего не получается, он бросил мне на помощь Ганенко и мы продолжали эту работу в таком же духе. Когда они уехали, из этой работы ничего не получилось, даже характеристики существующих насосов не было сделано в течение более чем полугода. К лаборатории он прикрепил Лелюкова, который считался нашим научным работником. Устраивали всякие семинары, но они ничего не давали.

Я остался здесь случайно, старики мои куда-то уехали, я все время ждал прихода наших, с тем, чтобы моментально отсюда уйти. Квартира у меня здесь осталась. Я ее забросил, стал жить здесь. Кое-что немцы забрали, соседи часть сберегли. Для меня было ясно, что, если наши придут на полчаса, то меня здесь не будет, так что из этих соображений я не хотел ничего делать для них, тем более, что их отношение к людям не заслужило хорошего слова.

В течение этого времени у меня случались некоторые изменения. У нас работала сотрудница. Я с ней познакомился, и мы понравились друг другу. Приходят наши. Мы продолжали здесь работать. Приезжают мои приятели и выясняется, что мы должны отступить. У меня встает большой вопрос: что же мне делать? Отступить я должен, но, с другой стороны, у меня остается здесь любимый человек с ребенком, как его бросить? Я ходил по своим друзьям. Они были на машинах, сказали, что на машину взять не могут. Тут я вполне сознательно принял решение остаться. Будь что будет. Я остался, и было очень неприятно, потому что мы тогда еще не жили вместе. Она жила в другом месте и, в конце концов, оттуда сбежала, потому что эсесовцы к ней приставали, вплоть до того, что ночью являлись к ней с револьвером.

Приехали опять немцы. Тут уже было сказано, что никакой научной работы не будет. Второй раз приехали солдаты те же, которые здесь были, сказали, что они будут заниматься, главным образом, эвакуацией оборудования, пустить всякие подсобные производства для того, чтобы кормить людей. До прихода этих солдат мне нужно было как-то зацепиться здесь, чтобы не попасть в Германию. С этой целью я стал оформлять это учреждение УФТИ, тем более, что сразу же солдаты стали лазить. Нужно было получить охранную грамоту на институт, на квартиры, на людей. Этим ведала комендатура. Я ходил вместе с нашими сотрудницами, предъявлял справки, что мы работали при немцах, и требовал охранной грамоты для имущества УФТИ. Нам их выдали, даже один раз дали охрану.

Затем приехал представитель Викадо. Все институты попали в его ведение. Викадо выделил специального человека, который приходил сюда и я по сути выполнял его указания, т. е. брал людей на работу. Он думал здесь устроить электростанцию, дал нам локомобиль. Мы притащили его сюда, начали ковыряться. Люди и имущество остались здесь. Хотели отсюда забрать электрическую машину, приборы. Это тоже удалось не дать.

Попутно с этим велась работа по приведению имущества и здания в порядок, и самое ценное люди складывали подальше. Затем приехали солдаты. Они наткнулись сразу на меня и Ганенко и страшно удивились, почему мы здесь. У меня были довольно интересные отношения с ними. Один из них, Янсен, в свое время меня предупредил, что Эберт — член националистической партии Германии, но не явный, а тайный. Затем здесь был немец Теске. Он заявил, что Теске глаза и уши Эберта. Сам Янсен говорил, что им эта война совершенно не нужна, что нужно пережить и все. Он вел разговоры с рабочими, что работать нужно помалу, что красные скоро придут. Это человек, которому кроме своей шкуры ничего не нужно.

Приехали эти солдаты, удивились, что мы здесь, и начали разворачивать работу института. Опять-таки первый день я ничего не делал. Нужно было нагружать оборудование в Германию. Я участия в этой работе не принимал, хотя мне дали список для подбора материала. Янсен меня спрашивал, что и как.

— Придет Эберт, будет плохо, ты ничего не делаешь.

Я говорю, что я здесь хожу, верчусь. Я имел право с ним так говорить, потому что знал все его спекулянтские махинации. Тем не менее, когда приехал Эберт, он меня вызвал, сразу же начал спрашивать, почему остался, что здесь происходило, какие зверства делали красные и т. д. Я ему обрисовал обстановку, объекты выполнения. Он мои убеждения знал, я даже думаю, что он прекрасно понимал, почему я так себя веду. Скажем, если здесь был такой немец, как, например, в электротехническом институте, то вряд ли удалось бы себя вести так, как мы вели себя при Эберте. Все-таки он относился к народу мягко.

Я с ним беседовал минут 15–20. После этого он меня выпустил и сказал, что вызовет тогда, когда я ему понадобится. Потом я узнаю, что меня посылают на окопы. Поехал на окопы. Там пробыл неделю. За это время Эберт уехал. При прощании он мне сказал, что план научной работы и все, что нужно будет делать, оставит здесь и я их получу, когда приеду. Я приехал с окопов, неделю там был, никаких планов не получил. Продолжаю это же самое, ничего не делаю дальше. Затем Янсен, комиссар института стал ко мне придираться:

— Ты ничего не делаешь, организуй какую-нибудь лабораторию.

Я стал спрашивать, какую лабораторию.

— Что-нибудь надо делать.

Пока я думал над этим вопросом, узнаю, что посылают людей на окопы опять на месяц, причем мне нужно ехать опять туда. Тогда я пришел к Янсону:

— Никуда не пойду, — прямо сказал, что я сделаю себе болезнь.

Он говорит:

— Имей в виду, тебя будет проверять эсесовский врач.

Один врач мне дал справку, что у меня язва двенадцатиперстной кишки, и я просидел дома. За это время Янсен собрался меня уволить.

Когда я вроде выздоровел, пришел в институт. Янсен меня довольно криво принял и заявил, что должен приехать Эберт, что нужно что-то делать и займись ремонтом масляных насосов. Я собрал большинство насосов, которые были в этом корпусе, перетащил в комнату, разобрал четыре насоса, и так они по сию пору лежат разобранными. На это ушло дней 15–20. Затем приезжает Эберт. На второй день его приезда я узнаю, что назначен в бригаду по демонтажу большого ванграфа. В бригаде был Ганенко, я и рабочий Соколов. Мы решили, что ванграф будем разбирать возможно медленнее.

Эберта эти дни я не видел. Я сидел у себя в комнате и никуда не появлялся. Когда был назначен день разборки ванграфа, стали разбирать его с разрядной трубки. Эта трубка представляет собой секцию 10–12 метров и она оболчена. Нужно было развинтить болты на каждой секции. В течение двух дней работы нашей бригады сняли по пять болтов с одной стороны. На второй день к концу подходит Эберт. Я его первый раз вижу в этот приезд. Мы с ним здороваемся, как живете и т. д. Он спрашивает:

— Почему так разбираете?

Я ему говорю, что так удобнее. Мы решили разболтнить одну сторону, потом подняться наверх, опять перекачивать лестницу и спускаться вниз. Он понял, что этот процесс работы явно медленный, чем тот, который он предложил. Начинает приказывать делать так. Мы говорим, что это связано с поломками, авариями и проч. В заключение разговора я сказал, что наградили вы меня работой очень неприятной. Он спрашивает: почему? Говорю, что люди десять лет собирали эту машину, дрались, волновались, а мне теперь приходится ее разрушать. Он передернулся и заявил, что я думаю, что вы ее не разрушаете, а разбираете с тем, чтобы ее в другом месте можно было собрать. Говорю, что для меня эта работа является разрушением. Он сказал — работайте, и ушел. Как потом выяснилось, он пошел к Федотову, нашему сотруднику одному и сказал, что Милютин отказался от работы на ванграфе. «Он уволен, а вы пойдете замещать его». Я об этом не знал. На следующий день прихожу в институт к радиомонтеру, чтобы послушать сводку. В это время заходит Эберт. Мы услышали шаги, выключили радио. Он приглашает меня к себе побеседовать. Спрашивает, что я сделал за время их второго пребывания. Я говорю, что выполнял всякие периодические задания, потом болел месяц, затем начал организовывать ремонт насосов. «Потом вы взяли меня».

— Сколько вы насосов сделали?

Говорю — не одного, разобрано четыре.

— Я для вас придумал неприятную вещь.

— А именно?

— Я вынужден вас освободить от работы в институте.

Я ждал этого давно, до первого ухода, потому что он со мною беседовал несколько раз, что нужно лучше работать. Я был более или менее спокоен, хотя это вообще неприятно. Быть уволенным из института — это значит попасть на биржу. С биржи люди домой не возвращались, их направляли в Германию. Тем не менее, я это известие принял спокойно, спросил, когда я могу считать себя свободным.

— Когда вы пожелаете.

Говорю, что я хотел бы 20 числа, чтобы у меня было время для того, чтобы устроиться на работу.

— Хорошо, — говорит, — до 15-го я даю вам отпуск, а 15-го вы должны сдать свои документы.

Я в институт больше не приходил. Потом, когда уже ясно было, что немцы должны отступить, он уехал. Они забрали шофера нашего насильно с собой, чтобы он вел машину. Шофер в день отъезда предупредил, что Янсен оставил бензин и масло здесь, очевидно, с целью поджога, и если ему это удастся, то на следующий день посмотреть, что можно сделать с этим бензином. На следующий день, когда мы увидели, что их нет, стали забивать входы и выходы, чтобы не допустить грабежа.

Первое, что мы сделали, утащили этот бензин и масло. Их было недостаточно для того, чтобы уничтожить здание или даже его повредить. Когда мы разделились с этим корпусом, привели его в порядок, пошли в другое здание. Примерно в середине дня является Янсен.

— Что вы здесь делаете? — Трезвый, не пьяный, все как следует.

Я ему говорю, что собираемся имеющуюся соду пищевую разделить среди людей. Я хотел сохранить эту соду для госпиталя, но народ заявил, что ее нужно поделить. Там по килограмму соды было на человека, это, примерно, 500–600 рублей. Я ему говорю, что мы здесь делаем всякие предупредительные вещи, чтобы не было грабежа, а сейчас хотим разделить соду.

Я бы не сказал, чтобы он проявил какой-то интерес к этому делу, приказал соду не делить и ушел в электротехнический институт. Был он с теми девушками, с которыми работал. Одна работала уборщицей. Она все время его уговаривала не жечь институт.

Мы стали думать, что же делать с бензином. Для нас тогда было ясно, что он вернулся поджечь институт. Если он не увидит бензин, сразу догадается, что его кто-то спрятал. Надо этот бензин или поставить на место, или сказать, что спрятали от грабежа. В конце концов, решили поставить его на место, а часть вылить за окно, как будто кто-то пролил. С этой целью я и Ганенко направились к этому корпусу. Увидели, что Янсен стоит около входа. Спрашивает, где ключ. Говорю — ключ у меня.

— Давай сюда.

Я даю ему ключ, говорю:

- В кладовой стоял бензин, его там нет.
- Где он?
- Я его спрятал.
- Почему? Немедленно поставить на место, — и проч.

Они пошли в высоковольтный зал, а мы с Ганенко этот бензин поставили на место и ушли. Стали смотреть, что они будут делать. Увидели, что они ушли, ничего не сделали. Они старались, возились около электрощита.

На следующий день появилась фронтовая артиллерийская часть, которая поселилась в жилой части корпуса. Мы решили, что Янсен уехал. Мужчины появляться боялись, фронт в 5–7 километрах. Пошел разговор, что мужчин будут брать, расстреливать.

Когда мы выяснили, что артиллеристы никого не трогают, только ходят по огородам и копают картошку, стали делать такую вещь. Срезали ботву и рядом копали ямку, чтобы показать, что картошка выкопана. К ним ходит женщина какая-то, что-то готовит, выносит из корпуса всякие предметы, ведра, инструменты. Я принял решение поговорить с этими немцами, чтобы они не давали расхищать. Это было сделано. Наши люди гонялись за гражданскими, которые тянули мебель из жилых корпусов. Здесь какой-то офицер сидел. Я сказал ему, что работаю в этом институте, мне поручено охранять его имущество.

В это время вдруг явился Янсен на машине вместе с шофером, одним сотрудником и девушкой. Оказывается, они доехали до Кривого Рога⁵⁸⁸, там им сказали, что в Харькове все спокойно. Он вернулся. Но когда узнал, что не все спокойно, уехал сейчас же обратно.

Я пришел к солдатам. Сидел какой-то наблюдатель на балконе 3 этажа, по-видимому, офицер или унтер-офицер. Я попросил разрешения с ним побеседовать. Он довольно вежливо спросил, в чем дело. Я сказал, что представитель института сказал, что скоро вернется, и мы отвечаем головой за сохранность имущества. Он слегка улыбнулся, спросил, вернется ли он? Я говорю — да, у нас много зданий, от нас потребуют и просил их помочь не пускать никого в этот корпус, тем более, что он минирован. Он сказал, что все сделает. Больше того, он сказал, что прикажет своим часовым наблюдать за этими зданиями. Они, действительно, ничего не давали последние два дня таскать из этого корпуса. Что касается остальных корпусов, то часовые закрыли глаза на то, что делалось там.

В день штурма вечером мы видели, что немцы укладываются, пакуются, потом уехали. Для нас стало ясно, что это конец, что теперь для нас наступает самое страшное, прохождение линии фронта через нашу территорию. Эта ночь прошла, на утро уже были наши здесь.

Когда уезжали первый раз, Эберт до последнего момента не предлагал мне эвакуироваться с ними. Он беседовал со старшим научным составом. Ходили слухи, что приказывали им ехать, но, по-видимому, они поехали

добровольно — это Лиляков, Браиловский, Вышинский. Уже в последний день он спросил меня:

— Вы едете с нами?

— Куда?

— В Мюнхен.

— Нет, не еду, потому что обстоятельства складываются так, что я не могу оставить Харьков. Я не вижу никакой опасности Харькову, чтобы уезжать отсюда. Мне будет капут, когда придут наши, но я не думаю, чтобы Харькову угрожала опасность вторжения красных войск.

Он пожал плечами:

— Как хотите.

Второй раз здесь была агитация довольно большая. Ведь мы имели письма из Германии. Когда приехал Эберт первый раз, то он привез письма от тех людей, которые поехали в Германию. Привозили письма солдаты семьям уехавших в Германию. Они были не запечатаны, мы их прочитали. Затем мы читали письма, которые привез Эберт. Письма написаны почерком этих людей и подписана фамилия, все в порядке. Письма очень хорошие, что тут работаем, получаем паспорта иностранных рабочих, пользуемся свободным передвижением по южной Германии, кушаем прекрасно, скучаем по родине. Но в первый же раз Лиляков письма не прислал, Янсен сказал — задержано. Второй раз письма нет. Четыре письма Лилякова были задержаны. Наконец, пришло от него письмо ни то ни се, но была фраза, которая гласила буквально так, что единственным преимуществом нашего положения перед вашим является то, что мы не думаем о том, что будем кушать завтра. Дальше обращение к семье: не уезжайте никуда, держитесь за Харьков.

Письмо от Браиловского к сестре. Пишет, что все хорошо, но, конечно, скучает и приложит все усилия к тому, чтобы вырваться в Харьков, что «ты никуда не уезжай, держись с мамой, береги вещи». Из рассказов солдат следует, что они пользуются свободой передвижения, но без солдат не могут никуда идти. Например, у нас был один артиллерист Лянде. Он рассказывал, как сильно переживал, когда одной девушке разрешил покататься в озере. Она уехала на тот берег и целый час отсутствовала. Он не знал, что ему делать.

Мы имеем письмо от человека явно антисоветского, у которого осталась здесь жена. Он писал: «Никуда не уезжай, держись за дом». Это — Дорогой некто.

В это же время, когда мы читали письма, а солдаты рассказывали, как там хорошо, началась агитация. Приехал специальный немец, миссия которого была увезти отсюда людей, но добровольно. Эберт подчеркивал, что он везет людей только добровольно. Вообще он был не глупый человек. Когда он первый раз уезжал, сказал интересную фразу:

— Прощайте, счастливо оставаться, передайте красным, что среди немцев есть хорошие люди.

В основном институт сохранился потому, что здесь были такие немцы, как Эберт, иначе от этого здания ничего бы не осталось. Ванграф — единственный в Европе. Они положили туда бомбу. Этой бомбы было бы достаточно, чтобы завалить эту машину. Этот корпус не был взорван, хотя указание у них было тайное.

Они вывезли библиотеку. Это ценная вещь, но в городе сохранилась другая библиотека. Рядом с нами сохранилась прекрасная библиотека. Они, в дождь, снег, кругом стрельба, 50 тыс. томов переносили.

Вывезли маленький ванграф. Это машина для ядерных исследований, она стоит, может быть, миллион, но из себя ничего не представляет. Основная установка, большой ванграф, остался цел, т. е. в таком состоянии, в каком оставили наши, когда эвакуировались. Он выстроен у нас, это достижение института. Для него был выстроен этот корпус. Рядом с ним стояла установка.

Вывозили материалы в небольшом количестве, приборы хорошие. Основная ценная аппаратура была вывезена в 1941 г. Вывозили они раковины, плафоны, провода, вообще всякое барахло. Во второй приход станки вывезены. Немцами вывезена, во-первых, лаборатория электромагнитных колебаний Лилякова, его личная лаборатория. Вывезен ванграф вместе с сотрудником, который должен был работать на нем, Браиловский и все.

13 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2. оп. 31, д. 17, л. 37–43. Оригинал, машинопись).

№ 32

Из стенограммы беседы с заведующим плановым сектором Горторготдела⁵⁸⁹ Георгием Петровичем Захариным

1901 г. рождения, русский, образование высшее, учился в Харькове. В Харькове живу с момента рождения. Перед войной был заведующим плано-производственным сектором фабрики-кухни ХЭМЗ. Во время оккупации был заведующим продуктовым магазином, старшим продавцом.

Развитие торговли при немцах шло по трем путям: 1) государственная торговля, 2) кооперативная торговля и [3]) частная торговля. Характер этой деятельности определялся в зависимости от внесенных капиталовложений. В Харькове было организовано 10 магазинов, которые находились

в ведении отдела харчування⁵⁹⁰ при Викадо, из них 6 магазинов, выдававших нормированные продукты питания, и 4 — по выдаче соли и махорки.

Все трудоспособное население гор. Харькова должно было пройти биржу труда⁵⁹¹. В зависимости от определения трудоспособности, население привлекалось к выполнению разных работ.

Было два основных вида карточек. Первый — для работающих и второй — для их иждивенцев. Кроме того, существовали отдельные карточки для семей, уехавших в Германию. Продукты выдавались на неделю в таких размерах: для работающих 2 кг 500 грамм так называемого «хлеба». Состав его: просяная мука с добавлением зерен могары и от 10 до 15% для скрепления ячменной муки. Выдавалось 75 грамм жиров на неделю, крупы 250 грамм, соли 300 грамм, последнее время выдавали килограмм. Выдавали макухи 250 грамм, семечек 200 грамм, муки 200 грамм, сахару 75 грамм в неделю. Для всех работающих выдавалось одинаково.

Первое время в течение года ничего не получали, с октября 1941 г. и до октября 1942 г. Началась выдача только спустя 11 месяцев, в сентябре 1942 г. Эти нормы выполнялись строго.

Норма для иждивенцев: 2 кг хлеба на неделю, 50 грамм жиров, 50 грамм сахара, 200 грамм крупы, 300 грамм соли. Выдавали по пачке махорки, как для иждивенцев, так и для работающих. Выдачи производились по карточкам. В каждом районе был магазин по выдаче нормированных продуктов и остальные по выдаче соли и махорки. К магазину было прикреплено 10–15 тыс. человек. Ваш день был в понедельник, вторник — во вторник и т. д. В каждом магазине работало по 5–6 продавцов.

Кооперативная торговля. По инициативе отдельных граждан создавались группы, которые производили запись по районам в так называемые кооперативы и производились сборы членских и вступительных взносов. Из этих взносов создавался оборотный капитал для кооперативов. Деятельность их протекала, главным образом, по линии продажи продуктов питания. Взносы были от 75 до 125 рублей. Было 26 кооперативов. Охватывали они тысяч 30. Кооперативы создавались при учреждениях и по инициативе граждан. Деятельность этих кооперативов: продажа продуктов питания и наличие подсобных мастерских и производств как то: швейных, пошивки обуви, заводы безалкогольных напитков, мыловаренное производство, производство конфет и хлебопечение. Отпуск продуктов в кооперативных магазинах производился двумя путями: вольная продажа и отпуск пайков для членов кооператива. Основные источники приобретения товаров в этих магазинах. 1. Обмен на селе продтоваров на сельскохозяйственные товары. Само зарождение их и работа носила чисто спекулятивный характер. Проверки деятельности кооператива фактически не было, производство, закупка и обмен на селе были бесконтрольны так же, как и выручка кооператива. Правление и бухгалтерия львиную долю продавали на базаре, придерживая себе, конечно, разницу

между заготовительными ценами и промышленными товарами, посланными на село и рыночными ценами этих продуктов.

Были крупные кооперативы «Ивановский працевник»⁵⁹², «Маяк», «Кооперативный шлях»⁵⁹³ и др. Через соответствующие организации Викадо, путем дачи взяток представителям немецкого командования получали наряды, например, на соль в Славянск⁵⁹⁴. За 10 тыс. рублей можно было получить наряд на вагон.

С немцами о нарядах не приходилось говорить лицам, работающим в кооперативах. Вся работа проходила через переводчика, который получал деньги и выдавал наряды. Машины приобретались в немецких воинских частях за деньги. Приблизительно стоимость машины на Славянск — 50 тыс. рублей с предоставлением шофера, документов и горючего. Одна трехтонная машина при затратах максимум 60 тыс. давала 300 тыс. чистой прибыли. Стоимость соли была со 100 рублей и выше за килограмм. Производился, главным образом, обмен. Соль не продавалась, а была товаром для обмена на селе.

Кооперативы имели комиссионные магазины, например, кооператив работников городской управы. Комиссионные магазины занимались покупкой за наличный расчет бриллиантов, золота и прочих драгоценных вещей, обуви, антикварных вещей, мехов. При городской управе было два магазина, частные магазины были, комиссионный магазин при торговом отделе городской управы. Комиссионные магазины, имевшие еще сеть торговых точек.

Заведующий комиссионным магазином на ул. Карла Либкнехта⁵⁹⁵ № 5 Михайлов получал по договору 60 тыс. рублей в месяц. Этот Михайлов, проработав три месяца в кооперативе, открыл свое собственное дело и был одним из самых крупных богачей в Харькове. Таким же образом наживались и все работавшие в магазинах. Сбыт торговцами вещей шел немецким офицерам и рядовым армии, имевшим близкое соприкосновение с продуктами питания, кладовщики разные, каптенармусы и т. д.

Частная торговля имела два вида деятельности в соответствии с вложенным капиталом. Первые кооперации частных капиталистов имели характер товариществ и артелей. Существовали договоры, которые регистрировались городской управой и утверждались. Единоличные капиталисты имели свои магазины. Частная торговля шла по линии существования комиссионных магазинов, целого ряда кафе, имевших музыку, и доступ в эти кафе имели только представители немецкой армии. Частная торговля имела столовые и сеть киосков и магазинов, как на базарах, так и в городе. Приблизительно было магазинов 250, киосков около тысячи, а может быть, и больше.

Частный капитал развертывал свою работу на чисто спекулятивных началах. Торговцы закупали у населения вещи по очень низким ценам. Причем, население вынуждено было продавать вещи, т. к. голодало. Богатство

росло не по дням, а по часам. Люди, проработавшие 2–3 месяца, имели миллионы. Крупный торговец Пауленко, владелец комиссионного магазина по ул. Карла Либкнехта № 6, Михайлов, владелец комиссионного магазина на ул. Карла Либкнехта № 5, крупное товарищество, в котором работал членом правления Махорин. Нестеров работал у Науменко, получал 30 тыс. На ул. Карла Либкнехта было товарищество. Несколько лиц складываются, вносят по 15–20 тыс., регистрируются в городской управе и торгуют.

Науменко был арестован немцами, потом расстрелян. У него 8 миллионов было денег, помимо ценностей. Затем заведующий магазином комиссионным частным Щербаков носил 250 тыс. на пальцах — перстень с бриллиантами.

Вся спекуляция шла от сельскохозяйственных комендантов районных, которые являлись царем и богом и ни перед кем не отчитывались, контроля абсолютно никакого. Весь сельскохозяйственный район был в его распоряжении. Если вы являетесь комендантом, например, Дергачевского района, вы там полный хозяин. Были сельскохозяйственные артели у них, государственные имения, все находилось в его распоряжении. Он был полновластным и единственным хозяином в своем районе. По Дергачевскому району сельскохозяйственный комендант Фюле совершал операции такого характера, отстававший скот, который гнали из других областей для снабжения немецкой армии, прятал. Этот скот оставался в Дергачевском районе. Доходило его количество до 200 голов и выше. Сельскохозяйственный комендант устраивал себе бойню, забивал скот, на своих машинах доставлял в Харьков и сдавал его крупным мясоторговцам. Скот этот был даровой, а цены на мясо были до 300 рублей килограмм. Миллионы наживались в неделю. При наличии советских денег немецкие офицеры закупали ценности, бриллианты, золотые десятки и антикварно-художественные вещи, отрезы на костюмы и меха. Все это вывозилось в Германию.

Как пример наживы можно привести следующее. Глобинский сахарный завод⁵⁹⁶ имел большой запас патоки, которая по твердым ценам стоила копейку за килограмм. В Харькове она реализовывалась по сто и выше рублей за килограмм. Транспорт был заводской, немецкий. Деньги от реализации патоки шли в карман зондерфюрера, который закупал себе стильную мебель. Он приезжает сюда, ему нужна только, скажем, кожаная мебель.

— Сколько стоит?

— 250 тысяч.

— Давай.

250 тысяч стоил кожаный кабинет, спальня, столовая. Здесь покупает бриллианты, золотые десятки. Был такой уполномоченный по снабжению сахарного Глобинского завода Бабиченко, получивший на снабже-

ние свыше миллиона рублей для оборудования завода и его ремонта. Эти деньги получались за счет реализации патоки и путем перечисления на его личный счет с завода. Закупки производились незаконным путем через директоров завода. К директору приходит уполномоченный, говорит: «Продайте мне». Переучет проводился 1/5 того, что было, и они загоняли это дело. Они выписывали счета. Выпишут на тонну, а отпускают 10 тонн. Отпускают они по рыночной цене и деньги клали себе в карман.

Последнее время немцы завезли для раздачи рабочим предметы широкого потребления, месяца за полтора до отступления. Лампы были, головные уборы, кое-какие материалы завезли. Но это все разграблено населением.

Все кафе были прилично обставлены с обязательным участием музыки — пианино, или духовым оркестром. Там отдыхали немецкие офицеры. Имея колоссальные деньги, они там пропивали и проедали их. Ассортимент товаров в кафе: пирожные, пирожки, продажа алкогольных напитков, коньяк, ликеры, портвейн. Немцы это продавали им, и сами же пили потом. Наши покупали по 500–600 рублей, а продавали за 1200 руб. литр.

На ул. Свердлова было два кафе хороших, торты, шоколад, пирожное, кексы.

Для русского населения были столовые частного характера. При городской управе была столовая. Обед с выпивкой стоил рублей 300.

Науменко, крупный капиталист в Харькове, имел связь с офицерами гестапо, был арестован гестапо за связь со шведским офицером, доставившим его партию часов в две или три тысячи штук. Средняя стоимость часов была 2–2½ тыс. рублей. На этой операции он заработал не менее 4 миллионов. Он был арестован и Щербаков из товарищества «Полет», помещавшегося на Николаевской площади⁵⁹⁷. Науменко, по слухам, был расстрелян вместе с женой и сыном. Об этом может рассказать Нестеров, начальник торгового отдела в промторге, Конторская ул.⁵⁹⁸, 5.

15 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 81–82об. Оригинал, машинопись).

№ 33

Из стенограммы беседы с профессором Евгенией Григорьевной Щербиной

1883 г. рождения. Окончила Петербургский мединститут в 1910 году. Русская. В Харькове живу с 1911 г. Приехала сюда к своему мужу. С 1924 г. я была зав. кафедрой, а с 1930 г. уже профессор. С 1916 г. была аспирантом 1-го мединститута, во 2-м мединституте⁵⁹⁹ имела кафедру

с 1932 по 1939 г. Работала в 21-й клинической советской больнице. Сюда приехала с маленького ординатора и дошла до директора больницы [так в тексте — сост.]. Утверждена в 1940 году квалификационной комиссией без защиты диссертации за научную работу профессором.

Немцам совершенно не нужны были больницы. Они, прежде всего, стали грабить, разбили 11 микроскопов ученических, все увезли, забрали кровати. У меня было чудное оборудование. Потом стали бить и ломать. Портреты вождей, заслуженных деятелей, все это было разбито. В аптеках искали спирт и шоколад. Я по-немецки хорошо говорю, спрашиваю:

— Что вы тут гуляете по моему учреждению?

Отвечали:

— Спирт и шоколад.

— И в доброе время, — говорю, — у нас шоколада не было, а спирт отравлен.

Первые, которые вступили, были настоящими грабителями. Когда они шли по улицам, они заходили в дома и требовали, чтобы показывали руки и шею. На руках искали часы, в ушах серьги. У каждого фрица можно было видеть на руках двое-трое часов.

Со мною они ничего не сделали особенного. Поместили одного командира ко мне. Я говорю, что здесь жить нельзя. Он начал кричать:

— Чтобы до прихода моего начальника все было готово, постлано белье белое.

Приходит начальник. Я говорю:

— Вот вы посылаете, чтобы так на меня кричать.

— А что же вы думаете, мы завоевали... — и т. д.

Он поселился, расположился в моем кабинете, а мы в кухне. Он выходит, говорит:

— Почему же вы в кухне живете?

Я говорю, что мы живем в кухне потому, что бомба разбила крышу. Он говорит:

— Нет, вы просто не хотите пустить немцев.

Вечером приходит в кухню, разложил портреты Гитлера, разговорился. Два дня он пожил, потом на наше счастье пошел дождь, залил нашего офицера. Он приходит, расшаркивается, говорит:

— Мне у вас скучно, я поселюсь там, где молодые барышни.

Мы хохотали над ним. Он промок за ночь и ушел от нас. Тут он рассказывал, как они обожают Гитлера, и я все это должна была выслушивать.

Последний раз привезли мне из Константинограда⁶⁰⁰ от родственников посылку два немца. Так они Гитлера уже не хвалили, а, например, один из них сказал мне: «У Гитлера в голове солома».

Так я не пустила к себе немцев. Приходил ко мне квартирмейстер, обещал починить крышу, обещал хлеба дать, но я сказала, что не хочу. Так немцев у меня и не было. Правда, они написали мне на дверях: «2 фельд-

фебеля» и кто ни посмотрит, проходит мимо. Хотел поселиться один генерал. Прибежали ко мне, показывают на домашнюю работницу, спрашивают:

— А кто это?

Я говорю:

— Это моя камер-фрау.

— Как, у вас камер-фрау?

— Да, я профессор.

Но он у меня не остался, т. к. было холодно.

Первый год мы чуть не околели, питались картофельной шелухой. Я не служила нигде, практикой занималась, бабкувала. Потом я пошла немного на аборт из жалости к изнасилованным женщинам. Приходила ко мне мать, которая видела, как три немца насильовали ее дочь. Как говорят, я бил врага на оккупированной им территории. Двое держали за ноги, третий насильовал, и мать видела. Я говорю матери:

— Неужели вы не плюнули им в лицо?

— Нет, — говорит, — я после этого согрела им чай.

Мать боялась, что дочь заражена, но не знала, что от этого можно быть беременной. Она забеременела, но мы ее спасли. На нашей улице изнасиловал старуху 60 лет 19-летний эсесовец.

Жутко было при уничтожении на Сабуровой даче больных⁶⁰¹. Там лежали и нервнобоьные. В нашем доме жила некто Гусева. У них что-то есть от немцев. Племянница была почти немка. Ее фамилия Близнер. Она очень тяжело переживала бомбежку. Мы первое время тоже переживали тяжело, но последнее время руки скрестили, и я говорила: только бы сразу бомбу бросили, чтобы не остаться калеккой. Эта самая женщина, племянница, не выносила бомбежки и приходила в нервный аффект. Они ее сдали на Сабурову дачу в нервное отделение. Когда фрицы обжились немножко, они решили: зачем кормить больных и всех их постреляли. Мне рассказывал врач невропатолог, который умолял, что это совершенно здоровая женщина, что она немка даже, ее все равно расстреляли. Ее родственники чуть с ума не сошли.

Рассказывала мне одна бывшая моя сотрудница, которая потом служила сестрой на Сабуровой даче, когда сказали: «Все 800 больных отправляйтесь на Полтаву, где лучше кормят». Родственники просили раздать их по домам. Слово «Полтава» уже было понятно. Отсюда везут в Полтаву, из Полтавы сюда, чтобы лучше кормить.

Среди больных профессор Соболев поехал. У него был так называемый циркулярный психоз. Жена его поместила на Сабурову дачу, чтобы спрятать его, потому что он был еврей, она русская. Всех перестреляли и его в том числе. Это было в декабре 1941 г. Евреев уничтожали в декабре. Я была больна и не видела этого шествия, когда они тысячами шли по улице. Только потом я вышла и увидела: «Приказ жидам города Харькова.

Если хотя один жид останется в Харькове, они будут расстреляны». Одна женщина мне рассказывала как в селе она пряталась.

Очевидцем расстрела на Сабуровой даче был врач Насонов. Один врач рассказывал, какой был ужас, когда вывозили больных из больницы. Я. В. Сковородневу, жену профессора Соболя, долго не хотели принимать, как «жидовскую жену». Мне об этом рассказывал фотограф Сабуровой дачи, фамилия ее Чернуха. Она живет на Военной улице, Павленковский переулок. До сих пор у нее на лице написан ужас, когда она вспоминает о Сабуровой даче.

Среди евреев был доктор Гуревич, знаменитый фармаколог, знаменитый хирург Бер⁶⁰², молодой. Он, говорят, там отравился мышьяком. Доктор Валовников с женой, оба врачи, тоже отравились там мышьяком.

У меня моя домработница несколько раз отбирала веревочку и мышьяк у меня был на всякий случай.

Тяжело было видеть людей советских, которым нравились немцы, тяжело было видеть этих панянок⁶⁰³, тяжело было в управе, тяжело было на улице, когда идешь, а у человека морда звериная. Тяжело было видеть полицаяв. наших пленных вели. Мы купили хлеба, чтобы им дать. Женщина одна бежит за ними. Даже немец потупился, сделал вид, как будто не видит, но наш полицай толкнул пленного ногой в живот. Даже женщины не выдержала, кричит:

— Ах ты, негодяй, ты же своего толкаешь.

У нас есть мальчишка, Сергей, 4–5 лет. Приходит и рассказывает:

— Я видел, как вешали трех людей на обувной фабрике. Поставили, — говорит, — скамеечку маленькую... — наших, русских повесили.

Висели на балконах люди, везде. Около водопровода, где моя домработница брала воду, один человек лежал с ведром, и было написано, что он не дал немцу ведра, и немцы его расстреляли. На базаре висела одна женщина и у нее на груди доска с надписью: «Ждет красных». Домработница приходила с базара, там все слушала, возвращается и говорит: «Сказали, что Щербина сидит дома и ждет красных».

Второй раз, когда они пришли, это были окончательные звери, отборные эсесовцы. Перед тем, как они уходили, они заходили в каждую хату на окраинах и убивали. До центра они не добрались, т. к. жили на окраинах. Когда уходили, в эти маленькие дома бросали гранаты и штыками кололи. Потом пришли к нашим знакомым Криволапам, старуха и старик. Он служил казначеем в милиции, уже старый, инвалид. Они сидели за столом на Старо-Московской⁶⁰⁴. Сидел с ними сын, набивал папиросы. Эсесовцы зашли, посмотрели, говорят сыну:

— Ком-ком...

Сыну 43, кажется, года. Позвали его в коридор и тут же на глазах у родителей — бац и не стало сына. потом пошли в следующий дом. Там жил тоже наш знакомый рабочий. На месте его убили. В следующий дом. Там

жинку застали. Она держала детей на руках. Они ее — бац, тоже застрелили в живот. Что они разрушали дома, что не оценивали никакой культуры — это было тяжело, но еще тяжелее было видеть озверелых людей.

Самая махровая газета издавалась в Берлине на русском языке. Другая газета была «Набат», власовская.

Во вторую оккупацию я уже не регистрировалась, вообще меня не было на свете. Занимались мы мелкой торговлей. Я кое-что шила, вышивала, моя родственница носила на базар торговать. Перед тем, как немецкие деньги перестали ходить, спекулянт продавал обувь мою. У меня маленькая нога и трудно было их продать. Вдруг, приносят мне деньги. Иду на базар, не принимают, будто бы уже чувствуют носом.

Практику я, конечно, имела. Не было, чтобы меня люди видели. Когда стала появляться на улицах, у меня стала появляться практика. У меня была большая практика.

Больничных учреждений осталось очень мало. Им не нужны были больничные учреждения гражданские. Очень много больниц они заняли под своих раненых. Откровенно говоря, я с больными имела очень мало дела.

Наши мединституты были переведены, один во Фрунзе, другой в Ташкент. Почти все профессора были эвакуированы. Из второго института остался профессор Ломакин. Всего 7 профессоров осталось в гор. Харькове. Ломакин очень порядочный человек.

Среди уехавших есть люди, которые случайно уехали. Были разговоры, что нас всех огорожат колючей проволокой, нас не будут прописывать, а на паспорте будет напечатано: «Враг народа». Все боялись. Некоторые удрали совершенно напрасно...

Скрыпник, районный бургомистр, был расстрелян за то, что был слишком либерален по отношению к населению.

Но были примеры либерального отношения со стороны немцев к евреям. В Константинограде долгое время оставались евреи. Ко мне приехали мои приятели, привезли кое-что покушать. Я спрашиваю про одну свою ученицу, жену врача, говорю:

— Неужели ее постигла общая участь?

Они говорят:

— Нет, у нас все евреи живы, даже у нашего гауптмана шофер еврей.

Потом этот гауптман был смещен, пришел настоящий владелец немецкой земли. Этот гауптман сейчас же всех уничтожил, в том числе и этого врача Гринберг, прекрасного хирурга.

Во второй приход немцы старались привлечь к себе пленных, старались лучше их кормить, а как относились к профессорам, я не знаю, потому что в это время меня не существовало.

Были на меня доносы. В отделе здравоохранения был очень приличный человек Радченко, и когда поступали доносы, он им ходу не давал.

Когда пришли красные зимой, он остался заведующим горздрава. Когда опять вернулись эти бандиты, так один мне чуть по морде не дал. Его сняли, чуть не уничтожили, потом его немцы взяли, он сбежал, вернулся. Первым был Добровольский Евгений Евстафьевич, заведующий городским отделом здравоохранения, профессор, директор физико-терапевтического института, который выплодился при советской власти как вша на теле. Первое время он считал, что я должна дать ответ. Немцы разворовали все имущество. Кому-то я должна дать отчет, должна получить охранную грамоту, в управе сидят все же русские люди, советские. Прихожу.

— Пожалуйста, пани Щербина.

— Я же не пани, — говорю, — я же врач. Мне нужна охранная грамота.

— Я прошу вас открыть больницу.

— У меня же стекла нет.

— Открывайте больницу, соберите весь штат, посмотрите хорошо, чтобы не было жидов и коммунистов и постарайтесь так сделать, чтобы население сразу почувствовало, что при этой власти лучше, чем при советской.

Мне дурно сделалось уже от этого вступления, думаю: все равно больницу не открою. Взяла охранную грамоту. Прихожу домой, прибегает мой ассистент:

— Спасите же больницу! Вы ничего не делаете.

Я прибежала туда, воткнула шест, фонарь мне сделали, повесила охранную грамоту. Они сорвали ее.

— Это, — говорят, — для вас, а не для нас.

Начали микроскопы бить, грабить. Один раз прихожу, ходит какой-то заслуженный офицер. Я говорю:

— Что такое?

Он говорит, что он врач и ему микроскоп нужен. Говорит: «Я видел здесь инструменты», а я их спрятала.

— Зачем вам акушерские щипцы?

Если бы я их видела, спрятала бы.

— Вы не имеете права, это все наше.

Они объявили смертную казнь, если кто-нибудь что-нибудь возьмет. Самые дорогие микроскопы стоят на месте, сохранились. Была у меня посуда хорошая. Они ее побили. Ножи и ложки из нержавеющей стали я приказала закопать, а теперь их откопала. Книги целые я спрятала. В библиотеке они книги забрали и там, где портреты все загадили.

Во второй приход иногда заходили ко мне. Квартир они уже не искали, искали дезертиров. Дезертиров в это время было очень много. Уже можно было слышать, что в голове у Гитлера — штрау⁶⁰⁵. Один раз пришли ко мне из фельджандармерии с управдомом, что-то посмотрели-посмотрели,

на меня строго посмотрели. Я говорю, что мой муж умер. Он обращается к управдому, кричит на него:

— Что же вы мне говорите, что здесь живет профессор?

Управдом отвечает:

— Она и есть профессор.

Он с удивлением посмотрел на меня, спрашивает, что я могу ему отдать. Я говорю:

— Вы же нас завоевали, берите что хотите.

Обстановку мою не взяли, взяли два стула и даже дали расписку.

Среди них были и милые люди. Я видела одного студента, который принес аппарат кислорода для моей приятельницы, которая умирала. Я спросила у него, сколько ему заплатить. Он отказался от денег. Говорит:

— Я два раза ранен и сейчас инвалид, — заплакал даже. Ему был 21 год.

Но, в общем — звери. Итальянцы были у них здесь в очень большом загоне. Они не имели права гулять. В одном итальянском госпитале была одна моя землячка сестрой. Один итальянский врач гинеколог, доцент, говорит:

— Что же, я живу среди немцев, ни я их не понимаю, ни они меня. С кем же мне познакомиться, понимающим в гинекологии.

Привели его ко мне. Я тогда жила в кухне. После этого он говорит:

— Какая гордая мадам, она приняла меня в кухне.

Он хотел показать, что много читал. Кроме Павлова он ни одного русского профессора не знал, но литературу, говорит, знаю. Это был человек очень униженный. Потом он поехал в Воронеж, там, очевидно, и погиб.

Говорят, русские добровольно шли. Это неверно, их просто тянули. Я своего сына откупила за 20 тыс. Сначала сказали — 15 тыс. Я купила один золотой, сказали — мало, это спасет только от Германии, но не спасет от биржи, от окопов. Тогда я еще прибавила десятку. Деньги давала не сама, через посредников и кому не знаю. Когда начались облавы, мне сказали. Я не знаю, как добежала. Прихожу, он стоит на балконе. Говорю:

— Скорей, скорей!

Это уже перед самым уходом немцев, дня за три. Куда спрятать? Чердаки они уже знают, уборные уже знают. Однажды он сидел на крыше уборной. Погреба они уже знают. У нас в кухне стенной шкаф. Мы его туда спрятали, другим шкафом задвинули, закрыли подушками, ковриками, а я стояла на улице. Утром выходить на улицу нельзя было. Ездили такие собачьи будки и забирали всех молодых. На базар тоже нельзя идти. Вдруг поднималась паника на базаре, идут, забирают на окопы. Оттуда иногда люди не возвращались. Там выбирали наиболее подходящих и за-

бирали в Германию. Молоденьких, красивых забирали в публичные дома. Некоторые писали письма, что они уже там работают в публичных домах.

Количество венерических заболеваний очень увеличилось. Открылись больницы венерических заболеваний. Если женщина заражена ими же и она заразит кого-нибудь, так они ее расстреливали. Они из больницы посылали больных в Куряж⁶⁰⁶ и там расстреливали. Причем, немец мог любой женщине объявить, что она его заразила. У меня была воспитанница девушка, у нее подруга, молоденькая, чистенькая. Какой-то немец требовал, чтобы она обязательно с ним жила. Она не хотела. Так он ее обвинил, что она его венерической болезнью заразила. Ночью приехали из гестапо. Отец у нее на фронте. Забрали ее в венерическую больницу. Она говорит: «Живу я там, боюсь, не пью, не ем, умоляю, чтобы меня осмотрели». Так за большие деньги, которые дали привратнику, чтобы он доложил врачу, врач осмотрел и отпустил ее.

6 августа был замечательный день. Я как раз была у приятельницы, которая умирала. Вдруг приходит ее дочь. Она служила переводчицей у немцев, говорит:

— Сегодня будут уже эвакуироваться. Нам приказано эвакуироваться.

Выходим мы на улицу. Что делать? Немцев не видно, как они уезжали, и обозы, и машины. Я вздохнула первый раз и первую ночь я заснула. За первое их пришествие я ни одной ночи не спала, хотя принимала веронал. И такие машины, и грузовые. Это было какое-то паническое бегство.

Эта девочка напрасно ушла с ними. В ее отсутствие умерла мать. Я ей говорила:

— Лена, не бойся. Я в Харькове что-то значу, за тебя горой буду стоять.

Так сама мать, умирающая, говорила:

— На базаре говорят, что всех переводчиков будут вешать, уезжай.

22-го мы хоронили ее мать. Внесли в церковь, так стекла сыпались, а могильщики не хотели рыть могилу, говорили: «Нам жизнь дороже». Нам пришлось своих приводить.

Добровольский был вылитый Иудушка Головлев. Он вскоре ушел. Его место занял Радченко, а потом Мищенко, который говорил, что пришли немцы, которые покажут свою культуру.

Однажды всех нас вызвали и он прочитал нам лекцию, как быть в том случае, если в больницу попадет жид. Это было еще до уничтожения евреев. Меня не так поразила его лекция, как вопросы с места. Я сразу убежала оттуда.

17 октября 1943 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 17, л. 16–18об. Оригинал, машинопись).

№ 34

Из сочинения ученицы 6 класса школы № 126
г. Харькова И. Качкалды на тему: «Что я пережила
во время немецкой оккупации»*

Когда немцы вступили в наш город, жизнь сразу замерла. Пустынные улицы, обгоревшие здания, поломанные киоски — вот лицо нашего города, прежде такого красивого.

Скоро, после прихода, немцы начали устанавливать свой «новый порядок». Они ловили и вешали, где только можно, ни в чем неповинных людей. Вешали торжественно под звуки марша. Немцы специально сгоняли людей на эти «церемонии». Жутко было смотреть на эти трупы с привязанными надписями: «повешен за взрыв моста или штаба».

В ужасном положении были пленные. Худые, оборванные, в тряпках, с землистыми лицами они скорее были похожи на тени чем на людей. Ослабевшие, голодные пленные должны были починять дороги, мосты, носить кирпичи на постройки. Если кто из них падал от изнеможения, немцы били его прикладами. Пленные умирали сотнями. Каждый день они должны были сами вывозить трупы своих товарищей.

Немало пережило и население. Немцы тысячами вывозили людей на каторгу в Германию. Оттуда возвращались только калеки. Они рассказывали, в каких жутких условиях работают там люди. Их совсем не кормят и многие гибнут от голода. В Харькове тоже голодали. Люди возили на село последние тряпки, меняя их на кукурузу, бураки, картошку. Многие ходили пухлые, умирали от голода. Сколько людей замерзло в зимнее время! На все это немцы смотрели равнодушно. Многие фотографировали женщин запряженных в тачки и с ношей на плечах и с надписью: «Украинский спорт» посылали домой. Мы ненавидели немцев и с нетерпением ждали, когда Красная Армия освободит нас.

Я очень боялась немцев. Один раз со мной был такой случай. Матери не было дома, мне нездоровилось. Жандармы делали проверку квартир. Я побоялась одна впустить их**. Немцы не стали долго церемониться и выломали наши коридорные двери, которые были непрочны. Слышу тяжелые шаги по коридору. Все во мне похолодело. Немцы подошли к нашей двери: «Откройте!» Я решила не открывать, подумают, что никого нет дома и уйдут. Не тут-то было. Немцы пошарили по коридору и нашли

* Рукопись в школьной тетради с правками учителя. Правки касаются орфографии и в примечаниях не оговариваются.

** Далее зачеркнуто «в квартиру».

лом. Они заложили лом в дверь, нажали... Сердце у меня замерло. Что если дверь не выдержит? Двери заскрипели... «Что делать?» «Открыть?» Уже было поздно. Я подошла к окну, кулаком выбила стекло и выскочила на улицу. Мне навстречу выбежали немцы. «Партизан?» — кричали они размахивая наганями. Я стояла молчала. Болела порезанная рука, текла кровь. Немцы приказали открыть дверь и начали заглядывать во все углы, в шкаф, в диван, сундук. [...]*

(Государственный архив Харьковской области, ф. Р-3746, оп. 1, д. 134, л. 237–238. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 35

Сочинение ученицы 6 класса школы № 126 г. Харькова Людмилы Водотыки на тему: «Что я пережила во время немецкой оккупации»**

В 1941 году 24 октября немцы оккупировали наш родной город. Трудно рассказать все муки, пережитые за эти два года. Немцы, только что взяв город, начали вешать, убивать людей. По всей улице Свердлова висели повешенные. Страшно было выйти за ворота. Немцы хватали людей по улицам, в домах и увозили в Германию в рабство. В Германии немцы заставляли наших людей работать, не кормя их. Несчастные пухли от голода и умирали. Бойцы Красной Армии, попавшие в плен, должны были работать голодные и почти раздетые. По дороге на работу многие из пленных умирали. Вот жуткая картина: пленные везут на санях своих товарищей хоронить и сами тут же на дороге умирают. Да не только пленные страдали от голода, а также и все население Харькова. Кусочек хлеба считался за большее лакомством, чем когда-то пирожное. Люди ходили за 300 км чтобы достать хотя бы мерзлых бураков⁶⁰⁷.

Кроме того, что население страдало от голода, немцы еще добавляли своими издевательствами. Насиловали девушек, стреляли их. Бедное еврейское население города Харькова, что оно переживало? Из евреев здесь остались старики и дети. Они думали, что кому они могут быть нужны такие слабые? Но вот по городу развесили объявления о том, что все еврейское население в течение 24 часов должно выселиться на территорию тракторного завода, если кого-либо из евреев заметят по истечении 24 часов в городе, будут стрелять. Я думала, что это выселя-

* Окончание текста отсутствует.

** Рукопись в школьной тетради с правками учителя. Правки касаются орфографии и в примечаниях не оговариваются.

ют на поселение, но вышло хуже. Как я уже позже узнала, всех евреев расстреляли. Один сосед рассказывал нам о своих знакомых, которые также ушли на тракторный завод. Однажды утром к нашему соседу заходят 3 оборванных женщины. Он подумал, что это нищие. Вот они зашли в комнату. И сосед узнал своих знакомых, но на кого они были похожи: оборванные, обмороженные. Но сейчас их трое, а где же четвертый — отец? И вот они начинают соседу рассказывать. Прибыли они на тракторостроительный⁶⁰⁸ завод. Сразу же более-менее ценные вещи у них отобрали. Несколько дней не давали им воды. Однажды, перед вечером, увели всех мужчин, после уже женщины узнали, что их расстреляли. Дня через два, в одну из самых морозных ночей, их будят. Приказывают всем раздеться, бросают кое-какие лохмотья им переодеться, садят на машины и везут. Куда везут неизвестно. Вот подвозят к какому-то глубокому оврагу⁶⁰⁹. Открывают борта машины и сбрасывают прикладами в овраг. Мороз был жуткий. Эти знакомые каким-то чудом остались живы. Кое-как выбрались из оврага, куда их сбросили немцы. И, поддерживая друг друга, пришли в город. Знакомые согрелись у соседа, переоделись и ушли. Сосед жил не сам, а с семьей. И если бы узнали, что у соседа живут евреи, то немцы его и всю его семью повесили б. Поэтому те несчастные, не желая, чтобы из-за них погибла семья, ушли. На другое утро их нашли замерзнувшими в* сарае. Они побоялись войти в дом, потому что во все дома, оставленные евреями, под страхом смерти было запрещено входить. Они побоялись войти в дом и спящие замерзли в сарае.

На тракторном заводе было расстреляно 10 тысяч евреев⁶¹⁰.

У меня немцы отняли двух матерей. Первую расстреляли со всеми больными психиатрической больницы, со второй же было вот как. Во время второй оккупации у нас в квартире поселился генерал. Он занял всю квартиру, нас выгнал в сарай. И мы жили в сарае, с протекающей крышей. К тому же брату моему был только год. Он должен был мокнуть под дождем, а этот деспот занимал всю квартиру. Каждый день мать заставляли убирать в квартире, а также стирать белье. В сарае мы прожили две недели. Вдруг кто-то донес генералу, что моя мать еврейского происхождения. Пришли гестаповцы и увели мать, брата не тронули. Куда мать увели не известно. Через час пришли два офицера и приказали нам немедленно выехать. Они посадили нас в машину и вывезли в село Павловку⁶¹¹. Там мы жили, пока генерал освободил нашу квартиру.

Наша семья да и все население Харькова будут долго помнить немцев.

Бедный братик, не знаю, понимал ли он, он часто звал: «Мама». Немцы оставили его, а также меня, сиротой.

---

* Далее зачеркнуто «ихнем же».

Красная Армия* освободила нас от этих извергов. И мы очень благодарны ей и товарищу Сталину.

(Государственный архив Харьковской области, ф. Р-3746, оп. 1, д. 134, л. 240–243. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 36

Сочинение ученицы 6 класса школы № 78 г. Харькова И. Буяльской на тему: «Что я пережила во время немецкой оккупации»**

Полоса фронта все ближе и ближе подходила к Харькову. Над городом кружились вражеские самолеты.

Взрывы бомб, пожары. По городу была объявлена всеобщая эвакуация. Каждый день уходили эшелоны с эвакуированными. Мы с мамой тоже собрались уезжать. Мама целые дни бегала, чтобы достать посадочный билет. С нами оставались две бабушки. С большим трудом удалось маме достать два билета. Больше она никак не смогла достать. Оставить наших старушек было нам очень тяжело. И мы решили остаться. Уже сильно гремела канонада. Фашистские самолеты каждый день появлялись над городом. Шли жестокие бои в окрестностях Харькова. Мужественно сражались советские бойцы. Стойко сдерживали натиск фашистских орд. Но немцы бросали подкрепления за подкреплением. Приходилось отступать. Сумрачные тянулись цепи отступающих бойцов. Тяжело было покидать родной город. Но в сердце теплилась уверенность о скором возвращении в Харьков. Тяжело и нам, оставшимся в городе. Не хотелось верить, что в городе скоро будут хозяйничать немецкие фашисты.

В городе стояла гнетущая тишина. Мы несколько дней сидели в подвале. Страшно, ужасно, не по себе. И вот 24 октября в город ворвались полчища немецких солдат. Сразу же в Харькове начались ужасные репрессии. Тысячи невинных харьковчан гибли от рук озверелых фашистов. Весь город был завешен трупами. Невозможно было выйти на улицу. Потекли дни страшных мучений и переживаний.

Люди страдали не только физически, но и морально. Ведь каждую минуту можно было ожидать насилия и смерти от фашистских солдат. В квартиры вваливались пьяные мерзавцы, издевались, забирали вещи, продукты, все, что попадалось им на глаза. Не было воды. Приходилось идти за водой по 4–5 километров. По дороге немцы отнимали воду. Ча-

* Далее зачеркнуто «и».

**Рукопись в школьной тетради с правками учителя. Правки касаются орфографии и в примечаниях не оговариваются.

сто я приходила домой без капли воды. Дома тяжело заболела бабушка, слегка моя мама. Я была в отчаянии. Мы доедали последние крохи. В квартире ужасный холод. Тут от болезни и истощения скончалась наша бабушка. Кое-как мы с мамой похоронили ее.

В городе начался голод. Люди опухали и умирали. Полная страданий началась жизнь харьковчан под властью фашистов. Чтобы добыть себе кусок хлеба, я с мамой поехала на менку⁶¹² по селам. Приходилось делать 300–400 км, таща за собой тяжело нагруженные сани. Стояли декабрьские морозы 30–40° [С]. По дорогам тянулись вереницы мелящиков⁶¹³. Сотни людей гибли посреди дороги, замерзая от холода, падая от истощения, не имея сил тянуть за собой санки. Много детей не дождалось своих матерей, отцов, ушедших на менку. По улицам ходили опухшие дети с протянутой ручкой, прося жалобным голосом подаяния. Если было у прохожих что-нибудь съестное: кусочек хлеба, бурачка, картошка, то делились с ними, отрывая от себя драгоценную крошку. Откормленные немцы с фотоаппаратами в руках ходили по городу и заснимали разрушенные дома, опухших людей для своих киножурналов. Хотелось задушить этих мерзавцев. Ведь это они разрушили наши города, свободных, зажиточных советских граждан сделали нищими. А теперь кричат по всему миру, посмотрите, мол, какая несчастная страна!

Но начались еще большие мучения. На улицах появился приказ о «добровольной» мобилизации молодежи в Германию. И вот начались облавы, невозможно было пройти по улице без страха быть схваченной немецкими жандармами и отправленной в 15 школу. Оттуда отправляли в рабство в Германию. Я два раза получала повестки. Приходилось скрываться по подвалам и чердакам. Маме самой приходилось ездить на менку. После каждой поездки она возвращалась изнуренная, еще больше похудевшая.

Наконец, вернувшись после одной поездки, она совсем слегла. Ехать на село я не могла, грозила опасность быть схваченной полицией, а, во-вторых, оставлять тяжелобольную мать на руки старенькой бабушки было невозможно.

Каждый день, закутавшись, как старушка, чтобы не заметили жандармы, бежала я на базар, чтобы... [часть текста утрена — сост.] под руководством великого стратега, полководца тов. Сталина, мощными ударами гонит врага пр[очь] с нашей земли. Скоро настанет день, когда вся наша страна будет освобождена от фашистско-немецких захватчиков.

«Смерть немецким оккупантам».

«Привет партизанам и партизанкам, которые борются за освобождение Украины!».

(Государственный архив Харьковской области, ф. Р-3746, оп. 1, д. 134, л. 107–109 об. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 37

Стихотворение В. Н. Татарина.
«ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАРЬКОВ»⁶¹⁴

Вижу: поезд подошел к вокзалу,
Всё полно обычной суетой ...
Странствия приблизятся к причалу,
Наконец вернуся я домой.
Милый Харьков, город мой родимый!
Ты и в дальней стороне всегда
Для меня сверкал неугасимо,
Будто путеводная звезда.
Помню: много раз я возвращался
На знакомый харьковский перрон...
Но потом, к несчастью, просыпался,
И всё это было только сон.
Но теперь проходят испытания,
Скоро снова будем мирно жить
И свои горячие мечтанья
Наяву смогу осуществить.
После долгой, тягостной разлуки
Дорогую буду обнимать,
Поцелую губы, щеки, руки —
Ты мне ближе, чем отец и мать.
Что на свете может быть милее
Возвращенья радостных минут?
Вновь увижу улицы, аллеи,
Старый дом, мой первый институт...
Вижу: поезд подошел к вокзалу...
Радость, нетерпенье, суета...
Странствия приблизятся к причалу,
Станет правдой для меня мечта...

1.12.1943 г.

(Из личного фонда Л. Р. Алкснис — сестры автора. Копия, рукопись)

№ 38

Отчет И. Г. Синицына⁶¹⁵ о подпольной работе
в г. Харькове

В октябре месяце 1941 года я получил задание от секретаря горкома
т. Смирнова⁶¹⁶ остаться на подпольной работе в г. Харькове (через се-

кретаря Кагановичского РК КП(б)У тов. Евсеева), в качестве запасного секретаря Нагорного района, псевдоним «Токарь». Тов. Смирнов дал мне явочные пароли моих связных: тов. Сараев⁶¹⁷ и т. Селянцева⁶¹⁸.

Свою явочную квартиру я сообщил секретарю Харьковского обкома КП(б)У тов. Профатилову, он же мне дал и явочный пароль для связи со мной.

По занятии г. Харькова немцами в декабре месяце, примерно 25–27 числа, со мной была установлена связь члена обкома Иван Ивановича⁶¹⁹ (фамилии его не знал и не знаю до сего времени) через его связную т. Женю Барановскую⁶²⁰ на моей явочной квартире (Пушкинская № 20 у дворника тов. Понедельникова Ермолая Даниловича⁶²¹).

После установления связи я познакомился с Иваном Ивановичем, членом подпольного обкома в январе месяце 1942 года на его явочной квартире по Дмитриевской улице № 16. Иван Иванович сообщил мне задачи, стоящие перед нами в подполье (организация, распространение листовок). К этому времени в середине января м-ца еще не была налажена работа по печатанию листовок, а выпуск начался, примерно в конце января м-ца 1942 г. листовки печатались на пишущей машинке (где печатались, мне не было известно).

Первое задание от И. И. я получил на первом же свидании: установить связь с моими связными т. Сараевым и тов. Семенцовым (связь установить не удалось, так как по указанным адресам их не нашли).

В феврале месяце 1942 г. я сообщил И. И. о том, что связь установить не удалось, И. И. предложил мне заняться отыскиванием знакомых мне рабочих, на которых можно положиться или оставшихся в Харькове случайно членов партии. На следующее свидание я сообщил И. И. о том, что пришел из плена чл[ен] партии Понедельников К. Е. (сын дворника моей явочной квартиры).

Иван Иванович дал согласие использовать тов. Понедельникова по распространению листовок. (Листовки выпускались не реже 3-х раз в месяц, до апреля месяца 1942 г.), а после, в конце февраля месяца 1942 года, с ведома И. И. я давал тов. Понедельникову поручение разведывательно-го характера.

По заданию И. И. я занимался распространением листовок (листовки получал от И. И. на его явочной квартире, распространялись на базарах (Благовещенском и Конном в воскресные дни) и занимался вопросами разведывательного характера: расположение воинских частей, штабов и складов, находящихся на территории Нагорного района⁶²². О результатах сообщал или лично Ив[ану] Ивановичу, или через его связного тов. Барановскую (которая приходила на мою квартиру Пушкинская улица № 72, кв. 17). В марте месяце 1942 года ко мне пришла т. Барановская и я пошел с ней на Технологическую улицу в квартиру Наташи⁶²³ (дом в настоящее время разрушен), где я встретил Ив[ана] Ивановича,

уполномоченного ЦК КП(б)У, секретаря Краснозаводского района⁶²⁴ т. Михаила⁶²⁵ и Наташу, (фамилии упомянутых товарищей я не знал и не знаю до сего времени), уполномоченный ЦК информировал нас о положении Советского государства и положении на фронтах отечественной войны и сообщил нам, что связался с подпольной немецкой организацией (военной) информация продолжалась с вопросами, примерно, минут 40 или около часа.

Примерно 5 марта Иван Иванович сообщил мне, что немцы начали действовать, т. е. в Новой Баварии⁶²⁶ сожгли склад автомашин (примерно шт. 20). В марте месяце 1942 г. мы сильно начали нуждаться в продуктах питания (к этому времени у меня лично нечего было продавать, все что имелось из носильных вещей было продано, мебель никто не покупал).

В одно из свиданий мне Иван Иванович заявил, что нам окажет продовольственную и денежную помощь Харьковский обком и сказал мне, что посланы люди для получения продуктов (этот разговор происходил, примерно, в середине марта месяца 1942 г.). Прошло несколько дней, и Иван Иванович сообщил, что люди вернулись ни с чем и посланы другие во главе с Женей Барановской (неправильно был установлен сигнал для посадки самолета и самолет не приземлился). В третий раз были направлены люди за продуктами с Наташей с Технологической улицы (примерно за несколько дней до пасхи) и когда я был последний раз у Ивана Ивановича на пасху 1942 года. Иван Иванович сказал, что людей нет и сказал, что послал человека выяснить, что случилось с людьми, посланными за продуктами (этот разговор происходил на его явочной квартире — Дмитриевская улица, на других квартирах я с Ив[аном] Ивановичем не встречался, за исключением встречи на Технологической улице)⁶²⁷.

Я Ивану Ивановичу сказал о том, что мне совершенно нечем жить и что делать дальше. Иван Иванович порекомендовал мне устроиться где-нибудь на селе, а дальше видно будет что делать.

В это же время я рассказал Ивану Ивановичу о том, что был опознан одним рабочим 1-го мыловаренного завода⁶²⁸, где я работал в 1933 году (некто Веселовский), который пришел ко мне на квартиру с офицером и солдатом гестапо. Офицер предварительно осмотрел комнату и книги, лежащие на этажерке, а солдат осмотрел вторую комнату, разумеется ничего не нашли, обыск продолжался примерно минут 20–30. Первым вопросом офицера ко мне был: что я могу сказать на то, что им известно, что я член партии, я ответил, что был в партии до 1934 года, а в 1934 году по чистке партии меня исключили, как сына кулака и что мой отец был репрессирован, выслан в Архангельскую область, мне задан был вопрос, чем я докажу свою беспартийность. Я ответил, что доказательства об исключении не имею за исключением военного билета, где указана моя беспартийность, просмотрев военный билет офицер сказал, что нам из-

вестно, что принадлежность к партии отмечается в военном билете и задал вопрос Веселовскому, в каком году он меня знал, на что Веселовский ответил, что знал в 1933 г., кроме того мне был задан вопрос, давно ли я живу в этом доме и почему перешел жить в эту квартиру. Я ответил, что дом, где я проживал, подвергнулся бомбежке и, кроме того, спросил меня сколько времени я проживал на старой квартире, я сказал, что проживал на старой квартире 17 лет и что мою беспартийность могут подтвердить лица по моему старому местожительству. Офицер, взяв с меня расписку о невыезде, удалился.

Чем объяснить, что меня оставили в покое или же я произвел впечатление отживающего человека (так как я был сильно истощен от голода, или другие какие причины) во всяком случае обо всем происшедшем я изложил Ивану Ивановичу.

Подумав И. И. сказал мне, что страшного ничего нет, если нужно будет — заменим квартиру, а пока подождите, может, придут с продуктами. Через несколько дней я снова отправился к Ив[ану] Ив[ановичу], но никого не застал дома и на второй день повторилось то же: квартира была закрытой, тогда я решил спросить дворника этого дома где Барановская, он мне сказал, что пошла на менку, предварительно спросил меня для чего она нужна мне, я отвечаю, что пришел из села и имею передать ей продукты. На следующий день примерно в конце апреля месяца я пошел на свою явочную квартиру к тов. Понедельникову и попросил его в случае прихода Жени, т. е. женщины, которая была у вас со мной, то скажите, что я пошел на село. Придя домой мне сказала моя жена, что приходила Женя и оставила мне записку, в которой писала мне т. Синицын будьте осторожны, квартиру И. И. не посещайте. Когда нужен будешь, сообщим. В этот же день я вместе с женой и дочерью в Золочевском районе, через несколько дней достигли села Должик (в 5 км от Золочева) и заболел дизентерией, и пролежал несколько дней. Жена и дочь, видя мою беспомощность и болезнь, работы не нашли и решили вернуться в Харьков. Я предложил им пойти со мной к моему отцу в Курскую область, но жена и дочь категорически отказались следовать со мной, показывая мне, что я накануне смерти, я предупредил их о том, чтобы они на свою квартиру не возвращались, поскольку жена дала подписку о невыезде и их могут забрать немцы.

Примерно с первых чисел мая м[есяца] 1942 года я передвигался в Курскую область. В г. Золочеве я был задержан полицией без пропуска и после допроса в полевой жандармерии меня согласно паспорта (я уроженец Курской области) [отпустили — сост.]. Путь в 200 км я прошел больше месяца. Прибыл в село Анненково Курской области в июне месяце 1942 г. и жил у жены брата до ноября месяца 1942 года, помогая ей в ее хозяйстве. Кроме того месяца через 2, когда окреп от истощения, то пришлось заниматься и плотницкими работами. В июле месяце 1942 года я связал-

ся с комсомольцами села Анненково и предложил им вести агитационно-массовую работу (т.т. Лимин Т.И. и Бредихин Родион) распространяли листовки «Вести с Советской Родины», «Итоги года войны» среди населения и вели беседы с колхозниками о недолговечности фашистского ига. В таких беседах принимали активное участие колхозники села Анненкова: Якушев А.А., Лисицын С.Ф., Зимин С.И. и другие (листовки иногда сбрасывались с самолета недалеко от села Анненково, а в большинстве случаев приходилось ходить за 15 км село Литиново). В ноябре месяце я окончательно окреп и решил направиться в Харьков, для чего взял записку от старосты этого села, что иду за своей семьей в Харьков. Прибыл в Харьков в конце ноября м[еся]ца 1942 г. заболел ревматизмом (болел до января месяца 1943 года). После того, как стал передвигаться с помощью палки и начал искать пути связаться с Женей, жена мне говорила, что Женя Барановская давала ей адрес в июне месяце 1942 года по Рыжовской улице⁶²⁹. Я несколько раз ходил на указанную улицу, надеясь встретить т. Барановскую на улице, но не знал № дома так и не встретил ее. После неудавшейся попытки связаться с т. т. по работе в тылу противника, я решил действовать самостоятельно. Встретил оставшегося члена партии тов. Тучкова М.И. в январе месяце я предложил ему от имени организации, действующей против немцев организовать радиослушание (для чего его сын изготовил приемник), и в средних числах января началась агитационно-массовая среди населения (при помощи приемника) последние известия распространялись на базарах: Сумском, Благовещенском. Таким образом, при помощи такого метода агитации население города знало о действительном положении на фронтах и продвижении Красной Армии к гор. Харькову. Разгром немцев под Сталинградом и т. д.

Такая агитационная работа продолжалась до прихода наших войск в Харьков. Примерно, в 20 числа февраля 1943 года я подал докладную записку секретарю Харьковского обкома КП(б)У тов. Епишеву⁶³⁰. Тов. Епишев сказал т. Чураеву⁶³¹ направить меня на работу. Тов. Чураев направил меня на работу в Дзержинский⁶³² РПК⁶³³ инструктором, примерно, через неделю секретарь Дзержинского РПК т. Семаков направил меня на работу в 3-й Армейский госпиталь заведующим кадрами и исполнял обязанности зам. начальника госпиталя по политчасти до прибытия комиссара госпиталя (5.Ш.1943 г.) прибыл комиссар госпиталя т. Попов (из города Харькова я эвакуировался 10.Ш.1943 года по договоренности с секретарем Дзержинского РПК т. Семаковым. 22.Ш. 1943 года получил эвакуационный листок в город Купянске⁶³⁴ с ведома т. Смирнова — секретарь Харьковского Горкома.

21.VI.1944 г.подпись

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 7, л. 30–31. Оригинал, машинопись).

№ 39

**Из беседы⁶³⁵ с Владимиром Владимировичем
Тищенко⁶³⁶**

Отец мой перед войной попал под поезд и ему отрезало руки и ноги. Из-за отца мы все остались на оккупированной немцами территории. Отец член партии при немцах организовал подпольную антифашистскую группу, которая работала до апреля 1943 г.

В группу входили человек до 15.

Брат Тищенко А. Т., б[еспартийный], проживал по Сосновой ул. № 15 на Новоселовке⁶³⁷. Он ремонтировал немцам радиоприемники и слушал сводки совинформбюро. Сводки он приносил к нам, а иногда за ними ходил я.

Приходил к нам учитель Колесников, который где-то печатал сводки Совинформбюро и их затем распространяли. Одну листовку лично я наклеил тестом на доме по Сумской ул.

Бывали у нас: Бочаров — работник Госбанка, Кореневкины — муж и жена, также работник он Госбанка, Зотова Анастасия — комсомолка, проживает на Пушкинской № неизвестный.

Управдом и дворник нашего домоуправления о нашей деятельности не знали. Соседи у нас были все немецкие семьи.

Перед арестом у нас был в доме обыск — нашли у отца в брюках в кармане партийный билет, листовки, а также забрали немецкую шинель, брюки и кители. Вещи были немецких военнопленных, которым мы помогли бежать.

После обыска на второй день нас арестовали и посадили в тюрьму на Совнаркомовской ул. Арестовали всю семью: отца, мать и троих детей, младшего брата и двоюродного оставили (сейчас они в детдоме), а нас посадили в одиночные камеры. Я сидел в 20 камере, а затем был переведен в общую 27 камеру.

Из нашей группы никто арестован не был.

Отца расстреляли в г. Харькове, мать — в Куряже⁶³⁸. Меня вывезли в Днепропетровск, а затем в Германию в [конц]лагерь Бухенвальд⁶³⁹, затем Дахау⁶⁴⁰, где работал на строительстве.

В группе нашей было еще 10 чел. военнопленных, которые в феврале 1943 г. перед приходом частей Красной Армии на Свердлова сняли мотоциклиста и охрану со Свердловского моста⁶⁴¹.

Подозрение в предательстве на дворника. Управдом Занович по ул. Артема № 6 репрессирован НКГБ⁶⁴².

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 5, л 36–36 об. Оригинал, машинопись)

№ 40

Из дневника заслуженной артистки Украины

Л. И. Дерягиной⁶⁴³

[...]

9.5.-45 г. — среда.

Победа, победа, победа!!!

Да, сегодня в 3 часа ночи радио объявило указ или вернее акт о военной капитуляции германских вооруженных сил.

В три часа примерно в Харькове стали слышны оружейные выстрелы — отчего я и проснулась. Это так. наз.* «самого»!!!

Все, все, конец войне. Победа! На улицах шум, танцы-песни, много уже и таких, у которых в глазах двоится. Теперь я расскажу, как я праздновала победу.

В 10 ч[часов] зашла ко мне Нина с братом, оделись пошли к Жеки и оттуда в Металлист⁶⁴⁴. Ну не могу я писать — получается хронология. В общем встречи — поцелуи, песни, танцы без конца.

Совершенно неожиданно познакомились с тремя военными и наша Тонечка — очень скоро повисла одному из них на шею. Но причем здесь Тонечка, какое она имеет право на место в моем дневнике?

В шесть часов вечера после войны встретились у Металлиста, шли они нас Жека, Нина я и Коля (Карл) я его тоже затащила в нашу компанию.

Погуляли или вернее выпили и закусили у Инны, а затем опять пошли на улицу, в парк — шумной весело толпой. Было весело и даже очень.

Да, победа — ПОБЕДА! [...].

(Харьковская музыкально-театральная библиотека имени К. С. Станиславского. Справочно-библиографический отдел. Дневник Л. И. Дерягиной. Оригинал, рукопись).

---

* Так в тексте, сокращение расшифровать не удалось.

Раздел II

1946–1991 гг.

№ 41

Из воспоминаний П. П. Коноваленко⁶⁴⁵ о подготовке к обороне г. Харькова и области в 1941 г.

В первые дни Великой Отечественной войны Решением Командования Главной Ставки Вооруженных сил Советской армии борьба с вражескими парашютными десантами была возложена на органы НКВД.

В соответствии с этим в г. Харькове была создана областная оперативная группа по организации и руководству истребительных батальонов по борьбе с вражескими парашютными десантами.

Всего на территории Харьковской области и в г. Харькове было организовано 42 истребительных батальона.

Численностью каждого по 250–300 человек.

Комплектование истребительных батальонов производилось из числа лиц, не подлежащих призыву в Советскую армию. Работающих на предприятиях, в учреждениях и сельском хозяйстве. Командиры батальонов, их заместители по боевой и политической подготовке и начальники оперативных штабов комплектовались в согласии с районным комитетом партии.

На вооружении батальонов были винтовки, ручные пулеметы, автоматы, бутылки с горючей жидкостью, а в батальоне Орджоникидзевского района⁶⁴⁶ г. Харькова рабочие, состоящие в батальоне, в неурочное время из утиля отремонтировали бронетанкетку, она находилась на вооружении этого батальона.

Батальоны размещались в специально выделенных помещениях районными советами депутатов трудящихся, они имели телефонную связь с областным штабом, для дежурной оперативной группы батальона было организовано общежитие и установлено круглосуточное дежурство в Штабе. Таким образом, в любой момент батальон мог выбросить оперативную группу для ликвидации парашютистов.

Кроме этого в г. Харькове был организован батальон истребителей вражеских танков из числа добровольцев комсомольцев и несоюзной молодежи, где областным Штабом проводилась боевая и политическая подготовка и тактические занятия по уничтожению танков бутылками с горючей жидкостью.

Решением ЦК ВЛКСМ была одобрена инициатива комсомольской организации г. Харькова в организации батальона истребителей танков.

Впоследствии этот батальон примерно в составе до 300 человек выехал на фронт и дальнейшая его деятельность мне неизвестна.

Для повседневного руководства истребительными батальонами в г. Харькове оперативной группой был создан областной штаб в составе: отделов боевой подготовки, политической подготовки, оперативного отдела и материально-технического снабжения. Начальником штаба по согласованию с Харьковским обкомом КП(б)У был назначен быв[ший] преподаватель Республиканской школы милиции тов. Ткачев (ныне пенсионер, комиссар милиции, проживает г. Киеве). Размещался в клубе имени В. И. Ленина, на Совнаркомовской улице г. Харькова⁶⁴⁷.

Руководством областного Штаба по указанию и [под] непосредственным участием оперативной группы (которую я лично возглавлял) был разработан план борьбы с вражескими парашютными десантами.

В соответствии с этим планом для усиления знаний борьбы с вражескими десантами систематически проводилась работа по боевой и политической подготовке личного состава истребительных батальонов, а также проводились тактические занятия на местности окраин городов и населенных пунктов области (на местах возможной высадки десантов) для ликвидации их.

Таким образом, в течение одного месяца были подготовлены все истребительные батальоны для ликвидации возможных высадок парашютных десантов в районе г. Харькова и населенных пунктов Харьковской области.

[...]

Практическая деятельность истребительных батальонов на территории Харьковской области помимо боевой и политической подготовки заключалась в следующем:

В областной Штаб с разных мест и источников поступали различные данные о появлении подозрительных групп; отдельных лиц и о якобы высадившихся парашютных десантах в лесистых местах, для проверки которого высылались оперативные боевые группы батальонов.

В результате проведенных мероприятий по указанным выше сигналам было задержано большое количество неизвестных лиц, впоследствии оказавшихся дезертирами, которые передавались соответствующим органам для направления в армию.

В г. Харькове при появлении вражеских самолетов можно было наблюдать в промышленных районах появление в воздухе ракетных сигналов, подававших[ся] вражеским самолетам, задержание которых составляло большую трудность. По этому по согласовании с Харьковским обкомом КП(б)У согласно тщательно разработанному плану была проведена ложная воздушная тревога в г. Харькове с появлениями в воздухе самолетов (наших) и обстреляла их трассирующими пулями и зенитной артиллерией.

В этой операции главным образом принимали участие истребительные батальоны, которые были сосредоточены по всему городу и работали под руководством работников НКВД.

В результате в день воздушной тревоги в 23 часа было много задержано подозрительных лиц, проживавших в Харькове без прописки, часть из них скрывались от призыва в армию, а также были задержаны ракетные сигнальщики, которые переданы органам власти для дальнейшего выяснения.

В результате проведения этих мероприятий с появлением вражеских самолетов над городом Харьков появление ракетных сигнальщиков уже было и те задерживались гражданами гор[ода] Харьков, а также это дало возможность жителям г. Харьков при бомбежке лучше укрываться.

Кроме проводимых мероприятий истребительными батальонами, из числа которых бойцов, прошедших боевую подготовку и имевших специальность по ремонту тракторов и другой технике, призывались в технические части Советской армии.

Вместе с этим истребительные батальоны как бы являлись и базой по организации партизанских и диверсионных групп для борьбы в тылу врага. Таким образом, из числа состава истребительных батальонов было отобрано добровольцев, из которых формировались партизанские и диверсионные группы и перебрасывалась в тыл противника в районе Киевской обл.

С приближением фронта к Харьковской области большая часть истребительных батальонов районов Харьковской области в соответствии с указанием Штаба партизанского движения под руководством Харьковского обкома КП(б)У были реорганизованы в партизанские отряды, командиры и комиссары отрядов прошли специальную подготовку для действий в тылу противника.

Все участники партизанских отрядов на своих собраниях принимали специальные присяги. Были установлены места их пребывания в тылу врага, а также были заготовлены и спрятаны запасы боеприпасов и продуктов питания в местах возможного пребывания отряда.

Примерно за месяц до приближения фронта к Харькову партизанские отряды ушли в свои места назначения⁶⁴⁸, но их действия оказались

малоэффективными вследствие того, что части Советской Армии с большой силой сдерживали натиск противника.

Таким образом, на территории Харьковской области стабилизовался фронт в этой полосе оказалось большинство партизанских отрядов, находясь все время под обстрелом с двух сторон и поэтому вынуждены были уйти в наш тыл⁶⁴⁹.

Истребительные батальоны г. Харькова в большой своей части были влиты в оборону города и считались как народное ополчение.

В обороне г. Харькова принимали участие личный состав Харьковского пограничного кавалерийского училища НКВД СССР и милиция г. Харькова в направлении Богодуховского района⁶⁵⁰, но непосредственного участия в бою с противниками не принимали, т. к. за 5 дней до оставления г. Харькова по указанию ЦК ВКП(б) СССР были сняты с обороны и отправлены в глубь тыла нашей страны.

В обороне города Харькова находилась промышленная бригада войск НКВД СССР в районе ст. Основа⁶⁵¹ и ХТЗ⁶⁵². Эта бригада вела непосредственные бои с противником, а затем она влилась в действующую армию и находилась в обороне на фронте в районе Старого Салтова⁶⁵³ Харьковской области, где проявляла большую активность по уничтожению вражеских войск.

В период стабилизации фронта на Изюмском⁶⁵⁴ направлении, где я был начальником оперативной группы, то, как мне известно, что истребительный батальон г. Изюм, комиссаром которого был второй секретарь Изюмского горкома КПбУ тов. Васильев был влит в действующую армию по охране тыла фронта, где и был убит.

Партизанский отряд Изюмского района под командованием тов. Сало⁶⁵⁵ переформированного из истребительного батальона, будучи в тылу врага при отступлении последних активно выступал и уничтожал отступающих немцев и тогда же погиб в бою.

В городе Харькове в период обороны была проведена большая работа по минированию и взрыву 58 мостов после отхода из Харькова наших войск. С таким расчетом, чтобы не дать возможности быстро продвигаться войскам противника. Эта работа выполнялась минерами Харьковского военного округа и работниками НКВД.

В Песочине, окраине г. Харькова, два моста после прихода наших войск подрывала группа, которой руководил тов. Калашкин (ныне пенсионер полковник проживает в г. Харькове)

Вот и все, что мне известно.

Полковник в отставке П. Коноваленко.

01.09.1961 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-10417, оп. 5, д. 42, л. 1–50. Копия, машинопись).

№ 42

Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У А. И. Смирнова. «Патриоты»

В годы Великой Отечественной войны мне пришлось работать в Харьковском горкоме КП(б)У в должности третьего секретаря.

По установившейся в то время практике, первыми секретарями горкома являлись первые секретари обкома, которые осуществляли общее руководство, как горкомом, так и обкомом партии. В период 1941–1943 гг. эту должность занимал Алексей Алексеевич Епишев.

Кроме первого секретаря, непосредственно в горкоме работало десять секретарей: второй секретарь, тов. Чураев В. М. осуществлял руководство промышленностью, оргпартработой⁶⁵⁶ и отвечал за всю постановку работы в горкоме.

На меня как третьего секретаря была возложена идеологическая и военная работа, на тов. Каверина В. Н. — работа с кадрами, а на тт. Боровлева Г. С., Шелеста П. Е.⁶⁵⁷, Бровкина А. Н., Рыбалова В. А.⁶⁵⁸, Клименко Н. И., Гливенко В. Б. и Погорелова Ф. П. — руководство отдельными отраслями промышленности.

Довоенный Харьков являлся одним из крупнейших индустриальных центров страны. Только 45 заводов союзной промышленности давали валовой продукции более чем на 2 миллиарда рублей в год. Машиностроительной промышленные заводы города выпускали более 40% продукции всей машиностроительной промышленности Украины.

Наряду с этим г. Харьков являлся и крупнейшим центром украинской культуры. В городе было 38 высших учебных заведения, 35 научно-исследовательских институтов, 135 средних школ, 6 театров, картинные галереи, музеи, библиотека им. Короленко⁶⁵⁹, являвшаяся одним из крупнейших книгохранилищ страны и много других культурных учреждений.

Вероломное нападение фашистской Германии нарушило мирный, созидательный труд советских людей. Победить сильного и коварного врага можно было лишь при мобилизации всех сил и средств нашей страны.

Выполняя указания партии и правительства, городская партийная организация с первых же дней войны приступила к перестройке промышленности и всего городского хозяйства на военный лад. Под руководством и неослабным повседневным контролем партийных организаций, промышленность города в кратчайший срок перешла на работу по-военному графику, г. Харьков по сути дела превратился в Арсенал Красной Армии.

В работе на оборону принимали участие все предприятия города от заводов-гигантов до самой маленькой артели промкооперации и хлебопекарни.

Предприятия производили танки, самолеты, огнеметы, установки инженера Костикова, пулеметы, различные мины, бомбы, гранаты, обмундирование, снаряжение, автотранспорт и прочее вооружение. Кроме этого, по указанию Никиты Сергеевича Хрущева был организован ремонт различной военной техники, как-то: танков, бронепоездов, автомашин и прочее.

Пищевые предприятия снабжали Красную Армию галетами, сухарями, мясопродуктами, жирами, а при приближении фронта к Харьковской области стали изготавливать бутылки с горючей смесью.

Поняв всю глубину нависшей над Родиной опасности трудящиеся города работали с невиданным энтузиазмом не считаясь, ни с какими трудностями и опасностями во время бомбежек.

В те грозные дни, когда над Родиной нависла смертельная опасность, когда немецкие дивизии остервенело рвались к Харькову, трудящиеся Харьковщины под руководством партийной организации, преодолевая невероятные трудности, под взрывами вражеских бомб, полностью и в срок выполняли указание ГКО об эвакуации.

Из Харькова за этот период было вывезено 320 эшелонов заводского оборудования, отправлено 225 эшелонов с людьми и 56 эшелонов с госпиталями.

К 22 октября 1941 г. был вывезен с Южной железной дороги весь подвижной состав железной дороги.

Запас продовольственных товаров был продан и роздан населению.

Патриотизм харьковчан, однако, проявился не только в героическом труде на предприятиях по эвакуации своих предприятий, и на окопных работах, но и в полной готовности их защищать свою социалистическую Родину на фронте с оружием в руках.

С первых же дней войны, в Харькове, по примеру Москвы и Ленинграда, рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий и учреждений стали записываться в ряды народного ополчения. Большинство записавшихся думало, что стоило им записаться в ополчение, как их сейчас же отправят на фронт. Не дождавшись этого, многие ополченцы стали подавать заявления о том, чтобы их как можно скорее отправили на фронт.

Вот некоторые из этих заявлений:

«Клянусь тебе, партия и Советское правительство, защищать нашу Родину до последней капли крови. Прошу зачислить меня вне очереди в действующую армию. Мне хотя и 50 лет, но я молод, силы и волевые качества у меня есть».

Бывший командир партизанского отряда, капитан запаса РККА В. Михайлик.

«Прошу направить в действующую армию. Готов до последней капли крови бороться с озверелой бандой фашистов, отстаивая дело партии Ленина». Винодел завода шампанских вин, член ВКП(б) Байлук.

«Прошу Вашего распоряжения зачислить меня в действующую армию, так как я ранее участвовал в боях против белофиннов, а потому прошу зачислить меня по моей военной специальности ручного пулеметчика».

Член ВЛКСМ Николай Иванов.

Подобные заявления в партийные и комсомольские организации, а также в военкоматы города поступали ежедневно сотнями.

После обращения правительства по радио к населению страны с призывом оказать сопротивление фашистам в его тылу, волна патриотического подъема среди трудящихся поднялась с новой силой. Вновь стали поступать тысячи заявлений о посылке на фронт, о зачислении в партизанские отряды.

На следующий день после правительственного обращения по радио, у тов. Чураева состоялось совещание секретарей горкома партии, на котором на меня и тов. Каверина была возложена работа по подготовке партизанских отрядов и харьковского подполья, а на тов. Рыбалова подготовка народного ополчения и прочие военные вопросы.

Работа по отбору людей в партизанские отряды и для подпольной работы была весьма ответственная и кропотливая. Наряду с подбором людей надо было решать целый комплекс вопросов, связанных с их обучением, вооружением, конспирацией и т. д.

В обкоме КП(б)У эта работа была возложена на второго секретаря тов. Профатилова И. И. и секретаря по кадрам тов. Петрова Г. Г., а в райкомах партии на первых секретарей — Кизилова У. И., Ковалю Б. А., Войтовича П. З., Копычева А. О., Шаповала А. П., Есипенко И. И., Иванова В. А., Ковалева И. Я. и Курило. Количество желающих вступить в партизанские отряды было очень велико. Об этом можно судить хотя бы по следующему. После просмотра заявлений о зачислении в партизанские отряды и ознакомления с людьми, райкомами было отобрано в партизанские отряды годных по состоянию здоровья и волевым качествам около 10 000 человек, а в горкоме партии свыше 5 000 человек. Вопросами вооружения, снаряжения и питания партизан в горкоме занимались тт. Сыров Ф. К., Глазгирин А. И., Клименко Г. Н., Рыбалов В. А., Рышков А. Е. и Гливенко В. Б.

В организации харьковских партизанских отрядов и диверсионных групп, в обучении и оснащении партизан всем необходимым, а также в руководстве боевыми действиями отрядов большую практическую помощь оказывал ЦК КП(б)У и лично Никита Сергеевич Хрущев и Демьян Сергеевич Коротченко.

По указанию тов. Хрущева в г. Харькове в июле 1941 г. ряд предприятий был переключен на изготовление боевой техники и снаряжения для партизан.

Все лица, отобранные в партизанские отряды, в диверсионно-разведывательные группы прошли специальную подготовку. Всего такую подготовку прошло 2 018 человек.

Кроме этого, для обеспечения надежной связи партизанских отрядов со штабом партизанского движения было подготовлено 29 радистов коротковолнников.

В сентябре 1941 г. в Харькове была организована специальная лаборатория по изготовлению мин разных систем и ручных гранат для вооружения партизан и диверсантов.

Для оказания помощи Военно-Воздушным Силам Красной Армии было подготовлено 64 сигнализатора. При подборе и расстановке их принималось во внимание наличие важных стратегических объектов в том или ином районе. Все сигнализаторы были снабжены, в достаточной мере, соответствующими осветительными материалами.

По указанию ЦК КП(б)У часть партизанских отрядов и диверсионных групп, созданных на территории Харьковской области была направлена в тыл противника в другие области УССР — Киевскую, Полтавскую, Сумскую, Днепропетровскую, Запорожскую, Черниговскую и Винницкую. Всего было переброшено, таким образом 15 партизанских отрядов. В эти же области перебрасывались и опытные организаторы для формирования новых партизанских отрядов и групп из местного населения.

6 сентября 1941 г. в Вегеровские леса Сумской области, в тыл противника, был переброшен отряд им. Котовского⁶⁶⁰ в количестве 31 человека во главе с командиром тов. Воронцовым⁶⁶¹ и комиссаром тов. Гуторовым⁶⁶².

Харьковские городские партизанские отряды после прохождения специальной подготовки в разное время выехали в г. Киев в распоряжение секретаря ЦК КП(б)У тов. Бурмистренко М. А.

Так, например: В июле 1941 г., по указанию обкома в Киев выехал 1-й партизанский отряд⁶⁶³ сформированный в Дзержинском районе. В его составе было 115 человек. Командиром этого отряда был тов. Пашков⁶⁶⁴, начальником штаба тов. Милоуха⁶⁶⁵.

25 июля, также в распоряжение ЦК КП(б), выехал 2-й Харьковский партизанский отряд⁶⁶⁶ сформированный в Орджоникидзеvском районе⁶⁶⁷. В его составе было 125 человек. Отряд возглавлял тов. Шатохин⁶⁶⁸.

В Киеве эти два отряда были объединены и после дополнительной подготовки, в ночь на 6 августа 1941 г., в количестве 240 человек под командованием тов. Пашкова были переброшены в тыл врага — в районе села Мостище Киевской области.

Последняя партизанская группа харьковчан, подготовленная специально по минному делу, накануне занятия фашистами города, приняла участие в работе заводских подрывников по выведению из строя силовых цехов заводов (всего на заводах было подготовлено 584 чел.) и затем перешла на нелегальное положение для проведения диверсионной работы в тылу врага.

Фашистские полчища приближались к границе нашей области.

Выполняя указания ЦК КП(б)У, Харьковский обком и горком партии в июле приступили к подготовке коммунистов и комсомольцев к подпольной работе.

Для этой ответственной работы, связанной с большими опасностями, были отобраны испытанные товарищи, прошедшие на кратковременных курсах специальную подготовку.

К моменту оккупации нашей области обкомом и горкомом партии было создано 37 подпольных райкомов партии⁶⁶⁹, в том числе в Харькове 4 и 26 райкомов комсомола из коих в г. Харькове — 3⁶⁷⁰. К этому же времени в области было создано 57 диверсионных групп⁶⁷¹.

Для руководства всей подпольной работой был сформирован подпольный обком КП(б)У и обком ЛКСМУ. Подпольный обком партии возглавил секретарь партийной организации сельскохозяйственного института, доцент кафедры математики Иван Иванович Бакулин. Секретарем обкома ЛКСМУ был утвержден А. Г. Зубарев.

Для связи подпольного обкома с райкомами было подобрано 44 человека связных.

В помощь подпольным партийным организациям для проведения антифашистской пропаганды в тылу врага было издано 17 наименований листовок на украинском и немецком языках общим тиражом в 5,5 миллионов экземпляров.

Всем подпольным работникам были подобраны конспиративные квартиры и явки. Секретарь обкома и все секретари райкомов имели свои коды для донесений и пароли.

В подборе, подготовке и расстановке кадров подпольных работников непосредственное участие принимали секретари ЦК КП(б) У товарищи Н. С. Хрущев и А. С. Коротченко.

Находясь в Купянске мы систематически получали сведения о том произволе и зверствах, которые чинили фашисты над советскими гражданами и о той героической борьбе, которую вели в тылу врага наши народные мстители-партизаны и подпольщики.

В 1942 году нам стало известно об аресте и расстреле в январе 1942 г. фашистами бесстрашных патриотов — секретаря подпольного обкома ЛКСМУ тов. Зубарева А. Г. и члена обкома комсомола тов. Никитиной Г. А.⁶⁷² В мае 1942 г. были арестованы и расстреляны в гестапо секретарь подпольного железнодорожного райкома партии тов. Китаенко А. М.⁶⁷³, запасного секретарь Заводского подпольного райкома партии тов. Дубенко М. Ф. и связной подпольного обкома партии тов. Барановской Е. С.⁶⁷⁴ В сентябре 1942 г. фашистами был арестован и замучен в гестапо секретарь подпольного обкома КП(б)У тов. Бакулин И. И.

Несмотря на аресты, нечеловеческие пытки, расстрелы и повешение партизан и подпольных работников, патриоты города и области продолжали

свою борьбу с ненавистным врагом с еще большим ожесточением. Взрывы нефтебаз, мостов и фашистских штабов продолжались. Поезда с боеприпасами и войсками пускались под откос. Уничтожались в одиночку офицеры и солдаты оккупантов.

Подпольные партийные и комсомольские работники, которым удалось скрыться от ареста, продолжали свою пропагандистскую работу. Комсомольская организация продолжала выпускать писанные от руки листовки, в которых призывали население города саботировать все мероприятия фашистов и идти в партизанские отряды⁶⁷⁵. За время оккупации города комсомольской городской подпольной организацией было выпущено 12 разных листовок в количестве 600 штук. Эти листовки находили свой отклик в сердцах населения. Многие вступали в партизанские отряды, работающие на предприятиях, саботировали выпуск продукции.

Жить спокойно в Харькове фашисты не могли на протяжении всего периода оккупации города.

Жестокость, с которой фашисты расправлялись с населением, не угасила борьбы с ними народных мстителей. Наоборот, пламя этой борьбы разгоралось с каждым днем. День разгрома фашистских орд неотвратимо приближался.

Слава патриотам, отстаивавшим с оружием в руках свою социалистическую Родину и оставшимся в живых!

Вечная память и слава героям, павшим в борьбе с немецкими оккупантами.

26.4.1963 г. Смирнов А. И.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-10417, оп. 5, д. 71, л. 1–10. Копия, машинопись).

№ 43

Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У А. И. Смирнова о создании подпольной сети в городе

С объявлением войны не было никакой речи о подготовке подпольной партийной организации⁶⁷⁶. В первое время после объявления войны партийная организация Харькова перестраивалась с мирных позиций на военные позиции, промышленность перестраивалась с мирной продукции на изготовление военной продукции.

Примерно в июле, когда Красная армия стала отходить далеко в тыл, ЦК ВКП(б) дал указание (а мы его, соответственно, получили от ЦК

КП(б)У) готовить подполье и партизанское движение. Одновременно нужно было готовить народное ополчение и истребительные отряды по борьбе с возможной десантной высадкой врага. В это время, примерно, в июле и позже стали заниматься созданием оборонительных сооружений за пределами Харьковской области⁶⁷⁷ и в Харьковской области по мере продвижения врага вглубь страны.

В Харькове было организовано народное ополчение и истребительные отряды. Истребительные отряды были почти в каждом районе. Они были переведены на казарменное положение, чтобы, в случае высадки врага, быть мобильными. Народное ополчение занималось подготовкой к борьбе.

Начали организовывать партизанские отряды и подпольные райкомы партии. В партизанский отряд нужно было записать 150–1200 человек. Нам нужно было записать в 2 партизанских отряда 400 человек⁶⁷⁸. Патристическое настроение населения было таково, что, в течение 2–3–4 дней в отряды записалось 5 тыс. человек сугубо добровольно, причем среди них были коммунисты, комсомольцы и беспартийные. Было задание, чтобы в каждом партизанском отряде, помимо мужчин, обязательно было несколько женщин (на 150 человек — человек 5 женщин). Женщины имелись в виду для связной и медицинской работы.

Относительно организации партизанский отрядов давал распоряжения бывший тогда вторым секретарем ЦК КПУ Михаил Алексеевич Бурмистренко. От него распоряжения поступали бывшего тогда секретарем Обкома тов. Епишеву, затем по линии Обкома — мне, а в райкомах этим занимались секретари райкомов.

Как я уже сказал, в течение нескольких дней в партизанские отряды добровольно записалось 5000 человек. Задача была в том, чтобы отобрать 400 человек.

Позже, в июле-августе, начали эвакуировать наиболее важные объекты промышленности в тыл⁶⁷⁹. В конце августа — начале сентября общая эвакуации промышленности была закончена⁶⁸⁰. В городе были оставлены только небольшие предприятия с оборудованием, которые на месте готовили боеприпасы в виде гранат, минометов и могли ремонтировать огнестрельное оружие.

В народное ополчение входили все. Люди работали и во внеурочное время обучались. В истребительные батальоны отбор был более строгий, в партизанские отряды — еще строже, а в подпольщики — еще строже.

В народное ополчение, повторяю, входили все. Во главе этого народного формирования был командир, допустим, дивизии (если дивизия была сформирована), начальник штаба, заместитель начальника по обеспечению. Командиром назначался понимающий в военном деле человек, но не призванный в армию, а заместителем начальника по хозяйству, как

правило, человек, связанный с материальным обеспечением до войны. В его обязанности, прежде всего, входила организация питания. Был и комиссар.

В состав истребительных отрядов входили люди в возрасте 18–35 лет, комсомольцы, члены партии. Во главе истребительного батальона стоял командир, который знает военное дело, и которому можно было доверять. Был комиссар и начальник штаба. Командирами были и люди, имеющие и офицерское звание, а отдельные истребительные батальоны возглавляли или МВД, или милиция (офицерский состав).

О народном ополчении. В Народном ополчении был и такой товарищ, который после войны имел звание полковника. Комиссаром народного ополчения был тов. Тимец — довоенный секретарь партийного комитета Украинского института журналистики.

Весь командный состав подбирался и утверждался Горкомом партии.

В начале войны развернули госпитали 8 (программа минимума). Вообще, их было подготовлено больше (в школах, общежитиях). Позже стали все общежития, многие школы, все, что можно использовать под госпитали (программа максимум), потому что были потери, большое количество раненых. Расширять сеть госпиталей стали уже в начале войны, в июле-августе.

Какая структура была в городе. Тогда было 9 райкомов партии (сейчас 8). Было определено сделать 4 подпольных райкома Нагорного района (куда входили теперешние Киевский⁶⁸¹ и Дзержинский), Заводского района (теперешние Московский⁶⁸², Орджоникидзеvский), Основянского района (куда входили теперешние Октябрьский и Ленинский районы), Железнодорожного района (куда входили теперешний Краснозаводский район, Основа и прилегающие районы).

Должны были быть: секретарь подпольного райкома, запасной секретарь райкома, члены райкома (от 3 до 5 человек), связные (по 2 человека у секретарей райкома и членов райкома), явочные квартиры. Явочные квартиры дублировались: если «накроется» одна то имеется другая. Явочные квартиры подбирались первыми секретарями райкомов партии, только, чтобы было больше конспирации. Первый секретарь райкома подбирал определенное количество людей для подпольной организации. Это указание ему давал горком партии, горком и утверждал состав. Секретари подпольных райкомов (основные и запасные) утверждались еще и обкомом партии. В каждом районе было и 2–3 первичных партийных организации (если можно 5, так 5). Явочные квартиры, как я уже сказал, подбирались первыми секретарями райкомов (я и не знал их), их было много подобрано в каждом районе.

Возьмем структуру Нагорного подпольного райкома партии. Тов. Бакулин — секретарь райкома⁶⁸³, запасной секретарь райкома партии —

тов. Синицын. Членов райкома партии 3–5 человек, связных — по 2 у секретарей райкома и членов райкома.

Первичные партийные организации в районах оставались по производственному принципу (те производства, которые оставались). В Нагорном районе, я не помню, а в Заводском районе оставались 2 партийные организации (в пищевой промышленности и в здравоохранении)⁶⁸⁴.

Относительно паролей. Я сказал Ивану Ивановичу, что нужно подготовить пароль, и он сам его себе подготовил. Запасной секретарь и члены райкома тоже подготовили пароли, причем они друг друга не знали, основной секретарь не знал запасного (т.е., они могли знать друг друга лично, но не знали, кто они для большой конспирации). Система такая: связной является на конспиративную квартиру, где должен встретиться с товарищем, и говорит пароль. Когда получает отзыв, он разговаривает. Если отзыв не получен, связной должен уйти; если он забыл пароль, тоже выбывает из строя. Так что связной тоже не знал в лицо тех, с кем должен был разговаривать. Пароли запоминали, не записывали. Пароли были такого рода: «Иван Иванович, Вам привет от Ивана Алексеевича», а тот спрашивает, как его здоровье. Пароли подбирались покороче и полегче.

О конспиративных квартирах. Конспиративные квартиры в таком районе как Заводской подбирали на окраинах, где индивидуальные домики, чтобы, в случае провала, был запасной выход и чтобы был обзор. Конспиративные квартиры были, конечно, и ближе к центру города. Такая квартира была в бывшем Сталинском районе. В случае если бы дом оцепили, можно было пройти через туннель (в районе 5-й мельницы), пролезть и уйти. У Ивана Ивановича явочная квартира была на Ключковской⁶⁸⁵.

Я инструктировал каждого в отдельности: основного секретаря, запасного секретаря, членов райкома и связных. Было дано задание, чтобы дня за 2 до вступления немцев в город уйти в глубокое подполье и не проявлять никаких признаков жизни не менее 2-х недель, а потом действовать. Результаты оказались весьма плачевными. Иван Иванович был арестован.

Мне помнится, что, когда мы были в Купянске (уже после гибели Ивана Ивановича), перешел лазутчик и принес письмо⁶⁸⁶. Его было трудно прочитать. Якобы это письмо было написано Иваном Ивановичем во внутренней тюрьме на Совнаркомовской улице, где теперь МВД. Письмо у лазутчика было спрятано где-то под подошвой, он намочил письмо, и трудно было его прочитать, разобрать, писал это Иван Иванович Бакулин или кто-то другой. Этим вопросом занялся Обком, была сделана экспертиза. Иван Иванович писал, что его выдал профессор Михайловский, он же обворовал его, не захотел прописывать. Профессор Михайловский — из бывших, дворянин, кадет и т.д. Он был заведующим кафедрой

математики. Иван Иванович Бакулин так и писал: «Выдал меня профессор Михайловский ... обворовал меня и не захотел прописывать». Подробности этого документа нельзя было разобрать. Михайловский впоследствии бежал с гитлеровцами. Я сам видел этот документ, но его взял секретарь Обкома по пропаганде, по-моему, ныне покойник Максимов. Это было в 1942 году.

Как рассказывал мне потом тов. Профатилов, Иван Иванович, оставшийся в подполье, должен был выдавать себя просто за ученого человека. Дома у него были вина, водка, соответствующая обстановка, ему давали материальные ценности. Впоследствии Михайловский ограбил его, забрал все ценности и продукты питания. Мое предположение такое, что, видно, Иван Иванович оставил все у Михайловского, а потом все это получилось.

Подпольщикам оружие не разрешалось.

Когда я инструктировал каждого человека в отдельности, я говорил, что, в случае провала (какое-то звено отпадет) ориентируйтесь сами на месте. Так и было. Одна женщина была связной, у кого из членов райкома, не помню, она жила в Дзержинском районе⁶⁸⁷. После войны мы разбирали ее персональное дело. Она сказала: «Поскольку связь была нарушена, и ничего не делала, но занималась следующим»... Воды не было, возле колодцев собирались люди, и эта женщина поднимала их дух, она говорила: «Не вешайте носы, все хорошо, Красная Армия там-то» и т. д. Значит, это делалось, когда была нарушена связь.

Немцы тщательно проверяли тех людей, который позже приехали в Харьков, с 1936 года. Они проводили тщательную проверку населения и даже более подозрительных высылали. Это они делали для прочистки: а вдруг человек приехал только сейчас, это подозрительно, ведь бывает, что больших подпольщиков берут из другой области. Такой человек приезжает, допустим, в 1941 году, а ему составляют документ, то он приехал в 1920 году и т. д. Но у нас таких не было.

Партийные документы, в том числе и документы Ивана Ивановича, были сданы в Обком партии (особый сектор). Они находились потом в Куйбышеве. Паспорта не заменяли.

По городу я не давал указания, чтобы подпольные райкомы связывались с партизанами, потому что не было дано такого указания мне.

Я говорил подпольщикам: «Вы — подпольный райком. Будет и подпольный Обком партии, который будет держать с вами связь». Я говорил им: «Ждите этой связи».

Мной было дано задание секретарям райкомов партии: «Вселяйте уверенность, что победа будет за Советам, что Красная Армия отходит временно». Значит, задача была такова: вселять уверенность в людей, что победа будет за Советами, и, если возможность подбирать на месте

группы, которые бы вредили оккупантам. Сами подпольщики не должны были вредить немцам, потому что это опасно. Подпольщики должны были противопоставлять лживой агитацию врага советскую агитацию.

Мы оставляли даже шапирографы и стеклографы для печатания листовок, кроме листовок, которые были напечатаны заранее с призывом не поддаваться провокации, вселять уверенность в победе, крепить единство. Эти прокламации разбрасывались подпольщиками. На каждый райком был оставлен шапирограф или стеклограф. Они были на явочных квартирах.

Подпольщикам давалось указание осторожно вести себя, не афишироваться.

Об Иване Ивановиче Бакулине у меня создалось впечатление как о вдумчивом, скромном, немногословном товарище. Он понимал задачу, которая на него возлагалась. Я тогда полагал, что он выполнит ее. Он ее и выполнил до конца. Больше всего в нем подчеркивалась чрезвычайная сосредоточенность, внимание. Когда первый секретарь райкома прислал тов. Бакулина на беседу у нас произошел такой разговор. Я спросил: «Вы понимаете, для какой цели Вас оставляют» Ответ: «Понимаю». Далее: «Может быть, есть сомнения, опасения, может быть, не останетесь; мы не принуждаем, это сугубо добровольно». У Ивана Ивановича в беседе со мной проявилась уверенность, что он останется и выполнит поставленную перед ним задачу. Уже этим он проявил любовь к Родине, верность партии.

Ивана Ивановича Бакулина я знал немного по институту как секретаря партийной организации. Это был большой патриот, человек, преданный Родине, Советской власти. Многие же не верили (и среди ученых), что Советская власть вернется, а Иван Иванович был уверен, что он поработает на этой ответственной работе и внесет какую-то свою лепту в возвращение Советской власти. Все мотивировалось именно любовью к Родине, и проявление его патриотических чувств выявилося именно в том, что он остался на такой работе.

Я передал начало нашего разговора с Иваном Ивановичем, когда он был направлен ко мне секретарем райкома. Потом беседа продолжалась, говорилось о задачах, какие стоят перед подпольным райкомом, что делать. Обком подпольный должен был руководить подпольным райкомом. Я говорил: «К вам придут. Но если каким-то образом не получите указаний, действуйте сами — у Вас есть члены райкома, связные. Проводите работу, вселяйте уверенность в умы советских людей, что эта оккупация — временная, чтобы люди чувствовали себя уверенней. Когда обживетесь немного, подбирайте боевые группы для того, чтобы вредить немцам. Если будут сведения о воинских частях и т. д. передавать их Обкому» (в райкомы рации не давались).

Иван Иванович Бакулин верил, что война завершится победой Советской власти. Осталось одно его письмо, которое еще раз свидетельствует об этой глубокой его вере.

Со своей стороны я считаю, что необходимо увековечить память Ивана Ивановича Бакулина. Быть может, целесообразно в ближайшее время назвать его именем одну из улиц нашего города (к 20-й годовщине освобождения Харькова). [...]

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-11278, оп. 1, д. 29, л. 1–9. Копия, машинопись).

№ 44

Воспоминания бывшего секретаря Харьковского горкома КП(б)У В. А. Рыбалова. «Иван Иванович Бакулин»

С апреля 1936 года по май 1952 года я работал в Харьковском горкоме КП(б)У, занимая, последовательно, должности: заведующего Военным, Оргинструкторским отделами, а затем секретаря Горкома по пищевой промышленности. Одновременно, с 1939 года, являлся и секретарем первичной партийной организации аппарата Горкома партии.

Каждая из занимаемых мною должностей связывала меня с первичными партийными организациями города, в том числе и с Сельхозинститутом, секретарем партбюро которого был тов. Бакулин.

В деловой обстановке, с Иваном Ивановичем Бакулиным я встречался много раз, приглашая его в Горком партии как по вопросам оборонно-массовой работы Осавиахим⁶⁸⁸, Красный Крест, МПВО⁶⁸⁹, Мобропта⁶⁹⁰, Военно-шефская и физкультурная работа, Ополчение, истребительный батальон и т. д., так и по вопросам внутрипартийной работы. Несколько раз я бывал и у него, в партбюро.

Иван Иванович оставил у меня впечатление как исполнительный, дисциплинированный, аккуратный и трудолюбивый партийный работник и скромный, мягкий и доверчивый человек.

Он был принципиальным. Правда случай, который я привожу ниже, незначителен, но тем ярче он подчеркивает принципиальность Бакулина в серьезных партийных делах.

Как-то партбюро горкома партии решило для работников аппарата Горкома организовать по вопросам сельского хозяйства цикл лекций. Я пригласил в горком партии тов. Бакулина (как секретаря парторганизации) чтобы договориться о тематическом плане и составе лекторов. Имея ввиду, что специалисты института по своей отрасли читали лекции сотни

раз и в специальной подготовке не нуждались, я хотел чтобы первая лекция состоялась на следующий день. Выслушав меня, Иван Иванович стал настойчиво просить меня чтобы первая лекция была проведена дня через три, дабы лектор основательно подготовился. Мои доводы не помогли, и я вынужден был согласиться с ним.

— Как бы хорошо лектор ни знал тему, он обязан перед лекцией обязательно посмотреть, что нового в литературе и периодической печати и тщательно проштудировать тему, — заявил т. Бакулин И. И.

Интеллигентность т. Бакулина сквозила во всем — в его лице, в широком круге знаний, поведении, манере говорить и держать себя.

Черты его лица были легко запоминаемы. Несколько смуглое лицо, продолговатая голова, глубоко сидящие в орбитах глаза, оттопыренные уши, высокий лоб, несколько облысевшая передняя часть головы, широкий рот.

Речь медленная. Вдумчивая, возможно, что он так говорил в официальной обстановке, а может быть это было и его характерной чертой.

Не в официальной обстановке мне встречаться с Иваном Ивановичем не приходилось, так что характеризовать его быт я не могу.

Занимаясь общественной работой (по линии Военно-научного общества и Исторического музея) в области Харьковского народного ополчения, партизанского движения, партийного и комсомольского подполья, я познакомился с гр. Фенькиным, который рассказал мне о тов. Бакулине следующее: Иван Иванович Бакулин жил до войны по ул. Свердлова, 62, на 3 этаже в квартире № 6 (теперь 13), принадлежавшей юристу Бекману Ивану Юрьевичу (Бекман и его жена умерли). Тов. Бакулин занимал одну комнату.

Перешел на эту квартиру Бакулин года за три до начала войны. Детей у него не было. Жили вдвоем с женой Клавдией Ивановной, человеком спокойным и отзывчивым, которую он очень уважал и любил. Семью Бакулиных соседи уважали.

Иван Иванович очень много работал. Уходил на работу очень рано и возвращался домой поздно вечером.

То ли от усталости, то ли в силу своего характера, он общался с соседями очень редко. Был несколько замкнутым.

Дружили они лишь со своими квартирохозяевами Иваном Юрьевичем Бекманом и его женой.

Эвакуировав в сентябре 1941 года свою жену, Бакулин больше в квартиру не возвращался.

По заявлению гр. Фенькина поздней осенью 1941 года, он случайно заметил на другой стороне ул. Свердлова стоящего в раздумье т. Бакулина. Он был в демисезонном пальто с поднятым воротником. Лицо его было обращено к их дому. Заметив его, Иван Иванович быстро скрылся в Гончаровском сквере.

Больше Фенькин его не встречал. О зверской расправе фашистов с Бакулиным Фенькин узнал после освобождения Харькова войсками Красной Армии.

Жители дома, в котором жил Иван Иванович, ничего о нем не знают.

В обкоме КП(б)У подбором подпольных работников занимались непосредственно второй секретарь Профатилов Илья Иванович и секретарь по кадрам Петров Григорий Гаврилович⁶⁹¹. В Горкоме КП(б)У — третий секретарь Смирнов Алексей Иванович и секретарь по кадрам Каверин Владимир Никитич⁶⁹².

В райкомах партии работе по подбору подпольных работников была возложена на первых секретарей райкомов.

В Киевском райкоме КП(б)У подбором подпольщиков занимался первый секретарь Борис Андроникович Коваль, умерший в Киеве в конце пятидесятых годов.

2 сентября 1963 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-11278, оп. 1, д. 24, л. 1–8. Копия, машинопись).

№ 45

Письмо вдовы подпольщика И. А. Попроскуна Н. Е. Григорьевой о деятельности и аресте мужа

Мой муж, Иван Андреевич Попроскун⁶⁹³, бывший директор 27-й средней школы, которая находилась тогда на Балашовской улице, был участником Сопrotивления, погиб летом 1943 года перед уходом из Харькова немцев.

Мы жили в одном из разрушенных теперь домов в саду Квитки-Основьяненко, наша семья состояла из 5 человек, с нами жили: моя мать и два племянника — студент ХММТ⁶⁹⁴, племянник мужа и ученица 1-го класса — моя племянница. Мы все, кроме мужа, должны были эвакуироваться в Новосибирск, но мать, недавно вернувшаяся после операции, категорически отказалась уезжать, а я не могла оставить больную мать и не могла уговорить ее ехать с нами. Муж работал по эвакуации населения Октябрьского района и надеялся отправить нас в Элисту, но мы пропустили все сроки. Племянник уехал с техникумом, но этот состав подвергся в Алчевске⁶⁹⁵ бомбежке и через несколько дней мальчик вернулся домой. Муж ушел с последними воинскими частями вместе с В. С. Любимовым (быв. зав. Октябрьским РОНО⁶⁹⁶) и М. Ф. Красниковым (быв[шим] директором 54-й школы). Собираясь в эвакуацию, мы имели только немного продуктов, уже через неделю после оккупации нам надо было менять

вещи на продукты. Несколько месяцев мы боролись с голодом, который особенно одолевал 15-летнего племянника, кроме того ему угрожала отправка в Германию и мы решили, что он уйдет в село к деду. Это было далеко по тем временам — с. Ястребенное Сумской обл. — но и в Харькове ему нельзя было оставаться. О муже я ничего не знала, но ко мне часто заходили учителя 27-й школы, они рассказывали разные слухи о муже, то о его повешении, то видели его среди пленных. Борьба с голодом, стремление сохранить жизнь близким придавали мне силы, большую роль сыграла поддержка химиков университета, они организовали нелегальную спичечную артель, в которой с февраля [19]42 г. начала работать и я. Это была для меня не столько материальная, сколько моральная поддержка — я была в коллективе ...

Такое существование длилось до осени (сентябрь — октябрь) 1942 г., когда к нам неожиданно зашел М. Ф. Красников. Он рассказал, что с мужем они работали в Луганске в горОНО⁶⁹⁷ до эвакуации города, где-то они попали в окружение и начали пробираться в Харьков; муж задержался по дороге у брата за Люботином⁶⁹⁸. Предстоящая встреча с мужем меня не обрадовала, а сильно встревожила, у меня было тяжелое предчувствие. Как они решились вернуться в Харьков, занятый немцами, что их может ждать здесь? Через два-три дня после визита Красникова пришел муж, это была тревожная встреча, я не представляла как уладится вопрос с пропиской мужа и вообще с его пребыванием на оккупированной территории. Муж — оптимист по натуре — не разделял моей тревоги и сказал, что все уладится... На второй день он ушел на несколько часов, а вернувшись, сказал, что встретил знакомых, которые смогут за него поручиться при прописке; рассказал, что встретил Алексея Махонькова, бывшего ученика 27-й школы, он держал на рынке пивнушку⁶⁹⁹... Вскоре муж прописался и начал хлопотать о пропуске для поездки к родным в Сумскую область, уехал он через несколько дней и вернулся дней через 10. Сразу после возвращения муж заговорил об устройстве на работу. Но куда можно было устроиться здоровому мужчине в оккупированном городе? Он сказал, что пристроится, где-нибудь в жилкопе⁷⁰⁰ счетоводом или даже дворником, лишь бы дотянуть до прихода наших войск... Муж начал ходить на работу, но я никак не могла добиться, что у него за работа, он отшучивался, говорил, что он вроде рассыльного, приходится заниматься и счетоводством. Как-то я видела, что муж выходил из пивной на рынке, которую содержал Махоньков; дома у нас был разговор об Алексее и его пивнушке, я нелестно отзывалась о мужчинах, которые в такое трудное время не могут отказать себе в удовольствии выпить, а тем более заниматься предпринимательской деятельностью... Одно время я преподавала в 27-й школе химию. Алексей тогда учился в 10-м классе, он был секретарем комсомольской ячейки и отличным учеником,

знала, что он учился в юридическом институте и вдруг пивнушка... Муж горячо защищал Алексея, сказал, что ему — инвалиду совсем нелегко просуществовать самому и содержать родных, пивную содержат они всей семьей, и она их кормит. Муж часто приходил домой поздно вечером, я очень волновалась за него, у нас бывали размолвки, но он очень легко относился к ним, отшучивался. Иногда муж рассказывал новости с Большой земли. Однажды муж зашел за мною в университет, по дороге домой мы встретили на Москалевке⁷⁰¹ человека, лицо которого показалось мне знакомым, поздоровавшись с мужем, он сказал ему, чтобы тот не опоздал на совещание. На мой вопрос, кто это? Муж ответил, что это бывший инспектор Октябрьского РОНО, но почему они должны встретиться и кем тот работает, толком ничего не ответил, перевел разговор на другую тему. Я переставала понимать мужа, с одной стороны он, по прежнему, хорошо ко мне относился, как будто доверял мне, но я чувствовала, что он что-то от меня скрывает. На следующий день утром к нам пришел человек и сказал, что мужа срочно вызывает бургомистр⁷⁰² и муж сразу же уехал на велосипеде... Меня захлестнуло подозрение, почему мужа вызывал бургомистр, кем он работает? Вечером он снова вернулся поздно, его объяснениям я уже не верила, его шутки не помогали восстановить наши дружественные отношения, я чувствовала отчужденность к мужу. Я уже не сомневалась, что муж работает в управе и так была потрясена этим открытием и отношением мужа к моему возмущению его работой, что готова была уйти от него, но куда?

Мама убеждала меня не судить его так строго, она слышала о нем много хорошего, что он многих спас от посылки в Германию и даже от смерти. Я также знала, что ему удалось освободить от посылки в Германию многих своих учеников, но это, по-моему, не оправдывало его работу в управе. Объяснение с мужем не убедило меня в правоте его поступков, но поколебало мое убеждение в его «падении». Он сказал мне, что работая в управе он может принести немало пользы нашим людям и я неправа, что всех работающих у немцев я отношу к врагам народа, просил не спрашивать у него о том, чего он мне не может сказать, и больше верить ему... В феврале [19]43 г., перед приходом в Харьков Красной Армии, муж сказал, что управа готовится к эвакуации, но он не думает уезжать, ему придется на несколько дней скрываться. Одну ночь он не ночевал дома, а затем поселился в подвале и никуда не выходил до прихода Красной Армии. После прихода Красной Армии у нас в доме всегда было многолюдно, я уже знала, что муж многих спас и от немецкой каторги и от смерти. Муж снова активно работал в облОНО⁷⁰³ и дома почти не был. Наша квартира сильно пострадала от бомбежки, особенно перед приходом Красной Армии, муж начал перевозить вещи в дом на Полтавской ул. № 3, но полностью переселиться мы не успели, т.к. наши войска оставляли Харьков. Муж собрался уходить вместе с Дышлюком (бывш[им] дирек-

тором средней школы № [?] ⁷⁰⁴ на Марьинской ул.), с женой которого мы немного провели их до центра, они должны были явиться в облОНО. На второй день после возвращения в Харьков немцев ко мне зашел на Полтавскую ул. управляющий домами Подкопаев и сказал, чтобы вечером я пришла к нему домой и взяла вещевой мешок мужа, рассказал, что на Салтовском шоссе путь ему перерезали немецкие войска, и он вернулся в Харьков, оставил мешок у Подкопаева, а сам пошел на старую квартиру. Это известие меня сильно встревожило, я была уверена, что муж ушел с нашими и вдруг снова на оккупированной территории... С трудом я добралась в сад Квитки, мост был взорван и от нашей квартиры осталась только одна половина. Муж мне рассказал то же, что я слышала от Подкопаева. На вопрос, что он будет теперь делать? Ответил, что придется работать на старом месте, он узнал, что не все сотрудники управы смогли уехать с немцами в то, что он не уезжал не вызовет подозрения. Вскоре муж начал работать, место для канцелярии ему не сразу выделили и первое время он принимал в квартире. У нас появились большие неудобства, т. к. нам приходилось жить на две квартиры, муж ночевал то на Полтавской, то в саду Квитки и убедил меня в том, что переезжать маме к нам на Полтавскую нецелесообразно. С этого периода у меня началась очень тревожная жизнь, муж работал очень много в канцелярии, к нему постоянно приходили люди, очень часто он возвращался поздно, я волновалась: мама мне рассказывала, что на Полтавской улице у него тоже были посетители, иногда ночевали, хотя на втором этаже там жили шоферы немецкой армии (главным образом голландцы и другие иностранцы). Среди посетителей канцелярии мужа я часто видела бывших учеников его, не раз заходил Алексей Махоньков; однажды Алексей пришел, когда мужа не было дома и хотя я сказала ему, что едва ли он дожидается Ив[ана] Андреев[ича], из района. Он обычно возвращался нескоро, но Алексей не уходил, рассказывал мне разные новости о положении на фронтах, заговорил о моем отношении к его деятельности. Я поняла, что муж ему все рассказывал о наших размолвках и спорах. Алексей был интересный собеседник и очень умный человек; он очень высоко отзывался о деятельности мужа и сказал, что мои упреки ему о том, что ему надо было стремиться пробраться к нашим, чтобы защищать Родину, безосновательны, что здесь он сделает несравненно больше... Вскоре пришел муж, Алексей обедал с нами и этот обед напомнил мне прежние обеды в кругу друзей; Алексей советовался с мужем как провести лучше сбор одежды и средств для партии раненых красноармейцев, которых спасли комсомольцы и о паспортах для них. Я хотела уйти, чтобы не мешать их откровенным разговорам, но они оба запротестовали. Алексей сказал мне, что муж не рассказывает мне о своей деятельности не потому, что не доверяет мне, а потому что не может этого сделать, да и мне слабой, больной женщине лучше знать меньше, но верить мужу больше...

Это посещение и обед надолго остались в моей памяти, но как тогда, так и позже меня не покидало чувство вины перед мужем за то, что я мало доверяла ему, я готова была загладить свою вину и все для него сделать, но я мало могла помочь ему. Постоянная тревога за мужа вконец подорвали и без того слабое здоровье, в мае я заболела и почти до ухода немцев не могла поправиться. Я уже знала, что муж снабжает паспортами выздоравливающих пленных красноармейцев, помогала ему заполнять анкеты, расписывалась как поручитель. В одной партии анкет в графе «профессия» значилось «арычник»⁷⁰⁵, обратила внимание мужа, что у нас нет такой профессии, она может вызвать подозрение в спецотделе: эти анкеты муж отложил и после принес их, специальности были обычные (плотник, чернорабочий...). Таких анкет муж заполнял много, он приносил и паспорта, и мне говорили, что очень многим бывшим раненым и пленным красноармейцам удалось пробраться к своим войскам.

Мы прожили с мужем 17 лет и я сразу узнавала по настроению, если у него была какая неприятность или радость; один раз он пришел среди дня с работы и начал пересматривать свои документы, на мой вопрос, что случилось? Он ответил, стараясь казаться даже веселым, что ничего не случилось, но я была уверена в обратном. Мне удалось убедить его в том, что для моего же спокойствия мне лучше знать заранее какая предстоит неприятность ему и, следовательно, мне. Он сказал, что тревожиться незачем, т. к. хотя в спецотделе и есть на него заявление о том, что он выдает паспорта партизанам и спасает коммунистов, но бургомистр (Гуков⁷⁰⁶) сказал ему, что он за него поручился и дал ему хорошую характеристику. Незадолго перед этим на двери его канцелярии появился плакат: «Без доклада никому не входить — кроме коммунистов». Этот плакат увидел сосед, покойный ветврач К. Н. Доманский, он снял его и дал мужу. Муж предлагал мне перебраться к его брату за Люботин, считал, что мне там будет спокойнее, но я категорически отказалась уходить одна и готова была ко всяким неожиданностям. Мужа вызывали в спецотдел по поводу заявления, но все обошлось благополучно благодаря характеристике Гукова. Муж от меня скрыл, что его вызывали и в гестапо, об этом мне говорил Гуков, когда мужа арестовали, но тогда этот вызов не повлек за собой ареста. Мы оба понимали, что если мужа арестуют, не оставят в покое и меня и не раз говорили о том как мне вести себя в таком случае. Муж советовал мне говорить, что мы с ним плохо жили, ссорились и я даже ушла от него на другую квартиру, а он остался с матерью на старой квартире (кстати многие считали, что это его мать, так считал и следователь, который меня допрашивал), это можно было легко подтвердить, т. к. муж действительно часто ночевал на старой квартире. Вскоре после этой истории к нам зашел со стороны соседей немецкий полицейский с нашего участка с собакой и несмотря на «охранную грамоту», висевшую на внутренней двери квартиры, что муж сотрудник управы и его имущество

и квартира находятся под охраной немецкого командования, начал выдвигать ящики письменного стола, открывал шкаф и всюду заглядывал... Я возмутилась, спросила, что ему надо? Он ответил, что ищет немецкие вещи, которые были разграблены, когда немцы оставили Харьков, но теперь убедился, что у нас ничего нет, а у соседей он обнаружил посуду... Муж в тот день вернулся поздно, но узнав о посещении полицейского тотчас уехал и сказал, что будет ночевать дома. Я советовала мужу оставить работу в управе и уехать из Харькова, он сказал, что это придется сделать, но немного позже, он должен привести в порядок все свои дела. Мне он сказал, чтобы я подготовилась к уходу в село «на менку»; Гуков обещал отпустить его с управы, и мы уйдем вместе. Через некоторое время муж оставил работу в управе, но продолжал доставать паспорта, все время заполнял анкеты, в спецотделе был еще кто-то из «своих». В пивнушку к Алексею он сам не заходил, иногда я передавала Алексею пакет, но большей частью они встречались в другом месте. Я знала, что в организации работает много людей, но фамилий их не знала, хотя догадывалась, что многие из приходящих к мужу работают вместе с ним. В двадцатых числах июля к нам зашел прежний немецкий полицей с собакой, но теперь в сопровождении украинского полицей; наружную дверь немец закрыл на ключ и привязал к двери собаку, когда попыталась выйти, и несмотря на мой протест начал обыск. Украинский полицей сказал, чтобы я не возмущалась и не препятствовала обыску, пусть немец ищет, что ему нужно, то что ему нужно? Обыск начался с письменного стола, ему попались ящики с моими делами, это были черновики лабораторных журналов, рукописи, статьи и другие материалы по химии; все это немец вынимал, показывал украинцу, тот говорил «никс» и немец все бросал на пол. На вопрос, где дела мужа? Я ответила, что они должны быть у него в канцелярии. Не досмотрев письменный стол, немец начал рыться в книжном шкафу, тоже выбрасывал книги на пол, заставлял украинца смотреть, что это за книги, но там были только книги по химии, физике и математике. Наконец немец начал выбрасывать вещи из платяного шкафа, в ящиках он обнаружил динамик и радиолампы, издав радостный возглас он показал их украинцу, но тот повторил мое замечание, что это старые лампы, а вторая вещь вовсе не динамик, а часть физического прибора, в ящиках были другие части от физических приборов из школьного физического кружка. Я обратила внимание, что украинец подтверждал все мои показания, он сказал мне, чтобы я убрала динамик, пока немец обыскивает шкаф. С собой немец прихватил некоторые мои вещи и спохватился за лампы, но украинец убедил его, что они перегорели и тащить их нет смысла; немец был ужасный невежда, это сразу чувствовалось. Обыск продолжался часа два, и я волновалась, что может вернуться муж, но он пришел после ухода полицей и узнал о случившемся тотчас уехал на велосипеде, меня просил сообщить осторожно Алексею об обыске. У нас

несколько дней жила племянница мужа, во время обыска она была на старой квартире и я поджидала ее, немного приведя в порядок квартиру; только она пришла и я хотела пойти к Алексею, как услышала тихий стук в дверь, открыв ее увидела полицаю, он шепотом сказал мне, что муж арестован, сидит в подвале полицейского участка на Украинской улице и чтобы я принесла ему туда пальто и еду, что все это можно отдать мужу в форточку, а он будет дежурить у двери. Были уже сумерки, я решила пойти сначала в участок, а потом к Алексею, но когда несла передачу мужу, увидела возле церкви на Заиковке⁷⁰⁷ Алексея, он стоял с каким-то полицаем и тотчас подошел ко мне, он уже знал об аресте мужа. Мы условились с Алексеем, что утром я постараюсь увидеть его, и мы договоримся, что можно сделать, сказал, что среди полицаяев есть свои люди. Мужу я отдала передачу, и мне он сказал, что утром его должны отвести в гестапо. Когда я возвращалась от мужа, на углу Украинской и Заиковской улиц стоял тот полицай, что приходил сказать мне об аресте мужа, он сообщил, что в 10 час[ов] утра мужа будут переводить в гестапо, сопровождать его будет он с другом, чтобы я подошла к пустырю возле 6-й поликлиники, через него будут вести мужа. Утром я дождалась мужа в сопровождении двух полицаяев и пошла за ними в стороне, но когда мы зашли за деревья мне сделали знак, чтобы я подошла, мы пошли с мужем рядом, а они позади. Муж отдал мне свои часы, вынул из портфеля папку с бумагами и сказал, чтобы я постаралась передать ее Алексею, если же это не удастся, чтобы спрятала ее в сарае; я пошла с мужем до центра, а затем шла за ними в стороне до гестапо на ул. Чайковского. Муж просил меня зайти к Гукову, сказать о его аресте, что я и сделала, вернувшись от гестапо. Гуков обещал узнать, в чем обвиняют мужа, сказал, что это та же история, по которой и раньше мужа вызывали в гестапо — клеветническое заявление. На следующий день Гуков мне сказал, в участке ему сообщили, что мужу предъявляют серьезное обвинение и о нем надо узнавать в гестапо, советовал мне зайти на следующий день к нему, может он что-нибудь узнает, но я к нему больше не ходила. У меня было много забот, надо было передать папку Алексею, спрятать найденные в ящике мужа анкеты на паспорта и еще сходить к маме, а сил после всего пережитого не было... Дома я узнала, что меня спрашивала седая женщина, обещала зайти позже, вскоре она пришла, это оказалась мать Алексея; она мне сообщила, что Алексея утром арестовали в пивной, мы условились на следующий день пойти в гестапо, узнать о наших близких. Мы узнали, что арестованные находятся в тюрьме на Совнаркомовской улице, но передачу от нас не приняли ни в тот день, ни на следующий. В один из первых дней после ареста мужа, ко мне пришли две женщины, они сказали, что хотят помочь мне чем-нибудь в заботах о муже, сказали, что хорошо его знают, говорили очень тепло о нем и просили принять от них

мясо и язык (они работали на бойне), я взяла язык и приготовила его для передачи мужу, но сделать эту передачу мне не удалось, меня арестовали. Домой к нам пришли два немца, вернее один, второй в немецкой форме — переводчик. Снова был обыск, на этот раз очень тщательный, проверили все бумаги в письменном столе, в шкафу, смотрели все вещи в доме, взяли диплом мужа, его фотографию и мою и предложили мне и племяннице ехать с ними. На мой вопрос: что я могу с собой взять, и куда нас берут? Ответили, что берут нас для допроса и что можно взять с собой перемену белья и немного продуктов. Я просила не брать племянницу, т. к. девочка приехала несколько дней назад к нам и зачем ей идти в тюрьму, но следователь был непреклонен. Квартиру нашу опечатали, ключ отдали соседям, и мы уехали в открытой машине с арестовавшими нас. В гестапо нас зарегистрировали, а затем с переводчиком отправили пешком на Совнаркомовскую — в тюрьму. Меня поместили в 45-ю камеру на втором этаже, племянницу на той же стороне через одну камеру. Моя камера представляла собой довольно большую комнату с двумя окнами и выбитыми зарешеченными рамами, она была битком набита женщинами; я стояла возле двери, не видя, где можно пристроиться, ко мне подошла женщина и сказала, что я могу поместиться рядом с нею. Сразу я не узнала женщину, но она сказала, что помнит меня по университету, она была буфетчицей на втором этаже корпуса физхиммата и я часто у нее питалась, ее взяли после ареста сына, который подозревался в участии нападения на немцев. Я уехала в одном платье и не представляла, что мне не на чем будет даже сидеть, женщина предложила мне место рядом с собой на полу на подстилке. Вечером, когда разносили ужин, раздатчица спросила у меня, не я ли жена бургомистра, я ответила, что муж не был бургомистром, но работал в бургомистрате, она показала мне пальто и спросила: узнаете пальто? Это было пальто мужа; он видел из окна своей камеры, когда нас вводили с племянницей во двор тюрьмы, его камера оказалась напротив моей (43а), еще женщина сказала, чтобы завтра я вышла выносить «парашу» и муж выйдет. Состав камеры был чрезвычайно пестрый, были уголовники, бродячие монашки, но значительное число было женщин, арестованных по политическим мотивам. Мне женщины устроили дежурство вне очереди, и на следующий вечер я выносила ведро («параша» была мне не под силу); в коридоре выстраивались все дежурные с ношами и мы с мужем оказались рядом. Пока выносили парашу и строились, мы смогли переброситься с мужем несколькими фразами. Я узнала, что его еще не допрашивали, выяснила какой у него паспорт, вопрос, который меня сильно беспокоил после ареста; он снова напомнил, чтобы я говорила, что ничего не знаю, и что мы жили плохо, я сообщила ему об аресте Алексея. Для женщин в тюрьме были некоторые привилегии, по утрам их выпускали во двор на прогулку, но меня

и еще одну женщину из камеры не выпустили. Женщина мне рассказала, что ее не выпускают потому, что их с дочерью подозревают в убийстве немца, который ухаживал за дочерью, а потом его нашли убитым у их дома. На ее расспросы я сказала, что не знаю, за что арестован муж, но думаю, что это недоразумение и скоро выяснится, еще она мне сказала, что если и дальше меня не будут выпускать на прогулку, то это верный признак, что обвинение серьезное... Я старалась не говорить о муже, хотя охотницы расспрашивать все время меня осаждали, я благодарна своей соседке, приютившей меня рядом, она умела их отваживать.

На следующее утро меня снова не выпустили на прогулку, но вскоре вызвали на допрос. Конечно, я страшно волновалась, хотя всеми силами старалась успокоиться, к тому же у меня сильно кружилась голова; я и до ареста чувствовала слабость, а в тюрьме почти не спала, мало ела, на допрос пошла до завтрака и меня к тому же тошнило. Допрашивал меня тот же следователь, что арестовал, с тем же переводчиком. Следователь велел мне рассказать все, что я знаю о «темных делах» мужа. Я сказала, что ничего не знаю о делах мужа, т. к. не интересовалась ими и не понимаю, что он подразумевает под «темными делами», работу мужа в управе? Он начал кричать на меня, сказал, что если я буду прикидываться незнайкой, то со мною поступят также как с бандитами, с которыми «разговаривают» за стеной, оттуда все время слышались удары плетки, крики... Я подумала, что это мог быть и муж, и хотя вся дрожала, но грубость немца вызвала возмущение, протест и я довольно громко ответила, что они могут сделать со мною, что угодно, но я не могу сказать им о том, чего не знаю и замолчала, т. к. не могла сразу справиться с волнением. Мне задавали много вопросов, спрашивали кто бывал у мужа, называли имена и спрашивали, знаю ли я этих людей, я отвечала отрицательно. Спрашивали, чем муж занимался на Салтовском шоссе? Я ответила, что они что-то путают, муж работал на Заиковской в управе⁷⁰⁸, его канцелярия была на Грековской, а на Салтовском шоссе он никогда не бывал. Следователь рассвирепел и пригрозил мне плеткой, он сказал, что хотя я слабая женщина, но если я буду отпираться, он вынужден будет прибегнуть к крайним мерам, кто поверит, что жена не знает ничего о делах мужа?

Он не сомневается, что я знаю, за что арестован мой муж, я бы могла помочь следствию и тем облегчить и его участь... Я ответила, что совершенно ничем не могу помочь им, не всегда жена может знать о делах мужа. Хотя мы и условились, что я буду все отрицать и скажу, что мы жили плохо и потому я ничего о нем не знаю, я долго об этом не могла сказать и только на вопрос следователя как мы жили с мужем? Я ответила, что жили плохо... А почему плохо? Я не знала, что сказать и смутилась; немец сказал, что я могу не говорить о наших интимных отношениях, но какие-то причины плохих отношений у Вас были? Неуверенно я ответила, что муж нечутко ко мне относился, редко бывал дома, даже когда

я болела... Обращаясь к переводчику немец воскликнул: «Ну и муж!» Мне он сказал, что муж был «главарем бандитской шайки, он доставал бандитам паспорта, не давал возможности нормально мобилизовывать молодежь для посылки в Германию...». После этого я ничего не помнила, очнувшись в камере от холода, приводя меня в чувство, женщины облили меня водой. В тот же вечер мы встретились у «парашей» с мужем, я коротко передала содержание допроса, нашему разговору способствовал сильный ливень, муж набросил на головы плащ и мы шли, беседуя под охраной дождя. На другой день вызвали на допрос мужа. Обычно, полицией выкрикивал в коридоре номер камеры и фамилию вызываемого, а затем выпускал его. Я долго прислушивалась к шагам в коридоре, но возвращение мужа не уловила. С «парашей» вышел товарищ мужа по камере, бывший командир (когда он дежурил на кузне и раздавал пищу, то передал от мужа головку чеснока), он сказал, что допрос был тяжелым и пока муж не сможет выходить на дежурство с парашей...

На следующий день после допроса мужа, вызвали меня, я приготовилась к самому худшему, но, вопреки ожиданиям, со мной обращались гуманно; в камере, куда меня привели, был другой переводчик, симпатичный блондин, сказал, что я должна подписать протокол моего допроса и ответить следователю на несколько вопросов. Конфиденциальным тоном он посоветовал мне не наговаривать на мужа, но и не отпираться от того, что мне известно. Я с возмущением ответила, что мне не от чего отпираться, а наговаривать я тем более не стану. Вошел следователь, который допрашивал меня, он спросил, почему я не уехала в Германию, когда научным работникам университета предлагали это? (значит, обо мне узнавали в университете) я ответила, что не могла оставить старуху мать. На второй вопрос ответил переводчик прежде, чем перевел мне его. Почему после занятия Харькова немецкими войсками муж пробирался в Харьков, а не остался там, вероятно у него было задание? Переводчик ему ответил, что это нередкое явление, когда после занятия города эвакуировавшиеся возвращаются к себе домой, я ответила почти также. Но почему мой ответ предупредил переводчик? Уже следователь задал еще несколько вопросов о муже: о годе его рождения, о его родных, работе до войны. Переводчик прочитал мне протокол допроса, и я подписала его. После допроса я была в тюрьме дня три-четыре, время тянулось бесконечно долго. Вновь прибывшие арестованные рассказывали, что дела у немцев плохи, скоро наша армия освободит Харьков. Меня вместе со всеми женщинами выпускали на прогулку, казалось, режим в тюрьме стал мягче: так, мама передала посылку и я хотела дать часть продуктов мужу, мне посоветовали попросить одного из дежурных полицейских, сопровождавших нас на прогулке, о передаче мужу и тот сразу согласился. При раздаче завтрака дежурная снова передала мне просьбу мужа выйти с «парашей», в тот же вечер мы встретились; муж был неузнаваем, видно

было, что его сильно били, говорили мы мало, он сказал, что меня должны отпустить, если я уже подписала протокол, говорил, что ему будет грустно без меня, но он рад, что мне не угрожает больше допрос, а он сможет выдержать. Мою передачу полицай отдал мужу, я обещала, как только выйду передать мужу белье и ботинки.

В одну из прогулок меня вызвали к коменданту, там я увидела мать Алексея и сестру (Лену), нам выдали справки и я пошла в сопровождении карнача⁷⁰⁹ в камеру за вещами; я спросила карнача, не может ли он передать мужу пальто и оставшиеся продукты, камера мужа напротив. Карнач открыл дверь в камере напротив и выпустил мужа, я отдала ему передачу и мы простились. Я не чувствовала радости освобождения, в тюрьме я могла видеть мужа и знать, что с ним, а выйдя на волю, чем смогу помочь ему? За воротами тюрьмы ко мне подошли родные Алексея — мать и две сестры, мы условились утром попытаться сделать передачу, может, что удастся узнать о родных. Домой из тюрьмы я возвращалась несколько часов, улицы были забиты отступавшими немецкими войсками и техникой, в городе было беспокойно, на улицах хватали людей в машины, люди разбегались, прятались в дворах — немцы угоняли здоровое население в Германию. Я пробралась в старую квартиру в сад Квитки к маме, она рассказала, что племянницу выпустили через три дня после ареста, она уехала с отцом домой. В течение трех дней мы с родными Алексея ходили к тюрьме, но передач уже не принимали, у ворот тюрьмы собирались толпы родственников арестованных, говорили, что ночью заключенных вывозили в Куряж и там в лесу расстреливали. Пьяные полицаи выстрелами разгоняли толпу, но она снова собиралась к воротам тюрьмы. На третий день ворота тюрьмы были раскрыты настежь, выехало несколько крытых машин с усиленным нарядом полицаев, поднялся страшный плач среди толпы, люди бежали за машинами, говорят, нашли несколько брошенных из машин записок — прощание с родными...

Через несколько дней после моего возвращения из тюрьмы к маме приходил бывший завхоз школы и рассказал, что соседка его матери бежала из Куряжа, она рассказывала, что видела в лесу мужа. Я пошла на Елизаветинскую улицу к матери завхоза, чтобы та провела меня к женщине, бежавшей из Куряжа. Старуха долго не соглашалась провести меня к той женщине, ссылаясь на то, что ей она рассказала по секрету и нет смысла теперь говорить с нею, все равно муж мой уже погиб... Но я упростила старуху проводить меня к женщине.

Мужчина, вышедший на наш стук, ответил, что жены нет дома, но старуха сказала, что видела ее в окно (квартира была в полуподвальном этаже), выругавшись, мужчина впустил нас. В комнате была та самая женщина, что разносила еду и передала мне пальто мужа. За что она была арестована и почему знала мужа, мне так и не удалось узнать. Сначала она сказала, что не знает мужа и ничего не говорила старухе, но послед-

няя вмешалась, начала уличать ее в неправде и я была в отчаянии, что ничего не узнаю о муже, женщина сказала, что видела мужа во дворе тюрьмы в Куряже, когда заключенных привезли из Харькова, больше она не стала ничего говорить и просила нас уйти...

На обратном пути старуха твердила, что женщина (забыла ее имя) говорит неправду, она ей рассказывала, что видела мужа в лесу, из которого ей удалось бежать. После освобождения Харькова ко мне приходил человек из МГБ, он сказал, чтобы я подала список вещей, которые у нас забрали при немцах, он сказал: «Ваш муж погиб за Советскую власть и мы должны помочь его семье», но мне было не до вещей... У меня был следователь из городского отделения МГБ, я подробно рассказывала об аресте и допросе. Приблизительно через неделю после освобождения Харькова мы со старшей сестрой Алексея ходили в Куряж, это было через несколько дней после освобождения Куряжа, мы встречали еще не убранные трупы. Бывшая тюрьма была пуста, нам рассказали ближайшие жители, куда в лес вывозили заключенных для расстрела. Мы пошли в лес по указанному направлению, обнаружили небрежно зарытую большую яму, вокруг валялись мелкие вещи, чулки, носы, тряпки. В лесу было совершенно пусто, жуткая тишина, у могилы было невыносимо... Нам сказали, что заключенных расстреливали у двух больших ям, которые они сами рыли, вторую могилу мы нашли не сразу, она была зарыта хуже первой, виднелись волосы, руки, ноги, так же валялись тряпки, но никаких признаков, что здесь были наши близкие, мы не обнаружили. Я слышала, что будут раскопки этих могил, В. С. Любимов, работавший тогда в горОНО, обещал известить меня об этом, но я так ничего и не знала об этом событии, возможно это произошло во время моей болезни. Первые годы мы встречались с родными Алексея, но потом я потеряла с ними связь. Я знала, что в той же группе Сопротивления с мужем участвовал Кулаков И. В.⁷¹⁰, он работал в одной строительной организации на Пушкинской ул., но я так и не могла его там застать. Мать говорила мне, что ей Любимов сказал, что видел труп мужа в братской могиле во время раскопки, а мне он отвечал на мой вопрос о муже отрицательно. Весной этого года ко мне заходила участница Сопротивления Наталья Пименовна Протопопова⁷¹¹ и я обещала ей написать, что я знаю о деятельности мужа в период оккупации Харькова. Я давно принималась за это описание, но выполнить его мне было очень трудно...

Подпись.

[Р. С.] Я читала книгу «Солдаты в белых халатах» и думала, что в продвижении медработников есть доля и пока неизвестных широкому кругу читателей солдат: Попроскуна, Махонькова, а может и других, отдавших свои жизни во имя Родины.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-2, оп. 31, д. 106, л. 2–13. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 46

**Из воспоминаний ректора Харьковского института
инженеров коммунального строительства
И. А. Игнаткина⁷¹² о начале войны**

[...]

Начало войны

Вечером 21 июня 1941 г. в Доме архитекторов состоялась Харьковская областная конференция Союза архитекторов, которая так затянулась, что мы разошлись лишь, когда начало светать. Я жил на Шатиловке за Госпромом, шел домой медленно, наслаждаясь утренней прохладой. В доме военведа⁷¹³ было большое оживление, и у подъездов стояли «эмки»⁷¹⁴, вокруг которых хлопотали военные. Событие все же мне показалось заурядным. «Собрались в выходной день на охоту», — подумал я. Ничего другого, пожалуй, и нельзя было придумать.

Дома просил разбудить пораньше. В архитектурном техникуме была назначена защита дипломных проектов, где я был председателем комиссии.

День был жаркий, через открытые окна доносились из репродуктора марши, а потом кто-то выступил с речью. В перерыве нам сказали, что фашистская Германия напала на Советский Союз, и что с обращением к народу выступал Молотов.

Его речь прозвучала первым раскатом грома. Вот она война...

На другой день шла защита у выпускников архитектурной специальности ХИИКСа⁷¹⁵. Дело продвигалось по укатанной традициями дороге, как-то само по себе: выпускник докладывал, рецензент зачитывал отзыв, руководитель давал характеристику, а члены комиссии слушали и ... думали совсем о другом. Обычно говорливый и придиричивый председатель комиссии, ответственный работник Наркомхоза И. Н. Днестров, на этот раз молчал и никак не реагировал на проекты. С утра ему удалось дозвониться домой в Киев. Во время налета авиации там никто из близких не пострадал, но в семье все взволнованы и просили скорей приехать.

Почти все наши питомцы сразу же по окончании института были ввергнуты в пучину войны. Об одном из них мне пришлось прочесть похвальное упоминание в «Известиях» в 1945 году, когда шла битва за Берлин.

После войны молодые специалисты, защитившие дипломные проекты в этот памятный день, показали себя столь же прекрасно в проектных организациях, научных учреждениях, на стройках, на ответственной руководящей работе.

Тов. Сапунов, например, заместитель председателя Госстроя УССР, а тов. Трикаш также в Госстрое работает в управлении планировки и за-

стройки городов, пользуется уважением, выступает в печати. Архитектор Б. А. Крицкий, по возвращении из Армии окончил аспирантуру Академии Архитектуры УССР и написал интересное исследование о народном зодчем XV века Стефане Ковнере, за которое ему присуждена ученая степень кандидата архитектуры. Умер в 1976 г.* В. Вовченко, если не ошибаюсь, работает в Харьковской военно-хозяйственной академии, Трипольский великолепный акварелист, которого прозвали «Рафаэль», находится в Москве кажется, в Моспроекте**. Один из этой плеяды возглавляет Харьковский Горпроект. Школяренко Г. Н. — кандидат технических наук, ныне мой коллега, работает старшим преподавателем на кафедре архитектурного проектирования МИСИ⁷¹⁶.

Всегда с симпатией вспоминаю встречи с выпускниками. Не зря потрудились, не зря вложили так много старания в дело воспитания достойных патриотов Родины и первоклассных специалистов!

Первые дни войны потрясли всех своей необычностью. Каждый из нас представлял себе этот момент иначе, так, скажем, как его представляли авторы популярного в то время фильма «Если завтра война». Но никто не мог даже подумать, что вдоль всей советской границы, от Баренцева до Черного моря, в одно мгновение на нашу землю вступят кованые сапоги сотен дивизий оголтелых фашистов и тысячи бронированных чудовищ с упорным нахальством полезут в глубь нашей территории, руша все на своем пути, не считаясь ни с какими потерями.

...Я сижу в комнате. За столом еще несколько педагогов. Слушаем бодрые марши, которые отзываются в душе огромной тревогой и предчувствием какой-то беды.

Никаких распоряжений или указаний. Объявлена мобилизация. Многие получили повестки и ушли. Город погрузился в темноту. Надеялись все же, что вдруг неожиданно появится радостное сообщение — враг отброшен за государственную границу, как это звучало с экранов патристических фильмов... Однако сообщения продолжают поступать самые мрачные, никаких проблесков радости или хотя бы успокоения.

В институте установили дежурства на случай, если последует какое-либо распоряжение. Я дремлю в кабинете, приглушив звук радиоприемника, в два часа ночи ответственный дежурный из директорского кабинета вошел ко мне и сказал, что из центрального телеграфа передали по телеграфу текст только что полученной правительственной телеграммы, подписанной наркомом Шейко⁷¹⁷. В ней значилось, что Пашкович освобождается от занимаемой должности и на его место директором института назначается Игнаткин. В городе действовал комендантский час — и саму телеграмму доставили утром.

* Слова «Умер в 1976 г.» дописаны позже.

** Слова «кажется, в Моспроекте» дописаны позже.

Худшего варианта развития моей личной судьбы я себе даже не представлял. Ведь Григорий Корнеевич хорошо знал, что я избегаю руководящей работы и стремлюсь целиком отдать себя делу науки! И вот тебе на!.. Назначен директором, да еще в столь трудный исторический момент, без всякого согласия и даже без всякой возможности как-то возразить... Мне до сих пор не известно, почему все это случилось?

Что же касается Пашковича, то он без всякой обиды принял это известие, довольно бодрым голосом давал последние распоряжения и подписал приказ о назначении комиссии для составления акта о передаче дел института. Его, видимо, даже устраивала данная ситуация. Он решил немедленно выехать куда-то на восток к своей сестре и переждать войну. Человек он был уже пожилой, страдал одышкой да еще вдобавок много курил, жаловался на сердце. После войны я встретил его жену. Сказала, что он умер, вскоре после отъезда из Харькова и просила подписать ей какие-то бумаги для получения пенсии.

Растерянность, вызванная внезапным нападением на СССР, ощущалась примерно до 3 июля, когда по радио выступил Сталин. Как ни горька была истина, которую он раскрыл, но она все же дала направление ходу мыслей каждого руководителя.

В институте сразу же создали отряд ополчения из профессорско-преподавательского состава, в который вошел и я. Был там профессор Штейнберг, Попов, Резников и др. Занятия шли по расписанию. В аудитории проходили теорию, а на пл. Дзержинского строевую подготовку.

В первый же день директорства на меня свалилась неожиданная работа. Зам. директора по хозяйству т. Фистенберг доложил, что по мобилизационному плану мы должны в случае объявления войны в семидневный срок передать нашу полуторатонку⁷¹⁸ военведу. В субботу, накануне войны, он, ничего плохого не подозревая, заключил с частной бригадой договор. Рабочие разобрали мотор, а в понедельник позвонили, что мобилизованы и мотор собрать не смогут. Он договорился с двумя другими слесарями, но и они на другой день были мобилизованы...

Дни идут, и, если мы вовремя не отдадим машину, грозят крупные неприятности, вплоть до отдачи руководителя предприятия в военный трибунал.

Машина сильно попортила мне настроение, но в заслугу Фистенберга нужно сказать, что он сделал все возможное и машину мы сдали в срок, да еще в отремонтированном, вполне приличном виде. Было еще одно немаловажное событие, связанное с мобилизационным планом, который, как известно, составляется в мирное время и покоится в сейфах до чрезвычайных обстоятельств. В один из дней ко мне в кабинет вошло трое прорабов из военстроя и сказали, что они начинают работы по приспособлению здания ХИИКСа под госпиталь, а учебное оборудование и имущество института согласно мобплану подлежит перемещению в общежитие на ул. Ольминского.

Страшно подумать, какой грандиозный объем работ подлежал выполнению. К чести студенческого и преподавательского коллектива следует отнести слаженность работы, вследствие чего все это было проделано за 2 дня. Помог и военстрой, предоставив нам для перевозки имущества грузовики.

Мне все же осталось неизвестным, не до того было*, успели переоборудовать под госпиталь учебный корпус⁷¹⁹ или нет? Во всяком случае в 1943 г., когда я возвратился в Харьков, в нем следов госпиталя не оказалось. При немцах в этом здании размещалось какое-то учреждение, связанное с сельским хозяйством.

В июле райком партии дал указание направить людей в село для уборки урожая. Делалось это по заданию ГКО, который предпринимал меры по срочной отправке зерна с Украины в глубокий тыл страны. Мы выбрали хорошую бригаду из студентов и сотрудников института и направили их в с. Русская Лозовая⁷²⁰ — к северу от Харькова по Белгородскому шоссе. Бригадиром назначили Гавриила Наумовича Резника. Этот внешне флегматичный и «медленный» человек оказался изумительным организатором и энтузиастом. Мне рассказывали (чего я не мог даже подумать)**, что он был человеком остроумным и изобретательным в делах и отдыхе. Работа велась с «огоньком», весело и напористо. В уборку вовлечены были и колхозники, которые с сожалением потом расставались со студентами и душой коллектива «Гаврюшей». Нас ставили в пример, как лучших тружеников среди других коллективов района, с честью справившихся с работой до конца августа.

Позже в далекой эвакуации студенты и сотрудники вспоминали не раз «урожайную эпопею», во время которой этот замечательный человек нашел рецепт, чтобы развеять уныние, охватившее в ту пору каждого.

Через несколько дней после начала войны по радио впервые звучала потрясающая по силе песня Александрова «Война народная». В истории создано немало подлинно боевых призывных песен и маршей, как «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи в ногу» и другие, которые также транслировали в то время. Но ни одна из них не взволновала, как песня Александрова, в которой призыв ко всей «стране огромной» встать на защиту переплетался с эмоциональным чувством благородной ярости, которая вскипела в сердцах миллионов. Даже сейчас эту песню нельзя слушать без волнения.

До середины июля в Харькове царил относительное спокойствие. Работали предприятия и учреждения, открыты были магазины, киоски, рестораны и кафе. Везде проходили митинги, записывались в ополчение. Проходя мимо электротехнического института, я стал участником одного

* Слова «не до того было» дописаны в документе позже.

** Слова «чего я не мог даже подумать» дописаны позже.

из таких митингов. Запомнилась пламенная речь какого-то слепого гражданина. Работали с подъемом под лозунгом «все для фронта!». После окончания работы можно было повсеместно видеть военные учения ополченцев.

В Доме Красной Армии состоялось собрание партийного актива. С лекцией о положении на фронтах выступил академик Митин⁷²¹. Я хорошо запомнил основные мысли лектора.

Он говорил, что внезапность нападения принесла гитлеровской Германии временный успех, но не такой, как фашисты ожидали. Фашистская пропаганда сравнивает Гитлера с Наполеоном, но на деле бахвальство далеко от истины. Лектор привел темпы продвижения вглубь России Наполеона и сравнил их с наступлением немцев на фронте в то время, где заметно замедление в силу возрастания нашего отпора.

В разное время приехали в Харьков заместители наркома коммунального хозяйства, которые бывали у меня. Институт рядом с общежитием на Юмовской улице⁷²² строил в то время новый корпус. Зам. наркома, кажется, Бугаев остался недоволен, что работы по строительству в первые же дни войны были прекращены, и даже увидел с моей стороны некоторое проявление паники. Предложил работы продолжить, хотя несерьезность и невыполняемость его распоряжения была очевидна, поскольку все строители уже были призваны в Армию.

Наркомат предложил объявить набор в институт, что, если не ошибаюсь, сделали и некоторые другие вузы Харькова. Неожиданно выяснилось, что набор в институт проходит дружно. В школах закончились занятия и к нам начали поступать заявления. Получили разъяснения, что в данной ситуации, если нет конкурса, возможно зачислять в институт по аттестатам зрелости.

В институте проходили политбеседы, выпускалась стенная газета. Никого из студентов, городских жителей мы не обязывали являться, но каждый день в институт (теперь уже на ул. Ольминского)* приходили почти все. Знали, что нужно что-то сделать, в чем-то помочь. Все время приходили сотрудники и преподаватели. Почти ежедневно я был в райкоме, где проводились заседания, совещания, инструктаж. Боролись с распространителями вредных слухов и паническими настроениями среди населения. Шла речь о посылке людей на уборку урожая и на работы по сооружению оборонных сооружений.

Ход войны осложнил положение Харькова. Получили первые известия от студентов, ушедших на фронт. В стенной газете появились первые сообщения в траурных рамках с портретами погибших товарищей. С грустью думаю, как расточительны были некоторые командиры с людскими ресурсами. Мы отправили в военкомат еще необученных юнцов,

---

* Слова «теперь уже на ул. Ольминского» дописаны позже.

а их сразу же сунули на передовую, да еще не вооружив их, как следует. Делу командования не помогло, а замечательных ребят, подлинных патриотов родины, потеряли. Мне рассказывали потом, как все было.

Город заполнили изможденные беженцы, среди которых было много детей. Неожиданно в институт привалила группа студентов Одесского строительного института коммунального хозяйства. Всем им дали эвакуисты⁷²³ и совет — добирайтесь до Харькова, там вас примут в институте инженеров коммунального хозяйства. Это были почти дети — жалкие, изморенные. Приказал принять, хотя, честно говоря, не знал, что буду с ними делать. Но не захлопнуть же перед ними дверь.

А дела становились все серьезнее и серьезнее. Судьба города зависела от сражений за Киев⁷²⁴, завязавшихся 2 июля, и от положения Днепропетровска.

Трезво оценивая обстановку, я как-то собрал узкий круг актива профессорско-преподавательского состава и спросил, что они думают — куда следует эвакуировать институт, если до этого дойдет дело? Профессор А. И. Колесников, как и следовало ожидать, предложил выехать в Адлер, где в совхозе «Южные культуры» есть много жилых и хозяйственных строений, а также клуб, где можно будет продолжать работу института.

Предложение все поддержали. Усмотрели практический смысл в этом и все заместители наркома, находившиеся в Харькове. Срочно было отправлено письмо и вскоре получен ответ директора совхоза, который приглашал приезжать. У директора, естественно, были и свои расчеты. С началом войны его рабочие разъехались кто куда. Одни были мобилизованы, а другие разбежались по родным селам. Он не без оснований рассчитывал, что студенты и преподаватели в какой-то мере будут полезны в хозяйстве.

Избрание направления эвакуации имело и еще одно преимущество. Все потоки беженцев и эвакуированные предприятия из Белоруссии и Украины в то время шли в республики Средней Азии, где создалась никем не предвиденная перегруженность, не только в столичных, но и других городах. Выезд туда был сопряжен с огромными лишениями и трудностями.

Но был и известный риск. А что если вдруг враг перейдет в наступление на Кавказ или, если Турция вступит в войну на стороне Германии⁷²⁵? Большинство не допускало даже мысли о том, что побережье Кавказа может превратиться в театр военных действий. Не допускал этого в то время и я.

В августе был сдан Днепропетровск⁷²⁶.

Враг завязал битву за захват плацдарма на левом берегу Днепра, что уже составляло непосредственную угрозу Харькову. 28–29 августа получил распоряжение райкома партии отправить весь состав студентов

и работоспособных сотрудников на устройство оборонных рубежей. Отряды комплектовались под руководством директоров предприятий, директоров институтов и других учреждений. В составе городского штаба был директор политехнического института Майер. Я был назначен командиром батальона, в состав которого вошел также и швейный техникум. Пришлось побывать в этом техникуме. Руководство хорошо экипировало своих учениц. Пошили им вещевые сумки и красные брючки, которые во время земляных работ служили «ориентиром» в отрядах и мишенью милых шуток над девушками-хохотушками.

Выехали рано утром 1 сентября и прибыли на станцию Перещепино⁷²⁷. Весь поезд освободился от пассажиров. Все сразу же построились в колонны и отправились на место работ. Совершенно близко была слышна орудийная стрельба и взрывы.

Мы не успели еще отойти от станции, как увидели самолеты, летевшие на небольшой высоте, и даже кто-то успел сказать: «А вот и наши соколики⁷²⁸ летят». Однако это оказались далеко не «соколики», а злые коршуны⁷²⁹.

Кто-то закричал: «Немецкие!..» Все рассыпались и залегли. Однако тройка самолетов летела своим курсом вдоль полотна железной дороги, и там сбросили свой бомбовый груз.

Полотно железной дороги, как мы убедились, осталось неповрежденным. Из бомбовой ямы я извлек осколок, взял его на память и написал: «Перещепино, 1 сентября 1941 года». Это был «сувенир» на память о традиционном дне начала занятий в институте.

Линия обороны была избрана вдоль левого всхолмленного берега реки Орель, часто поминаемой в русских исторических актах. С высоты, где мы начали рыть траншеи, раскрывалась широкая панорама местности, протянувшаяся цепочка людей, вооруженных лопатами, которые рыли траншеи, окопы и готовили позиции для артиллерии и пулеметных гнезд. На оборонных линиях работало 350 тысяч трудящихся города. Работали упорно, не считаясь с усталостью и временем. С наших позиций хорошо было видно, что среди работающих преобладали женщины.

Для ночлега разместились по крестьянским хатам. Однако некоторые наши аспиранты и сотрудники предпочитали спать на дворе и в кукурузном поле. Аспирант Н. В. Онищенко официально числился начальником штаба батальона: вел книгу приказов, следил за порядком.

Во многих местах появились торговые точки, снабжавшие людей хлебом и другими продуктами питания. Всем нашим студентам мы перед отъездом выдали тюфяки и одеяла. Через несколько дней прибыл нарочный из института и передал мне приказ немедленно возвратиться в Харьков. Оставив вместо себя т. Онищенко, я отправился на станцию Перещепино, где встретил больного, преклонных лет преподавателя Харьковского архитектурного техникума Ивана Антоновича — грек по национальности.

Фамилию не запомнил*. Помог ему взобраться на груженный зерном открытый пульман, и отправились в путь. Эшелон продвигался медленно, крадучись в ночной темноте, с потушенными огнями. На станции Красноград⁷³⁰ была длительная стоянка. Послышались звуки немецких самолетов. Их уже хорошо научились различать. «Пассажиры» стали быстро покидать эшелон, опасаясь бомбежки, и разбежаться в стороны. Иван Антонович крепко спал, мне его было жаль будить, но и оставлять под открытым небом старика тоже не хотелось. Тихим голосом, слегка поглаживая его плечи, просил проснуться и сойти с вагона. Он услышал звуки самолета и неожиданно для меня с ужасом ринулся вперед. Не удерживая его за руку, он свалился бы и разбился. Мучительно жаль стало этого беспомощного человека. Усадил, начал успокаивать и решил не покидать эшелон: будет, что будет. Но самолеты пролетели мимо в направлении Харькова, где в эту ночь, как я узнал, была бомбежка.

Прибыли на Южный вокзал прохладным ранним утром. Над городом в легкой туманной дымке висели огромные аэростаты⁷³¹ заграждения, напоминавшие парящих в небе слонов. Жена волновалась. Показала во дворе щель-укрытие, которую они вырыли по приказу управдома. Рассказывала, что самолеты каждую ночь бомбят Харьков. Бомбы сбрасывают главным образом в район авиазавода и на вокзалы. Семья у меня была небольшая. В декабре 1940 года у нас родилась дочь. Жене было тяжело одной с ребенком, тем более что я все время, как она говорила, «пропадал в институте». Но никаких упреков либо требований я от нее не слышал. В горкоме и райкоме партии была подана команда: эвакуировать ученых, артистов, стариков, женщин и детей. Меня предупредили, что пока не будет выполнен этот приказ, ни о каком моем выезде из Харькова не может быть и речи. На совещании в горкоме называли фамилии руководителей ряда учреждений и вузов, которые выехали самовольно, не выполнив своего служебного и партийного долга. Указывалось, что все они будут привлечены к строгой ответственности. На деле же, как мне известно, никто о них не вспомнил ни во время войны, ни после их возвращения.

Один из заместителей наркома с раздражением говорил мне, что так же поступил и директор Гипрограда УССР — Новиков В.И., который отправился на вокзал провожать семьи членов Союза архитекторов и... уехал вместе со всеми без разрешения начальства. Эвакуацию архива Гипрограда и многочисленных чертежей проводили рядовые сотрудники.

Из состава ХИИКСа первой была отправлена наиболее мобильная группа — профессор Колесников, доцент Сигидин, несколько сотрудников и моя супруга с дочерью. Им удалось довольно сносно устроиться в классных вагонах и они без всяких происшествий проскочили Ростов, еще не занятый немцами, и достигли намеченной цели. После отправки

---

* Слова «грек по национальности. Фамилию не запомнил» дописаны позже.

семьи я почувствовал облегчение, перебрался жить в институт на ул. Ольминского*, где после трудового дня запирался в комнате и спал сном праведника, не реагируя на частые воздушные тревоги и бомбежки, к которым уже все привыкли.

В один из дней в институт пришло трагическое известие. Когда все возвращались с оборонительных работ, немецкая авиация разбомбила эшелон, в котором находились наши студенты. Бомба попала в соседний вагон, где погибли «красные брючки» из швейного техникума и несколько наших студентов. Память сохранила мне фамилию лишь одной студентки-первокурсницы Шрамко. Я спросил ее во время собеседования, имеет ли она какое-либо отношение к доценту Шрамко, который преподавал нам философию, когда я был еще студентом ХИСИ⁷³². Она сказала, что это ее дядя, и он как раз посоветовал ей поступить на архитектурный факультет. Спустя некоторое время после печального происшествия пришла ко мне ее мама. Я сразу догадался кто она. Дочь была вылитая копия. Мать уже, видно, предчувствовала что-то ужасное, но с какой-то робкой, еле-еле теплившийся надеждой, все же, спросила, почему задержалась дочь? Ведь уже почти все в городе возвратились с работ...

До сих пор не могу забыть драматизма этого вопроса, который задавался с какой-то мольбой. Глаза ее словно говорили: «Ну, скажите же что-либо утешительное»... После войны на Владимирской улице в Киеве я встретил ее дядю-философа. Остановились. С грустью вспомнили пережитое и прелестную девочку, погибшую от рук гитлеровских разбойников. Сказал, что мама до сих пор оплакивает свое дитя, похороненное где-то под Красноградом в братской могиле, где покоятся другие безымянные патриоты-харьковчане.

Подготовка к эвакуации создала в институте обстановку кромешного ада. Отбирали для отправки лишь то, без чего нельзя было развернуть учебную работу в учебном тылу, куда мы держали путь. Химики совали какие-то колбочки, а преподаватели инженерных кафедр требовали взять геодезические приборы, которые «займут мало места» и «ничего не весят». Приходилось уговаривать, доказывать и приказывать.

Для отправки имущества у нас была лишь одна возможность — сдача в багаж на железнодорожном вокзале на Леваде. В ответственных комнатах упаковывались узлы и ящики. В других помещениях сложены были и охранялись личные вещи преподавателей и студентов.

В райкоме была дана установка: все ценное имущество сдавать скрытно на хранение остающимся в Харькове жителям. В то время огромной ценностью казался обыкновенный холодильник, который мы передали на хранение нашей воспитаннице архитектору К. Осминской. Занимался этим завхоз, который тайком развозил имущество. После войны я встре-

---

* Слова «на ул. Ольминского» дописаны позже.

тил К. Осминскую, она жила около Дома архитектора^{733, *} и она рассказала, что спустя недели через три после занятия Харькова немцами, тот же завхоз пришел с немцами, которые подхватили холодильник и унесли его куда-то для своих нужд. Хорошо, что для нее и для ее семьи все обошлось благополучно.

Дана была строгая директива — сжечь архивы, чем занимались в то время все учреждения. Я сохранил лишь самое необходимое. С болью в сердце вспоминаю папки, которые надо было бросать в огонь, в котором горели планы, отчеты, протоколы, переписка. Ни один факт нашей жизни, ни одна фамилия не должна попасть в руки гестапо! После войны я узнал, что после захвата населенных пунктов фашистские ищейки первым делом занимались розыском архивов. Постепенно Харьков превращался в прифронтовой город. 16 сентября ГКО принял решение об эвакуации всех предприятий Харькова. Положение города стало особенно тяжелым после сдачи Киева 19 сентября. Уже в первой половине сентября в городе появилось много беженцев из Киева и военнослужащих, вышедших из окружения. В один из дней в институт пришел архитектор Иван Иванович Машков в форме комбата с одной шпалой в петлице^{**}. Он работал в редакции журнала «Архітектура Радянської України» и мы были с ним хорошо знакомы. Шинель ему явно была не по росту — велика и висела мешковато. Он рассказал, что в Киеве из архитекторов укомплектовали отряд и направили на Печерск⁷³⁴. Но началась бомбежка и они укрылись в щелях, отрытых в б. Царском (Первомайском) саду, где пересидели ночь. Утром их опять построили, пешим ходом отправили в Дарницу⁷³⁵ и эшелоном в Харьков. Отряд как-то сам по себе распался. Машков, прибыв в Харьков, куда-то обращался с вопросом, что делать? Ему сказали: «Отправляйтесь на восток и как можно быстрее». Решили, что будем выезжать вместе.

Распорядился пригнать с хозяйства лошадь с бричкой и поставить во дворе. Ко мне присоединился еще работник Наркомата УССР т. Маслов. Пришельцев поселил в нашем теперь уже почти опустевшем помещении.

В это же время в Москве ко мне подошел юноша, совсем еще мальчик Сережа, только — что окончивший школу... фамилию не упомянул^{***}. Он сказал, что в институте учиться его брат, и он пришел, чтобы быть вместе с ним. Брата к тому времени призвали в Армию давали отсрочку только студентам старших курсов^{****} и я ему ничем помочь не смог. Пришел он из какого-то далекого села на Черниговщине, которое захватили немцы; шел с трудностями по дорогам войны, попадал в окружение и выходил из него.

* Слова «она жила около Дома архитектора» дописаны позже.

** Слова «с одной шпалой в петлице» дописаны позже.

*** Слова «фамилию не упомянул» дописаны позже.

**** Слова «давали отсрочку только студентам старших курсов» дописаны позже.

Запомнился его рассказ о Чернигове, где был он ночью. Внезапно налетела немецкая авиация, сбросила на этот старинный город зажигательные бомбы и одноэтажные деревянные кварталы сразу же превратились в пылающий костер. На совершенно пустой улице вдруг появилась, как привидение, безумная девушка в длинной белой рубашке с распущенными волосами, которая громко пела и плясала.

— Это было так страшно, — как-то искренне по-детски сказал он при этом.

— Товарищ директор, — обратился он ко мне. — Возьмите меня с собой, я выведу вас, если нужно из окружения, знаю, как это делается, и умею ухаживать за лошадьми...

Мальчик показался мне полезным. Обещал взять и тоже поместил в общежитии.

С появлением окружения мое настроение несколько улучшилось. Ивана Ивановича я зачислил военруком, поскольку наш военрук был призван в Армию и назначение на освободившуюся должность Машкова, одетого в военную форму, мне показалось оправданным.

Странный характер у Машкова. Он был «неисправимый оптимист», не только крепко верил в непобедимость нашего народа, но даже как-то подчеркивал свое презрение к опасности, которая исходит от фашистов. В первый же день он потянул меня в театр, несмотря на отговорки и отсутствие всякого желания как-то развлекаться в это время. Но он, все же, настоял на своем, заявив, что надо сделать это для поднятия моего морального духа.

Культурная жизнь города в те мрачные дни не прервалась. В кинотеатрах шли фильмы, а в помещении театра оперы и балета на Рымарской*, куда мы шли, гастролировал театр Юго-Западного фронта. Ставили пьесу «Ключи Берлина». Зрительный зал, который я так любил, украшенный лепными орнаментами и кариатидами, был заполнен военными в шинелях и фуфайках. Некоторые были с винтовками. Традиционный здесь аромат духов сменился запахом пота и кирзовых сапог.

Труппа была, не ахти, какая. Пьеса слабая, но все внимательно следили, как под руководством Суворова русские били войска «непобедимого» Фридриха. Во время перерыва вышли на свежий воздух. Деревья покрылись желтизной — спектакль шел днем**, воздух был прохладный и чистый. Вдруг в небе появился самолет, по которому зенитчики открыли огонь и мы смотрели на возникавшие вокруг него белые шары от взрывов снарядов. Ох, как далеко еще было нам до Берлина!

Утром был в обкоме. Зашел к секретарю И. И. Лебедею и доложил обстановку. Он сказал, что надо немедленно уходить из города и что вот-вот выедет обком. В приемной встретился с артистами театра оперы и балета

---

*Слова «на Рымарской» дописаны позже.

**Слова «спектакль шел днем» дописаны позже.

Гмырей⁷³⁶, к слову сказать, инженер-строитель, окончивший ХИСИ, и с Гужовой⁷³⁷. Оба они тоже пришли по поводу эвакуации. Гмыря все же остался, а Гужовую я встретил в Тбилиси, где она пела в опере.

Выезжать поездом было уже опасно, т. к. самолеты буквально охотились за эшелонами, бомбили их и расстреливали. Наш план состоял в том, чтобы «своим ходом» выйти к Чугуеву и там уже думать о посадке в поезд.

Раннее, раннее утро, Я мысленно прощаюсь с городом. Всюду транспаранты с надписями «Мы не отдадим тебя врагу, наш любимый Харьков!». Расклеены плакаты. На башне горсовета огромное панно с изображением трех богатырей — командующих фронтами — Ворошиловым⁷³⁸, Тимошенко⁷³⁹ и Буденным⁷⁴⁰.

Город опустел. Виднелись руины — следы бомбежек.

Таким мне запомнился Харьков в тот момент, когда мы покидали его.
[...]

г. Макеевка, апрель — май 1980 г.

(Музейный комплекс Харьковской национальной академии городского хозяйства. Копия, компьютерный набор).

№ 47

Из воспоминаний В. И. Орябинского об освобождении Харькова от немецко-фашистских захватчиков в августе 1943 г.

[...]

На основании приказа Штакора⁷⁴¹ 35-я дивизия выводится в резерв корпуса и сосредотачивается к 24.00 часам 13 августа в лесу, западнее с. Черкасские Тишки, сдав свой участок на рубеже западной окраины с. Циркуны⁷⁴² — частям 11-й гв. СД⁷⁴³.

Короткая однодневная передышка была использована для подготовки частей к решающим боям. По получении дополнительного приказа Штаба Корпуса, части дивизии снова совершили обратный марш в общем направлении города Харькова и к 13.00 часам 13 августа вышли на рубеж пригорода города Харькова, завязав бой с противником.

13 августа 1943 года к 14.00 часам части дивизии имели следующее положение:

а) 286 гв. СП⁷⁴⁴ частью сил, действовавших на автомашинах, достигли северной окраины пригорода города Харькова.

б) 283 гв. СП, совершая марш, достиг южной окраины населенного пункта Олешки⁷⁴⁵.

в) 288 гв. СП с марша занял населенный пункт Запары⁷⁴⁶, где и закрепился.

Противник, отходя на заранее подготовленный рубеж: лесопарк⁷⁴⁷ (севернее Сокольников)⁷⁴⁸, училище погранвойск⁷⁴⁹, коммуна им. Дзержинского⁷⁵⁰, совхозы им. Будённого и «Червоні Зорі», упорно удерживал его. Начальник разведки дивизии гв. майор Загайный К. К., произвел тщательную разведку, ему эти места хорошо знакомы (он в 1938–1939 году учился здесь в Харьковском погранучилище), вспомнил сколько раз ходил тогда на тактических занятиях в «атаку». А теперь в действительности надо атаковать немцев. Излагая обстановку офицерам 283 гв. СП, он доложил, что против нашей дивизии обороняются части 198 ПД немцев, имеющие в своем распоряжении 12 танков и 5 «фердинандов»⁷⁵¹. Эта уже не учебная, а настоящая атака будет в родных обхоженных местах пригорода Харькова.

Интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь противника задерживает продвижение наших подразделений, их надо не только выбить отсюда с ровных мест, но и уничтожить, — такова наша боевая задача — в заключении сказал начальник разведки майор Загайный. — Родной Харьков от нас ожидает освобождения.

В течение 6 дней, с 15–20 августа 1943 года, части 94 гв. СД, ведя наступление в общем направлении северо-восточной окраины города Харькова, преодолевая его упорное сопротивление, изматывали силы врага частыми атаками и огнем из всех видов оружия.

Начиная с 16 августа противник ежедневно предпринимал по 2–3 контратаки, поддерживаемые танками. Умелыми действиями наших частей противнику наносился тяжелый «урон» [так в тексте — сост.].

Упорно и неумолимо, с каждым шагом гвардейцы приближались к родному Харькову. На его окраинах разыгрались жестокие кровопролитные бои. Новый героический подвиг совершил гв. сержант Лопатин. Он первый ворвался в населенный пункт Шишкино⁷⁵², ближайшую окраину Харькова, и водрузив над ним Красный флаг, сказал: — Передайте командиру, что приказ выполнен. Знамя нашей Родины реет над населенным пунктом Шишкино в пригороде северной части Харькова.

Высокие образцы отваги, воинской доблести и мастерства проявили гвардейцы воины нашей дивизии в боях за Харьков.

Прославленный пулеметчик сержант Мухам-Беков вместе с другими стрелками отбил несколько контратак немцев из своего «максима».

Раненный он продолжал лежать за пулеметом, встречая фашистские цепи дерзкими, губительными очередями.

Доблестный сын казахского народа, он выполнил свой долг перед родиной и свою клятву перед партией. Он погиб от вражеского снаряда на своем боевом посту, но немцы не прошли, они отошли, оставив на поле боя до взвода сраженных солдат и офицеров.

В уличных боях за населенный пункт, рядовой Кириченко вступил в поединок с 6 немцами, 5 из них он застрелил в упор, одного взял в плен.

Минометный расчет гв. сержанта Филиппа Арестархова все время двигался в боевых порядках пехоты. Точным беглым огнем он уничтожил врага до взвода гитлеровцев и две пулеметные точки погребены под его минами.

Мастер бронбойных ударов, Герой Советского Союз Цезарь Расковинский⁷⁵³ и сержант Клименко, за один день сражения подбили вражескую самоходную пушку, уничтожили три пулеметные точки, подавили огонь батареи 6-ти ствольных минометов и рассеяли роту немецких автоматчиков.

В тот же день, батарея тяжелых минометов гв. старшего лейтенанта Бучина уничтожила до роты немецких автоматчиков и подавила две огневые точки врага.

Отважно сражался сын гвардии. командир взвода 283-в СП коммунист гв. лейтенант Галаган Василий. За мужество и умелое командование бойцами, он был назначен командиром роты. Пробивая дорогу к Харькову, бойцы его роты истребили только в одном бою до 80-ти гитлеровцев.

Героический подвиг совершил рядовой Мартынов. Пять раз он первым поднимался в атаку, увлекая за собой товарищей. Штыком и пулей он за один день истребил 13 фашистов.

Когда в разгаре боя ранило командира роты, офицера Семенова и гитлеровцы пытались унести его с собой, Мартынов вступил в неравную схватку, гранатами отбросил фашистов назад и вынес тяжело раненного командира с поля боя.

Разведывая огневой рубеж врага, перед передним краем обороны, трое разведчиков-добровольцев Тимшин, Мишенин и Андрианов внезапно попали в окружение немецких автоматчиков.

Все трое были ранены, но продолжали вести бой с превосходящими силами противника. Только выполнив поставленную задачу, они отошли назад, истребив 15 гитлеровцев. Превозмогая боль своих ран Тимшин и Мишенин вынесли с места схватки тяжело раненного Андрианова и, сделав перевязку ран, снова пошли в бой.

Разведчики Тимшин и Мишенин снова ворвались с группой автоматчиков на окраину г. Харькова, завязали бой, в этом бою был ранен командир батальона 286 гв. СП капитан Черепанов. Его место занял молодой, но опытный офицер-сталинградец капитан Григорий Заика, он личным примером мужества обеспечил победу в бою.

В течение 17, 18, 19 августа дивизия вела упорные бои на северо-восточной окраине г. Харькова, на рубеже: больница⁷⁵⁴, южная окраина п. Литвиновка⁷⁵⁵, коммуна им. Дзержинского, совхоз «Червоні зорі», харьковское погранучилище.

Противник оказывал яростное сопротивление. Немецкая авиация бомбила и обстреливала наш передний край. Усиливался артминометный огонь противника, но ничего не могло сломить силу воли воинов в бою. Они мужественно громили немецко-фашистских варваров.

В ночь на 20 августа 1943 года части 94 гв. СД во исполнение приказа Штакара 35, произвели сдачу боевых участков частям 93 гв. СД и 183 гв. СД и к 3.00 часам ночи сосредоточились в районе южной окраины села Циркуны, ранее нами освобожденного, где 20 августа после тяжелых боев, приводили себя в порядок.

Отдыхая от непрерывных боев, бойцы с наслаждением мылись в примитивной бане, стирали обмундирование, чистили оружие. Днем проводили партийные и комсомольские собрания, с бойцами командиры подводили итоги боев.

Лучшие отличившиеся воины принимались в ряды партии и в комсомол. В ряды коммунистической партии был принят знатный снайпер Владимир Красношлыков, в боях под Харьковом истребивший 45 гитлеровцев. Прославленные минометчики — старший сержант Барабанов, подбивший один танк, 1 автомашину и истребивший до взвода гитлеровцев, и лучший наводчик миномета Николай Лышкин, уничтоживший 15 гитлеровцев и 4 автомашины.

Политработники, агитаторы подразделений выпускали боевые листки прославляющие подвиги героев боев и призывающие к сбережению оружия на поле боя.

Вечером в селе Циркуны, где раньше до нашего прихода и освобождения села от немецких поработителей, был слышен только плач невольниц, угоняемых в Германию и стон матерей и истязаемых детей, сейчас здесь в селе Циркуны, как праздник свободы, прозвучала жизнерадостная песня и музыка. Воины Красной Армии вместе со свободой принесли в село песню и счастье, веселый жизнерадостный смех — все то, чем велика и прекрасна жизнь советских людей.

Вечером 20 августа 1943 года нарядное население Циркунов собралось на выступление концерта самодеятельного агитколлектива нашей дивизии. Они собрались послушать красноармейские песни, увидеть лихие пляски бойцов, повеселиться вместе с ними и культурно и радостно отдохнуть: колхозники слышали имена людей, героев боев, освободивших их село, слышали из уст партполитработников слова большевистской правды — это был первый праздник освобожденного села и жители горячо благодарили командование, политработников и воинов за эту радость.

А утром 22 августа отдохнувшие части снова двинулись на северо-запад — вперед. По приказу штаба 69 Армии, н/дивизия* была подчинена 53 армии генерала Манагарова И. Ф.⁷⁵⁶, совершила марш по маршруту: Циркуны, Пятихатки⁷⁵⁷, Малая Даниловка, Куряжанка⁷⁵⁸, Савченко⁷⁵⁹ и к 13.00 часам 22 августа сосредоточились в районах: Сирыки⁷⁶⁰ и Савченки западнее Харькова; заняв на переднем крае оборону, уступом за 89 гв.

---

* Так в тексте — «наша дивизия».

СД с задачей перейти в наступление в направлении ст. Залютино и отрезать пути отхода противнику из Харькова. Уничтожать его живую силу и технику.

В селе Сирыки Дергачевского района Харьковской области при отступлении, немецко-фашистские захватчики зверски уничтожили мирное население. Об этом рассказывают граждане с. Сирыки и об этом составлен акт представителями политотдела н/дивизии и созданным сельсоветам с. Сирыки [...].

Немецко-фашистские варвары разорили многие деревни и села, зверски уничтожили тысячи советских людей, обездолили семьи и осиротили детей. Дети голодные, оборванные, босые ютились в расположении тылов полков нашей дивизии, их ласкали и кормили бойцы из своих котелков супом и угощали сладким чаем. Согласно указанию политотдела и вышших политорганов, детей сирот отправляли в советские органы в населенные пункты освобожденных сел и деревень Харьковского района для определения их в организуемые детдома, а частично и для распределения временно среди населения.

Но в каждом полку были дети, которые быстро освоились с фронтовой солдатской жизнью, полюбили солдат своей хваткой, остроумием и смекалкой и со слезами на глазах умоляли старшин батальонов и батарей оставить их в полку, они обещали, что будут помогать бойцам воевать, бить и изгонять из родной земли проклятую немчуру и всех оккупантов.

Не выдержало детских сиротских слез солдатское сердце старшины штабной батареи 199 гв. артполка т. Шустова, уж больно пришелся ему по душе шустрый и выдержанный белобрысый, с веснушками парнишка Витя Киселев. Не устояло перед слезами круглого сироты с умными глазами — парнишки Вити Киселева и комиссарское сердце зам. командира артполка. Вспомнились ему свои дети, которые детство тоже провели в Харькове в детсадике завода «Октябрь», а ныне эвакуированы в Казахстан, вспыхнула у него искра отцовской любви и решилась судьба Вити, быть Вите Киселеву связистом штабной батареи, воспитанником — сыном 199 гв. артполка. И отныне жизнь 13-летнего паренька Вити Киселева пошла по законам войны, а это значит: мстить фашистам за обездоленное детство, за кровь замученных отцов и матерей, уничтожать немецко-фашистских захватчиков и бить их до победного конца.

В период с 21 по 27 августа стрелковые полки 94 гв. СД находились в резерве 69-й армии и действовали во втором эшелоне, занимали круговую оборону в лесу района н/п⁷⁶¹ Сирыки и вели огневой бой с противником, а 199 гв. артполк, на основании приказа Штакора 35, утром 23 августа заняли огневые позиции в районе кирпичного завода на Холодной горе г. Харькова. КП полка был на ул. Социалистической (в районе территории гарнизонного Дома офицеров).

Полк вел огонь по противнику окопавшемуся на Ю/Западном берегу р. Уды и по засевавшему в п. Новой Баварии⁷⁶² и н/п Песочин, Рыжов⁷⁶³.

23 августа в 12 часов дня радостная весть прошла по рядам наших подразделений. Радио сообщило, что под ударами Красной Армии — штурмом со всех сторон частей и соединений Степного фронта, в том числе и нашего 35 гв. стр. корпуса, немецко-фашистские войска, боясь окружения, под напором наших частей, оставили город Харьков и вторая столица Советской Украины г. Харьков была освобождена полностью. В эту историческую победу над врагом наша дивизия также вложила немалую долю боевого труда, несколько сот воинов дивизии в боях за Харьков, отдали свои жизни для обеспечения победы над врагом.

Верховный главнокомандующий⁷⁶⁴ в своем приказе об освобождении г. Харькова объявил воинов всех частей, участвовавших в этих боях, в том числе и нам, 3-ю благодарность с момента начала наступления на Курской Дуге Белгородско-Харьковского направления⁷⁶⁵. Нас звала благодарность тов. Сталина вперед на новые подвиги, на новые победы.

Столица Родины Москва второй раз салютовала 20-ю артиллерийскими залпами из 244 орудий.

С большим воодушевлением бойцы и офицеры наших частей восприняли приказ и готовились к новому решающему наступлению. В эти дни в сердцах у всех была одна мысль — в ближайшее время очистить священную землю родной Украины от немецких захватчиков. Ждать пришлось не долго.

Оставив Харьков, противник занял новый оборонительный рубеж: п. Новая Бавария⁷⁶⁶, Рыжов⁷⁶⁷, Песочин⁷⁶⁸, Гуки, Минутка, Липовая Роща⁷⁶⁹ упорно сдерживал продвижение наших частей. По данным разведки и показаниям пленных, недобитые потрепанные дивизии противника пополнялись людскими резервами и техникой. Занимаемый оборонительный рубеж противника был для нас не выгодным с технической стороны и разделяющий топкими берегами рекой Уды.

Господствующие над окружающей местностью важные в стратегическом отношении высоты и хорошая естественная преграда (небольшая, но глубокая река Уды с топкими берегами) позволяли немцам сдерживать своим интенсивным артиллерийским продвижением наших войск.

27 августа по приказу штаба 69-й армии, часть нашей дивизии сосредоточилась в районах: лес южнее Залютина Яра⁷⁷¹ и лес, что севернее Залютина Яра, а в ночь с 27 на 28 августа 1943 года заняли новый боевой участок, сменили части 305 гв. и 89 Белгородско-Харьковских стрелковых дивизий и заняли исходное положение для наступления на восточно-северном берегу реки Уды (юго-западнее ст. Залютино).

На основании приказа командира 35 гв. СК, части 94 гв. стр. дивизии совместно с 305-й и 89-й стрелковыми дивизиями в 9–00 часов утра, после краткой артиллерийской подготовки, перешли в наступление.

Перед дивизией была поставлена задача наступать в направлении населенного пункта Песочин и сев[еро]-восточную окраину с. Березовка⁷⁷², имея ближайшей задачей выйти на рубеж п. Олешки⁷⁷³. Дивизии придавалась 96-я танковая бригада в неполном составе. Правым соседом была 305 гв. СД, слева действовали части 89 гв. СД. Командир дивизии принял решение нанести удар правым флангом, построив части в боевой порядок — строй уступом вправо.

286 гв. СП совместно с 96-й танковой бригадой наносил удар в направлении сев. восточной окраины Песочина и детского санатория, с задачей уничтожить противника в этих районах и овладев северо-западной окраиной Олешки и в дальнейшем наступать на северо-восточную окраину пос. Березовка.

286 гв. СП имел задачу с двумя батареями истребительного противотанкового дивизиона нанести удар в направлении восточной окраины Песочина, северо-восточной окраины Олешки и в дальнейшем выполнить ту же задачу, что и 286 гв. СП.

В полосе наступления нашей дивизии противодействовали части 106 пехотной дивизии немцев. Они сосредоточили на этом рубеже обороны густой артиллерийский и пулеметный огонь. На долю нашей артиллерии 199 гв. АП⁷⁷⁴ выпала задача подавить огневые точки врага, мешающие продвижению нашей пехоты.

28 августа в 6.00 часов утра, в десятиминутной артиллерийской подготовке, гвардейцы артиллеристы н/дивизии показали отвагу и умение быстро и точно своим смертоносным огнем поражать огневые средства противника.

[...]

подпись

(Государственный архив Харьковской области, Ф. Р-6138, оп. 1, д. 5, л. 7–13. Оригинал, автограф, машинопись).

№ 48

Из письма бывшего секретаря Харьковского обкома Компартии Украины Г. Г. Петрова о деятельности партийной организации в годы войны⁷⁷⁵

Уважаемый Аким Павлович!

Прошу прощения, что так долго не выполняю твоей просьбы. К этому есть много объективных причин. Партийная организация г. Харькова и области вполне и справедливо заслуживает, чтобы о ней написали книгу и не одну.

Я ознакомился с тремя книгами и должен сказать, написано хорошо и правдиво, но некоторые факты следовало бы уточнить и добавить новые. Может быть, я неправильно представляю, но кажется мне, следовало бы показать состав секретарей Обкома пофамильно, и чем занимался каждый из них. А то получается безфамильный Обком и бюро Обкома.

Когда Обком партии перебазировался из г. Харькова в г. Купянск, то некоторые проехали мимо Купянска далеко на восток /Мальчуженко⁷⁷⁶/. Не показано в книгах пребывания Обкома партии в Купянске на линии фронта под почти ежедневными бомбежками. А Обком в Купянске был с 24 октября 1941 года по 22 июня 1942 года, т. е. семь с половиной месяцев. Поэтому мало оказалось желающих оставаться на территории Купянска. А одно пребывание Обкома партии в Купянске давало возможность коммунистам и трудящимся области неоккупированных районов уверенность, что не все пропало, и не так уж фашизм силен. В трудных условиях на линии фронта партийная организация организовала уборку урожая 1941 года, подготовились и провели весенний сев в 1942 году. Трудно себе представить, как проводился сев. Трактора, как правило, были эвакуированы, пахали и севали на лошадях, коровах, а кое-где, особенно на огородах, применяли человеческую силу. И выдержали все эти трудности только потому, что народ верил в нашу Партию, что оккупанты все равно будут разбиты. Население неоккупированных районов под руководством Обкома партии и Райкомов партии активно помогали фронту. Снабжали хлебом, мясом, яйцами, молоком, овощами и теплой одеждой, ухаживали за ранеными. Члены бюро Обкома т. т. Епишев А. А., Свиначенко⁷⁷⁷, Профатилов И. И., Чураев В. М., Петров Г. Г., Максимов М. Д., зам. секретаря Обкома т. т. Чупис и Любарцев часто бывали в неоккупированных районах с лекциями и докладами. Я был неоднократно в Шевченковском (там я работал до войны секретарем райкома партии), Савинском, Велико-Бурлукском, Печенежском, Волчанском, Двуреченском районах⁷⁷⁸.

По поручению бюро Обкома партии и указанию секретаря ЦК КП Украины т. Спивака С. М.⁷⁷⁹ я проводил работу по организации партизанских отрядов и снабжению их ценными вещами, взрывчаткой. У меня был склад этих материалов в подвале Обкома партии. Участвовал с т. Кейсом (зам. тов. Сафонова, обл. МГБ)⁷⁸⁰ и политотделом 38-й армии⁷⁸¹ в отборе, подготовке и заброске в тыл противника людей для диверсионных целей.

Начальство 38-й армии и Украинский партизанский штаб⁷⁸² представили меня к награде. Я награжден Верховным Советом СССР орденом Красной Звезды и медалью «Партизан Отечественной войны» 1-й степени. Отдел кадров Обкома партии вел большую работу по розыску, установлению связей с семьями партийных и советских работников области. Помогал устраиваться на работу, обеспечивать жильем, оказывал материальную помощь, выезжая на места. Отдел кадров выявлял адреса и вел

переписку со многими партийными и советскими работниками, эвакуированными в тыл или ушедшими в армию, как с резервом на случай освобождения Харьковской области.

9 или 10 мая 1942 года в г. Купянск приехали т. Хрущев Н. С., маршал Тимошенко. Собрали несколько человек в квартире, где жил Епишев А. А. (там было человек двадцать-двадцать пять, в том числе были и т. т. Епишев А. А., Профатилов И. И., Максимов М. Д. и Петров Г. Г.).

На этой встрече т. Хрущев Н. С. подарил маршалу Тимошенко серебряную шашку по случаю его дня рождения, а за т. т. Епишева А. А., Профатилова И. И., Максимова М. Д. и Петрова Г. Г. поднял тост за их работу в трудных условиях на линии фронта. Тут же мы узнали более официально о предстоящем наступлении советских войск на г. Харьков 12 мая 1942 года.

Хотя нас неофициально уже об этом предупредили на ЦК КП Украины, чтобы мы подтянули актив г. Харькова и некоторых районов Харьковской области в г. Купянск. Мы это сделали и создали три группы по 40–45 человек. Т. Чураев В. М. возглавлял группу, которая должна была на случай освобождения г. Харькова войти со стороны Белгорода. Петров Г. Г. возглавлял группу, которая должна была войти в Харьков со стороны Старого Салтова⁷⁸³. У меня в группе были Селиванов, Смирнов А. И. и несколько других секретарей райкомов партии г. Харькова, фамилий их не помню. Третью группу было поручено возглавлять т. Максиму М. Д., которая должна была войти в Харьков со стороны Змиева и Балаклеи⁷⁸⁴.

После встречи с т. Хрущевым Н. С. мы немедленно отправились на исходные позиции. Я был с группой товарищей в Старом Салтове. Бои шли за Харьков в крупном селе⁷⁸⁵ между Харьковом и Старым Салтовом (название села забыл). Максимов М. Д. после встречи заболел и не смог выйти на исходные позиции, это спасло его от окружения. Чураев В. М., кажется, был в армии генерала Родимцева⁷⁸⁶.

17 или 18 мая 1942 года нам стало известно о неудачном наступлении на Харьков. Наши войска были окружены в районе Балаклея-Барвенково⁷⁸⁷. В окружение попало много наших партийных и советских работников. Некоторые вышли из окружения, другие погибли или пропали без вести, погиб т. Муратов, секретарь Лозовского РП⁷⁸⁸. В Старом Салтове мы встретились с т. Чураевым В. М., обсудили создавшееся положение, после чего огорченные и подавленные возвратились в Купянск со своими группами.

Т. Максимов М. Д., находясь на линии фронта, был безупречен в поведении. Вел большую пропагандистскую работу вместе с группой работников отдела пропаганды Обкома партии (кстати, у меня есть фотография этой группы, которая находилась в Купянске). Т. Максимов М. Д. был связан с политотделом 38-й армии и вместе с ним вел пропаганду, направленную на тыл противника: печатал листовки, а политотдел организовывал

заброску, организовывал беседы и делал доклады. В изданных книгах о нем ничего не сказано, это несправедливо. После того, как Обком партии вынужденно покинул Харьковскую область, т. Максимов М. Д. работал секретарем Калининского Обкома партии по пропаганде. А после освобождения Харькова возвратился на прежнее место работы, где, как и раньше, работал как подобает коммунисту.

Ничего не сказано в книге о т. Свиначенко, депутате Верховного Совета СССР, председателе Харьковского Облисполкома, погибшего во время бомбежки в мае 1942 года, а он заслуживает большего внимания. В тот день погибло два инструктора Обкома партии, фамилии забыл, одним из них была женщина, кажется, Опельбаум.

В третьем издании книги ничего не сказано о т. Профатилове И. И. Он проводил большую работу по организации сева весной 1942 года, участвовал в организации партизанских отрядов и подполья. Ничего не сказано о работниках Облисполкома, а многие из них были в Купянске и вели большую работу с советскими и хозяйственными организациями для помощи фронту: т. т. Вахнюк (после гибели т. Свиначенко т. Вахнюк возглавил Облисполком), Валуев В., Баранов М. М., Волошин (начальник ОБЛЗО), Ананченко (секретарь облисполкома), Панасюк Д. К. (прокурор области) и другие.

В книгах много сказано о военных, которых судьба занесла на Харьковщину и которые сражались и пали смертью храбрых за Родину, за Украину — вечная слава им. Но приводить столько фактов, к тому же, на мой взгляд, сомнительных, не следовало бы. А не писать о тех, кто на линии фронта длительное время был при исполнении служебных обязанностей и активно работал, презирая смерть, совершенно неправильно. В Купянске у меня была черная тетрадь, в которой были сделаны записи о работе партийной организации области с момента эвакуации Харькова до возвращения в Харьков, 23 августа 1943 года. В 1944 году, в январе месяце, уезжая на работу в Хмельницкую область вторым секретарем Обкома я эту тетрадь передал т. Максиму М. Д. Говорят, что в архиве ее не нашли, а жаль. Вероятно, она смогла бы лучше осветить некоторые факты.

В 1942 году, 22–23 июня, после окружения наших войск в районе Барвенково-Балаклея, немцы стали активно развивать наступление. Работники Обкома, Облисполкома и других организаций вынуждены были покинуть пределы Харьковской области. Мы отступали очень организованно и без паники.

[...]

Мы с т. Гороховым С. Г. (зав. особым сектором Харьковского Обкома партии) занимались встречей эвакуированных, помогали им устраиваться на работу и помогали им связаться с семьями. В конце октября мы с Гороховым С. Г. сняли вывеску «Харьковский Обком» и с печатью

в кармане и некоторыми секретными материалами выехали в Москву. Т. Горохов С. Г. работал в Москве в партизанском штабе Украины. Т. Епишев А. А. и я работали ответсганизаторами в ЦК КПСС. После разгрома немцев под Сталинградом⁷⁸⁹ возникла необходимость усилить внимание подготовке кадров для Харьковской области, и т. Епишев А. А. поручил мне выехать в Саратов⁷⁹⁰ для связи с кадрами, работавшими в Саратовской области. К нашему счастью все были живы и здоровы. Саратовский Обком был доволен их работой.

После исторического разгрома фашистов под Сталинградом украинцы, и особенно харьковчане, активно зашевелились и стали готовиться к возвращению в Харьков. В начале февраля 1943 года отправился из Москвы эшелон с кадрами во главе с Леонидом Романовичем Корнийцом. По дороге было получено сообщение о взятии Харькова нашими войсками. Т. Корниец пригласил многих работников к себе в вагон, в том числе Назаренко И. Д., Пинчука Г. П., меня и других, где мы очень торжественно отметили это радостное событие. Как только освободили Харьков 16 февраля 1943 года т. т. Епишев А. А., Чураев В. М. и другие принялись за работу. Т. Епишев поручил мне быть в Купянске и комплектовать кадры для руководства районами Харьковской области. Немедленно пошли письма, телеграммы с вызовами работников, а некоторые товарищи сами ехали, не ожидая нашего приглашения. К большому сожалению, Харьков через месяц был снова взят немцами. Начался новый, второй период длительного пребывания Обкома, Облисполкома и других организаций на линии фронта. С 16 февраля 1943 года по 23 августа 1943 года — более шести месяцев. Обком и его бюро, Облисполком и партийные организации освобожденных районов с удвоенной энергией восстанавливали народное хозяйство области и, главное, преодолевали большие трудности, провели весенний сев. В этой работе активно и самоотверженно участвовали актив Харькова и вновь прибывшие из Харькова рабочие, служащие, работники искусства. Они выполняли всю необходимую работу, не считаясь ни со своим положением, ни со временем: восстанавливали и ремонтировали технику в колхозах и совхозах, восстанавливали заводы и фабрики местной промышленности для производства продукции фронту. В это время в г. Купянск прибыл отец Гризодубовой⁷⁹¹, который был в оккупированном Харькове. Я помог отправить его самолетом в Москву. Гризодубова⁷⁹² прислала мне большую благодарность.

Наконец, 23 августа 1943 года освободили родной Харьков и через некоторое время всю область. Сколько было радости и торжества, трудно себе представить.

После освобождения Харькова члены бюро Обкома и Горкома партии провели в каждом районе города митинги. Я проводил митинг

в Дзержинском районе около памятника Тарасу Шевченко. Еще раз хочется сказать о том, как правильно предвидели развитие событий ЦК КПСС и ЦК КП Украины, давая нам указания о сохранении руководящих партийных и советских кадров. В самое короткое время Харьковскому Обкому и Горкому удалось укомплектовать партийные и советские органы. Промышленные предприятия, колхозы и совхозы были укомплектованы достаточно квалифицированными кадрами. Поскольку в Харьковской области было более или менее благополучно с кадрами ЦК КП Украины взял много кадров из Харьковской организации в республиканские органы Украины, областные и районные организации. Т. Епишев А. А. окончательно ушел в армию, т. Профатилов И. И. был послан первым секретарем Волинского Обкома партии, я был послан вторым секретарем Хмельницкого Обкома партии. Денисенко А. И., секретарь Изюмского Райкома партии, был послан секретарем Хмельницкого Обкома партии по кадрам. Горохов С. Г., работавший зав. особым сектором Харьковского Обкома партии, был взят на работу зав. особым сектором ЦК КП Украины. Валув В. Н. был направлен на работу в Госплан Украины. Николенко, работавший в Обкоме партии зам. секретаря, был направлен в г. Львов председателем Горсовета.

Очень сожалею, что мне не представилось возможности лично подвести итоги партизанской деятельности на Харьковщине в связи с тем, что я был направлен в январе 1944 года в Хмельницкую область.

Материалы, которыми я располагал по этому вопросу, и черновую тетрадь передал т. Максимову М. Д. Кстати, в третьей книге пишется, т. Бегма⁷⁹³ после войны был первым секретарем Хмельницкого Обкома партии. Это не так. Первым секретарем Обкома партии был Устенко А. И. из Ворошиловграда, вторым секретарем был я, а т. Бегма был секретарем Обкома в Ровно, а если и был секретарем Хмельницкого Обкома, то значительно позже. Упоминается в книге Шелест П. Е., я его в Купянске не видел. К сожалению, не знаю, где он был весь период времени до освобождения Харькова. Чучукалов А. И., член бюро Харьковского Обкома, был в Купянске, но в скором времени уехал на восток, где он работал — не знаю. У меня есть купянская фотография с ним. Чупис, бывший зам. секретаря Обкома, был в Купянске, затем был направлен на восток, а оттуда вернулся в Купянск перед освобождением Харькова с орденом Трудового Красного Знамени. Чтобы написать книгу правдиво и точно, желательно встретиться с т. т. Епишевым А. А., Чураевым В. Н., Барановым М. М., Лебедевым И. И., они сейчас живут в Москве, с т. т. Профатиловым И. И., Денисенко А. И., Панасюком Д. Х., Назаренко И. Д., Гороховым С. Г., Родиным, из Изюма, Валувевым В. Н., они сейчас живут в Киеве. Желательно также встретиться и с другими товарищами, они значительно бы дополнили правдивыми большими и малыми подробностями борьбы против фашизма на Харьковщине.

С большим уважением к Вам Г. Г. Петров (работавший секретарем по кадрам в Харьковском Обкоме с 1 июня 1939 года по 1 февраля 1944 года).
18.12.1975 г.

(Государственный архив Харьковской области, ф. П-10417, оп. 5, д. 92, л. 7–14. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 49

Очерк А. Ю. Лейбфрейда⁷⁹⁴ об истории архитектурного факультета Харьковской технической академии строительства и архитектуры в годы Великой Отечественной войны

С первых дней Отечественной войны многие преподаватели, студенты и выпускники ХИСИ⁷⁹⁵ вступили в ряды Красной Армии и героически сражались за честь и независимость нашей Родины. Участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стали декан архитектурного факультета Н. Д. Плехов⁷⁹⁶, преподаватели И. И. Малоземов, В. П. Шевченко, В. В. Поляков, Л. Г. Любарский, воспитанники института архитектуры И. Алехин, К. Баров, Б. Бородавкин, С. Брауде, А. Васильев, В. Варшамов, В. Висневский, Э. Гальперин, К. Глуховцев, К. Гончарук, С. Грудков, Г. Зинчев, А. Коренчук, М. Коровай, М. Лукьянов, К. Лукьянович, К. Моргулев, В. Муромцев, Л. Певзнер, В. Пискарев, Е. Приходько, С. Северин, Л. Симановский, П. Сытник, В. Фастовец, Л. Фукс, Н. Черноморченко, О. Шелудяков, И. Шлез, М. Эйнгорн, М. Ямпольский, И. Ярош и многие другие. На фронт ушли и многие студенты, в том числе В. Ладный, Б. Клейн и другие. Они прошли славный боевой путь, отдавая все свои силы и не щадя собственной жизни в борьбе за Родину.

Пали смертью храбрых Б. Бородавкин, А. Васильев, В. Варшамов, К. Глуховцев, С. Грудков, Г. Зингер, А. Коренчук, В. Лукьянов, Л. Любарский, Л. Певзнер, К. Приходько, П. Сытник, О. Шелудяков, И. Шлез, М. Ямпольский, И. Ярош и другие. Погиб, попав в окружение на оборонительных работах, и архитектор Ю. Рейзеров.

Хорошая общетехническая и специальная военная подготовка, полученная в институте, помогли выпускникам архитектурного факультета ХИСИ занимать достойное место в боевом строю. Многие из архитекторов сражались в инженерных частях и эффективно способствовали выполнению боевых операций. Особенно возросла их роль во втором — победном периоде Отечественной войны, когда необходимо было восстанавливать взорванные мосты, наводить переправы, строить новые мосты

для создания военных коммуникаций через Днепр, Днестр, Прут, Буг, Вислу, Одер и многие другие водные преграды.

Архитекторы В. Г. Висневский, В. В. Поляков, В. П. Шевченко и др. участвовали в обороне Сталинграда, Н. Д. Плехов участвовал в освобождении Харькова в 1943 г. Выполняя интернациональный долг по освобождению братских народов Польши, Чехословакии, Венгрии, Красная Армия провела колоссальную работу по восстановлению разрушенных мостов, плотин, шлюзов, по расчистке рек от затонувших судов на территории этих стран. В этих работах принимали активное участие В. Висневский, В. Поляков, В. Шевченко, которые за свой самоотверженный труд были удостоены Правительственных наград Чехословацкой и Венгерской республик.

Архитекторы Харькова, не призванные в армию, активно участвовали в работах по сооружению оборонительных рубежей, убежищ противовоздушной обороны для гражданского населения и маскировки важнейших объектов.

Деятельность института в Харькове в 1941 г. прервалась войной. В октябре 1941 г. часть преподавателей и студентов была эвакуирована в г. Караганду⁷⁹⁷, где и произошло слияние остатков ХИСИ, на правах строительного факультета, с эвакуированным туда же Московским горным институтом Наркомугля. Выпуск архитекторов в Караганде не производился.

Многим преподавателям и студентам удалось эвакуироваться из Харькова с другими организациями, и, оказавшись в разных городах Урала, Сибири, Средней Азии и Закавказья, они самоотверженно трудились в тылу, отдавая все силы для налаживания работы вывезенных промышленных предприятий, обеспечения людей жильем, помогая своим трудом ковать победу над врагом.

Небольшая часть преподавателей, которой не удалось покинуть Харьков на время оккупации, влачила тяжелое существование. Предпринимавшиеся ими попытки спасти от уничтожения оставшееся имущество и библиотеку института, оказались безуспешными. Осенью 1941 г. от общего нервного потрясения и недоедания умер академик архитектуры А. Н. Бекетов. В конце 1941 г. был расстрелян доцент В. И. Шиф. Женщины-архитекторы, мужья которых сражались на фронте, спасая от голода детей, были вынуждены работать посудомойками и прачками.

После освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков 23 августа 1943 г. в разрушенный город в числе первых вернулись архитекторы, перед которыми партией и правительством были поставлены задачи в кратчайший срок в условиях военного времени восстановить промышленность, коммунальное хозяйство, жилые и общественные здания. Несмотря на то, что до Победы было еще далеко, непоколебимая уверенность в ней была настолько велика, что необходимых для возрожде-

ния Харькова специалистов-архитекторов вызывали не только с Урала и Сибири, но и отзывали из армии. Так, в числе первых были направлены из рядов Красной Армии доцент А. М. Касьянов⁷⁹⁸, назначенный главным архитектором города, доцент В. М. Орехов, назначенный начальником областного отдела по делам строительства и архитектуры. Вслед за ними прибыли из эвакуации профессор А. Г. Молокин⁷⁹⁹, арх. Г. Я. Яновицкий, В. И. Пушкарев, М. Л. Мовшович, Н. М. Подгорный, А. Ю. Лейбфрейд, И. С. Хазановский, Е. А. Лимарь, М. С. Луцкий и другие. Все они выполняли огромную работу по восстановлению города и одновременно включились с начала 1944 г. в деятельность по возрождению архитектурного образования в Харькове.

Вначале эта задача решалась почти стихийно. Наркомстрой⁸⁰⁰ СССР возобновил деятельность ХИСИ, в том числе и его архитектурного факультета, в предоставленном Горисполкомом полуразрушенном здании по Сумской улице 40. В этом здании, построенном в 1927 г. по проекту профессора А. Г. Молокина, выполненному им в соавторстве с арх. Г. Д. Иконниковым при участии арх. Е. А. Лимаря для Госстраха, до войны размещались архитектурно-строительный техникум и институт повышения квалификации ИТР⁸⁰¹. Здание после оккупации находилось в весьма тяжелом состоянии: в нем отсутствовали крыша, полы, окна, двери, был взорван первый марш главной лестницы, обрушены подвесные потолки, выведено из строя все инженерное оборудование. Восстановление корпуса осуществлялось по эскизам, разработанным в Горстройпроекте арх. А. Д. Моториным. Работы выполняли преподаватели и студенты собственными силами, не располагая транспортными средствами и механизмами. Большая часть материалов добывалась путем разборки других разрушенных зданий.

Архитектурные специализации попытались возродить при Горном институте Наркомугля⁸⁰², разместившемся в руинах бывшего учебного корпуса ХИСИ на проспекте Ленина, а также и в Институте инженеров коммунального строительства⁸⁰³, возвратившегося в свое старое здание на ул. Революции. Возникшее в связи с этим распыление кадров и дублирование деятельности было ликвидировано вскоре после окончания войны и подготовку архитекторов сконцентрировали в ХИСИ, было передано право приема к защите диссертаций по архитектуре, сохранившееся первоначально за Ученым Советом Горного института.

Деканом архитектурного факультета и заведующим кафедрой архитектурного проектирования стал доцент канд. арх. Д. Р. Турубаров. На кафедре возобновили работу профессора М. Ф. Покорный и Ф. Н. Черноморченко, доценты М. Л. Мовшович, Е. А. Лимарь, М. С. Луцкий, И. С. Хазановский и другие.

Кафедру архитектурных конструкций возглавил ветеран института проф. А. Молокин, самоотверженный труд которого по восстановлению

Харькова был отмечен правительственной наградой — орденом «Знак Почета». На кафедре работали доц. Петлин М. Н., ст. преп. Штандель Н. Н., асс. Смиринская А. Я., и. о. доц. Лейбфрейд А. Ю. и др.

Кафедрой рисунка и живописи руководил проф. А. К. Симонов, преподавали П. А. Федоров и П. В. Величко.

Занятия со студентами проводились в трудных условиях. Часть занятий приходилось проводить на дому у студентов, где они собирались небольшими группами по 5–6 человек. Несмотря на все трудности в 1945 г. состоялся первый послевоенный выпуск архитекторов. Окончили институт 5 студентов, начинавших обучение до войны.

1986 г.

(Музей истории Харьковского государственного университета строительства и архитектуры. Оригинал, автограф, машинопись).

№ 50

Из воспоминаний А. Ю. Лейбфрейда о судьбе личной библиотеки в годы оккупации

Интерес к книгам у нас дело семейное. Мои деды, получившие только начальное образование, любили читать и приучали к этому своих детей и внуков. [...]

К 1941 году у нас собралось наряду с множеством изданий по строительной технике и архитектуре, несколько сот книг по изобразительному искусству, которые мы особенно любили и ценили.

Война, опрокинувшая жизненные устои всего нашего народа, не обошла невзгодами и нас. Меня с женой направили в августе 1941 г. в командировку в Краснодар, откуда вернуться домой нам уже не удалось; с трудом добрались на Урал. А отец и мать в сентябре 1941 г. эвакуировались в Магнитогорск, где только в конце декабря мы смогли свидеться. Тут я и узнал о судьбе наших книг.

Выехали из Харькова мои родители в загруженном до предела дачном вагоне, предоставленном для эвакуации несколькими семьям городской интеллигенции. Спутниками были сослуживцы отца — профессор А. Н. Неровецкий и А. Б. Давидсон, пианист Б. Скловский, писатель Галкин и другие, с домочадцами, но почти без вещей. О вывозе книг не приходилось и думать... однако заботу о них отец не оставлял. Он попытался передать их библиотеке Короленко, но знакомая отца — директор библиотеки Мария Ивановна Румницкая оказать помощь в этом была бессильна. Перед отъездом отец несколько раз встречался на квартире А. Н. Неровецкого с сослуживцами, согласовывая предстоящие действия. Там же бывала дочь покойного сослуживца профессора Еременко, семья кото-

рого не намеревалась выезжать. Она предложила отцу занести к ним наиболее ценные книги, заверив его, что, если доведется увидаться когда-либо, они вернуться к нам, а если нет, то останутся в хороших руках. Отец последовал этому совету и в несколько приемов отнес к Еременкам на Пушкинский въезд, 8 тридцать самых любимых книг. Дома оставался еще большущий разборной шведский шкаф с книгами по искусству и стеллажи с технической литературой. Накануне отъезда отец зашел к нашей соседке по коммунальной квартире в доме по ул. Артема, 1, в которой мы тогда проживали. С этой соседкой — Е. Н. Палем, жившей вдвоем с дочерью-школьницей (муж был на фронте) у нас были хорошие отношения. Уезжать из города она не собиралась. Отец проинформировал ее о предстоящем отъезде и сообщил, что все находящееся в наших комнатах остается в ее полном распоряжении, но попросил, по возможности, сберечь книги по искусству. Обещала это она при условии, если книги будут занесены к ней в комнату, что отец без промедления выполнил: сложил их на полу и затащил разобранный шкаф.

[...]

Когда освободили Харьков от фашистских оккупантов, меня вскоре направили в родной город на восстановительные работы. На прощание отец сказал мне, что надежды на сохранность наших книг, оставшихся в квартире, у него нет, но книги у Еременок, возможно, уцелели. Однако на деле все получилось наоборот.

Наша соседка оказалась на высоте положения. Она заложила большинство книг в нишу, имевшуюся во внутренней капитальной стене, и загородила ее шкафом, который обратила в буфет. Поместившиеся в нише книги все уцелели, но часть многотомных не влезла. Их, осторожности ради, она отдала на сохранение проживавшей в смежном доме знакомой. Это были: «История русского искусства» Грабаря и «История живописи» Бенуа. Их судьба сложилась печально: Грабарь пропал, а из четырех томов Бенуа осталось три в изувеченном виде. В них вырваны вклеенные иллюстрации, которые сын знакомой продавал на базаре поштучно. Книги специального содержания, которые оставались на стеллажах в наших бывших комнатах, занятых другими жильцами, ушли на топку печей вместо дров.

Через несколько дней по приезду в Харьков мне удалось выкроить время для посещения Еременок. Там я застал только брошенную на произвол судьбы одинокую и больную старушку — вдову профессора, а ее дети удрали вместе с фашистами. О наших книгах она помнила и сообщила, что они находились на почетном месте в каком-то «мавританском» шкафу в другой квартире того же подъезда, занятой молодыми Еременками после отъезда прежнего хозяина — профессора Шварцбурга, и уже после освобождения города заселенной новыми жильцами. В этой квартире меня любезно приняли, показали, сохранившийся в ней действительно,

шкаф, но никаких моих книг в нем не оказалось. Казалось, что на этом можно было бы поставить точку, но со временем дело сложилось несколько иначе...

Хотя война еще продолжалась, жизнь в Харькове постепенно начала нормализовываться. Наша семья снова собралась вместе, мы получили отдельную квартиру, работали в возрожденных институтах. Прошло около года и осенью 1944 однажды меня встретил на аллее сада Шевченко мой бывший учитель — художник, профессор Александр Корнильевич Симонов, заведовавший тогда кафедрой рисунка и живописи ХИСИ. Неожиданно он сказал, что обнаружил у себя дома несколько моих книг и хочет мне их вернуть. Попали к нему эти книги при таких обстоятельствах. Он оставался с больной женой в оккупированном Харькове, с фашистами не сотрудничал и сильно нуждался. Несколько своих картин он сдал для продажи в антикварный магазин, принадлежавший скульптору Бульдину. Картины были проданы, но деньги Бульдин, несмотря на многократные напоминания Симонова, отдавать не спешил. С наступлением перемен на фронтах Бульдин начал готовиться к отъезду из Харькова вместе с удивравшими оккупантами. Пришедшему за деньгами Симонову Бульдин сказал, что заплатить их он не может и предложил взять взамен что-либо из остававшегося на опустевших полках магазина. Там Симонов увидел стопку книг в красивых переплетах и, не раздумывая, прихватил часть их с собой. Рассматривать их не только в магазине, но и дома было некогда: умерла от болезней жена и он остался одиноким и обездоленным. Только в 1944 году он собрался с силами навести порядок в квартире и, вытирая пыль, раскрыл книги, в которых обнаружил экслибрис с моей фамилией.

Узнав обо всем этом, я попытался отказаться от обещанного подарка, так как книги были заработаны художником в тяжелейших условиях за его творческий труд, но Александр Корнильевич оказался человеком принципиальным и непреклонным. Через несколько дней он сам принес книги к нам домой и попросил при этом рассказывать при подходящем случае от его имени о его поступке, призывая всех, у кого оказалось трофейное имущество, возвращать его бывшим владельцам. Этот завет, не утративший свое значение и ныне, я свято соблюдаю.

Разумеется, что в благодарность я преподнес Симонову прекрасную немецкую книгу о Дюрере и сохранял с ним до последних дней его жизни дружеские отношения. Скончался он [Симонов] в Гагре в 1957 г., куда переехал в 1948 году. В завещанном им Союзу художников Грузии доме открылся Дом творчества его имени.

Пять возвращенных мне Симоновым книг оказались частью находившихся у Еременок. Их, очевидно, Еременки сдали на продажу перед бегством из Харькова. Вернулись книги ко мне в отличном состоянии без следов пребывания в чужих руках. Даже мои закладки лежали на первоначальных местах...

(Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко. Отдел «Украиника». Лейбфрейд А.Ю. Из истории нашей семейной библиотеки: Доклад в обществе книголюбов, сделанный в 1992 г. Оригинал, автограф, машинопись)

№ 51

Из рукописи военного историка полковника Н. Н. Гладкова «На харьковском направлении»

Уходим из Харькова

25 октября 1941 года 300-я стрелковая дивизия занимала оборону на восточной окраине города, в районе Тракторного завода.

Обстановка оставалась исключительно сложной. Противник беспрерывно атаковал, сосредоточив свои удары по северо-восточной, восточной, южно-восточной окраинам Харькова. Однако наши войска держались стойко, и враг с трудом продвигался вперед, неся значительные потери в уличных боях. По показаниям захваченных пленных выходило, что у противника в ротах, где в начале октября было по 150–180 солдат, сейчас осталось по 25–40 человек. Наше положение было не лучше. Более того, часть сил 300-й дивизии под командованием полковника С. П. Меркулова⁸⁰⁴ прикрывала отход войск гарнизона на северо-восточной окраине города. И как ни крути, а это 1049-й стрелковый полк и артиллерийский дивизион. Короче, обессиленные после вчерашнего ожесточенного боя, обе стороны приводили себя в порядок.

Проанализировав сложившуюся обстановку, штаб дивизии пришел к выводу: с утра наступление противника на нашем участке — маловероятно. Однако, одно дело — решение, даже облеченное в сухие строчки приказа, и совсем другое — свои голова и уши. Поэтому, когда наши бойцы взяли очередного пленного, я решил обязательно на него посмотреть.

По пути зашел к связистам. Пожилой сержант встал из-за стола с полвыми телефонами и доложил:

— Штаб армии, не отвечает, товарищ майор.

Связи с командованием не было несколько часов, но линию уже восстанавливали и я, то и дело, тербил сержанта.

Вышел во двор и направился к флигелю, где разместилось разведывательное отделение штаба дивизии. Было еще темно, но через мелкую сетку дождя все равно видно, как в открытую форточку окна постройки струится дымок и разлетается клочьями по ветру. «Хитрецы», — подумал я о разведчиках. — «Таки придумали. Действительно, зачем тяга через трубу, если есть форточка? Хоть себе сооружай». Приказ на этот счет был строгим: в занятых домах не топить и костров не разжигать.

Хватит, побаловали немецких артиллеристов. В сентябре — начале октября. Как — дым из трубы, считай — десяток похоронок в тыл. Но тут не придерешься: видимость из-за пасмурной погоды ограничена и топят вопсылы. Через окно.

В комнате, куда я вошел, старший лейтенант допрашивал немецкого солдата, разморенного теплом. «Психологи», — не без удовольствия подумал я о разведчиках. Увидев меня, пленный вытянулся по стойке «смирно» и остался стоять, хотя офицер-разведчик показал ему на стул в полутора метрах от собственного стола.

— Продолжайте, — как можно спокойнее и доброжелательнее, — сказал я.

Что поделаешь, вражеский солдат, попавший в плен, думает об одном: когда его поставят к стенке и начинает городить все — такое-растакое, просто диву даешься. Нужна же объективная информация. Именно такая информация — сотни и тысячи жизней наших солдат. Вот и попробуй собрать ее по крупицам.

Словно в подтверждение моих мыслей, пленный вместо ответа на очередной вопрос поглядел в мою сторону. Мол, не будет ли дополнительных распоряжений? Я сижу чуть сбоку и стараюсь не выдать своего интереса. Так и не решив для себя, как реагировать на мое появление, немец принялся говорить. Вопросы следовали один за другим, пленный, занятый своими ответами, перестал обращать на меня внимание. Не напрягается даже тогда, когда офицер-разведчик переводит специально для меня.

Внимательно слушаю, но с еще большим интересом стараюсь разглядеть недавнего противника.

Это был рядовой-пехотинец, уже в возрасте. Невысокий и с усталым взглядом. От его замызанной полевой формы и хлюпающих сапог валил настоящий пар: пленный все время жался к печке. Конечно, сырая и ненастная погода противнику жизни не давала, впрочем, как и нам. Но такого жалкого пленного я видел, пожалуй, впервые. В целом, его показания совпадали с ранее полученными данными, что подтверждало правильность вывода штаба дивизии: у нас — передышка.

Своими наблюдениями стоило поделиться с майором И. В. Хазовым⁸⁰⁵ и я направился к операторам, заметив старшему лейтенанту:

— Минут через пять затуши печку. И чтоб, ни одной головешки. Поняли?

— Так точно, товарищ майор, — улыбнувшись, ответил офицер.

Скоро станет светло, и тогда топить — непозволительная роскошь. Засечь любителей погреться, не так уж и трудно, даже если печная труба выведена окно. Ну, а вражеская артиллерия себя ждать не заставит: врежет так, что только щепки полетят. Печальный опыт на этот счет у нас имелся. Вновь «проиграл» я знакомую пластинку.

«Но, психологи», — мысленно отдал должное разведчикам.

Майор И. В. Хазов встретил меня, как обычно, подтянутым и свежеевыбранным. Как это ему удавалось, сказать трудно, потому — что и поспать-то в последние дни нам, доводилось не всегда. Еще раз прикинули ситуацию и сошлись на том, что действуем верно, сосредоточив усилия в обороне на Чугуевском шоссе⁸⁰⁶.

— Куда сейчас? — спросил Хазов, когда я поднялся с места.

— На НП⁸⁰⁷.

— Ты бы сапера где-то пристроил, а то ходит вокруг и маятся, — посоветовал он на прощанье.

А дело было в том, что в ночь на 25 октября, как только дивизия вышла из боя и заняла позиции на восточной окраине Харькова, в нашем распоряжении оказалось подразделение, минировавшее в этом районе ряд оборонных объектов. У саперов имелась инструкция двухнедельной давности, но зато согласованная со штабом фронта. Однако, командир подразделения, лейтенант, все равно в ней путался и толком не знал, как ему действовать в условиях длительной обороны участка. Тогда, связавшись со штабом армии, добились-таки разъяснений. Оказалось, что саперам следовало подорвать минно-взрывные устройства по отходе наших войск и по приказу командира дивизии. Кроме того, нам полагалось «оказывать содействие в выполнении особо важного задания командования». Все встало на свои места. Только вот битый час пришлось вести пустые разговоры, и я решил преподать лейтенанту урок. Оставшись с ним один на один, сразу же объяснил — «почем сотня гребешков». Затем вызвал коменданта штаба и приказал сапера сюда больше не пускать. Того, как ветром сдуло. Правда, спустя полчаса, распорядился, чтобы к нему в блиндаж навели линию связи, но вот оказалось, что формального контакта недостаточно.

— Разберемся, — ответил я своему заместителю и двинулся на дивизионный наблюдательный пункт.

В этот день противник смог возобновить свое наступление только в 12 часов. Однако неоднократные атаки гитлеровцев не дали им успеха. Не привели к желаемому результату. Наши войска продолжали прочно удерживать занимаемые позиции. Ближе к вечеру противник стал выдыхаться и бой начал затихать. Следовало перебираться в штаб, но сводка из арtpолка — так громко мы называли часть, сформированную своими силами, а именно полковая артиллерия и остатки артиллерии соседей — итак, сводка из арtpолка, задерживалась, и я решил поторопить пушкарей. Только оторвался, от стереотрубы, через которую наблюдал за противником, как лицом к лицу столкнулся с тем самым вчерашним лейтенантом-сапером.

— Товарищ майор, у меня все готово, — как ни в чем не бывало, доложил он.

Офицер явно старался напомнить о себе и своем задании.

Отношение к командиру саперного подразделения у меня изменилось. Особенно после того, как дивизионные разведчики, хоть и не положено,

но все-таки осторожно осмотрели его хозяйство, доложили лично мне, что саперы постарались на славу и заминировали даже телеграфные столбы, не говоря уже об остальном. Решил разговор поддержать.

— Снимется с позиций последний солдат, тогда приступай. А пока — потерпишь, — сказал я.

— Есть.

За день на передовой, он, наверняка, всего насмотрелся и со своей инструкцией, подписанной высоким начальством, ко мне уже не лез. Хотя, парень он был ершистый. Посчитав, что острые углы в наших отношениях ликвидированы, я вернулся к своим делам и приказал связисту, расположившемуся рядом на перевернутом ящике:

— Дай мне КП⁸⁰⁸.

Напрямую выхода к артиллеристам не было, так как телефонного провода в дивизии — в обрез. Поэтому, все шло через штаб. Однако дело явно застопорилось.

— Товарищ майор, обрыв, — доложил боец.

Случай, в общем-то, обычный, особенно в черте города, где прошлись артиллерия и бомбардировщики. Здесь битого кирпича, других острых предметов — достаточно. Да, мало ли что могло случиться в 800 метрах от передовой. Но пока будут искать повреждение, а потом исправлять — много воды утечет.

— Пошли, — сказал я своему ординарцу; прикорнувшему в углу. Тот сразу вскочил, перекинул винтовку на спину и двинулся к выходу. Однако на пути вырос тот самый сапер. Он пристально и с укоризной глядел на меня, как на главного виновника своего вынужденного бездействия; Пришлось остановиться.

Хуже нет, когда приказ сформулирован расплывчато — «оказывать содействие...». Тогда попадаешь в двусмысленное положение: не имея возможности всесторонне проконтролировать боевую деятельность подразделения, которым командует такой вот лейтенант, ответственность несешь равную. Если у него в последний момент что-то не свяжется, значит, мы «не оказали надлежащего содействия». Что тогда? Очень просто: командир дивизии, начальник штаба (в этих двух должностях сейчас я один), начальник политотдела — комиссар и лейтенант-запевала — пожалуйста — к стенке. А сработай его система раньше времени — дивизии отсюда просто не выбраться. Некому будет выбираться.

Глядя на лейтенанта, а тот явно нервничал, я все больше и больше убеждался, что пускать на самотек это дело нельзя.

— Тебе есть работа. Пошли, — сказал ему я.

— Слушаюсь, — буквально выдавил он и двинулся за нами.

Специально сделал небольшой крюк в блиндаж к лейтенанту, метрах в 200 от штаба. Намаевшись за последние дни, бойцы отдыхали.

Задал обычный вопрос:

— Как устроились, товарищи?

— Терпимо, — ответил дневальный и покосился на своего командира. Тот молчал.

Вдруг один из солдат сказал:

— Тут полевая кухня недалеко. Нас бы к ней прикрепить, товарищ майор. А то, все сухомятка да сухомятка.

Его поддержали:

— Мы не за так, отработаем..., — раздался чей-то голос в глубине.

От стыда я готов был хоть сквозь землю провалиться и твердо пообещал помочь. Саперы повеселели.

Уже смеркалось, когда мы добрались, наконец, до штаба дивизии. Однако на КП, по-прежнему, связи с армией не было. Подвижными средствами тоже добиться ничего не удалось. Пока не удалось. И тем не менее, приказ на отход, который ждали с самого утра, мог прийти в любой момент и я решил: с узла связи — ни ногой.

Отдал соответствующее распоряжение в арtpолк, затем зампотыла⁸⁰⁹ — о горячей пище для саперов и стал заниматься лейтенантом, который не отходил от меня ни на шаг.

— У тебя взрывчатка осталась? — спросил я.

— Есть немного..., — неуверенно начал он.

— Не хватит — поможем, — перебил я. Потом усадил офицера за стол, положил перед ним карту и продолжил: — Подумай, как прикрыть нас с юго-востока. Сами мы не потянем. Понял?

— Так точно.

— У противника — танки. Вопросы есть?

— Нет, товарищ майор.

— Приступай.

Замысел был прост. До следующего утра вражеским танкам тут не появиться... Более того, уже ночью дивизия могла отойти. Конечно, получалось, что командиру саперного подразделения подкинули ненужную работу. Однако хитрость заключалась в том, чтобы он был на глазах и при деле. И потом, известные сомнения оставались. А вдруг, здесь держать оборону и завтра? А пока, высунув кончик языка и посапывая от удовольствия, офицер с головой ушел в работу. «Пусть рисует», — удовлетворенно подумал я и перешел к столу у противоположной стены. Только-только разложил необходимые документы и карту, как раздался голос моего подопечного:

— С бронетранспортерами?

— Что? — Переспросил я и повернул голову.

— Танки противника будут наступать с бронетранспортерами? — чеканя каждое слово, повторил свой вопрос сапер.

— Раздельно.

Внимательно посмотрел на него и только тут понял, что передо мной стоит совсем еще мальчик. Длинная худая шея, зимняя гимнастерка под-

черкнуто аккуратно подобрана под ремень с кобурой. Глядит, не мигая, строго. «Ему бы еще с годик доучиваться», — пронеслось в голове. Но делать нечего. Начатую игру нужно довести до конца.

— С ними, лейтенант, с ними. Садитесь.

Он, наконец-то, успокоился и вновь приступил к расчетам.

Однако в минуты затишья нет ничего проще, как позволить себе утратить чувство реальности. Обстановка же оставалась исключительно сложной; враг явно перегруппировывал силы для нового удара, а у нас — прореха на прорехе. Причем, единственная достоверная информация о положении на флангах — шум боя у соседей. Впереди сравнительно тихо...

Стал прикидывать на карте варианты отхода. Получалось, что если движение, начать в ближайшие часы, то можно выиграть у противника ночь, надежно оторваться. Правда, до рассвета пришлось бы протопать километров 20–25. С обозом и артиллерией при большом некомплекте личного состава — это непросто. И тем не менее, ночь — реальная возможность вывести и сохранить дивизию. При свете дня выбора практически нет: завтра немцы обрушат, на нас всю силу своего удара.

— Товарищ майор, — раздался голос сержанта, — есть «первый».

Значит, связь с НП восстановлена. Подошел к полемому телефону, взял трубку. Докладывают, что перед нашей линией обороны немцы молчат, словно воды в рот набрали, а у соседей шум боя удаляется. Возникали опасения, что противник обойдет нас с флангов.

— Продолжайте наблюдение, — закончил я разговор и в сердцах бросил взгляд по сторонам.

Рядом связисты занимались своим привычным делом. На другом конце длинного стола лейтенант закончил расчеты и принялся за карту, «Только стенгазеты не хватает», — подумал я. Однако, злость в таких случаях не советчик и я, стараясь никому не помешать, снова прошел к своему столу. Вот-вот связные доставят сводку из артполка и тогда придется идти, к операторам, остальные сводки уже там, и решать, как держать оборону завтра.

Долго «на угольках» сидеть не пришлось. Во дворе остановилась машина и, через мгновение, на узел связи вбежал дежурный.

— Из штаба армии, — доложил он.

Следом за бойцом в комнату буквально влетел полковник В. В. Давыдов-Лучицкий⁸¹⁰, начальник оперативного отдела штаба 38-й армии⁸¹¹. Не успел я и рта раскрыть, как он бросил с порога:

— Что, Гладков, в плен собрался?

Оставив вопрос без ответа, доложил:

— Двумя полками прочно оседлаю шоссе на Чугуев.

Полковник В. В. Давыдов, не раздеваясь, молча прошел к моему столу и, вынув из своего планшета сложенный лист бумаги, протянул его мне.

— Это — приказ на отход. Двигаться будете на Чугуев, — сказал он и добавил: — Все-таки, я — не офицер связи и прошу это учесть, майор.

Промолчал, но согласился. Ссориться нам было недосуг. Тем более, что полковник нас крепко выручил, доставив письменный приказ командующего. Без этого документа дивизия не двинулась бы с места и о возможных последствиях даже думать не хотелось...

Неожиданно в разговор вмешался лейтенант-сапер.

— Разрешите доложить, шоссе на Чугуев уже заминировано, — сообщил он, вытянувшись по стойке «смирно». Мы с полковником просто опешили. Потрачено столько усилий и все, оказывается для того, чтобы напороться на свои же мины! Давыдов покачал головой, но ничего не сказал, а раскрыл планшет и углубился в изучение карты. Через некоторое время он предложил: — Тогда — на Старый Салтов⁸¹². — И тут же осведомился у лейтенанта: — Там хоть свободно?

— Так точно, свободно, — обрадовано ответил сапер, переминаясь с ноги на ногу. Помолчав немного, добавил: — Только дорогу сильно развезло. Автомобилям не пройти.

Полковник удивленно посмотрел на лейтенанта, затем перевел взгляд на меня. Я решил отмолчаться. Все ведь хорошо знали: уж, чего-чего, а механизированных подразделений в дивизии и в помине не было. Вернее, не осталось. Давыдов тяжело вздохнул и совсем не по-уставному поблагодарил лейтенанта:

— Спасибо, сынок, за совет.

Тот зарделся, но ответить не успел. Времени оставалось в обрез и я обратился к полковнику:

— Разрешите выполнять?

— Действуйте?

Вызвал майора И. В. Хазова и поставил задачу своему заместителю: срочно подготовить боевое распоряжение на отход и довести его до частей и подразделений. Пока офицеры штаба готовили приказ, вышел проводить полковника В. В. Давыдова. Хотя приказ, доставленный в дивизию, казалось, подводил черту под всем, что пришлось пережить за последний месяц, — уход из Харькова всеми воспринимался тяжело. Расстались, так и не сказав друг другу ни слова.

Вскоре части соединения были на марше. Отходили с мерами боевого охранения, в готовности к ходу вступить в бой с врагом. Не успел отряд прикрытия оторваться от противника, как раздалась глухие сильные взрывы. Это саперы задействовали свое хозяйство. Командир арьергарда донес: «Операция завершена. «Гости» (кодовое наименование саперного подразделения) ушли». В штабе облегченно вздохнули. И не только потому, что важное задание командования было выполнено, а прикрыли саперов мы грамотно. Эти ребята стали, как бы частицей нашей дивизии и хотелось, чтобы им повезло. Не только на Чугуевском шоссе.

Дорога на Старый Салтов даже бывалых людей привела в растерянность. Все, что двигалось, сразу же оставляло на проезжей части глубокую

колею. Поэтому за отрядом охранения, по еще не разбитой вконец грунтовке, пустили повозки с ранеными. Самых тяжёлых несли на руках. Орудия, хоть и на конной тяге, а тащили тоже, больше вручную. Неудивительно, что утро застало наши походные колонны километрах в десяти от цели. Однако пасмурная погода действия вражеской авиации исключала и мы рискнули продолжать движение,

В 10–11 часов 26 октября 1941 года, после изнурительного марша, части 300-й стрелковой дивизии с обозом и артиллерией вошли в Старый Салтов.

В батальонах оставалось по 50–60 активных штыков.

[...]

Вынужденная оставить Харьков, 38-я армия в течение семи месяцев вела упорные оборонительные бои, нанося противнику значительные потери в живой силе и технике. Кроме того, уже в начале следующего года части и соединения армии приняли участие в операциях, целью которых советское командование ставило освобождение Харькова. Однако существенных успехов наши войска не добились. Фашистское командование перебросило в этот район крупные силы и уже в марте советское наступление заглохло. 38-я армия перешла к обороне.

В этих боях довелось участвовать и автору настоящих строк. Сначала, по-прежнему, в 300-й стрелковой дивизии, а с 15 ноября 1941 года в 304-й стрелковой дивизии 38-й армии Юго-Западного фронта (в той же должности: начальника штаба соединения). Здесь судьба свела меня со многими замечательными людьми. Это и командир 304-й дивизии генерал Н. П. Пухов⁸¹³, и комиссар — старший батальонный комиссар А. Л. Шейко, и многие другие. В дальнейшем, когда генерал Н. П. Пухов был назначен командующим 13-й армии, его место занял, теперь уже подполковник — И. В. Хазов. Стоит ли говорить, что отношения у нас остались прежние, при сохранении, конечно, известной дистанции. Кстати, службе от этого — прямая польза и убедиться в справедливости такого умозаключения мне в дальнейшем пришлось не раз.

В начале 1942 года мне было присвоено внеочередное воинское звание — подполковник, но прошло это как-то незаметно. На игры с «самолетом» тогда времени не было.

Части 304-й стрелковой дивизии готовились к новым боям. [...]

[вт. пол. 1980-х — нач. 1990-х гг.]

(Центр краеведения им. П. Т. Тронько Харьковского национально-го университета имени В. Н. Каразина, коллекция рукописей, воспоминания полковника Н. Н. Гладкова «На харьковском направлении»: Документально-мемуарный очерк. — Харьков, 2005. — С. 24–32, 71–73, Копия, компьютерный набор).

Раздел III

1991–2011 гг.

№ 52

**Из воспоминаний Ю. Н. Прокудина⁸¹⁴
и А. М. Матвиенко⁸¹⁵**

[руководил практикой на Кавказе. — сост.]

[...] Итак, июнь 1941 года ...

Пришел посыльный из поселкового совета и предложил руководителю студенческой группы срочно явиться в поселковый совет. Там мне объявили о начале войны. На мой вопрос о том, что делать нам, ответили, что это мы должны решать сами. Связаться же с университетом среди ночи не было, конечно, никакой возможности. Потрясенный сообщением, в полной растерянности я возвратился в школу, и даже не постучав, вошел в класс, где расположились девушки, вызвав этим смущение и даже иронические возгласы. Без предварительной «психологической подготовки» я им сообщил то, о чем услышал.

Реакция была весьма бурной и почти однозначной: слезы и поскорей домой к родителям. Были и желающие продолжать путешествие. Мое положение, как руководителя было весьма сложным и на меня ложилась большая ответственность. Ведь мы не располагали достаточной информацией о происшедшем. Если это локальный военный конфликт, который будет вскоре ликвидирован, а мы, проявив панические настроения, сорвем практику, на которую уже потрачены большие средства, как буду выглядеть я как руководитель? А если это большая и затяжная война, а я увезу студентов вглубь горного массива и мы окажемся отрезанными от внешнего мира, чем это может кончиться для нас?

Решили подождать до утра и попытаться связаться с университетом. Конечно, нам уже было не до сна. Но вскоре наши сомнения рассеялись. Меня снова вызвали в поселковый совет и сообщили, что получен приказ о мобилизации конского поголовья и что если узнают об этом наши возчики, они сбегут, оставив нас без транспорта. Возвратившись в школу я велел грузиться на подводы и, не дожидаясь утра, мы отправились в обратный путь к железнодорожной станции Шедок⁸¹⁶.

Не стану описывать все трудности нашего возвращения в Харьков. Железнодорожное пассажирское движение было нарушено уже с первых дней войны. В Шедоке нам не сразу удалось добыть билеты на поезд и только до Ростова. Там только при помощи военного коменданта мне удалось по 2–3 человека отправлять девочек проходящими поездами до Харькова и последним уехать самому. По возвращении в Харьков вопрос о продолжении практики ботаниками в этом году больше не поднимался. Перед преподавателями и студентами биологического факультета, как и всего университета, встали новые более ответственные и более трудные проблемы.

[...]

В первой половине июля в Харькове шло активное формирование народного ополчения. Был сформирован и университетский батальон. Из биологов в ополченцы записались И. Н. Буланкин⁸¹⁷, А. В. Нагорный, И. Б. Волчанецкий, И. М. Поляков⁸¹⁸, Э. Е. Уманский, Ю. Н. Прокудин, И. Ф. Андреев, В. Н. Петров и др. Со второй половины июля в пригородной зоне началась интенсивная боевая подготовка бойцов батальона.

В связи с участвовавшими налетами вражеской авиации на Харьков уже с начала июля 1941 года по линии ПВХО⁸¹⁹ Осоавиахима⁸²⁰ началось массовое обучение населения Харькова мерам борьбы с зажигательными бомбами и с последствиями разрушений от бомбардировок. Коллектив университета активно участвовал в этой работе. В учебных и лабораторных корпусах и общежитиях университета были оборудованы газо- и бомбоубежища, в том числе и в подвалах корпуса биофака на ул. Тринклера. На университетской территории, в том числе и в ботаническом саду на [улице] Клочковской были вырыты траншеи и щели для укрытия во время бомбежек. Разработана система дежурств преподавателей, сотрудников и студентов на всех объектах университета. На территории ботанического сада также был пост ПВХО. Дежурства в ночное время несли сотрудники ботсада⁸²¹, включая и меня, как проживавшего на его территории.

«18 августа 1941 г. по приказу командования Харьковского военного округа наиболее боеспособная часть дивизии народного ополчения Дзержинского района была направлена на строительство оборонительных сооружений в районе станции Мерчик⁸²² и села Репки Богодуховского района. В конце августа 1941 г. университетский батальон народного ополчения был переброшен для участия в фортификационных работах в с. Залинейное Зачепиловского района. Здесь почти месяц ополченцы рыли окопы, противотанковые рвы, строили блиндажи, доты и дзоты, сооружали огневые позиции для артиллерии, возводили проволочные заграждения» (Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К., 1989, с. 27–28)⁸²³. Из биологов в Залинейном трудились И. Н. Буланкин, В. Н. Петров, И. Ф. Андреев, А. Д. Масловский, Э. Е. Уманский, В. А. Самаро-

ва, Ю. Д. Клеопов, И. Г. Зоз, Ю. Н. Прокудин. Размещались мы в одной «хате», спали, не раздеваясь, где придется с собранным рюкзаком под головой, готовые по тревоге к действию. В качестве «холодного оружия» каждый держал при себе лопату. С приближением фашистских войск к Харькову часть ополченцев была отозвана в город для эвакуации оборудования и имущества университета. Из биологов были отозваны Буланкин и Уманский.

Дело в том, что еще 4 августа 1941 года при Харьковском облисполкоме был создан отдел по эвакуации населения, и в те дни когда в Залинейном ополченцы трудились на земляных работах, через Харьков двигался нескончаемый поток беженцев с Запада на Восток, в самом Харькове шла стихийная эвакуация его жителей, толпы харьковчан атаковали городской и районные отделы по эвакуации населения в тщетной надежде получить посадочные талоны в эшелоны, отправляющиеся из Харькова в восточные районы страны.

В одну из темных сентябрьских ночей университетский батальон народного ополчения, работавший в Залинейном, был поднят по тревоге и, построившись в походную колонну, направился к ближайшей железнодорожной станции. Как было оговорено заранее, там должен был подобрать нас рабочий поезд и доставить в Харьков. Но станция в результате воздушного налета оказалась полностью разрушенной и нашему батальону пришлось двигаться вдоль железной дороги к следующей станции, которая оказалась в таком же разрушенном состоянии. На этом отрезке пути был очередной налет немецкой авиации, обстрелявшей из пулеметов нашу колонну. Были ранены две студентки биологического факультета, которых И. Г. Зозу удалось определить в больницу в ближайшем населенном пункте. (Как офицер запаса, И. Г. Зоз командовал одним из подразделений университетского батальона. Он воспользовался одной из подвод грузового транспорта, который был придан батальону на период фортификационных работ).

Учитывая возможность повторения налетов авиации немцев, скопление большого числа людей было опасным. Необходимо было рассредоточиться. По инициативе В. Н. Петрова группа преподавателей биологов решила «оторваться от железной дороги», свернуть на восток и выйти к станции Краснопавловка Лозовского направления. «Завладев» одной из подвод и пообещав вознице отпустить его по прибытии на станцию, мы сложили на подводы свои рюкзаки, а сами пешком двинулись в путь. Вместе с Петровым отправились в поход Клеопов, Масловский, Прокудин, Андреев, Самарова.

Приближаясь уже днем к станции Краснопавловка мы слышали справа, в направлении станции Лихачево⁸²⁴, гул самолетов и мощные разрывы авиабомб.

Вскоре со станции Лихачево подошел пригнанный поезд с выбитыми стеклами и деморализованными пассажирами. В Мереве⁸²⁵ на стоянке выгружали погибших и раненых пассажиров, пострадавших при воздушном налете на станцию Лихачево.

По прибытии на Южный вокзал⁸²⁶ Харькова я долгое время не мог выбраться по деревянному надземному переходу на привокзальную площадь, не имея возможности преодолеть сплошной людской поток охваченных паникой людей, рвавшихся к поездам в надежде выехать из Харькова. При этом горе было слабой женщине или ребенку споткнуться на лестнице или, не дай Бог, упасть под ноги озверевшей толпы, перегруженной чемоданами, корзинами, рюкзаками и прочей кладью. Растоптали бы насмерть.

Прижимаясь к стенке и перилам, преодолевая шаг за шагом натиск толпы мне с трудом, наконец, удалось выбраться на привокзальную площадь и пешком через базар отправиться домой в ботанический сад, где меня ждала, но почти потеряла надежду увидеть, А. М. [Александрю Михайловну — сост.]

Лишь в конце сентября 1941 года Совет по эвакуации при Совнарком СССР и ВКВШ⁸²⁷ определили место эвакуации Харьковского университета — город Кзыл-Орда Казахской ССР, но отдельного эшелона для эвакуации университетского имущества, лабораторного оборудования и библиотечных фондов городской отдел по эвакуации не выделил. Организованная эвакуация университета в назначенное место не состоялась. Преподаватели и сотрудники университета в сентябре и октябре м-це выезжали из города в одиночку или небольшими группами, получая посадочные талоны для отправки в эшелонах в ректорате и партийном бюро университета, которые получали их в небольшом количестве от городского отдела по эвакуации.

По возвращении с «окопов» (из Залинейного) начались мои каждодневные хождения в ректорат и партбюро в надежде получить посадочный талон на выезд из Харькова. Но всегда оказывались более достойные претенденты на их получение. Дневные походы в центральный корпус на Университетскую улицу чередовались с бессонными ночами, когда мы с А. М. почти в отчаянии «прорабатывали» всевозможные варианты эвакуации с малым ребенком на руках. Мы явственно представляли себе нашу судьбу в условиях оккупации. Один из таких «ночных» вариантов я попытался реализовать, наивно надеясь, что эта проблема является такой же актуальной и животрепещущей не только для нас. Я обратился к Ю. Д. Клеопову с предложением уговорить директора ботсада М. М. Башинскую и, воспользовавшись лошастью и подводой ботсада, с ним (Клеоповым) и Башинской покинуть Харьков. Положительной реакции на это мое предложение не последовало.

Забегая несколько вперед хочу здесь сообщить вот о чем: 22 октября, когда уже на улицах и площадях Харькова шли ожесточенные бои за-

щитников города с превосходящими силами немецко-фашистских захватчиков, последними покинули город и университет его ректор А. В. Сазонов, секретарь партбюро В. Н. Петров, доценты биофака И. Ф. Андреев и А. Д. Масловский. Выезжали они подводой с биофака, где в последние дни жили «на казарменном положении». С ними находился здесь и Ю. Д. Клеопов, который по всей видимости собирался вместе с ними покинуть Харьков, положив и свой чемодан на подводу. Но в самый последний момент он расплакался, снял свой чемодан с подводы, простился с отъезжающими и остался в Харькове. Об этом мы узнали значительно позже, уже находясь в Кзыл-Орде.

В последних числах сентября (а точнее это было 29 сентября) совершенно неожиданно для нас позвонил в ботсад и вызвал меня к телефону В. И. Махинько. Он сообщил, что есть возможность получить посадочные талоны на эвакуацию для нас и для его семьи и что нашим двум семьям хорошо бы держаться вместе. Я помчался в университет и в скором времени уже был обладателем двух долгожданных документов, скрепленных печатью Исполнительного комитета Дзержинского районного совета депутатов трудящихся г. Харькова: Удостоверение в том, что Прокудин Ю. Н. с семьей (перечислены все члены семьи) направляется в г. Кзыл-Орда Казахской ССР. Выражается просьба к советским организациям оказать помощь в предоставлении квартиры и работы; посадочный талон в эшелон № 39, вагон № 20 на имя Прокудина и трех членов его семьи, отправляющийся со станции Левада 30.IX.1941 г. Посадка в 7 час. утра.

На сборы у нас оставалось менее суток, но это нас не пугало. Необходимые справки от университета мы уже получили раньше, в техническом отношении к выезду из Харькова мы уже были давно готовы (в смысле домашних вещей). Но именно в этот день, имея уже в руках эти важнейшие документы, я неожиданно попал в стрессовую ситуацию. При входе в центральный корпус университета появилось большое объявление, в котором предлагалось всем оставшимся в городе преподавателям и студентам университета зарегистрироваться в связи с началом учебных занятий. Что же это значит? Быть может ситуация существенно изменилась и отпала необходимость выезда из Харькова? А ведь завтра посадка в эшелон. Я бросился на поиски ректора в надежде прояснить для себя ситуацию, но его нигде не было, и где он сейчас в ректорате мне не могли объяснить. Наконец кто-то из обслуживающего персонала по секрету мне сказал, что ректор А. В. Сазонов с проректором по учебной работе Д. А. Корниенко закрылись в подвальном помещении нового химического корпуса и играют в бильярд. Рискую навлечь на себя гнев начальства я стал стучать в дверь бильярдной. Выразив свое неудовольствие мне все-таки открыли. Я обратился к Сазонову и попросил его не просто как ректора, а просто как человека разъяснить ситуацию и посоветовать как нам поступить. Ведь мы с таким трудом получили документы на выезд. На мой взволнованный

вопрос последовал высокомерный ответ примерно такого содержания: я не вижу разницы между ректором и человеком; к написанному в объявлении я ничего добавить не имею и повернулся ко мне спиной. Проректор же Корниенко оказался намного человечнее, более чутким. Он проводил меня до двери и прощаясь сказал: вы получили посадочные талоны, уезжайте. Вернуться вы всегда сможете. И пожелал нам счастливого пути. (Сам то он, как мы узнали потом, остался в Харькове).

На следующий день на рассвете мы уже были на станции Левада, куда нас с не очень громоздкой ручной кладью доставил садовый конюх на садовой подводе за весьма солидную плату, сопровождая эту свою «услугу» весьма нелестными репликами и эпитетами в наш адрес, как и в адрес всех тех, кто стремился выехать из Харькова. Кроме меня, как главы семьи, жены и сына в посадочный талон и сопроводительное удостоверение была вписана и жившая у нас дальняя родственница Марийка Педик, помогавшая нам присматривать за ребенком.

Прежде чем надолго покинуть наш родной Харьков и отправиться в неизвестность... очень хочет поделиться с вами, дорогие читатели, своими воспоминаниями о последних днях пребывания в Харькове А. М. Матвиенко. Предоставим ей такую возможность.

Из воспоминаний А. М. Матвиенко

... На дворе уже сентябрь. Тревожные сообщения о наших потерях, об оставлении с боями городов и других населенных пунктов. Юрий «на окопах» в Залинейном. Вернется ли? На душе тревожно, тоскливо. Поток беженцев через Харьков из западных областей Украины нарастает. По Ключковской сплошным потоком движутся машины, подводы, люди с ручными тележками, груженные узлами с детишками сверху. Садовые рабочие по Криничному переулку спускались на Ключковскую, расспрашивали проходящих, а потом рассказывали об ужасах оккупации. В порядке «разведки» ходила несколько раз к районному отделу по эвакуации населения (где-то возле Благовещенского рынка). Тысячные очереди желающих получить посадочные талоны на выезд. Чего там только не наслушалась. Помнится одна доведенная до отчаяния женщина кричала: «не буду прятаться во время налета немецких самолетов, пусть погибну дома, а не в немецких лагерях смерти». А бомбежки города учащаются с каждым днем. Страх, безысходность и отчаяние и у тех, кто не может выехать, и у многих решивших оставаться в Харькове. А из репродукторов в интервалах между фронтовыми сводками звучит бравурная «бодрящая» музыка. А выключать радио не решаюсь, все чаще налеты фашистских самолетов и страшно пропустить сигнал воздушной тревоги. А Юрия с «окопов» все нет, и мы не знаем как обстоят дела у них. Написала маме и сестре, что скорее всего не смогу выехать из Харькова, на всякий случай просила

адрес живущей в Ташкенте тети Вари, которая может оказаться связующим звеном, если судьба нас разбросает в разные места. Успела получить ответ. Массовая стихийная эвакуация из Харькова продолжается. Профессорский состав университета, как и многие из университетского начальства, уже уехали. Узнала, что уже выехал из Харькова с семьей и М. В. Клоков.

[...] В спешном порядке отступил из Залинейного университетский батальон народного ополчения. Вернулся домой Юрий. Настроение поднялось, появилась надежда на выезд из Харькова. Юрий интенсивно ищет пути и возможности эвакуации, ежедневно посещает центральный корпус университета. Из синих экспедиционных чехлов, предназначенных для транспортировки гербария и гербарных сеток, пошила четыре мешка для упаковки самых необходимых вещей в дорогу. Решили взять с собой (если удастся получить посадочный талон) и нашу единственную ценную вещь — ковер, висевший над кроватью (как возможную «валюту», т. к. других более портативных ценностей, как и денежных сбережений, мы еще не успели накопить по причине нашей молодости, неопытности да и мозгов, направленных «не в ту сторону»). Веду переговоры с ближайшими соседями — сотрудниками сада (плотник Степан Моисеевич и работница оранжерей Анастасия Яковлевна Крячки) о том, чтобы забрали себе остающееся наше немудреное «движимое имущество», в надежде на то, что хоть что-нибудь мы получим обратно, если нам посчастливится вернуться в Харьков.

... Незадолго перед нашим отъездом сидела я как-то на «кольце» под Липой за «штакешником» в саду вблизи центральной аллеи. Сын «копшился» рядом. Из института к оранжерейкам приходил Коршиков. Перешагнул*, подошел, присел рядом: «Вы все же собираетесь уезжать»? «Да собираемся, если удастся». «А стоит ли? Ну что вы собой представляете. Рядовой научный сотрудник. Я немцев хорошо знаю, думаю, что они не такие уже варвары, как о них пишут и говорят».

Известно чем закончилась для Коршикова его вера в «гуманизм» немецкой нации. Уже много лет спустя (в годовщину столетия со дня его рождения) от его старшей дочери Ксении Александровны мы узнали некоторые дополнительные обстоятельства, имеющие отношения к приведенному выше разговору. При эвакуации профессоров Харьковского университета в г. Томск еще в первые дни эвакуации был выписан посадочный талон и на имя Коршикова. Но его больная мать, узнав об этом, заявила, что если он уедет, она повесится. (На фронтах гражданской войны где-то в** бараке погиб ее старший сын). Это определило его решение. И этот разговор

* Далее слово неразборчиво.

** Далее слово неразборчиво.

со мной, похоже, предназначался и для своего собственного успокоения. Мать Коршикова пережила оккупацию и умерла в Харькове после войны, а он, как известно, погиб в «Большой Доре» в преддверии победы...

(Снова нить повествования переходит к основному «Летописцу»).

И так, раннее утро 30 сентября 1941 года. Станция Левада. Скопление людей, горы вещей, полусонные дети. Страх перед возможным налетом вражеской авиации. А эшелона для посадки нет и никто не знает когда он будет и дождемся ли мы его сегодня вообще. Народ нервничает, дети капризничают. Уйти никто никуда не может. Отлучится рискованно, в любую минуту могут подать эшелон и начнется посадка. С семьей Владимира Ивановича Махинько мы все время держимся вместе. С ним его жена Вера Ивановна и дочь Нелла, которая ненамного старше нашего Владимира, а ему еще нет полных три года.

Эшелон был подан на посадку лишь поздним вечером. В полной темноте, в условиях строгой светомаскировки издерганные многочасовым ожиданием люди начали неорганизованную погрузку в первые оказавшиеся рядом вагоны. Забрасывали в общую кучу на пол вагона вещи, сами с детьми забирались в вагон, топтались по вещам. Ближайшие к «тупику» станции вагоны были настолько перегружены, что люди стоя на груде вещей и прижатые друг к другу могли быть только в вертикальном положении. В одном из таких вагонов оказались и мы с ребенком на руках. Всем было ясно, что в таком состоянии отправляться в дальнюю дорогу было невозможно. Отправление эшелона было задержано на несколько часов и начальник эшелона, вместе с работником железнодорожной комендатуры провел более равномерное «расселение» эвакуируемых по вагонам эшелона. Нашим двум семьям досталась левая часть «теплушки» с двухярусными нарами, правую часть заняли еще две семьи. Средняя часть вагона (проти**) была «нейтральной». Она предназначалась для железной печки («буржуйки»), запасов топлива, воды и всевозможного хозяйственного инвентаря, необходимого для жизнеобеспечения людей в условиях длительной поездки в товарном вагоне.

Под покровом ночи эшелон покинул Харьков и взял направление на восток. Никто из эвакуированных не имел ни малейшего представления о конечном пункте движения данного эшелона. Для всех было важно выехать из Харькова и поскорее «оторваться» от приближающейся линии фронта, избежать бомбежек и обстрела с воздуха. Наши две семьи, имевшие командировки в Кызыл-Орду, наивно полагали (хоть и не были вполне уверены в этом), что наш эшелон следует в Казахстан. Но получилось иначе. После почти десятидневного пути с длительными стоянками на

---

* Далее слово неразборчиво.

** Слово неразборчиво.

разных станциях, нас всех выгрузили из эшелона на одной из станций в Саратовской области на территории Салтиковского района (не доезжая Саратова), райисполкому которого было предписано заняться жильем и трудоустройством эвакуированных из Харькова. На основании имеющихся у нас документов, Салтиковский райсовет выдал мне и В. И. Махинько справки о том, что мы направляемся в Кзыл-Орду Казахской ССР, а это давало нам право на приобретение железнодорожных билетов на пассажирские поезда. [...]

23 августа 1943 года был освобожден Харьков. Ректор ОУГУ⁸²⁸ А. Н. Русько⁸²⁹, как полномочный представитель ВКВШ при СНК СССР, срочно отбыл в Харьков для выяснения состояния Харьковских вузов. 1 сентября 1943 г. он уже подписал приказ о начале учебного года в университете в Харькове. В связи с этим из Кзыл-Орды была отозвана часть преподавателей, том числе и В. Н. Петров для организации работы Объединенного Украинского государственного университета в Харькове. В ОУГУ в Кзыл-Орде произошли некоторые изменения в руководящем составе. [...].

На мое имя (как и другим преподавателям-харьковчанам) поступило письмо следующего содержания: «Настоящим сообщаем, что Вы зачислены в штаты Харьковского Государственного Университета им. А. М. Горького и являетесь его основным работником. Вызов будет Вам послан в ближайшее время. Квартира за Вами забронирована. До скорого свидания. Ректор университета заслуженный деятель науки, профессор, доктор Н. П. Барабашов⁸³⁰.

Вскоре я получил лаконичную телеграмму за подписью секретаря Харьковского обкома компартии Назаренко: «Выезжайте семьей Харьков работы Харьковском госуниверситете». Датирована она была 11.03.1944 г. (Оригиналы этих двух документов сохранились).

25 мая 1944 г. в моей трудовой книжке появилась очередная запись: «В связи с ликвидацией университета в Кзыл-Орде и вызовом на работу в ХГУ освободить от работы». Тем же числом аналогичная запись была сделана и в трудовой книжке А. М., но без указания вызова на работу в ХГУ. В середине мая, выполнив все необходимые формальности и получив нужные документы, преподаватели, сотрудники и студенты Объединенного Украинского государственного университета погрузились в специально выделенный университету эшелон и покинули гостеприимную Кзыл-Орду.

В один из весенних дней конца апреля или начала мая (точную дату сейчас я не имею возможности установить) наш эшелон прибыл в Харьков на станцию Левада, на то же самое место, с которого почти три года назад начался для нашей семьи длинный скорбный путь в неизвестность. [...].

В июне месяце 1944 г. ОУГУ прекратил свое существование. Студенты и преподаватели Киевского университета возвратились в Киев.

«Возрожденный из пепла»

Под таким названием в книге Ю. И. Журавского и др. (1989, с. 93–116) описан длительный процесс восстановления Харьковского университета. В 1943–1945 гг. героический труд преподавателей, сотрудников и студентов университета, как и всех харьковчан [...] по залечиванию ран, нанесенных родному городу и университету немецко-фашистскими захватчиками. В этот восстановительный процесс с первых же дней включились и харьковчане, прибывшие последним эшеломом из Кзыл-Орды. Этот процесс не обошел стороной и возвратившихся «на родное пепелище» двух ботаников-харьковчан, не изменивших родному университету, несмотря на возможность переезда в Киевский (столичный) университет. Я полагаю, что каждому понятно, что речь идет обо мне и А. М. [...]

На станции Левада, всех прибывших из Кзыл-Орды, встречали представители администрации Харьковского университета. Преподавателям университета, получившим вызов для работы в Харьковском университете, вручили ордера и ключи от квартир. Судьба распорядилась так, что наша семья получила квартиру на пятом этаже пятиэтажного дома по Барачному переулку в районе нынешнего Сумского рынка (сейчас ул. Культуры), куда мы и направились через разрушенный город, наняв подводу и объединившись с коллегами-попутчиками.

О том, что собой представляла забронированная для нас квартира, какого труда стоило нам приспособить ее для жилья и как нам удалось пережить в ней первые зимы, мы расскажем позже. Задача всех нас, прежде всего, заключалась в том, чтобы «возродить из пепла» наш общий дом, наш университет, наш родной факультет и создать минимальные условия для учебного процесса в новом 1944/1945 учебном году.

Первая запись, появившаяся в моей трудовой книжке после возвращения в Харьков, была датирована 1 июля 1944 г. и гласила: «Призначити доцентом кафедри нижчих рослин»⁸³¹. Для меня и сейчас остается загадкой, почему здесь присутствует кафедра низших растений? Быть может это механическая ошибка отдела кадров, или здесь были какие-то «высшие соображения». Во всяком случае, вся моя дальнейшая преподавательская деятельность с момента возвращения в Харьков была связана с кафедрой высших растений, я просто не знал об этой записи в трудовой книжке, хранившейся в отделе кадров ХГУ. Для Александры Михайловны на кафедре низших растений места не оказалось и в июле 1944 г. она была зачислена старшим научным сотрудником отдела фитопатологии зообина⁸³² ХГУ, находившийся в ботаническом корпусе на ул. Клочковской, которым руководил Т. Д. Страхов⁸³³. Числясь в этом отделе, А. М. к фитопатологии не имела отношения и занималась изучением водорослей. Лишь 1 сентября 1945 г. она была зачислена на должность доцента

биологического факультета, но без указания кафедры. И с этого момента вся ее последующая научно-педагогическая деятельность была связана с кафедрой низших растений.

[...].

Часть зданий университета была полностью разрушена или сильно повреждена. Фашисты уничтожили минералогический и геологический корпуса⁸³⁴, нанесли серьезные повреждения химическому⁸³⁵ и биологическому⁸³⁶ корпусам, астрономической обсерватории⁸³⁷. Аудитории и общежития остались без оконных стекол и мебели. Все ценное было вывезено. Предстояла огромная работа, в которую включился весь коллектив преподавателей и студентов.

На биологическом факультете под руководством «мастера на все руки», декана В.Н. Петрова, была создана бригада по ремонту крыши биологического корпуса на ул. Тринклера⁸³⁸. В ее состав вошли проф. И.Б. Волчаницкий, доценты А.Д. Масловский и Ю.Н. Прокудин. Располагая в основном уже бывшем в употреблении листовым железом, мы полностью отремонтировали кровлю биофака и даже сумели ее покрасить. В общем, произвели большую и нужную работу. Пришлось мне участвовать и в заготовке дров в лесном массиве Скрипаевского лесничества⁸³⁹ в составе университетской бригады лесорубов-преподавателей. Дело было уже глубокой осенью. Спали мы, не раздеваясь в палатке, тесно прижавшись друг к другу. Работал я в паре с доцентом-математиком Дмитрием Захаровичем Гордовским, пережившим как и мы кзыл-ордынскую эвакуацию.

Огромная работа по восстановлению университета и обеспечению его подготовки к началу работы в новом 1944–1945 учебном году легла на админхозчасть университета. Проректором по этой работе в год нашего возвращения из Кзыл-Орды был Фомичев, завхозом — любивший выпить огромный «детина» по фамилии Дашкевич, решавший некоторые хозяйственные вопросы, как говорили в народе, не всегда только в пользу университета. Чтобы укрепить хозяйственную часть, оказать ей «моральную» помощь и заодно усилить контроль за ее деятельностью, партийное бюро университета решило в порядке партийной дисциплины временно направить в хозяйственную часть в роли завхоза на общественных началах «остепененного» коммуниста (доцента, кандидата наук). «Пути господни неисповедимы!» Выбор почему-то пал на меня, и я вынужден был подчиниться. За период моей хозяйственной деятельности университету при моем непосредственном участии удалось осуществить две акции: поездка на трех военных грузовиках на Константиновский стекольный завод⁸⁴⁰ с заданием любыми средствами раздобыть оконное стекло для аудиторий и моя поездка с Дашкевичем на один из заводов г. Днепродзержинска⁸⁴¹ для «выколачивания»

железных кроватей для студенческих общежитий. И в том и другом случае меня снабдили всеми необходимыми полномочиями, ходатайствами и обращениями во все инстанции, и не только от университета, но и от Харьковских областных и городских партийных органов. Для стимулирования переговоров и договоренностей на более низком уровне нас обеспечили котируемой в те (да не только в те) годы «валютой» — лабораторным спиртом.

Обе эти акции оказались результативными. И вот сейчас, возвращаясь мыслями к далекому прошлому, мне приятно осознавать, что в этом тяжелейшем процессе «возрождения из пепла» Харьковского университета есть и частица моего труда.

А. М. Матвиенко своим физическим трудом в крупных трудовых операциях по восстановлению Харьковского университета в эти годы не участвовала, но ректорат сумел использовать ее интеллектуальный потенциал и организаторские способности в другом направлении. Учитывая ее довоенный опыт работы в качестве ученого секретаря Института ботаники ХГУ, по рекомендации проректора по науке проф. А. В. Нагорного и с согласия ректора И. Н. Буланкина, А. М. была назначена ученым секретарем Совета ХГУ по защитам кандидатских и докторских диссертаций. Воспользовавшись тем, что ей часто приходилось бывать по делам защиты в центральном корпусе, партбюро ХГУ в лице его секретаря И. М. Полякова (сменившего на этом посту П. В. Михайлову) попросило ее взять на себя обязанности оргсектора партбюро, помогать в приеме членских взносов и в оформлении связанной с этим документации. Не привыкшая отказываться от общественных поручений, А. М. «потянула и эту ляпку». В дальнейшем лишь с большим трудом ей удалось освободиться от обязанностей секретаря Совета по защитам, полностью отдать себя служению нашей любимой ботанической науке. Подписывая приказ об освобождении А. М. от обязанностей ученого секретаря, А. В. Нагорный произнес как бы для себя такую фразу: «Странно... другие рвутся на эту должность, а она слезно просит ее освободить...». Сменил А. М. на этом посту доцент химического факультета Б. М. Красовицкий⁸⁴².

Много сил, энергии, здоровья и «творческой изворотливости» пришлось нам затратить для решения наших личных жилищно-бытовых проблем в эти годы. И в этом вопросе огромная, подчас непосильная нагрузка легла на плечи А. М.

Я не знаю, в каком виде получили квартиры другие возвратившиеся из эвакуации сотрудники университета, но наша двухкомнатная квартира при первом с ней знакомстве произвела на нас удручающее впечатление. Можно было ожидать чего угодно, но то, что мы увидели, отперев ключом входную дверь и переступив порог, не поддается описанию.

Лишь одна меньшая по размерам комната оказалась «изолированной от внешнего мира», была подготовлена для жилья — имела две двери и целую застекленную оконную раму. Но часть потолка в ней обвалилась до потолочных досок, стены с щелями и часть паркета сорвана. Вторая комната не имела входной двери, внутренних оконных рам и внутренней балконной двери. Отсутствовали двери в кухню, ванную и туалет, как и сама ванна и другое сантехническое оборудование. В кухне полностью разрушена плита и огромная дыра в стене, отделяющей кухню от соседней квартиры. Везде груды мусора, обвалившейся штукатурки, битого кирпича. [...]

У меня опустились руки, и я предложил А.М. временно поселиться у кого-нибудь из сотрудников ботанического сада, а здесь не спеша начать ремонт. Но с присущей ей решимостью она отвергла мое предложение, [завила. — сост.] что никуда не поедет, поселимся здесь и будем приводить в порядок выданное нам жилье.

И мы действительно, в пределах возможного, постепенно, своими руками осуществили самый необходимый первоначальный ремонт. Первый же дождь, показал, что крыша дома, первоначально покрытая квадратными эбонитовыми плитками, дырявая и потолки в квартире промокают. Пришлось нам с А.М. самим по покато́й крыше пятиэтажного дома без краевого ограждения, рискуя жизнью, «латать» крышу, определяя места течи по следам на чердаке.

Очень тяжелая была для нас первая зима в связи с отсутствием центрального отопления. Жилым помещением для нас стала кухня, в которой А.М. (правда не с первого «захода») соорудила вполне приличную плиту. Духовку и другие металлические детали к ней я приобрел на «толкучке». Общим ложем для ночлега нашей семьи в кухне стал «топчан» (деревянный щит на козлах). Большую комнату мы превратили в мастерскую с примитивным верстаком и козлами для распиливания дров. В ней мы установили приличную буржуйку, купленную на базаре, а трубу вывели в общий дымоход. Дрова в виде двухметровых колец мы поднимали к себе на пятый этаж, распиливали на «чурбачки» нужного размера, сбрасывали их с балкона на землю, там кололи на дрова, и снова заносили в нашу мастерскую, которая была одновременно и дровяным складом.

Дровами на зиму снабдил сотрудников университет, [которые были. — сост.] заготовлены университетскими лесорубами. Помню, как в один из осенних дней под вечер привезли эти колоды во двор соседнего дома, где проживало несколько сотрудников университета, и сбросили под окнами квартиры доцента Я. П. Бланка, расположенной на первом этаже. Чтобы за ночь их не растащили, пришлось мне вместе с Бланком подежурить ночь в его квартире у окна.

Университет помог своим сотрудникам и углем на зиму. И тоже он был свален в соседний двор. В этот раз по каким-то делам я отлучился из Харькова, и доставка его на место хранения (отгороженный досками угол в коридоре нашей квартиры) легла на плечи А. М. Это трудно даже представить, но тогда ей пришлось 28 раз подряд с двумя ведрами угля из соседнего дома подняться на пятый этаж. Необходимо было спешить, т. к. наступала ночь, а ее горстка угля заметно стала уменьшаться в объеме стараниями граждан, охочих поживиться за чужой счет. Совершив подъем с последними двумя ведрами, физически и морально разбитая и обессиленная, А. М. свалилась на топчан и вся накопившаяся горечь тяжелого неустроенного быта прорвалась неудержимым потоком рыданий, сотрясавших тело, но не принесших облегчения измученному организму...

Университет помогал кзыл-ординским новоселам не только топливом, но и некоторыми строительными деталями для ремонтных работ в квартирах, разрешая брать их из разрушенных в годы оккупации зданий университета (оконные рамы, подоконники, оконные коробки, двери, деревянные переборки, сантехническое оборудование). Кое-что удалось получить и нам из разрушенного здания геологического корпуса, оттуда нужные нам детали мы тачкой перевозили на себе с Университетской улицы по ул. Сумской на Барачный переулок. Переделку, модернизацию, подгонку и установку на место этих деталей мы проводили собственноручно в нашей семейной мастерской на первом этаже.

Лично нам со стороны биофака была оказана помощь и иного порядка. Как семейная реликвия у нас сохранилась рукописная записка декана биофака В. Н. Петрова адресованная Нине Тимофеевне Дедусенко следующего содержания: «Выдайте т. Прокудину один однотумбовый стол и три стула». Позднее, после завершения основных ремонтных работ в квартире нам удалось получить кое-что из нашей довоенной мебели, сохраненной в семье сотрудников ботанического сада Степана Моисеевича и Анастасии Яковлевны Крячко, а также уцелевшие книги из нашей личной библиотеки.

Усилия коллектива Харьковского университета принесли свои плоды. Университет постепенно «возрождался из пепла», факультеты залечивали раны, нанесенные войной и оккупацией, его сотрудники «всерьез и надолго» обживали свои семейные гнезда.

В Харьковском университете начался второй после освобождения г. Харькова, 1944/1945 учебный год, к концу которого в университете уже функционировало восемь факультетов и 56 кафедр, из них на биологическом факультете — 8, в том числе кафедра низших растений. Заведующим кафедрой уже в 1943 году был назначен профессор Л. А. Шкорбатов, кафедру высших растений с апреля 1944 года возглавлял профессор А. И. Соколовский.

Этими строками мы завершаем повествование о довоенном и военном отрезке нашего жизненного пути. [...].

1992 г.

(Центральный государственный научно-технический архив Украины, ф. Р-209, оп. 1, д. 17. Прокудин Ю. Н. и Матвиенко А. М. «Материалы к истории ботаники в Харьковском государственном университете», л. 1, 70–120. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 53

Отрывок из мемуаров И. Д. Шамрай⁸⁴³, «Непридуманное»

...Наконец, ровно через 4 месяца после освобождения, 23 декабря мы прибыли в Харьков, на станцию Основа⁸⁴⁴. Была задержка с разгрузкой вагона, мама оставила Нору с другими семьями ждать (у нее нарывали пальцы рук), а вдвоем со мной решила идти на разведку.

Шли пустырями, на первом же заборе у жилых домов увидели надпись «Проверено. Мин не обнаружено» и подпись. Долго шли пустынными, безжизненными улицами, встречались редкие прохожие в пальто из одеял, немецких кителей. Видели частные киоски с незатейливыми вывесками — леденцы, бублики.

От Основы до центра мы не увидели и десятка человек. Центр был разрушен страшно: начало Московской улицы⁸⁴⁵, Павловская площадь⁸⁴⁶, Универмаг⁸⁴⁷, гостиницы «Красная» и «Спартак»⁸⁴⁸ — все было в развалинах. Выстоял Дворец труда. Мост через Лопань был деревянный. Попали на Екатеринославскую⁸⁴⁹, а тут и Конторская⁸⁵⁰, 2 — рядом. Заходим в полуподвал к Губченко: Матрена Поликарповна жива, с ней дочь. Увидели на стенах наши черные лаковые полочки.

Поговорили с ними. Мама считала, что если наши вещи помогли кому-то выжить, то и слава Богу. Ведь и мы выжили. В квартире дяди Рены жила тетя Шура. Она хорошо нас приняла, чем-то накормила, дала помыться, и мы с мамой улеглись в чистую постель!

В квартире стояли все вещи Маевских. Тетя Шура на них не претендовала.

Нам не терпелось утром отправиться к нашему дому. Ночью выпал первый снег, стало светлее и веселее.

Пошли по [улице] Клочковской, поднялись к Госпрому — цел, родной! Идем мимо Дома специалистов, заворачиваем за угол — вот он, наш дом! Стоит! Только в самом углу нашей столовой след от разорвавшегося снаряда. Поднялись на первый этаж — на двери табличка «Сихарулидзе В. Т.⁸⁵¹ Управляющий строительным трестом». Мама от неожиданности

даже нажала кнопку звонка по довоенной привычке. Поднимаемся наверх, навстречу нам от нашей квартиры идет Екатерина Ивановна Сигидина. Оказывается, она с сыном живет в нашей квартире, вернулась, пустила нас в жилую кухню. Рассказала, что в первую зиму оккупации умерла Валечка. В цокольном этаже ее все время беспокоили, и она перешла в нашу квартиру, договорившись с Ксенией Федоровной.

Узнали, что Ксения Федоровна жива, работает рядом, в Гипрококсе⁸⁵². Пошли скорее к ней. Она искренне обрадовалась нам, сказала, что в бабушкину комнату составила часть нашей мебели, объявив ее от реквизиции своей. Даже обрадовала нас, что сберегла швейную машину, но прятала ее у знакомых. Пошли опять в квартиру, жила она в кладовке, одностворчатое окно уцелело, стояла в углу маленькая печка из чугунка. Она пустила Сигидину, т. к. одной было страшно, она уходила в Полтаву.

В комнате стояли буфет, трельяж, стол, тахта, кровать и стулья.

За выносом остальных наших вещей при немцах проследила Екатерина, так как у нее две комнаты были превращены в склад мебели своей и других жильцов, вроде бы сдавших ей на хранение.

Две недели мы жили вчетвером в кладовке. Укладывались, как селедки, вплотную друг к другу и поворачивались по команде. У меня опять разболелись обмороженные ноги, утром с трудом, одевала брюки и становилась на них, идти сразу не могла, пока расхожусь. Мама и Нора везли меня на санках.

Мама хлопотала о получении ордера на две комнаты, одну комнату она хотела оставить Касе [Ксении. — сост.]. А квартира Сигидиной стояла свободная. Как только она заикнулась в райисполкоме, что квартира Сигидиной свободна, тут же на нее был выписан за взятку ордер. А маме дали ордер только на одну большую комнату площадью 24 кв. м. — нашу довоенную спальню.

Мама предупредила Екатерину, что 16 января мы будем въезжать в комнату. Утром Катя закрывала комнаты на ключ, хотела уйти, мама остановила ее руку с ключом, открыла дверь, я зашла в комнату и уже не выходила. Екатерина побежала за братцем, но он уже был на базаре. Пришла его жена на подмогу, увещевала меня, что у Марика отца нет, он сирота, а я огрызнулась: «У меня тоже отца нет».

Екатерина еще пробовала устроить истерику, бросила вазу на пол, но мама ей, не повышая голоса, внушала: «Давайте спокойно перетаскивать вещи, ведь нам дальше жить соседями». Позвала Катя знакомого мужчину из шестого подъезда, он помог передвинуть мебель и Кате, и нам. Вот мы и в своей комнате! Это было в день маминого рождения 16 января 1944 года. Окна без стекол, только три форточки целы. Нет света, воды, канализации, отопления, естественно.

От тети Шуры притащили буржуйку, мама обложила ее кирпичом, навесили трубы в кухню, хорошо, что дом строился с дымоходами. Мама выписала рулон пергамина, забили им окна, с Конторской привезли Эрикин буфет на растопку. Пошли вдвоем с Норочкой за углем на Балашовку⁸⁵³. Нам выдали 200 кг угля, сложили мы его в 2 мешка, один побольше — 125 кг, другой поменьше. Уложили на детские санки, привязали веревками. Уже вечер, рано темнеет, в городе абсолютная темень, от Харьковского моста⁸⁵⁴ до дома мы не встретили ни одного человека. Идем по мостовой, шарахаемся от машин, они едут с потушенными фарами, сани переворачиваются, силенок не хватает уложить мешки снова друг на друга. Привезли, наконец, теперь марш — бросок на 5 этаж. У меня уже выработалась норма — в рюкзаке 20–25 кг с передышками на подоконниках 2 и 3 этажей.

Буфет наверх тащили, как заправские грузчики, мама командует: «Заноси, поворачивай, поднимай!»

Привезли с Конторской старый шифоньер. Нам повезло, на Конторской сохранилась старинная керосиновая лампа 20-линейная, это было целое богатство.

Она светила и грела. Нашлись и две семилинейные фарфоровые лампы. Особую ценность представляли стекла к ним.

Воду таскали из колодца в яре на Павловке. Потом появилась вода в кране во дворе.

А что же есть? Хлеба Нора и мама стали получать по 500 грамм, я — 400 грамм.

Администрация помещалась на ул. Фейербаха (при немцах висело революционное название — Дворянская). За рекой получали у женщины — распорядителя хлеб, его привозили не каждый день.

Хлеб был с мороженой картошкой, пах табаком, делили сразу на три части и съедали. Столовая была недалеко от конторы, на Кузнечном переулке, один раз в день можно было что-то получить — суп, иногда омлет из американского яичного порошка. Есть хотелось всегда, все время.

Приехали мы без продуктов, с долгом Гáлину в 21 рубль. Работы еще не было. Деньги из Чкалова⁸⁵⁵ не переводили.

Еще перед Новым годом нашли мы елочные игрушки в тахте, учебники, обнаружили мои лыжи. Это были первые мои продажи, они меня порадовали. На базаре продавали все, целые ряды разложенной на земле дребедени. Лишнего для продажи уже не было. Продали удачно маминны галоши, затем Норины резиновые ботинки, проели. Мама и Нора должны были являться на работу, я же ходила на толкучку, как на работу. Если я что-то продавала, то мама разрешала мне купить один пирожок с фасолью за 10 рублей. Тут надо было не прогадать. Торговки стояли в 2 ряда, продавали пироги с картошкой, с фасолью, с мясом, кукурузу, «какао».

Проходила весь ряд, выбирая, чтобы пирог был побольше. Однажды мы с мамой продали удачно шелковые чулки Эли, случайно у нас оставшиеся, и мама купила нам по треугольному пирогу с маком по 15 рублей! А как в коммерческой будке вкусно пах свежее испеченный хлеб по 150 руб. за кг! Как довоенный круглый хлеб за 1,5 рубля. Масло сливочное стоило 1000 руб. (это для справки) картошка — 20 руб. кг., пшено — 40 руб. пол-литровая банка, масло растительное продавали крошечными бутылочками по 100 грамм. Кусочек туалетного мыла можно было продать за 35 рублей.

Я уже знала всех карманников и воров на базаре. Их ловили, но через день они снова были в деле. Базар был колоритный; слепой дядя Гриша из Богодухова⁸⁵⁶ гадал женщинам, предсказывал судьбу.

Долго я ходила на толкучку, пытаюсь продать простыню и скатерть, никто не покупал.

Кстати, сразу после нашего приезда маме удалось продать Элин буфет, он стоял у дяди Рены, и трельяж красного дерева, который сберегла Кася, и тут же отправила деньги Эле.

Есть и продавать больше было нечего. У мамы возобновились тяжелые приступы малярии. Однажды, после тяжелого малярийного бреда, мама сказала: «Я придумала, будем делать куклы». Пригодились уроки выживания в гражданскую войну.

Мама попросила на монтажном участке моток провода и бумажные концы. Продумала технологию: каркас из провода обматывался бумагой, затем бумажными концами из мотков, шились чулочки, головка, ручки, а дальше шел украинский костюм с юбкой, фартучком, кофтой с вышивкой, платком. На личико использовали наши старые батистовые розовые блузки, на одежды — красили все, что было. За вечер и часть ночи сделали три куклы, они получились хорошенькие, у них сгибались ручки и ножки, их можно было посадить. Первые куклы удачно продали мама и Нора по 30, 35 рублей. За них можно было купить картошку, пшено, стопку масла и луковицу на пшениный кулеш. Вот мы и сыты!

Больше месяца мы делали ночами и продавали куклы. На базар ходили вдвоем с Норой или я одна.

Верхом мамино искусство были клоуны бело-голубые, такие симпатичные, рожицы мама рисовала тушью тонким чертежным пером. Клоуны шли по 50, 55 руб. Никаких ведь игрушек в продаже не было, и сельские женщины покупали детям наших кукол, да и расхваливали мы их хорошо, ведь они не бились и не ломались. Мама научила мастерить кукол Габриеловых, они делали их с полгода. Конкуренции мама не боялась.

В апреле, когда закончились все наши рубашки и не стало материала на куклы, мама выписала на участке лист фанеры, раздобыла лобзик и села выпиливать мебельные гарнитуры, они получались такие красивые. Я их продавала из деревянного школьного чемоданчика. Вскоре у меня его украли, пустой, обманул вор.

Когда делали ночью кукол, часто смеялись, то когда нога длиннее получалась, то рука. Много ли надо в 14 лет для смеха!

При полном безденежье, меня одолевала мысль, что я, может быть, найду кошелек. Иду по саду Шевченко с обедом из столовки и смотрю по сторонам аллеи, авось, увижу кошелек. И еще я завидовала женщинам в нормальных туфлях, зачем бабе в 40 лет туфли? Когда у меня их нет! Пожалуй, это был единственный предмет зависти за всю мою жизнь. Еще зимой пришли к нам гости — Жанна и Света. Мы как раз получили хлеб за несколько дней и не поделили его на части, а нарезали его ломтиками на тарелку и были рады, что хлеб лежит, «как до войны» и можно угостить девочек.

Весной стали возвращаться люди в город. У нас перебивали все мамы знакомые, сотрудники, по двое, по трое, кто ожидая пересадки, кто ожидая квартиру.

И Лев Борисович Станиславский с сыном, и Нова [Зиновий. — сост.] Бродский с женой и ее сестрой, и жена Рафы Свинкина с сыном, и друг отца Моисей Хананович Меламед с дочкой Ниной. Нина у нас болела ангиной дней 10, Моисей Хананович ее проводывал, он устроился в другом месте.

В зависимости от количества ночующих устраивалось ложе — к тахте придвигались чемоданы на книгах, мы или приехавшие укладывались по́котом поперек тахты. И на кровати могли спать двое.

Эдик Фрумкин спал ночью на обеденном столе.

Рената приходила к нам ночевать, когда ей было немогуту со свекровью. У нее были страшные трофические язвы на ногах, спала она на полу на тюфяке около печки.

В мае приехала тетя Нюня с Иночкой, они спали вдвоем на кровати, а мы втроем поперек тахты. Прожили у нас месяц, пока тетя Нюня получила комнату на ул. Дзержинского, 10, нашла часть своей мебели.

Тетя Нюня заняла нам деньги на посадочный материал для огорода, и мы в Рогани⁸⁵⁷ посадили огород, километрах в 7 от станции. Уже разворачивалась работа, появлялась какая-то зарплата, регулярнее стали давать хлеб, стало веселее.

Маме предложили первую халтуру по восстановлению жилого дома по ул. Данилевского, 8, уплатили ведром черной патоки. Мы на ней сварили варенье из вишен.

Интересен был переезд конторы в Госпром. Галин решил занять удобное помещение Проектной конторы на первом этаже в шестом подъезде. Было еще холодно, в комнате большой поставили печку. Наша организация первая поселилась в Госпроме, нас даже летом хотели снять для кинохроники.

До нас в Госпроме жила только обезьянка из зоосада. Говорили, что раньше она жила в Красном промышленнике⁸⁵⁸, но когда там стали

появляться жильцы, она перебралась через дорогу в Госпром. Мы сами ее видели зимой, проходя мимо Госпрома. Она бегала вниз — вверх по застекленной лестнице, там сохранились маленькие стекла. Говорят, что ее подпоили работники вернувшегося зоопарка (дали хлеба с водкой) и забрали к себе. Многих животных в зоопарке переловили и съели.

Если теперь, в 1999 году, в зоопарке воруют цесарок для еды и чугунные скамьи для металлолома, то что говорить о 1941 годе.

Не помню, как появились стекла в зале, но в коридоре их долго не было и от снега вспучивался паркет.

Галин при переезде послал мужчин по этажам искать мебель, притащили шкафы. Мы нашли только чернильницу.

Городской транспорт не работал. К лету пустили трамвай 11 маршрута от Парка⁸⁵⁹ до Южного вокзала⁸⁶⁰. Около Госпрома трамвайные пути поросли травой. Летом стали натягивать красивые блестящие медные провода, значит, скоро пустят трамвай марки «А» и «10». Кстати, только в Харькове говорили: «Какая марка идет».

В эвакуации дети — харьковчане узнавали друг друга по словам «ракло» (вор) и «марка трамвая».

Летом маме удалось добыть стекло, и к следующей зиме у нас оставались забитыми пергамином лишь верхние фрамуги. Это было большое достижение.

На посадку огорода отправились втроем, земля была вспахана и заборонована грубо. Сажали пять соток 2 дня, попросились ночевать в селе, нас пустила молодая женщина, дала по кружке молока и по куску хлеба. Мама была счастлива, что мы на гостеприимной Украине!

Запомнился мой день рождения — 15 лет. Я себе купила подарок — книгу Лермонтова «Избранное», грубо изданную в 1941 году, за 1 рубль. Мама сварила мамалыгу и вылила ее на кузнецовское блюдо. Она красиво застыла, как крутая манная каша. Иночка удивлялась, как мы можем съесть целую миску пшеничного кулеша, иногда варили с расчетом на два дня, но уговаривали маму — съедали за один.

Действительно, Бог даст день, Бог даст и пищу. Иночка боялась, что у нас растянутся желудки. А каково месяцами не видеть белковой пищи, овощной, фруктов? Долго после войны я не хотела есть пшено, наелась, слава Богу.

Теперь выяснили, что Владимир Андреевич «наелся» в гражданскую перловки. Я в Отечественную — пшена, а Алеша уже страдает от гречки то у мамы, то у меня. Стараюсь для него готовить пшеничную или пшеничную кашу, если нет картошки. Его уже «рыночная экономика» «достала».

20 февраля 1999 года.

Вспомнила день рождения Норочки в 1943 году, на Орской ТЭЦ⁸⁶¹, ей исполнилось 18 лет. Решили отметить это событие в столовой за стахановским ужином в 12 ночи. Я тоже осталась со всеми. В столовой стоял

длинный стол, все группой уселись. Выпили за Норочкино здоровье и счастье. Я тоже выпила немножко водки-сырца, не понравилось.

Все Норочку любили, как могли, оберегали.

По сути, это был последний запомнившийся вечер, коммуна уже распалась.

Но все же помнится больше июньский вечер, а затем воробьиная ночь с зарницами от дальних гроз, устроили скромное застолье, настроение у взрослых было романтическое, я не совсем это понимала. Пожалуй, это был лучший вечер нашего маленького коллектива.

В Харькове уже все были разобщены, замкнулись в семьях, были озабочены выживанием.

Только еще раз сказалась объединяющая сила маминого ума и обаяния — на ее день рождения 16 января 1945 года пришли близкие сотрудники, Аня Бернштейн привела мужа со скрипкой, Надежда Семеновна принесла паштет из фасоли, мы приготовили много винегрета, посидели, как в недалекие добрые и трудные времена.

Приближалась первая годовщина освобождения Харькова. К 23 августа организовали около Госпрома и на части площади ярмарку — с машин и повозок продавали яблоки. Чудесная ароматная антоновка лежала у нас в буфете, доходя до янтарной спелости. Таких крупных яблок я больше не видела. Отъелись яблоками за все предыдущие годы.

Ходили в госпиталь в клингородке⁸⁶² проведывать раненых, носили им яблоки.

Весной и летом стали разбирать завалы, закладывать проемы первых этажей кирпичной кладкой. Каждый житель должен был сверхурочно отработать часы по восстановлению города. Это был наш город, возрождающийся к жизни, и эта повинность не была в тягость.

Целой бригадой проектировщиков мы работали на закладке проемов в разрушенных зданиях на Университетской улице. Возвращались уже домой, нас настигла в саду Шевченко гроза, ливень, сняли обувь и побежали мокрые по теплым лужам!

Были совершенно разрушены все магазины, лабазы, склады на старинном Купеческом спуске⁸⁶³, там теперь сквер от здания с Диетическим магазином⁸⁶⁴. Не стало Дома Красной Армии, Дворца пионеров, их не восстановили⁸⁶⁵. Расчистили развалины обкома⁸⁶⁶, устроили сквер, конструкции возили мимо нашего дома в овраг за Новым бытом⁸⁶⁷. Овраги за Пятиричкой⁸⁶⁸ и Новым бытом были огромные и глубокие. Долгое время они были местом городской свалки. Теперь там с одной стороны сквер, Завод маркшейдерских инструментов⁸⁶⁹, с другой — станция метро «Научная».

Многие здания в 1941 году поджигали и взрывали советские диверсионные группы, чтобы не оставить ничего врагу. Рассказывали, что Дом Проектов пылал целую неделю, на площади нельзя было стоять. А Госпром не поддался. Были следы пожара от склада медикаментов

в нескольких комнатах в третьем подъезде на втором этаже, но кроме паркета и оконных переплетов гореть было нечему.

В части Сумской недалеко от парка были сгоревшие здания. Там есть первый дом, восстановленный в 1950 году по проекту архитектора Линецкого. До этого года в жилом фонде восстановления не было, разбирали завалы и восстанавливали заводы.

В районе Госпрома разрушений не было; конечно, дома стояли без стекол, кое-где они были забиты фанерой или заткнуты чем-то.

Уже летом 1944 года заметно прибавилось населения. Около памятника Шевченко (он уцелел полностью, только были заметны следы осколков) устроили могилы офицеров, освобождавших Харьков. Позже их перенесли в лесопарк⁸⁷⁰.

Летом город повеселел. Радостнее стало и у нас на душе — пережили самую тяжелую зиму за всю войну.

Мама много работала, шло восстановление электростанций Донбасса, хорошо, что сохранились архивы чертежей, и мы их привезли в первую очередь.

Предвиделся неплохой урожай картошки. Мама решила, что нам пора идти учиться. О школе не могло быть и речи, там давали 300 гр. хлеба и карточки иждивенца.

Мы с Норой предполагали, что пойдем в вечерний строительный техникум или на курсы конструкторов. Но мама решила, что мы должны заниматься на дневном отделении. В Строительном техникуме давали 500 граммов хлеба (рабочую карточку) и стипендию. Нас охотно приняли, ведь у нас были аттестаты отличников за 7 класс.

Неожиданно мама встретила Давида Рубинштейна. Он преподавал а Горно-Индустриальном институте⁸⁷¹, расспросил о дочках и предложил помочь устроить нас на подготовительное отделение в институт. Там были группы на базе 8 классов, за 11 месяцев надо было пройти программу 9 и 10 классов, сдать экзамены на аттестат зрелости экстерном, и эти экзамены засчитывались как вступительные в институт.

Обеспечены были 500 гр. хлеба и стипендия 150 руб. (ее хватило бы на покупку хлеба по карточкам по государственной довоенной цене).

Мама пришла, рассказала нам, была интересная перспектива, но страшновато, ведь мы в 8 классе не учились, надо было параллельно дома осваивать программу 8 класса, а на подготовительном проходить курс девятого.

Мне было не так страшно, ведь у меня перерыв занятиях был всего 1 год и был опыт учебы в 6 классе в течение полутора четвертей. Норочка больше опасалась, ведь у нее перерыв был 4 года. Но все же мы решились, иначе институт отодвигался от нас на 4 года обучения в техникуме.

Давид пошел с мамой к профессору математики, Алексею Борисовичу Тицу⁸⁷², за содействием. (А. Б. Тиц преподавал в Технологическом

институте⁸⁷³ у мамы и Давида). Все вместе пошли уговаривать декана подготовительного отделения Валентина Васильевича Берестова. У нас ведь не было другого документа о 8 классе, кроме справки из Орской вечерней школы. Решил он принять нас на «поруки» — если сдадим зимой экзамены за девятый класс — останемся учиться дальше, если нет — нас исключат.

С трудом вызволяли наши документы из техникума, и вот мы студентки подготовительного отделения!

Сразу начали заниматься вдвоем дома, трудно было с учебниками, с бумагой, о тетрадах речь не шла.

22 февраля 1999 года.

Первое собрание подкурсов было в школе на Клочковской, недалеко от Речного переулка. Велели приносить табуреты, стулья, мебели не было никакой. Кое-что собрали, но вскоре мы перекочевали в здание Техникума Промтранспорта на улице Свердлова. Сидели кто на чем, коронное место — занять подоконник.

Начались уроки и наши страхи. Пугала нас тема «Уничтожение иррациональности в знаменателе», мы еще не знали, что это такое. Я пыталась налету соображать. Норочка дрожала от одной мысли, что ее математика вызовет к доске.

Вскоре нас перевели в аудитории Юридического института на Пушкинской. Взяли мы в руки столы, стулья и пошли через весь город. Посидим на дороге, отдохнем, идем дальше.

На новом месте появились уже скамьи, доски никакой не было, писали на стенах, окрашенных коричневой масляной краской.

Послали нас группой на подсобное хозяйство института под Новой Водолагой⁸⁷⁴. Шли ночью от поезда к месту ночевки, во главе длинный Олег Виноградов — запевала, поем «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай поет о нас страна...». Под песню пришли к сараю, здесь в темноте и разместились на соломе. Хорошо, что мама посоветовала нам взять ватное одеяло, улеглись, прижались друг к другу, согрелись. По одну сторону сарая спали девушки, по другую — парни.

Дело было в октябре, уже холодало. Убирали морковь, пекли на костре все, что можно. Расселили нас потом по хатам. Трудились честно с утра до вечера. Познакомились поближе с девочками. Запомнилось возвращение в дачном поезде, уж очень было холодно, дуло из разбитых окон.

По сути, для занятий оставались ноябрь и декабрь, в январе — экзамены за 9 класс.

Отвлекались только на топку печи, приготовление еды, доставание в очередях продуктов по карточкам — это все были наши обязанности. Мама включалась в хозяйственные крупные дела — покупка дров, посадка и уборка огорода. Она так нам и сказала: «Раз я дала вам возможность учиться, то все хозяйственные текущие вопросы решайте сами».

А мама работала днем на работе, ночью выполняла стороннюю работу — халтуру. Во все время нашего обучения в институте, когда не проснешься, видишь одну и ту же картину — горит свет, мама за доской, на полу газета, чтобы стружить карандаши. Как трудно было ее, бедную, утром разбудить на работу, ведь только под утро она ложилась. Бывало, раскуривали папиросу, вставляли ей в губы, только сделав затяжку, она просыпалась.

Занимались мы с Норочкой вдвоем, а после успешной сдачи экзаменов за 9 класс к нам примкнули Нина Алехина и Лина Леонова. С ними готовились к экзаменам на аттестат зрелости.

Сегодня вспомнила много имен и фамилий коллег по подготовительному отделению. Запишу их. Мне было приятно представлять их лица: близнецы Юра и Женя Богословские, Люба Шкейрова. Володя Анцелевич и его будущая жена Аня, Муся Гальперина, Яша Абакумов, Володя Конев, Ева Стерлина, Гриша Крastoшевский, Рита Шойхет, Света Деревянко, Аня Мильман, Ляля Розенберг, Валя Гупалова и ее сестра Лина (Социалина), Римма Бейлина, Витя Морозов, Витя Пугачев, Женя Пономарева. Я была самой младшей. Однажды декан Берестов обратил на это внимание, не хотел мне давать стандартную справку для получения хлебной карточки. Возмущенно сказал: «Что же Вы в 16 лет в институт попадете?». Я робко ему пыталась отвечать: «Неужели, если хорошо закончу подкурсы, мне не разрешат учиться в институте?».

Велел прийти через два дня, поставил около моей фамилии птичку. Я пришла попозже, наивно сказала, что не знаю, почему стоит птичка около моей фамилии, он дал мне справку, все закончилось благополучно.

(Уже на первом курсе схватился декан Исидор Григорьевич Габай — как это я в 16 лет на первом курсе, но я была отличницей, оставил меня в покое).

Математику преподавала у нас тетка Вити Морозова — суровая, строгая, требовательная, малословная. Объясняла материал четко, ясно. То, что вложила она в нас, то я потом вкладывала в Диму, а теперь в Алешу.

Заходит в класс, садится за стол, командует: «Часы! Задачник!». Часы и задачник одни на группу. А она еще любила рисовать в чужом задачнике!

Как-то физичка исписала выводом законов Бойля-Мариотта, Гей-Люссака и Клапейрона три стены. Спросила: «Кто повторит?» Я вышла и тоже исписала три стены, вытирая написанное ею. Без ошибок. Она была довольна, я тоже — получила сразу пятерку.

Помещения, естественно, не обогревались, на окнах и наружной стене был слой инея. Сидели одетые. Я ходила в старом длинном зимнем мамин пальто с котиковым воротником, в бурках. Норочка в демисезонном драповом пальто с подшитым ватником.

Администрация Горно-Индустриального института размещалась в здании Сельскохозяйственного института на ул. Артема, 44. Там же занимались студенты. На 13 февраля 1945 года был устроен торжественный вечер с концертом студентов в большей аудитории с расположенными амфитеатром сидениями. Запомнился студент Борис Резник, он пел «Благословляю вас, леса и воды» Чайковского. Его бас звучал для нас странно, классическая музыка вызывала смех. Мы были совершенно музыкально не образованы и не подготовлены. Казался странным такой репертуар в день Красной Армии. Боря Резник потом пел в Оперном театре, участвовал всегда в городской самодеятельности, мы с ним работали вместе в «Южгипроцементе»⁸⁷⁵).

Шла весна [19]45 года. Наши войска все ближе к Берлину. На экранах кинотеатров появился фильм «В 6 часов вечера после войны». Так загадочно звучало название. Неужели кто-то знает, что будет после войны? Сбежали с уроков в кино. Идет сеанс, вдруг зажигается свет, собрались кричать: «Сапожник, давай кино!», как раздался голос: «Товарищи, наши войска взяли Берлин!». Что тут поднялось, крики «Ура!», аплодисменты, всеобщий восторг!

Только выйдя из зала я поняла, что хлопала по чернильнице-непереливайке и была вся в чернилах. Это было 30-го апреля.

7 и 8 мая нам предстояло ехать сажать огород, а на 9 мая мы с Норой взяли билеты в Русскую драму⁸⁷⁶.

Сажали огород вдвоем, вечером 8 мая еле доползли домой, уснули, вдруг ночью нас будит Кася: «Жермен, девочки, победа, подписали акт капитуляции!». Мы бросились к окнам, в домах зажигался свет, шли люди, все больше и больше, к площади Дзержинского, кто-то палил в воздух из пистолета с балкона. Но мы были такие измученные и уставшие, что остались дома.

9 мая собрались идти в театр пораньше, шли аллеями сада Шевченко, народу полно, впереди группа студентов, вскакивают на скамью и кричат: «Да здравствует Победа и студенты ХАИ⁸⁷⁷!». Подходим к репродуктору у памятника Шевченко и слышим: «Наши войска освободили город Прагу!».

Кто знал, что в день Победы мы окажемся в театре! Зал заполнялся людьми, знакомые здоровались, поздравляли друг друга. Стоял шум голосов, радостное оживление.

Не верилось, что конец войне, что уже наступил мир. Теперь будет время «после войны». Что смотрели? Кажется, «За тех, кто в море» Бориса Лавренева, нашего ташкентского спасителя.

[...]

1999 г.

(Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко. Отдел «Украиника». Шамрай И. Д. Непридуманное, л. 53–59. Оригинал, автограф, рукопись).

№ 54

Отрывок из воспоминаний Б. А. Гундера⁸⁷⁸

...Первый день войны помню очень хорошо. Я с сестрой Олей и бабушкой отдыхали в Люботине⁸⁷⁹, пока отец и мама были заняты в институте. А позже у нас были планы поехать всей семье отдыхать. 21 июня 1941 года в субботу отец приехал нас навестить. Время провели очень весело. Вечером провожали его до самого поезда. А позже приехала кинопередвижка и допоздна показывали кинофильм. Причем лента постоянно рвалась и разошлись спать уже поздней ночью. 22 июня утром пошли гулять. А когда вернулись, то отдыхающие сидели в беседке возле репродуктора и молчали. У некоторых на глазах были слезы. Мы сразу не поняли в чем дело. А через несколько минут вновь прозвучали всем известные слова В. М. Молотова⁸⁸⁰ «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Директор дома отдыха объявил, что он уже не директор и идет в военкомат, и просит всех организованно покинуть дом отдыха. Все разъехались по домам. Когда мы приехали в Харьков, то город уже нельзя было узнать. На всех окнах уже белели бумажные кресты, в трамваях была давка. Мы с трудом доехали домой. Отец⁸⁸¹ очень рассердился, когда увидел нас. Он говорил повышенным голосом, что мы паникеры, и нечего было приезжать. Но когда узнал, что директор дома отдыха распустил всех отдыхающих, немного понизил голос. На всей территории института начали рыть траншеи для бомбоубежищ. Спилили несколько деревьев для перекрытий. Весь ритм жизни сразу нарушился. Все летние месяцы оборудовали бомбоубежища в подвальных помещениях жилых домов. В городе появились большие очереди. Люди хватали соль, спички, мыло, продукты. В промтоварных магазинах тоже были очереди. На стенах домов появились различные плакаты, призывающие к бдительности и порядку. Объявлялась борьба с паникерами, спекулянтами и т. д. Не помню, когда ввели карточную систему, отец очень взволнованный приходил домой из института. В городе у всех репродукторов собирались толпы народа и слушали сводки сов. информбюро.

Мы выставили репродуктор из нашего окна, чтобы во дворе можно было слушать.

Газета «Правда» объявила о бомбардировке Берлина советской авиацией, что значительно подняло у всех настроение. Многие говорили, что война будет недолгая, если уже наши бомбят Берлин. Кроме статьи о бомбардировке Берлина, были опубликованы стихи, описывающие эти события. А сверху карикатура Геббельса, сидящего в своей луже. А над

ним советские самолеты со звездами на крыльях, а из них выглядывают смеющиеся лица летчиков. Я вырезал эти стихи и долго хранил их. Но потом было не до стихов и не помню куда эта вырезка делась. Геббельс передает по радио, что Берлин подвергся налету англичан.

Машин английских было шесть.

В Берлине раненые есть.

Как удивились англичане, проснувшись в утреннем тумане! Кажись, из наших ни один не залетал вчера в Берлин. А если мы там не бывали, то немцы сбили нас едва ли.

Но вдруг слышались слова! — внимание! Говорит Москва! Седьмого в ночь район Берлина бомбил отряд наш боевой и все советские машины вернулись в целости домой.

Услышав эту передачу, был Геббельс очень озадачен. — Казалось я опять сел в лужу и к сожалению в свою же. — Вот эти строчки мне запомнились на всю жизнь. «Седьмого в ночь» это было 7 августа [19]41 г. Но такое настроение было недолго. Скоро начались воздушные тревоги, которые объявляли по радио, прерывая текущие передачи. Сначала было просто интересно, что нужно спускаться в подвал не только днем, но и по ночам. Первые бомбы на Харьков упали ночью 1 сентября на сотую школу, которая была на ул. Лермонтовской. На кладбище, где сейчас Молодежный парк, и на ул. Петровского — прямо на трамвайные пути. Мы бегали смотреть разбитую школу, где в проломе были видны парты и висящие на стене портреты. А на ул. Петровского, которая тогда называлась Бассейной, видели воронку от бомбы, заполненную водой. (Очевидно, пострадал водопровод) и торчащие рельсы в разные стороны.

Но, примерно, в те же дни был сбит немецкий самолет, и его останки были выставлены на площади Дзержинского для общего обозрения. Мы с отцом ходили смотреть, и даже трогали бело-черные кресты на крыльях.

В сентябре еще недели две ходили в школу. Но учеников с каждым днем становилось все меньше. И занятия прекратились. Все школы были переоборудованы под госпитали, куда постоянно поступали раненые. Началась эвакуация института⁸⁸².

На семейном совете было решено, что отец поедет в сопровождении Ольги. Всей семьей эвакуироваться было невозможно, так как тяжело больная бабушка была «прикована» к постели. Решено было остаться в Харькове мне и маме. Необходимые вещи были сложены. Настали дни прощания. Мы отправились провожать отца с Олей на вокзал Леваду. Но эшелона долго не было. Но когда появился эшелон, началось настоящее столпотворение. Не было совершенно порядка. И кто был посильнее и помоложе, влезали не только в двери, но и в окна вагонов.

Оказывается, этот эшелон был подан сначала на какую-то пригородную станцию, где посадка производилась организованно. И отца никто не

предупредил об этом заранее. Но в этой страшной давке не смогли сесть не только отец с Олей, но и другие сотрудники института. Вернувшись после неудачной посадки, отец проболел несколько дней сердцем. А во время его болезни уехал еще один эшелон, в котором уехал профессор Валяшко⁸⁸³. А последняя эвакуация академиков, профессоров была назначена на 7 октября. Еще не уехали Проскура⁸⁸⁴, Тютюнников, Кузнецов и другие. Отец решил ехать этим эшеленом. В эти дни отец возглавлял противопожарную оборону химического корпуса, а также запаковывал ценное оборудование. Успели увезти бесценную коллекцию — имитацию алмазного фонда. Как выяснилось позже, эта коллекция благополучно прибыла на место, но после освобождения Харькове она не вернулась и неизвестно куда пропала.

Эта бомбежка была ночью, и убитых в школе не было. Очевидно, немцы метили в «Гигант»⁸⁸⁵, где был госпиталь.

Начало октября 1941 года было тревожным. Участились налеты на город. А 5 октября в конце дня, была объявлена воздушная тревога. Когда «залаяли» зенитки, отец собрался идти в химический корпус. Мы все его отговаривали, но он все же решил идти. Я тоже пошел с ним. Когда мы дошли до места, где сейчас стоит новый высотный корпус (тогда это была большая площадка). Помню, на краю этой территории стоял большой деревянный сарай, в который были свалены парты и столы из аудиторий. Когда мы дошли до этого сарая, уже темнело и небо озарили прожектора зенитных установок. С этой площадки хорошо просматривалась заводская часть города. Уже были видны несколько пожаров. Отец остановился и сказал — смотри, сынок: будешь вспоминать после войны. А я его спросил — почему ты решил, что только я буду вспоминать? Мы должны вспоминать вместе. На это он мне ответил: — я уже стар и болен, и сердце мое может не выдержать. А ему тогда было всего 55 лет. В этот момент послышался гул самолетов. Зенитный огонь еще больше усилился. Я просил его вернуться домой, но он повышенным голосом, приказал мне «немедленно» (это его слова) вернуться одному. Ослушаться я не мог, и попрощавшись с отцом, быстро побежал домой. А он медленным шагом пошел к химическому корпусу. Я добежал до угла технического корпуса, когда огромной силой взрыв потряс все вокруг. Не помню как добежал домой и влетел в подвальное помещение, где было оборудовано бомбоубежище. Там сидели жильцы нашего дома, а мамы не было. Она была у постели больной бабушки. Я как правило никогда не ходил в бомбоубежище. И в эти минуты тоже снова вышел на крыльцо. Зенитный огонь не умолкал. Вдруг из темноты появился человек. Это был старый столяр Василий Иванович. Это он произнес слова: — профессор Гундер ранен. Стало темно в глазах. Но опомнившись, я помчался в подвал и выкрикнул,

что папа ранен. И уже помню, как мы с сестрой помчались в химический корпус. Маму не пустили жильцы. Зенитный огонь продолжался, и осколки зенитных снарядов цокали вокруг нас по асфальту. Мы вбежали в химический корпус. В подвале под лестницей, на своем пальто лежал отец, облокотясь на локоть одной руки. Из разорванных брюк была видна забинтованная нога вся в крови. Он все время пытался встать, повторяя — Пустите меня, товарищи. — Мы подошли к нему. Сестра захватила из дома его сердечные капли, накапала ему в рюмку, и он одной рукой взял сам и выпил капли.

Я плохо помню, что было дальше. Кажется, кто-то меня увел, а Оля осталась. Как позже я узнал, дозвониться до скорой помощи было трудно. А когда дозвонились, то там ответили, что машину скорой помощи пришлют, когда закончится налет. Он был ранен в голень ноги. И рана была не смертельная. Но, не имея квалифицированной помощи, он истек кровью, да и больное сердце не выдержало.

Я уже был дома, когда кто-то пришел и сказал, что папа скончался. К этому времени бомбежка уже закончилась и полная луна спокойно сияла на безоблачном морозном небе. Как ночь прошла — не помню. А утром мы пошли прощаться с отцом. Он лежал в главном аудиторном корпусе. Вокруг было много людей. Не помню, как прошло 6 октября. А 7 октября хоронили отца. Шел снег, и тут же таял. Решили его кремировать, как он завещал. Не знаю как уехал профессорский корпус позже, но директор института Пасечник Степан Яковлевич остался хоронить отца. Как позже мы узнали, он ушел пешком из Харькова. Позже мы ходили смотреть на воронку от бомбы, которая упала в нескольких метрах от химического корпуса и попала в землю, никого не убив, кроме отца. Все стекла в корпусе были выбиты. Повсюду вся земля была усыпана плотным слоем битого стекла. Я и по сей день знаю место, где упала бомба. Директор крематория просил маму взять домой урну с прахом отца, но мама решила, что установит ее в специальном зале крематория. Что мы и сделали. В самом углу большого зала мы поставили урну с прахом отца на тумбочку. Поставили комнатный цветок и бархатной лентой привязали портрет отца. В то время крематорий находился на ул. Пушкинской в районе второго нынешнего кладбища.

Немцы появились в городе 24 октября.

Преодолевая страх, мы пошли все вместе в крематорий. По ул. Пушкинской ехали немцы на мотоциклах. У нас страх совершенно пропал. Нам было все равно — убьют или нет. Но немцы не обращая внимания на нас, проезжали мимо. Еще издали мы увидели, что крематорий дымится, когда подошли ближе, то увидели, что вместо зала зияла огромная яма. Крематорий взорвали наши при отступлении.

Недаром директор крематория просил взять домой урну. Но в дальнем углу этой ямы мы увидели кучку пепла, которая лежала на чудом сохранившемся полу, который не обрушился при взрыве. По боковой части стены мы вдвоем с сестрой добрались до кучки пепла. Там лежала урна, на которой сохранился след обугленной ленточки. Взяв урну, мы тем же путем вынесли ее из дымящегося крематория. Урну захоронили возле могилы профессора Казанского — его хорошего друга, который умер еще в 1938 году.

Начались тяжелейшие дни немецкой оккупации. В первые дни, напротив, нашего дома, со стороны электротехнического корпуса стояла немецкая фронтальная кухня. Немцы ходили по поясу раздетые, несмотря на мороз и гоготали по-немецки. (Возможно, это и не стоит писать). Но если я не напишу, то никто не узнает, что у [этих — сост.] немцев были три небольшие собачки. Одна черная такса и две побольше. Их немцы звали: Сталин, Молотов и Ворошилов. Они кричали — Сталин, Сталин, Сталин и эта неуклюжая такса бежала на их зов. Было смешно и трагично.

Первое время жили скудными продовольственными запасами. А когда запасы кончились, ходили на базар и продавали вещи. Один стакан кукурузы стоил 40 рублей. Мы терли кукурузу в кофемолке и мама добавляла ее в оставшуюся муку и пекла лепешки. 1 литр молока стоил 150 рублей или 3 коробки спичек. Мама выменивала оставшиеся спички на молоко. Но мир не без добрых людей. У нас была знакомая женщина, которая до войны была у нас домработницей. Она ходила на село с другими женщинами и выменивала наши вещи на муку, подсолнечное масло и др. и сама у нас питалась, т. к. была одинокой.

Директором института был назначен немец Полянт. Но потом он назначил вместо себя профессора Терещенко Александра Владимировича. Он не показал себя с лучшей стороны. К нему часто приходили немцы и устраивали пиршества. В этих пиршествах участвовала его дочь Ольга и сын Владимир. У нее был муж еврей. И она отвела его по приказу немцев за Тракторный завод, куда сгоняли всех евреев и расстреляли. Сейчас это называется Дробицкий Яр⁸⁸⁶.

Наверное, в ноябре месяце в институте было организовано производство спичек. Развернул это производство профессор Дружинин Георгий Митрофанович. Мы с Олей клеили коробочки для спичек из данных заготовок. Коробочками ведал Букриевский Александр Францевич. Я не знаю кем он был до войны. Знаю и помню, как он отсчитывал нам эти картонные заготовки совершенно опухшими от голода пальцами. Он был уже стар и, кажется, скоро умер. За эти коробочки мы получали какие-то бураки кормовые, которые мама варила и мы ели их. Но все производство спичек было в руках Терещенко. Он выступал на площади с большой

речью, где восхвалял немцев — освободителей. И кричал: «мы освободились от жидо-большевистского ига».

Терещенко — теперь уже не профессор, а директор института, назначил мою маму охранником по консервации химического корпуса. Она должна была провести инвентаризацию имущества. Занимались этим все вместе. Шторы в кабинете отца, которые он приобретал на свои средства, мы сняли и перенесли домой. Они пошли мне на одежду. Многие ценные реактивы были перенесены нами в подвал, и завалены мусором и битым стеклом. При проверке мама подала список, не имеющих большой ценности предметов. А на вопрос — где же ценные реактивы? — мама сказала, что большевики часть увезли, а часть уничтожили. Но все-же в подвал немцы заходили и просили открыть двери. Мама все открыла, а когда они увидели груды мусора и битого стекла ушли восвояси. Таким образом, было спасено много ценностей. При осмотре химического корпуса маму очень удивила хорошая осведомленность немцев в знании расположения лабораторий, и особенно в знании лабораторий отца. Оказалось, что, осматривал лабораторию некто доктор Кюнн, который был в 1932 году на IV Менделеевском съезде⁸⁸⁷ и помнил отца, владея прекрасно русским языком, он это рассказал моей маме и очень сожалел, что отец погиб.

Однако мама воспользовалась некоторыми реактивами. Это был путь к выживанию. Обнаружила уксусную кислоту. Делала уксус и продавала на базаре. Разливала уксус в оставшиеся бутылки из-под минеральной воды. Бутылка уксуса за стакан кукурузы. Нашли бертолетову соль, перемешанную с сахаром для каких-то научных целей. Но бертолетова соль нужна для производства спичек, а сахар для питания. Мама решила отделить химическим путем сахар от бертолетки. В лаборатории неорганической химии на первом этаже она принялась за дело. Там была небольшая печь, которая необходима для этого процесса. В конце концов, как мама и ожидала, бертолетка выпала в осадок, а сахар оказался в растворе как сироп. Этот сироп был годен для употребления, хотя бертолетка являлась ядом. Решили пока не есть этот сироп. Кроме этого мама обнаружила салициловую кислоту, которая является хорошим консервантом. Все это пригодилось летом 1942 года. Впоследствии из сахарного сиропа мама сварила варенье из райских яблочек. Она знала, что яблочная кислота может нейтрализовать наличие бертолетовой соли, если таковая все же присутствовала в сиропе. Варенье получилось очень красивое.

Но нужно было попробовать. Решили все втроем попробовать понемножку, ибо если там осталась бертолетка, то умрем все вместе. На вкус очень сладко. Но был какой-то специфический привкус. После пробы остались живы. Варенье очень вкусное и яблочки тоже. Когда убедились, что

это безвредно, то ели понемножку с чаем, ибо варенья вышло меньше литровой банки.

Салициловая кислота (салицилка) пригодилась для консервации ягод. Очень хорошо помню: на литр кипяченой воды мама брала один грамм салицилки. В этот раствор клала разные ягоды — вишни, черную смородину, малину. Но лучше всего получалось из черной смородины. В бутылках все это выставлялось на окна. И через некоторое время ягоды пустили сок. Попробовали. Ягоды сохранились полностью. Сок был кисло-сладкий, а ягоды не потеряли своего вкуса. Сахар не нужен. Все это употребляли с чаем. Хватило и на зиму.

В феврале умерла бабушка, что было еще одним нашим горем. Прах отца захоронили в ее могилу весной. Весной 1942 года участились появления советских самолетов над городом. Красная Армия наступала. Приближался фронт. Фронт приблизился к Харькову. И к маю месяцу слышна была канонада. Фронт был уже в Рогани⁸⁸⁸. Мы ждали со дня на день освобождения. Из города эвакуировались тыловые немецкие части, а вместе с ними и профессор Казакевич, который полностью продан немцам. Хотя он сыграл и положительную роль в том, что на жилых корпусах развесил охранные грамоты, которые запрещали немцам занимать эти корпуса. Немцы читали эту грамоту и уходили. С весны 1942 года вся территория института была в огородах. Мы тоже вскопали себе небольшой участок, где посадили картошку, фасоль, помидоры, огурцы. Это все очень помогло нам. Но наступление Красной Армии захлебнулось и фронт постепенно отодвигался, что в конце концов привело к Сталинграду. В октябре 1942 года управдом Бучинский Мартьян Иванович все же вселил немцев в наш дом. В каждую квартиру вселили по два немца. Мама вынуждена была отдать нашу большую комнату. Немцы, которые к нам вселились, были пожилые и очень редко бывали, а по ночам куда-то уходили. Потом оказалось, что это были полицейские, которые вылавливали своих же солдат у русских женщин. Как-то уходя, они оставили на столе надломленную плитку шоколада. Но мама сказала, что это ловушка, и брать ни в коем случае нельзя. Вечером в нашу дверь очень тихо постучали. Мама открыла дверь. Но на пороге стоял немецкий полицейский и жестами что-то показывал на буфет. Мама открыла буфет, а он указал на чашку. Мама дала ему чашку. Через пять минут он приходит с чашкой полной сахара и ставит нам на стол. А мы ели в это время тыквенную кашу с вареным сахарным бураком. Что оставалось делать? Мама положила в тарелку каши и дала офицеру. Он не отказался, а заулыбался и съел ее и очень благодарил.

[...]

Война катилась на запад! И мы почти каждый вечер слушали приказы Верховного Главнокомандующего. В приказах объявлялось об осво-

бождении все новых и новых городов и населенных пунктов. После чего Москва салютовала доблестным героям, освободившим города и села. Последние слова приказа звучали так: «Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины». Мне запомнились стихи, которые учили в школе: «С каждым днем торжественней, победней залпы орудийные в Кремле. Будет день, когда раскат последний праздник возвестит родной стране. Возвестит Победу над врагами, что падут, разбившись о гранит. И, как прежде Ленинское знамя все края Отчизны озарит». Моя сестра Оля уже была студенткой университета. День Победы 9 мая 1945 года помню очень хорошо. Как известно, 2 мая Красная Армия овладела Берлином. И мы, с дня на день ждали Победы. Помню 8 мая объявили очередной приказ Верховного Главнокомандующего, что Красная Армия овладела городом Дрезден. Мы все удивлялись, что никак не добьют фашистов. Весь мир уже знал, что немцы капитулировали 8 мая. Но приемников у нас не было, и мы вынуждены были слушать эти черные репродукторы — «тарелки». А по ним пока ничего не сказали. Радио умолкло. Мы легли спать, не выключая его. А среди ночи меня разбудила музыка торжественных маршей, которые всегда звучали после приказов Верховного Главнокомандующего. Я зажег свет — было 2 часа ночи. И вдруг прервалась музыка и зазвучал голос Левитана:

— Капитуляция немецких вооруженных сил! ...

Эх! Я вскочил, разбудил маму и Олю! Потом побежал будить всех соседей! Мы с Олей и Люсей Бабаковой (она дочь Александра Михайловича Бабакова, брата Ивана Михайловича) прошли на площадь Дзержинского, нас ослепило яркое освещение на Сумской и на площади!

Дело в том, что в Харькове строго соблюдалась светомаскировка до последнего дня войны! Хотя в городе фонари уже давно были восстановлены. 3 часа ночи! А народ валит по Сумской лавой! Кто поет, кто играет на баяне, кто танцует, кто рыдает. Ну, такой демонстрации никогда не было и вряд ли будет! Вернулись домой — уже было светло. Началось утро без войны. А мне — 17 лет. Помню стихотворение тех времен.

«Еще стояла тьма немая, в тумане плакала трава, Девятый день большого Мая уже вступил в свои права. Не рокотали стайки «Яков» над запыхавшею зарей. И кто-то пел. И кто-то плакал. И кто-то спал в земле сырой. Вдруг тишь нахлынула сквозная. И в полновластной тишине спел соловей, еще не зная, что он поет не на войне».

[...]

Январь 2000 года.

(Музей истории Харьковского национального технологического университета «ХПИ». Автограф, машинопись).

№ 55

Отрывок из дневника народного артиста**Б. М. Табаровского⁸⁸⁹**

...Так я впервые столкнулся с темой немецких лагерей смерти. А позже мне пришлось увидеть весь этот ужас своими глазами, посетив в Польше аналогичный лагерь в Треблинке.

Повезли нас туда на экскурсию. Не буду описывать все увиденное там, это достаточно хорошо известно теперь по документальным фильмам и литературе. Скажу только, что меня все время не покидала мысль, что такого в двадцатом веке не может быть. Как могли люди опуститься до такого состояния, как могли изобрести и осуществить эту машину уничтожения?

С тех пор я больше никогда не ездил ни на какие экскурсии, связанные с лагерями смерти, ни в Белоруссии, ни в Прибалтике.

До сих пор не могу слышать немецкую речь, хотя на этом языке писали Гейне и Гете, Ремарк и даже сам Карл Маркс.

Вспоминаю время, когда в Харькове в военной академии обучались офицеры из стран народной демократии, в том числе и из ГДР. Часто по главной улице Харькова — Сумской — проезжали на мотороллерах немецкие офицеры в той же зеленой форме, только без свастики и надписи на пряжках ремней «Гот мит унц» (Бог с нами). Честное слово, хотелось стрелять.

Не могу не относиться, мягко говоря, с неодобрением к людям, поехавшим в Германию на жительство. Да и как можно уважать людей, которые получают подачки из рук тех, чьи отцы и деды творили свои черные дела. Их не преследуют образы чечевичной похлебки и тридцати сребреников. Они спокойно жрут, спят и ездят по Европам. Стыд и срам! [...]

[2004 г.]

(Харьковская музыкально-театральная библиотека им. К. С. Станиславского. Справочно-библиографический отдел. Дневник Табаровского. Копия, компьютерный набор).

№ 56

Из воспоминаний архитектора С. М. Петрова⁸⁹⁰

Однажды я пошел с [пл. — сост.] Держинской на источник, который сейчас на Павловом Поле, в конце Шатиловки. Вообще воду можно было взять и в другом месте — сойти по улице Чайковского вниз, по Дегтяр-

ному спуску на Журавлевку, туда, где улица Шевченко. Или третий вариант — пройти на перекресток к спуску Пассионарии, рядом с улицей Ромена Роллана.

Да, так вот я спустился в овраг, набрал два ведра воды, выхожу из оврага, дошел уже до половины, наверх не смотрю. Поднимаю глаза — а на холме стоит немец с автоматом и рядом с ним несколько человек с ведрами. Я посмотрел — и все понял. От злости хотел опрокинуть ведро на землю. Одно ведро успел вывернуть, но тут немец навел на меня автомат. С этим ведром я поднялся, подошел, получил прикладом по спине, — а потом мы все под конвоем этого фашиста пошли по улице Данилевского, зашли в какой-то дом, на 4-й этаж, и там вылили воду в ванную какому-то немецкому офицеру... Вот так они относились к населению. Дойче зольдатен...⁸⁹¹ Как это назвать?

Или другой случай. Я шел по улице Культуры (раньше она называлась Барачной), недалеко от Сумского рынка. Уборка в городе не производилась, поэтому все было засыпано снегом, — только тропинки вытоптаны в снегу. Вот я иду по тропинке, навстречу мне — немецкий солдат. Я, конечно, посторонился, отступил в снег. Но ему этого, видимо, показалось мало: он меня схватил за одежду и выбросил на дорогу... Казалось бы, не избил, не убил, — и слава Богу, но вот это издевательство, абсолютно пренебрежительное отношение к населению, как к существам какого-то пятого сорта, — оно навсегда осталось в памяти.

А как-то раз я был в управе (на углу Дзержинской и Каразина): мне нужно было уйти на село, и требовался «аусвайс» — пропуск. И вдруг слышу: «Хто тут розмовляв москальською мовою?!»⁸⁹² Хм... Так вот, пришел я за «аусвайсом», — а вместо этого нас, нескольких молодых людей, затолкали в грузовик и привезли в район пограншколы в Померках⁸⁹³. Дикий холод, рядом конюшня, и лежит дохлая лошадь — раздувшаяся, примерзшая к земле. И нас заставляют эту лошадь поднять на машину. А в лошади никак не меньше полутонны, да еще и примерзла! Я кричу полицая — не могу, так он кулаками, ногами — по спине, по ребрам... По лицу, правда, не бил. Потом открыли конюшню — а оттуда выходят качающиеся лошадки. Буквально полутрупы. И нам приказывают этих лошадок довести до мясокомбината на Змиевскую (сегодняшний проспект Гагарина). «Не доведете — мы вас расстреляем». Мы вышли. И тут лошадки стали падать: сначала одна, потом вторая. Моя, последняя, упала в начале Дзержинской. Когда она свалилась, сбежались люди, набросились на нее. Что вы хотите — голод...

[...]

2005 г.

(Музей истории Харьковского технического университета строительства и архитектуры. Копия, компьютерный набор).

№ 57

**Из воспоминаний сотрудника Харьковской
государственной академии городского хозяйства
П. С. Каличенко⁸⁹⁴.****«Воспоминания солдата»**

...В городе затеплилась жизнь. Однажды на базаре отец встретил знакомого, у которого перед войной ремонтировал пианино. Отец вспомнил, что он был врач, хирург. Разговорились. Врач рассказал, что комендант города разрешил открыть в городе Родильный дом, поскольку женщины ждать конца войны не могут и его приняли туда хирургом-акушером. И после очень долгих переговоров отцу удалось уговорить этого врача Голобородько сделать мне (не бесплатно!) операцию — извлечь осколок. Доставили меня на Костюринский переулок под вечер, как позволял комендантский час, операцию делали поздно вечером, предупредили, чтобы не кричал. А как же было не кричать, если рана нагноилась, наркоз не действовал, да и мало его было. Когда было особенно больно, я вскрикивал, но меня сейчас же прикрывала подушкой стоящая рядом санитарка. Наконец, врач нащупал осколок, вытащил его и показал мне. Я его не видел, так как к тому времени уже был без памяти.

Удивительно, что врач вообще нашел его без рентгена, только по направлению зонда, который он вставил во входное отверстие, и по глубине раны. Конечно, это был большой риск для врача. Кто-то из рожениц мог услышать мой крик, доложить немцам. Ведь по городу были расклеены призывы выдавать раненых красноармейцев, за невыполнение — расстрел. Но — обошлось. Утром отец приехал за мной с двухколесной тачкой и одеялами и отвез домой. Началось выздоровление. На вопрос отца, какие лекарства теперь нужны, врач ответил: «Курятина, питание». [...]

Между тем, наступила весна, распустились деревца во дворе, я стал потихоньку опускать ногу с постели и, становясь на пятку, выходить во двор. На нашей глухой окраине было тихо, никакого передвижения войск, ни даже автомашин не было. Мама иногда ходила на базар и однажды встретила девушку, свою бывшую помощницу — счетовода из цеховой бухгалтерии, Наташу Диденко, рассказала ей о своей радости и горе одновременно: о приходе домой раненого сына. Та посочувствовала и пообещала помочь. Тем более надо было что-то предпринимать, потому что на мое имя почтальон вдруг принес повестку с биржи труда для отправки в Германию. Очевидно, кто-то из соседей доложил, что «ходит по двору молодой парень призывного возраста». [...]

Соседка Зина, до войны учившаяся в мединституте, разрисовала рану на ноге, забинтовала, достала костыли, и проводила на медкомиссию. Она располагалась по улице Сумской, 17, в доме «Саламандра»⁸⁹⁵. Немцу-врачу сказали, что ранен при бомбежке города. Он дал отсрочку от Германии на полгода.

Помощь Наташи оказалась неожиданно очень существенной. Дело в том, что отец ее был пожарником и не рядовым, а начальником 4-й пожарной команды, находящейся недалеко от нас, на Квиткинском базаре⁸⁹⁶. Там стояла высокая кирпичная каланча, а наверху дежурил пожарный. Здесь следует подробнее рассказать о Пожарной команде города во время оккупации. Дело в том, что тогда, да, наверное, и сейчас, вся пожарная команда города укомплектовывалась в основном ребятами из сельской местности, их было до 90%. Они постепенно оказывались поближе к работе, в пригороде, снимали квартиры или получали участки и строились. Это были большие труженики. Их устраивало дежурство раз в три дня. Горело в городе нечасто и они, натрудившись дома за двое суток, третьи умудрялись отдохнуть на дежурстве. Пожарная команда была подведомственна НКВД, но редко кто из них был член партии, хотя все они имели «броню» даже во время войны от службы в армии. Короче говоря, почти никто из них не эвакуировался с отступающими войсками и, оказалось, что бывшему «брандмайору»⁸⁹⁷ Васильеву, по какой-то причине не отступившему на Восток, не составило большого труда собрать большой коллектив и создать 11 или 12 пожарных частей во всем городе. Немцы охотно пошли на это потому, что их солдаты селились в пустых домах, а шла зима, топили прямо в комнатах установленными «буржуйками», выводя трубы в окно, что приводило к частым возгораниям. Пожарная команда была очень даже нужна. Поэтому все пожарники были поставлены на военное солдатское довольствие, включая буханку хлеба и шесть сигарет в день или пачку табака на неделю. В то голодное время это было очень заманчиво. Так что, несмотря на протекцию со стороны дочери и неплохую взятку, мне пришлось внести еще один «вступительный взнос» при личной встрече. Диденко, узнав что я немножко рисую, дал мне открытку с портретом Гитлера и сказал, что надо нарисовать увеличенный портрет, чтобы повесить на стену. Я нашел кусок ватмана величиной с двойной тетрадный лист и черным карандашом нарисовал его. Обещание он выполнил. Я стал «пожарником». На пожары я, правда, не ездил, но работа мне нашлась.

[...].

2006 г.

(Музейный комплекс Харьковской государственной академии городского хозяйства. Каличенко П. С. Воспоминания солдата, л. 62–64. Копия, компьютерный набор).

№ 58

Из воспоминаний харьковчанки Л. Р. Алкснис⁸⁹⁸

«Моя война»

Мы погибли бы, если б не погибли.
(Фемистокл)

*Какими разными путями
Идут желанья наши и судьба!*
(У. Шекспир «Гамлет»)

Меня попросили написать воспоминания о войне. Только теперь, в весьма преклонном возрасте, начинаешь понимать, насколько важны свидетельства очевидцев. Никакие фильмы, даже документальные, никакие романы, рассказы и повести не дают о ней полного представления, если этого не пережил сам, не испытал на собственной шкуре.

Я принадлежу к поколению детей войны, которое, к сожалению, тоже уже уходит. Детские восприятия событий и память о них отличаются от восприятия взрослых. Иногда что-то хочется вспомнить, уточнить какой-то факт из своей биографии, а спросить не у кого, т. к. поколение наших родителей уже ушло. У каждого была своя война. В жизни каждого, как в капле воды, отражается вся история государства.

То, что было вчера, зачастую не помню.
То, что было тогда, мне вовек не забыть.
Воду, зимой замерзшую в комнате,
Холодный, голодный военный быт.

[...]

Оккупация

Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...

Эвакуировать население никто не собирался. Нас просто бросили на произвол судьбы. До этого ночами всё горело и рушилось, но все-таки в первый приход немцев в городе оставалось еще очень много уцелевших зданий. Потом, много позже, наши старались всё свалить на захватчиков, мол, дескать, это всё они сожгли и разрушили. Но на самом деле многое было уничтожено собственными руками, чтобы не досталось врагу.

Немцы поразились тому, как много жителей осталось в Харькове (чуть ли не 600 тыс.чел.). Итак, начался новый порядок, новые хозяева вступали в свои права. В один из первых дней, было это в воскресенье по Сумской медленно ехала легковая машина — немецкий «Опель», с рупором наверху, и на чистейшем русском языке «вещала», обращаясь

к народу. Немец, сидящий в ней, излагал основные положения, правила и законы нового немецкого порядка и призывал всех жителей немедленно идти на площадь Дзержинского. Мы с подружкой, глупые кутята, откликнулись на этот призыв и, ничего не сказав родителям, побежали любопытства ради. На углу ул. Иванова и Сумской находилось здание тогдашнего обкома КПУ. На втором этаже был балкон. Когда собралась большая толпа народа, на него вышел немецкий офицер с переводчиком и по-немецки стал держать речь, в которой чаще всего звучало слово «verboten» — «запрещается». Это было первое немецкое слово, которое мы услышали и усвоили. За неповиновение либо неисполнение того или иного приказа — расстрел. Потом они вывели на балкон какого-то русского человека с фанерным щитком, висящим у него на шее, на котором было написано что-то вроде: «Я хотел взорвать это здание» и на глазах у всех повесили. Толпа ахнула и стала разбегаться в разные стороны. Мы с подружкой в ужасе от всего увиденного, через Профсад (так тогда назывался сад им. Т. Г. Шевченко) по Рымарской помчались домой. Это был первый висельник, которого мы увидели. Увы, он был далеко не последним. Наводя новый порядок, немцы часто вешали наших людей, но непременно за какую-то провинность. На площади Тевелева⁸⁹⁹, чуть ли не на каждом фонарном столбе зимой болтались задубевшие висельники. На Благбазе⁹⁰⁰ тоже. Надписи на шеях были разные: «Я — партизан», «Я украл эти сапоги» (они висели тут же на его шее) и т. д. В этом случае нужно отдать должное немцам, т. к. во время оккупации совсем не было воровства. Квартиры стояли незапертыми и никто ничего не брал. [...]

Постепенно, со временем, жизнь в городе стала как-то налаживаться. Появилась городская управа во главе с бургомистром из местного населения. Она помещалась на ул. Сумской № 20 в здании бывшего авиаинститута⁹⁰¹. После войны там размещался какой-то техникум (кажется связи). Коммунальные службы не работали. Электричества, отопления, водопровода и канализации не было. Городской транспорт не ходил — люди передвигались только на своих двоих. Радио также молчало. В первый же день был издан приказ, согласно которому все жители, имеющие радиоприемники, должны были их сдать. При обнаружении — расстрел. У Саши был приемник, и он его сдал. Воду для технических нужд брали из реки Лопань. Я спускалась, в зависимости от времени года, с коромыслом либо с санками или тачкой с двумя ведрами по Классическому спуску к реке — благо она была тогда достаточно полноводной и чистой, не такой, как нынешняя. Зачерпывали воду прямо с берега. Люди, живущие рядом, стирали в ней белье. Зимой прорубали прорубь и не одну, т. к. желающих было много. К проруби стояли в очереди. Воду для питья брали из криниц⁹⁰², которых было несколько. Самая большая, с очень вкусной водой, находилась в Карповском саду на Холодной горе. Мы брали воду из криницы, ближайшей к нам, на ул. Журавлевской⁹⁰³. Сейчас, к сожалению,

она засыпана и на ее месте расположилась очередная АЗС. Идти по воду надо было достаточно далеко: через сквер на Театральной площади, потом по спуску Мельникова вниз и налево. Криница была большая, в виде шестигранника с деревянной крышей наверху, так что одновременно несколько человек имели возможность набрать воду. Никакого ворота, как в колодце не было. Каждый приносил с собой веревку, привязывал ее к ведру и забрасывал ведро в воду, которая находилась достаточно глубоко. Случалось, что ведро обрывалось. Особенно трудно было зимой, когда края сруба покрывались льдом. На поход за водой уходил обычно целый день. Там нужно было выстоять еще в длиннющей очереди, да на дорогу туда и обратно тратила я часа 2,5. И вот помню, однажды, зимой, иду я с полными ведрами на коромысле, сгибаясь под их тяжестью. Мороз был градусов 20. На мне — старый бабушкин плюшевый салоп, на голове — платок, на ногах — бурки с чунями. Эдакая «бабка с ноготок». До дома оставалось — рукой подать. И тут вдруг возле госбанка останавливается большая грузовая машина, из радиатора которой валит пар. Из кабины выходит немец и говорит: «Mädchen, komm!» И на моих глазах вся моя вода исчезает в радиаторе. Правда, надо отдать ему должное, он сказал: «Danke»⁹⁰⁴. Я так плакала, когда пришла с пустыми ведрами домой, а мама меня утешала: «Ничего — успокойся — мы натопим воды из снега». Идти во второй раз по воду у меня уже не было сил, да к тому же уже стемнело, и приближался комендантский час. Зимой людям разрешали появляться на улице только в светлое время суток, за неповиновение — расстрел.

Освещали жилища с помощью каганцов. Это был очень своеобразный «светильник». Во флакон из-под одеколona наливали какое-нибудь машинное масло, (мама приносила с завода), опускали в него фитиль, который вставляли в специальный металлический зажим, сделанный из жести. И каганец горел, только порой очень коптил. У немцев были стериновые свечи, а в госпиталях движки, от которых питалась электрическая сеть. Позднее, на заводе умельцы стали делать карбидные лампы. По сравнению с каганцами это были люстры, только в комнате распространялся неприятный запах карбида, и лампа гудела каким-то тоненьким особым «голоском».

Во дворе нашего дома на Сумской до войны была колонка с водой и общественная уборная с двумя чашами «Генуя», рядом — мусорный ящик. Когда была вода — «прилив и отлив», туалет работал нормально. Но когда всё исчезло, люди стали пользоваться дома «парашей» и потом выносить помой на улицу. Зимой все эти отходы человеческой жизнедеятельности замерзали, образуя в углу двора целый «Монблан». Я, как сейчас, вижу эту картину. Но, когда настала весна и вся эта «красота» начала таять, тут уже жителям было не до смеха, т.к. могла начаться эпидемия. От голода и холода, антисанитарии всякого рода, у людей появились вши — нательные и головные. Меня с моими косами мама сразу остригла. Для

мытья и стирки применяли соду и какое-то кустарное вонючее мыло, которое покупали на рынке.

Ввиду того, что на Корсиковке⁹⁰⁵ не было никаких удобств, а на Сумской была печка и в сарае еще на первую зиму сохранился уголь и дрова, мама окончательно перебралась на Сумскую. А в нашей квартире в «Красном луче» поселились какие-то паненки с немцами, и почти все наши вещи там пропали. А потом в квартиру угодил снаряд, но это случилось уже позже.

Хочу рассказать о судьбе наших постояльцев по «Красному лучу» Базарских. Теперь их называют жертвами холокоста, но тогда никто понятия не имел об отношении Гитлера к евреям, Освенциме и прочих концентрационных лагерях. Если бы Сталин открыто сказал в начале войны, что фашисты в первую очередь уничтожают евреев, то ни одного еврея в оккупации не осталось бы. А тогда многие думали, что они смогут при новом режиме торговать и жить безбедно, тем более, что у деда Базарского (я, к сожалению, забыла его имя и отчество) до революции в Ахтырке был свой магазин. У этой четы было несколько душ детей, все они к началу войны были уже взрослыми, имели своих детей и жили отдельно от родителей. И получилось так, что когда пришло время эвакуироваться, то Соня говорила: «Пусть старики едут с Марой», а Мара приводила свои аргументы и кивала на Вову, т. к. он старший сын и к тому же мужчина. Так Иван кивал на Петра и в результате старики остались. Фаня Владимировна была очень хорошей симпатичной женщиной (на самом деле — по настоящему — ее звали Фейга Хая Сруль Вульфовна, но по паспорту она была Ф. В.). Я помню, как она меня баловала. Она была небольшого роста с оттопыренной попой. И мы с Женей (ее внучкой), когда нам было лет 5, любили ходить за ней сзади «хвостиком» и делали вид, что мы играем в 4 руки на фортепиано на ее «пятой точке».

В начале оккупации (15–16 декабря 1941 г.), когда уже были морозы, и лежал снег, по всему городу, были вывешены объявления: «Всем евреям в определенное время явиться в район Тракторного завода (указывались точный адрес и дата). Теперь я ни за что не нашла бы этого места. Как потом оказалось, в каких-то заброшенных бараках было организовано еврейское гетто. И в самом начале было объявлено, что «все жиды будут жить в этой определенной зоне». Если бы эти несчастные люди знали, что их ожидает в дальнейшем, они бы разбежались, кто куда по селам и может быть кому-то из них удалось бы уцелеть, а так... Они все погибли в Дробицком Яру⁹⁰⁶. И мы с мамой чуть было туда не угодили, но Бог нас спас.

И вот в этот судный день потянулись вереницы людей с детьми, со своим скарбом на санках. Мы с мамой пришли накануне в «Красный луч» помогать Базарским укладывать их вещи, и потом сопровождали их до ворот, чтобы знать, где они будут находиться и в каком бараке жить.

В дальнейшем еще месяца 2–3 (точно не помню) все евреи действительно жили в этом гетто. Условия были ужасными. Я пару раз заходила в этот барак. Там была большая скученность. Готовили они тут же, на примусах, чай грели на спиртовке (на сухом спирте?) в кружках. Плакали дети, стонали старики. Они все здесь же справляли свои естественные надобности; вонь, грязь, вши и т. д. и т. п. Выходить из барака «разрешалось на очень короткое время: вынести «парашу» и т. п. Ходить по территории лагеря иногда можно было, но за забор с колючей проволокой ни шагу. К каждому бараку был приставлен немец, который по утрам и вечерам делал переключку и считал головы живых перед тем, как выносили мертвых. Зима 1941–1942 годов была очень лютой. В бараках было холодно, начался тиф и прочие болезни, люди стали умирать от голода. В первое время моя мама навещала Базарских, сначала со мной, а потом без меня. Они давали нам кое-что из своих вещей, мама продавала их на базаре или меняла на продукты. Мне запомнилось, как однажды я им принесла один граненый стакан зерна. Он стоил 200 рублей. И они на кофейной старинной мельничке его мололи и делали себе затируху⁹⁰⁷. Воду топили из снега. Фаня Владимировна рассказывала, как ежедневно немец, заходя в барак, требовал определенное количество часов или золотых колец, а в случае неповиновения их нещадно бил и издевался над ними. Поначалу ему давали, но потом все ресурсы иссякли, и он понял, что выдавить из них уже нечего. У ворот, на входе в гетто, стоял часовой-полицай из наших. Однажды он увидел мою маму (оказалось, что это был бывший ХЭМЗовец⁹⁰⁸) и сказал: «Роза Моисеевна! Что вы тут делаете? Не сегодня-завтра эту лавочку закроют и Вы никому не докажете, что Вы не еврейка (мама была красивой брюнеткой с карими глазами). Да Вас никто и спрашивать не будет. Пожалейте себя и вашу дочь!» Не знаю, остался ли в живых этот полицай, но теперь, через много лет, я должна его поблагодарить. А мама, в свою очередь, встретила в гетто одного знакомого паренька-«фабзайца» (тогда при заводе существовал «фабзавуч» — предприятие само готовило для себя кадры) и удивилась, увидя его там. Он был рыжий, в веснушках, фамилия у него была, по-моему, русская, но мать у него была еврейка. И «чудные» соседи на него донесли, куда надо, для того, чтобы завладеть их комнатой и имуществом. Мама ему сказала: «Пока не поздно, беги отсюда, куда глаза глядят, иначе ты погибнешь». И он, как потом выяснилось, внял ее совету и через какой-то лаз в заборе удрал из этого ада. Он добрался до какого-то села, его приютили добрые люди. Руки у него были золотые: стал делать крупорушки, чинить швейные машинки и пр. и т. п. И таким образом спасся. А когда пришли наши, его взяли в армию. Потом он вернулся снова на ХЭМЗ, женился на русской женщине и, когда встречал маму, всегда ее благодарил. Говорил: «Вечно буду за вас Бога молить, как хорошо, что я Вас тогда встретил, Роза Моисеевна». Моей маме, когда выдавали

паспорт, сказали: «Это, что еще за имя такое — Арзу?» И написали: «Розалия».

Надо отдать должное караимскому гахаму — верховному «жрецу» — главе всей караимской церкви, который в свое время сумел объяснить Гитлеру, что караимы и евреи — люди разных национальностей. А многие считают караимов крымскими евреями почему-то. У караимов иное происхождение, вероисповедание, язык, культура и религия. И Адольф, говорят, внял его доводам и издал специальную «охранную грамоту» для караимов, дабы они не подлежали физическому уничтожению.

Таким образом мы, как представители этой нации, в немецкую мясорубку не попали. Но, вместе с тем, находились русские люди, которые доносили не только на евреев, но и на караимов тоже. И один немец, стоявший у нас на квартире, поражался этому качеству нашего народа, говоря: «До чего вы все странные люди — готовы своего же соседа в ложке воды утопить, дабы выслужиться перед новой властью». И наряду с этим находились люди, которые под страхом смертной казни, спасали соседей-евреев, укрывая их у себя. Честь им и хвала. Теперь они называются героями, праведниками мира (или кем-то в этом роде) и их награждают орденами. Во время оккупации до первого прихода наших, никто не знал о гитлеровских злодеяниях в Дробицком Яру. Просто всех евреев в один далеко не прекрасный день, вывезли на машинах из гетто в неизвестном направлении и они исчезли в сиянии голубого дня. Но рано или поздно, как известно, всё тайное становится явным, и свидетели нашлись.

Много позже, когда дети Базарских со своими семьями вернулись из эвакуации, они разыскали мою мать и стали предъявлять ей претензии и упрекать нас в том, что мы выжили, а их стариков не уберегли. Да еще стали требовать какие-то их вещи. И действительно, какое мы имели право остаться в живых после того, как пухли от голода и на нас сыпались бомбы и снаряды? Мы сами потеряли все свое имущество, которое было в нашей квартире на Корсиковке. Кто тогда об этом думал? — Нет правды на свете!

Мамина младшая сестра Шура тоже была брюнеткой, как и все караимы, и однажды во время оккупации она попала в облаву на рынке. Их всех повели в полицию и там на нее стали кричать: «Jude!». Хорошо, что при ней был паспорт (их обязаны были носить все взрослые) и в графе «национальность» стояло «караимка». Немцы ей поверили. Тогда один из них спросил: «А язык свой знаешь?» И она сказала ему несколько фраз по-караимски. И только это ее и спасло. В противном случае она попала бы в руки гестапо и домой не вернулась. Теперь я, представитель другого поколения, уже не смогла бы этого сделать, к сожалению. Я совсем не знаю караимского языка.

Вспоминается начало нашей новой «райской» жизни на оккупированной территории. У каждого народа есть люди хорошие и плохие. Вот

и нам в те годы среди немцев встречались, как одни, так и другие. В первое время у нас еще были кое-какие запасы продуктов, которые сделали мы с Аней стоя в очередях. Мы пекли какие-то перепечки и кипятили чай. Воду для технических нужд топили из снега, а для питья брали из криницы. Уголь и дрова в сарае у моей тети в первую зиму пока еще были. Зима 1941–1942 годов была очень лютой — морозы в январе доходили до — 42-х–43-х градусов, правда снега тогда было очень много. В начале октября по морозу сотни людей устремились на опытное поле института им. Юрьева в районе нынешних Новых домов⁹⁰⁹. По городу прошел слух о том, что там в земле осталась кормовая свекла. Мы с мамой тоже подались на это поле. Люди копошились на нем, как муравьи, выбивая топорами замерзшую свеклу. Половина свеклы торчала над землей вместе с ботвой и искрилась «бриллиантами». Мы добыли тяжким трудом штук 10 — она была тяжелая. И когда вернулись пешком по снегу домой, уже начался комендантский час. Дома, возле плиты, свекла вся растаяла и пожухла. Однако все же это были какие-то овощи со сладковатым привкусом. Мама где-то достала отруби и шелуху от пшена или проса. А я ходила на немецкую кухню, которая располагалась во дворе 6-й школы по ул. Рымарской. И там иногда «сердобольный» повар давал мне картофельные очистки. Это случалось не часто. Как потом выяснилось, на эту же кухню ходила и Люся Гурченко, но она младше меня на 5 лет и я ее совсем не помню в то время. Люся в «Аплодисментах» вспоминает, как она пела песни для немцев, и ей наливали какой-то суп в котелок.

Помню, как мы встречали новый 1942-й год. Мама испекла, так называемый «торт». В отличие от «Наполеона» он назывался «Гитлер». Он состоял из мороженых бураков, картофельных очисток взятых на немецкой кухне, отрубей и шелухи от пшена, а может проса. Все это запекалось на противне в духовке. Я тогда вела дневник и начала его как раз с 1-го января 1942 г. Как сейчас помню первую фразу: «Новый год провели отвратительно». Писала я крупным детским почерком чернилами, которые порой замерзали. Но потом, когда пришли наши, мама его сожгла. Теперь бы это был документ той эпохи, и я бы многое за него дала, но мама боялась, что он может попасть в чужие руки. Тогда было страшное время. У нас было 2 комнаты, в большей из них на постое жили немецкие солдаты, а в маленькой ютились мы четвером (я, мама, Аня и Бича). Солдаты часто менялись: по-видимому их привозили в Харьков на отдых с передовой. И вот в Новогоднюю ночь поднялась страшная стрельба. Немцы стреляли из форточек, выскакивали во двор, бросались снежками. Сначала мы очень испугались, а потом поняли в чем дело. Оказывается это они так «салютовали» по случаю нового года.

Мы поражались тому, как была экипирована немецкая армия. У солдат были толстые шерстяные носки вместо наших портянок. И к ним каждый имел своеобразный несессер с клубками толстых шерстяных ниток, иглами

с широким ушком и наперстком. Я часто штопала им носки, а мама стирала белье. За это нам иногда кое-что перепало из солдатского пайка. Так вот в Новый год у них нашлась маленькая искусственная елочка со свечами, которые зажимами прикреплялись к ней. Мы впервые видели такую. Немцы пили шнапс и пели «O Tannenbaum, o Tannenbaum, wie grün sind deine Blätter». Был у них и патефон. Чаще всего тогда звучала «Lilli Marlen», но они доставали и наши пластинки. Любили русские народные песни.

В начале у нас никого не было на постое, но поскольку мы жили рядом с театром Шевченко⁹¹⁰, в котором давались какие-то представления, иногда кто-нибудь из немцев забегал и просил ваксу и сапожную щетку, либо умыться, чтобы привести себя в порядок. В помещении бывшей филармонии (это здание теперь снесено) было варьете «Bunte Büne» («Пестрая сцена») с кафе.

Помню, как однажды зимой к нам в дверь постучал немец полицай. Ему открыла моя тетя и вместо: «Guten Tag!»⁹¹¹ сказала: «Auf Wiedersehen»⁹¹² (по-видимому от испуга, увидев его бляху). Хорошо, что это был порядочный человек, неплохо знавший русский язык. Он в ответ на ее приветствие сказал: «О, как карашо Вы знает немецкий язык!»

Оказалось, что в связи с гололедицей он попросил посыпать тротуар возле театра Шевченко золой из печи.

А с подругой моей двоюродной сестры произошел такой случай. У них на квартире стояли какие-то немецкие офицеры. И один из них попросил ее снять с него сапоги. А она говорит матери: «Стоит ли мне преклоняться перед немецким сапогом? — Я не буду!» Тогда этот немец выхватил пистолет из кармана и чуть ее не убил. Он, оказывается, тоже знал русский язык. Разумеется эта Наташа благополучно сняла с него сапоги и еще извинилась перед ним, а в результате потом уехала с ним в Германию (кажется?).

Одна мамаина знакомая осталась в оккупации с двумя маленькими детьми, которые погибали от голода. И немцы, живущие у них, стали их подкармливать. С одним из них — каким-то высшим чином — она жила до прихода наших и ехать в Германию отказалась. А когда с фронта вернулся ее муж, он все простил своей любимой жене и еще поблагодарил за то, что она сберегла себя и детей, и сказал «спасибо» тому немцу, которого послала ей судьба. Случаи бывали разные.

А вообще после оккупации на Украине осталось много «немчуры», особенно в деревнях. И живут эти дети, ставшие уже сейчас стариками под украинскими фамилиями своих матерей. Ведь оккупация продолжалась более двух лет. Жизнь есть жизнь. Все мужчины призывного возраста были на фронте, а природа своего требует. И многие молодые женщины жили с солдатами при случае, причем, никто их не насиловал, хотя, разумеется, какие-то гестаповцы прибегали и к насилию тоже. Так же, как и «наш брат Иван», впрочем, когда дошел до Германии, немками не брезговал тоже.

У нас во дворе в крошечной каморке жил издавна Андрей Васильевич по прозвищу «Научный каблук». Он был сапожником и без особого патента ремонтировал обувь всем желающим. [...].

В первую зиму мама вдруг вспомнила о том, что у нас на чердаке еще со времен гражданской войны должна была остаться чечевица. Полезли на чердак и — о, радость! — лежит, как святой этот мешок в старом бабушкином сундуке. И, представьте себе, с 20-х годов до 1941 г. с нею ничего не стало! Нас здорово выручила эта чечевица тогда. Это просто было послание от Господа Бога и мы ее ели только, когда были дома сами, чтобы никто не видел.

А однажды на Классическом спуске во время бомбежки была убита лошадь. Это был здоровенный немецкий битюг. Слух об этом «событии» моментально распространился в округе, и со всех сторон к трупу бежали люди с топорами и ножами. Мы с мамой тоже пошли. Дело было зимой, мороз градусов 30. Текла кровь, от лошади шел пар, а люди, как муравьи, копошились возле этой туши, толкая друг друга. Я, как сейчас, вижу эту картину. Каждый старался урвать себе кусок побольше. И часа через 2–3 от этой лошади остался один скелет, который тоже впрочем, был разобран. Тогда я впервые попробовала конину, и она показалась мне «пищей богов», благо лошадь была упитанная, не кляча.

А еще помню, как наша родственница, тетя Паша, сходила удачно на менку и обменяла свое пальто на утку в каком-то селе. Она поделилась с нами своей «добычей» и дала нам одну ножку. Мы из нее варили суп дней 10 подряд, а потом смоктали волокна птицы, испытывая «райское наслаждение» (большее, чем теперь рекламируют от «Баунти»). Вот такие это были времена!

Еще вспоминается одна картина. Это было накануне прихода наших в первый раз, когда немцы тихо ушли. По двору прошел слух о том, что в подвале дома по ул. Пушкинской есть мерзлая картошка (это был дом на углу Пушкинской и спуска Воробьева). Дом в это время горел, по-видимому в него попала зажигательная бомба. А на крыше в то время лежало много снега толстым слоем. И он стал таять и вся эта вода стекала в подвал. Мы с мамой взяли по мешку (дело было, по-видимому, в конце февраля и было еще очень холодно). Мы были в бурках, а на них — чуни. И вот, как сейчас помню эту картину. Люди снуют, как муравьи — кто с ведром, кто с корзиной, и ныряют в этот подвал. Сверху дом горит — там дым, пламя и жара (благо пока что горел верхний этаж), а внизу в подвале, гора картошки и воды по колено. И вот люди, бредя по колено в воде, достают эту жалкую картошку, потому что, как известно «любовь и голод правят миром» и сейчас с голодом ни что не сравниться. Пока мы с матерью добрались до дома, неся по мешочку картошки, добытой с таким трудом, наши ноги обледенели и окоченели. Потом дома сушились у печки и были рады-радехоньки тому, что

явились не с пустыми руками. А потом вы спрашиваете откуда берутся ревматизм и прочие болячки?

Оккупация Харькова — с перерывами — продолжалась 641 день и каждый из них грозил нам гибелью. У Фемистокла есть прекрасное выражение: «Мы погибли бы, если бы не погибали». Я его понимаю так: если бы за нас не погибали другие, мы бы не спаслись. И нас не было бы в живых. Кому как повезло — у каждого человека своя судьба.

Вскоре после прихода немцев в городе начался голод, да плюс ко всему и холод. Единственным утешением было то, что поначалу нас никто не бомбил — было затишье. А потом снова начались налеты уже наших бомбардировщиков. Мы безошибочно различали по гулу моторов, чей самолет летит (это «рама», а это «Фокке-Вульф» и т. д.). при немцах кончились наши «походы» в бомбоубежище — оно было далеко и чаще всего мы спускались в погреб. Там было не слышно всего этого воя и грохота. А если бы бомба попала в нас, мы всё равно бы не спаслись. Мама при каждом налете зимой ходила по соседним квартирам и заливала водой горящие печи, чтобы в случае попадания бомбы не было пожара. Мне вспомнился случай, когда мы сидели в погребе, еще в самом начале оккупации, и одна из соседок взяла с собой в подвал единственную живую курицу, которая у нее осталась. Она все время кудахтала. И маленькая внучка все время приставала к ней: «Бабушка! Залезь кулочку! Я кусать хочу». А бабуля Паша ей в ответ: «Отстань! — Это на черный день!» — «А счас какой?» — «А теперь еще серый». Потом в коридоре этого погреба долгое время лежала замерзшая, мертвая бабка Садовская. Она была еврейкой. Все ее дети эвакуировались, а ее бросили на произвол судьбы. Она не подчинилась приказу немецкого командования. Никто на нее не донес и она так и осталась в этом погребе жить. Ей было лет 75 и она казалась мне древней старухой. В былые времена моя мама смеялась над ее наставлениями. Когда ее внучка — девушка на выданье — утром шла в дворовой туалет, она говорила ей: «Неля, накрась губы! Откуда ты знаешь, где ты найдешь свое счастье?». И все прочее в том же духе. Она была хорошей, доброй женщиной. А теперь я, находясь примерно в ее возрасте, смотрю на себя в зеркало и думаю: «Неужели эта баба Яга — это я? И с тех пор прошло уже 70 лет?

«А годы летят, наши годы, как птицы, летят, и некогда нам оглянуться назад...».

Постепенно, после прихода немцев, люди стали как-то привыкать к новой жизни, хотя разумеется привыкнуть к этому аду было невозможно. Но в первое время никто на нас не налетал — немцы были уже у самой Москвы — и воцарилась леденящая душу тишина. Мучили голод и холод. Многие из наших родственников постепенно стали умирать от голода.

В день прихода немцев 24-го октября 1941 г. умер дядя Шура (его называли Сан-Саныч), муж Бичиной золовки Нины Павловны Ричардсон. Это был

золотой человек (между прочим — английский подданный). Но он умер от рака и перед этим долго болел. Мы хоронили его еще по-человечески, в гробу, на старом кладбище, и везли его туда на подводе — это я хорошо помню. А когда уже умерла мамина глухонемая сестра Аня (она была сердечница, очень часто болела) — это было в марте 1942 г. — мы с мамой хоронили ее завернутой в простыню, на двух саночках, соединенных между собой «цугом». И хоронили ее уже в братской могиле на старом русском кладбище, которое располагалось возле нынешнего «Гиганта» (студенческого общежития ХПИ). Сейчас на его месте находится студенческий парк⁹¹³. Кладбище снесли в начале 50-х годов прошлого столетия⁹¹⁴. Там были изумительные старинные памятники, разные склепы, и было похоронено много видных, знаменитых харьковчан. Помню, как мы тащили эти санки, выбиваясь из сил, так как снег уже начал таять, мы все время проваливались в какие-то лужи и ямы, и бурки у меня промокли насквозь. Другая мамина сестра лежала в это время с брюшным тифом и помочь нам не могла. Телефона тогда не было и мы не могли сообщить Аниным подругам о ее смерти, а жили они далеко. Глухонемые нас порою здорово выручали во время оккупации. Они, вообще, народ очень дружный. У Ани была приятельница Дуся, по фамилии Капустина, у нее было двое говорящих детей. Так эта Дуся нет-нет, да и пришлет нам со своей дочкой, то стаканчик зерна, то крохотную торбочку пшена. А ее муж в начале зимы сам пошел на менку и там погиб. Дело в том, что он был полностью лишен слуха. Зима была очень снежная и холодная, и люди, чтобы не сбиться с пути, зачастую шли по шпалам, т. е. железную дорогу немцы периодически очищали. Он ушел с соседями по дому и шел впереди них. Когда люди услышали гудок паровоза, они сразу же ринулись в сторону, а несчастный «Капуста», как его называли, шел на большом расстоянии от них, они ему кричали, но он не слышал. Машинист не мог остановить поезд и таким образом Капуста погиб. Он был очень хорошим мастером по ремонту швейных машин и всегда нам что-нибудь чинил.

Человеку свойственно в любой ситуации искать выход из создавшегося положения. В Харькове очень многие люди погибли от голода. Но все же такого жуткого голода, какой был в Ленинграде во время блокады, у нас не было. До каннибализма дело не доходило. На окраине города, в пригороде, да и в дальних селах, люди жили в частных домах, имели огороды, сеяли хлеб, занимались сельским хозяйством. Сами немцы, разумеется, забирали продовольствие у населения для снабжения своей армии, однако у людей еще кое-что оставалось. Сначала городские жители кинулись в ближайшие села, но вскоре их перестали пускать на порог. Хозяева кричали: «Йдїть далї — нам вже нічого не треба. Ми геть — чистенько вже все віддали»⁹¹⁵. Немцы разрешили горожанам выходить за пределы города примерно спустя 2 месяца после вторжения к нам.

У маминой знакомой сын родился в 1941 г. Она за литр молока отдавала пальто, теплый платок или платье. Но самим ведь тоже надо было что-

то носить. И вещевые ресурсы быстро иссякли. Слава Богу, этот Ленечка выжил, а многие дети погибли.

Итак, люди шли все дальше и дальше от Харькова, пытаясь раздобыть какие-то продукты. Если прежде возвращались через неделю-другую, то теперь хождение на менку занимало более месяца. Люди шли пешком, голодные, плохо одетые и тянули за собой саночки с вещами, а летом тачки. По пути останавливались в хатах на постой; за это тоже надо было что-то платить. Однажды моя мама пошла на менку, и мы думали, что она погибла, так долго ее не было. А когда она наконец явилась, радости не было конца. Помог случай: вместе с тетей в отделе денежного обращения в Госбанке работала одна сослуживица. Моя мама ее тоже знала. Так вот случайно мама, волею судеб, встретила ее в Огульцах⁹¹⁶. Оказалось, что там жили ее родители и в тяжелую годину она перебралась к ним. И вот эта Муся помогла маме «отовариться» в этом селе. Мама, помню, привезла и муки, и пшена, и гороха. Поначалу или в первое время немцы никогда не отбирали у людей продукты — это их не интересовало, т. к. армия тогда снабжалась очень хорошо. Но бывали случаи, когда свои грабили своих же сограждан, возвращавшихся с менки. Не рекомендовалось в дороге останавливаться на привал, — садиться на саночки отдохнуть — это была верная смерть. Люди измученные, голодные и усталые, сейчас же замерзали. Подходишь, а он уже как дуб, ибо мороз был страшный. Летом все эти «хождения на село» совершались с двухколесными тачками с «оглоблей» в форме буквы «П», в которую, как лошади, впрягались люди. Они напоминали современных рикшей.

Спрос рождает предложение. На рынке сразу же появились в продаже самодельные сани и тележки. И рукавицы, и бурки, и чуни и еще многое другое, необходимое людям в этой нелегкой жизни. Как только началась зима, умельцы стали делать металлические печки-буржуйки и трубы к ним, т. к. центральное отопление не работало. Варили мыло из какой-то дряни — оно было почти черного цвета и жутко воняло. Для курильщиков продавались камешки для зажигалок. В первое время на базаре тоже практиковался обмен (ты — мне, я — тебе), а потом стали ходить деньги, как советские, так и немецкие марки по соответствующему курсу. Жизнь входила в свою новую колею. А вообще, если бы у нас было золото (фамильные ценности), которое у нас забрала, так называемая «тройка НКВД»⁹¹⁷, при аресте в 1937 г. дяди Володи Татаринова, то мы бы не знали никакого голода во время оккупации. Потому что у немцев-интендантов на золотые вещи, особенно изделия с бриллиантами, можно было выменять продукты — и хлеб, и муку, и масло, и шпик. Только людей, у которых были такие вещи, было очень мало. У нас случайно остались бабушкины бриллиантовые серьги и мама обменяла их у одного офицера на 5 пудов муки. Благодаря этой муке мы наверное и выжили. Она нас здорово выручила в 1942 году.

Сейчас я почему-то вспомнила частушки, которые в те времена сочинял народ.

Жил был на Подоле Гоп со смыком — да-да!
Тачку пёр со злобою и криком — да-да!
Променял, штаны, колеса
И купил два пуда проса
И теперь мечтает о малине — да-да!

* * *

В нашей жизни всякое бывает,
Гапка на кантесах шкандыбаёт.

Дальше, к сожалению, забыла.

Учеба в школе.

В первую зиму дети нигде не учились. Одно время я ходила вместе со своей подружкой к одному старому учителю. Он жил на ул. Сумской 90 (напротив Дворца бракосочетаний)⁹¹⁸. В доме было холодно: чернила часто замерзали и тогда их приходилось оттаивать в кружке с горячей водой (туда ставили невыливайку). А чернила делали из грифеля чернильного карандаша. Я не помню, как звали этого старика. По виду он напоминал Эйнштейна. У него была седая шевелюра и длинные казацкие усы. Он учил нас русскому языку. Иногда мы писали диктанты. Бумаги (в смысле тетрадей) не было. Я, помню, писала между строк в книге Сологуба (еще дореволюционной), т. к. в ней были широкие поля и большой интервал между строк. Единственная фраза, которую я запомнила на всю оставшуюся жизнь, как пример написания слов с одним либо двумя «Н», это: «У тебя серебряные ложки, а у меня посеребренные». За уроки мы расплачивались «натурой», т. е. приносили учителю какой-то стаканчик пшена или еще чего-нибудь в этом роде. Но ходили мы к этому человеку недолго — сильный мороз прервал наши занятия.

В другой раз меня учила (тоже русскому языку) одна учительница, которая приходила к нам домой. Она была опухшей, у нее отекали ноги — она с трудом передвигалась и приползала к нам только потому, что жила где-то поблизости. У нас она имела возможность отогреться, получить в виде довольствия стакан кипятка и какую-нибудь перепечку, сделанную из картофельных очисток и отрубей и поджаренную на каком-то техническом жире, который мама на заводе где-то доставала. Вот и вся моя учеба зимой 1942 г. А уже позже жизнь немного наладилась и в сентябре 1942 г. я пошла в 13-ю «Народню початкову школу»⁹¹⁹, которая располагалась на ул. Гоголя (наискосок, почти напротив костела). Обучение велось на украинском языке, который сейчас вводится в наших школах. Позднее в этом помещении, когда пришли

наши, размещался филфак университета. Весной 1943 года я закончила 4-й класс этой школы на «отлично». Школа была смешанной: мальчики и девочки учились вместе. Территориально все дети жили где-то поблизости. К сожалению, фото по окончании школы тогда не делали и, кроме свидетельства, у меня ничего не осталось о ней на память. Я до сих пор помню лица и фамилии некоторых учеников, но дальнейшая судьба их мне неизвестна. По странному стечению обстоятельств многие из них в 1943 г. уехали вместе со своими родителями в Германию, когда немцы отступали. В каждом классе висел портрет Гитлера на фоне красного знамени с черной свастикой. Это был плакат в рамке. Внизу была подпись: «Führer — Befreier!» (Вождь — освободитель). Мы изучали ежедневно «українську та німецьку мову, арифметику»⁹²⁰. Остальные предметы были не каждый день. Перед уроками во дворе делали гимнастику. Почти ежедневно у нас было пение, которое нам преподавала жена профессора консерватории композитора Лебединца⁹²¹. Из украинских песен, которые мы пели, чаще всего, исполняли «Щедрик» Леонтовича⁹²² и «Женчикок-брэнчикок» (кузнечик):

Женчикок-брэнчикок вілтає,
Високо ніженьку підіймає,
Якби то, нібито ніженьку підбито —
В зеленім лугу шукай собі другу⁹²³.

Наряду с украинскими народными песнями, мы пели и немецкие песни. Занятия в школе ежедневно начинались во всех классах с чтения хором вслух стихотворения во славу Гитлера. Я до сих пор его помню.

Wir alle tragen im Herzen dein Bild,
Wir alle geben dich auf dem Schild.⁹²⁴
Du gings uns voran in leidvollen Jahren,
Du gings uns foran in Sturm und Gefahren
Wir lachen den Sorgen, wir lachen den Not:
Heil Hitler! — dem Führer zur Freiheit und Brot.

А переводилось оно так:

Мы все носим в сердце твой образ,
Мы все поднимаем тебя на щит.
Ты ведешь нас вперед в счастливые годы,
Ты вел нас вперед на штурм сквозь опасности.
Мы смеемся над заботами, мы хохочем над нуждой
Хайль Гитлер — вождю, ведущему нас к свободе и хлебу!

(Дословно).

Писать было не на чем. Учились мы по советским учебникам, только учителя вносили свои коррективы в текст, и мы его исправляли. Из

предметов были еще: природознaвство, географія, малювання та каліграфія⁹²⁵. Оценка знаний была 5-ти бальная. В свидетельстве об окончании цієї⁹²⁶ «Народної початкової школи» у меня стояли одни пятерки. Причем, кроме поведінки⁹²⁷ была еще оценка за старанність⁹²⁸. Мама мне рассказывала, что у них в гимназии тоже классная дама выставляла оценки за поведение и прилежание. А теперь, спустя 70 с лишним лет, я не могу вспомнить ни одного лица из наших учителей, а довоенную 50-ю школу, которая размещалась в старом пассаже, и всех своих соучеников помню прекрасно.

Запомнилось мне только как в задачнике по арифметике мы исправляли текст условия задачи: вместо колхоза писали: на ферме было столько коров и т. д. и т. п. Всё, связанное с социализмом и советским строем, вычеркивалось. В моей жизни подобные действия имели место уже однажды. Было это в 1938 году, когда я поступила в 1-й класс.

Время было жуткое. 1937–1939 годы — самые черные в жизни нашей семьи до ВОВ⁹²⁹. В букваре тогда кроме, «мама мыла раму» и «мы не рабы, рабы не мы», печатались портреты и краткие сведения о наших советских вождах во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. И, вот почти ежедневно, урок начинался с того, что наша учительница — Ирина Романовна Волошина — говорила: «Дети, откройте букварь на странице такой-то. Оказалось, к сожалению, что многие из наших вождей были плохими людьми. Например выяснилось, что нарком Ежов — враг народа (либо творец нашей конституции Бухарин, Троцкий и иже с ними). Зачеркните — крест на крест — его портрет. Этот дядя — кака, он злодей. Больше никогда не произносите его имя и т. д. и т. п.» И дети старательно выкалывали очередному дяде глазки. А потом дошло дело до того, что дети стали швырять камнями, улюлюкать и всячески поносить своих же одноклассников, узнав о том, что кто-то из их родителей репрессирован. Мне тоже кричали: «Твой дядя — враг народа. Тебе не место в нашем классе». Но потом пришло разъяснение: «сын за отца не отвечает».

По ассоциации мне вспомнилась одна карикатура, увиденная мною в одном немецком журнале. У наших постояльцев — солдат и офицеров — водились всякие иллюстрированные немецкие журналы, которые им присылали из дома для развлечения. Так вот, в каком-то «Schhigel'e», кажется, был изображен советский колхозник-крестьянин в костюме Адама с прикрытым капутным листом детородным органом. И под ним подпись «KohlHose». «Коль» — по-немецки капуста, а «Хозен» — штаны. И получалась замечательная игра слов, показывающая суть нашего коллективного хозяйства и того, что крестьяне с него имели. Вот, пожалуй, и всё, что запомнилось мне о моей учебе во время оккупации.

За долгое время оккупации нам пришлось общаться с разными немцами. (Кстати, в далекие времена — века три назад, когда Петр I или Екатерина II пригласила их пожаловать в Россию, они не знали ни слова

по-русски, а посему были немцы и поэтому их так и прозвали «немцы»). Когда пришли оккупанты, мы не знали ни слова по-немецки и тоже были немцы, но потом, со временем, постоянно слыша немецкую речь вокруг, с грехом пополам, научились объясняться с ними. Точно так же, как и немцы, вынуждены были осваивать русский язык. Жизнь всему научит, и с помощью жестов и слов объясниться всегда можно было. Поскольку они сначала прошли через Польшу, то в обиходе было обращение «пан», а молодые девы были «паненками».

У нас как-то стояли два солдата Heinz и Arno. Heinz был офицером, а Arno у него денщиком. Они относились к нам очень дружелюбно, иногда давали хлеб, мама им стирала. Heinz был интеллигентом, а Arno в мирной жизни был мясником и, по-видимому, я напоминала ему его дочь. Он называл меня: «Mein Herzchen» («мое сердечко»). Я штопала ему носки и он угощал меня конфетами. А Heinz пугал мою маму своими высказываниями. Он говорил: «Я ненавижу войну. Разве мы хотели с русскими воевать? Гитлера и Сталина надо на одну веревку повесить. В одной школе обучались: два сапога — пара». Дома у него была семья, двое детей. Он показывал их фотографии, и проклинал войну. (Мол, у вас идиот и у нас идиот, а страдает несчастный народ). А мама от него шарахалась, в ужасе, и просила говорить тише.

Запомнился мне еще один постоялец Вилли фон Диваль. Он был австриец из какой-то знатной семьи и угодил на фронт в наказание за что-то. Он был очень хороший музыкант и прекрасный человек. У него был аккордеон «Weltmeister». В минуты отдыха он часто наигрывал мелодии Штрауса. Зачастую он просил меня напеть ему какую-нибудь русскую или украинскую народную песню и тут же ее наигрывал по слуху (по-видимому он обладал абсолютным слухом). Обожал Кальмана⁹³⁰. И иногда исполнял его вещи, предварительно попросив меня плотно закрыть окна и двери. (Это было летом). А когда я задала ему вопрос: «Почему?» Warum? Оказалось, что Гитлер строго-настрого запретил исполнять Кальмана, т. к. он был евреем. А Вена Кальмана на руках носит. Дай Бог ему здоровья! («Gott sei Dank» — хорошо, что этому венгерскому еврею удалось бежать в Америку!) В те годы мы ничего не знали о Кальмане и я думала, что он уже давно умер, а оказалось, что он наш современник. И была приятно удивлена этим (Кальман умер в 1952 г. в США).

Немцы, имевшие патефоны (встречались и такие), любили русские песни и часто слушали наши пластинки, не понимая ни слова. Припоминаю, как один солдат просил меня: «Лала! Спой тенкарасин! Ich bitte Sie!⁹³¹» Мы с мамой сначала ничего не могли понять: какой такой «керосин»? И разумеется я ответила, что такой песни не знаю. Но он сказал: «Не может быть! — «Es ist unmöglich!» Это самая знаменитая песня. А потом выяснилось, что это «Стенька Разин». Вот тебе и «карасин»! Мы с мамой долго смеялись.

Вспоминается мне еще, как у нас покатом на полу ночевали итальянцы. Было очень холодно, а они были в легких зелено-голубых шинелях с пилотками на головах, на ушах у них были бархатные наушники. Они все время спрашивали: «Киев скоро? Это далеко?» Итальянский язык очень легкий и их запросто можно было понять. Мама поила их кипятком. И я помню, как мы удивлялись, видя, как они извлекали из своего сухого пайка какие-то красные палочки, по виду очень напоминавшие сургуч, которым пользуются на почте при отправке посылок. Оказалось, что это сухой томат. Одну такую палочку нам дали попробовать. Он был очень вкусный. Опускаешь кусок такой палочки в кружку с горячей водой, и получается сразу же томатный сок. Были на постое у нас и мадьяры — выские, очень красивые парни, почти все с усами.

Припоминаю, как однажды мы пришли с мамой в «Красный луч» забрать кое-что из наших вещей и зашли к тете Паше с Норой. Дело было весной. Их балкон выходит во двор. Дом этот строился в 1928 г. почти замкнутым контуром и занимает чуть ли не полквартала, выходя на Московский проспект, какой-то переулок и еще одну улицу⁹³². Кстати, его строили немцы — в те годы мы еще с ними дружили. Я вышла на балкон и во дворе увидела какого-то человека, который тоже вышел на свой балкон на 3-м этаже на противоположной стороне дома. Это был мужчина средних лет, в руках он держал бинокль, в который что-то разглядывал. Стекла бинокля сверкали при заходящем солнце. И вдруг на моих глазах какой-то немец его убил. Очевидно тот подумал, что он подает какие-то знаки кому-то. Да ко всему прочему по тогдашним законам бинокли следовало сдавать. Дело было днем (в комендантский час выходить — даже на балконы — не разрешалось). Этот случай врезался мне в память. (А этот немец очевидно стоял на постое в какой-то квартире под нами).

Вообще на моих глазах несколько раз убивали и вешали людей, либо они гибли сами. Помню, как в чистый четверг 1942 года, на Пасху, мы возвращались из Благовещенского собора⁹³³ домой, неся в руках зажженные свечи и оберегая их от ветра бумажными кулечками. Необходимо было донести до дома непогасшим этот святой огонь и закоптить пламенем свечи крест над входной дверью. Погода была ясная. Мы шли с мамой и нашей соседкой через Благовещенский базар. И нам надо было перейти через реку по деревянным кладкам, сооруженным на скорую руку рядом со взорванным мостом (все городские мосты постигла та же участь. Их взорвали наши при отступлении). И вот вдруг мы увидели, как какой-то пацан, лет 13–14-ти, решил почему-то перейти реку по разрушенному мосту, который был весь искорежен. Из него торчали какие-то балки и рваные фермы. И вот этот дурачок стал испытывать судьбу и прыгать через провалы в строительных конструкциях. Уж почему его туда понесло, не знаю. Люди с кладок начали кричать ему: «Вернись! Что ты делаешь?» Но было уже поздно. В одно мгновение он сорвался и на наших глазах погиб.

Я до сих пор помню его брызнувшие мозги. Причем, даже достать его труп было невозможно. А несчастная мать по-видимому где-то, напрасно ждала сына домой.

* * *

И еще однажды — это было уже, когда пришли наши в первый раз — на моих глазах погиб парень, сидящий наверху в открытой полуторке. Дело было на Классическом спуске, по которому мы в детстве любили кататься на санках. Внизу, вблизи ул. Клочковской, тогда на проезжей части образовалась воронка от бомбы или снаряда. А шофер, видимо, слишком поздно ее заметил и не успел свернуть в сторону, таким образом, машина угодила в эту яму и ее так тряхнуло, что парень, как мячик, выскочил из кузова и шмякнулся о булыжную мостовую. Это напоминало какое-то сальто в цирке, только с печальным исходом. Не знаю остался ли он жив. Я в это время тащила 2 ведра на коромысле с речной водой.

* * *

Ещё помню, как мы шли по ул. Свердлова (это было зимой 1942 года) на Холодную Гору. И в самом начале улицы тогда располагались 2 кинотеатра, почти напротив друг-друга⁹³⁴. Я уже забыла, как они назывались. Так вот в этих старинных зданиях были большие балконы на 2-м этаже. И на них висели повешенные (по 3–4 человека на каждом). Они были заморожены, повешены низко — так, что их ноги чуть ли не задевали головы прохожих, но люди не обращали на это внимания. Это была привычная картина тех дней.

* * *

Бывало зимой утром выходишь, а в переулке возле нашего дома у театра Шевченко лежат убитые наши люди. По-видимому они нарушили комендантский час или погибли от голода, просто упав на улице. К смерти привыкаешь быстро, когда она ежедневно, на каждом шагу совершается на твоих глазах. В Театральном сквере, со стороны ул. Пушкинской, стояла зенитная батарея. Управляли ею одни девушки-зенитчицы. Это было в марте 1943 года. Их было человек 5. Помню, я стояла возле театра и набирала дождевую воду, лившуюся из водосточной трубы. А тут вдруг налет немецкой авиации. Самолеты шли чуть ли не бреющим полетом, очень низко, и из них сыпались зажигательные бомбы, как картошка из мешка. Девушки палили по ним из зениток и все небо было в белых разрывах от снарядов, как в комочках ваты. Но, к сожалению, ни один снаряд в самолет не попал, а двух девушек убило. И их впоследствии похоронили тут же, под деревом, в скверике. А еще недавно мы с подружкой к ним ходили, разговаривали, носили кипяток с какой-то перепечкой: нашу армию кормили очень плохо. Недавно по телевизору показывали одного

пожилого человека, который тогда был пацаном. Он так же был свидетелем гибели этих девушек. И он сказал, что тогда на дереве, под которым их похоронили, сделали засечку и чернильным карандашом написали их фамилии и номер батареи. Но с тех пор прошло столько лет, что уж кажется, и дерева этого нет.

* * *

Помню, как однажды я вместе с одним дружкой из нашего дома — Фимкой рыжим — попала в облаву. Было это накануне отступления немцев в феврале 1943 г. В тот день нас понесла нелегкая на утренний сеанс в кино⁹³⁵ (рядом с нашим домом). Показывали немецкий х/ф «Кора Терри», в котором снималась Марика Рёкк. Она играла двух сестер-близнецов с совершенно противоположными характерами и судьбами. Это были две актрисы великолепно отбивающие чечетку на зеркальном полу (теперь это называется стэп). Народа в зале было немного — человек 100. Фильм нам очень понравился. И вот мы выходим во двор, обсуждая увиденное, а пройти на Сумскую надо было через подворотню во внутреннем дворе, так же, как и сейчас, и вдруг видим немецкую грузовую машину с солдатами и полиция с бляхами, загородившую нам выход. Боже! Что тут началось! Люди бросились бежать обратно в зал, а там уже двери закрывают. Двор совершенно закрыт с 4-х сторон — это настоящая ловушка. И таким образом мы все попали в мышеловку. Немцы стали проверять документы и отбирать нужных им по возрасту людей. В основном в зале были женщины и старики да еще немного детей вроде нас. Стариков они отпустили, женщин забрали для угона в Германию (машин на Сумской стояло несколько). А нас с Фимкой тоже взяли (нам было 11–12 лет) затолкнули в машину и куда-то повезли. Представьте себе положение наших родителей. Дети ушли в кино и пропали. Потом, наверное, мама от кого-то узнала, что была облава, но ей от этого не стало легче. Привезли нас куда-то на Сортировку⁹³⁶. Я теперь никогда бы не нашла этого места. Вместе с нами было еще несколько взрослых. Как потом выяснилось, в одном из барачков, немцы спешно должны были оборудовать полевой госпиталь. И мы им нужны были для того, чтобы его оснастить всем необходимым. Когда-то, до войны, в этом бараке жили люди, а потом почему-то немцы выселили их и организовали там бойню. Здание было длинное, одноэтажное, с коридором посредине и довольно большими комнатами по бокам. Обогревалось оно печами, которые топились из коридора. Отдельно была большая кухня. Все полы в комнатах были залиты бычьей кровью и повсюду валялись шкуры убитых животных. Они были очень тяжелыми. Я помню, как мы вдвоем с Фимой с большим трудом тащили за хвост одну шкуру, а их было много. Мы вытаскивали их во двор и там складывали. Потом нам следовало вымыть всюду полы. Было холодно, кровь примерзла к полу и мы отламывали ее кусками какой-то железякой.

Повар с кухни дал нам горячей воды. Он оказался хорошим человеком и чем-то нас накормил. Всем этим мы занимались дня два, наверное. А потом, когда все помещения были очищены, явились эсесовцы из дивизии «Мертвая голова»⁹³⁷. Это были жуткие люди. Они носили черную форму и на пилотках у них была металлическая эмблема «череп и кости». Один из них велел нам топить печи. — «Schnell — Schnell!» (это значит «быстро»). Дрова были очень тяжелыми и сырыми. Мы таскали их со двора с большим трудом и никак не могли растопить ни одну из печей: они дымили и сразу гасли. Тогда один из эсесовцев подошел ко мне и сказал: «Ты знаешь сколько, таких как ты прошло через эти пальцы?» И при этом он показал мне свою руку. Да, если через час не будут затоплены все печи, я вас всех тут расстреляю! Я пришла в отчаяние и рискнула объяснить ему, что «das mache ich erste mall in meinem leben» (я это делаю первый раз в своей жизни), но он мне не поверил и сказал: «Не может быть. «Du, russische Schwein»⁹³⁸, и не умеешь. Не знаю, чем закончилась бы эта история, если бы не пришел немец-повар и не помог бы нам. Он принес нам бумаги для растопки, наколот сухих щепок и дело пошло. Через 2–3 дня барак нельзя было узнать. Всё было вымыто, вычищено. Полы устлали матрацами, которые мы набивали соломой. Окна занавесили одеялами, соблюдая «Verdunklung» (затемнение). Немцы привезли какое-то медицинское оборудование, динамо-машину и появился электрический свет, была организована полевая кухня. И уже на четвертый день к госпиталю стали прибывать с фронта машины с ранеными. Нас домой непустили. Мы продолжали работать еще дней 10, ухаживали за ранеными, топили печи. Но уже в конце февраля всю эту «лавочку» быстро свернули, так же, как и развернули. И наспустили домой. Немец-повар дал нам по 2 буханочки немецкого хлеба (это были маленькие кирпичики с выбитой на них датой выпечки. Их заворачивали в фольгу и они очень долго не черствели), по куску масла и еще чего-то (я уж не помню). Таким образом, (Got sei Dank! — Слава тебе, Господи!), спустя две недели мы триумфаторами вернулись домой, в то время, как наши родители, уж и не чаяли нас увидеть живыми. Вот была радость! Положение было очень тревожное. Немцы драпали, и в город, спустя 2–3 дня, пришли наши. Был конец февраля 1943 г. Снег таял, началась распутица. И что же мы увидели? Из города тихонько ушла хорошо оснащенная и технически вооруженная армия и на смену ей пришли наши... На каких-то саврасках, в санях. Мало того, что лошади были — одры, солдаты были голодные, изможденные, худые, в мокрых валенках. Одеты красноармейцы были в какие-то тулупы и шапки-ушанки. Вид у них был жуткий. И первое, что мы услышали, было: «Тетя! Дайте чего-нибудь поесть, мы три дня уже ничего не ели. Кухни где-то отстали» и т. д. и т. п. Что мы тогда знали о положении на фронте? Ровным счетом ничего. Ни о каких «котлах» и других маневрах военачальников мы понятия не имели. Солдаты были плохо вооружены.

Чем мы могли им помочь? Только обогреть, дать кипяточка и какую-то перепечку. К величайшему сожалению этот визит наших в город был недолгим. Как пришли, так они вскоре и ушли в начале марта, а население так и не смогло ничего понять. Потом, говорят, вскоре всех этих солдатшек немцы взяли в плен недалеко от Харькова. Это был какой-то маневр, задуманный гитлеровскими стратегами.

Я вспоминаю, как как-то, вскоре после прихода немцев, прошел слух, что где-то под Харьковом немцы организовали лагерь военнопленных. И толпы женщин отправились в этот район искать своих мужей. Мы с подружкой как-то увидели лагерь наших военнопленных, по-моему, это было на Холодной горе. Люди были за колючей проволокой и, что меня поразило — иногда немецкие постовые разрешали бросать пленным какую-то еду. Когда им бросали что-то съестное, они не так из-за него дрались, как из-за махорки и куска газеты. А вообще это напоминало зверинец, только в роли зверей были несчастные люди.

Сын одной нашей родственницы Юра Приходько попал в плен где-то под Вязьмой. Его мобилизовали сразу же в первые дни войны после окончания 10-го класса. Их совсем необученных, необстрелянных бросили в бой. У них была одна Мосинская винтовка⁹³⁹ на 10 человек (спасибо царю-батюшке).

После прихода оккупантов жизнь в городе постепенно стала налаживаться. Многие предприятия снова возобновили свою работу и мама пошла на свой ХЭМЗ работать. Уж я не знаю, что в это время завод выпускал, но все-таки какое-то количество хлеба по карточке на работающего и на иждивенца (в моем лице) мама получала. Она по-прежнему работала в бухгалтерии. Моя метрика, представлявшая собой обычный кусок бумаги, была вся испещрена «метеликами»⁹⁴⁰, как тогда говорили, т.е. печатями с немецким орлом, которые ставили, по-видимому ежемесячно для выдачи хлеба. А мама ежедневно таскала на своем горбу, как переметные сумы, две брезентовые кошелки с углем и дровами. Пешком с завода на Сумскую, городской транспорт тогда не ходил. Помню, как мама поражалась тому, на каком великолепном русском языке говорило всё их новое немецкое начальство. Переводчики не требовались, наоборот не мешало бы нашим местным жителям у них поучиться. Они прекрасно знали завод, да и весь город, и создавалось впечатление, что они здесь жили всегда. Быть может, это так и было, и это были люди давно заброшенные в наши края?

В это голодное время возле проходной по вечерам при выходе с завода бабы торговали какими-то пирожками с требухой. Заниматься этим населению почему-то запрещалось. И для разгона торговки на этом месте дежурил полицай из русских. Так вот он не давал торговать другим до тех пор, пока не продаст все пирожки его жена, а потом уходил и тогда уже могли реализовывать свой товар все прочие.

Кое-какие цеха удалось восстановить в самое короткое время, причем для этой цели немцы использовали наших военнопленных. По иронии судь-

бы, после прихода наших войск в августе [19]43 в бухгалтерии, как впрочем и на всем заводе, появились немецкие военнопленные, помогая поднимать ХЭМЗ из руин. Они были здесь у нас примерно до 1947–[19]48 годов. Я помню, как мама смеялась, когда какой-то Ганс ее спрашивал: «Фрау Алкснис! Это надо сделать по-стахановски быстро или карашо?»

Теперь, с высоты прожитых лет, многое воспринимается иначе. Вспоминается К.Симонов: «Словно смотришь в бинокль перевернутый» и эта даль становится для тебя близкой. А как подумаешь: Боже! Ведь с того времени уже прошло 70 лет — вся жизнь уже позади, становится жутко. И все-таки самым страшным воспоминанием моего детства и всей жизни была война. Для людей моего поколения она наложила неизгладимый отпечаток на все последующие годы. И до конца своих дней я ее не забуду.

Сейчас, в «п»-ный раз история переписывается заново, становятся известными ранее неизвестные факты. Появляются новые взгляды на те или иные события, и все-таки, я думаю, всей правды о Великой Отечественной войне мы не узнаем никогда. У каждого была своя война. Вот, если бы можно было, как в мозаике, сложить свидетельства всех очевидцев тех лет, тогда картина получилась бы более полной.

Когда в недавнем прошлом рвались снаряды на военных складах в Черкасской области⁹⁴¹ или гибли дети в школе в Беслане⁹⁴², все мы были свидетелями того, какое воздействие эти события оказали на детей, оставшихся в живых. Благодаря телевидению мы могли заглянуть им в глаза, и все медики в один голос кричали, что дети очень не скоро забудут этот кошмар — на это потребуются годы — и понадобится колоссальная работа психологов и психотерапевтов для реабилитации подростков. Детская неокрепшая душа особенно легко ранима. А я, помню, при этом подумала по ассоциации: а как же мы, дети войны, ежедневно видевшие, как на наших глазах погибали люди от голода, холода, бомбежек и расстрелов, в течении всего периода оккупации и вообще 1418-ти дней Великой Отечественной войны, смогли перенести всё это? Да все наши души в незаживающих рубцах до сих пор и никакой реабилитации для нас не потребовалось — об этом тогда не было и речи. Наоборот, когда пришли наши, нас еще обвинили в том, что мы оставались на оккупированной территории. Как мы посмели остаться здесь? И в анкетах, наряду с вопросами: «Чем занимались ваши родители до 1917 г.»⁹⁴³ и, бывали ли за границей нашего государства?» появилась графа: «Находились ли на оккупированной территории?» Где? Когда? Какое время? Вечное клеймо на всю оставшуюся жизнь. Да если бы каким-то чудом абсолютно все люди смогли эвакуироваться и покинуть город, то от Харькова вообще бы ничего не осталось, потому что люди берегли свои дома и прилегающую к ним территорию, тушили пожары и пытались, старались, как могли, сберечь от врага оставшееся имущество и материальные ценности. Ведь на самом деле о населении никто не думал и не собирался эвакуировать.

А класс наш в 116-й женской школе, в которую я поступила в 1944 году, после прихода наших сразу же разделился на два лагеря: так называемых «оставанцев» и эвакуированных. И между ними шла постоянная своеобразная война. Мне кричали: «Ты, немецкая подстилка» (был еще вариант «немецкая овчарка»), а я поначалу не могла понять, какой смысл одноклассники вкладывали в это слово. Из-за того, что мы, в связи с войной, пропустили целых 2 года в учебе, мы были переростками. За один год мне удалось сдать экзамены экстерном, а за второй не разрешили. И поскольку тогда не хватало рабочих рук, всех «второгодников» велено было направлять в ФЗУ⁹⁴⁴ или ремесленные училища. И вот в один, далеко не прекрасный день «оставанцев» просто-напросто выгнали из школы и к занятиям не допустили, повелев идти в ремеслуху⁹⁴⁵.

Из 17-ти отчисленных из школы «оставанцев» в класс позже вернулось не больше 3-х — 4-х человек, в числе которых была и я. Лично мне помог случай. Когда я рассказала своей маме о том, за что меня отчислили, она поначалу очень огорчилась, а потом стала думать, какой выход из создавшегося положения можно найти. Мама всю жизнь проработала кассиром в бухгалтерии ХЭМЗа. И, придя на работу, она, разумеется, стала сокрушаться и рассказывать своим сотрудникам о том, что произошло с ее дочкой. И вот на мое счастье одна из маминих приятельниц пообещала попытаться ей помочь. Позже выяснилось, что ее мать была дружна с матерью поэта Владимира Сосюры. А его в то время только недавно выпустили из застенка и реабилитировали (одновременно с Остапом Вишней⁹⁴⁶). И вот, по просьбе мамы, В. Сосюра пошел со мной в районо⁹⁴⁷, сказал, что я его родственница попросил, чтобы меня приняли обратно в школу, что и было сделано. Я по сей день благодарна ему за это. (Царствие ему небесное!) Он был очень хорошим, отзывчивым человеком. Украинский язык у нас в 116-й школе в те годы преподавала Екатерина Михайловна Даценко — родная сестра Остапа Вишни. И мы имели счастье слышать его рассказы в исполнении самого автора, т. к. Е. М. неоднократно приводила его к нам в школу. Это был очень исхудавший, изможденный, плохо одетый человек, но глаза его светились надеждой. И, как мне тогда казалось, он отдыхал среди детей телом и душой. Потом он уехал в Киев. Как жаль, что таких писателей и поэтов так «ценило»⁹⁴⁸ в те времена наше государство! Но я благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с ними. Андрей Малышко, кстати, в нашей школе выступал тоже. Ох, недаром говорят, что «у житті, як на довгій ниві, — все трапляється!»⁹⁴⁹ Потом, к сожалению, он угодил на Сабурку⁹⁵⁰ за убийство своей жены по пьянке.

Уже позже, когда я училась на 1-м курсе ХИСИ⁹⁵¹ и была старостой группы, меня вызвали на ул. Мироносицкую (2) (тогда она называлась ул. Дзержинского) и устроили допрос с пристрастием: по какой причине я не эвакуировалась и чем занималась во время оккупации? А «преступнице»

в 1941 году было 11 лет. При этом они мне предложили сотрудничать. А я им, помню, тогда сказала: «Через некоторое время к вам будут приходить люди, которые на ваш любимый вопрос будут отвечать: «Находилась на оккупированной территории в утробе матери» и наотрез отказалась с ними сотрудничать, за что потом жестоко поплатилась. Как потом выяснилось, они вызывали к себе на допрос «с пристрастием» всех студентов-первокурсников, бывших в оккупации. [...]

2011 г.

Воспоминания Алкснис Л.Р. «Моя война». Текст хранится у автора. Оригинал, компьютерный набор).

№ 59

Воспоминания М. В. Вярвильского⁹⁵² о жизни харьковчан в годы войны

Сообщение о начале войны мои отец и мать получили в первый же день 22 июня 1941 года, находясь в селе Черемушное⁹⁵³, поехав договариваться с хозяевами в этом селе о переезде на летний отдых всей семьей, состоявшей из Вярвильского Василия Михайловича, Чиновой Ольги Акепсимовны (матери), бабушки Чиновой Серафимы Николаевны и меня. Это село было нашим постоянным местом для отдыха в летнее время. Родители мои явились случайными слушателями разговора рядом находившихся людей о начале военных действий.

Я в этот день находился в Харькове с бабушкой Серафимой.

С приближением противника положение в городе становилось напряженнее. Помню радиосообщение об отступлении наших войск, всегда завершавшееся словами: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Мы с мамой, папой и бабушкой жили в квартире № 3 по улице Чайковского № 14. Квартира была коммунальной, где жило много соседей, многие семейные. Фамилии их сохранились в моей памяти и остались запечатленными в подлинной почтовой открытке о сохранившейся и датированной 12 октября 1941 года. Открытка написана моей бабушкой Серафимой и адресована в Барнаул на имя Фани Юльевны Виленкиной, куда эта последняя переехала и успела сообщить свой адрес в Барнауле. Бабушка Сима извещает Фаню Виленкину об обстоятельствах эвакуации наших соседей по квартире, в частности о ночевке в нашей комнате сестры Фани Эти Юльевны, их мамы Блюмы Борисовны в канун их эвакуации в Сибирь в город Бийск.

На улице Дегтярной (ныне — Труфанова) в доме № 27 проживала семья отца моего папы Михаила Васильевича Вярвильского, работавшего

до 21.10.1941 года (есть документ, подтверждающий эту дату) в Укркниготорге на улице Вольной Академии.

Это — частное домовладение, сохранившееся до сих пор. Конечно, помню как рыли щель во дворе этого дома, в которую прятались во время бомбежек. Находясь на улице Чайковского во время налетов вражеской авиации, перебегали в моменты затишья в подвал дома № 13 по той же улице Чайковского. Дом сохранился и имеет на фасаде защитную доску как памятник архитектуры. Именно в этом подвале к нам пришло известие о вступлении фашистов в город.

Вспоминаются большие трудности с эвакуацией на Восток. Далеко не все сумели уехать. Так погибли близкие друзья моей мамы Кисины — Розалия Адольфовна, Михаил Моисеевич и их дочь Евгения Михайловна. Запомнился ужас, охвативший нас с мамой, посетивших квартиру Кисиных, брошенную ее обитателями.

На следующий день после вступления немцев я увидел через окно, как фашисты возились у своих мотоциклов, а однажды нашу квартиру посетил немецкий офицер, которому я продемонстрировал свой филателистический альбом. Он полистал его с интересом и высказался в том [плане. — сост.], что у него есть тоже дети.

Среда обитания и обстоятельства вынуждали запоминать некоторые немецкие слова. Например, «их би кранк», «арбайтен» и т. д.

Мой отец был освобожден от призыва в действующую армию по причине тяжелой язвенной болезни, ставшей в конечном итоге причиной его преждевременной смерти 27 января 1945 года.

Голод, холод и другие испытания, выпавшие на долю людей, вынуждали многих отправляться на менку — обмен вещей на продукты. Кое-что из доставшихся в этих походах пригодилось на первое время для приготовления пищи, но люди умирали, пухли от голода. 11 января 1942 года умирает мой дедушка Миша, отец шестерых детей и уже пяти внуков.

В конце января 1942 года от подъезда на ул. Чайковского отъезжает подвода и везет несколько семей с чадами и домочадцами в направлении города Лебедин на Сумщине. Остановки в пути запомнились горячей картошкой, хлебом, смоченным постным маслом и воспоминаниями о не таком еще далеком прошлом с вкусной и сытной пищей.

Прибываем в Лебедин, где живем сначала на одной, а потом на другой квартире. С наступлением тепла моя мама ходит пешком по маршруту Лебедин — Харьков. Иногда нас посещают земляки-харьковчане, приносящие зачастую неприятные известия — смерть бабушки Мани.

В один из своих походов, придя в Харьков, мама забирает к нам в Лебедин свою маму, мою бабушку Симу, потом приходит и младшая сестра папы, Александра Михайловна, моя крестная. Но тетя уходит в Харьков, а бабушка остается с нами до своей смерти (15.7.43 г.).

После смерти бабушки мой папа, оставивший на время семью, возвращается в Лебедин и мы втроем уезжаем на квартиру в город Александрию Кировоградской области, где встречаем освобождение.

Папа направляется в военкомат и идет в действующую армию, принимает участие в Корсунь-Шевченковской операции⁹⁵⁴, получает контузию и в мае 1944 года поступает в эвакогоспиталь в Харькове.

Возобновившая работу почта позволяет наладить связь с земляками. Я поступаю в школу № 4 сразу во второй класс, мы переезжаем в Харьков и поселяемся на Дегтярной № 27.

Больной отец переносит операцию, но умирает в Харькове, не дожив до победы.

Известие о победе принесла нам соседка, постучав поздно ночью в окно и крича: «Война кончилась!».

20.07.2011 г. [подпись]

(Харьковская музыкально-театральная библиотека им. К.С. Станиславского. Справочно-библиографический отдел. Вярвильский М.В. «Воспоминания о войне (1941–1945 гг.)». Автограф, рукопись)

№ 60

Из воспоминаний Л. Л. Овсянниковой⁹⁵⁵

«Харьков. Оккупация 1941–1943 гг.»

Хорошо помню начало войны. Был солнечный день 22 июня 1941 г. Мама пришла с базара, и мы сели завтракать.

Неожиданно по радио передают выступление Молотова о том, что Германия без объявления войны напала на Советский Союз. [...]

И жизнь с этих пор раскололась на две части: «до» и «после» войны.

Часто проводились учения по ПВХО (противовоздушной и химической обороне). Старшеклассники сдавали нормы ГТО⁹⁵⁶, организовывались курсы медсестер.

После объявления войны, на следующий день из магазинов исчезли соль и спички. Население стало раскупать продукты, выстроились огромные очереди.

И вот первый налет немецкой авиации на город. Бомба упала на дом в начале Московского проспекта, чуть ниже «Яковлевых часов». Многие бегали смотреть на эти руины.

Со временем бомбежки участились, и люди бегали прятаться в бомбоубежищах, подвалах домов.

Папа вырыл небольшой окоп у нас в саду, покрыл его досками, а сверху насыпал слой земли. И мы бегали туда прятаться. От прямого попадания это бы не спасло, а вот от осколков — уберегло бы. Бомбили почти

каждую ночь. Мы жили в опасной зоне, между двумя вокзалами — Балашовским и Левадой.

Днем немцы опасались зениток. В саду ДК⁹⁵⁷ «Металлист» стояла замаскированная зенитная батарея, которая вела огонь по немецким самолетам.

В сентябре папу с работниками фабрики направили на рытье окопов где-то за Харьковом. Он взял меня с собой. Людей там было — как муравьев.

Были противотанковые рвы шириной и глубиной до 4-х метров. Лопат не хватало, кормили плохо. Расквартировали нас по хатам в каком-то селе, спали покатым на полу. Пробыли мы там неделю, а потом нас сменили другие.

Я окончила 7 классов и поступила в машиностроительный техникум со своей подружкой Леной Репченко, где проучились один месяц.

Бомбежки усилились. Ночью улицы не освещались, окна плотно занавешивались, чтобы не было видно света. Были введены ночные дежурства, поговаривали о немецких диверсантах или их пособниках, которые, якобы, подавали световые сигналы немецким летчикам.

Однажды во время бомбежки к нам во двор упала зажигательная бомба. Она была небольшая, примерно 80 см и сбоку била струя пламени. Папа забросал ее песком. Слава Богу, что она не упала на крышу нашего или соседнего дома.

Вот еще помню такой трагикомический случай. Поздно вечером началась бомбежка. Мы, как всегда, побежали в окоп. И вдруг слышим страшный вой и свист. Такое впечатление, что бомба летит прямо на нас, потом взрыв и тишина. Мы вылезли из окопа. Смотрим, дом на месте, а в воздухе сильный запах уборной. Я с папой вышла на улицу. Стали выходить соседи. Наши ворота с калиткой и весь фасад дома измазан дерьмом, все стекла вылетели. Оказывается бомба упала через дорогу во двор дома напротив, в уборную в саду, разворотила воронку метров 5, бомба, видно, была небольшая и нечистоты ослабили взрыв. Никто, к счастью, не пострадал, а утром мы и соседи мыли ворота и дома. Немцы взяли Киев, и война неумолимо приближалась к Харькову. Началась эвакуация. Мама работала в Горсовете и, может быть, нашу семью и внесли бы в списки на эвакуацию. Но на семейном совете принято было решение остаться. Бросить свой дом, все нажитое и уехать с одним чемоданом неизвестно куда? Решили: «Будь, что будет».

В официальных источниках идет речь о том, что все жители города могли эвакуироваться. Вранье! Не было эвакуации населения. Эвакуировали только крупные заводы. Все было брошено на произвол судьбы. Может быть, кто-то каким-то образом мог бежать сам? — спрашивают сейчас. А как бежать? Куда? И не на чем...

Людей в поезда не сажали — на это был специальный приказ. Железнодорожный транспорт — это были в основном вагоны — заполнялся оборудованием, и в этих вагонах назначались посадочные места для эвакуируемых специалистов. Причем, оборудование тоже вывозили не все, забирали что-то главное, наиболее ценное. Была такая ситуация: завод получил эшелон, в который погрузились специалисты, а посадочных мест для членов семей не оказалось. Специалисты уехали, а семьи их остались тут! И таких семей было очень много. Что могла сделать рядовая семья?

Обычно в большинстве семей есть пожилые люди, старики, дети. Как им уходить из города самостоятельно? Идти пешком, в никуда, где тебя никто не ждет? Люди вынуждены были остаться в городе.

Мы все потом получили отметки в паспорте — «Находился на оккупированной территории». Это было как клеймо.

Бомбежки усилились, редкую ночь спали спокойно. Из магазинов исчезли все продукты, за хлебом стояли огромные очереди.

И вот наступил день, когда городские власти бросили город на произвол судьбы⁹⁵⁸. Предприятия уже не работали, ушли войска, куда-то исчезла милиция, остановился транспорт.

Нигде не было охраны и началось повальное разграбление заводов, фабрик, магазинов. Чего только не тащили!

Рядом с нашим домом была мебельная фабрика им. Щорса. Так вот, буквально за несколько часов люди растащили всю мебель, все оставшиеся пиломатериалы. В общем все, что можно было унести.

Все улицы были заполнены людьми, которые что-то несли, тащили, везли на телегах. В городе не осталось никакой власти, которая остановила бы этот грабеж.

На следующий день утром папа сказал: «Люся, пойдем на мясокомбинат, оттуда люди несут мороженые туши. Может что-нибудь и нам достанется». Мама нас не пускала, беспокоилась за нас, но папа настоял и мы пошли.

По Змиевскому шоссе⁹⁵⁹ группами в одиночку отступали наши войска. Шли пешком усталые, грязные. В основном рядовые солдаты. По-видимому, оставшие от своих частей. Лица у всех широкосекие, безразличные.

Мы подошли к воротам, которые были широко открыты. Со двора потоком шли люди и тащили мороженые туши.

Вдруг истошный крик: «Взрывают!». Поток людей бросился прочь от ворот. Несколько минут стояла тишина. Никакого взрыва не последовало, и поток людей снова устремился в ворота. Папа отвел меня подальше от ворот и велел никуда не ходить и ждать его. Прошло немного времени, я очень волновалась за папу. Но вот я увидела его среди толпы. Он нес на плече небольшого мороженого поросенка. Нам его хватило на всю зиму.

И вот наступил день 17 октября 1941 г.⁹⁶⁰, когда немцы взяли Харьков. Те, кто пережил оккупацию, не смогут забыть ее никогда.

Наш переулочек выходил на Змиевское шоссе (сейчас это пр. Гагарина). Сначала промчались немцы на мотоциклах, а потом потянулся обоз. Телеги на автомобильных шинах тащили крупные лошади-битюги. Солдаты шли по переулку, вдоль домов. Заходили в каждый дом и брали все, что им приглянулось.

Папа и я побежали в сад и спрятались в окопе. К нам в дом зашли двое немцев. Один остановился в кухне, где стояла моя бабушка. Он открыл кухонный шкафчик и достал узелок с кусковым сахаром и повернулся уходить. Бабушка выхватила у него узелок со словами: «Это мое!». Он удивленно посмотрел на нее и молча вышел. Другой солдат зашел в комнату, где была моя мама. На буфете лежали папины старинные карманные часы на цепочке и мои наручные часики, их мне подарила на 15-летие тетя Феня. Немец взял папины и мои часы и посмотрел на маму, а она буквально онемела от страха. Видя, что она не возражает, он положил часы в карман и вышел из квартиры. Бабушка потом долго возмущалась, почему мама не позвала ее, она бы не позволила немцу забрать наши часы.

Так началась немецкая оккупация Харькова. Не было электричества, не работал водопровод, воду брали из реки или из колодцев. Нам, жившим в частном доме, было значительно проще. У нас в сарае были дрова и уголь, и от холода мы не страдали.

У всех были каганцы — это фитилек из ваты, конец которого опускали в какой-нибудь пузырек или рюмку, куда наливали лампадное масло. Вот при таком освещении коротали долгие зимние вечера, по очереди читая вслух.

У моей подружки Лены Репченко было много книг, вот тогда я прочла все сочинения Л. Толстого.

Очень трудно было приспособиться к новым условиям жизни. Особенно тяжело было людям, которые жили в многоэтажных домах: не было света, тепла, воды, не работала канализация. Люди умирали сотнями.

А зима в 1941 году была очень суровая и снежная. Это некоторым образом повлияло на то, что немцы были вынуждены приостановить свое наступление.

Они рассчитывали взять Москву осенью, упорное сопротивление наших войск и очень суровая зима помешали их планам.

Но надо было как-то жить. Первое время экономно доедали те запасы, которые еще оставались. И вот тогда нас очень поддержала бабушка Софья. Она была предприимчивым, практичным человеком. Уже судя по тому, что в революцию она сама вырастила и поставила на ноги троих детей, это уже говорит о многом. Несмотря на голод, на базаре можно было достать любые продукты, но советские деньги обесценились и продукты меняли на вещи. Бабушка взяла несколько простыней, покрасила

их в красный и синий цвет и стала шить из них маленькие платица. До войны село жило очень бедно, за трудодни платили мало. А тут война, все магазина закрылись и купить было негде и нечего.

И вот какой случай произошел на базаре с моей бабушкой, свидетелем которого стала наша соседка. Бабушка стояла в толпе продавцов и держала маленькое синее платье, отделанное красными оборочками. К ней подошел пожилой немец с автоматом. Видно, ему понравилось платье. Он хотел взять его, бабушка стала с ним спорить и они стали тянуть платице — каждый в свою сторону. Немец схватился за автомат и тут материал не выдержал и платье разорвалось пополам. Немец плюнул и пошел прочь, а бабушка вышла победительницей из этого поединка. Дома она ничего не сказала, потом соседка нам все рассказала. А ведь немец мог бы ее застрелить.

Немцы в первые дни оккупации вывесили объявления о том, что жители города в такой-то день утром должны явиться на пл. Дзержинского, где им будет объявлено, что они обязаны делать. Мы с мамой рано утром пошли на площадь. Собралась огромная толпа перед обкомом партии на улицах Сумской и Иванова. Мы с мамой стояли на противоположной стороне в начале сада Шевченко.

Внезапно из громкоговорителя над площадью зазвучала музыка попури из вальсов Штрауса. И вот на балконе второго этажа появились немцы и вывели мужчину со связанными руками и табличкой на груди. Через несколько мгновений они сбросили его с балкона и он закачался в петле над головами толпы. Трудно представить себе, что тут началось. Толпа закричала, кому-то стало плохо. Люди бросились в разные стороны, кто-то падал, кого-то поднимали. Мама крепко держала меня за руку и мы побежали вниз по Сумской.

Так немцы показали, что будет с теми, кто попытается ослушаться их приказов. Это были первые повешенные в городе. Всюду были развешены объявления: «За несдачу радиоприемников — расстрел», «За хождение по городу после комендантского часа — расстрел!». Даже за несдачу взрослых лыж — тоже расстрел. У меня были лыжи, так вот, папа отпилил 50 см, превратив их, якобы, в детские.

Помню такой случай. Я с мамой пошла на улицу Свердлова к маминной знакомой. Перешли речку по кладкам (все мосты были взорваны нашими). Слева стоял старинный трехэтажный дом, в котором был кинотеатр⁹⁶¹ (забыла его название) и нашим глазам открылась такая жуткая картина. На балконе второго этажа висят трое повешенных, буквально над головами прохожих. Люди быстро проходили под ними, стараясь не смотреть на повешенных. Еще я видела повешенных на Конном базаре. Немцы жестоко карали за воровство. Они поймали молодую девчонку и парня, которые что-то украли и повесили их в скверике на базаре, с дощечками на шее «Я — вор».

Постепенно жизнь в городе стала как-то налаживаться. На улице Сумской, в здании бывшего авиаинститута, стала работать городская управа во главе с бургомистром⁹⁶² из местного населения. Появились полицаи, тоже из местных. Население их ненавидело, называя предателями.

В начале оккупации (в декабре 1941 г.) по всему городу были расклеены объявления о том, что всем евреям приказано явиться в район Тракторного завода, где они будут работать и жить там в бараках⁹⁶³. Если бы эти несчастные люди знали, что их ожидает, может быть, некоторые из них сумели бы сбежать и им удалось бы уцелеть⁹⁶⁴. И вот в этот судный день по всему городу в сторону Тракторного завода потянулись вереницы людей. Я с папой, стоя на углу Плехановской и нашего переулкa, наблюдали за потоком этих несчастных людей. Большинство шло пешком, тащили санки с вещами, сверху сидели маленькие дети. Вот санки тащит старый еврей, на них сидит очень старая женщина с узлом на коленях. А вот старуха тащит корыто на веревке с какими-то вещами, кто-то нанял подводу и едет с пожитками всей семьей. Они все были расстреляны в Дровицком Яру.

Но вот пришло время, когда все продукты закончились, и мы с мамой отправились на «менку». Люди шли пешком, голодные, плохо одетые и тащили за собой санки с вещами. На ночь останавливались в хатах на постой, там, куда пускали. Спали одетые на полу, на соломе. Первый раз я с мамой и соседкой тетей Лизой и ее десятилетней дочерью Верой пошли в сторону Старого Салтова. Туда и обратно тянулась вереница людей с санками, мороз был небольшой — -20° . Во второй половине дня пошел сильный снег. На обочине дороги, на саночках сидела согнувшись старушка. Я подошла к ней, окликнула, а она уже мертвая. Люди шли мимо, не обращая никакого внимания. Не рекомендовалось в дороге останавливаться и долго отдыхать. Люди измученные, усталые и голодные быстро замерзали.

К вечеру мы остановились в каком-то селе, где нас пустили в хату переночевать. Там мама выменяла на какие-то вещи немного зерна и утром мы отправились домой.

Второй раз мы с мамой отправились на менку в сторону Белгорода. Две ночи ночевали на полу у сердобольных хозяев, где нас даже накормили горячим супом. Мороз был около -30° . Я простудилась, у меня поднялась температура, я с трудом передвигала ноги, а мама сама тащила санки с выменными продуктами. Уже поздно вечером на третий день мы с трудом дотащились домой. Я слегла на месяц с воспалением легких и еле выжила. Больше на менку мы не ходили. Мама устроилась бухгалтером на Конный базар. На базаре сразу появились в продаже самодельные сани и тележки. Продавали рукавицы, бурки, чуни, необходимые людям в этой нелегкой жизни. Зимой стали мастерить металлические печки и трубы к ним. Ва-

рили мыло из какой-то дряни — оно было почти черного цвета и жутко воняло.

В конце февраля 1943 г. начались бои, и немцы оставили Харьков. Народ за полтора года наголодался, и немцы еще не оставили город, как начался грабеж. Люди тащили со складов, баз продукты питания. Кое-где немцы стреляли, пытаясь остановить мародерство. Горела станция Левада и люди устремились туда. Папа с нашим квартирантом Изотом Архиповичем побежал на Леваду, чтобы что-нибудь достать.

Мама и Екатерина Титовна пытались их остановить и очень волновались, пока они не вернулись. Изот Архипович принес два ведра повидла, а папа притащил деревянный ящик, размером 60×40, очень тяжелый. Мама удивилась: «Что это такое?». «По-моему, это что-то съедобное», — ответил папа. Он топором вскрыл ящик, а так в гнездах стояли какие-то тубики. «Господи! Что ты принес, это же патроны!», — ахнула мама. Папа внимательно осмотрел ящик, достал один тубик и вскрыл его. Как потом оказалось, это был плавленый сыр, такого мы еще не пробовали. Он был очень вкусный. В ящике было 50 тубиков и нам его хватило надолго.

[...]

Мы с папой стояли и смотрели на проходивших [советских. — сост.] солдат, вдруг слышались какие-то крики. К нам приближались несколько солдат, которые вели молодого немца, а вокруг бежали мальчишки с криками: «К стенке его!». Он затравленно озирался. Вот они почти поравнялись с нами, остановились и приказали немцу идти. Он сделал шаг вперед и тут я встретила с ним взглядом. Один из солдат поднял пистолет и выстрелил. Немец упал и солдат вторично выстрелил ему в голову. Это было ужасно! Ничего страшнее я не видела. Только что он смотрел на меня, а сейчас лежит на тротуаре мертвый. Меня всю буквально трясло, и папа потащил меня домой. Позже мы узнали, что этот молодой немец жил с женщиной и остался, чтобы сдаться в плен, а она его выдала. Многие ее осуждали, ведь жила она с ним добровольно. И вот когда через месяц снова вернулись немцы, она сбежала куда-то в село, боясь возмездия.

Папа с отцом моей подружки Лены Репченко устроился вахтером на ХЭМЗ⁹⁶⁵ и где-то в конце марта 1943 года я тоже пошла работать дворником на завод, чтобы не ехать в Германию. К тому времени моих подружек Лену Репченко и Лиду Глушко увезли на работу в Германию, откуда они благополучно вернулись уже после войны в 1945 году.

Как-то нас, человек двадцать, послали собирать помидоры в подсобное хозяйство завода. Как мы узнали от местных жителей, которые сажали эти помидоры, здесь расстреливали евреев, а потом сжигали их вещи. Иногда попадались кусочки сгоревших денег или обгорелый маленький башмачок. Поле простиралось в низине, а на возвышении по

одну сторону поля, на расстоянии метров 50 друг от друга тянулись три ряда, длиной метров 100. Они были засыпаны землей и посыпаны или засыпаны чем-то белым. Видимо затем, чтобы собаки и волки не разрыли трупы. Позже я узнала, что это был Дробицкий Яр, где были уничтожены 15 тысяч евреев.

На заводе работала столовая, где рабочим на обед давали какой-нибудь суп и лепешку из проса (неочищенное пшено). Директором этой столовой и подсобного хозяйства был русский. И вот его немцы поймали на воровстве и он был повешен на воротах механического цеха перед проходной. Люди входили на завод и видели повешенного. Так он висел три дня. Где-то в начале мая 1943 года я попала в список людей, которые должны были на месяц ехать рыть окопы. Уже ходили слухи о поражении немецких войск под Сталинградом⁹⁶⁶. Ехать мне, конечно же, не хотелось. В это время я работала подсобной рабочей в цеху, где составляли лаки, краски, а также варили мыло. Я налила в пузырек каустической соды. Решила сделать себе ожог на ноге, чтобы не ехать на окопы.

И вот в день, когда я должна была с вещами явиться на завод, утром мама с бабушкой стали меня отговаривать мазать ногу каустиком, и бабушка предложила сделать ожог, облив ногу кипятком. Я подставила ногу над тазом, а бабушка плеснула кипятком, но нога только покраснела. Вторично экспериментировать я отказалась, а смочила каустиком тряпочку, приложила на ноги, забинтовала и отправилась на завод. Подходя к заводу, я сняла бинт с тряпочкой и выбросила в кусты. Каустик уже разъел кожу, которая покрылась небольшими язвами. Хромая, я пришла в медпункт и рассказала, что неосторожно обожгла ногу. Мне смазали ногу и отпустили домой. А утром на следующий день к нашему дому подъехала машина, вышел охранник и зашел к нам в дом. Сказал, что я арестована за отказ ехать на окопы, чтобы я взяла какую-нибудь подстилку и кусок хлеба. Дома были папа, мама и бабушка. Я не плакала, молча собралась и села в машину. Тут стоит упомянуть, что я еще с двумя девочками договорилась не ехать, но они побоялись делать себе раны каустиком. Одна решила выпить крепкую настойку табака, которая высоко поднимет температуру, а у другой девочки был туберкулез и она надеялась, что ее отпустят. А пока мы заехали за той, которая жила на Немышле⁹⁶⁷. Когда ее выводили из дома, она рыдала на всю улицу, все соседи сбежались. Потом заехали в Луч⁹⁶⁸, где жила вторая девочка, она тоже рыдала и ее еле посадили в машину. Привезли нас на завод и посадили в карцер. Просидели мы там сутки, а потом меня и ту девочку, которая больна туберкулезом, отпустили. А у другой, которая пила настой табака, за ночь температура упала и ей пришлось ехать на рытье окопов. Я с трудом, хромая, ходила на работу. Через несколько дней нога покраснела и опухла до колена.

И тут мне помог счастливый случай. Я сидела в медпункте, положив ногу на стул. И тут на мое счастье зашел один из директоров завода немец Грайфе. Он часто обходил территорию завода. Молодой, красивый офицер, прекрасно владеющий русским языком. Ходили слухи, что он до войны учился в Ленинграде. Он посмотрел на мою ногу, спросил, что случилось, и, видимо, пожалел девчонку. Написал записку и сказал, чтобы я немедленно шла в госпиталь, показала его записку часовому. Рядом с ХЭМЗом находилась 2-я больница⁹⁶⁹, где разместили немецкий госпиталь. Меня провели к врачу. Он осмотрел мою ногу, сделал укол, в некоторых местах срезал на ране вздувшуюся кожу и смазал мазью. Сказал, что еще несколько дней и пришлось бы ампутировать ногу до колена. Я еще дважды к нему ходила. Так немецкий офицер спас мне ногу, за что я ему, как говорят, «по гроб жизни» благодарна.

Прошел месяц, моя нога зажила и меня снова посылают на рытье окопов. В этот раз я не стала ничего выдумывать, пришлось ехать. Наша группа численностью 30 человек, половина из которых была молодежь. Привезли нас в село (не помню его названия). Поселили в бывшей конюшне, спали на соломе. Кормили два раза в день какой-то похлебкой с маленьким кусочком хлеба. Вставали в шесть часов утра, завтракали. Приходил немец конвоир с автоматом и наша группа шла четыре километра к линии фронта. Там в лесу почти на берегу Донца⁹⁷⁰ мы копали блиндажи. Немцы готовились к зиме и не думали отступать. Однажды ранним утром, когда наша группа вышла на большую поляну среди леса, низко над головой появился наш кукурузник⁹⁷¹, он низко летел над лесом. Наш конвоир вскинул автомат и дал очередь по нашему самолету. В ответ с самолета застрочил пулемет и мы, как зайцы, бросились врассыпную под деревья. Слава Богу! Никто не пострадал. Через неделю немцы поняли, что невыгодно терять время и водить нас на работу за пять километров. Нас перевели в другое село, где всех жителей выселили.

Село располагалось в двух километрах от линии фронта и тянулось до самого Донца, за которым стояли наши части. Левая часть села изредка обстреливалась нашими, а правую часть скрывала небольшая возвышенность. Здесь в блиндажах жили немцы и здесь же в пустых хатах поселили нас. А так как здесь не было жителей, которые бы варили нам еду, то кормили нас остатками из немецкой кухни. После голода эта еда была просто сказочной. Суп был наваристый, с тушенкой, правда, повар разбавлял его кипятком. Как-то дали жидкую гречневую кашу, политую абрикосовым джемом, еще запомнилась рисовая каша со сладким какао. Вот так кормили передовые немецкие части.

Поздно вечером, когда мы ложились спать, со стороны наших доносились звуки игры на гармошке. Однажды нас привезли на небольшую

полян, где мы начали рыть блиндаж. Отсюда в просвет среди деревьев открывался вид на Донец и противоположный берег, где за сосновым бором были наши. Боже! С какой надеждой мы смотрели туда. И вдруг начался обстрел, снаряды стали ложиться неподалеку от нас. Видимо, с той стороны нас заметили и пришлось немцам перевести нас в другое место.

Пробыли мы там месяц и однажды ночью нас погрузили в студебекер и привезли в Харьков на Сортировку⁹⁷². Мы боялись, что нас прямо отправят в Германию, но утром нас отпустили по домам. Немцам было не до нас. Дома меня уже не ждали, думали, что погибла. Началось наступление наших войск. Фронт приближался к городу и гремело днем и ночью.

И вот 23 августа 1943 г. Харьков был освобожден от немецких оккупантов.

Хочу вернуться несколько назад и описать событие, которое еще долго напоминало о себе. На заводе начальником отдела кадров работала красивая женщина лет тридцати, некто Овсянникова. Она отступила вместе с немцами. Ее поймали где-то в Польше и привезли судить в Харьков. Был показательный процесс, где ей было предъявлено несколько обвинений в пособничестве немцам и в том числе ее обвинили в том, что она подписала приказ на арест и заключение в карцер трех несовершеннолетних девочек. Нас вызывали в суд как свидетелей. Должна сказать, что на процессе я не была (я в это время болела). У меня есть справка из КГБ. Меня несколько раз вызывали к следователю, он интересовался, не родственница ли она мне. На что я отвечала, что она моя однофамилица и что вряд ли бы я сидела в карцере, будучи ее родственницей. Ей дали десять лет лагерей.

И все-таки, самым страшным воспоминанием моего детства и всей жизни была война.

(Воспоминания Л.Л. Овсянниковой «Харьков. Оккупация 1941–1943 гг.». Текст хранится у автора. Оригинал, машинопись).

№ 61

Из воспоминаний харьковчанки Е. С. Гринченко⁹⁷³ о военном детстве

В 1941 году мне было 10 лет, я закончила 3 класса. Жили мы в бараке на Барачной улице, которая теперь называется улицей Культуры. Позже на том месте, где были бараки⁹⁷⁴, построили 116-ю среднюю школу. Это была окраина Харькова. Сразу же за бараками находился глубокий яр,

который засыпали, когда началась застройка Павлова Поля⁹⁷⁵. Широкая дамба соединяла город с поселком Шатиловка. Папа постоянно ездил в командировки. Мама работала лаборантом в Институте коммунальной гигиены⁹⁷⁶. Она хорошо рисовала, красиво писала и часто подрабатывала составлением различных таблиц и карт. С нами продолжала жить мама-тетя, которой к тому времени было 70 лет. Я находилась на ее попечении. Папу в 1940 году мобилизовали как резервиста и отправили на переподготовку в Великие Луки, под Ленинград. Мы постоянно ожидали от него писем, а они шли почему-то очень долго.

Начало войны

Мне хорошо запомнился яркий солнечный день 22 июня 1941 года. Ничто не предвещало беды. Было воскресенье, и мама разложила на столе листы бумаги и таблицы. Уже с утра по радио несколько раз прозвучали сообщения о том, что с речью выступит нарком по иностранным делам Молотов. Мама и тетя были очень взволнованы. Мама сказала: «Это война». В последнее время я часто слышала разговоры взрослых о возможной войне с Германией, хотя всем было известно о заключении пакта Риббентропа — Молотова о ненападении. Ожесточенная война уже шла в Европе. Германия оккупировала одну страну за другой. У нас демонстрировался фильм: «Если завтра война»⁹⁷⁷ и по радио часто звучала песня из этого фильма: «Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет, как один человек весь советский народ за свободную Родину встанет»⁹⁷⁸.

В песне из фильма «Три танкиста»⁹⁷⁹ были такие слова: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет»⁹⁸⁰.

Наряду с этими песнями часто по радио передавали оперетту «Веселая война»⁹⁸¹, которую я с тех пор больше уже никогда не слышала.

Волнение мамы и тети передалось и мне. И вот мы услышали, что Германия вероломно напала на Советский Союз, что фашистские самолеты бомбили советские города, в том числе Киев. Свою речь Молотов закончил словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Эти фразы стали крылатыми.

Началась война. Никто, конечно, не мог представить себе неисчислимы бедствия и потери, связанные с этой войной. Не было никакой информации относительно политики геноцида, проводимой Германией в завоеванных странах. Ничего не было известно о преследовании и уничтожении евреев. Большинство людей, было уверено, что фашистов остановят где-то возле границ. Ведь товарищ Сталин сказал: «Ни пяди, своей земли не отдадим» и не зря же пелось в песне: «... И от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее»⁹⁸². Спусти

одиннадцать дней после начала войны товарищ Сталин обратился к народу с речью, начинавшейся словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!».

Зазвучала торжественным и трагическим гимном песня: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой! Пусть ярость благородная вскипает, как волна. Идет война народная, священная война». Все следили за сводками Информбюро, а драматический голос диктора Левитана сообщал печальные известия об отступлении наших войск.

На заранее заготовленные позиции

События развивались непредвиденно быстро. Начали падать бомбы на промышленные районы Харькова. Оконные стекла крест на крест заклеивали бумажными полосками, что должно было предохранять их от воздушной волны при взрыве бомбы. На окна были повешены плотные занавески, которые с наступлением темноты задерживались, чтобы даже щелочка не светилась. Это называлось «затемнением».

Много говорилось о шпионах. Возникла настоящая шпиономания. Случались курьезы.

Так, моя двоюродная сестра, учившаяся в Харьковском авиационном институте, рассказала, что у них не состоялась лекция, так как их пожилой профессор, шедший через парк Горького, был задержан по подозрению в шпионаже. Он ходил в шляпе, что и вызвало подозрение. В детских журналах «Мурзилка» и «Чиж», которые мне выписывали, печатались рассказы о том, как пионеры успешно раскрывали шпионские уловки. Шпионы, конечно, были, о чем свидетельствует высокая точность немецких карт нашей местности.

Были установлены дежурства с целью проверки затемнения, а во время бомбежки дежурные должны были обнаруживать и обезвреживать зажигательные бомбы. Дежурному выдавалась сумка с противогазом и повязка на руку. Помню, как мама с сумкой через плечо обходила бараки, а за ней торжественно шествовал наш кот, который был привязан к ней, как собачонка. На чердаке были поставлены ведра с песком и лежали лопаты, то же было и в большом общем коридоре. В наших условиях эти меры вряд ли уберегли бы от пожара. Я до сих пор удивляюсь, как наши бараки тогда не сгорели. Они были деревянные с деревянной крышей, крытой просмоленным толем. Крышу каждый год смолили. Летом она нагревалась на солнце. Капельки смолы стекали с нее и падали на землю. Отапливались бараки печами, которые были во всех комнатах. Каждая семья, независимо от состава, занимала одну комнату. Наша семья состояла из 4-х человек, а были и более многочисленные семьи.

Летом готовили на примусах. Возле дверей в коридоре на табуретках и на сундучках гудели примусы. Однажды такой примус взорвался, но, к счастью, его накрыла кастрюля с борщом, стоявшая на нем, и пожара не произошло. В нашем бараке жили 8 семей: русские, украинцы, две еврейских семьи и семья татар. Жили очень дружно, хотя люди были разные, я не помню ни одного скандала. Даже, если внутри одной семьи возникали недоразумения, это никак не сказывалось на взаимоотношениях с соседями. Жили бедно. Лакомством для ребят был ломтик белого хлеба, посыпанный сахаром. За тем и за другим стояли в очередях, и я в том числе. Продавали только по одной буханке хлеба в одни руки. А фронт приближался, участились бомбежки, правда, массовых налетов не было. Мы, детвора, собирали осколки от зенитных снарядов, которые были разной формы и величины. В нашем дворе вырыли щели — неглубокие крытые траншеи, отдельные небольшие участки которых располагались под углом друг к другу для защиты от взрывной волны, если бомба взорвется на одном из них. Несколько раз мы прятались в этих щелях при сигнале тревоги, который подавался громкой сиреной. Под бомбоубежище был оборудован подвал Дома писателей⁹⁸³, находившегося напротив нас, через дорогу.

Многие надеялись, что наступление немцев остановят на Днепре, что Киев не отдадут. Но Киев был взят в кольцо и наши войска его оставили.

Много людей из Харькова посылали в предместья рыть окопы. Рыли окопы и мои двоюродные сестры-студентки. Условия были очень тяжелые, и они вернулись совсем измученные. Эти окопы не сыграли никакой роли в обороне Харькова.

В августе началась эвакуация. Уехали наши соседи — еврейская семья, с которой мы были очень дружны. Их дочка, старше меня на полтора года, осталась моей подругой на всю жизнь. Мы и сейчас с ней переписываемся. Она живет в Новосибирске. Эвакуировались с институтами и мои двоюродные сестры, учившиеся в Харькове, младшая — в ХАИ⁹⁸⁴, а старшая — в ХИСИ⁹⁸⁵. Я всегда прислушивалась к разговорам взрослых. Об эвакуации говорили по-разному. Некоторые считали, что не стоит уезжать, так как война все равно скоро закончится. Люди не верили, что и Харьков окажется оккупированным немцами. Другие рассуждали, что молодые пусть уезжают, а мы, старики, никому не нужны и как-нибудь отсидимся до победы. Харьков бомбили все чаще, но в основном, как я уже писала, промышленные районы. На нашу окраину бомбы не падали.

Эвакуация набирала все больший размах.

Немцы приближались к Харькову. Иногда слышалась отдаленная канонада. Административные учреждения уже были все эвакуированы. Ничего нельзя было купить из продовольствия. Население начало

грабить склады, магазины, то, что оставалось и было брошено. Ходили и наши соседи, показывали, что кому досталось. Помню какие-то майки, нитки и бобы какао, горсть которых я получила в подарок. Мы никуда не ходили.

Оккупация

Осень была довольно теплой. В один из пасмурных октябрьских дней, по Барачной улице с запада на восток мимо нашего двора потянулись ряды наших бойцов в выгоревших гимнастерках, ноги в каких-то обмотках, усталые изможденные лица. Они шли молча, ни на кого не глядя. Лошади тащили орудия. Люди, вышедшие из домов, тоже молчали. Женщины вытирали слезы. Наши войска отступали.

Потом несколько часов тишины, которую прервал треск мотоцикла и звуки отрывистой, какой-то лающей чужой речи. Во двор заскочили несколько солдат с ружьями наперевес. Один забежал к нам в комнату и начал тыкать штыком под кровать. Потом заглянул туда, вынул ночной горшок и стал его с недоумением рассматривать. Он что-то сказал, и тетя ему ответила по-немецки. Она знала немецкий, французский и польский языки, так как в молодости воспитывалась в Петербурге в Институте благородных девиц вместе с моей бабушкой, матерью моей мамы. Со своим мужем, дядей моей мамы, известным врачом, долго жила в Варшаве, вплоть до Первой мировой войны. В эту войну, ее муж был главным врачом Юго-Западного фронта.

Солдат еще что-то спрашивал у тети, а она отвечала. Оказалось, что он не немец, а румын, но говорил по-немецки. В это время я увидела в окно, как один из солдат поймал нашего петуха.

Наш большой двор был огорожен деревянным забором, вдоль которого стояли небольшие сарайчики, где жильцы хранили топливо, а у некоторых, в том числе и у нас, было по несколько курочек. Кур мы давно съели, а вот петух остался и угодил в суп фашистам. Протестовать побоялись. Это была первая встреча с оккупантами. Немцы, в основном, расположились в центре города, в нашем районе их было немного⁹⁸⁶.

Все труднее было доставать что-то съестное. На центральном рынке осуществлялась, главным образом, меновая торговля — товар за товар. Начали ходить на менку в окрестные села. В селах у людей была огорода⁹⁸⁷ и раньше на трудодни они получали зерно, но промтоваров не хватало. Перед войной их и в городе было недостаточно. За какой-нибудь материей выстаивались длинные очереди, которые иногда занимали уже с ночи. Вспоминаю, как папа ездил в район Тракторного завода, где ему удалось купить 5 метров сатина. Мы с подружкой ходили в одинаковых платьях. Если кому-нибудь из наших родителей случалось «достать», как тогда говорили, какую-то ткань, то имели в виду нас двоих. Одежду, ткани, белье в селе первое время можно было обменять на картошку, зерно,

а поначалу даже и на более ценные продукты. Мама с соседкой ходили в ближайшие села, далеко ходить боялись, да и сил было мало. Я оставалась с тетей, которая тогда уже была больна, у нее был рак пищевода.

Постепенно бараки пустели. Люди старались выживать, кто как мог. Некоторые уходили в села к родственникам. У кого-то немцы стояли на квартире и довольно часто подкармливали хозяев. Одна наша знакомая, портниха, поставила на саночки свою ручную швейную машинку и отправилась на село, где обшивала людей, которые ее кормили. Некоторые активно сотрудничали с немцами. Была организована городская управа⁹⁸⁸ и местная полиция⁹⁸⁹. Своих полицаяв боялись больше, чем немцев. Они были лучше осведомлены и старались выслужиться перед оккупантами.

О том, что творилось в городе, мы знали понаслышке. Немцы, устанавливали свои порядки. На Сумской горожан устрашали тела повешенных с балконов. В районе Тракторного завода в Дробицком Яру расстреляли евреев.

Мама иногда ходила на рынок, что было небезопасно. На рынке немцы часто устраивали облавы, набирая таким образом людей на экстренные работы, например, на чистку снега, разгрузку вагонов и т. д., а также для отправки на работу в Германию. В такую облаву попала папина младшая сестра. Ее отправили в Германию, и она всю войну проработала на подземном военном заводе с режимом концлагеря. Тогда же немцы распространяли агитки, пропагандирующие счастливую жизнь работающих в Германии.

В опустевшем бараке оставаться уже было невозможно. Забор и сарай кто-то разобрал на дрова. Даже входную дверь пытались сломать. Мы с соседями перебрались в полуподвальное помещение соседнего дома. Удалось слепить какое-то подобие печурки. В окно был выведен обломок водосточной трубы. В подвале, к счастью, оказались сваленные макулатура, какие-то ящики, старая мебель, что служило нам какое-то время топливом. А зима была суровой, морозы стояли ниже -30° С. На менку ходить становилось все тяжелее. Ели лепешки из картофельных очистков, грызли макуху⁹⁹⁰. Как-то маме удалось выменять немного комбикорма, лепешки из которого казались очень вкусными. Все это доставалось с большим трудом.

Однажды немцы на нашей улице пристрелили лошадь, сломавшую ногу на гололеде. Нам досталась какая-то кость с небольшим куском мяса. Из нее варили суп, кажется, не один раз. Еще помню двух замерзших ворон, мясо которых было темным и очень жестким. Помню, что мама нарисовала колоду игральных карт и что-то на них выменяла на рынке.

На Новый год елки у меня, конечно, не было, но разбирая самодельные елочные игрушки, я нашла среди них конфетку. Это показалось настоящим чудом.

Немцы очень шумно встречали Новый 1942-й год. Они выскакивали из домов на улицу и стреляли в воздух. Нас эта стрельба испугала, пока не поняли, в чем дело.

В начале февраля умерла тетя. Я — ее любила не меньше, чем своих родителей. Папа постоянно был в командировках, мама — на службе, а я оставалась с ней. Она была образованным человеком, умным, тактичным и, как я теперь понимаю, хорошим педагогом. Она много занималась со мной и моей подружкой, руководила нашими играми и сама принимала в них участие. Я впервые увидела смерть, и это меня потрясло.

Тело зашили в какую-то ткань и на саночках отвезли на городское кладбище⁹⁹¹. Помогали знакомые. Похоронили тетю возле церкви вместе с еще двумя умершими. Было много снега, земля промерзла, и могилы копали с большим трудом. Суровые испытания той зимы многим оказались не под силу. Пожилые, больные умирали от холода и голода, выживали те, кто был помоложе и здоровей. Потом мы не смогли найти эту могилу, а спустя годы на месте кладбища разбили парк.

Жизнь на новом месте

Тогда зимой [19]42-го года все, что можно было обменять, было обменно. У мамы от голода опухли ноги. Она поняла, что нам не продержаться и решила как-то добраться до Полтавы, где жила ее старшая сестра с мужем. Муж маминой сестры какое-то время преподавал в Харьковском сельскохозяйственном институте, который имел тесные связи с полтавским опытным семеноводческим хозяйством. Несколько сотрудников из Харьковского сельскохозяйственного работали в этом хозяйстве. Среди них были и мамины знакомые. Кто-то даже работал в управе. В общем, благодаря знакомству и, возможно, бабушкиному кольцу, которое перекочевало в руки полиция или немца (о чем я узнала много позднее) нам удалось переехать в Полтаву. Помню, что ехали мы в товарном вагоне, где было много сена, в которое мы зарылись, чтобы согреться. Потом долго шли от вокзала, а очнувшись я уже в постели. По дороге я потеряла сознание, но какие-то добрые люди, ехавшие в повозке, нас подобрали. Встретили нас очень хорошо. Дядя и тетя имели огород, поэтому была какая-то еда, был хлеб.

Когда тетя налила мне в тарелку фасолевый суп, я думала об одном: хоть бы наестся. Мама вставала ночью и ела хлеб. Всю эту страшную зиму мы мечтали о куске настоящего хлеба. Мысль о каких-то лакомствах даже в голову не приходила. Только хлеб, больше ничего не нужно было. Уже после войны я смотрела какой-то фильм, в котором довольно упитанный якобы голодающий человек вслух мечтал о пирожном. Я про себя усмехнулась.

Вскоре мама устроилась на работу в хозяйстве, оно называлось Опытное поле, и мы туда переехали. В этом помог дядя. Нам дали маленькую

комнатку в общежитии для рабочих хозяйства. В ней были стол и кровать. Комната была чисто выбелена. Но что нас совершенно поразило, так это электрическое освещение и теплые батареи водяного отопления. Общежитие размещалось в кирпичном двухэтажном доме с лестницей в центральной части. На первом этаже справа находились общая столовая и кухня. Слева был коридор, в который выходили двери комнат. Такие же коридоры справа и слева были и на втором этаже. Кроме нашего дома было еще и одноэтажное общежитие.

Опятьгодились мамини способности к рисованию. Ее работа теперь заключалась в написании многочисленных табличек, объявлений, оформлении текстов. Больше всего было табличек со словами *Verboten* (ферботен — запрещается). Работала она в помещении библиотеки в главном административном корпусе хозяйства. Трехэтажное кирпичное здание главного корпуса располагалось в некотором отдалении от нашего дома. За ним был парк и старый фруктовый сад. Вблизи находились хозяйственные постройки и небольшие домики, в которых жили сотрудники института. Все это называлось хоздвором. Из окна нам было видно большое поле, за которым виднелась полоска деревьев и городских одноэтажных построек Полтавы. От города к хозяйству вела грунтовая дорога, обсаженная акациями.

Хозяйством руководил граф Мендерсен. Он имел какой-то военный чин. Бросался в глаза глубокий шрам на его лице. Помощниками Мендерсена были Гильдебранд и Бляйзер. Еще здесь располагался отряд из десяти молоденьких солдат под командой офицера. Один из них владел украинским языком.

Говорили, что Мендерсену 36 лет. Его помощники были заметно старше. Графа мы видели обычно верхом на лошади. Гильдебранд появлялся редко, а Бляйзер, высокий и худой, чем-то напоминавший аиста, был постоянно в движении, возникая в самых разных местах, и всегда со всеми здоровался.

Всех, работающих в хозяйстве, ежедневно кормили бесплатным обедом. На первое, как правило, был борщ, иногда галушки и редко гороховый суп, на второе — каша пшенная, ячневая или из кукурузной муки с молоком. В хозяйстве держали коров, и была своя пекарня. Каждый месяц женщины с детьми, а таких было большинство, получали продуктовый паек из того, что производилось в хозяйстве, вплоть до патоки, которую вываривали из стеблей сахарного сорго. Выдавали крупу, муку, иногда подсолнечное масло.

По субботам топили баню, которая находилась возле общежития.

Потом мы узнали, что в хозяйстве работают несколько русских пленных, бежавших из немецких лагерей.

Рассказывали, что один из сотрудников совершил какой-то неблагоприятный поступок. Жена у него была еврейка. Граф вызвал провинившегося

к себе, открыл ящик стола и, показав доносы на его жену, сказал: «Я не даю ход этим бумагам и доверяю вам, а вы считаете возможным быть недобросовестным». Тем дело и закончилось.

Такое поведение немца казалось удивительным, тем более что по содействию на Шведской Могиле (место битвы русских со шведами при Петре I), хозяйничавший там Дайтмер ходил всегда с плеткой и с людьми обращался, как со скотом. Он иногда появлялся и у нас с неизменной плеткой и безразличным выражением лица.

Наш дом стоял вблизи неглубокого оврага, поросшего небольшими деревьями и кустарником. На дне был родник, от которого бежал ручеек. Наступила весна, и овраг стал голубым от множества пролесков, а потом зацвели фиалки, черемуха и запели соловьи.

После суровой зимы природа праздновала свое пробуждение.

Но война каждый день напоминала о себе. Невдалеке от нас находился большой военный аэродром, один из крупнейших в Европе. О его значении можно судить по тому, что в 1944 году на нем базировались американские самолеты, т. н. «летающие крепости», бомбившие Берлин.

У нас каждое утро начиналось с рева моторов. Они устремлялись на восток, как говорили, бомбить Сталинград⁹⁹². К вечеру самолеты возвращались. Все затихало. А с наступлением темноты советские самолеты поодиночке один за другим летели бомбить аэродром. Мы задолго улавливали прерывистый звук мотора тяжело нагруженного бомбардировщика.

Я уже упоминала, что между Опытным Полем и Полтавой находилось большое поле. Зенитки и мощные прожекторы были расположены на окраине города таким образом, что создавалось впечатление охраны именно этого пространства. При приближении самолета затемненный аэродром молчал, а на краю поля залпами стреляли зенитки, светили прожектора. Это дезориентировало наших летчиков, и бомбы часто сбрасывали не на аэродром, а на поле. Привлекала внимание и молотилка, стоявшая на нем. Вокруг молотилки было много воронок, но она осталась цела. Зато стекла из наших окон вылетали часто. Как-то воздушной волной сорвало с крыльца дверь, находившуюся напротив окна.

Первое время при бомбежке мы спускались в подвал, а потом перестали. Все равно от прямого попадания этот подвал спасти не мог. Обычно бросали двухсоткилограммовые бомбы, но однажды на окраину Полтавы была сброшена бомба весом в одну тонну. Мы ходили туда смотреть. Глубина воронки была такой, что в ней мог бы уместиться пятиэтажный дом, а вокруг пластом лежали домишки и деревья, только кое-где почему-то остались торчать печки с дымоходами. О том, что происходило на фронте, мы почти ничего не знали. Ходили какие-то слухи. Иногда наши самолеты бросали листовки. В Полтаве издавалась крикливая газетенка, которой не верили.

Весной нам дали небольшой участок для огорода возле балочки, склоны которой поросли терновником. На дне из-под большого куста барбариса бил родничок, растекаясь потом тонким ручейком. Вода была прохладная и приятная на вкус.

Нам помогли с семенами, и мы посадили фасоль, картошку, помидоры, огурцы, тыквы. Клубни картофеля разрезали так, чтобы на каждом кусочке находился глазок. Таким образом, сэкономили посадочный материал. Мы с мамой ходили полоть огород.

Наряду с тяжелыми воспоминаниями о войне у меня навсегда осталась память о прекрасной природе Полтавщины: уютные балочки с родничками и с изобилием цветущих трав, усыпанные крупными яркими цветами кусты шиповника. В хозяйстве сеяли эспарцет и поле, когда он цвел, казалось розовым морем. Несколько раз мы ходили километра за три на Ворсклу. Это чудная речка с прозрачной водой и песчаным дном в обрамлении кудрявых верб и высоких трав.

К осени собрали урожай. В сентябре я пошла в школу, которая помещалась в небольшом домике на окраине Полтавы. Учебников не было, писать было не на чем. Маме удалось достать для меня старую амбарную книгу, даже с какими-то записями. Об учебе у меня осталось смутное представление: что-то из арифметики, украинского языка, немецкого языка. Запомнился нам учитель, хорошо игравший на баяне. Мне даже кажется, что уроков пения, на которых мы пели под его аккомпанемент веснянки, щедривки и еще какие-то украинские песни, было больше, чем каких-либо других.

С наступлением зимы я иногда пропускала занятия. Когда мела метель, трудно было идти полем. Я пристрастилась к чтению, хотя это занятие любила и раньше. Теперь мама приносила из библиотеки интересные книги, которые я читала запоем. Это были романы Гюго, Дюма и других авторов. Начитавшись о преступниках, разоблаченных Шерлоком Холмсом, боялась заглянуть под кровать. Прочитав книгу, я подробно пересказывала ее содержание своим одноклассникам.

Этой зимой в нашем общежитии было по-прежнему тепло и светило электричество. На Новый 1943 год в столовой поставили елку, чем-то ее украсили и организовали даже какое-то скромное угощение. От имени начальства всех поздравил с Новым годом Бляйзер.

В феврале, когда первый раз освободили Харьков⁹⁹³, в Полтаве наблюдалось перемещение военных частей. Потом как-то все успокоилось, но бомбить стали чаще и интенсивнее.

Бомбежка 3 мая 1943 года запомнилась на всю жизнь. До этого времени бомбили, в основном, район аэродрома, город не очень страдал, но в ночь 3 мая был массированный налет на аэродром и на город. Этой ночью мы спустились в подвал, наверху было очень страшно. Впечатление от пережитого было настолько сильным, что потом оно выкристалли-

зовалось в рифмованные строки, далеко не совершенные, но передающие ощущения от пережитого. Я их здесь привожу.

Майская ночь, соловьиная ночь,
В лесу за рекою поют соловьи.
А в небе синем, а в небе звездном летят самолеты,
Гудят бомбовозы.
Взрывается небо снарядов вспышками,
И режется воздух воем бомб,
Отдельных взрывов почти не слышно,
Все сплошной грохот и рев.
Но вот затихло, Мы, кажется, живы, Уже занимается день,
А в лесу за рекой,
Как символ жизни, Звучит соловьиная трель.

Потрясал контраст между весной в природе, когда все оживало, цвело, пело и смертоносной войной, затеянной людьми.

Наступило утро и в Полтаву из Старого Хутора на телеге повезли раненых, которые истошно кричали. Это был небольшой хуторок, расположенный в лесочке, ближе к аэродрому. Убитых хоронили на следующий день. А я в то утро бежала по дороге в Полтаву узнать, живы ли тетя и дядя. В предместье остановилась. Я не узнавала улиц, кругом развалины. Решила идти в знакомом направлении. Передвигалась медленно, останавливаясь и внимательно вглядываясь в руины. Возле развалин кое-где суетились люди. Остановившись в очередной раз, я поняла, что эта куча кирпичей, на которой копошились немцы, что-то вытаскивая, и была двухэтажным домом, стоявшим на углу улицы, где жила тетя. Этот дом располагался по правую сторону, а домик тети был несколько дальше по левой стороне.

Я пошла по улице, заваленной обломками. По правую сторону были руины, видно, что упала бомба, а напротив — домик тети, только без крыши и с дырами вместо окон. Осторожно зашла во двор, а он весь устлан черепицей, как будто кто-то ее аккуратно разложил. Из дома вышла тетя. Глаза у нее красные, то ли от слез, то ли от пыли. Живы! Оказывается, они с мужем во время бомбежки спрятались под кроватью. Так поступали многие люди, жившие в небольших одноэтажных домах. Когда напротив разорвалась бомба, воздушной волной вынесло оконные рамы вместе с коробами, и они упали на кровать, а летящими кирпичами был разбит буфет, стоявший у противоположной стены. Домой я уже бежала вприпрыжку.

Лето было тревожным. Часто бомбили. В начале сентября убранный урожай немцы стали спешно вывозить из хозяйства. Подъезжали огромные крытые машины, их загружали, а им на смену приезжали новые. Началось бегство оккупантов из Полтавы. В городе свирепствовали ка-

рательные отряды. Сплошной линией огня пылала окраинная Зеньковская улица. Рассказывали, что жителей выгоняли из домов, стреляли по ногам, обливали бензином и поджигали. Машины уже не приезжали в хозяйство. Все оставшееся продовольствие Мендерсен приказал раздать людям. Отдал он также советские деньги, сказав, что пригодятся. В один из дней Мендерсен предупредил, что нужно спрятать мужчин. Это сделали в подвале нашего дома. Для маскировки комнаты, где прятались люди, ее двери заштукатурили вровень со стеной. Утром следующего дня мы увидели, как по дороге из Полтавы в нашу сторону строем идет отряд немцев, человек тридцать, одетых в серую форму. Каратели! Они прошли на хоздвор и скрылись за постройками. Наши сердца замерли. Прошло полчаса, и этот отряд таким же строем зашагал обратно по направлению к городу.

Оказалось, что Мендерсен принял у себя командира отряда и сказал ему, что пока остается здесь, а когда будет нужно, он сам со своей командой уничтожит все, что подлежит ликвидации.

Люди облегченно вздохнули.

Уже уехали все, кто собирался уехать. На горизонте пылало зарево, и слышно было, как на железнодорожных путях рвались снаряды подожженного эшелона. Со стороны Шведской Могилы начался обстрел. Мины пролетали с особенным прерывистым звуком, что-то вроде «пых-пых», снаряды — с пронзительным воем или свистом, а потом, где-то далеко раздавался грохот взрывов. За парком в лесочке находился большой склад немецкого оружия, и было страшно, что он может взорваться. Все, кто еще оставался в нашем доме, покинули его и попрятались, кто — где мог. Мы с мамой и еще несколько женщин с детьми сидели в какой-то яме, прикрытой сверху досками и хворостом. Стемнело, обстрел прекратился. И уже поздно ночью мы увидели огни машины Мендерсена, уезжавшей прочь по дороге.

И тогда, и теперь я иногда думаю о мотивах поведения этого человека. Политика Гитлера была предельно жестокой и не у всех немцев находила поддержку. Очевидно, к таким людям относился и Мендерсен. Иначе, зачем было ему заботиться о простых людях чужой страны, спасти их? Возможно, это было своеобразным протестом против бесчинств Рейха. Не сомневаюсь, что спасенные люди пронесли благодарную память о нем через всю жизнь.

Освобождение

На рассвете после описанных событий пришли наши войска. Это было большой радостью для всех — освобождение от немецких оккупантов, от постоянного страха.

Но опять была зима без света, тепла и хлеба. Нас, переживших оккупацию, называли «коричневой чумой» и «оставанцами»⁹⁹⁴, что было очень

обидно. Ребят, достигших за эти годы призывного возраста, сразу же отправили на передовую. Их было в хозяйстве двенадцать. Все погибли возле Полтавы.

Мама нарисовала для политотдела военной части большую карту Европы, за что получила мешок картошки и мешок сахарной свеклы, а папин младший брат, проходя с фронтом, чудом нас обнаружил и оставил нам мешок муки грубого помола.

Теперь уже и я вместе с мамой писала и рисовала плакаты и объявления за что получала стакан молока с печеньем.

Опять бомбили аэродром, но теперь уже немецкие самолеты. Бомбили на бреющем полете, с включенными сиренами, предварительно развесив осветительные ракеты. Я пошла в школу. Она располагалась в центре города. Теперь в школе преподавали военное дело, и мы с деревянными подобиями ружей на плече, маршировали по школьному двору. Придя домой из школы, я разжигала огонь в печурке. Печурка представляла собой перевернутый чугунок без дна, поставленный на кирпичи. Сбоку была приварена труба, которая выводилась в окно. Такие изделия изготавливали местные умельцы. Стекол в окне давно не было, их заменяла фанера. Я ставила на чугунок кастрюльку с картошкой и сахарной свеклой (и то, и другое в кожуре), а на наружные стенки чугунка налепливала лепешки из муки, замешанной на воде. Это была наша еда. Топливо и продукты нужно было экономить.

Фронт быстро продвигался на запад. Весной 44-го года уже не бомбили.

Впереди была Победа, но до нее еще оставался целый год.
[...].

(Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко, отдел «Украиника». Копия, компьютерный набор).

№ 62

Из воспоминаний сотрудницы политехнического университета И. М. Шептун⁹⁹⁵

Второй класс. Шила куклам платья, затем переехали в Харьков. Чугунок для отопления с трубой в форточку, заменили на плиту. Мама из дома старалась не выходить, т. к. забирали на работы либо облавы на вывоз в Германию. Облавы были страшные. Хорошо помню одну — мама вроде вышла на улицу, а тут облава, я выскочила и начала ее искать. Был окружен немцами кусок Сумской, Маяковского, Дзержинская, я металась между этими улицами, но ее нигде не было. Бегала я долго, пришла домой, а когда сняли охрану, пришла мама, она пряталась на

чердаке нашего дома, а выхода с чердака в наш подъезд не было. Очень испугалась.

Доставала «аусвайсы», ходила за ними пешком куда-то к Южному вокзалу. Носила воду с Павловки на санках. Была прикручена выварка, а немцы, когда втащила на гору, забирали воду и ты опять шел вниз и ташил воду. Потом эту воду тащила наверх по лестнице на четвертый этаж дома. Мне было 8–9 лет. Рядом 71 дом был пустой, т. к. его до войны занимали военные. Немцы заняли его целиком и даже разместились частично у нас в квартирах. Сначала был молодой, он прожил не долго, т. к. из-за голодухи я утащила у него кажется пижаму и продала за какую-то еду. Все открылось, и мама продала пианино, чтобы ему возместить потерю. Мне ничего не было. Немец грозился повесить нас на собственном балконе.

Потом был старый немец — эсэсовец. Он все доказывал маме по висящей у нас карте, что много территории для русских. До Урала дойти можно, а дальше они не пойдут. Разрешал слушать приемник, только тихо. И давал на общий стол картошку и колбасу. Ничего более вкусного я ни тогда, ни потом не ела.

Он же привел двух немцев — один из них был профессор Лейпцигской консерватории. Играла мама Бетховена, играл он — это было здорово.

Потом мы завели огород, тащили подсолнухи и еще кое-что. Нас догнал немец, донес [мешок? — сост.] домой, сидел показывая карточки семьи и спрашивал: «где муж?» — «воюет.» — отвечала мама.

Училась в 3 классе в школе на улице Чернышевского⁹⁹⁶ возле туберкулезной больницы. Впервые «влюбилась». Два мальчика с которыми свидания проходили на Сумском базаре возле крытого рынка. Подарили открытку — старенькую с красной розой из шелка. Девочки потребовали признаний, если не влюблена — плюнь! — Плюнула. Вызвали родителей. В феврале началось отступление немцев. В три ряда по Сумской шла техника, людей почти не было видно. Потом, ночью, поехали подводы — мы думали беженцы, а утром поняли, что это шли наши регулярные войска. Один из них [красноармейцев] зашел к нам в квартиру и ночевал у нас. Без еды, плохо одет, почти не было патронов. У пушек не было снарядов, на одной из них была надпись: «Вперед! На Запад». Тылы отстали. Напротив нашего подъезда на противоположной стороне улицы остановился грузовик с баком бензина. Это было через две недели после освобождения Харькова⁹⁹⁷. Боев не было. И вдруг раздался вой «мессершмиттов» и началась страшная бомбежка. Мы скатились в подвал. Одна из бомб попала в машину с бочкой с бензином. Все вспыхнуло. А тем временем высадили десант из дивизии СС возле парка⁹⁹⁸. Это было самое страшное время.

(Музей Харьковского политехнического университета. Копия, компьютерный набор).

№ 63

**Из воспоминаний В. Н. Понировского⁹⁹⁹
о гибели советских летчиков в августе 1943 г.**

... Во время операции по освобождению г. Харькова на отступающие немецкие части 11 августа в середине дня был совершен налет наших бомбардировщиков «петляковых»¹⁰⁰⁰. В результате зенитного огня по самолетам один самолет загорелся и начал падать, из самолета выпрыгнули два члена экипажа. У одного из пилотов купол парашюта был поврежден, и надорванный лоскут бился по ветру. Ветер отнес парашютистов в район стадиона «Динамо»¹⁰⁰¹. Находящиеся в этом районе немцы открыли по парашютистам беспорядочную стрельбу, в результате которой один член экипажа был убит в воздухе, а другого немцы застрелили на месте падения. Оставшийся в самолете пилот, по всей видимости, старался направить падающую машину на дамбу через овраг (ныне полностью засыпан), на которой находилось скопление немецкой боевой техники. Однако, или летчик не рассчитал траекторию полета, или самолет потерял управление, но в дамбу он не попал, а упал в овраг рядом с ней в районе нынешней школы № 116¹⁰⁰² и взорвался. Разбросанные взрывом обломки самолета догорали в овраге под треск взрывававшихся в огне боеприпасов и разлетавшихся по сторонам трассирующих пуль.

Тело летчика найдено не было, так как самолет полностью сгорел.

По данным сослуживца погибших летчиков Павленко Григория Ивановича [...] самолет принадлежал 81 авиаполку 1 Гвардейской авиадивизии 2 Гвардейского авиакорпуса под командованием Красовского.

[...]

В. Н. Понировский

04.02.2012 г.

(Центр краеведения им. П. Т. Тронько Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, коллекция рукописей, воспоминания сотрудника университета, кандидата биологических В. Н. Понировского. Автограф, компьютерный набор).

Комментарии

¹ Жена И.И. Бакулина.

² Имеется в виду Харьковский сельскохозяйственный институт, который был эвакуирован в г. Ташкент (Узбекская ССР).

³ Поселок в Кызыл-Ординской обл., Казахстан.

⁴ Воликова Анна Даниловна (1910–?) — жительница Харькова, в период оккупации проживала в районе Холодная Гора. С 1913 по 1962 г. вела записи своих расходов.

⁵ Составители отобрали расходные записи за отдельные месяцы военного периода, которые подтверждают известные в литературе факты о том, что советские деньги имели хождение на оккупированной территории и что, в основном, соблюдалось установленное фашистским режимом соотношение между немецкой маркой и советским рублем — 1 : 10.

⁶ Усык Михаил Андреевич (1898–?) — кандидат экономических наук (1940). Закончил в 1927 г. экономический факультет Харьковского института народного хозяйства. В 1927–1935 гг. работал в Укржилсоюзе, Укржилкоопстрое, Харьковском горсовете, в 1930–1932 гг. параллельно преподавал в институтах кооперативном, обмена и распределения. С 1935 г. — в институте инженеров коммунального строительства. С 1930 по 1934 год состоял депутатом Харьковского горсовета.

⁷ В настоящее время — Московский проспект.

⁸ Исторический район Харькова.

⁹ Исторический район Харькова.

¹⁰ Скорее всего речь идет о здании Управления НКВД, расположенного по ул. Совнаркомовской, 5.

¹¹ Дом проектов (полное название — Дом проектных и строительных организаций) расположен по адресу пл. Свободы, 4. Построено в 1930–1933 гг. Выполнено в едином стиле с Госпромом. Авторы проекта ленинградские архитекторы С.С. Серафимов (один из создателей Госпрома) и М.А. Зандберг-Серафимова. До 1941 г. здесь работали различные строительные тресты и проектные организации. Во время войны Дом проектов был сильно разрушен. В настоящее время в нем находится центральный корпус Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

¹² В настоящее время — ул. Иванова.

¹³ В настоящее время — ул. Фрунзе.

¹⁴ Аркадий Усык — сын автора, который переписал дневник отца; примечания курсивом в квадратных скобках принадлежат ему.

¹⁵ Госпром — Дом Государственной промышленности, расположен на пл. Свободы. Построен в 1928 г. Является памятником архитектуры в стиле конструктивизма.

¹⁶ В настоящее время — пл. Конституции.

¹⁷ Разрушен в 1943 г.

¹⁸ В советское время спуск носил имя Халтурина, в 2009 г. переименован в Соборный.

¹⁹ Топонимические названия объектов, которые находятся возле Благоевского базара.

²⁰ В настоящее время — Пролетарская площадь.

²¹ Пролегает через реку Лопань, с него начиналась ул. Свердлова (ныне Полтавский Шлях).

²² Дворец труда в настоящее время расположен по адресу пл. Конституции, 1. Доходный дом Всероссийского страхового общества «Россия» возводился в 1914–1916 гг. по проекту петербургского архитектора И. А. Претро.

²³ После войны здание восстановлено, как жилой дом.

²⁴ После войны здание перестроено, гостиница не восстановлена.

²⁵ После войны частично восстановлен, находится на пл. Конституции.

²⁶ После войны не восстановлен. Находился на ул. Клочковской.

²⁷ В настоящее время — площадь Розы Люксембург.

²⁸ Имеется в виду кинотеатр им. Коминтерна. После войны он был переименован в кинотеатр «Москва». В настоящее время снесен.

²⁹ Возможно, имеется ввиду дом возле Театральной пл., т.к. других площадей возле ул. Пушкинской нет.

³⁰ По воспоминаниям харьковчан, у которых в это время находились в заключении родственники, в первый день оккупации они пришли к зданию НКВД и были очевидцами того, как немецкие мотоциклисты подъехали и взорвали связкой гранат ворота внутренней тюрьмы. На территории тюрьмы были обнаружены трупы сгоревших узников. Возможно, их расстреляли незадолго до ухода Красной Армии. Также можно предположить, что трупы специально не сжигали после казни, так как здание НКВД сильно обгорело, поэтому оставшиеся трупы людей нашли обожженными. Сколько человек были казнены перед отходом Красной Армии сейчас сказать невозможно, но количество 1200 чел., скорее всего, преувеличено слухами.

³¹ См. прим. 21. ранее ул. Свердлова называлась Екатеринославская.

³² Т.е. гражданский человек.

³³ В настоящее время на этом месте находится здание Харьковской областной государственной администрации.

³⁴ Исторический район города.

³⁵ Административный орган управления в городе, — в управе работали коллорабационисты.

³⁶ Управа, городская администрация.

³⁷ Село в Харьковском районе, недалеко от Харькова.

³⁸ Газета, выходившая в период оккупации Харькова. В ней печатались приказы немецкой комендатуры и решения городской управы.

³⁹ В начале 1942 г. Красная Армия вела наступательные бои в районе Харькова. 18–31 января 1942 г. была проведена Барвенковско-Лозовская операция, в результате которой был освобожден 21 населенный пункт области, в т.ч. райцентры Алексеевка, Близнюки, Сахновщина, Барвенково, Лозовая. 27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного фронта (командующий С.К. Тимошенко, член Военсовета — Н.С. Хрущев) решил организовать новое наступление. Цель операции — силами 6-й и 38-й армий с балаклеиско-чугуевского выступа окружить и ликвидировать немецкие части и освободить Харьков. Операция началась

7 марта. С самого начала военных действий Красную Армию сопровождали неудачи. Врага удалось оттеснить с левого берега Северского Донца, но небольшие плацдармы, захваченные на правом берегу реки не оправдывали потерь и операцию решено было прекратить.

⁴⁰ Коммунистический интернационал (3-й Интернационал) — международная революционная пролетарская организация, объединявшая компартии ряда стран в 1919-1943 гг.

⁴¹ Считается, что войну с Наполеоном в 1812 г. русским помогли выиграть зимние морозы.

⁴² Евреи, принявшие христианство.

⁴³ Основан в августе 1914 г. параллельно с Всероссийским земским союзом. Занимался материальной и врачебной помощью больным, раненым и беженам во время Первой мировой войны.

⁴⁴ Находится в Змиевском районе, недалеко от Харькова.

⁴⁵ Правильно — станция Лосево, находится в черте города. Возле этой станции в 1930-х гг. был построен Харьковский тракторный завод.

⁴⁶ В настоящее время Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт».

⁴⁷ Аркадий Усык.

⁴⁸ В это время директором института был Николай Николаевич Бокариус (1899-1966) — сын выдающегося судебного медика Николая Сергеевича Бокариуса. В Харьковском НИИ судебной экспертизы, носящем имя его отца, начал работать в 1924 г. С 1931 по 1946 г. был его директором. С 1950 г. работал там же научным сотрудником.

⁴⁹ Возможно, Кузинское.

⁵⁰ Исторический центр Харькова.

⁵¹ Сторонники независимости Украины (укр.).

⁵² В апреле 1942 г. в Балтийском море велись активные боевые действия. Немецкая авиация бомбила скованные льдами корабли Балтийского флота.

⁵³ Управление директивных усадеб, организованное на базе совхозов (укр.).

⁵⁴ «Областная земельная Управа, ведающая общественными хозяйствами (бывшими колхозами)» (укр.).

⁵⁵ «Предприятия города непосредственно [подчиненные]» (укр.).

⁵⁶ Крамаренко Алексей Иванович (1882–1942(1943?)) — первый обербургомистр Харькова. В 1931–1941 гг. работал профессором ряда вузов Каменец-Подольского и Харькова. Накануне войны был профессором Харьковского технологического института. 26.10.1941 г., на второй день оккупации города, немцы назначили Крамаренко бургомистром. Ему подчинялась городская управа. Считается, что на должность бургомистра Крамаренко попал случайно и необходимыми административными способностями не обладал. Против его назначения выступили украинские националисты, желавшие видеть на этом месте своего представителя. Они добились его снятия: в 20-х числах апреля 1942 г. Крамаренко был отстранен от должности, а в августе того же года арестован.

⁵⁷ Семененко Александр Платонович (1898 — 1978) — обер-бургомистр Харькова в 1942-1943 р. Принимал участие в украинском национальном движении

в годы Гражданской войны. В годы советской власти был репрессирован. Приветствовал приход немцев в Харьков и активно с ними сотрудничал. Вначале возглавлял правовой отдел, с января 1942 г. стал заместителем обер-бургомистра, а с апреля 1942 г. назначен немцами обер-бургомистром Харькова. В августе 1943 г. бежал в Германию. После войны жил в Бразилии, а в 1960-х гг. эмигрировал в США.

⁵⁸ В саду Шевченко во время оккупации было устроено немецкое кладбище.

⁵⁹ Автор Н.А. Некрасов.

⁶⁰ В настоящее время — г. Красноград — районный центр в области.

⁶¹ «Облпотребсоюз» (укр.).

⁶² Сергей (в миру Старгородский Иван Николаевич; 1867-1944) — патриарх Московский и всея Руси с 1943 г. С 1917 г. митрополит, с 1925 г. — заместитель и с 1937 г. патриарший местоблюститель, одновременно с 1934 г. митрополит Московский и Коломенский. 22 июня 1941 г. выступил с обращением о начале войны и благословением на защиту Родины.

⁶³ Миссия Криппса — английская правительственная миссия в Индии в 1942 г. Ее цель — укрепить позиции Англии путем уступок индийскому национальному движению. Закончилась провалом.

⁶⁴ Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя — Валлах Макс; 1876–1951) — советский государственный и партийный деятель. Член КПСС с 1898 г. С 1918 г. — член коллегии Наркоминдела, в 1920 г. — полпред в Эстонии, с 1921 г. — заместитель, в 1930–1939 — нарком иностранных дел СССР. В 1941–1943 гг. — зам. наркома иностранных дел, одновременно посол в США.

⁶⁵ «Сименс-Шукерт Верке» — одна из старейших германских фирм, выпускавшая электрооборудование. Фирму основали в 1847 году. Перед войной, как и большинство немецких предприятий, начала выпускать военную продукцию.

⁶⁶ Завод акционерного общества «Гельферих-Саде» был основан в 1875 г. В 1918 г. — национализирован, а в 1922 г. — переименован в «Серп и Молот». Производил сельскохозяйственную технику. Упоминание фамилии Гельфериха в середине XX в. как предпринимателя ошибочно, т.к. последний представитель этого рода Максимилиан Христианович умер в 1901 г. бездетным.

⁶⁷ Имеется в виду Первая мировая война.

⁶⁸ Правильно Огиевка.

⁶⁹ В саду Шевченко растет несколько очень старых дубов, которые сегодня считаются памятниками природы и охраняются законом.

⁷⁰ Современное название — улица Петровского.

⁷¹ «Запрещено» (нем.).

⁷² Місто Харків: короткий статистично-економічний довідник / Складений за керівництвом та редагуванням керівника статистичного відділу проф. Т.М. Соснового. — Х., лютий 1942. — 65 с.

⁷³ «Ежемесячный отчет горуправы» (укр.).

⁷⁴ «У нас такая, батюшка, просьба. Когда мы с вами дома или на улице увиделись, то давайте говорить по-нашему, а службу Божью вы уже правьте по-божьему» (укр.).

⁷⁵ «То есть, как именно?» — спрашивает тот (укр.).

⁷⁶ «А так, по-славянски, как когда-то было» (укр.).

⁷⁷ «Теперь нужно думать о семенах, инвентаре, скотине — черт возьми. То колхоз думал, а то ты думай. Да и будет ли твое, что соберешь... Тогда, что заработал, то и получай... И хоть тяжеловато было, так не так уже и плохо. Хлеб ели» (укр.).

⁷⁸ «Тогда все было. Ни в чем не нуждались. Что хотел, то и купил. Никто тебя не трогал» (укр.).

⁷⁹ В православной религии — административно самостоятельная церковь.

⁸⁰ «Фюрер просил рейхстаг, — сообщает «Н[овая] Украина», — утвердить, что он имеет законное право каждый раз, когда речь идет о родине, когда это нужно, не смотря на личность (ого!), ранг (ого!) и должность, принимать решения, какие он считает правильными в интересах народа. Например, коснулся фюрер юстиции, которая больше не должна придерживаться только буквы закона (долгой закон!), а должна наказывать так, как того требует время. Тот, кто на родине будет настаивать на законных правах, будет требовать отпуска и т.п., то он не понимает ситуации» (укр.).

⁸¹ «Рейхстаг единогласно дал фюреру право делать все, что надо, чтобы наказывать разные нарушения общественных обязанностей по его усмотрению в духе целого народа» (укр.).

⁸² «Тревожные налеты британских самолетов были направлены против южной Германии и протектората» (укр.).

⁸³ «— Расскажу ему о факте взяточничества в Управе.

— Разве такие факты есть? — спрашиваю.

— Э, голубчик, очевидно только ты и Семененко об этом не знаете.

— Возможно. Только, как не я, то Семененко во всяком случае должен знать...

— Все берут. Об этом весь город говорит. Мне самому предлагали 5000 рублей только за то, чтобы написал, что такое-то помещение для МСС (?) не нужно. Братченко, говорят, заработал не меньше полумиллиона. Тим-ко берет. Брал взятки Крамаренко — из-за чего он и не боролся с этим. Даже твой патрон берет...

— ?!

— Да, да, слухи упрямые ходят...» (укр.).

⁸⁴ Восточный фронт.

⁸⁵ К весне 1942 г. положение советских войск в Крыму оказалось очень тяжелым. Под натиском противника, начавшего 8 мая наступление, красноармейцы вынуждены были оставить полуостров.

⁸⁶ С 12 по 29 мая 1942 г. состоялась Харьковская битва. Вначале она была успешной для Красной Армии, но 18 мая немцы перешли в контрнаступление и уже 23 числа окружили три советских армии. Попытки прорвать кольцо не имели большого успеха — только 22 тыс. бойцов и офицеров сумели вырваться из окружения. В этой битве погибло приблизительно 300 тыс. чел., еще около 250 тыс. попали в плен. О трагедии также говорит тот факт, что в ходе Харьковской битвы погибли или попали в плен 20 военачальников и старших офицеров. В результате поражения советских войск в Крыму и под Харьковом немецким войскам удалось дойти до Сталинграда и частично захватить нефтеносные районы Кавказа.

⁸⁷ Москва 1812 и 1941 гг.

⁸⁸ В ходе подготовки к войне с Наполеоном в апреле 1812 г. в Украине были сформированы 4 казачьи полка в Киевской и Каменец-Подольской губерниях. Чтобы французы не прорвались в Украину в августе того же года на Черниговщине и Полтавщине также были сформированы казачьи полки численностью 60 тыс. чел.

⁸⁹ Верховинец Василий Николаевич (настоящая фамилия Костив; 1880–1938) — украинский композитор, дирижер и хореограф, первый теоретик украинского народного танца, этнограф, музыкальный и общественный деятель, автор музиковедческих работ. Репрессирован, в 1958 г. реабилитирован.

⁹⁰ Это ошибочное мнение, т.к. английские летчики в это время не воевали в СССР.

⁹¹ Руководил статистическим отделом городской управы.

⁹² Имеется в виду ул. Артема.

⁹³ Исторический район города.

⁹⁴ Комплекс общежитий, построенный в 1928–1930 гг. Во время оккупации здесь размещался штаб 6-й немецкой армии.

⁹⁵ Землю, хату, домашних животных, технику, все нажитое имущество (укр.).

⁹⁶ Т. е. «куда глаза глядят».

⁹⁷ «Кулаки» (укр.).

⁹⁸ «Дядя Илья» (укр.).

⁹⁹ «Украинская крестьянка Палашка» (укр.).

¹⁰⁰ «Победный финал битвы возле Керчи» (укр.).

¹⁰¹ «Стрелковых» (укр.).

¹⁰² Ул. Ольминского, 5.

¹⁰³ «Дайте хлеб и сахар» (нем.).

¹⁰⁴ Пригород Харькова.

¹⁰⁵ «Если бы такого не наделали, разве смогли бы немцы воевать с нами!» (укр.).

¹⁰⁶ Верующие, сторонники «Автокефальной украинской православной церкви», провозглашенной в 1920 г., но она никем не была признана. В 1930 г. было принято решение о самороспуске. Однако в 1942 г., чтобы иметь поддержку украинцев, немцы восстановили УАПЦ, но впоследствии лишили её поддержки в связи со всё более тесным сотрудничеством с украинскими националистическими организациями.

¹⁰⁷ Районный центр Харьковской обл.

¹⁰⁸ В годы войны районный центр области. В настоящее время входит в состав Волчанского района.

¹⁰⁹ Стратегический план командования Германской империи, разработанный в начале XX в. для быстрой победы в Первой мировой войне.

¹¹⁰ Подписан между советской Россией и Германией 3 марта 1918 г. Согласно этому миру советское правительство выплачивало Германии контрибуцию в 6 млрд. марок, выводило свои войска из Лифляндии, Эстляндии, Украины, Финляндии, проводило демобилизацию русской армии и восстанавливало русско-германский торговый договор 1904 г.

¹¹¹ Бебель Август (Bebel; 1840–1913) — один из основателей и руководитель Германской социал-демократической партии и 2-го Интернационала. Неоднократно избирался в Рейхстаг. Выступал против милитаризма и войны.

¹¹² Построение нового правового строя (укр.).

¹¹³ Фольмер Макс (Volmer; 1885–1965) — немецкий физико-химик, член (1934) и президент (1956–1958) Германской Академии Наук в Берлине, член Академии Наук СССР (1958). В 1945–1955 гг. работал в СССР. После войны жил в ГДР.

¹¹⁴ Одна из систем феодального городского права. Сложилась в XIII в. в г. Магдебург. Юридически закрепила право горожан на самоуправление, прочие их права и привилегии.

¹¹⁵ «Большевистская правовая система утратила свою силу» (укр.).

¹¹⁶ «Собственность вражеского государства с имуществом коммунистических организаций и общественных объединений передавать в распоряжение немецкого руководства»... «Что принадлежало оседлому лояльному (внимание!) населению, рассматривается принципиально как частная собственность» (укр.).

¹¹⁷ «Национал-социалистическое право» (укр.).

¹¹⁸ «Должности в этих судах гражданского управления замещаются только испытанными немецкими судьями» (укр.).

¹¹⁹ «Будут ли в будущем украинцы принимать участие в юрисдикции» (укр.).

¹²⁰ «Успокоиться» (укр.).

¹²¹ «Выиграть навязанную нам войну» (укр.).

¹²² «Самые порядочные и самые лучшие» (укр.).

¹²³ Скорее всего, правильно Ковалевский. Дворянский род Ковалевских, давший стране и миру несколько выдающихся ученых, жил на Харьковщине.

¹²⁴ Чтобы установить более тесный контакт с советским правительством, У. Черчилль и Ф. Рузвельт пригласили Молотова посетить Лондон и Вашингтон. 19 мая 1942 г. В.М. Молотов отправился на переговоры. 26 мая 1942 г. Э. Иден и В.М. Молотов подписали англо-советский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Затем Молотов отправился в Вашингтон на встречу с Ф. Рузвельтом. После переговоров с американскими политиками СССР и США 11 июня 1942 г. заключили соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». СССР и США обязались «содействовать обороне друг друга и взаимно предоставлять для этого материалы, обслуживание и информацию».

¹²⁵ Иначе, Антикоминтерновский пакт (гитлеровская коалиция) — военный союз Германии, Японии, а позже Италии, которые считаются зачинщиками Второй мировой войны.

¹²⁶ Районный центр Харьковской обл.

¹²⁷ Одно из германских племен, жившее на территории современных Вюртемберга, Южного Бадена, Эльзаса, занимало часть Баварии и Швейцарии.

¹²⁸ Были оккупированы немцами в июле 1942 г.

¹²⁹ Поликлиника располагалась по адресу ул. Пушкинская, 32.

¹³⁰ Редакция находилась по адресу Сердюковский пер., 7 (в настоящее время ул. Скрыпника, здание не сохранилось).

¹³¹ Немцы захватили Купянск 24 июня 1942 г. в результате операции «Фридерикус-2», начатой 22 июня 1942 г. Главный удар был направлен из Чугуева на

Купянск, дополнительный — на Изюм. За две недели гитлеровцам удалось оккупировать всю Харьковскую область.

¹³² «Ревизия дарвинизма» (укр.).

¹³³ «Не человек произошел от обезьяны, а обезьяна — от человека» (укр.).

¹³⁴ «Иоганна Маера, у которого 75 га земли, Вольфа, который имеет 131 га земли, Германа — 35 га земли. Ничего себе, «крестьяне» (укр.).

¹³⁵ Размещался по ул. Пушкинская, 47.

¹³⁶ Районный центр Харьковской области.

¹³⁷ Районный центр Харьковской области.

¹³⁸ В годы войны районный центр области, в настоящее время входит в состав Волчанского района.

¹³⁹ По архивным данным Старый Салтов советские войска оставили 10 июня 1942 г.

¹⁴⁰ Районный центр Харьковской области.

¹⁴¹ С просьбой о регистрации организации «Шляхетство Слобожанщины» харьковские дворяне обратились в декабре 1941 г. Будучи малочисленными по составу, дворяне сотрудничали с купеческой организацией, а также с местными украинскими националистами. В своих программных документах они поддерживали создание независимого украинского государства во главе с П. Скоропадским. Возглавлял харьковских дворян В. М. Бекарюков. После его расстрела организация перестала существовать.

¹⁴² Бекарюков Владимир Михайлович (1907–1942) — организатор харьковского дворянства в годы фашистской оккупации. В 1930-е гг. работал доцентом кафедр марксистско-ленинской философии и истории партии в разных вузах Харькова. В январе 1942 г. назначен председателем контрольной комиссии Харьковской городской управы с широкими полномочиями и непосредственным подчинением обер-бургомистру. Несмотря на преданность новой власти, был немцами арестован и расстрелян.

¹⁴³ Герценвиц Дмитрий Иванович (1874–1944) — харьковский дворянин. До революции работал в системе Министерства путей сообщения. С 1902 по 1917 г. был почетным мировым судьей Константиноградского мирового округа в Полтавской губернии. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум (1907–1914 гг.). Работал во многих думских комиссиях, был также членом Особого совещания по перевозкам. В царской России имел чин надворного советника. В советское время жил в Харькове, работал в транспортной секции Госплана Украины, преподавал в транспортном техникуме (позже — институте). В 1930-х гг. работал профессором в институтах Инженерно-строительном и Инженеров железнодорожного транспорта. В 1934 г. уволен с работы. Перебивался случайными заработками. В годы оккупации работал профессором Политехнического института и консультантом Харьковской горуправы. После ареста В. М. Бекарюкова возглавил дворянскую группу, но активности не проявлял. В сентябре 1943 г. был арестован органами НКВД. Умер в тюремной больнице.

¹⁴⁴ В годы Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет, однако реальная угроза ее союза с Германией была в 1942–1943 гг. Благодаря победе советских войск в Сталинградской битве этого союза удалось избежать.

¹⁴⁵ Месячный отчет за май.

¹⁴⁶ «Много женщин» (укр.).

¹⁴⁷ Слипенченко Николай Степанович — профессор, инженер, в годы оккупации председатель «Громадського комітету» («Общественного комитета»), зам. обер-бургомистра Харькова.

¹⁴⁸ «В сторону ухудшения» (укр.).

¹⁴⁹ «Когда приходилось, ... очищать каждый дом» (укр.).

¹⁵⁰ Лист Фридрих (List; 1789–1846) — немецкий экономист. Выразитель интересов германской промышленной буржуазии. Сторонник протекционизма, с националистических позиций выступал за государственное вмешательство в экономику. Защищал шовинистические идеи господства Германии в Европе. Идеи Листа использованы нацистами для обоснования своей геополитики.

¹⁵¹ Книс Карл Густав Адольф (Knies; 1821–1898) — немецкий экономист, один из основателей исторической школы рыночной политэкономии. Защищал тезис о вечности капиталистического строя.

¹⁵² Рошер Вильгельм Георг Фридрих (Roscher; 1817–1894) — немецкий экономист, представитель исторической школы рыночной политэкономии.

¹⁵³ Брентано Людвиг-Иосиф (Brentano; 1844–1931) — немецкий экономист. Предлагал разрешать социальные конфликты между рабочими и предпринимателями путем организации профсоюзов и использования фабричного законодательства.

¹⁵⁴ Шмоллер Густав (Schomoller; 1838–1917) — немецкий экономист, иностранный член-корреспондент (1890), почетный член-корреспондент (1901) Петербургской Академии Наук. Представитель «новой исторической школы» политэкономии. Отрицал теоретический характер политэкономии, призывая ограничиться сбором фактического и статистического материала, изучением специальных вопросов истории народного хозяйства.

¹⁵⁵ Харьковский паровозостроительный завод (в настоящее время — Машиностроительный завод им. В. А. Малышева).

¹⁵⁶ См. прим. 46.

¹⁵⁷ Утверждать это невозможно, но сведения о нескольких советских агентах, работавших в управе и райбургомистрах, известны.

¹⁵⁸ 2-я управа находилась по адресу: ул. Епархиальная, 2 (современное название — ул. Артема).

¹⁵⁹ Ростов был оккупирован 23–25 июля 1942 г.

¹⁶⁰ «— Можно ли у вас переночевать?.

— А ты откуда?.

— С Дементиевки» (укр.) (Дементиевка — село в Дергачевском р-не, недалеко от Харькова).

¹⁶¹ Государственных усадеб (укр.).

¹⁶² «— Вот видите, — завершает беседу заведующий, — пошлю я вас в усадьбу, а хлеб немцы заберут.

— Но будут платить? — спрашиваю.

— Платить будут, но деньгами и 800 грамм зерна на день, которое там же проедите. Дело ясное, и мы уходим» (укр.).

¹⁶³ «Два мира» (укр.).

¹⁶⁴ «Адольф Гитлер никогда не навязывал другому народу своих национал-социалистических идей» (укр.).

¹⁶⁵ «Мировоззрение» (укр.).

¹⁶⁶ «Что говорится совсем не о том, что какой-то народ пришел в Германию и просто так перенял национал-социалистическое мировоззрение» (укр.).

¹⁶⁷ «Национал-социалистические идеи А. Гитлера характерны для немецкого народа и для него созданы. Национал-социалистические идеи не являются дешевым товаром и не будут им» (укр.).

¹⁶⁸ «С сегодняшнего дня Штандорткомендатура не будет выдавать пропуска для перевоза продуктов питания ни отдельным лицам, ни кооперативным организациям» (укр.).

¹⁶⁹ Имеется в виду битва на Марне, которая произошла возле Парижа 5–12 сентября 1914 г. Закончилась поражением немецкой армии, в результате чего был сорван план немецкого командования, ориентированный на быструю победу на Западном фронте и вывод Франции из войны.

¹⁷⁰ Есть сведения о пребывании в Харьковской области частей Российской освободительной армии, известной также как «власовской».

¹⁷¹ «Освободители» (укр.).

¹⁷² Часть Московского проспекта. Московская улица появилась вместе с Харьковской крепостью. С 1919 по 1936 гг. называлась улица 1 Мая, в 1936 г. вошла в состав проспекта Сталина, который в 1961 г. был переименован в Московский. В годы оккупации Горуправа приняла решение о возвращении улицам досоветских названий.

¹⁷³ Черноморченко Николай Федорович (1907–1976) — член Союза Архитекторов (1940). Окончил архитектурное отделение Харьковского технологического института в 1930 г. Работал в ряде проектных и строительных организаций Москвы, Киева, Ташкента, Харькова.

¹⁷⁴ Майкоп был оккупирован немцами 9 августа 1942 г.

¹⁷⁵ Капнисты — дворянский род Слобожанщины.

¹⁷⁶ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — украинский государственный и политический деятель, гетман Украины в 1918 г. Происходил из знаменитого казацкого рода. После окончания Петербургского пажеского корпуса служил в Кавалергардском полку российской армии. В 1905–1910 гг. — флигель-адъютант императора Николая II. Участник русско-японской и первой мировой войн, генерал. В 1917 г. стал активным сторонником украинской государственности. В апреле 1918 г. при поддержке немецкого командования стал гетманом Украины. В декабре того же года вынужден был отречься от власти и выехать в Германию. В годы Великой Отечественной войны встал на сторону украинского националистического движения.

¹⁷⁷ На пл. Театральной находится Харьковское отделение Национального банка Украины. Его здание построено еще в XIX в.

¹⁷⁸ «Желающих» (древнерус.).

¹⁷⁹ Тяжелых оборонных боях на широком фронте (укр.).

¹⁸⁰ Лампрехт Карл (Lamprecht; 1856–1915) — немецкий историк. Автор многотомной «Истории Германии».

¹⁸¹ Фридрих Барбаросса (Friedrich I Barbarossa; ок. 1125–1190) — германский король с 1152 г., император «Священной Римской империи» с 1155 г.

¹⁸² «Населенный пункт, город» (нем.).

¹⁸³ Карл IV (Karl IV; 1316–1378) — германский король и император «Священной Римской империи» с 1347 г., чешский король с 1346 г. В Чехии укреплял королевскую власть, поощрял развитие экономики и культуры.

¹⁸⁴ Существовала в IX–X вв., в настоящее время Моравия — историческая область в Чехии.

¹⁸⁵ Оттон III (Otton; 980–1002) — император «Священной Римской империи» с 983 г.

¹⁸⁶ Василий Васильевич.

¹⁸⁷ «Ну, как мой заказ?» (укр.).

¹⁸⁸ «— К сожалению, он не может быть выполнен.

— Почему?»

— Вышел запрет от немцев выдавать без разрешения книжки.

— Вот как! Запрет читать книжки?! — тяну я удивленно. — Как же теперь быть? Мне нужны книжки для научной и практической работы...

— Нужно ходатайствовать перед Штандорткомандатурой через отдел образования.

— Еще лучше!..

— Это, видите ли, делается потому, — произносит она тоном, оправдывающим это «культурное» мероприятие, — что сейчас изымается много литературы из Короленковской библиотеки и других, и, очевидно, для контроля.

— Кто что читает? Да?»

— Ну, наверное.

— А что будут изымать?»

— Политическую литературу...

— Маркса, Ленина?»

— Ну, безусловно. Потом, наверное, некоторых писателей — Горького, Маяковского...

— Горького?! Да это великий писатель, его вся Европа, весь мир уважают...» (укр.).

¹⁸⁹ «Образования» (укр.).

¹⁹⁰ «Новое украинское слово» (укр.).

¹⁹¹ «Цена и вознаграждение» (укр.).

¹⁹² Каждый умный человек знает, что война требует денег, очень много денег. Таким образом, освобождение Украины из-под ярма большевизма стоило Германии очень больших сумм. Поэтому это не право победителя или захватчика, но право освободителя заставить Украину саму нести военные расходы за свое освобождение. Это так логично! (укр.).

¹⁹³ «Кроме прибыли с сельского хозяйства Украина сейчас не имеет ничего, чем бы она смогла заплатить за свое освобождение».

¹⁹⁴ Исторический район Харькова.

¹⁹⁵ В настоящее время — Волгоград.

¹⁹⁶ «Бюро продовольствия» (укр.).

¹⁹⁷ «Мать, вместе с ним живет и находится на его содержании» (укр.).

¹⁹⁸ «Научное общество» (укр.).

¹⁹⁹ «Краковские вести» (укр.).

²⁰⁰ Европа начинает познавать Москву.

²⁰¹ Викадо, Викдо (Wirtschaftskommando) — экономические команды, которые стремились возродить промышленность Харькова и заставить ее работать на Германию. В Викдо служили немецкие специалисты.

²⁰² В годы войны — пригород Харькова, в настоящее время входит в состав города.

²⁰³ «Мечта Хмельницкого и скелет в лохмотьях» (укр.).

²⁰⁴ Рахманинов Иван Николаевич (1894–1942) — заведующий терапевтическим отделением 1-й совбольницы. По рассказам свидетелей, когда немецкий военный врач Ганс Штапперт узнал, что из этого отделения сбежало несколько заключенных, он вызвал всех заведующих отделениями к себе и обвинил И. Н. Рахманинова в том, что он плохо следит за своими пациентами. На это И. Н. Рахманинов ответил, что он врач, а не палач. Рассерженный Штапперт застрелил его на месте.

²⁰⁵ «Потерпели неудачу атаки врага»; «кровавые потери большевиков»; «собственные наступательные операции имели успех»; «окружена и уничтожена вражеская группировка» (укр.).

²⁰⁶ «Будут давить как щенков» (укр.).

²⁰⁷ «В последнее время остербайтеры вспоминают не только ужасы пребывания в Германии, но и случаи доброго отношения немцев к ним» (укр.).

²⁰⁸ Александровская больница была основана в 1869 г. и названа в честь российского императора Александра II. Открыта для лечения рабочих и мелких предпринимателей. В советское время переименована в 1-ю советскую больницу (совбольницу), но даже сегодня можно услышать первоначальное название.

²⁰⁹ Воронин-Варавва Алексей Петрович (псевд. — Кобец, 1892–1967) — украинский писатель, коллаборационист, с 1943 г. в эмиграции.

²¹⁰ Шевелев Юрий Владимирович (псевд. — Юрий Шерех, 1908–2002) — украинский языковед и литературовед. Работал преподавателем в Украинском коммунистическом газетном техникуме (1931–38), Украинском коммунистическом институте журналистики (1933–39), Харьковском университете. Во время немецкой оккупации работал в городской управе. В 1943 — эмигрировал в Германию, позже переехал в США.

²¹¹ Находится по адресу пр. Правды, 1. Назван так потому, что этот кооперативный дом был построен для работников табачной фабрики.

²¹² Город в Псковской области.

²¹³ Немцы оккупировали город 5 июля 1942 г.

²¹⁴ Пригород Харькова.

²¹⁵ «Атаки отбиты с кровавыми потерями для врага» (укр.).

²¹⁶ Имеется в виду дом «Табачник».

²¹⁷ «Отрыв от врага» (укр.).

²¹⁸ «Планомерно отрывались от врага» (укр.).

²¹⁹ «Союз для ... хозяйства» (укр.).

²²⁰ «Мельницы на Волини и Подолье» (укр.).

²²¹ В настоящее время — ул. Мельникова.

²²² Школа-интернат для слепых находится по ул. Сумской, 55.

²²³ Исторические районы Харькова.

²²⁴ «За советскую Украину» (укр.).

²²⁵ Официального подтверждения этому факту нет.

²²⁶ Власов Андрей Андреевич (1901–1946) — бывший советский генерал-лейтенант, предводитель так называемого «Русского освободительного движения» периода Великой Отечественной войны. В 1942 г. попал в плен и пошел на сотрудничество с немцами, став руководителем Русской освободительной армии, соданной из советских военнопленных. В 1945 г. попал в плен Красной Армии, в 1946 году осуждён за предательство и казнён.

²²⁷ Малышкин Василий Федорович (1896–1946) — бывший советский генерал-майор. Во время Великой Отечественной войны попал в немецкий плен и пошел на сотрудничество с нацистами. Один из помощников Власова в руководстве Русской освободительной армией. Начальник главного организационного управления Комитета освобождения народов России.

²²⁸ В настоящее время — районный центр Белгородской обл.

²²⁹ Как известно, А. Гитлер поставил перед немецкими войсками задачу: под Харьковом взять реванш за поражение под Сталинградом.

²³⁰ Общественная организация, имевшая целью просвещение населения. «Просвита» в переводе с украинского означает «образование, просвещение». Организация с таким названием впервые возникли еще в 60-х гг. XIX в. в Западной Украине. В начале XX в. они стали организовываться на укр. землях, входивших в состав Российской империи. Тогда основной задачей «Просвиты» было обучение простых людей грамоте. В 1922 г. в Советском Союзе прекратили свое существование. Воссозданные в годы гитлеровской оккупации «Просвиты» ставили целью украинизировать общество. Для этого они возрождали украинские национальные традиции (в дозволенных оккупационной властью рамках).

²³¹ Развивая наступление, начатое в январе 1943 г. в Воронежской обл. (Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская операции), было решено освободить Харьков. Эта операция получила название «Звезда». 9 февраля 3-я танковая армия под командованием П.С. Рыбалко начала наступление на город. 16 февраля Харьков был первый раз освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

²³² Село в Харьковском районе, недалеко от Харькова.

²³³ Районный центр Харьковской обл., в настоящее время называется Дергачи.

²³⁴ Районный центр в Харьковской обл.

²³⁵ Харьковский электротехнический институт.

²³⁶ Действительно, советским войскам удалось окружить немецкие войска с трех сторон, но 16 февраля они сумели выскользнуть из окружения через коридор, оставшийся в южной части города.

²³⁷ Институт народного хозяйства.

²³⁸ Находилась по адресу ул. Иванова, 19/21 (в настоящее время в этом здании находится школа № 5).

²³⁹ Расположена на пл. Свободы, после войны переименована в «Харьков».

²⁴⁰ Здание расположено по адресу ул. Сумская, 40. В настоящее время в нем находится Харьковский национальный университет строительства и архитектуры.

²⁴¹ Здание не восстановлено, сегодня на этом месте находится театр оперы и балета им. Н. В. Лысенко.

²⁴² Здание не восстановлено.

²⁴³ В настоящее время не существует.

²⁴⁴ Располагается по адресу ул. Иванова, 7/9.

²⁴⁵ Возможно, «юнкерсов».

²⁴⁶ В настоящее время — пл. Руднева.

²⁴⁷ «Похозяйничали» (укр.).

²⁴⁸ «— Вам попадет, подхалимам. Красноармеец сказал, что всех проституток возьмут на учет.

— Заставим террор делать. Одна маникюрша жаловалась мне: то, говорит, я ногти стригла, а то теперь камни заставят таскать.

— Так ей и надо. Да еще 200 грамм хлеба дать, как нам немцы. А мы по 600 грамм получим.

— А то! — раздаются голоса.» (укр.).

²⁴⁹ Чичибабин Борис Алексеевич (Полушин; 1923–1994) — русский поэт, лауреат Государственной премии СССР (1991). Жил в Харькове.

²⁵⁰ Коротун Анатолий Павлович (1900–1942) — связной ЦК КП(б)У с Харьковским подпольным обкомом партии. Родился на Полтавщине. Член ВКП(б) с 1926 г. В 20–30-е гг. работал в сельхозартеле, потом председателем коммуны, райколхозсоюза, заместителем председателя райсовета. В 1937 г. был обвинен во вредительстве в сельском хозяйстве, исключен из партии и снят с работы. После этого работал администратором в Харьковском театре оперы и балета. В 1938 г. восстановлен в партии, а в январе 1941 направлен на должность заместителя уполномоченного Наркомзага по Змиевскому району. В августе 1941 г. подал заявление, чтобы его оставили во вражеском тылу партизаном, и руководство НКВД назначило его комиссаром партизанского отряда. В октябре 1941 г. вывел из окружения группу командиров штаба войск НКВД, охранявших тыл Юго-Западного фронта. Как связной ЦК КП(б)У, дважды направлялся в Харьков, в декабре 1941 и мае 1942 г. 26 мая 1942 г. по доносу был арестован Гестапо и казнен.

²⁵¹ Железнодорожная станция в Воронежской обл., недалеко от границы с Харьковской обл.

²⁵² Районный центр Харьковской обл. В 1941 — 1942 гг. во время немецкой оккупации здесь располагались областные органы власти.

²⁵³ Железнодорожная станция в Купянском р-не Харьковской обл.

²⁵⁴ Железнодорожная станция в Шевченковском р-не Харьковской обл.

²⁵⁵ Село в Шевченковском р-не Харьковской обл.

²⁵⁶ Село; в настоящее время входит в состав Чугуевского р-на Харьковской обл.

²⁵⁷ Села в Шевченковском р-не Харьковской обл.

²⁵⁸ Районный центр Харьковской обл.

²⁵⁹ Село Волчанского р-на Харьковской обл. В годы войны было районным центром.

²⁶⁰ В настоящее время — с. Худоярово Шевченковского р-на Харьковской обл.

²⁶¹ Село в Балаклейском р-не Харьковской обл.

²⁶² Возможно, это райцентр Балаклея.

²⁶³ Село в Чугуевском р-не Харьковской обл.

²⁶⁴ Находилось возле села Волохов Яр.

²⁶⁵ Возможно, это с. Болдыревка Купянского р-на Харьковской обл.

²⁶⁶ Село в Шевченковском р-не Харьковской обл.

²⁶⁷ Село в Змиевском р-не Харьковской обл.

²⁶⁸ Село Мохнач в Змиевском р-не Харьковской обл.

²⁶⁹ Село в Харьковском р-не.

²⁷⁰ В настоящее время большая часть этой дороги входит в состав Харькова и называется проспект Гагарина.

²⁷¹ Данышева Наталья Николаевна (1908–1942) — хозяйка конспиративной квартиры. До войны работала техником на одном из харьковских заводов. В период оккупации отдала свою квартиру для работы подпольному обкому партии. В 1942 г. была арестована и казнена гестаповцами.

²⁷² Один из псевдонимов секретаря подпольного обкома партии И.И. Бакулина.

²⁷³ Здесь неточность. В Харькове было сформировано 4 подпольных райкомов партии — Основянский, Железнодорожный, Заводской и Нагорный. Члены двух последних райкомов также работали с И.И. Бакулиным. Возможно, с ними связались несколько позже.

²⁷⁴ Возможно, речь идет об Александре Ивановиче Мотылевском, который в годы оккупации погиб и о его деятельности ничего неизвестно, или же о Макаре Александровиче Пономаренко, которому из-за слежки со стороны оккупантов пришлось покинуть город (по приказу И.И. Бакулина).

²⁷⁵ Имеется в виду выступление И.В. Сталина в честь 24-й годовщины Октябрьской революции.

²⁷⁶ См. прим. 240.

²⁷⁷ Возможно имеется в виду Залютино — исторический район Харькова.

²⁷⁸ Такое объявление было напечатано в харьковской газете «Нова Україна» 18 декабря 1941 г., но уже 20 числа в ней было напечатано опровержение.

²⁷⁹ Город в Курской обл.

²⁸⁰ Районный центр Харьковской обл.

²⁸¹ Так в советской Украине называли украинских националистов.

²⁸² В годы войны районные центры Харьковской обл.

²⁸³ Сокращенное общепринятое в городе название станкостроительного завода. Построен в 1930-х гг. рядом с тракторным заводом.

²⁸⁴ Харьковский тракторный завод.

²⁸⁵ Имеется в виду Дробицкий Яр, место массового расстрела евреев, военнопленных и мирных жителей Харькова.

²⁸⁶ Жилье для строителей заводов, построенное в 1930-е гг.

²⁸⁷ Название поселка в Чугуевском р-не Харьковской обл. Появился в 1930-х гг. в связи с введением в эксплуатацию электростанции Эсхар — «Электростанция Харькова».

²⁸⁸ Исторический район Харькова — станция Основа. Такое название связано с расположенной здесь железнодорожной станцией.

²⁸⁹ В настоящее время — проспект Гагарина.

²⁹⁰ Дмитриевский мост расположен на реке Харьков. Назван так потому, что находится на одноименной улице.

²⁹¹ В настоящее время — центральный корпус Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

²⁹² Розенберг Альфред (1893–1946) — один из немецких военных преступников времен Второй мировой войны (1939–1945). В годы Великой Отечественной войны министр оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

²⁹³ Имеется в виду с. Терновая Чугуевского р-на.

²⁹⁴ Имеется в виду с. Зарожное Чугуевского р-на.

²⁹⁵ Возможно, это с. Шелудьковка Змиевского р-на.

²⁹⁶ Возможно, это с. Скрипай Змиевского р-на.

²⁹⁷ Возможно, с. Болдыревка Купянского р-на.

²⁹⁸ Возможно, хут. Грузинский Шевченковского р-на.

²⁹⁹ Село Купянского р-на.

³⁰⁰ Село в Чугуевском р-не.

³⁰¹ Село Борщевка Балаклеянского р-на.

³⁰² Сёл с таким названием в Харьковской обл. несколько. Предположительно, это находится в Чугуевском или Купянском р-не.

³⁰³ Село в Чугуевском р-не.

³⁰⁴ Село в Чугуевском р-не.

³⁰⁵ Село Волчанского р-на, в годы войны входило в состав Старосалтовского р-на.

³⁰⁶ Село Шевченковского р-на.

³⁰⁷ Село Худоярово Шевченковского р-на.

³⁰⁸ В годы войны входило в состав Старосалтовского р-на.

³⁰⁹ Возможно, имелся в виду другой населенный пункт, т. к. с. Чернещина есть в Боровском р-не, который в 1941 г. не был оккупирован гитлеровцами. Села с названием Чернещина есть в Краснокутском и Зачекиловском р-нах, оккупированных немцами во время пребывания Коротуна в области. Возможно он слышал о зверствах фашистов в каком-то из этих сел.

³¹⁰ Два села с названием Писаревка есть в Золочевском и Кегичевском р-нах Харьковской обл. Возможно, Коротун слышал о зверствах немцев в этих населенных пунктах.

³¹¹ Расположена на Холодной горе. Основана еще в конце XIX в. В годы оккупации здесь находился концлагерь для военнопленных.

³¹² В настоящее время Комсомольское шоссе.

³¹³ Село в Чугуевском р-не.

³¹⁴ Поездники — люди, которые пользовались для передвижения поездами.

³¹⁵ Имеется в виду Ростовская оборонительная операция, проходившая 5–16 ноября 1941 г.

³¹⁶ Профатилов Илья Иванович (1905–1975) — партийный деятель. Член КПСС с 1926 г. В 1939 — 1943 гг. — второй секретарь, 1943–1944 гг. — и. о. первого секретаря Харьковского обкома партии, в 1944–1951 гг. — первый секретарь Волынского обкома партии.

³¹⁷ Секретарь Железнодорожного райкома партии Антон Макарович Китаенко работал вместе с И. И. Бакулиным. Установить связь с оставленными членами райкома партии и их связными он не сумел.

³¹⁸ В Харьковской обл. несколько сел с таким названием. Возможно, речь идет о расположенном в Шевченковском р-не.

³¹⁹ Село находилось в составе Шевченковского р-на.

³²⁰ Город в Сумской обл.

³²¹ Райцентр Харьковской обл.

³²² Инженерно-технические работники.

³²³ Имеется ввиду редакция газеты «Нова Україна», которая по сути являлась печатным органом городской управы.

³²⁴ Редактор газеты «Нова Україна». Считается, что это псевдоним. Его настоящая фамилия пока не выяснена.

³²⁵ В настоящее время это ул. Скрыпника. Само здание сегодня не существует.

³²⁶ Истомин Александр Николаевич (1933–2005) — доктор геолого-минералогических наук, академик Академии горных наук (Москва, РФ).

Харьковский государственный университет. В годы советской власти носил имя А. М. Горького.

³²⁷ Пригород Харькова.

³²⁸ В Харьковском р-не есть два села — Русские Тишки и Черкасские Тишки, расположенные недалеко друг от друга, поэтому понять о каком именно населенном пункте идет речь, не представляется возможным.

³²⁹ Очевидно, имеется в виду с. Липцы Харьковского р-на.

³³⁰ Очевидно, имеется в виду с. Веселое Харьковского р-на.

³³¹ Село в Волчанском р-не Харьковской обл.

³³² В этом случае и далее беседу проводил А. Л. Сидоров, стенографировала А. И. Шамшина.

³³³ В 1930 г. выделен из состава политехнического института, а в 1949 г. вновь вошел в его состав.

³³⁴ Город в Свердловской обл.

³³⁵ «Еврей» (нем.).

³³⁶ Эти институты были выделены в 1930 г. из состава Харьковского политехнического института. В 1949 году машиностроительный, химико-технологический и электротехнический институты объединены в составе политехнического института, а строительный остался самостоятельным и в настоящее время называется Харьковским национальным университетом строительства и архитектуры.

³³⁷ Также выделился из состава Харьковского политехнического института в 1930 г. и в настоящее время называется Харьковским национальным аэрокосмическим университетом им. Н. Е. Жуковского «ХАИ».

³³⁸ Терещенко Александр Владимирович (1883–1946) — доктор технических наук, профессор (1930). Закончил Харьковский технологический институт, затем учился в Германии, в г. Аахене (1913), потом вернулся домой и 34 года проработал в политехническом, а после его ликвидации — в Харьковском машиностроительном институте, был заведующим кафедрой металлографии и термической обработки

металлов Харьковского механико-машиностроительного института. В первые месяцы оккупации принимал участие в реорганизации высших учебных заведений, был членом научного совета и директором политехнического института. Позже за нежелание являться в Гестапо и вывесить в кабинете портрет Гитлера А. В. Терещенко был уволен с должности. В период второй оккупации занимал должность заведующего библиотекой института.

³³⁹ Эта цифра вызывает сомнения.

³⁴⁰ До войны располагался по адресу пр. Ленина, 14.

³⁴¹ Современное название — ул. Плехановская.

³⁴² Кузнецов Мефодий Иванович (1879–1950) — химик, специалист в области кокса и утилизации химических продуктов коксования, профессор, действительный член АН УССР (1940), заведующий кафедрой технологии пирогенных процессов (1929–1941) Харьковского технологического института. Остался в оккупированном Харькове. Немцы уговорили его вместе с семьей эвакуироваться в Германию. После освобождения Берлина обратился в советское консульство с просьбой помочь вернуться домой. В октябре 1945 г. приехал в Харьков. Работал профессором кафедры пирогенных процессов.

³⁴³ После войны вошел в состав Харьковского политехнического института.

³⁴⁴ Основан в 1928 г. по предложению академика А. Ф. Иоффе. В 1932 г. здесь был расщеплен атом. Еще до войны в институте велась разработка атомного оружия. В советское время один из ведущих научно-исследовательских институтов оборонной промышленности.

³⁴⁵ Казакевич Павел Павлович (1898–?) — обер-бургомистр Харькова в марте-апреле 1943 г. До войны работал профессором физической химии Харьковского технологического института.

³⁴⁶ Калинин Михаил Иванович (1875–1946) — советский государственный, партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1944). Член КПСС с 1898 г. Участник революций 1905, 1917 гг. С 1919 г. председатель ВЦИК, с 1922 г. — председатель ВЦИК СССР, с 1938 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

³⁴⁷ Ошибка мемуариста. Она не была женой архитектора А. Н. Бекетова. Бекетова Александра Александровна (1876–1942) — мастер художественного перевода. Родилась в Москве. Во время фашистской оккупации прятала евреев. Арестована Гестапо 2 февраля 1942 г. Расстреляна в районе Лесопарка.

³⁴⁸ Бекетов умер 25 ноября 1941 г.

³⁴⁹ Бекетов Николай Николаевич (1827–1911) — основатель русской школы физико-химиков, академик Петербургской Академии наук (1886). Работал в Хар. университете и Хар. технологическом институте. Отец архитектора А. Н. Бекетова.

³⁵⁰ Пономарев Михаил Иванович (1882–1941) — доцент механико-машиностроительного института. 1.11.1941 г. в числе 15 человек расстрелян за поджог рынка в районе Журавлевки.

³⁵¹ Возле Харькова есть два села с таким названием — Большая Даниловка и Малая Даниловка. Большая Даниловка в 1968 году вошла в черту города, а Малая Даниловка — село Дергачевского района.

³⁵² Исторический район г. Харькова.

³⁵³ Исторический район г. Харькова.

³⁵⁴ В Харькове Сумского шоссе нет: улица Сумская переходит в Белгородское шоссе.

³⁵⁵ Исторический район г. Харькова.

³⁵⁶ Название улицы Сумской в 1919–1941 и 1943–1945 гг.

³⁵⁷ Исторический район г. Харькова.

³⁵⁸ Название улицы Университетской с 1922 по 1928 и с 1943 по 1945 гг.

³⁵⁹ В настоящее время ул. Гражданская.

³⁶⁰ В настоящее время ул. Короленко.

³⁶¹ Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) — русский химик, разносторонний ученый, педагог, профессор. В 1869 г. открыл периодический закон химических элементов.

³⁶² Имеется в виду Холокост харьковских евреев в декабре 1941 — январе 1942 гг.

³⁶³ Сегодня входит в состав Московского проспекта.

³⁶⁴ На сегодняшний день считается, что в Дробицком яру погибло 15 тыс. евреев.

³⁶⁵ Гундер Александр Иосифович (1886–1941) — ученый-химик, специалист в области электроанализа, контроля, и очистки воды, доктор хим. наук, профессор, в 1925–1941 гг. — зав. кафедрой неорганической и аналитической химии Харьковского политехнического института.

³⁶⁶ Пасечник Степан Яковлевич (1901–1967) — доктор технических наук (1950), профессор (1950), директор Харьковского химико-технологического института (1941–1950). Трудовую деятельность начал в 1913 г. В 1920 г. добровольно ушел в Красную Армию. В 1924 г. поступил на рабфак при Харьковском технологическом институте, в 1930 г. закончил химический факультет Хар. химико-технологического института. В течение 20 лет работал в институте. После восстановления политехнического института и вхождения в него ХХТИ переведен на работу в Ленинградский технологический институт целлюлозной и бумажной промышленности.

³⁶⁷ Один пуд равен 16,38 кг.

³⁶⁸ Очевидно, в тексте ошибка. Возможно речь идет о 30 гр.

³⁶⁹ Речь идет об обороне Сталинграда.

³⁷⁰ Дом специалистов расположен по проспекту Правды, 7. Построен в 1939 г. по проекту архитектора А. С. Лемыша для деятелей науки и культуры (поэтому имеет такое название).

³⁷¹ В настоящее время — Киевский район.

³⁷² Репин Илья Ефимович (1844–1930) — русский живописец, передвижник. Родился в Чугуеве на Харьковщине.

³⁷³ В тексте опечатка. Речь идет о портрете Любичкой и и фарфоре Миклашевского.

³⁷⁴ Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) — художник-маринист. Во время Крымской войны (1853–1856) эвакуировался в Харьков. Созданные здесь картины он подарил городу, — сейчас они выставлены в художественном музее.

³⁷⁵ Документ, удостоверяющий личность.

³⁷⁶ Город в Ростовской области.

³⁷⁷ Воронцова-Тилле Екатерина Карловна (1898–1942) — художник.

³⁷⁸ Основан в 1921 г. В настоящее время называется Харьковская государственная академия дизайна и искусств.

³⁷⁹ Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972) — украинский советский драматург, государственный деятель, академик АН СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1967), председатель Верховного Совета УССР (с 1959 г.). лауреат Государственных премий СССР (1941, 1942, 1943, 1949, 1951), Международной Ленинской премии (1960).

³⁸⁰ Управа была сформирована 26 октября 1941 г.

³⁸¹ Столяров Яков Степанович — до войны работал профессором Харьковско-го инженерно-строительного института.

³⁸² Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) — советский государственный, партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1907. Один из организаторов КП(б) Украины, в 1919–1920 — секретарь ЦК РКП(б), с 1926 — ЦК ВКП(б). С 1928 г. — генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1938 г. зам. председателя СНК СССР, председатель Комиссии советского контроля. Член ЦК партии с 1924 г., член Политбюро ЦК с 1930 г. Член ВЦИК, ЦИК СССР и его Президиума. Депутат Верховного Совета СССР с 1937 г. В Харькове жил по адресу ул. Дзержинского, 8, затем в доме № 17 (в годы Великой Отечественной войны взорван радиоминой 14 ноября 1941 г.).

³⁸³ Имеется в виду взрыв дома по ул. Дзержинского, 17 радиоминой по сигналу, посланному из Воронежа. Это произошло 14.11.1941 г., в результате чего погибли начальник Харьковского гарнизона генерал Г. фон Браун, 2 офицера и 13 солдат. Дом был построен для секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора, поэтому харьковчане его называли «Дом Косиора». После взрыва здание не восстанавливали. Долгое время на этом месте размещался сквер, а в 1990-х гг. построили гостиницу «Метрополь».

³⁸⁴ Имеется в виду генерал Г. фон Браун.

³⁸⁵ Имеется в виду штаб Харьковского военного округа, размещавшийся на пл. Руднева, 36. Это здание не сильно пострадало и после освобождения города было восстановлено. В настоящее время в нем находятся различные судебные органы г. Харькова.

³⁸⁶ За взрыв в «Доме Косиора» гитлеровцы казнили 50 первых попавшихся человек и еще 1000 человек взяли в заложники.

³⁸⁷ Попов Александр Иванович (1891–1958) — педагог, церковный деятель, литературовед. В 1915–1918 гг. — учитель гимназии в Харькове, с 1918 г. — доцент Харьковского университета, в 1925–1930 гг. — профессор Хар. института народного образования, 1926–1929 — директор Украинского научно-исследовательского института педагогики в Харькове. В годы оккупации руководил отделом образования гопруправы, а затем был зам. председателя «Просвиты». В 1943 г. принял сан священника. Перед освобождением города эмигрировал на Запад (сначала в Германию, а в 1950 г. — в США).

³⁸⁸ Ветухов Михаил Алексеевич (1902–1959) — биолог, генетик, общественно-политический деятель. Работал в вузах Харькова, Полтавы, Москвы. В годы гитлеровской оккупации — активный участник общественной жизни на Харьковщине, в 1941 — 1943 гг. возглавлял земельный отдел городской управы, в 1942–

1943 гг. — ректор Харьковского университета. С 1944 г. — в эмиграции (сначала в Германии, с 1949 г. — в США).

³⁸⁹ Ветухов Алексей Васильевич (1869–1942) — филолог, фольклорист, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Изучал народный фольклор и обычаи. Избирался в Харьковскую городскую думу. В годы революции и гражданской войны 1917–1921 гг. был сторонником Белого движения.

³⁹⁰ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) — литературовед и языковед, почетный член Петербургской академии наук (1907).

³⁹¹ Кононенко — в годы гитлеровской оккупации руководитель отдела труда Харьковской горуправы.

³⁹² Земельная управа организована в первые дни оккупации Харькова и сначала предполагалось, что это будет областная администрация, но очень скоро земельная управа была преобразована в отдел Харьковской городской управы. Несмотря на то, что это был отдел управы, он имел собственное помещение по ул. Революции (Губернаторской), 3. В земельной управе существовали отделы: агрономический, экономико-статистический, животноводства, технический, землеустройства, финансовый, персональный; плановая группа.

³⁹³ Политехнический (технологический) институт в Харькове существует с 1885 г. и являлся одним из ведущих вузов Украины и Советского Союза. За годы советской власти несколько раз реорганизовывался.

³⁹⁴ Дрыга Петр Петрович в годы гитлеровской оккупации заведовал отделом образования в городской управе, до войны преподавал математику в средней школе.

³⁹⁵ Немецкое военное управление Харькова с февраля 1942 г. В его ведении находились все организационные и социально-экономические проблемы регулирования жизни города. Без представителя штандорткомендатуры горуправа не могла решать никакие вопросы.

³⁹⁶ Никитский ботанический сад расположен в 7 км от Ялты в Крыму. Основан в 1812 г. ботаником Х. Х. Стевеном.

³⁹⁷ Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) — советский биолог и агроном, академик АН СССР (1939), АН УССР (1934), академик (1935) и президент (1938–1956, 1961–1962) ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда (1945). Его идеи о наследственности, изменчивости, видообразовании не получили экспериментального подтверждения.

³⁹⁸ Машинно-тракторная станция.

³⁹⁹ Михайловский Михаил Иосифович — коллега И. И. Бакулина по работе в сельхозинституте. Закончил Петроградский институт железнодорожного транспорта. В годы Гражданской войны воевал на стороне А. В. Колчака, а потом перешел на сторону большевиков. Стал членом партии, но позже был исключен за связь с родственниками-белоземляками. В сельхозинституте заведовал кафедрой математики. Считался хорошим математиком и оратором, но был слабовольным человеком. Оставлен в Харькове для помощи подпольщикам по предложению И. И. Бакулина. У него были оставлены продукты питания и ценности для подпольщиков. Когда в город вошли немцы, отказался помогать подпольщикам. Он не стал

регистрировать И. И. Бакулина по своему адресу, как это было договорено заранее и присвоил имущество подпольщиков. При немцах работал директором сельхозинститута и активно сотрудничал с украинскими националистами (их взгляды разделяла жена Михайловского). В 1943 г. ушел с отступающими немецкими войсками.

⁴⁰⁰ Гуревич А. Е. (1881–1941) — профессор медицины, расстрелян немцами.

⁴⁰¹ Имеется в виду брюшной тиф.

⁴⁰² Исторический район г. Харькова.

⁴⁰³ Пукалова Нина Ивановна (1891–?) — заведующая кабинетом математики Харьковского областного института усовершенствования учителей.

⁴⁰⁴ В 1929 г. на базе научно-исследовательских математических кафедр был создан Украинский институт математических наук, который через некоторое время стал называться Украинским научно-исследовательским институтом математики и механики, а с 1934 г. стал подразделением ХГУ.

⁴⁰⁵ В настоящее время — ул. Чигирина.

⁴⁰⁶ Возможно, имеется в виду площадь, т. к. улица и переулок Фейербаха расположены перпендикулярно улице Чигирина.

⁴⁰⁷ Коршиков Александр Аркадьевич (1889–1945) — биолог, доктор биол. наук, профессор. В 1915 г. окончил Харьковский университет. В 1926–34 гг. заведовал кафедрой ботаники, в 1935–1941 — кафедрой низших растений. С 1930 г. директор НИИ ботаники Харьковского ун-та. В годы войны не смог эвакуироваться, переехал в Полтав. область, где работал директором Зоотехникума. За связь с партизанами в 1943 г. был арестован. Погиб в концлагере «Большая Дора».

⁴⁰⁸ Исторический район Харькова, где в дореволюционное время проживало много евреев.

⁴⁰⁹ Платонов Иван Яковлевич до революции имел частную лечебницу для нервных и психически больных. Лечебница находилась на пл. Скобелевской (в настоящее время — пл. Руднева), 14. Здание сохранилось и сегодня. Старые харьковчане долгое время его называли «больница Платонова».

⁴¹⁰ Находилась в самом начале Змиевской ул. После войны разрушена.

⁴¹¹ Имеется в виду больница на Сабуровой даче.

⁴¹² Районный центр Харьковской обл.

⁴¹³ Фришман Михаил Михайлович (?–1941) — профессор-педиатр, заведующий детской клиникой медицинского института. Расстрелян в Дробницком яру.

⁴¹⁴ Гаусман Рахиль Самойловна (1885–1941 / 1942) — учитель музыки в школе № 1. Расстреляна фашистами в Дробницком Яру.

⁴¹⁵ В советское время школа № 1 носила имя В. И. Ленина.

⁴¹⁶ Т. е. в любви к евреям.

⁴¹⁷ Чудесной, прекрасной (укр.).

⁴¹⁸ Методический сектор.

⁴¹⁹ Народный комиссариат просвещения.

⁴²⁰ Холодняк И. Л. — учитель, активный член «Просвиты», референт отдела народного образования городской управы.

⁴²¹ Союз освобождения Украины, — инспирированная органами ГПУ УССР организация, которая якобы стремилась создать независимое Украинское государство. В эту организацию были включены украинские интеллигенты, среди

которых два академика (С. Ефремов и М. Слабченко), писатели, профессора, юристы, священнослужители, преподаватели вузов и школ. Многие из них в 1917–1920 гг. поддерживали Украинскую национально-демократическую революцию, входили в состав украинских правительств. Всего обвинили 45 чел. С 9 марта по 19 апреля 1930 г. в Харькове проходил открытый судебный процесс над членами СВУ. Дело рассматривал Особый состав Высшего суда УССР (председатель А. Приходько), утвержденный специальным постановлением ЦИК. Все обвиненные по этому делу получили разные сроки заключения. В 1937–1939 гг. 13 из 45 осужденных по делу СВУ были расстреляны.

⁴²² «Народного образования» (укр.).

⁴²³ Мищенко Михаил Никитич — врач невропатолог, зав. отделом здравоохранения в «Просвите» и зав. отделом социального обеспечения городской управы.

⁴²⁴ Назаренко Иван Дмитриевич (1908–1985) — доктор философских наук, профессор, государственный партийный деятель, лауреат Ленинской премии (1964). В 1933–1935 гг. учился на философском отделении Института Красной профессуры (Харьков). В 1935 году окончил Харьковский электротехнический институт. В 1936–1941 гг. — заведующий кафедрами в харьковских институтах. В 1941 году — комиссар дивизии народного ополчения (Харьков). В 1944–1945 гг. — секретарь Харьковского обкома КП(б) Украины по пропаганде и агитации. В 1945 г. переехал в Киев. В 1956–1974 гг. — директор Института истории партии при ЦК КП Украины.

⁴²⁵ Районный центр в Харьковской обл.

⁴²⁶ Рябченко — активный член «Просвиты» и созданного в то время «Союза украинских женщин».

⁴²⁷ По рассказам выпускников школы, в ней учились дети членов правительства, поэтому оснащение и преподавательский состав ее были образцовые.

⁴²⁸ В настоящее время — ул. Балашовская.

⁴²⁹ В настоящее время — ул. Революции.

⁴³⁰ В настоящее время — Московский район.

⁴³¹ Это не так. Всем руководила украинская националистическая организация «Общественный комитет» во главе с В. А. Доленко (юристом по образованию). Даже харьковский обер-бургомистр не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с ним (решения управы утверждал немецкий представитель обер-бургомистра). Известно, что поступить на работу в городскую управу или районный бургомистрат в Харькове без согласования с В. А. Доленко было невозможно. Но многие украинские националисты (среди которых были все члены «Общественного комитета») являлись членами «Просвиты», возможно, это и привело Н. И. Пукалову к таким выводам.

⁴³² Управу сформировала новая оккупационная власть, «Просвита» возродилась несколько позже.

⁴³³ Крамаренко был не директором института огнеупоров, а профессором Харьковского политехнического института.

⁴³⁴ Руководителем «Просвиты» был историк Василий Васильевич Дубровский (1897–1966). Родился в Чернигове. Окончил Нежинский историко-филологический ин-т кн. Безбородко. С 1919 г. работал в учебных заведениях и органах образования Чернигова и Харькова. Параллельно занимался научной деятельностью. В

1933 г. был репрессирован. Во время оккупации стал проректором Харьковского университета. В 1943 г. эмигрировал. Проживал в США.

⁴³⁵ Корниенко Дмитрий (Митрофан) Андреевич (1903-?) — доцент, кандидат химических наук. С 1930 года доцент кафедры органической химии, проректор по учебной части Харьковского университета (1937). Депутат городского совета. Работал в Харьковском университете с 1921 г.

⁴³⁶ Украинский физико-технический институт, в настоящее время называется Харьковский физико-технический институт. Один из ведущих научно-исследовательских институтов оборонной промышленности.

⁴³⁷ В настоящее время — Украинский государственный углехимический научно-исследовательский институт.

⁴³⁸ В настоящее время — ул. Университетская.

⁴³⁹ Исторический район Харькова.

⁴⁴⁰ В начале оккупации была создана специальная комиссия по ревизии библиотек с целью изъятия марксистско-ленинской и другой нежелательной литературы. В комиссию входили некоторые харьковские интеллигенты, среди которых была и дочь историка Д. И. Багалея — Ольга Дмитриевна. Но в связи с голодом зимой 1941–1942 гг. комиссия активной работы не проводила, а позже и вообще прекратила свое существование.

⁴⁴¹ Эфрос Александр Михайлович (1907–1941) — доктор физико-математических наук, профессор. Расстрелян в Дзержинском Яру.

⁴⁴² Данилевский Александр Михайлович (1906–1941 / 1942) — доцент кафедры математики университета. Умер от обострения болезни почек.

⁴⁴³ Рябоконь Фома (1897–1963) — математик. В 1928–1943 гг. — доцент, профессор Харьковского университета. В 1943 г. эмигрировал в Германию, позже переехал в США, работал в Миннесотском университете на авиационном факультете.

⁴⁴⁴ Возможно, речь идет о Нагибине Ипполите Николаевиче (1883-?) — старшем преподавателе кафедры классической филологии университета.

⁴⁴⁵ Дыбский В. А. (1866–1942) — профессор химического факультета Хар. университета. Зимой 1942 г. вместе с другими харьковскими учеными отправлен в г. Полтаву для «улучшения материального положения». От переживаний сошел с ума.

⁴⁴⁶ Там находится железнодорожная станция.

⁴⁴⁷ Районный центр Харьковской обл.

⁴⁴⁸ Город в Якутии.

⁴⁴⁹ См. прим. 240.

⁴⁵⁰ В настоящее время не существует.

⁴⁵¹ Имеется в виду пассажирский железнодорожный вокзал Южной железной дороги.

⁴⁵² С 1968 г. входит в черту Харькова.

⁴⁵³ Возможно, речь идет о подрыве крупного немецкого склада боеприпасов в Безлюдовском лесу в июне 1942 г. Это совершили бойцы партизанского отряда под руководством командира А. П. Камышана. Воспользовавшись ночной темнотой, смельчаки подползли к складу с большим запасом взрывчатки и затем, укрывшись в овраге, с помощью длинного провода взорвали её. Сильнейший взрыв потряс окрестности, а когда рвущиеся и визжащие вокруг снаряды и мины

привели в панику всю охрану склада, произошел оглушительный взрыв вагона тола.

⁴⁵⁴ Имеется в виду Харьковский академический русский драматический театр им. А. С. Пушкина.

⁴⁵⁵ Исторический район Харькова, его древнейшая часть.

⁴⁵⁶ В настоящее время — город в Белгородской области (РФ).

⁴⁵⁷ Сушкевич Антон Казимирович (1889–1961) — математик, доктор физико-математических наук (1926), профессор (1933). Учился в Берлине. Педагогическую деятельность начал в Харькове в 1916 г. Сначала работал в средних школах, а с 1918 г. — в Харьковском университете.

⁴⁵⁸ В книге также встречается под фамилией Пищемуха.

⁴⁵⁹ Воробьев Семен Иосифович (1886–1942) — профессор сельскохозяйственного института. Арестован фашистами в январе 1942 г. по доносу. Погиб в гестаповских застенках.

⁴⁶⁰ Крамаренко А.И. не был «выделен украинскими националистическими кругами», более того, они выступали против его назначения. Украинские националисты добились снятия Крамаренко с должности обер-бургомистра в апреле 1942 г.

⁴⁶¹ Вероятно, имеется в виду немецкое слово *Agromieschule* (аграрная школа).

⁴⁶² Исторический район Харькова.

⁴⁶³ Имеются в виду молодые люди, окончившие среднюю школу (десятилетку).

⁴⁶⁴ Город в Донецкой обл.

⁴⁶⁵ Исторический район Харькова, находится недалеко от вокзала Южной железной дороги.

⁴⁶⁶ Егоров Михаил Андреевич (1879–1942) — профессор сельскохозяйственного института.

⁴⁶⁷ Келлер Мария Петровна (1902–1942) — лаборантка сельскохозяйственного института.

⁴⁶⁸ Общественных, общинных (укр.).

⁴⁶⁹ Вероятно, это Викадо. См. прим. 201.

⁴⁷⁰ Это здание и сегодня принадлежит Харьковской национальной академии городского хозяйства (институту коммунального хозяйства).

⁴⁷¹ То есть борцов за независимость (самостийність) Украины.

⁴⁷² Доленко Владимир Андреевич (1889–1971) — юрист, общественный, политический и церковный деятель Харькова, с 1944 г. — в эмиграции. Родился в слободе Мечебилово Изюмского уезда Харьковской губернии. Закончил юридический факультет Харьковского университета, в 1920-е гг. — Харьковский институт народного хозяйства. Еще до революции присоединился к украинскому общественному движению. В годы революции 1917–1920 гг. принимал участие в национальном движении: делегат Украинского Национального конгресса в Киеве в апреле 1917 г., с октября 1917 г. — член Центральной Рады; член Украинского национального комитета в Харькове, председатель политкомиссии Слобожанской Рады, организатор Украинской радикально-демократической партии,

председатель Слобожанской краевой рады Украинской автокефальной православной церкви. После установления в Украине советской власти принимал активное участие в развитии кооперативного движения на Харьковщине, был членом коллегии адвокатов. В 1926 г. В. А. Доленко был арестован и обвинен в создании правой антисоветской националистической организации — Украинской мужицкой [крестьянской] партии. По постановлению Особого совещания при Коллегии ГПУ УССР осужден до 3-х лет пребывания в Суздальском политизоляторе. Всего В. А. Доленко находился 7 лет в Соловецком лагере и в Забайкалье, а также 8 лет вынужден был проживать в Ленинграде. В Харькове вернулся накануне немецкой оккупации и жил нелегально по адресу ул. Ветеринарная, 33. В 1941–1943 гг. стал фактическим руководителем так называемой «организованной украинской общественности» города. В 1943 г. эмигрировал в Германию. В послевоенный период продолжал активную политическую деятельность.

⁴⁷³ «Правозащитником» (укр.).

⁴⁷⁴ Имеются в виду поселения, созданные во время проведения столыпинской аграрной реформы (1906–1911 гг.).

⁴⁷⁵ «А что, Емеля...» (укр.).

⁴⁷⁶ Книжная палата УССР — научно-библиографическое и информационное учреждение. Основано в 1922 г. в Харькове. Получает и сохраняет один обязательный экземпляр всех произведений печати, изданных в Украине. В 1990–1991 гг. переведена в Киев.

⁴⁷⁷ См. прим. 324.

⁴⁷⁸ Имеется в виду правописание украинского языка в 1927–1933 гг., принятое на Всеукраинской конференции правописания, которой руководил нарком образования Н. А. Скрыпник. Это правописание называют «харьковским» (т. к. город был столицей УССР) или «скрыпниковским» (по фамилии наркома). В 1933 г. было отменено как «националистическое». В настоящее время используется представителями украинской диаспоры.

⁴⁷⁹ Скрыпник Николай Александрович (1872–1933) — советский государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1897 г. Участник революций 1905 и 1917 гг. В 1917 г. был направлен в Украину для установления Советской власти. В разное время возглавлял Совнарком и ряд наркоматов. С 1927 г. член ЦК ВКП(б), член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР. Будучи наркомом образования, активно поддерживал украинизацию. Покончил жизнь самоубийством.

⁴⁸⁰ Румницкая Мария Ивановна (Чепига; 1876–1950?) — библиотекарь. Работала в государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко с 1895 г. В советское время занимала должности заместителя директора, главного и старшего библиотекаря. В годы немецкой оккупации исполняла обязанности директора.

⁴⁸¹ Сегодня не существует.

⁴⁸² Имеется в виду оперативный штаб рейхслайтера Розенберга, занимавший-ся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

⁴⁸³ Социально-экономическую [литературу].

⁴⁸⁴ Коммунистический институт журналистики.

⁴⁸⁵ Комплекс студенческих общежитий Хар. политехнического института на ул. Пушкинской.

⁴⁸⁶ Советских торговых служащих.

⁴⁸⁷ Карательный орган, в состав которого входили немецкие полицейские части и подразделения по регулированию движения. Немецкие полицейские части состояли из специальных групп полевой жандармерии и тайной полевой полиции, команды полиции безопасности и СД, а также жандармерии и шутцполиции, которые подчинялись начальнику полиции Харькова.

⁴⁸⁸ Немецкий орган власти, в обязанности которого входило поддержка спокойствия в городе, создание квартирного фонда для немецких солдат и офицеров, забота о социально-культурном досуге оккупантов (солдатский дом, кино, театры, бани и т. п.), ввод в действие предприятий с целью обеспечения немецких нужд, поддержка в надлежащем состоянии дорог, создание и охрана концлагерей, противовоздушная и противопожарная безопасность. Фельдкомендатуре подчинялись три орсткомендатуры, которые выполняли те же функции в районах города.

⁴⁸⁹ Гимназия № 3 была основана в 1864 г. из параллельного отделения при 1-й гимназии. В 1869 г. переведена на ул. Мало-Сумскую (в настоящее время — ул. Голяя). Закрыта в 1919 г.

⁴⁹⁰ Харьковский университет — один из старейших университетов Украины. Основан в 1804 г. по указу имп. Александра I.

⁴⁹¹ Находится в Германии, основан в 1751 г.

⁴⁹² Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта.

⁴⁹³ Сокращение от Феликс Эдмундович Дзержинский.

⁴⁹⁴ См. прим. 405.

⁴⁹⁵ Данилевский Василий Яковлевич (1852–1939) — физиолог, академик АН УССР (1926), заслуженный профессор УССР. По его докладам возник Школьно-педагогический комитет Общества грамотности, Комитет сельских библиотек. 1875 г. — действительный член Харьковского медицинского общества, 1891–1893 гг. — товарищ председателя, с 1900 г. — его почетный член. В 1927 г. организовал Органотерапевтический институт в Харькове.

⁴⁹⁶ Газеты, выходившие в оккупированном гитлеровцами Харькове. «Нова Україна» — печатный орган Городской управы.

⁴⁹⁷ См. прим. 57.

⁴⁹⁸ Улица напротив Харьковского железнодорожного вокзала ЮЖД.

⁴⁹⁹ Сеник Владимир Федорович (1891–?) — украинский общественный деятель, в годы немецкой оккупации Харькова заместитель обер-бургомистра. По специальности — юрист и экономист. В годы революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. был сторонником украинской государственности. В Харьков переехал в 1925 г., работал в кооперативных учреждениях. В 1938 г. был арестован по обвинению в подрывной деятельности и приговорен к трем годам исправительно-трудовых работ. Вернулся в Харьков в 1941 г. Во время оккупации сотрудничал с немцами.

⁵⁰⁰ Имеется в виду район ул. Плехановской, недалеко от завода им. В. А. Малышева.

⁵⁰¹ Епифанов Федор Филиппович (1883–1942) — профессор химии университета.

⁵⁰² Основной белок молока.

⁵⁰³ Имеется в виду освобождение Харькова от немцев с 16 февраля по 15 марта 1943 г.

⁵⁰⁴ Имеется в виду Харьковская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко.

⁵⁰⁵ Речь идет о писателе Г. Ф. Квитке-Основьяненко.

⁵⁰⁶ Образования (укр.).

⁵⁰⁷ В настоящее время — ул. Гуданова. Здание находится на территории Национального технического университета «Харьковский политехнический институт».

⁵⁰⁸ Основан в 1928 г.

⁵⁰⁹ Основана в 1922 г.

⁵¹⁰ То есть люди, живущие в пригороде.

⁵¹¹ Социально-экономическая литература.

⁵¹² Мерейнес Г. Д. (1881–1941) — доцент университета. Расстрелян в Дробичком Яре.

⁵¹³ Село недалеко от Харькова.

⁵¹⁴ Средняя часть Московского проспекта, завод находился относительно недалеко от Конного базара, в настоящее время не существует.

⁵¹⁵ В настоящее время — село Шестаково Волчанского р-на. Переименовано в 1968 г. в честь Героя Советского Союза Шестакова Михаила Денисовича (1907–1942) — командира танкового батальона 36-й танковой бригады 38-й армии Юго-Западного фронта, который отличился в бою за г. Харьков 12 мая 1942 г. Его батальон с ходу форсировал р. Бабка, захватил 2 узла сопротивления у с. Непокрытое (Волчанский р-н), взял много пленных. При отражении контратаки противника огнем из танка Шестаков уничтожил 4 орудия с расчетами. Погиб в этом бою.

⁵¹⁶ Вероятнее всего имеется в виду Балашовский железнодорожный вокзал.

⁵¹⁷ Исторический район Харькова.

⁵¹⁸ «Участкам» (укр.).

⁵¹⁹ В настоящее время — улица Петровского.

⁵²⁰ В октябре 1941 г. в Харькове были оставлены подпольные обком и 4 райком партии, горком не формировался.

⁵²¹ Накануне оккупации Харькова обком партии уменьшил количество районов до четырех, соединив по два района. Кагановичский был объединен с Дзержинским в Нагорный район. Был создан подпольный райком партии и три парторганизации. Также были подобраны связные и сеть хозяев явочных квартир. В состав райкома вошли секретарь, запасной секретарь и 2 члена, в первичных организациях было по 3 человека. За райкомом были закреплены 8 связных. Таким образом, на подпольной работе остался 21 человек (количество хозяев явочных квартир не установлено).

⁵²² Белоусова Антонина Кузьминична (1889–1963) — секретарь подпольной парторганизации поликлиники № 4. Член РКП(б) с 1918 г. До войны работала на ипподроме, после войны была председателем Харьковского обкома МОПРа (Международная организация помощи борцам революции).

⁵²³ Невский Сергей Иванович — член подпольного райкома партии, в 1942 г. был арестован немцами, дальнейшая судьба его неизвестна.

⁵²⁴ Возможно речь идет о Селезнев Иване Романовиче. В архивных документах о создании подпольных организаций он не упоминается. По утверждению брата, погиб в марте 1943 г.

⁵²⁵ Гаркуша Илья Федосеевич (1892–1965) — в годы гитлеровской оккупации 1941–1943 гг. член Харьковского подпольного обкома партии, секретарь Заводского подпольного райкома партии. Участник революций 1905 и 1917 гг., Первой мировой и Гражданской войн. Накануне Великой Отечественной войны работал на Харьковском электромеханическом заводе. На период оккупации оставлен основным секретарем Заводского РК КП(б)У. Вошел в состав подпольного обкома партии и выполнял поручения секретаря подпольного обкома КП(б)У И. И. Бакулина. После войны работал на заводе «Тракторзапчасть».

⁵²⁶ Это письмо было адресовано И. Ф. Гаркуше, жена которого проводывала И. И. Бакулина, когда он находился в тюрьме и тюремной больнице. В этом письме Бакулин указал фамилии подпольщиков, которые оказались в гестаповских застенках и погибли. Также он обвинил в разгроме организации комиссара НКВД УССР Н. И. Игнатьева, который написал списки подпольщиков (а те попали в руки гестаповцев) и Михайловского, присвоившего оставленные обкомом партии ценности и продукты питания.

⁵²⁷ Бакулина Клавдия Ивановна.

⁵²⁸ Исторические районы Харькова.

⁵²⁹ Имеется в виду Белоусова Антонина Кузьминична.

⁵³⁰ Баранник Василий Ксенофонтович (1884–?) — оставлен связным секретаря подпольной парторганизации А. К. Белоусовой. До войны работал мебельщиком в гостинице «Красная». Оказавшись на оккупированной территории, от борьбы отказался. После войны переехал в с. Огуевка Полтавской обл. Связным с ним в оккупированном Харькове был оставлен В. А. Гололобов. Очевидно, что в тексте упомянут именно он.

⁵³¹ Рудченко Георгий Игнатьевич (1906–?) — командир партизанского отряда № 2, сформированного из рабочих, служащих, студентов Кагановичского района и отправленного в июле 1941 г. на оборону Киева. Член ВКП(б). До войны работал заводчиком водоснабжения и канализации Украинского отделения научно-исследовательского института «Водгео». В 1944 г. осужден на 8 лет содержания в исправительно-трудовых лагерях и на три года «поражения в правах» после отбытия наказания. После отбывания срока жил в Харькове, работал в НИИ «Водгео».

⁵³² Франков Николай Яковлевич (1911–?) — командир партизанско-подпольной группы Харькова, член ВКП(б) с 1938 г., до и после войны работал преподавателем и начальником учебно-производственных мастерских Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта.

⁵³³ По архивным документам Шеркунов Михаил Александрович — член партизанско-подпольной группы Харькова, руководимой Н. Я. Франковым и А. К. Белоусовой. Член ВКП(б). В начале Великой Отечественной войны в составе партизанского отряда был направлен в Киевскую обл. После разгрома отряда вернулся

в Харьков. После войны работал ст. инспектором отдела руководящих кадров Управления Южных железных дорог.

⁵³⁴ Предположительно это Ключко Михаил Николаевич — член партизанско-подпольной организации г. Харькова, руководимой Н.Я. Франковым и А.К. Белоусовой. Член ВКП(б). В начале Великой Отечественной войны в составе партизанского отряда выехал в Киевскую обл. После разгрома отряда вернулся в Харьков. После войны работал начальником технического отдела при Паровозном депо ст. Ташкент (Узбекистан).

⁵³⁵ Пригород Харькова.

⁵³⁶ Районный центр Харьковской обл.

⁵³⁷ Красный Луч — кооперативный дом по пр. Сталина, 191 (ныне — пр. Московский), построенный для сотрудников ХЭМЗа в 1923 г. по проекту архитектора Г.Г. Вегмана.

⁵³⁸ В настоящее время — город Самара.

⁵³⁹ Щербак Иван Семенович (1887-?) — хозяин явочной квартиры партизанско-подпольной организации, руководимой Н.Я. Франковым и А.К. Белоусовой. Ему активно помогали дочери Сусанна и Алла.

⁵⁴⁰ В настоящее время — ул. Краснооктябрьская.

⁵⁴¹ Исторический район г. Харькова.

⁵⁴² Город в Воронежской области.

⁵⁴³ Неправильное название г. Острогожска, который находится в Воронежской обл.

⁵⁴⁴ «Это» (укр.).

⁵⁴⁵ Районный центр в Сумской обл.

⁵⁴⁶ Находится в Белопольском р-не Сумской обл.

⁵⁴⁷ Харьковский электромеханический завод.

⁵⁴⁸ В то время село возле Харькова, в 1968 г. вошло в черту города.

⁵⁴⁹ Жилищная управа — подобие жилищно-эксплуатационной конторы.

⁵⁵⁰ Часть проспекта Сталина, которая до революции называлась ул. Московской. Проспект Сталина был образован в 1936 г. из следовавших друг за другом (по одной линии) улиц: Московская, Старо-Московская, Корсиковская и Чугуевского шоссе. В 1961 г. проспект был переименован в Московский.

⁵⁵¹ Город в Волгоградской обл.

⁵⁵² В настоящее время — Луганск.

⁵⁵³ Находится в Луганской обл.

⁵⁵⁴ Находится в Донецкой обл.

⁵⁵⁵ Находится в Балаклейском р-не Харьковской обл.

⁵⁵⁶ Село на окраине Харькова, в 1968 г. вошло в черту города.

⁵⁵⁷ Имеется в виду Хар. электротехнический институт, вошедший после войны в состав ХПИ.

⁵⁵⁸ Созданы в 1930 г. на базе отдельных факультетов Хар. технологического института. В 1949 г. снова вошли в состав восстановленного Хар. политехнического института.

⁵⁵⁹ Имеется в виду руководитель Земской управой М. А. Ветухов.

⁵⁶⁰ Основан в 1923 г., находился по адресу, ул. Ветеринарная, 4а.

⁵⁶¹ Селиванов Александр Игнатьевич (1904–1997) — государственный советский деятель. Член ВКП(б) с 1926 г. В 1936 г. окончил Московский энергетический институт. Сначала работал на Харьковском электромеханическом заводе, потом был переведен заведующим отделом в Харьковский обком КП(б)У. В 1940–1941 гг. — председатель Харьковского горисполкома. Со времени оккупации города находился в кадровом резерве Харьковского обкома КП(б)У, а в 1942–1943 гг. работал инструктором Управления кадров ЦК ВКП(б). С марта 1943 г. по 1948 г. снова возглавлял Харьковский горисполком. В 1948 г. был назначен на должность министра коммунального хозяйства УССР.

⁵⁶² Имеется в виду жить впроголодь.

⁵⁶³ Булдовский Феофил (Теофил) Иванович (1865–1944) — митрополит Украинской автокефальной православной церкви в годы войны. В 1886 г. окончил Полтавскую духовную семинарию, с 1887 г. священник Николаевской церкви с. Маячки Полтавской губ. Активный деятель обновленческого раскола. В 1923 г. управлял Полтавской епархией. В 1925 г. инициировал Собор епископов — Центральный орган управления обновленческой церковью на Украине (с центром в Харькове). В 1929 г. провозглашен «митрополитом всея Украины». В 1937 г. служил епископом на Луганщине. В 1940 г. переехал в Харьков, проживал как частное лицо. В 1941 г. вернулся к активной церковной деятельности, сотрудничал с оккупационными властями. После освобождения Харькова принес покаяние. Был арестован, умер в тюрьме УНКГБ.

⁵⁶⁴ Город в Полтавской обл.

⁵⁶⁵ Изображения с помощью «волшебного фонаря» (аппарата для проекцирования на стену изображений).

⁵⁶⁶ Институт народного образования.

⁵⁶⁷ «Матери» (род. падеж, укр.).

⁵⁶⁸ То есть сбежал.

⁵⁶⁹ «Родным» (укр.).

⁵⁷⁰ Город недалеко от Харькова.

⁵⁷¹ Районный центр в Харьковской обл.

⁵⁷² «Если бы он был таким...» (укр.).

⁵⁷³ Возможно, село в Харьковском районе. Село с таким названием есть в современной Белгородской обл. (тогда Курской), недалеко от границ Харьковской обл.

⁵⁷⁴ Существовала в Харькове до революции. Создана в 1817 г. в результате реформы церковно-учебных заведений (сохраняла название «коллегиум» до 1841 г.) Закрыта после установления советской власти.

⁵⁷⁵ «А что у вас есть?» (укр.).

⁵⁷⁶ «А где он?» (укр.).

⁵⁷⁷ «Ищем-ищем» (укр.).

⁵⁷⁸ «Гапка, ты нам сварила?» (укр.).

⁵⁷⁹ «Разве вы не знаете! Мы же не знали, что Васюта комедиант, он же в цирке выступал. Нам таких не нужно.» (укр.).

⁵⁸⁰ «Что-то очень умный человек» (укр.).

⁵⁸¹ Ускоритель для расщепления ядра атома.

⁵⁸² Лейпунский Александр Ильич (1903–1972) — физик, академик АН УССР, Герой Социалистического Труда (1963). С 1929 по 1941 работал в Харьковском физико-техническом институте (с 1932 по 1937 г. — его директор).

⁵⁸³ Синельников Кирилл Дмитриевич (1901 — 1966) — выдающийся физик-ядерщик, академик АН УССР, заслуженный деятель науки и техники УССР.

⁵⁸⁴ Вальтер Антон Карлович (1905–1965) — физик, академик АН УССР (1951), сотрудник Физико-технического института.

⁵⁸⁵ В настоящее время — город Екатеринбург.

⁵⁸⁶ Хоутерманс Фридрих Георг (Фриц Оттович; 1903–1966) — физик; специалист в области ядерной физики, физике высоких энергии, ядерной геологии. В 1935–1937 гг. работал в ядерной лаборатории УФТИ. В 1938 г. арестован органами НКВД и обвинен в шпионаже в пользу Германии. 2.05.1940 г. по постановлению Особого совещания НКВД выдан в Брест-Литовске Гестапо. Содержался в берлинской тюрьме. 16 июня освобожден по ходатайству немецких ученых, в 1940–45 работал в Научно-исследовательской лаборатории в Шарлоттенбурге. В 1945–1952 — в Геттингенском университете, с 1952 — профессор Бернского университета и директор Центра физических исследований при университете (Швейцария).

⁵⁸⁷ Немецкий директор УФТИ в период гитлеровской оккупации.

⁵⁸⁸ Город в Днепропетровской области.

⁵⁸⁹ Городского организационного отдела.

⁵⁹⁰ «Продовольствия, питания» (укр.).

⁵⁹¹ Т. е. статья на учет.

⁵⁹² «Ивановский работник» (укр.).

⁵⁹³ «Кооперативный путь» (укр.).

⁵⁹⁴ Город в Донецкой обл., в котором добывают соль.

⁵⁹⁵ Улица Сумская.

⁵⁹⁶ Город в Полтавской обл.

⁵⁹⁷ В настоящее время — площадь Конституции.

⁵⁹⁸ В настоящее время — улица Краснооктябрьская.

⁵⁹⁹ Харьковский медицинский институт был создан в 1920 году в результате объединения медицинского факультета Харьковского университета с Женским медицинским институтом (последний был создан в 1910 г.). В 1930/1931 учебному году мединститут состоял из трех факультетов: лечебно-профилактического, санитарно-гигиенического и ОХМАДЕТа (Охраны материнства и детства). В 1932/1933 учебном году два факультета — санитарно-гигиенический и психоневрологический — выделились в самостоятельные институты. В 1932 г. на базе ХМИ и 2-й Совбольницы был создан новый вуз — Харьковский медицинский производственный институт. В 1936 г. психоневрологический факультет мединститута и медицинский производственный институт объединились во 2-й медицинский институт. Таким образом, в Харькове до 1944 г. существовало два медицинских института.

⁶⁰⁰ Первоначальное название Краснограда, но и сегодня недалеко от города есть железнодорожная станция Константиноград.

⁶⁰¹ В районе бывшей Сабуровой дачи находится больница для больных, страдающих нервными и психическими расстройствами. См. также прим. 947.

⁶⁰² Бер Лев Соломонович (?–1941) — профессор-хирург. Чтобы не терпеть издевательств со стороны фашистов покончил жизнь самоубийством в бараках станкостроительного завода, куда пришел по приказу оккупантов в декабре 1941 г.

⁶⁰³ «Барышни, девушки» (польск.).

⁶⁰⁴ В настоящее время — часть Московского проспекта.

⁶⁰⁵ Вероятно имеется в виду немецкое слово *Strau* (застой, затор).

⁶⁰⁶ Правильно Куряж — пригород г. Харькова.

⁶⁰⁷ «Свеклы» (укр.).

⁶⁰⁸ Евреев сгоняли в бараки тракторного и станкостроительного заводов. Возможно, отсюда и такое название.

⁶⁰⁹ Возможно, здесь говорится о Дробицком Яре, находящемся на окраине Харькова, месте массового уничтожения евреев и военнопленных в годы оккупации.

⁶¹⁰ По оценкам современных исследователей, изучающих геноцид еврейского народа, эта цифра составляет 12–15 тыс. человек.

⁶¹¹ В Харьковской области есть 6 деревень с названием Павловка. Также — исторический район города.

⁶¹² Менка — от глагола «менять». Так харьковчане называли свои походы на село с целью обмена вещи на продукты питания.

⁶¹³ Меняльщик — человек, совершающий обмен вещей на продукты питания.

⁶¹⁴ Татаринов Владимир Николаевич (1921–1945) — врач. В 1941 г. эвакуировался из Харькова в г. Фрунзе (Киргизия) вместе с мединститутом, где он тогда учился. Мечтал стать писателем, но рукописи его произведений затерялись на военных дорогах. Сохранилось несколько стихов, высланных из эвакуации или с фронта родным в Харьков. Погиб в Польше при бомбежке госпиталя, в котором он служил.

⁶¹⁵ Синицын Игнатий Павлович (1901–?) — в годы гитлеровской оккупации 1941–1943 гг. член Харьковского подпольного обкома партии. Член ВКП(б) с 1929 г. Родился в с. Анненково Фатежского р-на Курской обл. в крестьянской семье. В 1904 г. семья переехала в Харьков. Трудовую деятельность начал в 1913 г. учеником в слесарной мастерской Харькова. В 1918–1919 гг. жил в с. Анненково. 1920–1923 гг. — служил в Красной Армии, воевал с белополяками. После службы вернулся в родное село. В 1925 г. переехал в Харьков, где работал на разных предприятиях города. В 1941 г. был начальником цеха завода «Котлодизель». Накануне оккупации оставлен запасным секретарем Нагорного подпольного райкома партии. В декабре 1941 г. установил связь с первым секретарем подпольного обкома партии И.И. Бакулиным. Они несколько раз встречались. Синицын исполнял поручения И.И. Бакулина. Но вскоре Синицын был предан знакомым по работе на мыловаренном заводе и выехал из Харькова. В апреленоябре 1942 г. жил в с. Анненково, потом вернулся в Харьков. В марте 1943 г., когда Харьков грозила вторая оккупация немцами, эвакуировался в г. Алатырь (Чувашия). В 1944 г. вернулся в Харьков.

⁶¹⁶ Смирнов Алексей Иванович (1901–?) — в годы войны секретарь Харьковского горкома КП(б)У. Член партии с 1925 г. Персональный пенсионер союзного значения.

⁶¹⁷ Связной Синицына И. П. После захвата города немцами на связь не вышел.

⁶¹⁸ По официальным документам — Семенцов, связной Синицына И. П.

⁶¹⁹ Имеется в виду секретарь подпольного обкома партии И. И. Бакулин.

⁶²⁰ Барановская Евгения Сельвестровна (1908–1942) — связная И. И. Бакулина. Член ВКП(б), до Великой Отечественной войны работала на заводе «Свет Шахтера». Погибла в застенках Гестапо.

⁶²¹ Понедельников Ермолай Данилович — связной И. П. Синицына.

⁶²² Подпольный райком партии, в который входили Дзержинский и Кагановичский административные районы.

⁶²³ Имеется в виду Н. Н. Даньшева, связная И. И. Бакулина.

⁶²⁴ Административный район Харькова.

⁶²⁵ Имеется в виду Дубенко Михаил Филиппович (1903–1942) — запасной секретарь Заводского подпольного райкома партии (подпольный псевдоним «Кица»). С 1921 г. член РКП(б). Секретарь парторганизации инструментального цеха Харьковского электромеханического завода. Его квартира стала явочной, куда часто приходили многие подпольщики. Во время оккупации работал вместе с секретарем подпольного обкома партии И. И. Бакулиным. В мае 1942 г. арестован и казнен Гестапо.

⁶²⁶ Исторический район Харькова.

⁶²⁷ Узнав о том, что харьковские подпольщики остались без средств к существованию, ЦК КП(б)У принял решение о доставке им продуктов питания самолетом. За грузом были посланы Н. Н. Даньшева (связная И. И. Бакулина), П. А. Омельченко (хозяйка явочной квартиры А. М. Китаенко), Неля Дубенко (дочь подпольщика М. Ф. Дубенко) и радистка Лида. По некоторым сведениям, у женщин было письмо связного ЦК Николая Михайловича Игнатъева для передачи с летчиком в ЦК КП(б)У, где были записаны участники организации. Женщины были арестованы полицией. Они не выдержали пыток и стали давать показания. В мае были арестованы секретарь обкома И. И. Бакулин и связные ЦК КП(б)У Н. И. Игнатъев и А. П. Коротун. Связные были расстреляны, а И. И. Бакулин после пыток попал в больницу. Оставшиеся на свободе подпольщики делали все возможное, чтобы его освободить, но из-за побоев Бакулин скончался в сентябре 1942 г. Среди казненных подпольщиков был М. Ф. Дубенко. Его жена и дочери в 1943 г. эмигрировали на Запад.

⁶²⁸ Основан до начала первой пятилетки. Назывался «Трудовой химик». К 1934 г. предприятие преобразовано в парфюмерно-косметическую фабрику № 2 «ТЭЖЭ». В настоящее время — Харьковская парфюмерно-косметическая фабрика «Эффект».

⁶²⁹ В настоящее время — ул. Куйбышева.

⁶³⁰ Епишев Алексей Алексеевич (1908–1985) — генерал армии (1962), Герой Советского Союза (1978). С 1929 г. работал инструктором райкома партии. В Советской Армии с 1930 г. В 1931 г. окончил курсы комсостава, в 1938 — Военную академию механизации и моторизации. В июне 1938 г. был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б), оставаясь в кадрах Вооруженных Сил СССР, работал парторгом ЦК на заводе им. Коминтерна (сегодня — завод им. В. А. Малышева) в Харькове. С марта 1940 г. — первый секретарь Харьковских обкома и горкома партии. В годы войны

был комиссаром Харьковского корпуса народного ополчения, в 1942–1943 гг. работал ответственным организатором ЦК ВКП(б) на Урале, был первым секретарем Нижнетагильского горкома партии. С мая 1943 г. — на фронте, член Военного Совета ряда армий. После войны на партийной работе в Украине. В 1951–1953 гг. — зам. министра Государственного безопасности СССР, в 1955–1962 гг. — на дипломатической работе. В 1962–1985 гг. — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1983 г. удостоен Ленинской премии. Награжден 16-ю орденами Советского Союза, а также медалями и иностранными орденами.

⁶³¹ Чураев Виктор Михайлович (1904–1982) — партийный и государственный деятель. Родился в г. Белгород. Трудовой путь начал слесарем на железной дороге. Член КПСС с 1929 г. Окончил Харьковский инженерно-экономический и индустриальный институты. Работал инженером на заводе «Гидропривод». В 1940–1943 гг. его избрали вторым секретарем Харьковского горкома КП(б)У. Уполномоченный Военных Советов Юго-Западного и Воронежского фронтов. В 1943–1948, 1948–1950 гг. — работал первым секретарем Харьковского обкома КП(б)У.

⁶³² Административный район Харькова.

⁶³³ Районный партийный комитет.

⁶³⁴ Город в Харьковской обл. В октябре 1941 — июле 1942 гг. здесь находились областные и городские органы власти.

⁶³⁵ Предположительно, беседа проходила с представителем правоохранительных органов во время проверки точности поданных отчетов и сведений о подпольной работе в городе.

⁶³⁶ Сын Владимира Владимировича Тищенко, организатора подпольной группы в Харькове во время гитлеровской оккупации. Организация действовала с декабря 1941 по апрель 1942 гг. и была выдана предателем. В ней состояло 15 человек. Тищенко-старший был казнен оккупантами, а Тищенко-младший отправлен в концлагерь сначала в Бухенвальд, а потом — в Дахау. После освобождения вернулся в Харьков.

⁶³⁷ Исторический район Харькова.

⁶³⁸ Кураж — предместье Харькова. Здесь в XVII в. был основан монастырь. В 1920–1930-е гг. здесь находилась трудовая колония для беспризорников, основанная А. С. Макаренко. В годы войны здесь размещался концлагерь. Рядом находилось место массового уничтожения мирных граждан. С 1943 г. на этой территории работает исправительно-трудовая колония для несовершеннолетних правонарушителей.

⁶³⁹ Бухенвальд — гитлеровский концлагерь возле г. Веймар (Германия) в 1937–1945 гг. Здесь погибло 56 тыс. заключенных. В 1958 г. в Бухенвальде открыт мемориальный комплекс.

⁶⁴⁰ Дахау — первый гитлеровский концлагерь. Создан в 1933 г. на окраине одноименного города (возле Мюнхена). Здесь погибло 70 тыс. заключенных. В 1960 г. в Дахау открыт памятник погибшим.

⁶⁴¹ Проложен через реку Лопань. С него начиналась ул. Свердлова, что и дало название мосту.

⁶⁴² НКГБ — Народный Комиссариат Государственного безопасности.

⁶⁴³ Дерягина Любовь Ивановна (1926–2002) — актриса, заслуженная артистка Украины (1976). Окончила Харьковский театральный институт искусств (по классу народного артиста СССР А. Г. Крамова), 1955–1988 гг. работала в Харьковском русском драматическом театре им. А. С. Пушкина. Из семьи Прево — поколения актеров театра им. А. С. Пушкина.

⁶⁴⁴ Имеется в виду Дворец культуры «Металлист».

⁶⁴⁵ Коноваленко Петр Поликарпович — полковник МВД в отставке. В годы Великой Отечественной войны в период обороны Харькова зам. начальника Управления НКВД Харьковской обл.

⁶⁴⁶ Административный район Харькова.

⁶⁴⁷ В настоящее время — в нем располагается Дворец культуры Главного Управления МВД Украины в Харьковской обл.

⁶⁴⁸ Здесь неточность, т. к. в партизанские отряды практически был записан партийно-хозяйственный актив (партийные работники, сотрудники правоохранительных органов, советских органов власти, председатели колхозов, секретари сельсоветов, руководители местных предприятий и т. д.), которые выполняли свои основные функции на местах буквально до последних дней обороны населенных пунктов и на нелегальное положение они переходили за 2–5 дней до прихода захватчиков.

⁶⁴⁹ В связи со стабилизацией линии фронта по территории области ряд партизанских отрядов были прикреплены к воинским частям, дислоцировавшимся на территории их районов, ряд отрядов были распущены так как дислоцировались на неоккупированной территории. Часть партизан действительно ушла в советский тыл, но их было не так уж много — многие влились в армейские подразделения.

⁶⁵⁰ Входит в состав Харьковской обл.

⁶⁵¹ Исторический район Харькова.

⁶⁵² Исторический район Харькова. Назван так потому, что находится рядом с тракторным заводом и там живут работники этого предприятия.

⁶⁵³ Районный центр Харьковской обл.

⁶⁵⁴ Изюмский район входит в состав Харьковской обл.

⁶⁵⁵ По документам Салов Александр Маркович (1903–1943) — командир Изюмского (Красношахтерского) партизанского отряда № 2 им. Хрущева в 1941–1943 гг. Родился в с. Пески-Радьковские (в настоящее время — Боровской р-н Харьковской обл.). Происходил из крестьянской семьи. Член ВКП(б) с 1930 г. В 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию. В 1924 г. демобилизовался. В 1924–1932 гг. работал в органах ГПУ при ст. Красный Лиман Северо-Донецкой железной дороги. С 1932 по 1936 гг. — председатель Комаровского сельсовета Изюмского р-на Харьковской обл. В 1936–1938 гг. — председатель колхоза «Третий Интернационал» Сухомянского сельсовета Изюмского р-на Харьковской обл. В 1938–1941 гг. — председатель колхоза «Путь социализма» Красношахтерского сельсовета Изюмского р-на. С октября 1941 по февраль 1942 г. — командир партизанского отряда № 2 Изюмского р-на. В феврале-мае 1942 г., когда район был освобожден в результате Барвенковско-Лозовской операции, назначен заместителем председателя исполкома Изюмского райсовета депутатов трудящихся.

С мая 1942 по 2 февраля 1943 г., когда после поражения советских войск Харьковщина была полностью оккупирована гитлеровцами, снова командир Изюмского партизанского отряда № 2 им. Хрущева. Накануне освобождения с. Красный Шахтер немцы решили расстрелять 300 крестьян. Стремясь не допустить этого, 2.02.1943 г. партизаны начали бой с немецкими и полицейскими отрядами. В этом бою Салов погиб. За время действия отряда с сентября 1941 по февраль 1943 гг. партизаны уничтожили более 200 немецких солдат, 10 автомашин, 2 мотоцикла; пустили под откос военный эшелон противника, нарушали телефонную связь, захватили трофеи.

⁶⁵⁶ Организационно-партийная работа.

⁶⁵⁷ Шелест Петр Ефимович (1908–1996) — украинский партийный и советский деятель. Родился в с. Андреевка (теперь Балаклеевского р-на Харьковской обл.) в крестьянской семье. С 1940 г. — секретарь Харьковского горкома КП(б)У. В годы Великой Отечественной войны зав. отделом оборонной промышленности Челябинского обкома партии, инструктор ЦК ВКП(б), парторг ЦК ВКП(б), парторг ЦК на заводах в Саратове, зам. секретаря Саратовского обкома партии. В 1948–1954 гг. работал на предприятиях Ленинграда и Киева. С 1954 г. снова на партработе, сначала секретарь Киевского горкома, а потом секретарь обкома партии. В 1962 г. избран членом ЦК, а в 1963 г. — первым секретарем ЦК Компартии Украины. В 1972 г. назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР.

⁶⁵⁸ Рыбалов Владимир Алексеевич (1898–?) — партийный деятель. Родился в Харькове в рабочей семье. С 1924 г. член РКП(б). Трудовую деятельность начал учеником в магазине готовой одежды, а в 1914 г. перешел на работу на паровозостроительный завод. С 1918 по 1924 г. служил в Красной Армии, а в 1924–1929 гг. — в органах связи сначала в Житомире, а потом — в Молдавии. По призыву ЦК КП(б)У в 1929 г. вернулся в Харьков и до 1938 г. находился на партийной работе в Харькове и в Одессе, сначала на производстве, а в 1936–1938 гг. — инструктором промышленно-транспортного отдела Харьковского горкома партии. В 1938 г. переведен на главпочтамт Харькова на должность заместителя директора. Через год снова вернулся в аппарат горкома партии: сначала заведующим военным отделом, а с 1941 г. — секретарем горкома по пищевой промышленности. В годы войны работал на обеих должностях. С 1949 г. заведовал административным отделом горкома партии. В 1952 г. переведен начальником, а с 1954 г. — зам. начальника областного управления Гострудсберкасс и Госкредита. В 1957 г. вышел на пенсию.

⁶⁵⁹ Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко основана в 1886 г. По количеству документов, собираемых в ее фонде, занимает одно из ведущих мест в Украине.

⁶⁶⁰ Отряд боролся в тылу врага с сентября 1941 по март 1943 г. в Хинельских, Вегеровских, Брянских лесах. Взаимодействовал с отрядами С.А. Ковпака, А.Н. Сабурова, Д.В. Емлютина. За время нахождения во вражеском тылу отряд провел 4 рейда по тылам противника в Сумской и Орловской обл., в результате которых уничтожено около 9,5 тыс. немецких солдат, офицеров и коллаборационистов. Пущено под откос 15 эшелонов противника. Уничтожено 15 танков и бронемашин, 71 автомашину,

2 трактора; 6 железнодорожных мостов, 1 электростанцию; 3 завода местной промышленности, 3 склада с разным имуществом. За мужество и героизм, проявленные в боях, 49 партизан были награждены орденами и медалями. Командир Н. И. Воронцов, комиссар Я. И. Гуторов, политрук К. Т. Петренко удостоены орденов Красного Знамени, секретарь парторганизации К. А. Складов — ордена Ленина. Командиру группы подрывников В. М. Яремчуку присвоено звание Героя Советского Союза.

⁶⁶¹ Воронцов Николай Иосифович (1900-?) — в годы Великой Отечественной войны командир Ближнецовско-Лозовского партизанского отряда им. Котовского. Родился на Волыни. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, служил в бригаде Г. И. Котовского. Накануне войны — инструктор военного обучения при Лозовском райсовете Осоавиахима Харьковской обл. После войны продолжал работать в Лозовском райсовете Осоавиахима.

⁶⁶² Гуторов Яков Иванович (1901 — ?) — до войны председатель колхоза в Ближнюковском р-не Харьковской обл.

⁶⁶³ Харьковский партизанский отряд № 1 сформирован в июле 1941 г. Дзержинским райкомом партии г. Харькова из числа сотрудников предприятий района. Командиром отряда был назначен П. И. Пашков, комиссаром — М. И. Сиротенко, начальником штаба Т. С. Милуха. 25.07.1941 г. отряд вместе со 2-м Харьковским партизанским отрядом прибыл в Киев. 3.08.1941 г. отряд был направлен на передний край обороны Киевского укрепрайона в г. Мостищево. Далее отряд действовал вместе со 2-м Харьковским партизанским отрядом. В бою возле с. Козинцы он понес большие потери. 28.09.1941 г. партизаны отдельными группами вместе с армейскими частями пробившись через линию фронта к боевым подразделениям Красной Армии. Часть партизан вернулась в оккупированные районы Харьковской обл., где продолжила борьбу.

⁶⁶⁴ Пашков Петр Ильич (1901-?) — командир 1-го партизанского отряда. До войны работал зам. председателя Харьковской областной коллегии адвокатов.

⁶⁶⁵ Милуха Тимофей Семенович (1902–1970-е гг.) — начальник штаба партизанского отряда № 1. До войны работал директором плодокомбината Харьковского горуправления общепита. После разгрома отряда перешел в Краснокутский р-н Харьковской обл. Здесь он объединил ранее созданные в районе подпольные группы в партизанский отряд, с которым воевал до сентября 1943 г. С 1944 г. — на партийной работе во Львове.

⁶⁶⁶ Харьковский партизанский отряд № 2 был сформирован в июле 1941 г. из рабочих Орджоникидзевогo и Краснозаводского р-нов г. Харькова. Командиром второго отряда был назначен К. И. Шатихин, комиссаром — А. И. Брауде, начальником штаба — А. И. Кулешов. 25.07.1941 г. отряд вместе с Харьковским партизанским отрядом № 1 прибыл в Киев. 3.08.1941 г. он был направлен в район санатория «Ворзель», где воевал в районе Мышеловка-Пирогово. После — действовал вместе с 1-ым Харьковским партизанским отрядом. В бою возле с. Козинцы он понес большие потери. Был тяжело ранен командир и погиб комиссар отряда, поэтому командиром отряда был назначен А. И. Кулешов, а комиссаром — С. И. Еременко. Попав в окружение под Киевом, 28.09.1941 г. партизаны отдельными группами вместе с армейскими частями пробившись через линию фронта к боевым частям Красной Армии.

⁶⁶⁷ Административный район г. Харькова.

⁶⁶⁸ Шатихин Константин Иванович (1909-?) — командир партизанского отряда № 2. До войны работал зав. физкультурным отделом Харьковского Дворца пионеров.

⁶⁶⁹ Подпольные райкомы партии и комсомола оставались в каждом районе области. На то время их в Харьковской области насчитывалось 33.

⁶⁷⁰ Фактически в области было создано 27 подпольных райкомов комсомола, в т. ч. в Харькове — 2.

⁶⁷¹ По другим данным в области осталось 66 диверсионных групп.

⁶⁷² Никитина Галина Алексеевна (1917–1942) — член подпольного обкома ВЛКСМ (первого состава). Член ВЛКСМ. После окончания Харьковского планово-экономического института работала ассистентом на кафедре в этом же институте. В начале войны работала инструктором отдела пропаганды и агитации Горкома комсомола, зав.отделом школ Обкома комсомола. По решению Обкома партии вошла в состав Харьковского подпольного обкома комсомола, сформированного в 1941 г. Подпольный псевдоним — «Гая-вышивальщица». На ее квартире была основная явка организации. Вместе с нею жили мать и первый секретарь подпольного обкома комсомола А. Г. Зубарев. В начале января 1942 г. была арестована, а в феврале расстреляна гестаповцами вместе с А. Г. Зубаревым. Награждена орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно).

⁶⁷³ Китаенко Антон Макарович (1897–1942) — в годы гитлеровской оккупации секретарь Железнодорожного подпольного райкома КП(б)У (подпольный псевдоним «Трамвайщик»). Член ВКП(б) с 1930 г. До войны работал мастером на кондитерской фабрики «Октябрь», был секретарем первичной партийной организации. В начале оккупации установил связь с Хар. подпольным Обкомом партии, проводил массово-политическую работу среди населения города, распространял листовки, организовывал саботаж и диверсии на транспорте. Сам Китаенко вошел в состав подпольного Обкома партии. В мае 1942 г. арестован и казнен Гестапо. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно).

⁶⁷⁴ См. прим. 619.

⁶⁷⁵ В состав подпольного Обкома комсомола входил П. А. Глущенко. После ареста товарищей он сумел организовать ОТПОК (оргтрояка подпольного обкома партии) и продолжить борьбу до февраля 1943 г., — первого освобождения Харькова от захватчиков.

⁶⁷⁶ Областная опергруппа по созданию партизанских отрядов начала работу 2 июля 1941 г. Созданием партизанских отрядов и подполья, которые должны были действовать на территории Харьковщины, опергруппа занялась в августе-октябре 1941 г., когда враг уже подошел к границам области.

⁶⁷⁷ Харьковчане принимали участие в строительстве оборонительных сооружений в Полтавской, Днепропетровской, Черниговской и Киевской обл.

⁶⁷⁸ Возможно, речь идет о партизанских отрядах № 1 и 2, сформированных из жителей г. Харькова в июле 1941 г. и отправленных воевать под Киев. После этого партизанские отряды создавались только в области.

⁶⁷⁹ Эвакуация людей и предприятий из Харьковской области проходила в августе-октябре 1941 г. В июле-августе 1941 г. в Харьковскую область прибывали

люди, а также предприятия и сельхозимущество из Киевской, Черниговской и других областей.

⁶⁸⁰ Была эвакуирована основная часть крупных предприятий, имущество многих других заводов вывезти не удалось.

⁶⁸¹ Накануне войны он назывался Кагановичский.

⁶⁸² Накануне войны он назывался Сталинский.

⁶⁸³ По архивным документам первым секретарем Нагорного подпольного райкома партии был назначен Яковлев Сергей Никитович (?-?). Он с 1920 г. работал зав. складом Харьковской конторы Главснаба Наркомата авиационной промышленности. Подпольный псевдоним — «Дутов». Во время оккупации на связь не вышел. После первого освобождения Харькова в феврале 1943 г. ушел на фронт и отыскать его для получения отчета не удалось.

⁶⁸⁴ В Заводском районе было оставлено 8 первичных парторганизаций.

⁶⁸⁵ Ул. Клочковская, 96.

⁶⁸⁶ Член подпольного обкома партии И. Ф. Гаркуша после войны вспоминал, что письмо от И. И. Бакулина получила его жена Елизавета Григорьевна, которая носила Бакулину передачи. Письмо хранилось дома у И. Ф. Гаркуши, и отдал он его уже после освобождения Харькова.

⁶⁸⁷ Возможно, имеется ввиду Ильинская Антонина Трофимовна, которая была связанной в Нагорном подпольном райкоме партии и сдавала отчет в обком партии.

⁶⁸⁸ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству было создано в 1928 г.

⁶⁸⁹ Местная противовоздушная оборона.

⁶⁹⁰ Мобилизационная работа.

⁶⁹¹ Петров Григорий Гаврилович.

⁶⁹² Каверин Владимир Никитович.

⁶⁹³ Борьбу с захватчиками вел по собственной инициативе.

⁶⁹⁴ Имеется в виду Харьковский механико-машиностроительный техникум.

⁶⁹⁵ Город в Луганской области.

⁶⁹⁶ Районный отдел народного образования.

⁶⁹⁷ Городской отдел народного образования.

⁶⁹⁸ Город в Харьковском р-не, расположен недалеко от Харькова.

⁶⁹⁹ Частная торговля местному населению при немцах разрешалась.

⁷⁰⁰ Жилищный кооператив.

⁷⁰¹ Исторический район Харькова.

⁷⁰² Глава района.

⁷⁰³ Областной отдел народного образования.

⁷⁰⁴ Написано неразборчиво. В настоящее время — физико-математический лицей № 27.

⁷⁰⁵ Человек, который следит за арыком (оросительным каналом).

⁷⁰⁶ Бургомистр 5-го района.

⁷⁰⁷ Исторический район г. Харькова.

⁷⁰⁸ Здесь неточность: в районах города были не управы, а бургомистраты.

⁷⁰⁹ Караульный начальник.

⁷¹⁰ Так в тексте.

⁷¹¹ Медработник, входила в состав группы А. И. Мещанинова.

⁷¹² Игнаткин Иван Александрович (1907–1985) — специалист в области истории архитектуры, охраны градостроительного и архитектурного наследия Украины. С 1938 по 1944 г. работал в Хар. институте инженеров коммунального строительства, в 1941–1944 гг. — его ректор. Доктор архитектуры (1974), действительный член Советского комитета Международного Совета по вопросам охраны памятников и достопримечательных мест при ЮНЕСКО (1965).

⁷¹³ Дом военного ведомства.

⁷¹⁴ Сокращенное название автомобиля.

⁷¹⁵ Харьковский институт инженеров коммунального строительства (в настоящее время — Харьковская национальная академия городского хозяйства).

⁷¹⁶ Московский инженерно-строительный институт.

⁷¹⁷ Шейко Григорий Корнеевич — нарком коммунального хозяйства Украины.

⁷¹⁸ Грузовая машина марки ГАЗ-АА, грузоподъемностью 1,5 т.

⁷¹⁹ В здании института до оккупации работал госпиталь для военнопленных.

⁷²⁰ Село в Харьковском районе, недалеко от Харькова.

⁷²¹ Возможно, это Митин Марк Борисович (1901–?) — советский философ, академик АН СССР (1939), лауреат Государственной премии СССР (1943). Член РКП(б) с 1919 г. Член ЦК КПСС в 1939–1961 гг. Депутат Верховного Совета СССР в 1950–1962 гг.

⁷²² В настоящее время — ул. Гуданова.

⁷²³ Эвакуационные листы.

⁷²⁴ Киевская оборонная операция проходила с 11.7 по 26.9.1941 г. Советские войска Юго-Западного фронта (генерал-полковник М. П. Кирпонос) в июле-августе отразили удары немецко-фашистской группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт) на Киев с запада. В сентябре противник прорвал фронт северо-восточнее и юго-восточнее Киева (был оставлен советскими войсками 19.09.1941 г.) и окружил большую часть сил Юго-Западного фронта в районе Лубны Полтавской обл.

⁷²⁵ См. прим. 144.

⁷²⁶ Немцы захватили город 25 августа 1941 г.

⁷²⁷ Находится в Новомосковском р-не Днепропетровской области, недалеко от границ Харьковской обл.

⁷²⁸ Так называли советских летчиков.

⁷²⁹ Так называли немецких летчиков.

⁷³⁰ Районный центр Харьковской обл.

⁷³¹ Специальные легкие летательные аппараты, которые использовались для защиты от налетов немецкой авиации на города.

⁷³² Харьковский инженерно-строительный институт.

⁷³³ На ул. Дарвина.

⁷³⁴ Район в Киеве.

⁷³⁵ В настоящее время входит в состав Киева.

⁷³⁶ Гмыря Борис Романович (1903–1969) — советский певец (бас), народный артист СССР (1951), лауреат Государственной премии СССР (1952). На сцене

с 1936 г., с 1939 г. в Украинском театре оперы и балета. Мастер советского оперного и камерного вокального искусства.

⁷³⁷ Гужова Вера Никитична (1898–1974) — украинская певица, народная артистка (1941). Работала в театрах Харькова, Одессы, Киева.

⁷³⁸ Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. Маршал Советского Союза (1935), дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960). Член РСДРП с 1903. Участник трёх российских революций. Один из организаторов и руководителей Красной Армии, герой Гражданской войны. С 1925 г. — нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР; с 1934 г. — нарком обороны СССР. С 1940 — зам. председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. В Великую Отечественную войну — член ГКО.

⁷³⁹ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) — Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). С 1919 г. член РКП(б). В 1940–1941 гг. (до июля) — нарком обороны СССР. В 1941–1942 гг. — главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями, в 1941–1943 гг. — командующий войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов. В 1941 г. руководил Донбасской оборонительной операцией, которая проводилась в южной части Харьковской области.

⁷⁴⁰ Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), герой Гражданской войны. С 1919 г. член РКП(б). В 1941–1942 гг. — главнокомандующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направлений, командующий Резервным и Северо-Кавказским фронтами.

⁷⁴¹ Штаб корпуса.

⁷⁴² Находятся в Харьковском районе.

⁷⁴³ Стрелковая дивизия.

⁷⁴⁴ Стрелковый полк.

⁷⁴⁵ Хутор, в настоящее время входит в черту города в районе Померки — Большая Даниловка.

⁷⁴⁶ Хутор Запаривка вошел в черту города в районе Большой Даниловки.

⁷⁴⁷ Зеленая зона на окраине Харькова, вдоль ул. Сумской и Белгородского шоссе.

⁷⁴⁸ Исторический район Харькова.

⁷⁴⁹ Основана приказом коллегии Объединенного государственного политического управления от 26 декабря 1931 г. в Померках под названием «Вторая нормальная школа погранохраны и войск ОГПУ». Готовила командиров-кавалеристов, пехотинцев, оружейных техников, автомобилистов, танкистов и летчиков. С апреля 1938 г. школа стала именоваться «Харьковское военное училище пограничных и внутренних войск НКВД им. Ф.Э.Дзержинского». В годы войны была эвакуирована в Казахстан.

⁷⁵⁰ Трудовая коммуна для беспризорников была создана в 1920-е гг. После смерти Ф. Э. Дзержинского (1927 г.) по просьбе воспитанников получила его имя. Возглавлял коммуну А. С. Макаренко.

⁷⁵¹ Немецкий танк.

⁷⁵² Правильно — Шишковка, находится в пос. Померки.

⁷⁵³ Расковинский Цезарь Сильвестрович (1915–1943) — наводчик орудия артиллерийской батареи 286-го гвардейского стрелкового полка 94-й гвардейской стрелковой дивизии 69-й армии 2-го Украинского фронта, гвардии сержант. Во время боев на Курской дуге Расковинский поджёг 12 фашистских танков, 6 бронетранспортёров и уничтожил до сотни гитлеровских солдат. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1943 г. за мужество, проявленное в битве на Курской дуге, гвардии сержанту Ц. С. Расковинскому присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Погиб в бою за п. г.т. Новая Прага Александрийского района Кировоградской области. Награжден орденом Ленина (посмертно), орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

⁷⁵⁴ Находится в пос. Померки.

⁷⁵⁵ Хутор в Померках.

⁷⁵⁶ Мангаров Иван Мефодьевич (1898–1981) — советский военачальник, Герой Советского Союза (1945). В 1943 г. — командующий 53-й армией Степного фронта, которая в августе этого года освобождала г. Харьков.

⁷⁵⁷ Поселок, в настоящее время входит в состав г. Харькова.

⁷⁵⁸ Села Дергачевского р-на Харьковской обл.

⁷⁵⁹ Возможно, село Дергачевского р-на Харьковской обл.

⁷⁶⁰ Село Дергачевского р-на Харьковской обл.

⁷⁶¹ Населенный пункт.

⁷⁶² Исторический район Харькова.

⁷⁶³ Село Харьковского р-на, в настоящее время находится недалеко от Харькова.

⁷⁶⁴ Имеется в виду И. В. Сталин.

⁷⁶⁵ Для освобождения Харькова в ходе Курской битвы с 3 по 23 августа 1943 г. проводилась Белгородско-Харьковская военная операция.

⁷⁶⁶ Исторический район Харькова.

⁷⁶⁷ Железнодорожная станция в Харьковском р-не.

⁷⁶⁸ Село в Харьковском р-не.

⁷⁶⁹ Исторические районы г. Харькова.

⁷⁷⁰ Артиллерийско-минометный огонь.

⁷⁷¹ Находится в пос. Залютино (г. Харьков).

⁷⁷² Село в Харьковском р-не.

⁷⁷³ Село в Харьковском р-не, в настоящее время входит в состав в районе Большой Даниловки.

⁷⁷⁴ Артиллерийский полк.

⁷⁷⁵ Написание письма связано с выходом книги «Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941 — 1945 рр.» У 3 т. / під ред. І. Д. Назаренка (голова) та ін. — К. : Політвидав України, 1967.

⁷⁷⁶ Ответственный сотрудник Хар. обкома партии.

⁷⁷⁷ Свинаренко Петр Григорьевич (1911–1942) — председатель Харьковского облисполкома. Погиб в 1942 г. в Купянске во время немецкой бомбежки.

⁷⁷⁸ Районы Харьковской обл.

⁷⁷⁹ Спивак Марк Сидорович (1902-?) — партийный и хозяйственный деятель Украинской ССР. В годы войны — секретарь ЦК КП(б)У. В 1949–1950 гг. — председатель исполкома Сталинского (в настоящее время — Донецкая обл.) облсовета, в 1950–1952 гг. — первый секретарь Полтавского обкома партии. В 1952–1965 гг. (с перерывом) — министр сельского хозяйства УССР С 1965 г. — на пенсии. Член ЦК Компартии Украины (1952–1966).

⁷⁸⁰ Руководители областного Управление НКВД и МГБ по Харьковской обл.

⁷⁸¹ 38-я армия вела бои на Харьковщине в 1941–1942 гг. В это время ею командовали генерал-майор В.В. Цыганов (сентябрь–декабрь 1941 г.), генерал-майор А.Г. Маслов (декабрь 1941 г. — февраль 1942), генерал-майор Г. И. Шерстюк (февраль–март 1942), генерал-майор К.С. Москаленко (март–июль 1942).

⁷⁸² Украинский штаб партизанского движения был создан в мае 1942 г. как подразделение Центрального штаба партизанского движения. Украинским штабом руководил Т.А. Строкач.

⁷⁸³ Районный центр Харьковской обл., в настоящее время входит в состав Волчанского района.

⁷⁸⁴ Райцентры Харьковской обл.

⁷⁸⁵ Возможно, упоминается битва возле с. Непокрытое — 14 и 15 мая 1942 г. Здесь советским войнам пришлось отражать многочисленные массированные танковые атаки противника.

⁷⁸⁶ Родимцев Александр Ильич (1905–1977) — советский военачальник, генерал-полковник (1961), дважды Герой Советского Союза (1937, 1945). Член ВКП(б) с 1929. В Советской Армии с 1927. Участник войны в Испании 1936 — 1939, похода советских войск в Западную Белоруссию (1939). На фронтах Великой Отечественной войны с первых дней войны. Войска под командованием генерала Родимцева брали участие в боях под Харьковом в 1943 г.

⁷⁸⁷ Районные центры в Харьковской обл. В 1942 г. в ходе сражения под Харьковом (12–29 мая 1942) здесь были окружены 3 советские армии, только в плен попало более 200 тыс. чел. В результате поражения советских войск в этом районе и в Крыму был принят приказ № 227 от 8.07.1942 г., известный как «Ни шагу назад».

⁷⁸⁸ Райкома партии.

⁷⁸⁹ Это произошло в ходе наступательной операции «Уран», проводившейся 19.11.1942–2.02.1943 гг. в рамках Сталинградской битвы.

⁷⁹⁰ Во время полной оккупации области (с июня 1942 по январь 1943 г.) органы власти Харьковской обл. находились в г. Энгельс Саратовской обл.

⁷⁹¹ Гризодубов Степан Васильевич (1884–1965) — родоначальник авиации и воздухоплавания в Харькове. Отец Героя Советского Союза В.С. Гризодубовой. После окончания железнодорожного училища работал на Харьковском паровозостроительном заводе. В начале XX в. увлекся авиаконструированием и начал создавать самолеты и двигатели для них. В 1907 г. построил свой первый самолет Г-1. 1916 г. — зачислен в школу военных летчиков при Императорском Всероссийском аэроклубе. В годы советской власти Гризодубов руководил секцией планерного спорта и маломощной авиации Осоавиахима Украины и Крыма, был одним из организаторов планеризма в стране. В 1941–феврале

1943 г. жил в Харькове. Оккупанты несколько раз предлагали ему сотрудничать с ними, но он отказался. После первого освобождения — эвакуирован. Вернулся домой в 1948 г. В 1954–1960 гг. активно популяризировал авиадело.

⁷⁹² Гризодубова Валентина Степановна (1910–1993) — летчица, Герой Советского Союза (1938), Герой Социалистического Труда (1986). После летной школы работала летчиком-инструктором Осоавиахим. В 1938 г. установила 4 мировых рекорда. 24.09.1938 г. как командир двухмоторного самолета “Родина” АНТ-37 В. С. Гризодубова вместе с летчицей П. Д. Осипенко и штурманом М. М. Расковой за 26 часов 29 минут в сложных метеоусловиях преодолела расстояние в 5947 км, установив международный рекорд дальности полета для женщин. За этот полет В. С. Гризодубова первая среди харьковчан получила звание Героя Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовала 101-м авиаполком Aviации дальнего действия, летчики которого выполняли боевые задания по уничтожению объектов в тылу врага, доставляли грузы партизанам, вывезли с оккупированной территории около 4 000 детей и раненых партизан. После войны В. С. Гризодубова возглавляла научно-исследовательский институт в Москве, принимала активное участие в общественной жизни страны.

⁷⁹³ Бегма Василий Андреевич (1906–1965) — советский партийный и государственный деятель. В 1938 г. работал в аппарате ЦК КП(б)У, затем — секретарь Киевского, первый секретарь Ровенского обкомов партии. В 1941–1942 г. член Военного Совета 12-й армии. В 1942–1944 гг. — секретарь Ровенского подпольного обкома КП(б)У и начальник областного штаба партизанского движения.

⁷⁹⁴ Лейбфрейд Александр Юрьевич (1910–2003) — архитектор, кандидат архитектуры (1945), член Союза архитекторов (1933), почетный член Украинской академии архитектуры (1994), член Всеукраинского союза краеведов (1995). С 1936 по 1986 гг. (с перерывами) работал в Харьковском инженерно-строительном институте. Во время войны был эвакуирован в г. Миасс Челябинской обл. После возвращения из оккупации принимал участие в восстановлении Харькова. Автор книг, посвященных истории архитектуры и топонимике Харькова. В 1991 г. разработал проект мемориала в Дзиробичком яру.

⁷⁹⁵ Харьковский инженерно-строительный институт.

⁷⁹⁶ Плехов Николай Дмитриевич (1902–1969) — архитектор, доктор архитектуры (1966), член-корреспондент Академии строительства и архитектуры УССР (1958). Участник Гражданской войны на стороне большевиков. Закончил инженерно-строительный факультет Харьковского технологического института, работал в ряде организаций Харькова. В 1934 г. перешел на работу в Харьковский инженерно-строительный институт, был деканом архитектурного факультета. В 1944 г. назначен ректором Киевского инженерно-строительного института. В 1954 г. — переведен на работу в Совет Министров УССР.

⁷⁹⁷ Город в Казахстане.

⁷⁹⁸ Касьянов Александр Михайлович (1906–1961) — главный архитектор Харькова (1943–1950). Принимал участие в создании генеральных планов

украинских городов. В 1930–1950 гг. преподавал в Харьковском инженерно-строительном институте.

⁷⁹⁹ Молокин Александр Георгиевич (1880–1951) — архитектор, профессор архитектуры (1921), член-корреспондент Всесоюзной академии архитектуры (1935), почетный член-корреспондент Королевского общества Британских архитекторов (1936). Закончил Институт гражданских инженеров. По его проектам построены здания в нескольких городах Российской империи и СССР. В 1914 г. стал городским архитектором Харькова и параллельно преподавал архитектуру в Харьковском технологическом институте. В 1930 г. возглавил кафедру в Харьковском инженерно-строительном институте, несколько лет был деканом архитектурного факультета. В течение многих лет Молокин был членом Высшего технического строительного комитета УССР, научно-технического Совета наркомхоза, градостроительного совета Харькова.

⁸⁰⁰ Народный комиссариат строительства.

⁸⁰¹ Инженерно-технические работники.

⁸⁰² В настоящее время — Хар. национальный университет радиоэлектроники.

⁸⁰³ В настоящее время — Харьковская национальная академия городского хозяйства.

⁸⁰⁴ Меркулов Серафим Петрович (1903–1966) — офицер Советской Армии, Герой Советского Союза (1943). В 1941–1942 гг. воевал на Харьковщине.

⁸⁰⁵ Хазов Иван Васильевич — офицер, во время описываемых событий — майор, погиб в звании полковника в составе 304-й стрелковой дивизии. Принимал участие в боях на Харьковщине.

⁸⁰⁶ Дорога на Чугуев.

⁸⁰⁷ Наблюдательный пункт.

⁸⁰⁸ Командный пункт.

⁸⁰⁹ Заместитель командира по тылу.

⁸¹⁰ Давыдов-Луцицкий Всеволод Владимирович — полковник, с 11.01.1942 по 08.03.1942 гг. — командир 199-й стрелковой дивизии, которая вела упорные бои на рубеже Северского Донца. Похоронен в Купянске.

⁸¹¹ См. прим. 784.

⁸¹² Тогда, районный центр Харьковской обл.

⁸¹³ Пухов Николай Павлович (1895–1958) — советский военачальник, генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1943). На военной службе с 1916 г. В Красной Армии с 1918 г. Во время войны с июня 1941 г. командовал 304-й стрелковой дивизией Юго-Западного фронта, с января 1942 г. — 13-й армией, входившей в состав Юго-Западного, Брянского, Центрального и 1-го Украинского фронтов. В 1941 г. участвовал в обороне Харькова.

⁸¹⁴ Прокудин Юрий Николаевич (1897–1992) — ботаник, доктор биологических наук, профессор Харьковского государственного университета им. А. М. Горького.

⁸¹⁵ Матвиенко Александра Михайловна (1910–1996) — ботаник-альголог, доктор биологических наук, профессор Харьковского государственного университета им. А. М. Горького.

⁸¹⁶ Село в Мостовском районе Краснодарского края.

⁸¹⁷ Буланкин Иван Николаевич (1901–1960) — биохимик, профессор (1934), член-корреспондент (1939), академик (1951) АН УССР. В 1933–1960 гг. работал в Харьковском университете, с 1945 по 1960 гг. — ректор.

⁸¹⁸ Поляков Илья Михайлович (1905–1976) — биолог, член-корреспондент Академии педагогических наук УССР (1948), заслуженный деятель науки УССР (1965). В 1926 г. закончил Харьковский институт народного образования. В 1933–1941, 1944–1949 гг. заведовал кафедрой в Харьковском университете, в 1941–1944 гг. — профессор Томского университета. В 1947–1956 гг. — старший научный сотрудник Института генетики и селекции АН УССР. С 1956 г. — заместитель, а потом — директор (до 1974 г.) Украинского НИИ растениеводства, селекции и генетики.

⁸¹⁹ Противовоздушная и химическая оборона.

⁸²⁰ См. прим. 689.

⁸²¹ Ботанический сад.

⁸²² В настоящее время Валковский р-н Харьковской обл.

⁸²³ В настоящее время входит в состав Первомайского р-на Харьковской обл.

⁸²⁴ Город в Харьковском р-не, находится недалеко от Харькова.

⁸²⁵ Пассажирский железнодорожный вокзал г. Харькова.

⁸²⁶ Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР.

⁸²⁷ Объединенный Украинский государственный университет.

⁸²⁸ Русько Алексей Никитич (1906–1964) — педагог, химик, президент Педагогического общества УССР, руководитель педагогической секции комиссии ЮНЕСКО по Украинской ССР. В 1930–1938 гг. — работал в Киевском педагогическом институте. С 1938 г. — ректор Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Во время Великой Отечественной войны (февраль 1942) был назначен ректором Объединенного Украинского государственного университета на базе Киевского и Харьковского университетов, эвакуированных в г. Кзыл-Орду (Казахстан). В августе 1943 г. А. Н. Русько прибыл в Харьков для восстановления Харьковского университета. С 1 сентября по ноябрь 1943 г. он исполнял обязанности ректора ХГУ. С ноября 1943 г. по июнь 1944 г. — снова ректор Киевского университета.

⁸²⁹ Барабашов Николай Павлович (1894–1971) — астроном, академик АН УССР (1948), Герой Социалистического Труда (1969), директор обсерватории (1930), профессор (1933), ректор Харьковского университета (1943–1945).

⁸³⁰ Имеется в виду книга харьковских историков Ю. И. Журавского, Б. П. Зайцева, Б. К. Мигалы «Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны (Харьков: Изд-во при Харьковском государственном университете издательского объединения «Выща школа», 1989. — 152 с.).

⁸³¹ Назначить доцентом кафедры низших растений.

⁸³² НИИ зоологии и ботаники.

⁸³³ Страхов Тимофей Данилович (1890–1960) — биолог, специалист в области фитопатологии и иммунитета растений, член-корреспондент АН УССР (с 1948), почетный член ВАСХНИЛ (с 1956), заслуженный деятель науки УССР (1955). Окончил Харьковский университет в 1916 г. В 1921–1941 и 1941–1960 гг.

работал в Харьковском институте народного образования и Хар. университете. Одновременно работал в Украинском НИИ защиты растений и институте генетики и селекции АН УССР. В годы Великой Отечественной войны работал в г. Ката-Курган (Самаркандская обл., Узбекистан).

⁸³⁴ Находились по ул. Совнаркомовской, 3.

⁸³⁵ Находился по ул. Свободной академии (ныне Университетская), 16.

⁸³⁶ Находился по ул. Тринклера, 5.

⁸³⁷ Находится в саду им. Т. Г. Шевченко.

⁸³⁸ В настоящее время в этом здании (по адресу ул. Тринклера, 8) находится Музей природы ХНУ им. В. Н. Каразина.

⁸³⁹ Находится в Змиевском р-не.

⁸⁴⁰ Находится в Донецкой обл.

⁸⁴¹ Город в Днепропетровской обл.

⁸⁴² Красовицкий Борис Маркович (1916–2008) — химик-органик, доктор химич. наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники.

⁸⁴³ Шамрай Инга Дмитриевна (1929 г. р.) — пенсионер, инженер по образованию.

⁸⁴⁴ Исторический район г. Харькова, железнодорожная станция.

⁸⁴⁵ В настоящее время входит в состав Московского проспекта.

⁸⁴⁶ В настоящее время — имени Розы Люксембург.

⁸⁴⁷ Имеется в виду Центральный универмаг (ЦУМ).

⁸⁴⁸ После войны были восстановлены, но в начале 1990-х гг. — ликвидированы (обанкротились).

⁸⁴⁹ В настоящее время — Полтавский шлях.

⁸⁵⁰ В настоящее время — ул. Краснооктябрьская.

⁸⁵¹ Сихарулидзе Васо Григорьевич — старый большевик.

⁸⁵² Основан в 1929 г. под названием «Главкокс». В него входили харьковские институты: Украинский углехимический, Химико-технологический и Инженерно-экономический; Днепропетровские: Углехимический и Химико-технологический, а также Восточный углехимический (г. Свердловск) и Сталинский (Донецкий) индустриальный.

⁸⁵³ Исторический район Харькова, здесь находилась железнодорожная станция.

⁸⁵⁴ За Харьковским мостом начинается Московский проспект.

⁸⁵⁵ Так назывался г. Оренбург в 1938–1957 гг.

⁸⁵⁶ Районный центр Харьковской обл.

⁸⁵⁷ Село недалеко от Харькова.

⁸⁵⁸ «Красный промышленник» — кооперативный дом, расположенный по просп. Правды, 5. Построен в 1931 г. по проекту архитектора С. М. Кравца. Большая часть квартир предназначалась для сотрудников Хар. тракторного завода. Известно, что в доме проживали члены правительства Украины.

⁸⁵⁹ Имеется в виду Центральный парк культуры и отдыха им. А. М. Горького.

⁸⁶⁰ Главный пассажирский железнодорожный вокзал.

⁸⁶¹ Орск — город в Оренбургской обл.

⁸⁶² В конце XIX в. возле медицинского факультета были построены корпуса больниц, поэтому территорию называли клингородок (клинический городок). В настоящее время здесь находится Хар. областная больница. Рядом расположен военный госпиталь, также построенный в конце XIX в.

⁸⁶³ С 2009 г. спуск называется Соборный, в советское время он носил имя Халтурина.

⁸⁶⁴ В настоящее время в этом помещении находится магазин «Покровский».

⁸⁶⁵ Имеются в виду здания. Дом Красной Армии действительно не восстановили (его функции выполняет Дом офицеров, в настоящее время находится по ул. Полтавский шлях, 184), а Дворец пионеров разместился сначала на ул. Сумской, 61, а несколько позже — по ул. Сумской, 37.

⁸⁶⁶ Имеется в виду здание, в котором размещался Хар. обком партии.

⁸⁶⁷ «Новый быт» — жилой квартал, ограниченный улицами Данилевского, Культуры, Ромена Роллана и проспектом Ленина. В него входило 5 домов. Построен в 1926–1930 гг. по проекту архитектор М. Ф. Покорного. Назван по имени кооператива, строившего его.

⁸⁶⁸ «Пятиричка» (с укр. — пятилетка) — расположен на пересечении просп. Ленина и ул. Данилевского. Кооперативный жилой дом работников наркоматов. Построен в 1932 г. по проекту архитектора А. Линецкого. Назван в честь досрочного выполнения первой пятилетки «Пять за три», т. е. «Пятилетка за три года».

⁸⁶⁹ Находится рядом с Харьковским национальным университетом радиоэлектроники.

⁸⁷⁰ Зеленая зона Харькова. Начинается за Центральным парком культуры и отдыха им. А. М. Горького.

⁸⁷¹ Создан в 1930 г. как инженерно-строительный институт, в 1944 г. переименован в горно-индустриальный институт, в 1947 г. — в горный институт, в 1962 г. — преобразован в Харьковский институт горного машиностроения, автоматизации и вычислительной техники. В 1966 г. на базе этого института был создан институт радиоэлектроники (в настоящее время Харьковский национальный университет радиоэлектроники).

⁸⁷² Тиц Алексей Борисович (1885–?) — математик, профессор. Окончил С.-Петербургский университет в 1917 г. В 1920–1929 гг. работал в Харьковском технологическом институте, с 1944 г. — в инженерно-строительном институте.

⁸⁷³ Дореволюционное название Национального технического университета «ХПИ».

⁸⁷⁴ Районный центр Харьковской обл.

⁸⁷⁵ Основан в 1944 г. как Государственный Всесоюзный институт по проектированию и научно-исследовательским работам «Южгипроцемент».

⁸⁷⁶ Имеется в виду Харьковский театр им. А. С. Пушкина.

⁸⁷⁷ Харьковский авиационный институт им. Н. Е. Жуковского.

⁸⁷⁸ Гундер Борис Александрович (1928 — ?) — искусствовед, закончил консерваторию, преподавал теорию музыки.

⁸⁷⁹ Город, расположенный недалеко от Харькова.

⁸⁸⁰ Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин; 1890–1986) — советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1943). В 1930–1941 гг. — председатель СНК СССР. В 1941–1957 гг. — 1-й зам. председателя СНК (СМ) СССР, одновременно в 1941–1945 гг. — зам. председателя ГКО, в 1939–1949 и 1953–1956 гг. — нарком (министр) внутренних дел СССР.

⁸⁸¹ См. прим. 365.

⁸⁸² Имеется в виду Харьковский политехнический институт.

⁸⁸³ Вальяшко Николай Авксентьевич (1871–1955) — доктор фармацевтических и химических наук, профессор фармации и фармакогнозии Харьковского университета (с 1909), заслуженный деятель науки Украины. Инициатор создания и ректор Харьковского фармацевтического института.

⁸⁸⁴ Проскура Георгий Федорович (1876–1958) — ученый в области гидромашиностроения и гидроаэродинамики, доктор технических наук, профессор (1911) Харьковского технологического (политехнического) института, академик АН УССР (1929), заслуженный деятель науки и техники Украины (1944), директор лаборатории проблем быстроходных машин и механизмов АН УССР (1944–1955). Один из организаторов общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (1922).

⁸⁸⁵ Комплекс зданий студенческих общежитий ХПИ. Назван так из-за своих размеров.

⁸⁸⁶ Место массовой казни оккупантами харьковчан и военнопленных.

⁸⁸⁷ Состоялся в Москве в сентябре 1925 г. Цель съезда состояла в определении основных направлений развития научных исследований и пути создания химической промышленности страны. Но, возможно, в тексте неточность, т. к. в октябрь-ноябре 1932 г. состоялся VI Менделеевский съезд, проходивший в Харькове. На съезде были подведены итоги первой пятилетки.

⁸⁸⁸ Пригород Харькова.

⁸⁸⁹ Табаровский Борис Моисеевич (1923–2004) — актер, народный артист УССР. В 1950 г. окончил Харьковский театральный институт (курс народного артиста СССР А. Крамова). С 1946 по 2002 г. был актером Харьковского русского академического драматического театра им. А. С. Пушкина. Участник Великой Отечественной войны. С 2003 г. — на пенсии, написал свои «Негероические воспоминания о войне».

⁸⁹⁰ Петров Сергей Мануилович (1924 г. р.) — профессор кафедры архитектурного проектирования Харьковского технического университета строительства и архитектуры, заслуженный архитектор Украины.

⁸⁹¹ Немецкий солдат (нем.).

⁸⁹² «Кто тут разговаривал на русском языке?» (укр.).

⁸⁹³ Исторический район Харькова.

⁸⁹⁴ Каличенко Павел Семенович — ветеран Великой Отечественной войны, работал учебным мастером кафедры геодезии в Хар. институте инженеров коммунального строительства с 1966 по 1983 гг.

⁸⁹⁵ Дом «Саламандра» находится по адресу ул. Сумская, 17. Построен в 1914–1916 гг. по проекту архитекторов М. Редькина, Д. Бердникова с изменениями,

внесенными архитектором Н.Н. Веревкиным. Дом строился как доходный по заказу страхового общества «Саламандра», поэтому за ним закрепилось такое название.

⁸⁹⁶ Рынок сегодня не существует, а пожарная команда размещается в этом месте с XIX в. по сей день.

⁸⁹⁷ В дореволюционной России чин начальника всех пожарных частей столичного или губернского города.

⁸⁹⁸ Алкнис Леонтина Робертовна (1930 г. р.) — инженер-строитель, пенсионер.

⁸⁹⁹ В настоящее время — площадь Конституции.

⁹⁰⁰ Так харьковчане называют Благовещенский базар (сокращенно).

⁹⁰¹ В настоящее время в этом здании находится Хар. радиотехнический колледж.

⁹⁰² «Колодец» (укр.).

⁹⁰³ В настоящее время входит в состав ул. Шевченко.

⁹⁰⁴ «Спасибо» (нем.).

⁹⁰⁵ Имеется в виду ул. Корсиковская — в настоящее время входит в Московский проспект.

⁹⁰⁶ Одно из мест массового уничтожения гражданского населения гитлеровцами в Харькове.

⁹⁰⁷ Мучной клейстер с отрубями.

⁹⁰⁸ ХЭМЗ — Харьковский электромеханический завод.

⁹⁰⁹ Исторический район Харькова.

⁹¹⁰ В настоящее время — Харьковский государственный академический украинский драматический театр им. Т. Г. Шевченко.

⁹¹¹ «Здравствуйте» (нем.).

⁹¹² «До свидания» (нем.).

⁹¹³ Парк находится возле студенческих общежитий. Правильное его название — «Молодежный».

⁹¹⁴ Кладбище ликвидировали в 1970-х гг.

⁹¹⁵ «Идите дальше — нам уже ничего не надо. Мы всё подчистую отдали» (укр.).

⁹¹⁶ Село в Валковском р-не Харьковской обл.

⁹¹⁷ В 1930-х гг. судебный орган, который выносил приговоры осужденным по политическим статьям.

⁹¹⁸ Несколько ниже, т. к. напротив Дворца бракосочетаний находился дом под № 100.

⁹¹⁹ «Народная начальная школа» (укр.).

⁹²⁰ «Украинский и немецкий языки, арифметику» (укр.). Здесь использована довоенная, т. н. «скрыпниковская» орфография украинского языка.

⁹²¹ Лебединец Антон Дмитриевич (1895–1979) — харьковский композитор, автор Государственного гимна УССР, исполнившегося в 1949–1991 гг.

⁹²² Леонтович Николай Дмитриевич (1877–1921) — украинский композитор, автор обработок украинских народных песен.

⁹²³ «Кузнечик вылетает,.

Высоко ножку поднимает,.

Если, будто бы ножка подбита —.

В зеленом лугу ищи себе другую». (укр.).

⁹²⁴ Правильный перевод: «ты вел нас вперед в трудные годы, ты вел нас вперед на штурм опасности».

⁹²⁵ «Природоведение, география, рисование и каллиграфия» (укр.).

⁹²⁶ «Этой» (укр.).

⁹²⁷ «Поведения» (укр.).

⁹²⁸ «Старательность, прилежание» (укр.).

⁹²⁹ Великой Отечественной войны.

⁹³⁰ Кальман Имре (1882–1953) — венгерский композитор, мастер т. н. новой венской оперетты.

⁹³¹ «Пожалуйста» (нем.).

⁹³² В настоящее время расположен между Московским проспектом и улицами Соича и Никиты Гомоненко.

⁹³³ Благовещенский кафедральный собор.

⁹³⁴ В советское время кинотеатры носили имена Карла Маркса (в доме № 1) и Феликса Дзержинского (в доме № 6). Первый кинотеатр был закрыт еще в советское время (из-за аварийного состояния), второму в годы независимости вернули историческое название «Боммерь» (это один из первых кинотеатров Харькова).

⁹³⁵ В доме по ул. Сумская, 5 находился кинотеатр, известный харьковчанам как «1-й Комсомольский».

⁹³⁶ Исторический район г. Харькова. Название связано с находящимся здесь железнодорожный депо, в котором сортируют составы.

⁹³⁷ Одно из элитных подразделений немецкой армии.

⁹³⁸ «Ты, русская свинья» (нем.).

⁹³⁹ Винтовка Мосина — трехлинейная винтовка, созданная русским стрелковым конструктором С. И. Мосиным (1849–1902) в 1891 г.

⁹⁴⁰ «Бабочки» (укр.).

⁹⁴¹ Возможно, имеется ввиду сообщение о хранении боеприпасов без надлежащей техники безопасности в Черкасской области, о чем стало известно в сентябре 2011 г. после инспекции Международной общественной группы независимых специалистов по вопросам прогнозирования последствий катастроф и чрезвычайных ситуаций.

⁹⁴² Имеется в виду теракт в школе 1 сентября 2004 г., когда боевики утром во время торжественной линейки, посвященной началу учебного года, захватили в заложники школьников.

⁹⁴³ Имеется в виду до Октябрьской революции.

⁹⁴⁴ Фабрично-заводское училище.

⁹⁴⁵ Ремесленное училище (жаргон).

⁹⁴⁶ Остап Вишня (Губенко Павел Михайлович; 1889–1956) — украинский советский писатель, мастер юмористического жанра. В 1921–1933 гг. жил в Харькове.

⁹⁴⁷ Районный отдел народного образования.

⁹⁴⁸ В 1946–1957 гг. вышел ряд постановлений ЦК ВКП(б) и статей, в которых критиковалась творческая деятельность советских писателей. Среди них извест-

ное постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946), статья в газете «Правда»: «Против идеологических извращений в литературе» (1951).

⁹⁴⁹ «В жизни — как на долгой ниве — всё случается! (укр.).

⁹⁵⁰ Здесь находятся областная клиническая психиатрическая больница и институт неврологии, психиатрии и наркологии Академии медицинских наук Украины. Первая больница для душевнобольных здесь появилась еще в 1812 г. До этого времени здесь была дача харьковского губернатора П. Ф. Сабурова (1746–1799). Поэтому харьковчане эту территорию с давних времен называют «Сабурка». «Угодить на Сабурку», значит попасть в сумасшедший дом.

⁹⁵¹ Инженерно-строительный институт.

⁹⁵² Вярвильский Михаил Васильевич (1935 г. р.) — харьковский театровед и журналист.

⁹⁵³ Расположено в Змиевском р-не, недалеко от Харькова.

⁹⁵⁴ Проводилась 24.01–17.02.1944 г. для освобождения Правобережной Украины.

⁹⁵⁵ Овсянникова Людмила Леонтьевна (1926 г. р.) — инженер-строитель, пенсионерка.

⁹⁵⁶ Готов к труду и обороне — нормативы по физкультуре и спорту, которые должны были сдавать советские молодые люди.

⁹⁵⁷ Дворец культуры. ДК «Металлист» принадлежит Харьковскому заводу им. В. А. Малышева.

⁹⁵⁸ Согласно воспоминания одного из секретарей Хар. обкома партии В. А. Рыбалова партийные сотрудники покинули город перед самой сдачей его гитлеровцам.

⁹⁵⁹ См. прим. 289.

⁹⁶⁰ Немцы захватили город несколько позже — 25 октября.

⁹⁶¹ В советское время в этом доме был кинотеатр им. Карла Маркса.

⁹⁶² Возглавлял городскую администрацию.

⁹⁶³ В бараках тракторного завода и завода станкострой было организовано еврейское гетто. 16 декабря 1941 г. по приказу оккупантов евреи Харькова должны были переселиться туда. В гетто людям не давали ни еды, ни питья. А в конце декабря началось физическое уничтожение евреев. 10.01.1942 г. гетто перестало существовать, т. к. все жители гетто были умерщвлены.

⁹⁶⁴ По словам участников тех страшных событий сбежать из гетто было возможно, но не каждый мог это сделать (прежде всего по причине возраста, болезни, иногда люди просто не решались на отчаянный шаг ведь при поимке беглецов расстреливали).

⁹⁶⁵ Харьковский электромеханический завод.

⁹⁶⁶ Имеется в виду Сталинградская битва (19.11.1942–2.02.1943 г.). Очевидно мемуарист ошибается — скорее всего она описывает события 1942 г., а не 1943 г.

⁹⁶⁷ Исторический район Харькова.

⁹⁶⁸ Исторический район Харькова — полное название «Красный луч».

⁹⁶⁹ Медицинский комплекс, построенный еще в конце XIX в. купцом М. Х. Гельферихом. После революции рядом было достроено несколько корпусов и он получил название 2 сов[етская] больница.

⁹⁷⁰ Имеется в виду река Северский Донец.

⁹⁷¹ Общеизвестное название учебно-тренировочного самолета АН-2, который в годы войны был приспособлен для налетов на вражеские объекты.

⁹⁷² Исторический район Харькова.

⁹⁷³ Гринченко Елена Степановна (1929 г. р.) — харьковчанка, инженер, пенсионерка.

⁹⁷⁴ До 1936 г. улица называлась Барачной, т. к. здесь находились бараки лазарета, где лечились раненные, привезенные в Харьков после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Современное название носит с 1958 г.

⁹⁷⁵ Исторический район г. Харькова.

⁹⁷⁶ Основан в 1931 г. в Харькове. В 1944 г. переведён в Киев. Является головным институтом по проблемам гигиены окружающей среды, социальной гигиены и организации здравоохранения.

⁹⁷⁷ Советский художественный фильм о готовности СССР к нападению агрессора. Фильм подготовлен коллективом кинорежиссёров под руководством Е. Л. Дзигана. Снят в 1938 г.

⁹⁷⁸ Музыка: братьев Покрасс, слова: В. Лебедев-Кумач.

⁹⁷⁹ Фильм снят в 1941 году.

⁹⁸⁰ Советская песня о войне, созданная в 1939 году. Авторы музыки братья Покрасс, слова Б. Ласкина. Является неформальным гимном пограничных и танковых войск СССР и России.

⁹⁸¹ Оперетта И. Штрауса, написана в 1881 г.

⁹⁸² Один из первых революционных маршей. Название песни: «Белая армия, черный барон». Написана в 1920 г. Музыка: С. Покрасс, слова: П. Григорьев.

⁹⁸³ Правильно — «Дом слова». Находится по адресу ул. Культуры, 13. Был построен в 1930-х гг. по инициативе ЦК КП(б)У для творческой интеллигенции. До переноса столицы в Киев здесь жили многие выдающиеся украинские писатели.

⁹⁸⁴ Харьковский авиационный институт.

⁹⁸⁵ Харьковский инженерно-строительный институт.

⁹⁸⁶ Немного дальше, на ул. Трансваальской (теперь — Ляпунова) в 1942 г. жил генерал-полковник (позднее фельдмаршал) Ф. Паулюс.

⁹⁸⁷ «Овощи» (укр.).

⁹⁸⁸ Городская администрация.

⁹⁸⁹ Один из карательных органов оккупационной власти. В полицию набирали в основном местное население и военнопленных, согласившихся сотрудничать с немцами.

⁹⁹⁰ Остаточный продукт после выдавливания масла из семечек.

⁹⁹¹ Находилось на ул. Пушкинской. В настоящее время на этом месте разбит Молодежный парк.

⁹⁹² Имеется в воду Сталинградская битва (17.07.1942–2.02.1943 гг.).

⁹⁹³ Харьков первый раз освободили 16 февраля 1942 г.

⁹⁹⁴ От глагола «оставаться» (имеется в виду на оккупированной территории).

⁹⁹⁵ Шептун Инна Михайловна (1932 г. р.) — зав. научной лаборатории НИИПКИ «Молния» в Хар. политехническом институте, пенсионерка.

⁹⁹⁶ Располагалась по ул. Чернышевского, 79. В настоящее время в этом здании находится театральный факультет Харьковского национального университета искусств им. И. П. Котляревского.

⁹⁹⁷ Приблизительно начало марта 1943 г.

⁹⁹⁸ Имеется в виду Центральный парк культуры и отдыха им. А. М. Горького.

⁹⁹⁹ Понировский Валентин Николаевич (1931 г. р.) — кандидат биологических наук Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, участник Великой Отечественной войны.

¹⁰⁰⁰ Советские бомбардировщики дальнего действия.

¹⁰⁰¹ Расположен недалеко от Центрального парка культуры и отдыха им. А. М. Горького по ул. Динамовской.

¹⁰⁰² Школа находится по адресу ул. Культуры, 22, недалеко от Центрального парка культуры и отдыха им. А. М. Горького.

Город и война:
Харьков в годы Великой Отечественной войны

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*

Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел продаж*),

aletheia92@mail.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.

Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88¹/₆. Усл. печ. л. 34,71. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №